

К. Залишевскій.

ЕКАТЕРИНА II

2-ое издание.

К. ВАЛИШЕВСКИЙ.

ВОКРУГЪ ТРОНА

ЕКАТЕРИНА II.

ИМПЕРАТРИЦА ВСЕРОССИЙСКАЯ.
ЕЯ ЛЮБИМЫЕ СОТРУДНИКИ,
ДРУЗЬЯ, ФАВОРИТЫ.
ИНТИМНАЯ ЖИЗНЬ.

ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ
СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

А. Ф. ГРЕТМАНЪ.

МОСКВА, КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО "ФИНКСЪ".

ЕКАТЕРИНА II.
Импер и Самод. Всероссийская

ВОКРУГЪ ТРОНА.

© К. Валишевскій.

П О Л Н О Е
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.

Томъ I.

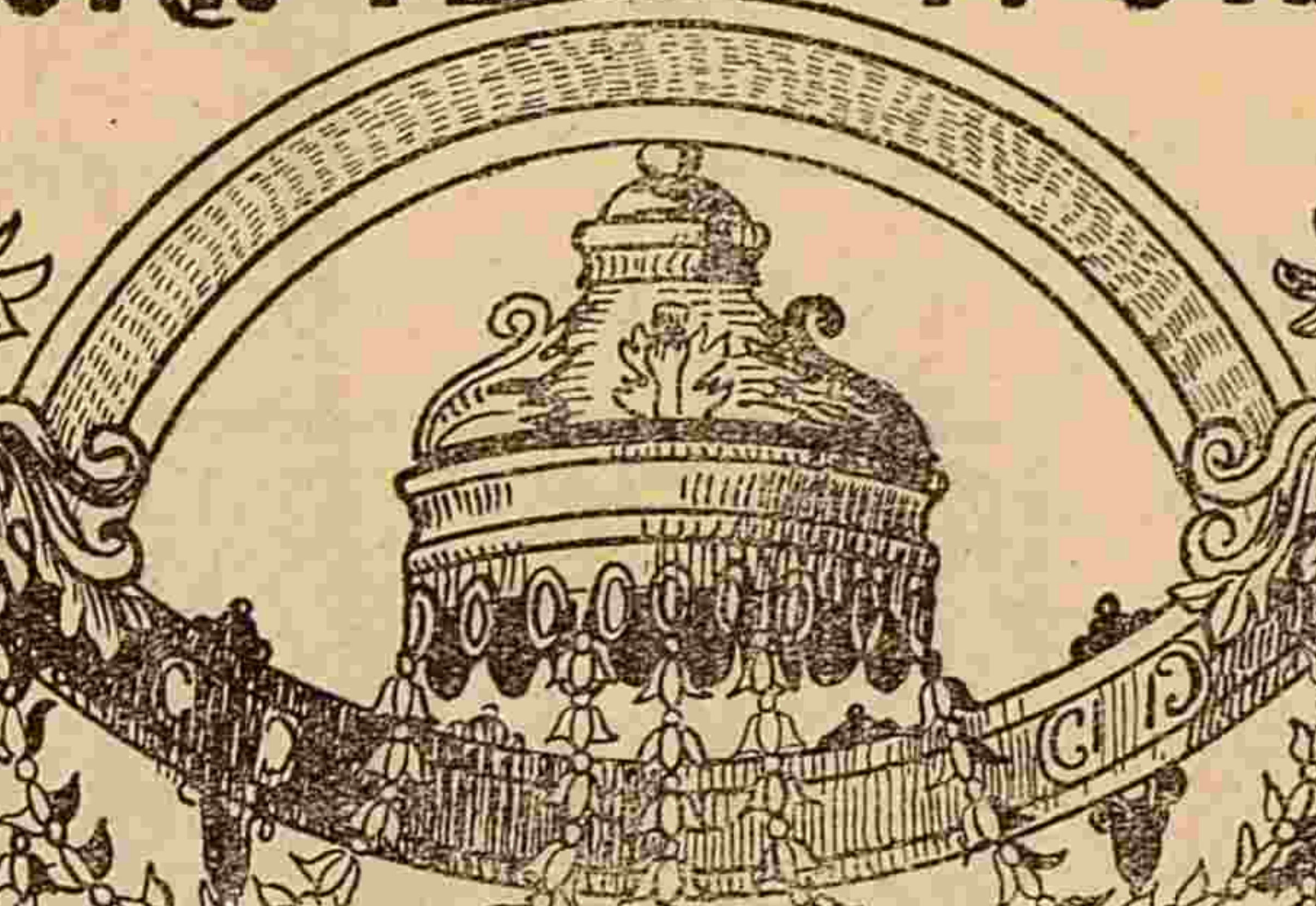
1911.

Книгоиздательство „СФИНКСЪ“.

132
1725-1 2

К. ВАЛИШЕВСКИЙ.

ВОКРУГЪ ТРОНА

ЕКАТЕРИНА II.

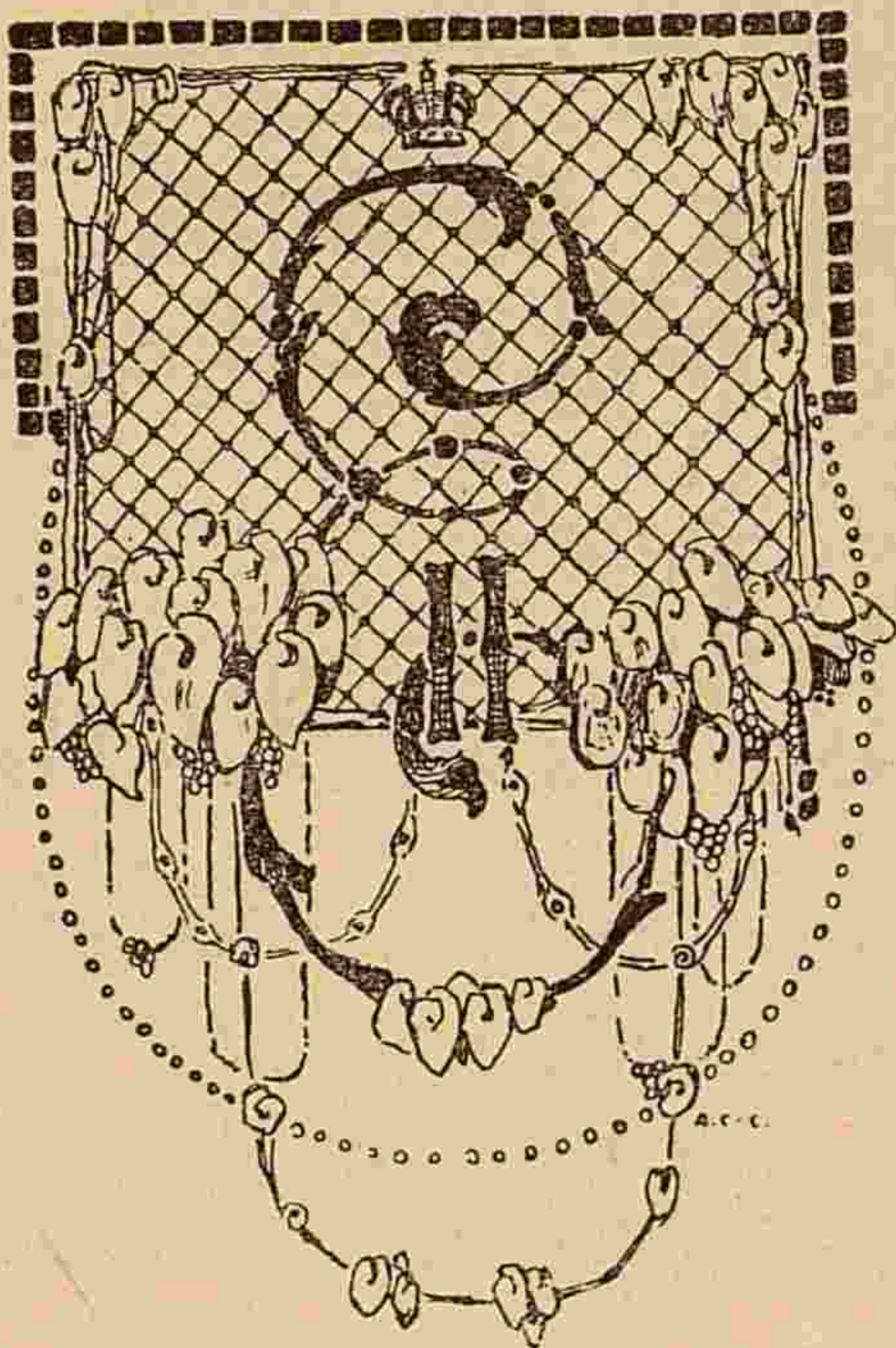
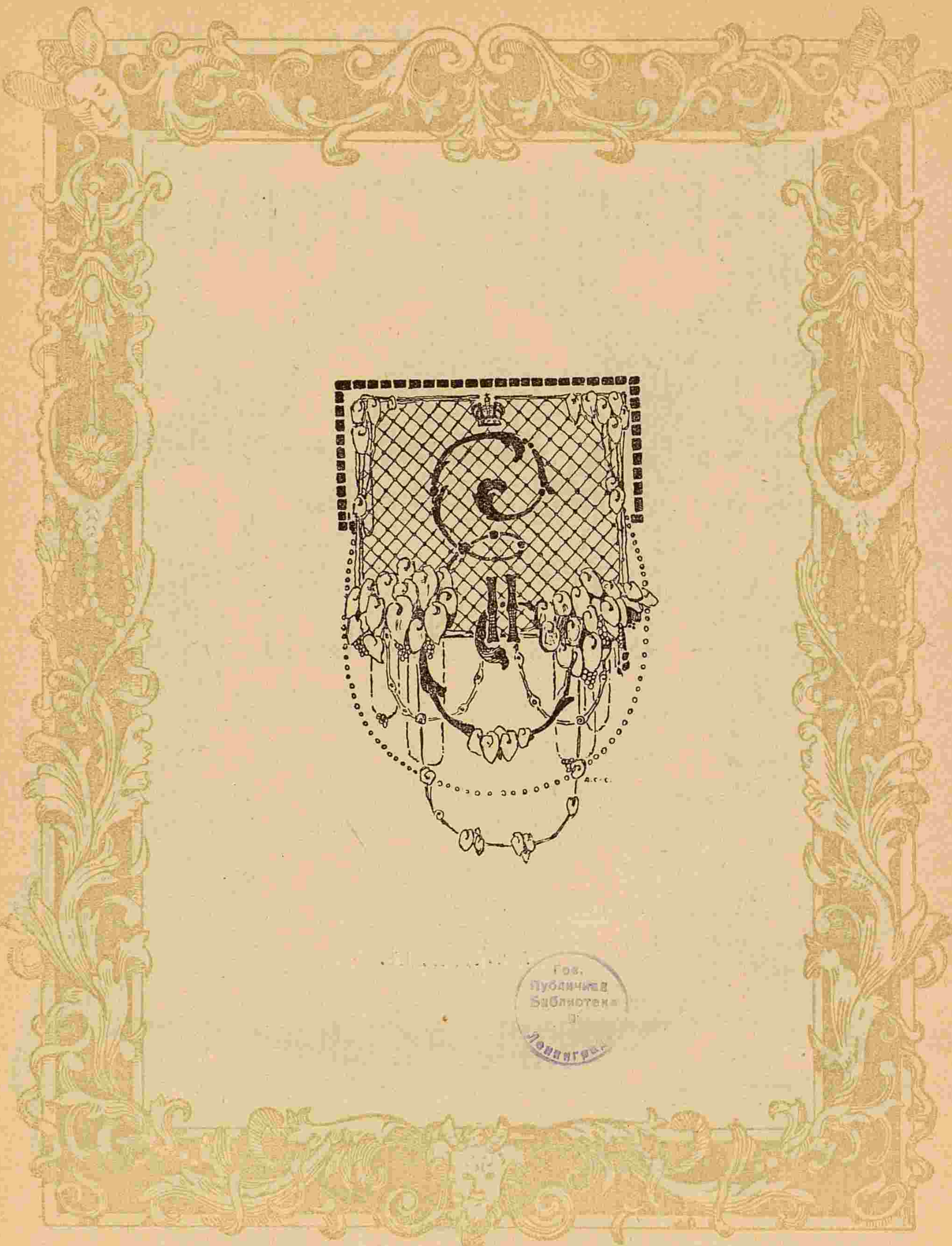
ИМПЕРАТРИЦА ВСЕРОССИЙСКАЯ.

ЕЯ ЛЮБИМЫЕ СОТРУДНИКИ,
ДРУЗЬЯ, ФАВОРИТЫ.
ИНТИМНАЯ ЖИЗНЬ.

ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ
СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.
А. Ф. ГРЕТМАНЪ.

МОСКВА, КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО "ФИНКСЪ".

Гос.
Публичная
Библиотека
Ленинград

Ко 2-му изданію.

Предпринявъ полный переводъ труда Валишевскаго, мы сочли необходимымъ провѣрить всѣ документы, на которые ссылается авторъ и по возможности, привести ихъ подлинный текстъ. Многіе изъ нихъ, написанные первоначально по-русски потеряли при переводѣ на французскій языкъ отличающую ихъ своеобразность, придающую имъ особенное значеніе въ смыслѣ освѣщенія эпохи, къ которой они относятся. Многія письма Екатерины и разговоры съ приближенными ей лицами представляютъ много оригинальнаго и характернаго. Поэтому мы сочли невозможнымъ помѣщать ихъ въ простомъ переводѣ, но тщательно провѣрили по источникамъ, а многое по архивнымъ документамъ. Только двухъ-трехъ документовъ, къ сожалѣнію, не удалось найти въ подлинникѣ, чтобы возстановить ихъ русскій текстъ.

2-ое изданіе книги просмотрѣно и устранены погрѣшности, замѣченныя въ 1-мъ.

А. Гретманъ.

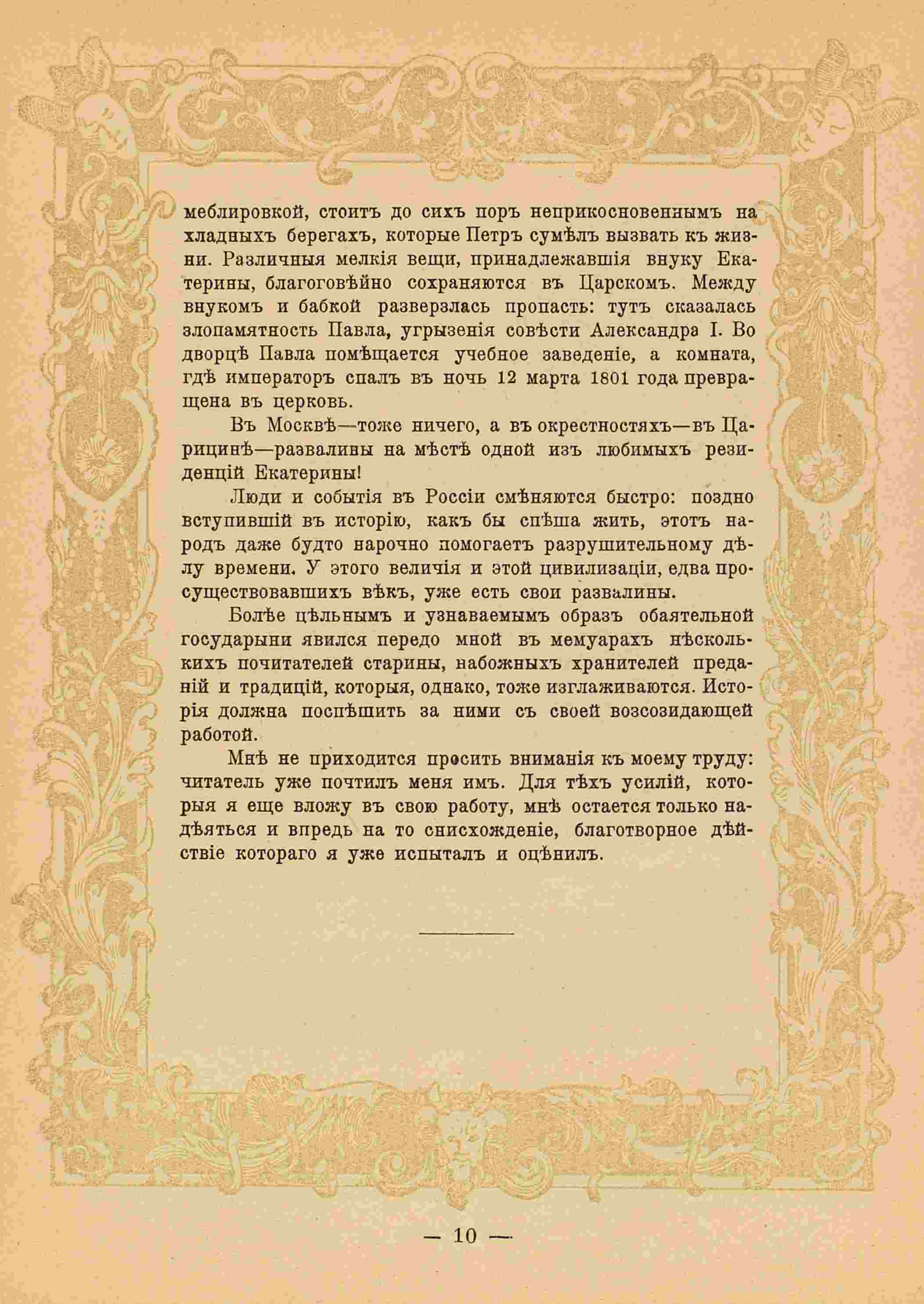
ПРЕДИСЛОВІЕ.

Читатели *Романа Императрицы* знаютъ, что авторъ рассчитывалъ дополнить этотъ трудъ появляющимися въ настоящее время. Онъ не полагаетъ, чтобы нуждался въ оправданіи. Какова бы ни была личность, которую мы пытаемся вызвать изъ прошлаго, историческое значеніе *среды* — всегда важное — еще расширяется для первыхъ ролей человеческой драмы: сильныхъ индивидуальностей, энергическихъ характеровъ. И оно все увеличивается, доходя какъ бы до раздвоенія нравственной личности въ окружающей средѣ, такъ что кажется, наконецъ, будто мы видимъ въ послѣдней какъ бы продолженіе, прямую преемственность этого существа, одареннаго чрезвычайной силой.

Екатерина, по преимуществу, принадлежитъ къ этому исключительному разряду. Изъ всего, составившаго ея величіе, престижъ и обаяніе, она, можно сказать, ничего не получила по наслѣдству. Она сама завоевала или создала все, окружавшее ее: дворцы, въ которыхъ жила, большею частью выстроены ею самою; людей, служившихъ ей, она не только выбирала, но — лучше того — сама наложила на нихъ отпечатокъ, какой ей былъ нуженъ, вдохнула въ нихъ, слѣдовательно, много своего. Среди ея сотрудниковъ, даже тѣхъ, которые внесли въ свою службу ей наибольшее количество личныхъ достоинствъ, инициативы и даже оригинальности, она имѣла полное право назвать своими *воспитанниками*. И геніальный Потемкинъ принадлежалъ

къ числу ихъ. Изъ среды ея поклонниковъ, нѣкоторые дошли въ преклоненіи передъ ея личностью не только до болѣе или менѣе добровольнаго самоотреченія, но до дѣйствительной потери индивидуальности: примѣръ—Гриммъ. И, такимъ образомъ, говоря о немъ и другихъ, мнѣ всегда придется говорить о ней, и о ней главнымъ образомъ. Не потому, чтобы эти лица не были интересны сами по себѣ: въ этой средѣ, которую я намѣреваюсь освѣтить, явится на границахъ Азіи не только Россія, но вся современная Европа—Европа политическая, литературная [и философская въ лицѣ нѣкоторыхъ наиболѣе знаменитыхъ ея представителей; и, показывая Екатерину среди тѣхъ, кто способствовалъ ея величію, я выставлю также соприкосновеніе двухъ міровъ.

Прежде чѣмъ приступить къ своему труду, я пожелалъ посѣтить мѣста, гдѣ протекла эта единственная въ своемъ родѣ жизнь, нѣкоторыя стороны которой я намѣреваюсь воспроизвести. Я надѣялся найти тамъ какіе-нибудь болѣе опредѣленные, болѣе жизненные слѣды, чѣмъ тѣ, которые можетъ дать историку мертвая буква документа. Увы! Я нашелъ только полную пустоту, образовавшуюся—уже такъ скоро!—послѣ всего исчезнувшаго. Въ петербургскихъ дворцахъ, даже въ Эрмитажѣ—нѣтъ ничего, или очень мало: сгорѣвшее въ царствованіи Николая I великолѣпное зданіе Растрелли было перестроено съ самага основанія. Въ Царскомъ почти ничего не осталось: исчезло все роскошное или изящное, такъ восхищавшее Сегюра; разрушена та интимная обстановка, среди которой подъ благосклоннымъ взглядомъ божества, воспѣтаго Вольтеромъ, состязались въ остроуміи находчивый принцъ де Линь, изобрѣтательный Потемкинъ и нѣсколько грубовато-шутливый Нарышкинъ. Новое убранство, новыя вещи изгладили одно, заняли мѣсто другого. Петръ Великій въ этомъ отношеніи оказался счастливѣе: его деревянный домикъ, въ своей великой бѣдности и съ такъ много говорящей исторической

меблировкой, стоит до сихъ поръ неприкосновеннымъ на хладныхъ берегахъ, которые Петръ сумѣлъ вызвать къ жизни. Различныя мелкія вещи, принадлежавшія внуку Екатерины, благоговѣнно сохраняются въ Царскомъ. Между внукомъ и бабкой разверзлась пропасть: тутъ сказалась злопамятность Павла, угрызенія совѣсти Александра I. Во дворцѣ Павла помѣщается учебное заведеніе, а комната, гдѣ императоръ спалъ въ ночь 12 марта 1801 года превращена въ церковь.

Въ Москвѣ—тоже ничего, а въ окрестностяхъ—въ Царицинѣ—развалины на мѣстѣ одной изъ любимыхъ резиденцій Екатерины!

Люди и событія въ Россіи смѣняются быстро: поздно вступившій въ исторію, какъ бы спѣша жить, этотъ народъ даже будто нарочно помогаетъ разрушительному дѣлу времени. У этого величія и этой цивилизаціи, едва просуществовавшихъ вѣкъ, уже есть свои развалины.

Болѣе цѣльнымъ и узнаваемымъ образъ обаятельной государыни явился передо мной въ мемуарахъ нѣсколькихъ почитателей старины, набожныхъ хранителей преданій и традицій, которыя, однако, тоже изглаживаются. Исторія должна поспѣшить за ними съ своей возсозидающей работой.

Мнѣ не приходится просить вниманія къ моему труду: читатель уже почтилъ меня имъ. Для тѣхъ усилій, которыя я еще вложу въ свою работу, мнѣ остается только надеяться и впредь на то снисхожденіе, благотворное дѣйствіе котораго я уже испыталъ и оцѣнилъ.

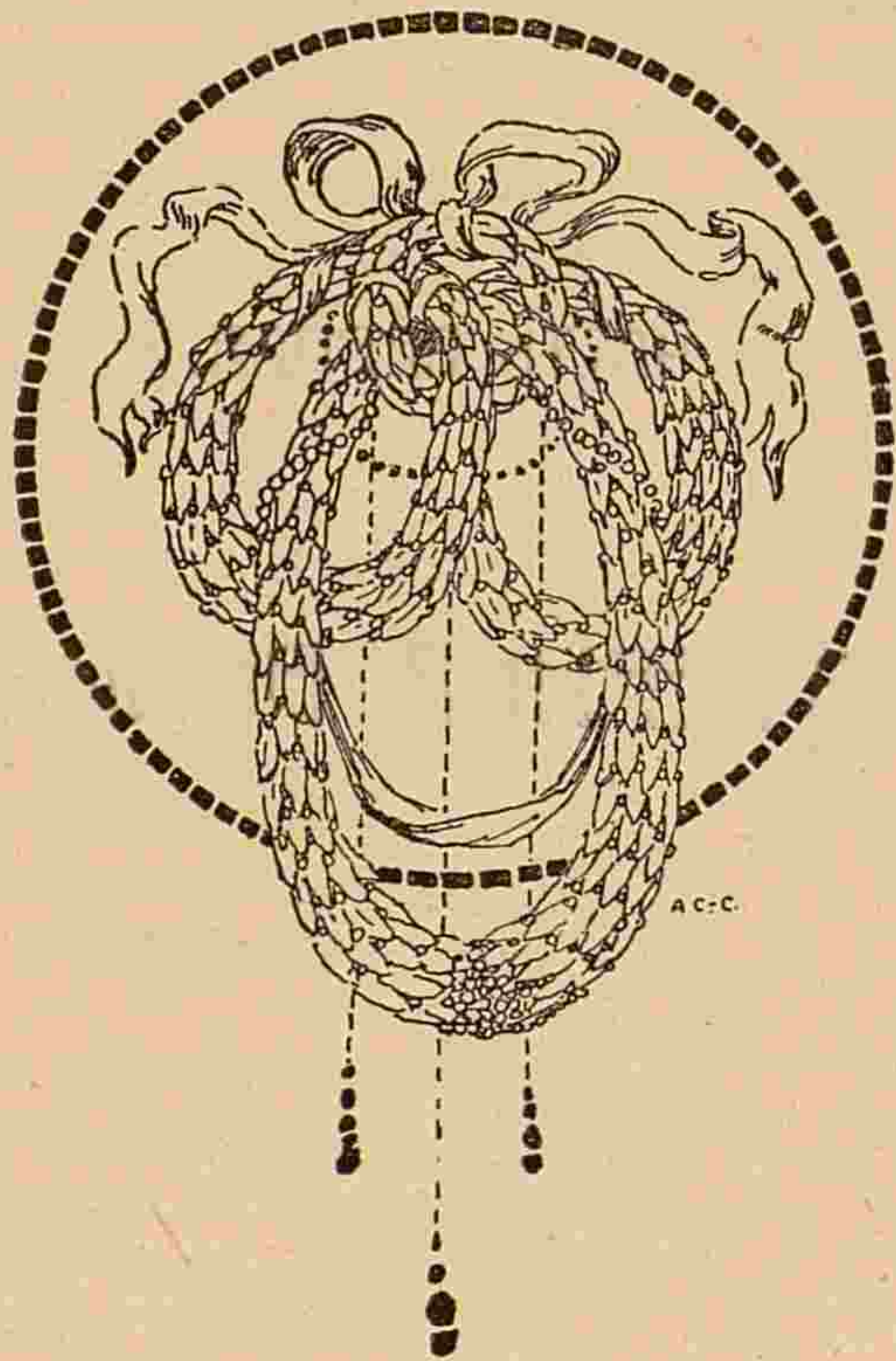

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКІЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКІЙ.

Государственные люди.*)

I. Русскіе, малороссы и иностранцы.—Первыя роли и статисты.—Нѣмцы.—II. Панинъ.—Министръ переходнаго времени.—Борьба съ фаворитами.—Личное вмѣшательство въ политику Екатерины.—III. Князь Вяземскій — Глѣбовъ. — Либерализмъ и ретроградное направленіе.—Чернышovy.—IV. Безбородко.—Завтракъ, имѣвшій важныя послѣдствія.—Императорскій фактотумъ.—Торжество хохла.—Вліяніе плохо натянутыхъ чулокъ на карьеру государственнаго человѣка.—V. Другой малороссъ: графъ Разумовскій.—Уничтоженіе гетманства.—Присоединеніе Малороссіи.—VI. Иностранные сотрудники.—Бестужевъ, Минихъ.—Сочинитель мадригаловъ.—VII. Остерманъ.—Кейзерлингъ.—Штакельбергъ.—Сиверсъ.—Второй раздѣлъ Польши.

I.

Съ 1788 по 1790 г., въ теченіе войны со Швеціей, такъ необдуманно начатой и такъ мужественно веденной, Екатериной Великой, или, какъ ее

*) *Русскій Архивъ*. Различные документы 1876 г. I; *Arnoeth, Maria Theresia und Joseph II*; Бильбасовъ, *Исторія Екатерины*. *Blum, Ein russischer Staatsmann* (Биографія Сиверса); *Correspondence politique*, Французскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; *Политическая переписка* въ сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томы: X, XIX, XXII, XXVI, XXVII, XXIX, XLVI, XLVII. *Корреспонденція* Миниха, изданная Бюшингомъ; Григоровичъ, *Биографія Безбородко*; *Записки* князя Долгорукова, Энгельгарта, Греча, Гарновскаго, Комаровскаго, лорда Мальмсбера, Палеро; Лазаревскій, *Малорусскія изслѣдованія*; Лебедевъ, *Графъ Панинъ*; *Материалы для биографіи Безбородко*, опубликованные въ „Русскомъ Архивѣ“ 1875, II; *Journal de Saint-Petersbourg*; Чтенія 1863 г. Соловьевъ, *Исторія Россіи* XXV; Терещенко, *Биографія министровъ*.

называлъ Вольтеръ, *Catherine le Grand**), пришлось, какъ извѣстно пережить не мало тяжелыхъ часовъ. Было время, что не получалось ровно никакихъ извѣстій, и можно было опасаться, что флотъ Грейга постигла какая-нибудь ужасная катастрофа. Наконецъ, прибылъ курьеръ отъ адмирала. Екатерина велѣла немедленно прочесть себѣ депеши. Нагналъ ли онъ непріятеля? разбилъ ли его? Нѣтъ еще; но встрѣча была неминуема; обѣ эскадры находились другъ отъ друга на разстояніи двѣнадцати морскихъ миль. Екатерина вопросительно взглянула на окружающихъ: морская миля, сколько это? Окружающіе молчали. Тутъ былъ и красавецъ Мамоновъ, знавшій все—какъ часто говорила императрица—ничему не учившись. Онъ молчалъ, наравнѣ съ прочими. Рѣшили послать въ Адмиралтейство; но въ это время находились въ Царскомъ, и пришлось ждать отвѣта до вечера. Прислали сказать, что морская миля равна семи верстамъ. Это было большимъ разочарованіемъ для Екатерины; она сильно разсердилась на своего адмирала: ей бы хотѣлось, чтобъ ея и шведскія суда сошлись; а фантастическій расчетъ Адмиралтейства еще увеличивалъ настоящее разстояніе, указанное Грейгомъ**). Вотъ какъ ей служили, и какія свѣдѣнія доставляли.

„Я воевала безъ адмираловъ и заключила миръ безъ министровъ“,—говорила она послѣ этого тяжелаго времени. Вызванна смѣсью горечи и гордости, эти слова были совершенно справедливы и могутъ относиться даже къ большей части ея царствованія. Однако, напрасно Екатерина обвиняла въ этомъ судьбу: она сама относилась очень равнодушно къ выбору людей, которые должны были помогать ея начинаніямъ; по ея мнѣнію, что одинъ человекъ, что другой—безразлично. Это—характеристическая черта ея исторіи съ той точки зрѣнія, съ которой мы приступаемъ къ ней теперь. Людей дѣйствительно выдающихся было мало среди окружавшихъ ее; ее можно не винить въ этомъ; но и изъ числа ихъ, ни одного нельзя взмѣрить полной величиной, такъ какъ она царствовала и правила, и въ этомъ нельзя не видать прямого слѣдствія взглядовъ и принциповъ, чисто личныхъ, примѣняемыхъ ею къ правленію; а также и особенности ея характера. Между качествами, которыми долженъ бы отличаться предпочитаемый сотрудникъ правительницы, она цѣнила особенно одно: гибкость. Но послѣд-

*) Екатерина Великій.

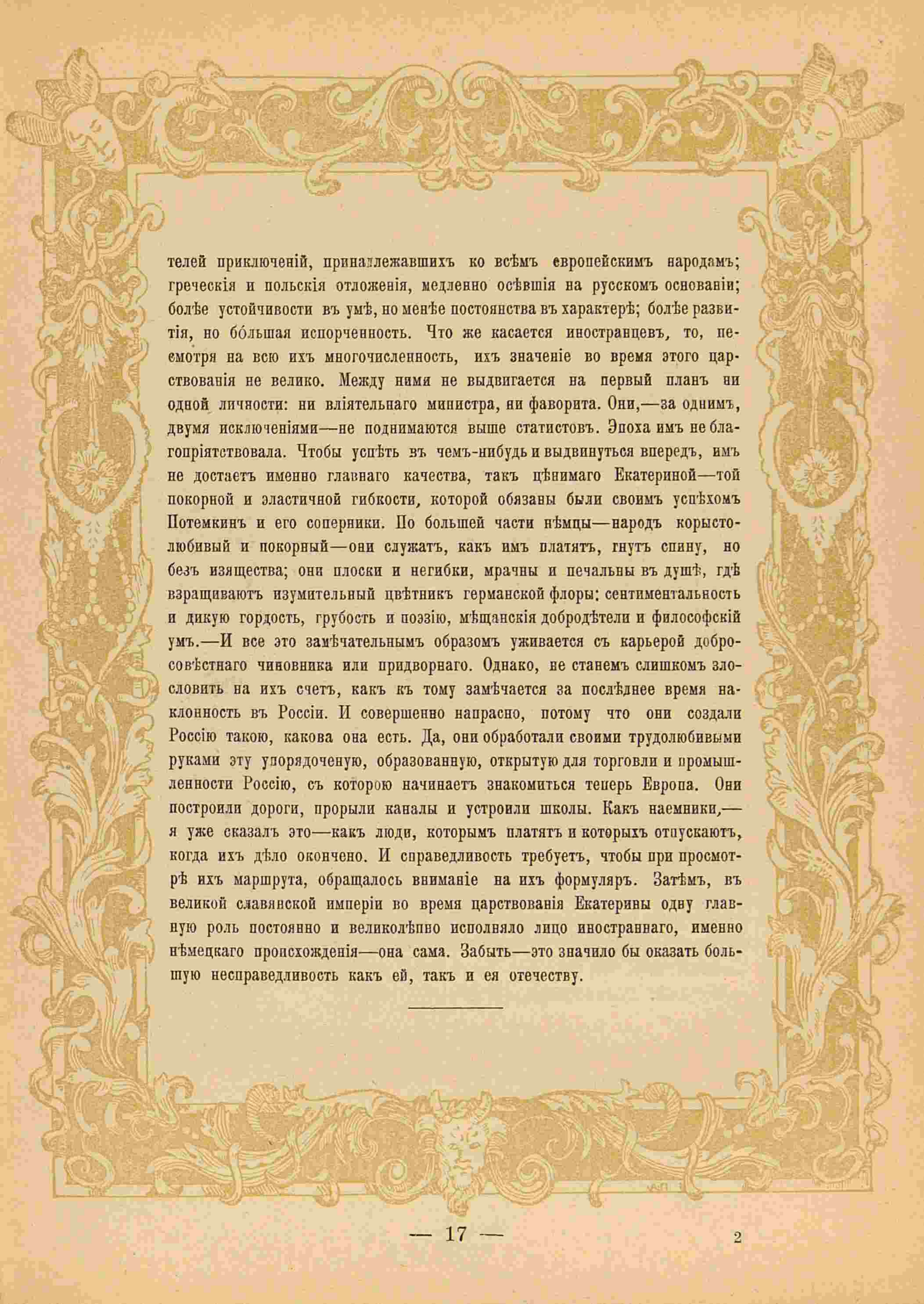
**) 1 морская миля=1 верстѣ 370 саженьямъ.

няя рѣдко уживается съ дѣйствительно выдающимся умомъ. Въ Екатеринѣ въ полной мѣрѣ была развита склонность къ деспотизму, допустимому при ея положеніи *самодержицы*; но также къ капризу и причудамъ—своимъ женщины. Это былъ самый существенный недостатокъ ея умственнаго склада. Но она отличалась вмѣстѣ съ тѣмъ способностью извлекать пользу, какъ изъ своихъ недостатковъ, такъ и достоинствъ, не стремясь ни къ чему болѣе; и это также вело Екатерину къ тому, что она мало цѣнила дѣйствительныя достоинства сотрудниковъ, которыхъ привлекала. Ей скоро представился случай убѣдиться, что знаніе людей, угадываніе ихъ способностей и достоинствъ, не ея ума дѣло. Ея первый выборъ среди высшихъ сановниковъ былъ несчастливъ: онъ палъ на Теплова—попросту плута. При склонности къ крайностямъ, свойственной ея уму, этого было достаточно, чтобъ императрица увѣрилась, что она будетъ находить Тепловыхъ повсюду и что, слѣдовательно, самое лучшее, что она можетъ сдѣлать—это надѣяться въ веденіи своихъ дѣлъ исключительно на себя.

Однако, такъ какъ эти дѣла касались тоже Россіи, то она поняла, что они слишкомъ сложны и обширны, чтобъ ей было возможно выполнить безусловно программу личнаго управленія, возникшую въ ея умѣ тотчасъ послѣ ея восшествія на престоль—самую исключительную, обширную и вмѣстѣ съ тѣмъ удобопонятную, какую можно себѣ представить. Такимъ образомъ у нея появились первые министры такъ же, какъ главнокомандующіе ея арміей. А въ лицѣ Потемкина у нея даже оказался какъ бы вице-императоръ, съ видомъ полу-самодержца и повелителя. Но наружность, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ порядкомъ вещей, мало соответствовала дѣйствительности. Эти министры и генералы, даже самый этотъ *alter ego*, столь внушительный съ виду, были не только орудіями, которыми единственная рука управляла всегда съ извѣстной суровостью и незамѣтно, не давая воли, постоянно грозя сломить ихъ не сегодня-завтра, безъ всякой возможности сопротивленія—это были, по большей части, ея креатуры, въ буквальномъ смыслѣ слова; существа, созданныя цѣликомъ той же искусной рукой и носящія во всѣхъ своихъ дѣлахъ ея отпечатокъ. И, такимъ образомъ, исторія государственныхъ людей и полководцевъ, прославившихъ царствованіе Екатерины, является въ значительной степени ея собственной исторіей.

Но не одинъ только подобный историческій интересъ можетъ возбудить въ насъ желаніе познакомиться съ ними. Я уже нѣсколько разъ пытался доказать, что во многихъ отношеніяхъ настоящая Россія есть только прямое и непосредственное наслѣдіе великаго царствованія. И это особенно справедливо, или, по крайней мѣрѣ, было справедливо до очень недавняго времени, по отношенію къ высшему правительственному персоналу. Имена и личности другія, типы же остались неизмѣнными. Вотъ эти то типы я хочу попытаться освѣтить, и, пробѣгая по этой галлерей портретовъ, мы познакомимся съ міромъ очень недалекимъ отъ насъ.

Государственныхъ и военныхъ людей, которыхъ мы видимъ тамъ, можно, вообще, раздѣлить на три категоріи: чисто русскихъ, малороссовъ и поляковъ, смѣшавшихся безъ разбора, и иностранцевъ. Разница въ происхожденіи сказывалась довольно рѣзко въ разницѣ способностей и характеровъ. Нѣкоторыя общія черты сближаютъ двѣ первыя группы: натуры одновременно примитивныя и чрезвычайно сложныя, въ которыхъ дикость страннымъ образомъ смѣшивается съ крайней утонченностью—слѣдствіе особаго наслоенія расъ и различныхъ вліяній; западная культура, привитая на гнойникѣ азіатчины, которой молодая русская заросль пропиталась въ теченіе вѣкового рабства. Та же нерадивость и лѣнь съ внезапными вспышками бѣшеной, поразительной энергіи; то же восточное презрѣніе ко всякому порядку и всякимъ правиламъ; то же отсутствіе заботы о времени; та же тонкость и проницательность ума въ соединеніи съ обманчивой наивностью; та же склонность къ [всевозможнымъ видамъ удовольствія; тотъ же необузданный темпераментъ; то же богатство воображенія въ изысканіи наслажденій; наконецъ, та же гибкость, помогающая съ постоянной и чрезвычайной легкостью покоряться всѣмъ перемѣнамъ положенія, состоянія и занятій, браться за всякія должности, повинаться безпрекословно всѣмъ капризамъ повелителя, доходить до крайнихъ предѣловъ послушанія, слѣпого, ваивнаго, невозмутимаго и всегда между тѣмъ сохранять способность подняться, однимъ прыжкомъ перескочивъ черезъ всѣ перенесенныя неудачи, выбраться изъ тины, гдѣ завязала нога, и жестоко отмстить за все. Съ одной стороны—со стороны малорусской—болѣе богатая натура и разнообразіе ресурсовъ—слѣдствіе еще большей амальгамы первоначальныхъ элементовъ: наносные пласты казачества, куда приплывали и гдѣ задерживались обломки различныхъ иска-

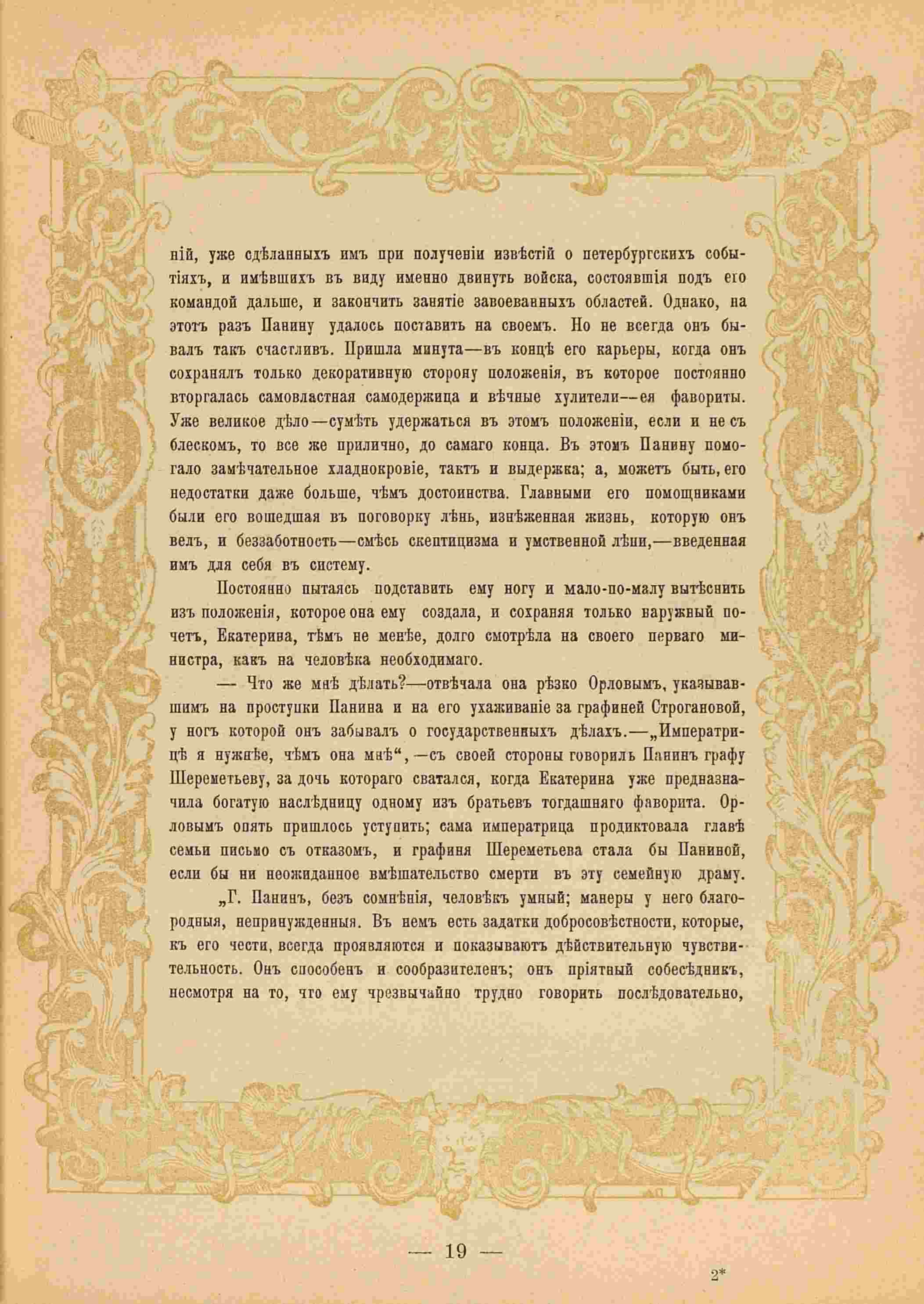

телей приключеній, принадлежавшихъ ко всѣмъ европейскимъ народамъ; греческія и польскія отложенія, медленно осѣвшія на русскомъ основаніи; болѣе устойчивости въ умѣ, но менѣе постоянства въ характерѣ; болѣе развитія, но бѣлая испорченность. Что же касается иностранцевъ, то, несмотря на всю ихъ многочисленность, ихъ значеніе во время этого царствованія не велико. Между ними не выдвигается на первый планъ ни одной личности: ни вліятельнаго министра, ни фаворита. Они,—за однимъ, двумя исключеніями—не поднимаются выше статистовъ. Эпоха имъ не благопріятствовала. Чтобы успѣть въ чемъ-нибудь и выдвинуться впередъ, имъ не достаетъ именно главнаго качества, такъ цѣнимаго Екатериной—той покорной и эластичной гибкости, которой обязаны были своимъ успѣхомъ Потемкинъ и его соперники. По большей части нѣмцы—народъ корыстолюбивый и покорный—они служатъ, какъ имъ платятъ, гнутъ спину, но безъ изящества; они плоски и негибки, мрачны и печальны въ душѣ, гдѣ возвращаютъ изумительный цвѣтникъ германской флоры: сентиментальность и дикую гордость, грубость и пошлость, мѣщанскія добродѣтели и философскій умъ.—И все это замѣчательнымъ образомъ уживается съ карьерой добросовѣстнаго чиновника или придворнаго. Однако, не станемъ слишкомъ злословить на ихъ счетъ, какъ къ тому замѣчается за послѣднее время наклонность въ Россіи. И совершенно напрасно, потому что они создали Россію такую, какова она есть. Да, они обработали своими трудолюбивыми руками эту упорядоченую, образованную, открытую для торговли и промышленности Россію, съ которою начинаетъ знакомиться теперь Европа. Они построили дороги, прорыли каналы и устроили школы. Какъ наемники,—я уже сказалъ это—какъ люди, которымъ платятъ и которыхъ отпускаютъ, когда ихъ дѣло окончено. И справедливость требуетъ, чтобы при просмотрѣ ихъ маршрута, обращалось вниманіе на ихъ формуляръ. Затѣмъ, въ великой славянской имперіи во время царствованія Екатерины одну главную роль постоянно и великолѣпно исполняло лицо иностраннаго, именно нѣмецкаго происхожденія—она сама. Забыть—это значило бы оказать большую несправедливость какъ ей, такъ и ея отечеству.

II.

Великимъ государственнымъ человѣкомъ первой половины царствованія—насколько таковой могъ существовать—былъ Панинъ—чисто-русскій по происхожденію, несмотря на нѣкоторыя старанія доказать его генеологическое происхожденіе отъ итальянскихъ родичей. Во Флоренціи, въ удобную минуту, проявилась семья Паньини—такъ же, какъ раньше во Франціи семья Бироновъ,—которая заявила кстати объ общемъ происхожденіи. Первые шаги Никиты Панина на политическомъ поприщѣ, его участіе въ придворныхъ интригахъ, волновавшихъ царствованіе Елизаветы, уже извѣстны читателю *). Изъ министровъ Екатерины онъ былъ почти единственнымъ, имѣвшимъ прошлое и принесшимъ, такимъ образомъ, въ управленіе дѣлами уже готовые взгляды или, по крайней мѣрѣ, умственные привычки, въ которыхъ императрица могла видѣть не просто отраженіе собственныхъ взглядовъ. И его министерство, поэтому, является переходной эпохой, подготовившей путь къ постепенному сосредоточенію власти въ одномъ лицѣ, которое императрица желала и сумѣла провести и для котораго требовались другіе сотрудники. Это было дѣло, приводившееся въ исполненіе искусно, терпѣливо, безостановочно, начиная съ самаго перваго часа. Даже во время государственнаго переворота 11 іюля 1762 г. къ фельдмаршалу Салтыкову былъ отправленъ курьеръ съ подписаннымъ императрицей приказаніемъ отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ немедленно очистить прусскую территорію въ виду мира, который Петръ III рѣшилъ заключить, чему и Екатерина, поддерживаемая Панинымъ, тоже сочувствовала. Но тотъ же курьеръ везъ собственноручную записку Екатерины, помѣченную тѣмъ же днемъ, гдѣ императрица совѣтовала фельдмаршалу держаться распоряже-

*) См. „Романъ императрицы“.

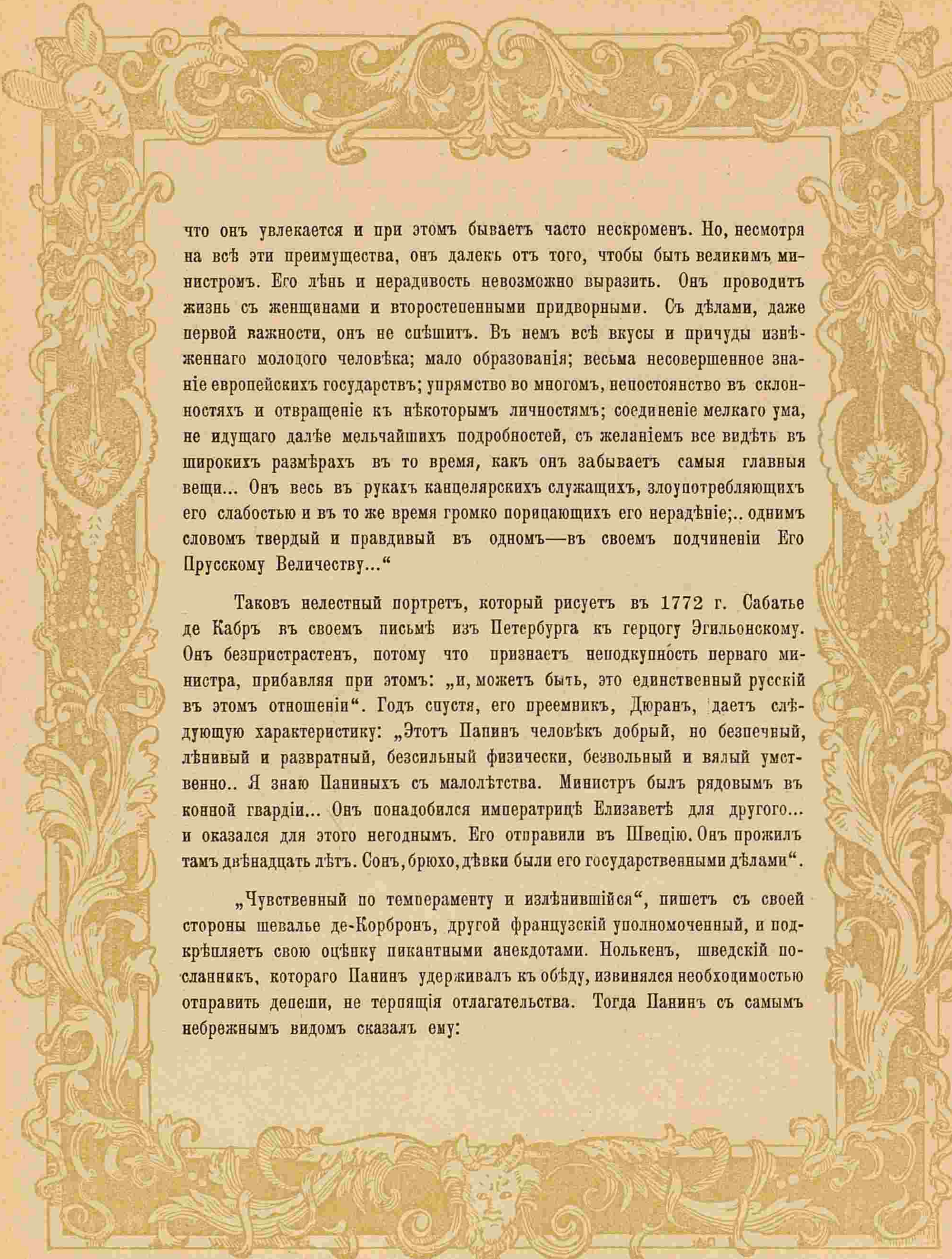
ній, уже сдѣланныхъ имъ при полученіи извѣстій о петербургскихъ событіяхъ, и имѣвшихъ въ виду именно двинуть войска, состоявшія подъ его командой дальше, и закончить занятіе завоеванныхъ областей. Однако, на этотъ разъ Панину удалось поставить на своемъ. Но не всегда онъ бывалъ такъ счастливъ. Пришла минута—въ концѣ его карьеры, когда онъ сохранялъ только декоративную сторону положенія, въ которое постоянно вторгалась самовластная самодержица и вѣчные хулители—ея фавориты. Уже великое дѣло—сумѣть удержаться въ этомъ положеніи, если и не съ блескомъ, то все же прилично, до самаго конца. Въ этомъ Панину помогало замѣчательное хладнокровіе, тактъ и выдержка; а, можетъ быть, его недостатки даже больше, чѣмъ достоинства. Главными его помощниками были его вошедшая въ поговорку лѣнь, изнѣженная жизнь, которую онъ велъ, и беззаботность—смѣсь скептицизма и умственной лѣни,—введенная имъ для себя въ систему.

Постоянно пытаюсь подставить ему ногу и мало-по-малу вытѣснить изъ положенія, которое она ему создала, и сохраняя только наружный почетъ, Екатерина, тѣмъ не менѣе, долго смотрѣла на своего перваго министра, какъ на человѣка необходимаго.

— Что же мнѣ дѣлать?—отвѣчала она рѣзко Орловымъ, указывавшимъ на проступки Панина и на его ухаживаніе за графиней Строгановой, у ногъ которой онъ забывалъ о государственныхъ дѣлахъ.—„Императрица я нужнѣе, чѣмъ она мнѣ“,—съ своей стороны говорилъ Панинъ графу Шереметьеву, за дочь котораго сватался, когда Екатерина уже предназначила богатую наслѣдницу одному изъ братьевъ тогдашняго фаворита. Орловымъ опять пришлось уступить; сама императрица продиктовала главѣ семьи письмо съ отказомъ, и графиня Шереметьева стала бы Паниной, если бы ни неожиданное вмѣшательство смерти въ эту семейную драму.

„Г. Панинъ, безъ сомнѣнія, человѣкъ умный; манеры у него благородныя, непринужденныя. Въ немъ есть задатки добросовѣстности, которые, къ его чести, всегда проявляются и показываютъ дѣйствительную чувствительность. Онъ способенъ и сообразителенъ; онъ пріятный собесѣдникъ, несмотря на то, что ему чрезвычайно трудно говорить послѣдовательно,

что онъ увлекается и при этомъ бываетъ часто нескроменъ. Но, несмотря на всѣ эти преимущества, онъ далекъ отъ того, чтобы быть великимъ министромъ. Его лѣнь и нерадивость невозможно выразить. Онъ проводитъ жизнь съ женщинами и второстепенными придворными. Съ дѣлами, даже первой важности, онъ не спѣшитъ. Въ немъ всѣ вкусы и причуды извѣженнаго молодого человѣка; мало образованія; весьма несовершенное знаніе европейскихъ государствъ; упрямство во многомъ, непостоянство въ склонностяхъ и отвращеніе къ нѣкоторымъ личностямъ; соединеніе мелкаго ума, не идущаго далѣе мельчайшихъ подробностей, съ желаніемъ все видѣть въ широкихъ размѣрахъ въ то время, какъ онъ забываетъ самыя главныя вещи... Онъ весь въ рукахъ канцелярскихъ служащихъ, злоупотребляющихъ его слабостью и въ то же время громко порицающихъ его нерадѣніе;.. однимъ словомъ твердый и правдивый въ одномъ—въ своемъ подчиненіи Его Прусскому Величеству..."

Таковъ нелестный портретъ, который рисуетъ въ 1772 г. Сабатье де Кабръ въ своемъ письмѣ изъ Петербурга къ герцогу Эгильонскому. Онъ безпристрастенъ, потому что признаетъ неподкупность перваго министра, прибавляя при этомъ: „и, можетъ быть, это единственный русскій въ этомъ отношеніи“. Годъ спустя, его преемникъ, Дюранъ, даетъ слѣдующую характеристику: „Этотъ Панинъ человѣкъ добрый, но безпечный, лѣнивый и развратный, безсильный физически, безвольный и вялый умственно.. Я знаю Паниныхъ съ малолѣтства. Министръ былъ рядовымъ въ конной гвардіи... Онъ понадобился императрицѣ Елизаветѣ для другого... и оказался для этого негоднымъ. Его отправили въ Швецію. Онъ прожилъ тамъ двѣнадцать лѣтъ. Сонъ, брюхо, дѣвки были его государственными дѣлами“.

„Чувственный по темпераменту и излѣнившійся“, пишетъ съ своей стороны шевалье де-Корбронъ, другой французскій уполномоченный, и подкрѣпляетъ свою оцѣнку пикантными анекдотами. Нолькенъ, шведскій посланникъ, котораго Панинъ удерживалъ къ обѣду, извинялся необходимостью отправить депеши, не терпящія отлагательства. Тогда Панинъ съ самымъ небрежнымъ видомъ сказалъ ему:

— Видно, баронъ, что вы не привыкли къ большимъ дѣламъ, если отправка какой-нибудь депеши мѣшаетъ вамъ пообѣдать.

Для провѣрки этихъ согласныхъ свидѣтельствъ мы имѣемъ распорядокъ дня министра, записанный въ 1781 г. маркизомъ де Веракъ. По его словамъ, министръ имѣлъ обыкновеніе ложиться около пяти-шести часовъ утра „изъ-за безпокойства, которое ему причиняли ноги“. Онъ вставалъ въ два часа и принимался за туалетъ, продолжавшійся очень долго, благодаря его недугамъ. Въ четыре часа онъ принималъ лицъ, обыкновенно его ожидавшихъ; но тутъ уже подавали обѣдъ; послѣ него прогулка въ экипажѣ и часовой отдыхъ. Въ половинѣ восьмого министръ принималъ своихъ обычныхъ гостей и день—конченъ. „Промежутокъ отъ половины седьмого до половины восьмого былъ единственнымъ временемъ, когда съ нимъ можно было говорить о дѣлахъ; но состояніе его здоровья постоянно доставляло ему благовидный предлогъ, чтобы не давать положительнаго отвѣта“.

Приблизительно то-же самое говоритъ Лаво въ своихъ мемуарахъ, впрочемъ, вообще мало достойныхъ довѣрія:

„Онъ очень любилъ ѣду, женщинъ и игру; отъ постоянной ѣды и сна, его тѣло представляло одну массу жира. Онъ вставалъ въ полдень; его приближенные рассказывали ему смѣшныя вещи до часу; тогда онъ пилъ шоколадъ и принимался за туалетъ, продолжавшійся до трехъ часовъ. Около половины четвертаго подавался обѣдъ, затягивавшійся до пяти часовъ. Въ шесть министръ ложился отдохнуть и спалъ до восьми. Его лакеямъ стоило большого труда разбудить его, поднять и заставить держаться на ногахъ. По окончаніи второго туалета начиналась игра, оканчивавшаяся около одиннадцати. За игрой слѣдовалъ ужинъ, а послѣ ужина опять начиналась игра. Около трехъ часовъ ночи министръ уходилъ къ себѣ и работалъ съ Бакунинымъ, главнымъ чиновникомъ его департамента. Спать онъ ложился обыкновенно въ пять часовъ утра“.

А, между тѣмъ, во время пребыванія де Верака въ Петербургѣ, Панинъ былъ лицомъ, офиціально завѣдывавшимъ внѣшними сношеніями большого государства, и Іосифъ II, посѣтившій около этого времени сѣверную

столицу, думая о Кауницѣ, не могъ не удивляться. Онъ писалъ матери: „У этого человѣка все только одни слова, а дѣла мало... Цѣлый потокъ запутанныхъ мыслей и выраженій, въ которыхъ не разберешься“.

Правда, французовъ и австрійцевъ можно заподозрить въ нѣкоторомъ недоброжелательствѣ къ рѣшительному стороннику прусскаго союза. Но свидѣтельство, уже не подлежащее съ этой точки зрѣнія никакому подозрѣнiю—это свидѣтельство англичанъ. Панинъ стоитъ за нихъ такъ же, какъ за Пруссiю. Однако, и они говорятъ въ томъ же духѣ. Кэскартъ жалуется въ 1771 году на трудность увидаться и поговорить съ первымъ министромъ: утромъ онъ невидимъ, а послѣ обѣда на прогулкѣ. Сама императрица видится съ нимъ только разъ въ недѣлю. Истинная причина, заставляющая государыню держать на посту такого бездѣятельнаго министра—его нерадивость. Императрица не считаетъ его достаточно дѣятельнымъ, чтобы попытаться произвести переворотъ въ пользу Павла. А Гаррисъ въ 1778 г. пишетъ въ депешѣ, адресованной главѣ Foreign-Office*): „Вы не повѣрите мнѣ, если я скажу вамъ, что въ сутки Панинъ посвящаетъ не больше получаса дѣламъ, ввѣреннымъ ему“.

Не желаете ли услышать голосъ самой Екатерины въ этомъ концертѣ? Онъ тоже весьма выразителенъ. Мы уже упоминали въ одномъ мѣстѣ, какъ однажды она занялась нѣсколько мрачной игрой, состоявшей въ предсказанiи, отъ чего можетъ умереть то или другое изъ приближенныхъ къ ней лицъ. Противъ фамилiи Панина она написала:

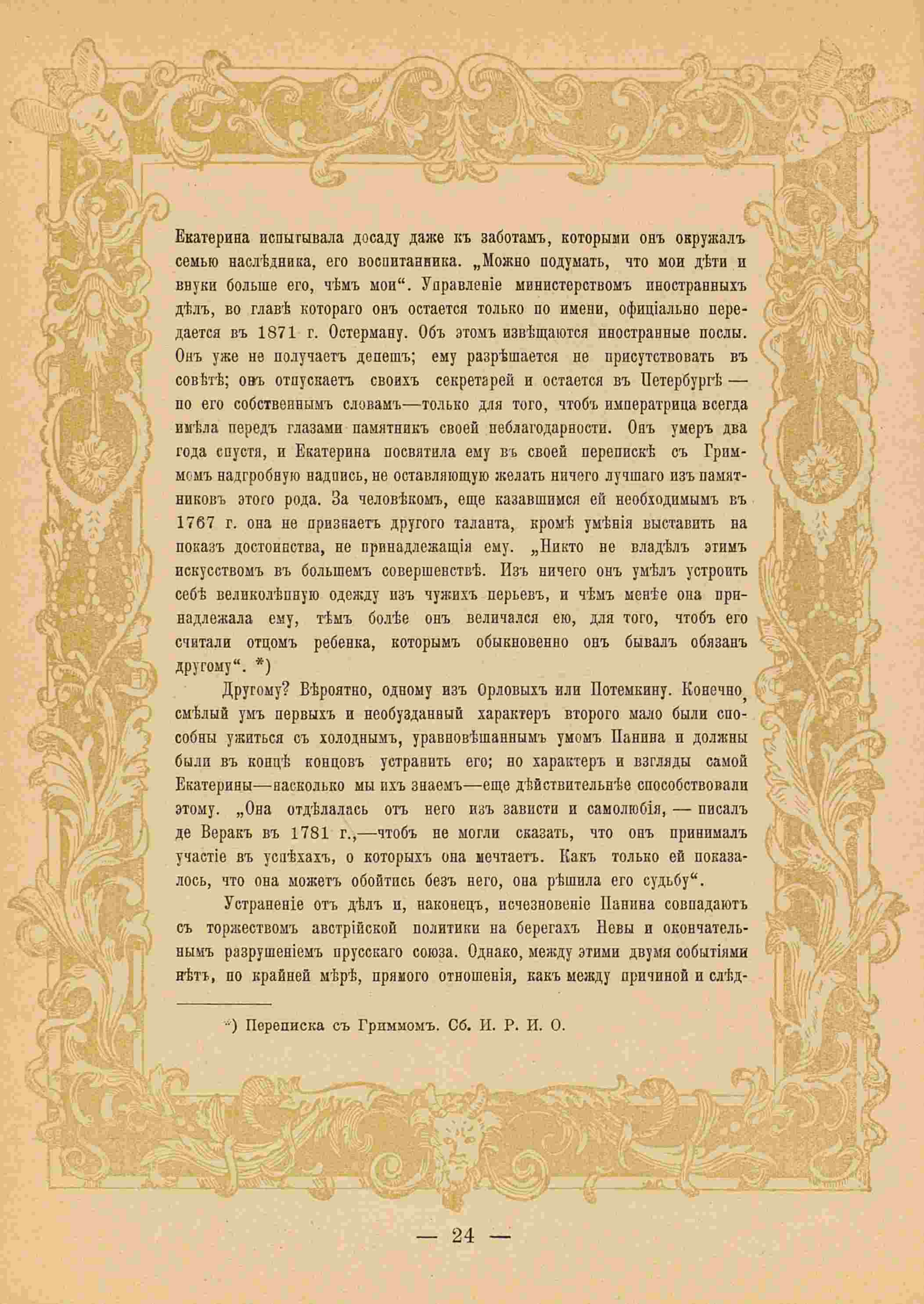
„Если ему случится поторопиться“.

И между тѣмъ въ довольно длинномъ списокѣ министровъ, служившихъ императрицѣ, онъ въ концѣ концовъ, кажется, способенъ болѣе остальныхъ выдержать судъ потомства. Гаррисъ, одно время имѣвшiй причины жаловаться на него и даже заподозрившiй Панина однажды въ желанiи отравить его салатомъ, не можетъ не похвалить честность и прямоту министра во всѣхъ переговорахъ, гдѣ онъ участвуетъ одинъ. Онъ тоже считаетъ его неподкупнымъ.—„Потому что Фридрихъ лучше платилъ

*) Министерство иностранныхъ дѣлъ.

ему“—замѣчаетъ отъ себя издатель записокъ Гарриса. То же думали о Панинѣ и въ Версалѣ. Но во всякомъ случаѣ этотъ пунктъ остается сомнительнымъ. Этотъ странный человѣкъ, при своихъ несомнѣнныхъ слабостяхъ и слишкомъ очевидныхъ низменныхъ наклонностяхъ, не разъ проявлялъ какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни дѣйствительно возвышенные взгляды и чувства. Это видно отчасти и изъ корреспонденціи Фридриха съ его петербургскимъ посланникомъ барономъ Сольмсомъ. Въ 1764 г. Фридрихъ настаиваетъ на необходимости воспрепятствовать полякамъ отказаться отъ ихъ *liberum veto*. Панинъ же возстаетъ противъ этого: зачѣмъ мѣшать этой націи „выйти изъ того подобія варварства, въ которомъ ее держитъ это злоупотребленіе свободой?“ Польша сильная и крѣпко привязанная къ Россіи—вотъ его идеаль... Въ 1774 г., когда Фридрихъ добился своего, Панинъ получилъ свою долю наслѣдства послѣ несчастной раздѣленной республики: десятки тысячъ польскихъ душъ, подаренныхъ ему императрицей. Онъ отдалъ ихъ своимъ чиновникамъ, не желая извлекать выгоды изъ сдѣлки, которую не одобрялъ. Когда разразилась ужасная пугачевщина, Панину, уже давно устраненному отъ управленія дѣлами все усиливающимся вліяніемъ Потемкина, ежедневно терпѣвшему униженія и обиды отъ этого соперника, котораго онъ считалъ недостойнымъ, представлялся случай отомстить. Фаворитъ „ничего не понимающій и не желающій понять“ былъ не такой человѣкъ, чтобы справиться съ грозой. Смѣлость и искусство, на которыя онъ былъ способенъ, обнаруживались пока только въ проискахъ съ задняго крыльца и будуарныхъ побѣдахъ. Сидя, сложа руки и сохраняя бездѣйствіе, къ которому его принудили, Панинъ могъ быть увѣренъ въ отмщеніи за себя. Но онъ и не думаетъ объ этомъ. „Надо спасти государство“—пишетъ онъ брату, —„а послѣ того ужъ можно уступить свое мѣсто господствующимъ фаворитамъ и окоячительно сойти со сцены“.

Но онъ не ушелъ въ назначенный имъ такимъ образомъ часъ, и это было несчастьемъ для оставленной имъ памяти. И особенно съ этой минуты, при его положеніи министра не у дѣлъ, къ которому онъ возвратился послѣ побѣды, началось его умственное и нравственное паденіе.

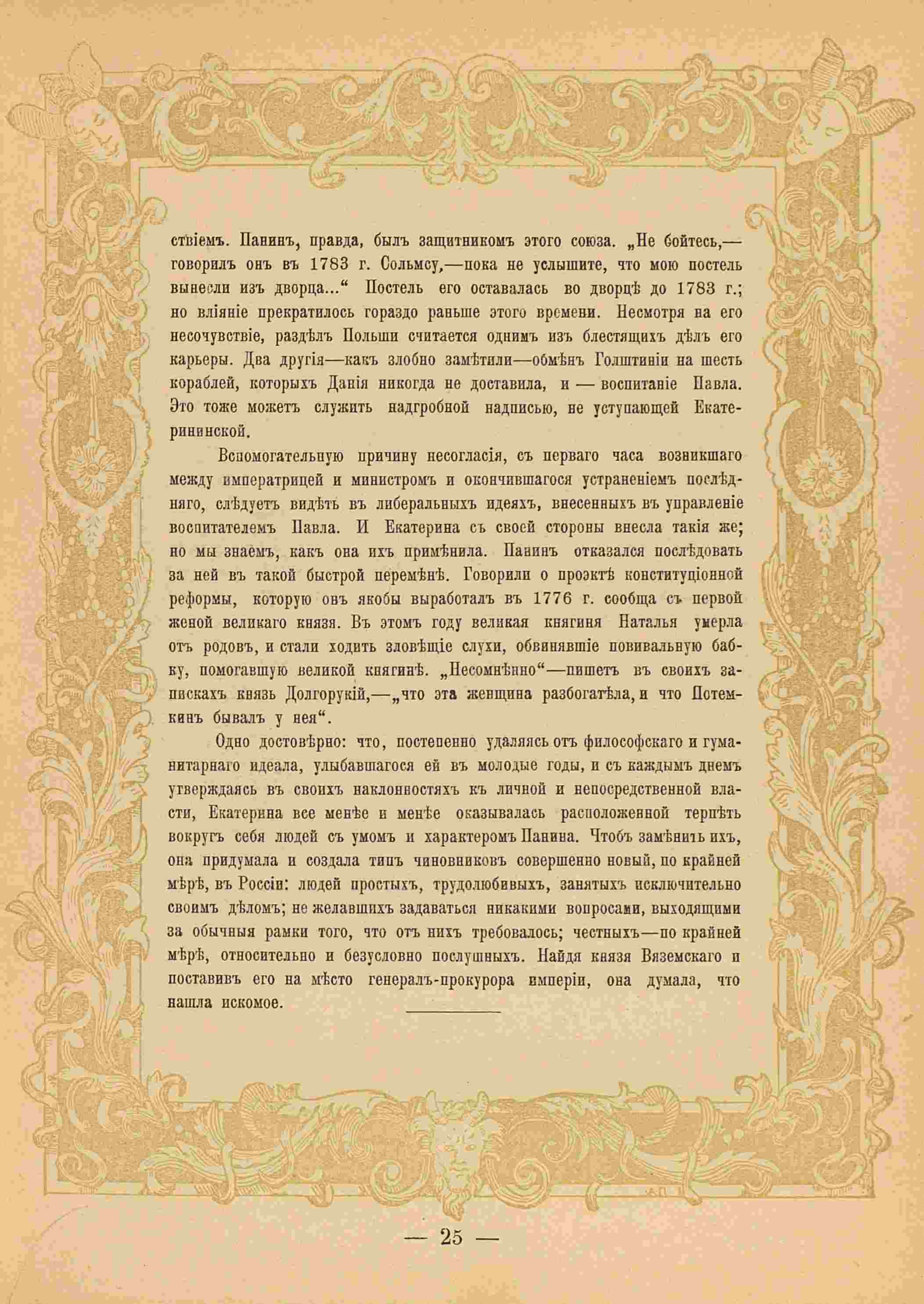

Екатерина испытывала досаду даже къ заботамъ, которыми онъ окружалъ семью наслѣдника, его воспитанника. „Можно подумать, что мои дѣти и внуки больше его, чѣмъ мои“. Управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, во главѣ котораго онъ остается только по имени, офиціально передается въ 1871 г. Остерману. Объ этомъ извѣщаются иностранные послы. Онъ уже не получаетъ депешъ; ему разрѣшается не присутствовать въ совѣтѣ; онъ отпускаетъ своихъ секретарей и остается въ Петербургѣ — по его собственнымъ словамъ—только для того, чтобъ императрица всегда имѣла передъ глазами памятникъ своей неблагодарности. Онъ умеръ два года спустя, и Екатерина посвятила ему въ своей перепискѣ съ Гриммомъ надгробную надпись, не оставляющую желать ничего лучшаго изъ памятниковъ этого рода. За человѣкомъ, еще казавшимся ей необходимымъ въ 1767 г. она не признаетъ другого таланта, кромѣ умѣнія выставить на показъ достоинства, не принадлежащія ему. „Никто не владѣлъ этимъ искусствомъ въ большемъ совершенствѣ. Изъ ничего онъ умѣлъ устроить себѣ великолѣпную одежду изъ чужихъ перьевъ, и чѣмъ менѣе она принадлежала ему, тѣмъ болѣе онъ величался ею, для того, чтобъ его считали отцомъ ребенка, которымъ обыкновенно онъ бывалъ обязанъ другому“. *)

Другому? Вѣроятно, одному изъ Орловыхъ или Потемкину. Конечно, смѣлый умъ первыхъ и необузданный характеръ второго мало были способны ужиться съ холоднымъ, уравновѣшаннымъ умомъ Панина и должны были въ концѣ концовъ устранивъ его; но характеръ и взгляды самой Екатерины—насколько мы ихъ знаемъ—еще дѣйствительнѣе способствовали этому. „Она отдѣлалась отъ него изъ зависти и самолюбія, — писалъ де Веракъ въ 1781 г.,—чтобъ не могли сказать, что онъ принималъ участіе въ успѣхахъ, о которыхъ она мечтаетъ. Какъ только ей показалось, что она можетъ обойтись безъ него, она рѣшила его судьбу“.

Устраненіе отъ дѣлъ и, наконецъ, исчезновеніе Панина совпадаютъ съ торжествомъ австрійской политики на берегахъ Невы и окончательнымъ разрушеніемъ прусскаго союза. Однако, между этими двумя событіями нѣтъ, по крайней мѣрѣ, прямого отношенія, какъ между причиной и слѣд-

*) Переписка съ Гриммомъ. Сб. И. Р. И. О.

ствіемъ. Панинъ, правда, былъ защитникомъ этого союза. „Не бойтесь,— говорилъ онъ въ 1783 г. Сольмсу,—пока не услышите, что мою постель вынесли изъ дворца...“ Постель его оставалась во дворцѣ до 1783 г.; но вліяніе прекратилось гораздо раньше этого времени. Несмотря на его несочувствіе, раздѣлъ Польши считается однимъ изъ блестящихъ дѣлъ его карьеры. Два другія—какъ злобно замѣтили—обмѣнъ Голштиніи на шесть кораблей, которыхъ Данія никогда не доставила, и — воспитаніе Павла. Это тоже можетъ служить надгробной надписью, не уступающей Екатерининской.

Вспомогательную причину несогласія, съ перваго часа возникшаго между императрицей и министромъ и окончившагося устраненіемъ послѣдняго, слѣдуетъ видѣть въ либеральныхъ идеяхъ, внесенныхъ въ управленіе воспитателемъ Павла. И Екатерина съ своей стороны внесла такія же; но мы знаемъ, какъ она ихъ примѣнила. Панинъ отказался послѣдовать за ней въ такой быстрой перемѣнѣ. Говорили о проэктѣ конституціонной реформы, которую онъ якобы выработалъ въ 1776 г. сообщая съ первой женой великаго князя. Въ этомъ году великая княгиня Наталья умерла отъ родовъ, и стали ходить зловѣщіе слухи, обвинявшіе повивальную бабку, помогавшую великой княгинѣ. „Несомнѣнно“—пишетъ въ своихъ запискахъ князь Долгорукій,—„что эта женщина разбогатѣла, и что Потемкинъ бывалъ у нея“.

Одно достовѣрно: что, постепенно удаляясь отъ философскаго и гуманитарнаго идеала, улыбавшагося ей въ молодые годы, и съ каждымъ днемъ утверждаясь въ своихъ наклонностяхъ къ личной и непосредственной власти, Екатерина все менѣе и менѣе оказывалась расположенной терпѣть вокругъ себя людей съ умомъ и характеромъ Панина. Чтобъ замѣнить ихъ, она придумала и создала типъ чиновниковъ совершенно новый, по крайней мѣрѣ, въ Россіи: людей простыхъ, трудолюбивыхъ, занятыхъ исключительно своимъ дѣломъ; не желавшихъ задаваться никакими вопросами, выходящими за обычныя рамки того, что отъ нихъ требовалось; честныхъ—по крайней мѣрѣ, относительно и безусловно послушныхъ. Найдя князя Вяземскаго и поставивъ его на мѣсто генераль-прокурора имперіи, она думала, что нашла искомое.

III.

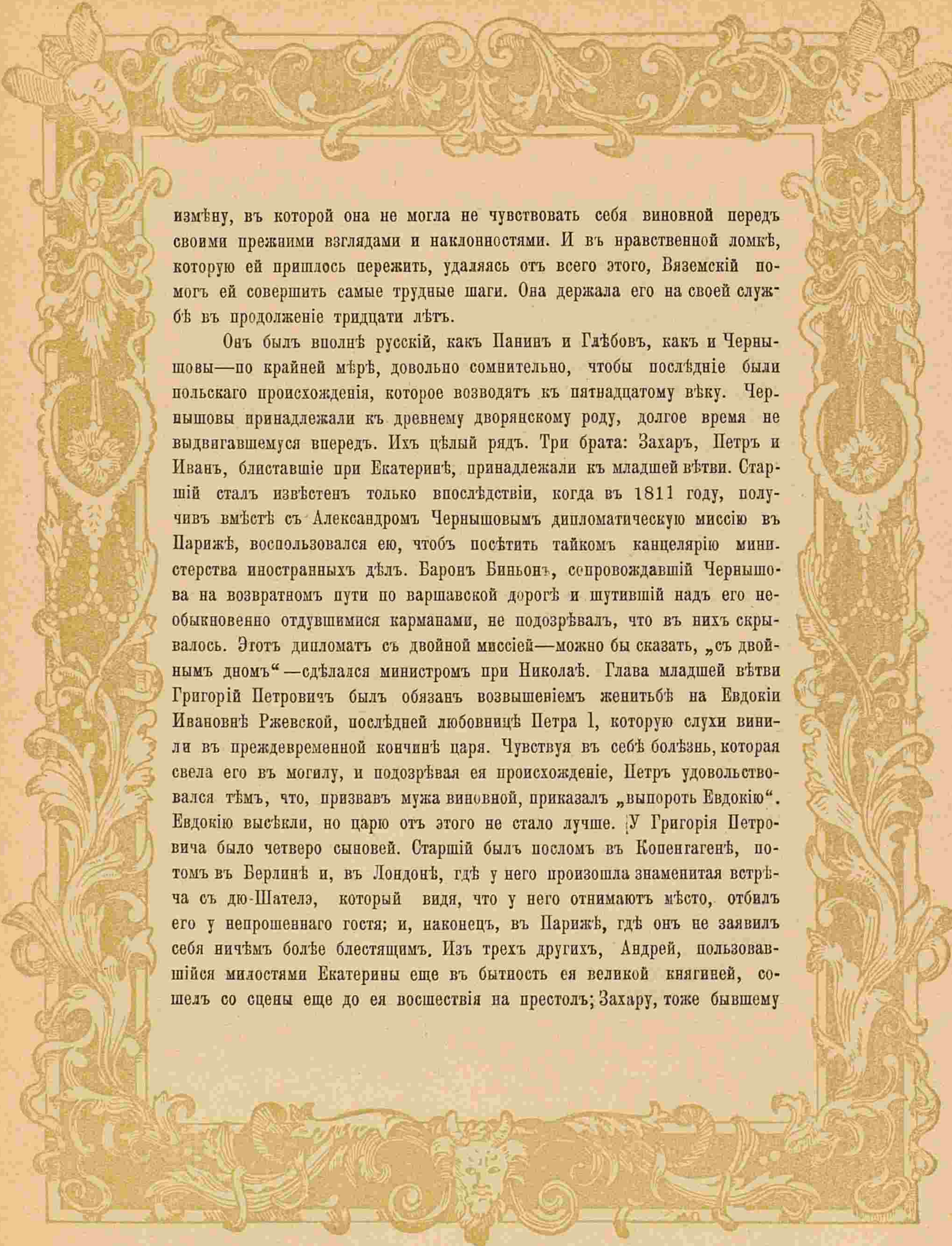
Это была должность чрезвычайной важности. Генераль-прокуроръ былъ тогда начальникомъ всѣхъ отдѣльныхъ прокуроровъ, состоявшихъ при каждомъ департаментѣ Сената и служившихъ тамъ представителями непосредственныхъ дѣйствій центральной власти, т.-е. государя. Такъ какъ между этими департаментами было раздѣлено почти все высшее управленіе страны, то глава ихъ былъ одновременно и министромъ финансовъ, и министромъ юстиціи, и почти министромъ внутреннихъ дѣлъ. Предшественникъ Вяземскаго Глѣбовъ былъ креатурой Петра III. Когда онъ занялъ этотъ постъ въ часъ смерти Елизаветы, онъ уже совершилъ всѣ проступки, которыми мотивировалась его отставка. Между прочимъ, съ помощью второстепеннаго чиновника Крылова, онъ безъ пощады обиралъ иркутскихъ купцовъ. Въ качествѣ понудительной мѣры имъ примѣнялась пытка. Одинъ купецъ поднятый на дыбу, провисѣлъ на ней три часа и умеръ заплативъ 30 тысячъ рублей, которые Глѣбовъ и его сообщникъ раздѣлили между собой. По доносу Крыловъ былъ въ 1760 году наказанъ кнутомъ на одной изъ площадей Иркутска и осужденъ на вѣчную каторгу; но Глѣбовъ сдѣлался генераль-прокуроромъ. Только въ 1764 г. спустя два года по своемъ вступленіи на престолъ, Екатерина узнала обо всемъ происшедшемъ въ Сибири или, по крайней мѣрѣ, о роли, которую игралъ въ томъ ея генераль-прокуроръ. Она удовольствовалась приказаніемъ ему подать въ отставку. Въ 1773 г. онъ снова поступилъ на службу и былъ членомъ суда, судившаго Пугачева; въ томъ же году онъ получилъ генераль-губернаторство въ Смоленскѣ, скопилъ въ короткое время до полумилліона и снова былъ отозванъ. Онъ умеръ членомъ Правительствующаго Сената. Екатерина не могла слишкомъ близко слѣдить за выборомъ своихъ сенаторовъ. Князь Вяземскій составлялъ исключеніе. Говорятъ, что когда онъ вышелъ въ отставку

у него оказалось два-три миллиона; между тѣмъ какъ, поступая на службу, онъ имѣлъ всего шесть серебряныхъ приборовъ. Но онъ составилъ себѣ это состояніе въ теченіе многихъ лѣтъ. Глѣбовъ же шелъ слишкомъ быстро.

Сынъ флотскаго лейтенанта и воспитанникъ кадетскаго корпуса, служившій въ арміи, гдѣ дослужился до чина генераль-квартирмейстера, Вяземскій не казался спеціально подготовленнымъ для административныхъ и судебныхъ функцій, предназначавшихся ему Екатериной. Въ аттестатѣ, выданномъ ему по окончаніи курса въ корпусѣ—единственномъ полученномъ за всю его жизнь—сказано: „знаетъ исторію и фортификацію; рисуетъ масляными красками пейзажи; говоритъ и пишетъ по-нѣмецки; учился всеобщей исторіи, географіи по картамъ Хоманна и современной исторіи; немного фехтуетъ и танцуетъ менуэтъ“ *). Однако, этотъ танцоръ менуэта проявилъ знаніе, благодаря которому въ продолженіе четверти вѣка пользовался довѣріемъ и милостью своей властной повелительницы: онъ умѣлъ повиноваться. И больше того: онъ служилъ для Екатерины олицетвореніемъ пониманія вопросовъ правленія иначе, чѣмъ понимала ихъ она, принявъ бразды правленія, но къ какому склонялась она все больше, чѣмъ больше освоеналась съ своимъ положеніемъ самодержицы. Онъ сдѣлался душой консервативной и ретроградной партіи, главой цѣлаго ряда старорусскихъ, яростныхъ противниковъ всѣхъ реформъ и врагомъ всякаго иностраннаго вліянія. Наука, литература, искусства нашли въ немъ далеко не мецената. Онъ страшно спорилъ съ княгиней Дашковой,—урѣзывая ея академическій бюджетъ и преслѣдуя ея сочиненія. Онъ отзывался о каждомъ плохомъ ремесленникѣ: „Поэтъ“, или „Художникъ“. Это не мѣшало Екатеринѣ по своему покровительствовать живописи и поэзіи; она, повидимому, воображала, что для этого достаточно ея существованія, и была благодарна Вяземскому за примѣръ воздержанія, который онъ подавалъ ей въ этомъ отношеніи. Онъ позволялъ ей все же казаться и чувствовать себя щедрой путемъ сравненія и реабилитировать себя въ собственныхъ глазахъ за

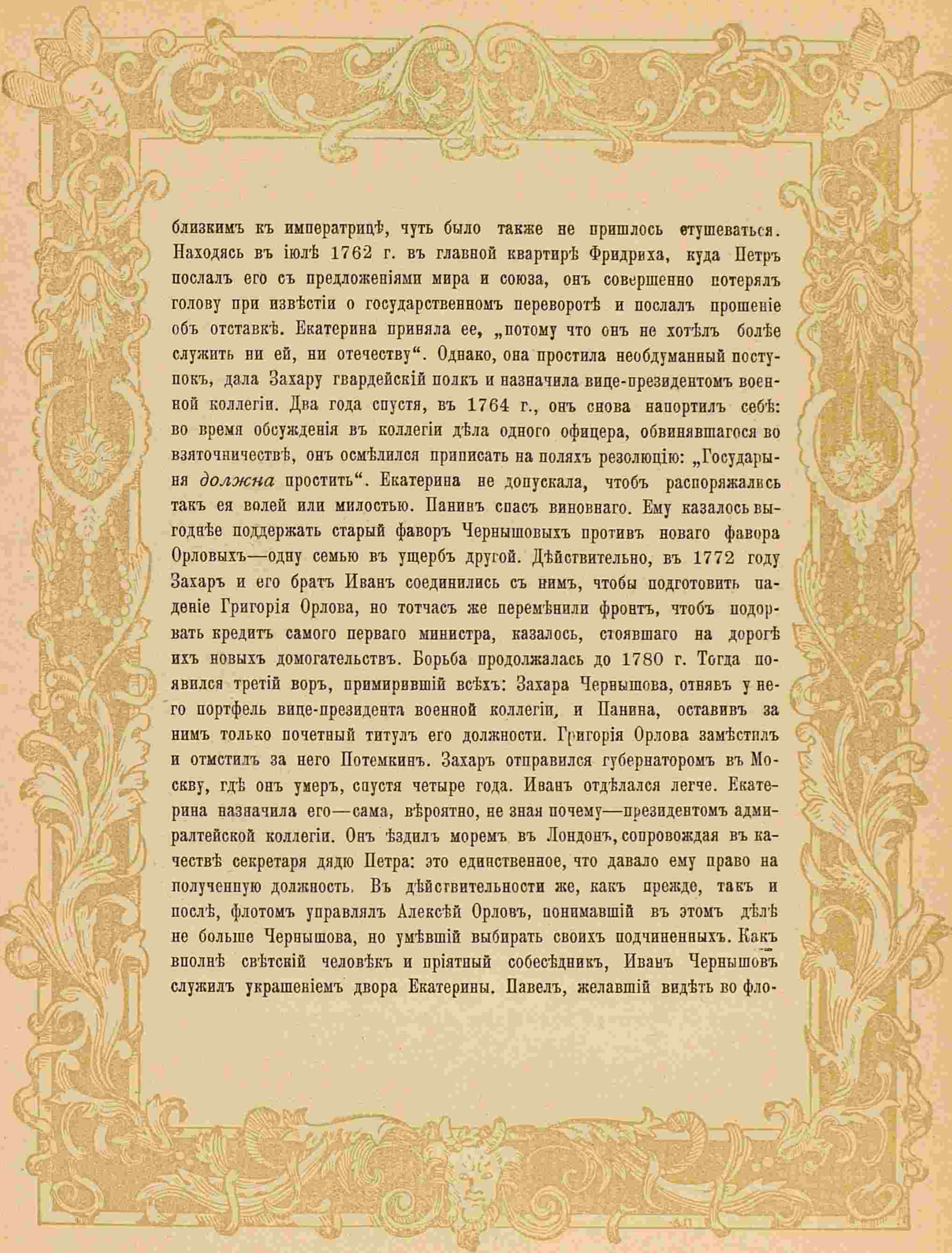
*) Біографія министровъ Терещенко.

измѣну, въ которой она не могла не чувствовать себя виновной передъ своими прежними взглядами и наклонностями. И въ нравственной ломкѣ, которую ей пришлось пережить, удаляясь отъ всего этого, Вяземскій помогъ ей совершить самые трудные шаги. Она держала его на своей службѣ въ продолженіе тридцати лѣтъ.

Онъ былъ вполне русскій, какъ Панинъ и Глѣбовъ, какъ и Чернышovy—по крайней мѣрѣ, довольно сомнительно, чтобы послѣдніе были польскаго происхожденія, которое возводятъ къ пятнадцатому вѣку. Чернышovy принадлежали къ древнему дворянскому роду, долгое время не выдвигавшемуся впередъ. Ихъ цѣлый рядъ. Три брата: Захаръ, Петръ и Иванъ, блиставшіе при Екатеринѣ, принадлежали къ младшей вѣтви. Старшій сталъ извѣстенъ только впоследствии, когда въ 1811 году, получивъ вмѣстѣ съ Александромъ Чернышовымъ дипломатическую миссію въ Парижъ, воспользовался ею, чтобъ посѣтить тайкомъ канцелярію министерства иностранныхъ дѣлъ. Баронъ Виньонъ, сопровождавшій Чернышова на возвратномъ пути по варшавской дорогѣ и шутившій надъ его необыкновенно отдувшимися карманами, не подозрѣвалъ, что въ нихъ скрывалось. Этотъ дипломатъ съ двойной миссіей—можно бы сказать, „съ двойнымъ дномъ“—сдѣлался министромъ при Николаѣ. Глава младшей вѣтви Григорій Петровичъ былъ обязанъ возвышеніемъ женитьбѣ на Евдокіи Ивановнѣ Ржевской, послѣдней любовницѣ Петра I, которую слухи винили въ преждевременной кончинѣ царя. Чувствуя въ себѣ болѣзнь, которая свела его въ могилу, и подозрѣвая ея происхожденіе, Петръ удовольствовался тѣмъ, что, призвавъ мужа виновной, приказалъ „выпороть Евдокію“. Евдокію высѣкли, но царю отъ этого не стало лучше. У Григорія Петровича было четверо сыновей. Старшій былъ посломъ въ Копенгагенъ, потомъ въ Берлинъ и, въ Лондонъ, гдѣ у него произошла знаменитая встрѣча съ дю-Шателэ, который видя, что у него отнимаютъ мѣсто, отбилъ его у непрошеного гостя; и, наконецъ, въ Парижъ, гдѣ онъ не заявилъ себя ничѣмъ болѣе блестящимъ. Изъ трехъ другихъ, Андрей, пользовавшійся милостями Екатерины еще въ бытность ея великой княгиней, сошелъ со сцены еще до ея восшествія на престоль; Захару, тоже бывшему

близкимъ къ императрицѣ, чуть было также не пришлось етушеваться. Находясь въ іюль 1762 г. въ главной квартирѣ Фридриха, куда Петръ послалъ его съ предложеніями мира и союза, онъ совершенно потерялъ голову при извѣстіи о государственномъ переворотѣ и послалъ прошеніе объ отставкѣ. Екатерина приняла ее, „потому что онъ не хотѣлъ болѣе служить ни ей, ни отечеству“. Однако, она простила необдуманнѣйшій поступокъ, дала Захару гвардейскій полкъ и назначила вице-президентомъ военной коллегіи. Два года спустя, въ 1764 г., онъ снова напортилъ себѣ: во время обсужденія въ коллегіи дѣла одного офицера, обвинявшагося во взяточничествѣ, онъ осмѣлился приписать на поляхъ резолюцію: „Государыня *должна* простить“. Екатерина не допускала, чтобъ распоряжались такъ ея волей или милостью. Панинъ спасъ виновнаго. Ему казалось выгоднѣе поддержать старый фаворъ Чернышовыхъ противъ новаго фавора Орловыхъ—одну семью въ ущербъ другой. Дѣйствительно, въ 1772 году Захаръ и его братъ Иванъ соединились съ нимъ, чтобы приготовить паденіе Григорія Орлова, но тотчасъ же перемѣнили фронтъ, чтобъ подорвать кредитъ самого перваго министра, казавшагося на дорогѣ ихъ новыхъ домогательствъ. Борьба продолжалась до 1780 г. Тогда появился третій воръ, примирившій всѣхъ: Захара Чернышова, отнявъ у него портфель вице-президента военной коллегіи, и Панина, оставивъ за нимъ только почетный титулъ его должности. Григорія Орлова замѣстилъ и отмстилъ за него Потемкинъ. Захаръ отправился губернаторомъ въ Москву, гдѣ онъ умеръ, спустя четыре года. Иванъ отдѣлался легче. Екатерина назначила его—сама, вѣроятно, не зная почему—президентомъ адмиралтейской коллегіи. Онъ ѣздилъ моремъ въ Лондонъ, сопровождая въ качествѣ секретаря дядю Петра: это единственное, что давало ему право на полученную должность. Въ дѣйствительности же, какъ прежде, такъ и послѣ, флотомъ управлялъ Алексѣй Орловъ, понимавшій въ этомъ дѣлѣ не больше Чернышова, но умѣвшій выбирать своихъ подчиненныхъ. Какъ вполне свѣтскій человѣкъ и пріятный собесѣдникъ, Иванъ Чернышовъ служилъ украшеніемъ двора Екатерины. Павелъ, желавшій видѣть во фло-

тѣ моряковъ, рѣшился произвести его въ фельдмаршалы. „Въ моряка прѣсныхъ водъ и маршала соленыхъ“, какъ говорили тогда.

Честолюбіе, безлокойное, суетливое и сварливое было двигательной пружиной всей этой семьи. „Эти люди“—пишетъ Дюранъ въ 1773 г.— „всегда хотятъ быть не тѣмъ, что они есть. Когда одинъ изъ нихъ былъ прокуроромъ Сената, онъ желалъ быть въ адмиралтейской коллегіи; когда онъ попалъ туда, онъ пожелалъ стать посланникомъ; будучи посланникомъ, онъ не останавливался ни передъ какой глупостью, чтобъ вернуться во флотъ; а потомъ, чтобы стать министромъ иностранныхъ дѣлъ. Еслибъ ему удалось, онъ пожелалъ бы „стать государемъ“. Екатерина не обращала на все это вниманія. Она, безъ сомнѣнія, оцѣнивала по достоинству этихъ карьеристовъ и, вѣроятно, раздѣляла мнѣнія Гарриса, говорившаго о нихъ въ 1782 г., въ своихъ наброскахъ для англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ объ Императорскомъ Петербургскомъ дворѣ: „Шуваловы, Строгоновы и Чернышова остаются тѣмъ, чѣмъ были всегда: *„парижскими парикмахерами“*. Сабатье признавалъ, впрочемъ, за Захаромъ административныя способности, искупавшія „всю низость его души“. Что же касается притязаній Чернышова стать „русскимъ Шуазелемъ“, то они казались Сабатье такими же дерзкими, какъ Кэткарту, предшественнику Гарриса.

IV.

Совершенно другой человекъ сдѣлался преемникомъ Панина, поскольку Екатерина считала нужнымъ дать преемника своему первому министру. Однажды — это случилось въ 1775 г., на масляницѣ — велѣвъ подать себѣ за завтракомъ блиновъ и найдя ихъ особенно вкусными, Екатерина вздумала великодушно подѣлиться ими со своими секретарями. Ни одного не оказалось налицо: масляница давала себя знать.—Какъ? Никого?—воскликнула недовольная государыня.—Нѣтъ, въ пріемной есть кто-то: это новичекъ—*хохоль*.

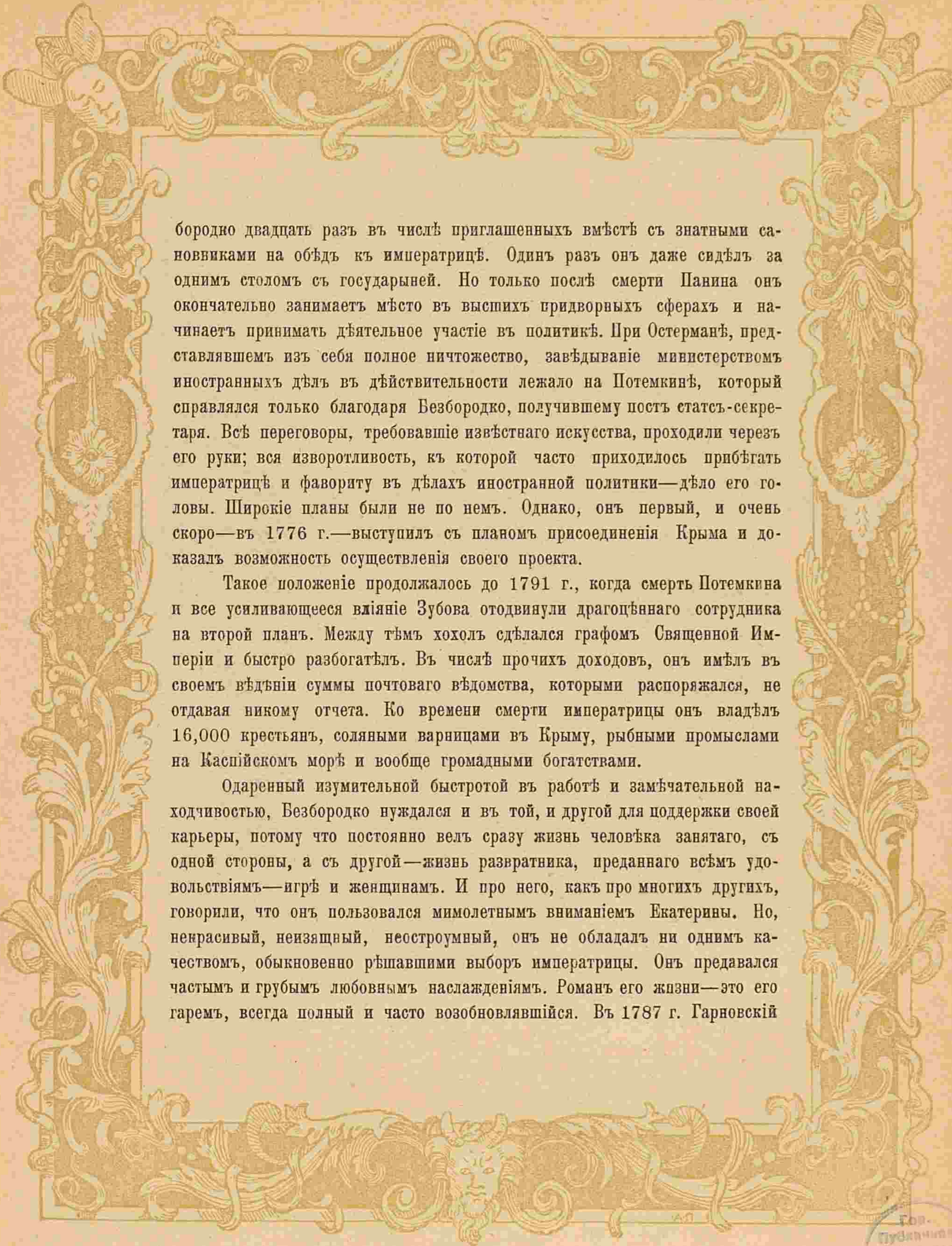
Хохоль!—все сглаживающая работа времени уничтожила презрительный оттѣнокъ этого прозвища, которымъ великороссы иногда еще именуютъ малороссовъ—уроженцевъ Буга или Днѣпра, легко отличаемыхъ по говору.

— Впустить,—приказала Екатерина.—Все равно, что одинъ, что другой.—Хохоль вошелъ. Ему было двадцать восемь лѣтъ; держался онъ застѣнчиво; лицо имѣлъ самое обыкновенное; не говорилъ онъ ни на одномъ иностранномъ языкѣ, а по-русски со своимъ ужаснымъ мѣстнымъ акцентомъ. Но онъ ѣлъ блины съ такой жадностью, а его губастый ротъ и восхищенные глаза выражали такую откровенную чувственность, что симпатическій токъ незамѣтно приблизилъ его къ великой сластолюбивѣ, какой была Екатерина. Наблюдая за его ѣдой, она заговорила о законѣ, смыслъ котораго ей не былъ ясенъ. Не пропустивъ ни одного блина и безъ малѣйшаго усилія памяти онъ повторилъ текстъ закона. Она пожелала провѣрить цитату. Хохоль невозмутимо указалъ томъ и страницу. Императрица пришла въ восторгъ. Это былъ драгоценный человекъ. Она пожелала работать съ нимъ каждое утро. Онъ говорилъ съ акцентомъ, но его быстрое перо исправляло ошибки, которыя ему попадались въ докла-

дахъ обыкновенныхъ секретарей ея величества. Онъ зналъ грамматику и орфографію и оказался настоящимъ кладомъ.

Его фамилія была Безбородко.

Онъ, повидимому, происходилъ изъ семьи польскихъ перебѣжчиковъ Ксенжницкихъ. Одному изъ его предковъ ударъ сабли снесъ подбородокъ, и онъ получилъ прозвище „Безбородка“ или Безбородко, перешедшее затѣмъ къ его потомкамъ. Другого наслѣдства предокъ своему потомству не оставилъ. Однако, будущій государственный канцлеръ получилъ воспитаніе въ петербургскомъ кадетскомъ корпусѣ; но шутки его товарищей, преслѣдовавшихъ въ немъ „хохла“, какимъ ему суждено было остаться на всю жизнь, повидимому, обрекли его тамъ на безцвѣтное существованіе. И впоследствии онъ, дѣйствительно, прозябалъ на низшихъ должностяхъ въ своей провинціи, вдали отъ столицы съ ея широкими перспективами. Въ 1764 г., по выходѣ изъ корпуса, ему не безъ труда удалось поступить въ канцелярію Румянцева, недавно назначеннаго правителемъ Малороссіи. Десять лѣтъ спустя, Екатерина замѣтила, что донесенія, получаемыя ею оттуда, были составлены лучше, чѣмъ получаемыя изъ другихъ мѣстъ. „Прислали бы вы мнѣ кого-нибудь изъ вашихъ секретарей“,— писала она Румянцеву. Румянецъ прислалъ Завадовскаго и Безбородко. Завадовскій быстро пробился впередъ до ослѣпительнаго положенія, въ которомъ, впрочемъ, продержался недолго: онъ считался фаворитомъ съ 1775 до 1776 г. Безбородко сначала стоялъ въ тѣни: онъ былъ только *хохолъ*. Счастливая случайность, о которой мы упомянули, рѣшила его судьбу. Съ этой минуты онъ сумѣлъ сдѣлаться необходимымъ. Официально ему было поручено разсмотрѣніе просьбъ, подаваемыхъ императрицѣ; но въ сущности черезъ его руки проходили всѣ дѣла, а главнымъ образомъ особенно щекотливыя. Упомянувъ о Безбородко этого времени въ своей корреспонденціи съ Гриммомъ, Екатерина обыкновенно называетъ его: „мой фактотумъ“ или просто „фактотумъ“. Онъ сумѣлъ также сдѣлаться пріятнымъ и полезнымъ герою дня, который, составляя единственное исключеніе въ исторіи Екатерины, остался имъ и на слѣдующій день: Потемкинъ сдѣлался его покровителемъ. Въ 1778 г. *Придворный журналъ* называетъ Без-

бородно двадцать разъ въ числѣ приглашенныхъ вмѣстѣ съ знатными сановниками на обѣдъ къ императрицѣ. Одинъ разъ онъ даже сидѣлъ за однимъ столомъ съ государыней. Но только послѣ смерти Панина онъ окончательно занимаетъ мѣсто въ высшихъ придворныхъ сферахъ и начинаетъ принимать дѣятельное участіе въ политикѣ. При Остерманѣ, представлявшемъ изъ себя полное ничтожество, завѣдываніе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ дѣйствительности лежало на Потемкинѣ, который справлялся только благодаря Безбородко, получившему постъ статсъ-секретаря. Всѣ переговоры, требовавшіе извѣстнаго искусства, проходили черезъ его руки; вся изворотливость, къ которой часто приходилось прибѣгать императрицѣ и фавориту въ дѣлахъ иностранной политики—дѣло его головы. Широкіе планы были не по немъ. Однако, онъ первый, и очень скоро—въ 1776 г.—выступилъ съ планомъ присоединенія Крыма и доказалъ возможность осуществленія своего проекта.

Такое положеніе продолжалось до 1791 г., когда смерть Потемкина и все усиливающееся вліяніе Зубова отодвинули драгоцѣннаго сотрудника на второй планъ. Между тѣмъ хохоль сдѣлался графомъ Священной Имперіи и быстро разбогатѣлъ. Въ числѣ прочихъ доходовъ, онъ имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи суммы почтоваго вѣдомства, которыми распоряжался, не отдавая никому отчета. Ко времени смерти императрицы онъ владѣлъ 16,000 крестьянъ, соляными варницами въ Крыму, рыбными промыслами на Каспійскомъ морѣ и вообще громадными богатствами.

Одаренный изумительной быстротой въ работѣ и замѣчательной находчивостью, Безбородко нуждался и въ той, и другой для поддержки своей карьеры, потому что постоянно велъ сразу жизнь человѣка занятаго, съ одной стороны, а съ другой—жизнь развратника, преданнаго всѣмъ удовольствіямъ—игрѣ и женщинамъ. И про него, какъ про многихъ другихъ, говорили, что онъ пользовался мимолетнымъ вниманіемъ Екатерины. Но, некрасивый, неизящный, неостроумный, онъ не обладалъ ни однимъ качествомъ, обыкновенно рѣшавшими выборъ императрицы. Онъ предавался частымъ и грубымъ любовнымъ наслажденіямъ. Романъ его жизни—это его гаремъ, всегда полный и часто возобновлявшійся. Въ 1787 г. Гарновскій

завоситъ въ журналъ, который ведетъ для Попова, довѣреннаго Потемкина:

„Въ силу полученнаго ею фирмана, премьерша сераля Рейсъ-Эффенди (Безбородко), Марія Алексѣевна Грекова, соблаговолила отправиться на сихъ дняхъ въ Мосаву въ сопровожденіи Кизляръ-Аги (чернаго евнуха), г. Рубана, и многочисленной свиты, размѣстившейся въ двухъ четырехмѣстныхъ каретахъ и нѣсколькихъ „русскихъ“ повозкахъ“.

Два мѣсяца спустя онъ опять пишетъ:

„Четыре дня тому назадъ сюда вернулся изъ Италіи пѣвецъ Капаччини и привезъ съ собой для Безбородко двухъ молоденькихъ итальянокъ. Онѣ подверглись испытанію, но не знаю, будутъ ли обѣ приняты въ сераль“.

Екатерина терпитъ все это. Она собственноручно подписываетъ указъ о награжденіи орденомъ Св. Владиміра г. Рубана. Она улыбается, когда однажды, поссорившись съ Безбородко, Остерманъ при всемъ совѣтѣ упрекаетъ его за эту постоянную оргію съ красавицами, содержаніе которыхъ обходится очень дорого. Безбородко, пожимая только плечами и, намекая на всѣмъ извѣстное супружеское несчастье министра, отвѣчалъ, что дѣйствительно любитъ дѣвокъ, такъ какъ отъ нихъ легче отдѣлаться, чѣмъ отъ законной жены, даже тогда, когда послѣдняя была раньше извѣстной..... Онъ имѣлъ возможность часто мѣнять своихъ итальянокъ. И Екатерина иногда сама помогала ему. Она выслала изъ Петербурга пѣвицу Давіа, получавшую отъ Безбородко 8,000 рублей въ мѣсяцъ и обманывавшую его направо и налѣво. Впрочемъ, Италія не пользовалась его исключительнымъ предпочтеніемъ. Онъ осыпалъ золотомъ знаменитую русскую актрису Сандунову, которую смѣнила танцовщица Каратыгина, имѣвшая отъ него дочь. Онъ выдалъ эту дочь за статскаго совѣтника, давъ ей въ приданое домъ въ Петербургѣ и имѣніе, приносящее 80,000 рублей дохода. Каратыгина долгое время играла роль хозяйки на дачѣ, близъ столицы, куда приглашались всѣ друзья министра съ ихъ возлюбленными на великолѣпныя празднества, во время которыхъ, по спеціальному разрѣшенію императрицы, въ честь веселой компаніи стрѣляли изъ пушекъ. Однажды ве-

черомъ, играя въ вистъ съ Роджерсономъ, Безбородко забавлялся, приказывая залпами возвѣщать о каждомъ ренонсѣ лейбъ-медика.

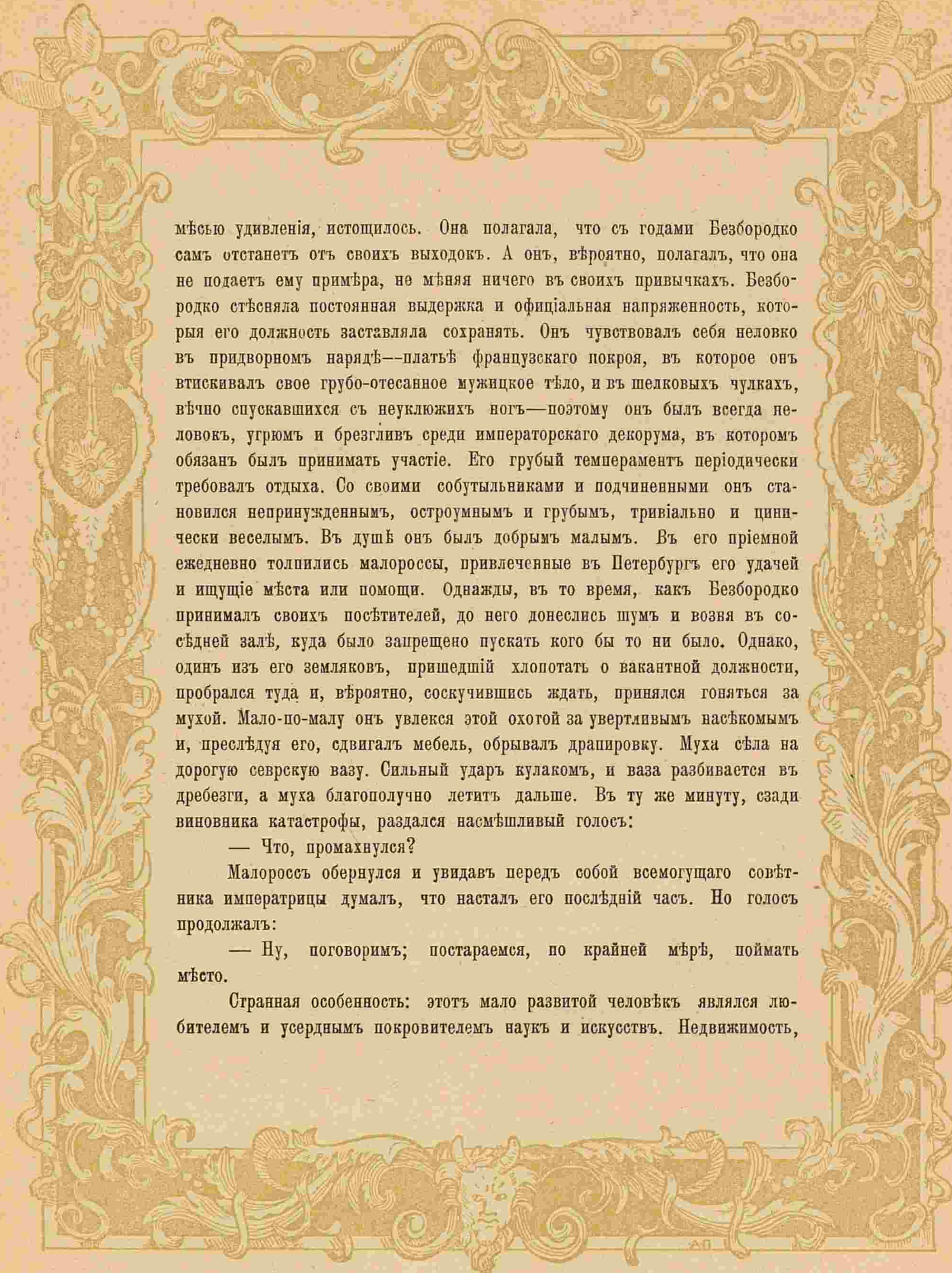
Но хохоль, продолжавшій жить въ сокровенной глубинѣ его души и тѣла, не удовлетворялся этимъ пышнымъ развратомъ. Каждую субботу, снявъ свой великолѣпный, украшенный брилліантами придворный нарядъ, фактотумъ Екатерины искалъ другихъ удовольствій. Въ простомъ синемъ кафтанѣ и кругломъ картузѣ безъ козырька, съ неизмѣнными ста рублями въ карманѣ, онъ исчезалъ до утра понедѣльника. Зимой его можно было встрѣтить около пяти часовъ утра на маскарадахъ француза Ліона, посѣщавшихся подонками петербургскаго общества. Однажды курьеръ императрицы, разыскивавшій Безбородко съ вечера, нашелъ его тамъ мертвецки пьянымъ. Въ минуту онъ отрезвился, велѣлъ отвезти себя домой, окатить холодной водой, пустить кровь изъ обѣихъ рукъ, а затѣмъ одѣлся и поѣхалъ во дворецъ. Пріѣхавъ туда, онъ уже могъ разсуждать совершенно ясно. Но императрица спросила его о проектѣ закона, который ждала уже давно. Онъ отвѣтилъ, что проектъ готовъ, вынулъ изъ кармана бумагу и началъ читать. Императрица нѣсколько разъ выражала свое одобреніе и, наконецъ, сказала:

— Великолѣпно; но дайте мнѣ текстъ, мнѣ хочется его прочесть самой на досугѣ.

Безбородко поблѣднѣлъ и упалъ на колѣни, умоляя императрицу, простить его. Текста не существовало, на листѣ, который онъ держалъ въ рукахъ, ничего не было написано: онъ не читалъ, а импровизировалъ *). Екатерина простила; но въ концѣ концовъ и ея снисхожденіе, съ при-

*) *Гречъ*. Записки. Стр. 331: Подобныя смѣлыя выходки совершенно въ духѣ славянскаго ума. Такую же продѣлку приписываютъ около того же времени нѣкому Вѣсничееву, правителю канцеляріи губернатора Кречетникова въ Калугѣ. (Москвитянинъ 1842 г., т. I, стр. 478). Про одного изъ самыхъ выдающихся ораторовъ польскаго сейма 1788—1792 г. князя Сапѣгу, говорили, что онъ ежедневно напивался. Утромъ же, обвязавъ голову холоднымъ компрессомъ, онъ импровизировалъ самыя краснорѣчивыя рѣчи.

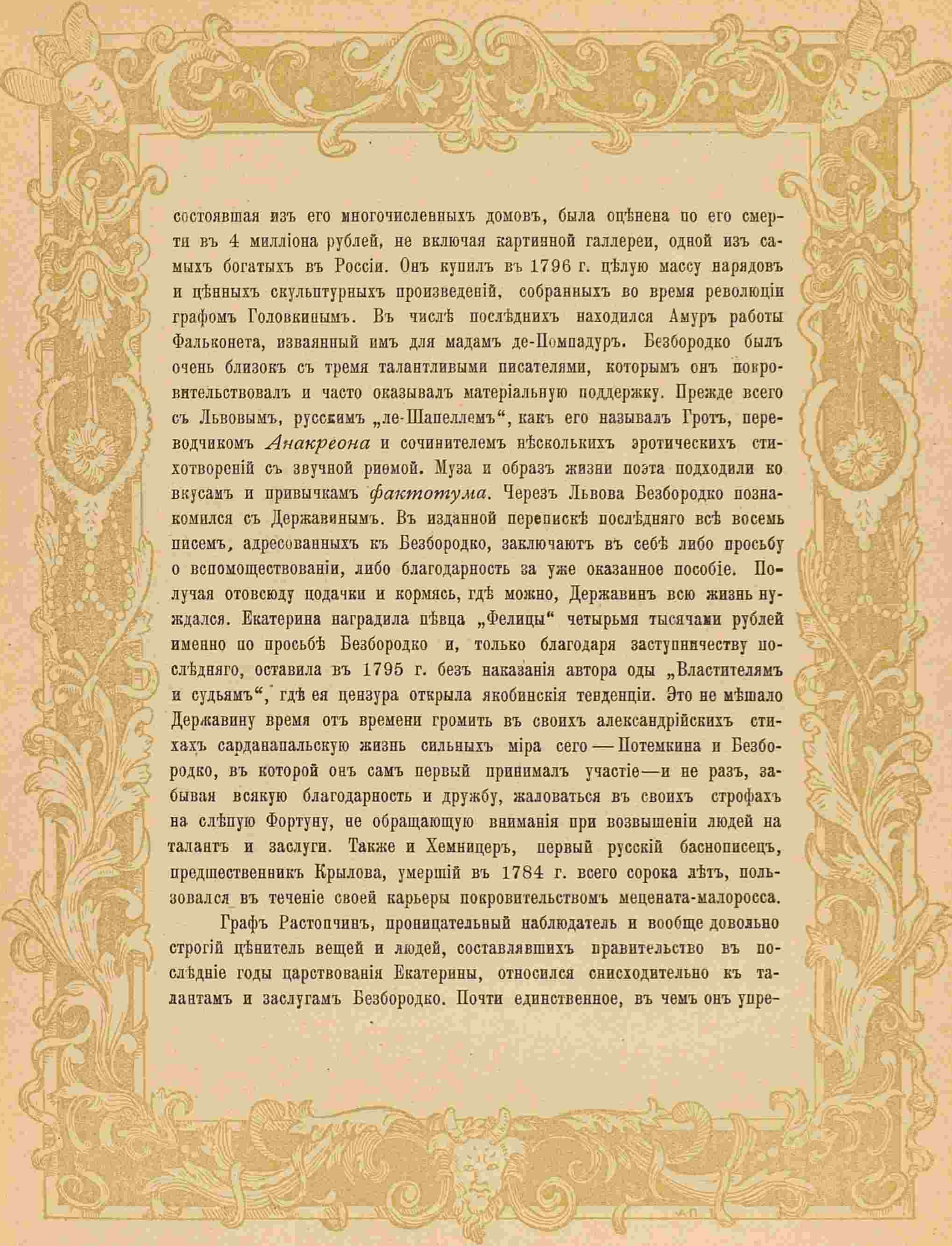
мѣсью удивленія, истощилось. Она полагала, что съ годами Безбородко самъ отстанеть отъ своихъ выходокъ. А онъ, вѣроятно, полагалъ, что она не подаетъ ему примѣра, не мѣняя ничего въ своихъ привычкахъ. Безбородко стѣсняла постоянная выдержка и офиціальная напряженность, которая его должность заставляла сохранять. Онъ чувствовалъ себя неловко въ придворномъ нарядѣ—платьѣ французскаго покроя, въ которое онъ втискивалъ свое грубо-отесанное мужицкое тѣло, и въ шелковыхъ чулкахъ, вѣчно спускавшихся съ неуклюжихъ ногъ—поэтому онъ былъ всегда неловокъ, угрюмъ и брезгливъ среди императорскаго декорума, въ которомъ обязанъ былъ принимать участіе. Его грубый темпераментъ періодически требовалъ отдыха. Со своими собутыльниками и подчиненными онъ становился непринужденнымъ, остроумнымъ и грубымъ, тривіально и цинически веселымъ. Въ душѣ онъ былъ добрымъ малымъ. Въ его приемной ежедневно толпились малороссы, привлеченные въ Петербургъ его удачей и ищущіе мѣста или помощи. Однажды, въ то время, какъ Безбородко принималъ своихъ посѣтителей, до него донеслись шумъ и возня въ сосѣдней залѣ, куда было запрещено пускать кого бы то ни было. Однако, одинъ изъ его земляковъ, пришедшій хлопотать о вакантной должности, пробрался туда и, вѣроятно, соскучившись ждать, принялся гоняться за мухой. Мало-по-малу онъ увлекся этой охотой за увертливымъ насѣкомымъ и, преслѣдуя его, сдвигалъ мебель, обрывалъ драпировку. Муха съѣла на дорогую севрскую вазу. Сильный ударъ кулакомъ, и ваза разбивается въ дребезги, а муха благополучно летитъ дальше. Въ ту же минуту, сзади виновника катастрофы, раздался насмѣшливый голосъ:

— Что, промахнулся?

Малороссъ обернулся и увидавъ передъ собой всемогущаго совѣтника императрицы думалъ, что насталъ его послѣдній часъ. Но голосъ продолжалъ:

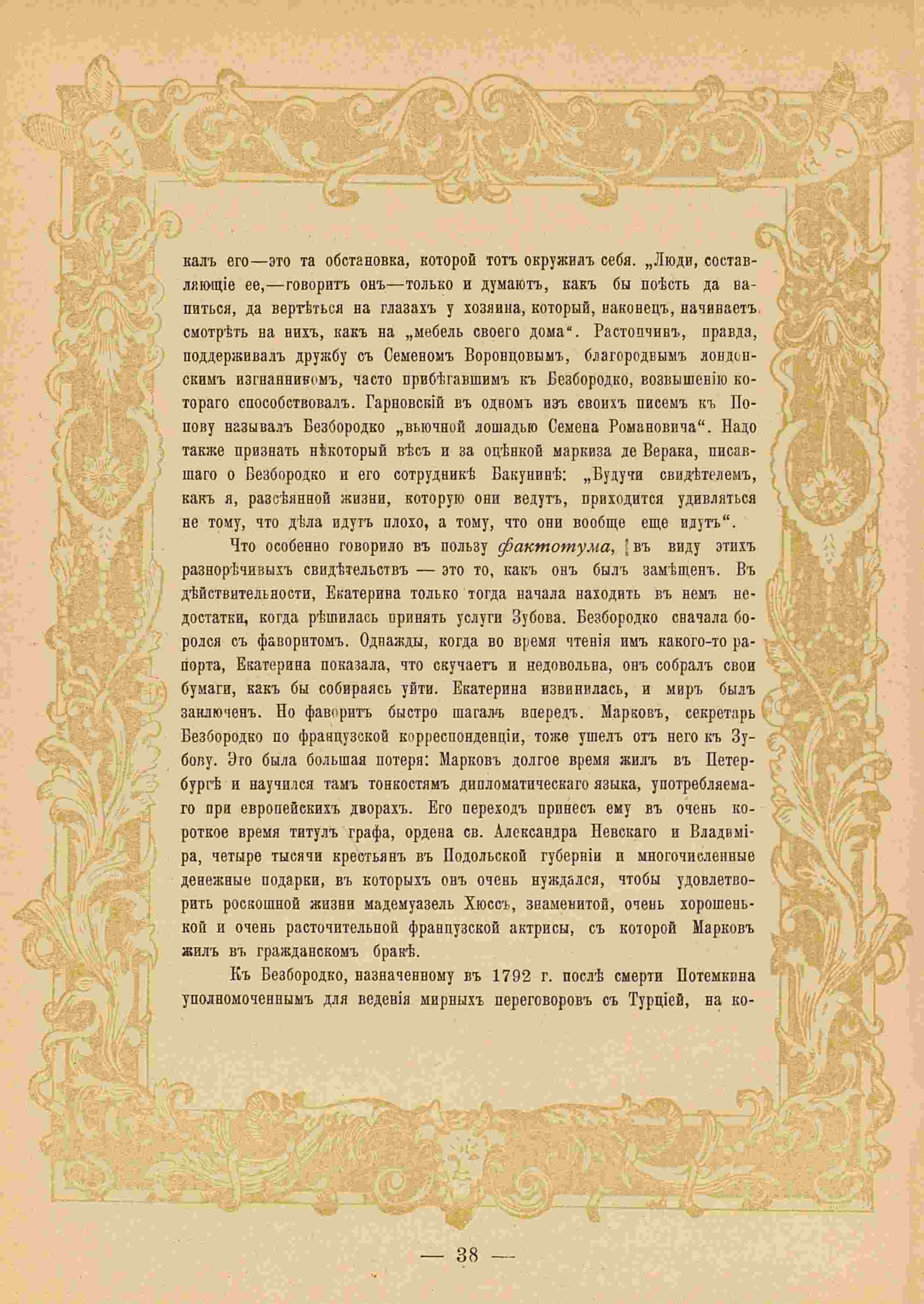
— Ну, поговоримъ; постараемся, по крайней мѣрѣ, поймать мѣсто.

Странная особенность: этотъ мало развитой человекъ являлся любителемъ и усерднымъ покровителемъ наукъ и искусствъ. Недвижимость,

состоявшая изъ его многочисленныхъ домовъ, была оцѣнена по его смерти въ 4 милліона рублей, не включая картинной галлерей, одной изъ самыхъ богатыхъ въ Россіи. Онъ купилъ въ 1796 г. цѣлую массу нарядовъ и цѣнныхъ скульптурныхъ произведеній, собранныхъ во время революціи графомъ Головкинымъ. Въ числѣ послѣднихъ находился Амуръ работы Фальконета, изваянный имъ для мадамъ де-Помпадуръ. Безбородко былъ очень близокъ съ тремя талантливыми писателями, которымъ онъ покровительствовалъ и часто оказывалъ матеріальную поддержку. Прежде всего съ Львовымъ, русскимъ „де-Шапеллемъ“, какъ его называлъ Гротъ, переводчикомъ *Анакреона* и сочинителемъ нѣсколькихъ эротическихъ стихотвореній съ звучной римой. Муза и образъ жизни поэта подходили ко вкусамъ и привычкамъ *фактума*. Черезъ Львова Безбородко познакомился съ Державинымъ. Въ изданной перепискѣ послѣдняго всѣ восемь писемъ, адресованныхъ къ Безбородко, заключаютъ въ себѣ либо просьбу о вспоможеніи, либо благодарность за уже оказанное пособіе. Получая отовсюду подачки и кормясь, гдѣ можно, Державинъ всю жизнь нуждался. Екатерина наградила пѣвца „Фелицы“ четырьмя тысячами рублей именно по просьбѣ Безбородко и, только благодаря заступничеству послѣдняго, оставила въ 1795 г. безъ наказанія автора оды „Властителямъ и судьямъ“, гдѣ ея цензура открыла якобинскія тенденціи. Это не мѣшало Державину время отъ времени громить въ своихъ александрійскихъ стихахъ сарданапальскую жизнь сильныхъ міра сего — Потемкина и Безбородко, въ которой онъ самъ первый принималъ участіе — и не разъ, забывая всякую благодарность и дружбу, жаловаться въ своихъ строфахъ на слѣпую Форуну, не обращающую вниманія при возвышеніи людей на талантъ и заслуги. Также и Хемницеръ, первый русскій баснописецъ, предшественникъ Крылова, умершій въ 1784 г. всего сорока лѣтъ, пользовался въ теченіе своей карьеры покровительствомъ мецената-малоросса.

Графъ Растопчинъ, проницательный наблюдатель и вообще довольно строгій цѣнитель вещей и людей, составлявшихъ правительство въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, относился снисходительно къ талантамъ и заслугамъ Безбородко. Почти единственное, въ чемъ онъ упре-

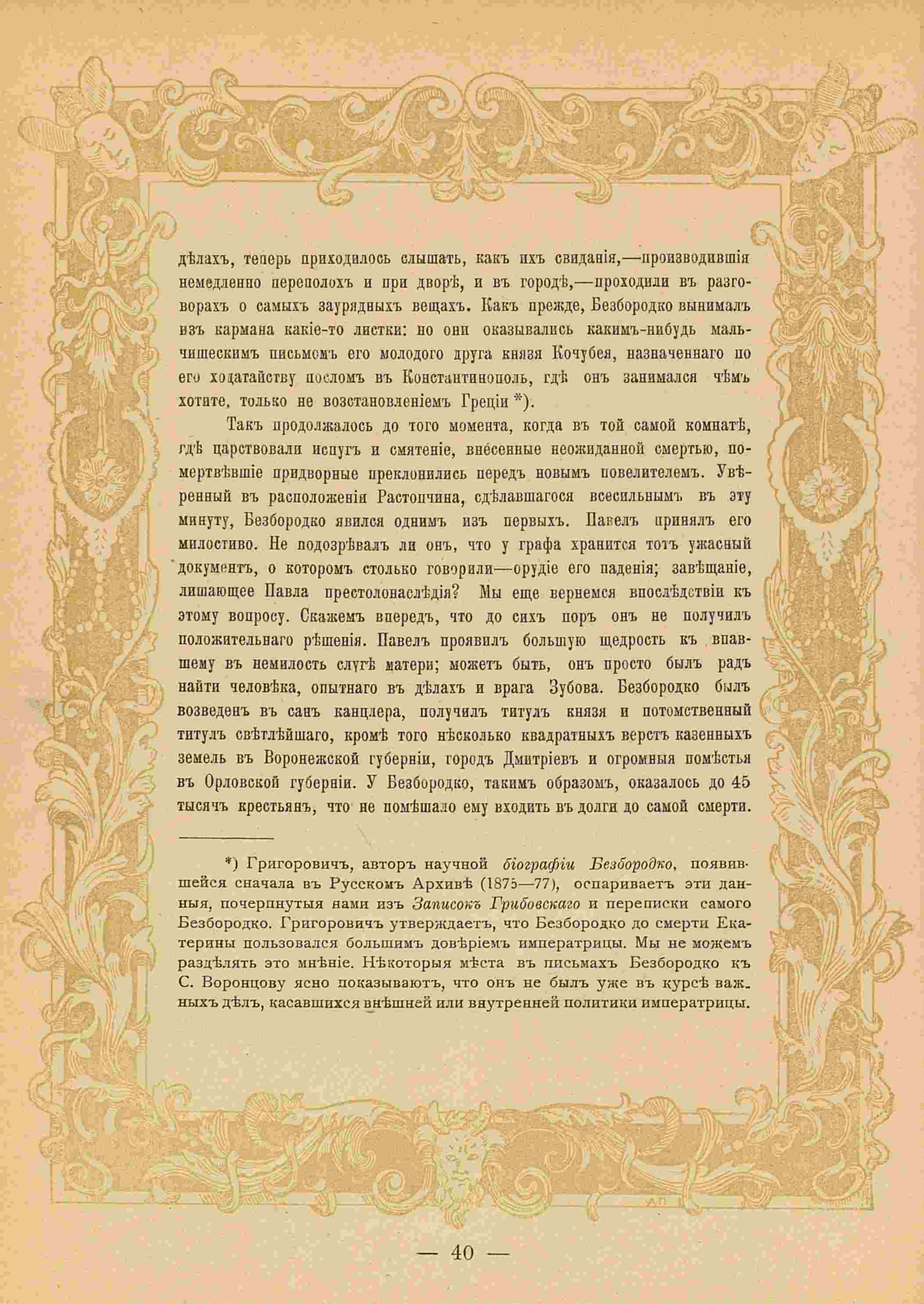
каль его—это та обстановка, которой тотъ окружилъ себя. „Люди, составляющіе ее,—говоритъ онъ—только и думаютъ, какъ бы поѣсть да выпиться, да вертѣться на глазахъ у хозяина, который, наконецъ, начинаетъ смотрѣть на нихъ, какъ на „мебель своего дома“. Растопчинъ, правда, поддерживалъ дружбу съ Семеномъ Воронцовымъ, благороднымъ лондонскимъ изгнанныкомъ, часто прибѣгавшимъ къ Безбородко, возвышенію котораго способствовалъ. Гарновскій въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Попову называлъ Безбородко „вьючной лошадию Семена Романовича“. Надо также признать нѣкоторый вѣсъ и за оцѣнкой маркиза де Верака, писавшаго о Безбородко и его сотрудникѣ Бакунинѣ: „Будучи свидѣтелемъ, какъ я, разсѣянной жизни, которую они ведутъ, приходится удивляться не тому, что дѣла идутъ плохо, а тому, что они вообще еще идутъ“.

Что особенно говорило въ пользу *фактума*, въ виду этихъ разнорѣчивыхъ свидѣтельствъ — это то, какъ онъ былъ замѣченъ. Въ дѣйствительности, Екатерина только тогда начала находить въ немъ недостатки, когда рѣшилась принять услуги Зубова. Безбородко сначала боролся съ фаворитомъ. Однажды, когда во время чтенія имъ какого-то рапорта, Екатерина показала, что скучаетъ и недовольна, онъ собралъ свои бумаги, какъ бы собираясь уйти. Екатерина извинилась, и миръ былъ заключенъ. Но фаворитъ быстро шагалъ впередъ. Марковъ, секретарь Безбородко по французской корреспонденціи, тоже ушелъ отъ него къ Зубову. Это была большая потеря: Марковъ долгое время жилъ въ Петербургѣ и научился тамъ тонкостямъ дипломатическаго языка, употребляемаго при европейскихъ дворахъ. Его переходъ принесъ ему въ очень короткое время титулъ графа, ордена св. Александра Невскаго и Владміра, четыре тысячи крестьянъ въ Подольской губерніи и многочисленные денежные подарки, въ которыхъ онъ очень нуждался, чтобы удовлетворить роскошной жизни мадемуазель Хюссъ, знаменитой, очень хорошенькой и очень расточительной французской актрисы, съ которой Марковъ жилъ въ гражданскомъ бракѣ.

Къ Безбородко, назначенному въ 1792 г. послѣ смерти Потемкина уполномоченнымъ для веденія мирныхъ переговоровъ съ Турціей, на ко-

роткое время вернулись вліяніе и престижъ. Празднества, устраиваемыя имъ по этому случаю, напоминали своей роскошью пиры великолѣпнаго завоевателя Крыма. Но вернувшись изъ Ясы, онъ увидалъ, что имѣя титулъ вице-канцлера, онъ уже не имѣлъ должности: дѣла, находившіяся въ его вѣдѣніи, оказались распределенными между креатурами Зубова. Это былъ обычный пріемъ Екатерины. Безбородко окончательно унижается передъ фаворитомъ, прибѣгая къ его посредничеству, чтобы получить вакантную должность гофмейстера. Онъ работаетъ съ нимъ, какъ нѣкогда работалъ съ Екатериной и выслушиваетъ почтительно болтовню и дерзкія замѣчанія этого двадцатичетырехлѣтняго молодого человѣка. Спина у хохла подъ грубой оболочкой оказалась гибкой. Онъ, правда, уже началъ поговаривать о своемъ намѣреніи выйти въ отставку, даже сообщилъ Воронцову о своемъ рѣшеніи совершенно уступить мѣсто новому „министру всѣхъ дѣлъ“, котораго нашла себѣ Екатерина; но медлилъ, имѣя основательную причину: въ это время заканчивался раздѣлъ Польши; предвидѣлась добыча, и онъ надѣялся, что на его долю тоже кое-что перепадетъ. Расточителенъ, но охулки на руку не положить, этотъ приднѣпровскій мужикъ!

Ему дали только приличную долю: крупные куски — для Зубова и его друзей, которымъ императрица желала приписать славу и выгоду, полученные отъ совершившагося на берегахъ Вислы. Безбородко выходилъ изъ себя, рвалъ и металъ отъ ярости. Развѣ не онъ посовѣтовалъ передать руководство предпріятіемъ старику Румянцеву? Развѣ не онъ указалъ для выполненія плана на Суворова, забытаго въ своей глуши? Но и тутъ онъ, какъ всегда, покорился. Онъ даже хватался за наружность и гнался за тѣнью власти, которой у него уже не было: каждый день онъ отправлялъ свою карету—пустую—къ крыльцу дворца, порогъ котораго переступалъ теперь рѣдко. Иногда Безбородко проникалъ даже въ уборную императрицы, гдѣ ожидалъ пріема; о немъ докладывали; но онъ отклонялъ предложенную честь, „не имѣя сообщить государынѣ ничего особеннаго“. И если Екатерина, бывавшая тоже не прочь сдѣлать что-нибудь на показъ, настаивала на пріемѣ его, то знаменитому камердинеру, выдавшему сколько разъ императрицу съ ея совѣтникомъ въ бесѣдѣ о важнѣйшихъ

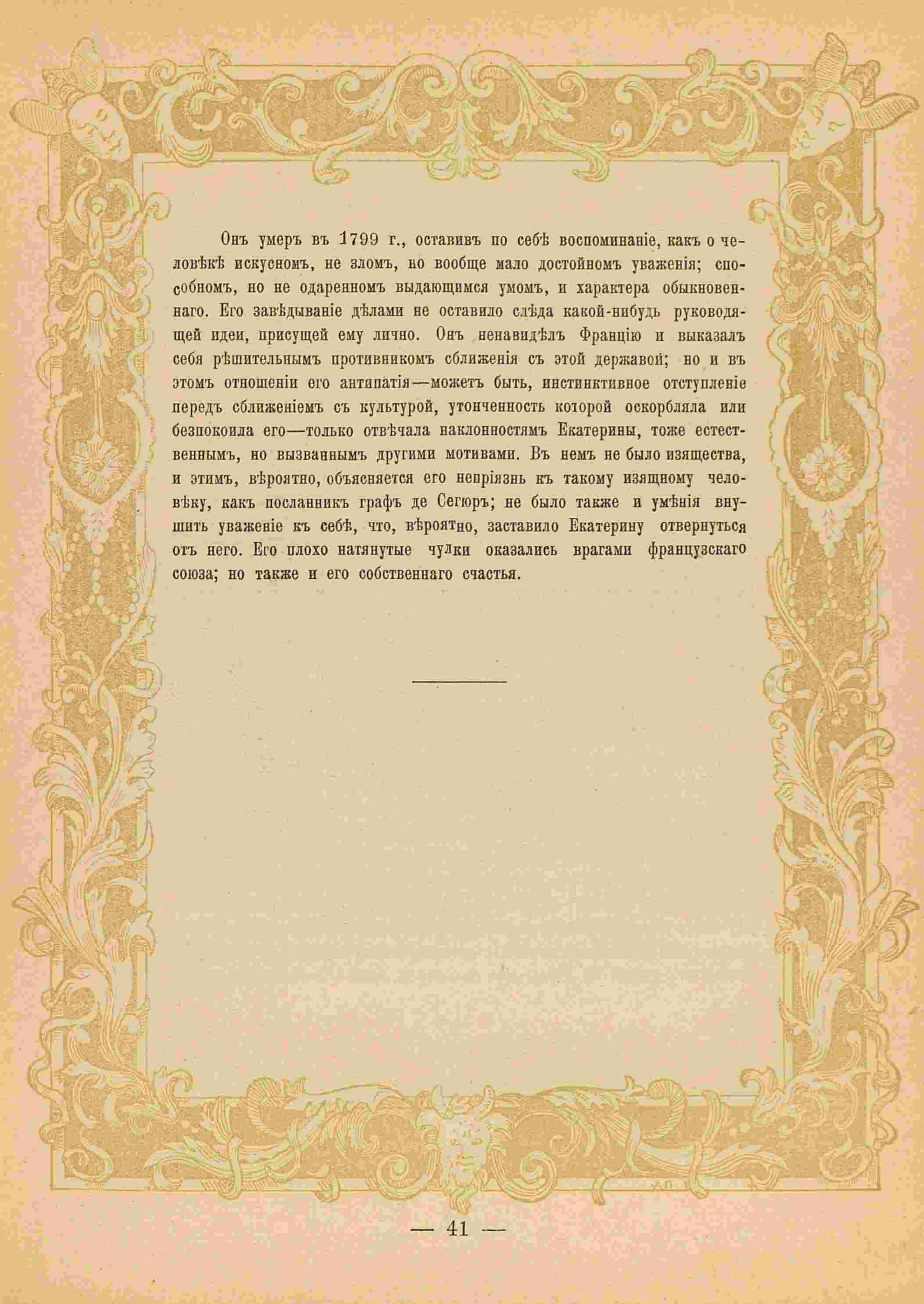

дѣлахъ, теперь приходилось слышать, какъ ихъ свиданія, — производившія немедленно переполохъ и при дворѣ, и въ городѣ, — проходили въ разговорахъ о самыхъ заурядныхъ вещахъ. Какъ прежде, Безбородко вынималъ изъ кармана какіе-то листки: но они оказывались какимъ-нибудь мальчишескимъ письмомъ его молодого друга князя Кочубея, назначеннаго по его ходатайству посломъ въ Константинополь, гдѣ онъ занимался чѣмъ хотите, только не возстановленіемъ Греціи *).

Такъ продолжалось до того момента, когда въ той самой комнатѣ, гдѣ царствовали испугъ и смятеніе, внесенные неожиданной смертью, помертвѣвшіе придворные преклонились передъ новымъ повелителемъ. Увѣренный въ расположеніи Растопчина, сдѣлавшагося всесильнымъ въ эту минуту, Безбородко явился однимъ изъ первыхъ. Павелъ принялъ его милостиво. Не подозрѣвалъ ли онъ, что у графа хранится тотъ ужасный документъ, о которомъ столько говорили — орудіе его паденія; завѣщаніе, лишающее Павла престолонаслѣдія? Мы еще вернемся впоследствии къ этому вопросу. Скажемъ впередъ, что до сихъ поръ онъ не получилъ положительнаго рѣшенія. Павелъ проявилъ большую щедрость къ впадшему въ немилость слугѣ матери; можетъ быть, онъ просто былъ радъ найти человѣка, опытнаго въ дѣлахъ и врага Зубова. Безбородко былъ возведенъ въ санъ канцлера, получилъ титулъ князя и потомственный титулъ свѣтлѣйшаго, кромѣ того нѣсколько квадратныхъ верстъ казенныхъ земель въ Воронежской губерніи, городъ Дмитріевъ и огромныя помѣстья въ Орловской губерніи. У Безбородко, такимъ образомъ, оказалось до 45 тысячъ крестьянъ, что не помѣшало ему входить въ долги до самой смерти.

---

*) Григоровичъ, авторъ научной *біографіи Безбородко*, появившейся сначала въ Русскомъ Архивѣ (1875—77), оспариваетъ эти данныя, почерпнутыя нами изъ *Записокъ Грибовскаго* и переписки самого Безбородко. Григоровичъ утверждаетъ, что Безбородко до смерти Екатерины пользовался большимъ довѣріемъ императрицы. Мы не можемъ раздѣлять это мнѣніе. Нѣкоторыя мѣста въ письмахъ Безбородко къ С. Воронцову ясно показываютъ, что онъ не былъ уже въ курсѣ важныхъ дѣлъ, касавшихся внѣшней или внутренней политики императрицы.

Онъ умеръ въ 1799 г., оставивъ по себѣ воспоминаніе, какъ о чело-
вѣкѣ искусномъ, не зломъ, но вообще мало достойномъ уваженія; спо-
собномъ, но не одаренномъ выдающимся умомъ, и характера обыкновен-
наго. Его завѣдываніе дѣлами не оставило слѣда какой-нибудь руководя-
щей идеи, присущей ему лично. Онъ ненавидѣлъ Францію и выказалъ
себя рѣшительнымъ противникомъ сближенія съ этой державой; но и въ
этомъ отношеніи его антипатія—можетъ быть, инстинктивное отступленіе
передъ сближеніемъ съ культурой, утонченность которой оскорбляла или
безпокоила его—только отвѣчала наклонностямъ Екатерины, тоже естест-
веннымъ, но вызваннымъ другими мотивами. Въ немъ не было изящества,
и этимъ, вѣроятно, объясняется его неприязнь къ такому изящному чело-
вѣку, какъ посланникъ графъ де Сегюръ; не было также и умѣнія вну-
шить уваженіе къ себѣ, что, вѣроятно, заставило Екатерину отвернуться
отъ него. Его плохо натянутые чулки оказались врагами французскаго
союза; но также и его собственнаго счастья.

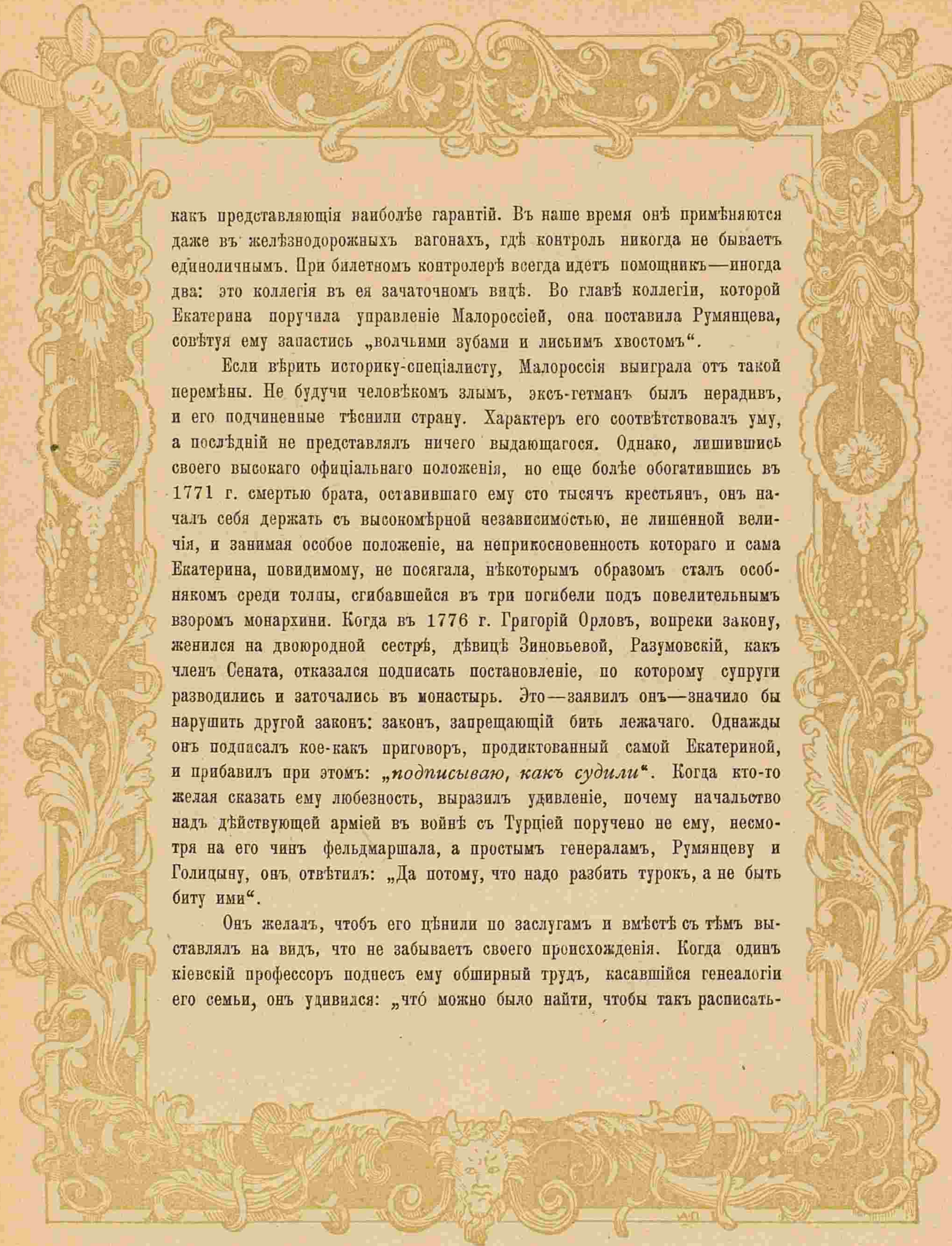
V.

Среди придворныхъ Екатерины былъ еще одинъ малороссъ, который играя роль незначительную, занималъ, однако, видное положеніе. Графъ Кирилль Разумовскій былъ меньшимъ братомъ Алексѣя, фаворита и предполагаемаго супруга Елизаветы. Сынъ украинскаго крестьянина, Григорія Разума, Алексѣй началъ свою карьеру въ С.-Петербургѣ пѣвчимъ въ придворномъ хорѣ, гдѣ его красивый голосъ обратилъ на себя вниманіе императрицы. Кирилль подвигался въ своей карьерѣ такъ же быстро, какъ красавецъ-пѣвчій. Въ пятнадцать лѣтъ, кое-чему научившись въ Берлинѣ у математика Эйлера, онъ уже былъ камеръ-юнкеромъ; въ шестнадцать—графомъ Священной Имперіи; въ семнадцать—камергеромъ и кавалеромъ ордена Св. Анны; въ двадцать—ордена Александра Невскаго и—президентомъ Академіи Наукъ! Годъ спустя, онъ женился на княжнѣ Екатеринѣ Нарышкиной, двоюродной сестрѣ императрицы Елизаветы, самой богатой русской наслѣдницѣ, и продолжалъ все возвышаться въ чинахъ. Онъ былъ генераль-адъютантомъ, командовалъ гвардейскимъ полкомъ, а въ двадцать два года сдѣлался гетманомъ малороссійскихъ казаковъ. Этотъ постъ оставался незамѣненнымъ въ продолженіе шестнадцати лѣтъ—со времени смерти послѣдняго выборнаго гетмана. Елизавета возстановила эту должность для Кирилла и пожаловала ему всѣ огромные доходы, накопившіеся за время, пока это мѣсто оставалось незанятымъ. И Петръ III отнесся хорошо къ этому баловню судьбы, что, однако, не помѣшало Кириллу стать на сторону Екатерины и помогать ей во время государственнаго переворота. Онъ втайнѣ вздыхалъ по прекраснымъ глазамъ великой княгини, но служилъ ея интересамъ со осторожностью, боясь скомпрометиро-

вать себя. Измайловскій полкъ, которымъ онъ командовалъ, долженъ былъ первымъ привѣтствовать новую императрицу. Разумовскій зналъ это, молчалъ, но отказался выдвинуться впередъ. Самый отважный и вспыльчивый изъ Орловыхъ, Алексѣй, попытался побороть его осторожность и изворотливость, рѣшившись однажды ночью проникнуть въ спальню гетмана, чтобъ переговорить съ нимъ объ общемъ планѣ. Разумовскій выслушалъ молодого человѣка, какъ бы подумалъ, и покачавъ головой, посоветовалъ ему обратиться къ кому-нибудь другому: „къ тому, кто знаетъ больше насъ съ вами“. И загасивъ свѣчу, онъ громко захрапѣлъ. Однако, онъ все же принялъ дѣятельное участіе въ выполненіи заговора, какъ — типографъ. Манифестъ о восшествіи на престолъ Екатерины былъ напечатанъ въ подвалахъ Академіи Наукъ.

Новая императрица была въ затрудненіи, какъ наградить Разумовскаго за такое участіе. Самому богатому человѣку въ Россіи нельзя было заплатить деньгами. Она назначила его въ Сенатъ: это было довольно скучно, и Разумовскій взглянулъ на свое назначеніе именно съ такой точки зрѣнія. Съ этой минуты онъ разыгрываетъ роль недовольнаго, дуется на фаворита Орлова и разрушаетъ проектъ брака, на который Екатерина соглашалась въ 1763 г. Въ слѣдующемъ году онъ вздумалъ самъ себѣ назначить награду за свои услуги: онъ возмечталъ сдѣлать гетманство наслѣдственнымъ. Его ставленники работали среди казацкихъ главарей и убѣдили ихъ подписать прошеніе въ этомъ духѣ. Екатерина была удивлена и недовольна: проектъ шелъ прямо въ разрѣзъ съ ея объединительной политикой. Орловы сочли случай удобнымъ, чтобъ отомстить и очистить мѣсто, которое, безъ сомнѣнія, должно было достаться одному изъ нихъ. Они усердно принялись хлопотать, и Екатерина не мѣшала имъ. Разумовскій испугался — онъ вообще былъ не изъ храбрыхъ — и подалъ въ отставку. Этого только и ждала Екатерина; но Орловыхъ постигло разочарованіе: оставшееся свободнымъ гетманство, просто, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, было уничтожено и замѣнено коллегіей. Эту коллегіальную административную организацію особенно любила великая императрица, и до сихъ поръ подобныя организаціи пользуются въ Россіи симпатіями,

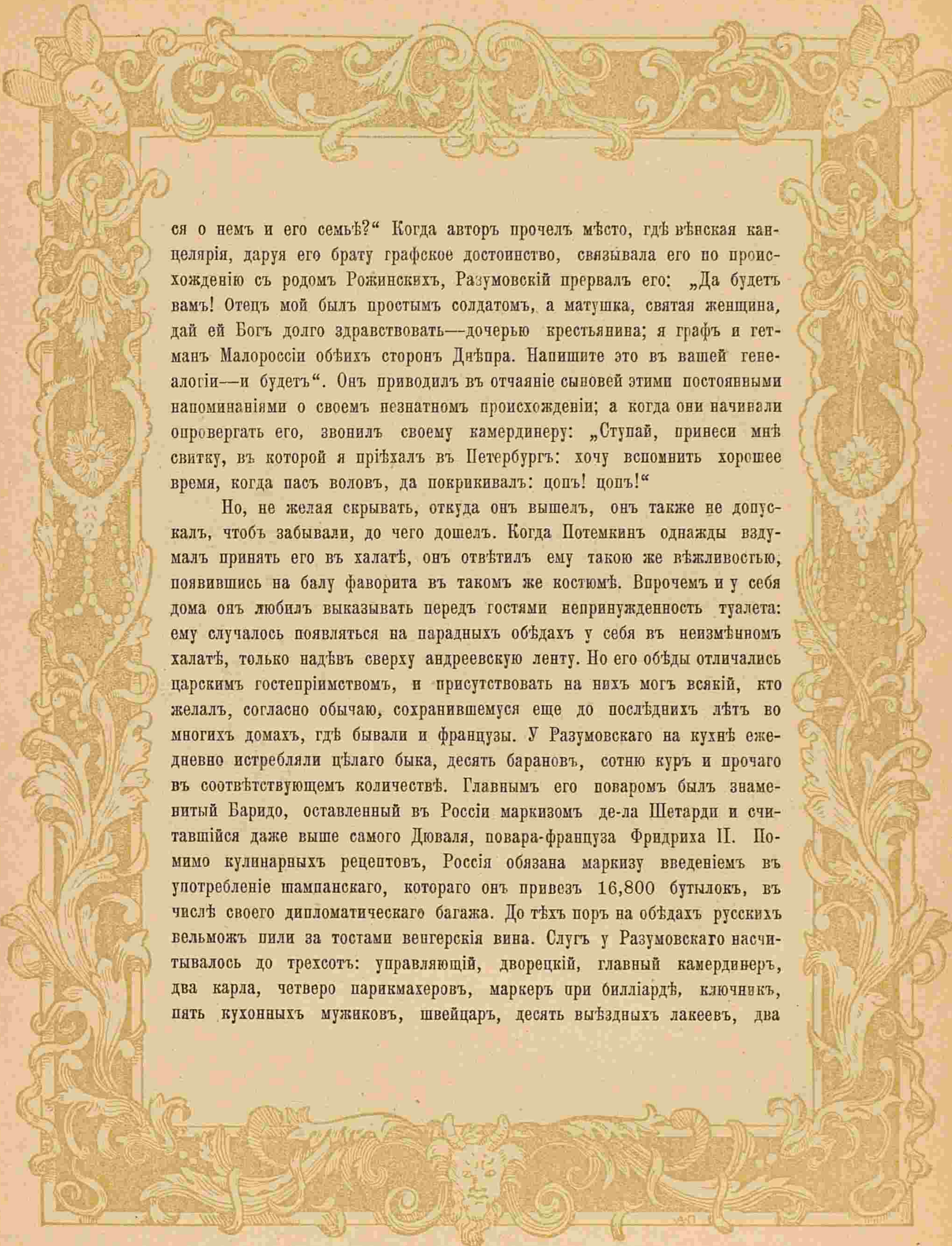

какъ представляющія наиболѣе гарантій. Въ наше время онѣ примѣняются даже въ желѣзнодорожныхъ вагонахъ, гдѣ контроль никогда не бываетъ единоличнымъ. При билетномъ контролѣ всегда идетъ помощникъ—иногда два: это коллегія въ ея зачаточномъ видѣ. Во главѣ коллегіи, которой Екатерина поручила управленіе Малороссіей, она поставила Румянцева, совѣтуя ему заpastись „волчьими зубами и лисьимъ хвостомъ“.

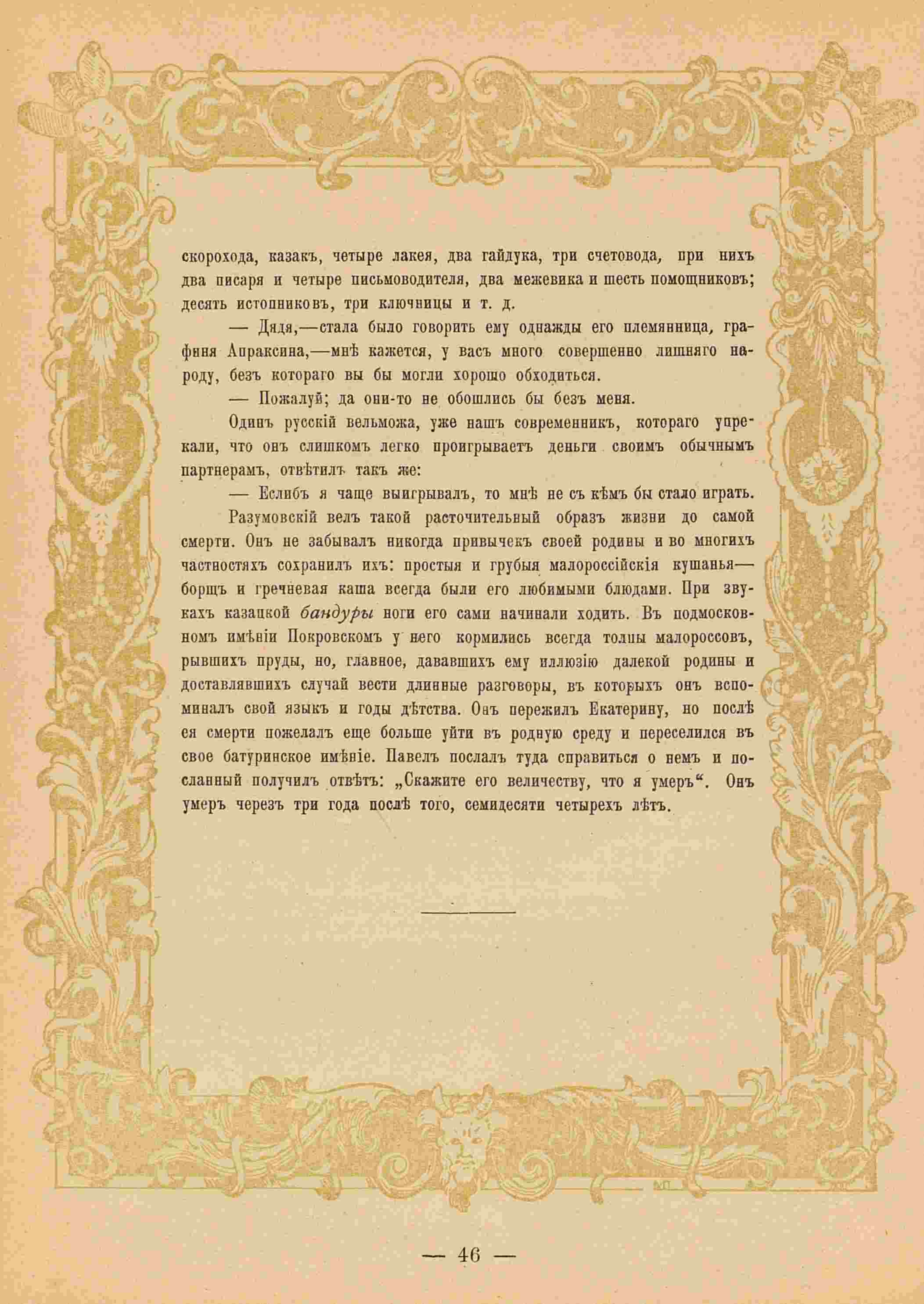
Если вѣрить историку-спеціалисту, Малороссія выиграла отъ такой перемѣны. Не будучи человѣкомъ злымъ, эксъ-гетманъ былъ нерадивъ, и его подчиненные тѣснили страну. Характеръ его соответствовалъ уму, а послѣдній не представлялъ ничего выдающагося. Однако, лишившись своего высокаго офиціальнаго положенія, но еще болѣе обогатившись въ 1771 г. смертью брата, оставившаго ему сто тысячъ крестьянъ, онъ началъ себя держать съ высокоумѣнной независимостью, не лишенной величія, и занимая особое положеніе, на неприкосновенность котораго и сама Екатерина, повидимому, не посягала, нѣкоторымъ образомъ стала особнякомъ среди толпы, сгибавшейся въ три погибели подъ повелительнымъ взоромъ монархини. Когда въ 1776 г. Григорій Орловъ, вопреки закону, женился на двоюродной сестрѣ, дѣвицѣ Зиновьевой, Разумовскій, какъ членъ Сената, отказался подписать постановленіе, по которому супруги разводились и заточались въ монастырь. Это—заявилъ онъ—значило бы нарушить другой законъ: законъ, запрещающій бить лежащаго. Однажды онъ подписалъ кое-какъ приговоръ, продиктованный самой Екатериной, и прибавилъ при этомъ: „подписываю, какъ судили“. Когда кто-то желая сказать ему любезность, выразилъ удивленіе, почему начальство надъ дѣйствующей арміей въ войнѣ съ Турціей поручено не ему, несмотря на его чинъ фельдмаршала, а простымъ генераламъ, Румянцеву и Голицыну, онъ отвѣтилъ: „Да потому, что надо разбить турокъ, а не быть биту ими“.

Онъ желалъ, чтобъ его цѣнили по заслугамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ представлялъ на видъ, что не забываетъ своего происхожденія. Когда одинъ кіевскій профессоръ поднесъ ему обширный трудъ, касавшійся генеалогіи его семьи, онъ удивился: „что можно было найти, чтобы такъ расписать-

ся о немъ и его семьѣ?“ Когда авторъ прочелъ мѣсто, гдѣ вѣнская канцелярія, даруя его брату графское достоинство, связывала его по происхожденію съ родомъ Рожинскихъ, Разумовскій прервалъ его: „Да будетъ вамъ! Отецъ мой былъ простымъ солдатомъ, а матушка, святая женщина, дай ей Богъ долго здравствовать—дочерью крестьянина; я графъ и гетманъ Малороссіи обѣихъ сторонъ Днѣпра. Напишите это въ вашей генеалогіи—и будетъ“. Онъ приводилъ въ отчаяніе сыновей этими постоянными напоминаніями о своемъ незнатномъ происхожденіи; а когда они начинали опровергать его, звонилъ своему камердинеру: „Ступай, принеси мнѣ свитку, въ которой я пріѣхалъ въ Петербургъ: хочу вспомнить хорошее время, когда пасъ воловъ, да покрикивалъ: цопъ! цопъ!“

Но, не желая скрывать, откуда онъ вышелъ, онъ также не допускалъ, чтобъ забывали, до чего дошелъ. Когда Потемкинъ однажды вздумалъ принять его въ халатъ, онъ отвѣтилъ ему такою же вѣжливостью, появившись на балу фаворита въ такомъ же костюмѣ. Впрочемъ и у себя дома онъ любилъ выказывать передъ гостями непринужденность туалета: ему случалось появляться на парадныхъ обѣдахъ у себя въ неизмѣнномъ халатѣ, только надѣвъ сверху андреевскую ленту. Но его обѣды отличались царскимъ гостепріимствомъ, и присутствовать на нихъ могъ всякій, кто желалъ, согласно обычаю, сохранившемуся еще до послѣднихъ лѣтъ во многихъ домахъ, гдѣ бывали и французы. У Разумовскаго на кухнѣ ежедневно истребляли цѣлаго быка, десять барановъ, сотню куръ и прочаго въ соотвѣтствующемъ количествѣ. Главнымъ его поваромъ былъ знаменитый Баридо, оставленный въ Россіи маркизомъ де-ла Шетарди и считавшійся даже выше самого Дюваля, повара-француза Фридриха II. Помимо кулинарныхъ рецептовъ, Россія обязана маркизу введеніемъ въ употребленіе шампанскаго, котораго онъ привезъ 16,800 бутылокъ, въ числѣ своего дипломатическаго багажа. До тѣхъ поръ на обѣдахъ русскихъ вельможъ пили за тостами венгерскія вина. Слугъ у Разумовскаго насчитывалось до трехсотъ: управляющій, дворецкій, главный камердинеръ, два карла, четверо парикмахеровъ, маркеръ при билліардѣ, ключникъ, пять кухонныхъ мужиковъ, швейцарь, десять выѣздныхъ лакеевъ, два

скорохода, казакъ, четыре лакея, два гайдука, три счетовода, при нихъ два писаря и четыре писмоводителя, два межевика и шесть помощниковъ; десять истопниковъ, три ключницы и т. д.

— Дядя,—стала было говорить ему однажды его племянница, графиня Апраксина,—мнѣ кажется, у васъ много совершенно лишняго народу, безъ котораго вы бы могли хорошо обходиться.

— Пожалуй; да они-то не обошлись бы безъ меня.

Одинъ русскій вельможа, уже нашъ современникъ, котораго упрекали, что онъ слишкомъ легко проигрываетъ деньги своимъ обычнымъ партнерамъ, отвѣтилъ такъ же:

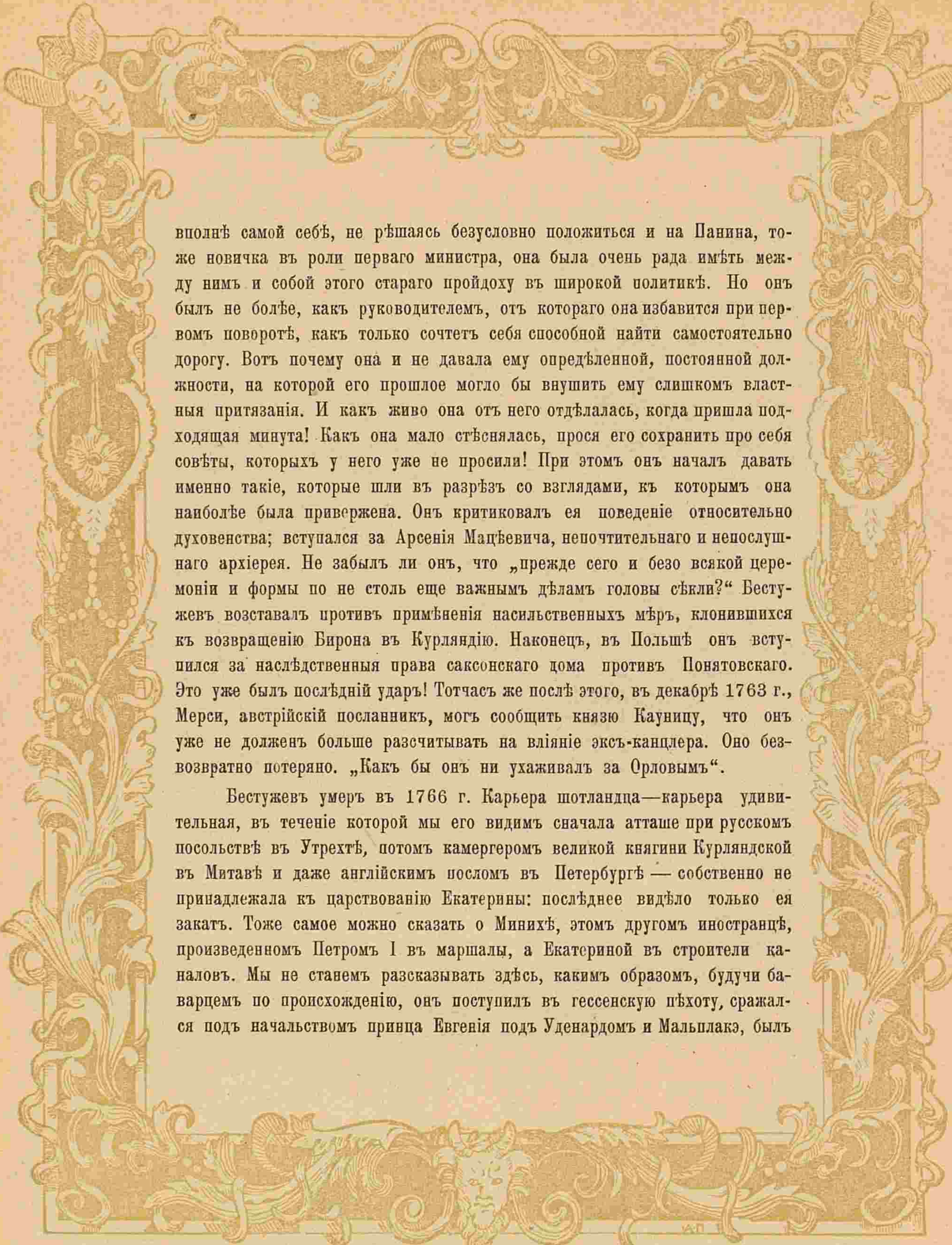
— Еслибъ я чаще выигрывалъ, то мнѣ не съ кѣмъ бы стало играть.

Разумовскій велъ такой расточительный образъ жизни до самой смерти. Онъ не забывалъ никогда привычекъ своей родины и во многихъ частностяхъ сохранилъ ихъ: простыя и грубыя малороссійскія кушанья—борщъ и гречневая каша всегда были его любимыми блюдами. При звукахъ казацкой *бандуры* ноги его сами начинали ходить. Въ подмосковномъ имѣнн Покровскомъ у него кормились всегда толпы малороссовъ, рывшихъ пруды, но, главное, дававшихъ ему иллюзію далекой родины и доставлявшихъ случай вести длинные разговоры, въ которыхъ онъ вспоминалъ свой языкъ и годы дѣтства. Онъ пережилъ Екатерину, но послѣ ея смерти пожелалъ еще больше уйти въ родную среду и переселился въ свое батуринское имѣніе. Павелъ послалъ туда справиться о немъ и посланный получилъ отвѣтъ: „Скажите его величеству, что я умеръ“. Онъ умеръ черезъ три года послѣ того, семидесяти четырехъ лѣтъ.

VI.

Къ совершенно иному типу принадлежали иностранные сотрудники, къ которымъ Екатеринѣ, какъ ни какъ, все же приходилось прибѣгать. Иначе ей трудно было бы пополнять кадры своего дипломатическаго персонала, который въ Россіи всегда нуждался въ этихъ вспомогательныхъ силахъ. Екатеринѣ удалось отдѣлаться отъ Бестужева: состарѣвшійся, изжившійся, растерявшійся въ виду новаго положенія вещей, этотъ *кондотьеръ*, въ которомъ русскаго было только заимствованное окончаніе его фамиліи *), ни на что уже не годился. Екатерина была ему обязана и постаралась заплатить свой долгъ. Навстрѣчу ему, когда онъ возвращался изъ ссылки, императрица послала самого Григорія Орлова съ придворными экипажами. Она омеблировала ему домъ и „снабдила всѣмъ, не щадя издержекъ“. Даже испугала Сольмса, посланника Фридриха, жаловавшагося на невѣроятную слабость императрицы „къ этому старому вралю, который топилъ въ винѣ жалкіе остатки своего разума“. Бестужевъ, какъ извѣстно, всю свою жизнь былъ завязанъ „австрійцемъ“. Императрица даже воспользовалась его долгой опытностью. Вначалѣ ни одинъ шагъ въ политикѣ какъ внутренней, такъ и внѣшней, не дѣлался безъ старика; ежедневно записка, быстро набросанная самой Екатериной, призывала его во дворецъ: „Батюшка, Алексѣй Петровичъ, пожалуй, помогай совѣтами!“ „Батюшка“ пріѣзжалъ, давалъ свой совѣтъ, иногда даже настаивалъ на принятіи его; но о возстановленіи его офиціального положенія и всемогущества, — какъ онъ самъ того желалъ, а кругомъ него надѣялись и боялись — не было и рѣчи. Елизаветинскій канцлеръ умеръ, и Екатеринѣ ни на одну минуту не приходило въ голову воскресить его. Не довѣряя

*) Его настоящая фамилія, унаслѣдованная имъ отъ отца, шотландскаго офицера — была, какъ кажется, Бестъ или въ родѣ этого.

вполнѣ самой себѣ, не рѣшаясь безусловно положиться и на Панина, тоже новичка въ роли перваго министра, она была очень рада имѣть между нимъ и собой этого стараго пройдоху въ широкой политикѣ. Но онъ былъ не болѣе, какъ руководителемъ, отъ котораго она избавится при первомъ поворотѣ, какъ только сочтетъ себя способной найти самостоятельно дорогу. Вотъ почему она и не давала ему опредѣленной, постоянной должности, на которой его прошлое могло бы внушить ему слишкомъ властные притязанія. И какъ живо она отъ него отдѣлалась, когда пришла подходящая минута! Какъ она мало стѣснялась, прося его сохранить про себя совѣты, которыхъ у него уже не просили! При этомъ онъ началъ давать именно такіе, которые шли въ разрѣзъ со взглядами, къ которымъ она наиболѣе была привержена. Онъ критиковалъ ея поведеніе относительно духовенства; вступался за Арсенія Мацѣевича, непочтительнаго и непослушнаго архіерея. Не забылъ ли онъ, что „прежде сего и безо всякой церемоніи и формы по не столь еще важнымъ дѣламъ головы сѣкли?“ Бестужевъ возставалъ противъ примѣненія насильственныхъ мѣръ, клонившихся къ возвращенію Бирона въ Курляндію. Наконецъ, въ Польшѣ онъ вступился за наслѣдственныя права саксонскаго дома противъ Понятовскаго. Это уже былъ послѣдній ударъ! Тотчасъ же послѣ этого, въ декабрѣ 1763 г., Мерси, австрійскій посланникъ, могъ сообщить князю Кауницу, что онъ уже не долженъ больше рассчитывать на вліяніе эксъ-канцлера. Оно безвозвратно потеряно. „Какъ бы онъ ни ухаживалъ за Орловымъ“.

Бестужевъ умеръ въ 1766 г. Карьера шотландца—карьера удивительная, въ теченіе которой мы его видимъ сначала атташе при русскомъ посольствѣ въ Утрехтѣ, потомъ камергеромъ великой княгини Курляндской въ Митавѣ и даже англійскимъ посломъ въ Петербургѣ — собственно не принадлежала къ царствованію Екатерины: послѣднее видѣло только ея закатъ. Тоже самое можно сказать о Минихѣ, этомъ другомъ иностранцѣ, произведенномъ Петромъ I въ маршалы, а Екатериной въ строители каналовъ. Мы не станемъ рассказывать здѣсь, какимъ образомъ, будучи баварцемъ по происхожденію, онъ поступилъ въ гессенскую пѣхоту, сражался подъ начальствомъ принца Евгенія подъ Уденардомъ и Мальплакэ, былъ

взять въ плѣнъ французами при Денэнѣ, перешелъ въ ряды саксонско-польской арміи въ 1721 г., тридцати восьми лѣтъ отъ роду очутился въ свитѣ Петра Великаго, сталъ главнокомандующимъ царской арміи, и одержавъ во главѣ ея блистательныя побѣды, двадцать лѣтъ спустя долженъ былъ взойти на плаху. Топоръ пощадилъ его; онъ былъ отправленъ въ вѣчную ссылку. Онъ познакомился съ Сибирью, гдѣ ему выдавался 1 рубль въ день на содержаніе, и гдѣ онъ долженъ былъ давать уроки математики, чтобы не умереть съ голоду! Возвращенный Петромъ III, онъ пытался спасти для него престолъ. Екатерина не стала мстить ему, но также и не подумала возвратитъ ему командованіе войсками. Она не желала ввѣрять этого поста нѣмцу, притомъ восьмидесятилѣтнему старику. Она отправила его въ Ревель, гдѣ и воспользовалась его инженерными познаніями. Повидимому, онъ удовлетворился этимъ и писалъ „своей благодарительницѣ“ письма, поражающія вдохновеніемъ и богатствомъ льстивой фантазіи:

„Вы знаете, Милостивѣйшая Монархиня, что я къ Вашему великому имени прибавлю эпитеты:

„Императрица-миротворца.

„Царица знанія.

„Возстановительница народнаго процвѣтанія.

„Спасеніе и услажденіе народовъ.

„Изумленіе вселенной.

„А для меня, по преимуществу — моя звѣзда и утреннее свѣтило.

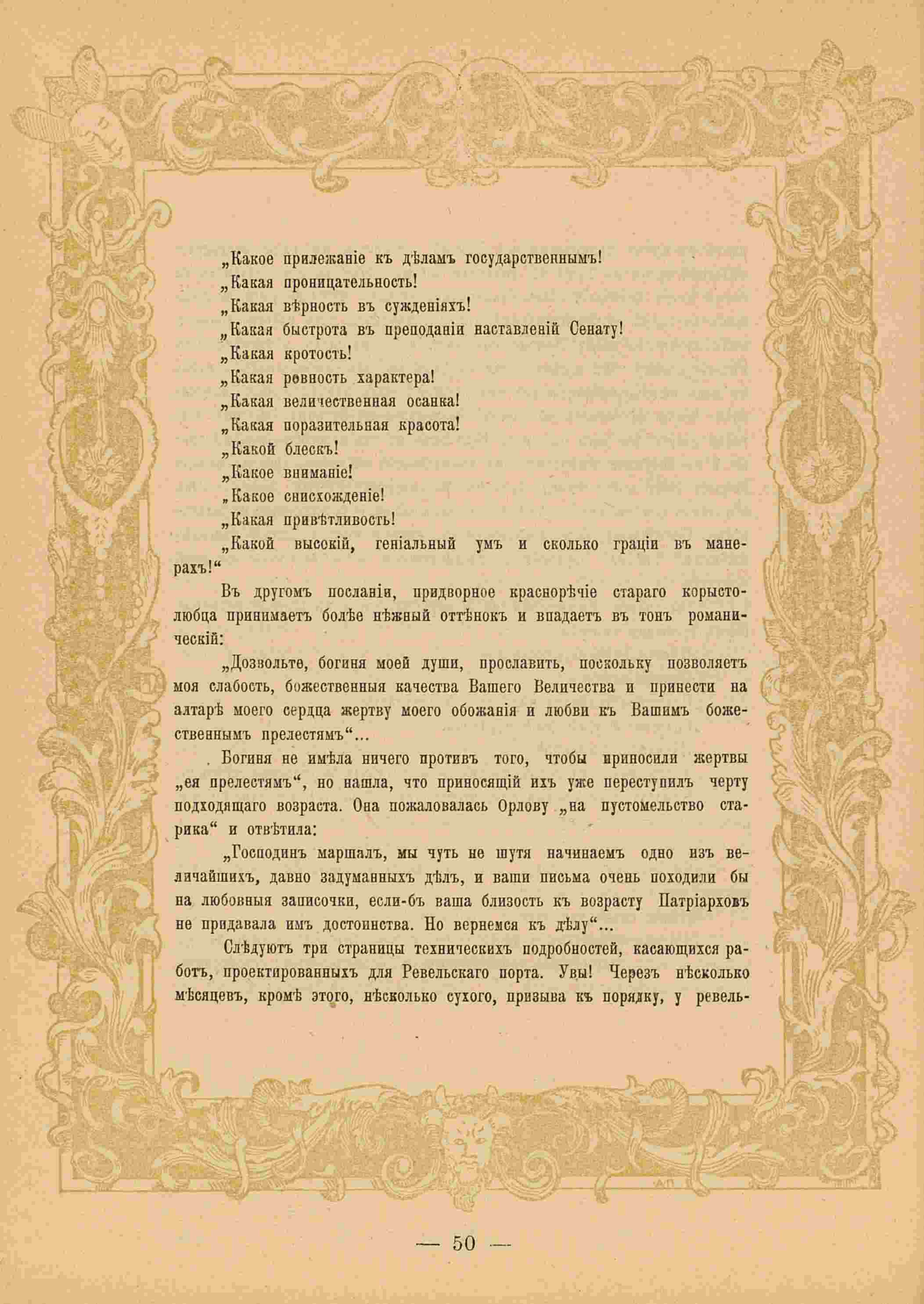
„Никогда я не просыпаюсь, чтобы сіяніе Вашего Величества не озарило радостью мою душу.

Тутъ скобка:

„Не довѣряйте никому, Ваше Величество, постройку Ладожскаго канала, никому, кромѣ меня“.

Затѣмъ, снова начинаются диѳирамбы:

„Никогда не видалъ я картины болѣе восхитительной, какъ та, на которой я могу восторгаться героическими и божественными свойствами Вашего Величества:

„Какое прилежаніе къ дѣламъ государственнымъ!
„Какая проницательность!
„Какая вѣрность въ сужденіяхъ!
„Какая быстрота въ преподаніи наставленій Сенату!
„Какая кротость!
„Какая ровность характера!
„Какая величественная осанка!
„Какая поразительная красота!
„Какой блескъ!
„Какое вниманіе!
„Какое снисхожденіе!
„Какая привѣтливость!
„Какой высокій, геніальный умъ и сколько граціи въ манерахъ!“

Въ другомъ посланіи, придворное краснорѣчіе стараго корыстолюбца принимаетъ болѣе нѣжный оттѣнокъ и впадаетъ въ тонъ романтической:

„Дозвольте, богиня моей души, прославить, поскольку позволяетъ моя слабость, божественныя качества Вашего Величества и принести на алтарь моего сердца жертву моего обожанія и любви къ Вашимъ божественнымъ прелестямъ“...

Богиня не имѣла ничего противъ того, чтобы приносили жертвы „ей прелестямъ“, но нашла, что приносящій ихъ уже переступилъ черту подходящаго возраста. Она пожаловалась Орлову „на пустомельство старика“ и отвѣтила:

„Господинъ маршалъ, мы чуть не шутя начинаемъ одно изъ величайшихъ, давно задуманныхъ дѣлъ, и ваши письма очень походили бы на любовныя записочки, если-бъ ваша близость къ возрасту Патріарховъ не придавала имъ достоинства. Но вернемся къ дѣлу“...

Слѣдуютъ три страницы техническихъ подробностей, касающихся работъ, проектированныхъ для Ревельскаго порта. Увы! Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, кромѣ этого, нѣсколько сухого, призыва къ порядку, у ревель-

скаго изгнанника нашлись и другія причины, чтобы отказаться отъ своихъ мадригаловъ. Къ концу года изъ-подъ его пера выходятъ строки уже совершенно въ иномъ тонѣ:

„Какое время парадоксовъ переживаемъ мы! Я горячо желаю служить Вамъ, воскресить геній Петра Великаго и его славу, обезсмертить Ваше имя, уже божественное, а Вы сами... стараетесь связать меня по рукамъ и ногамъ. Вы отказываете мнѣ во всякой поддержкѣ и помощи. Вы предпочитаете мнѣ Разумовскихъ и Бутурлиныхъ. Знаю я этихъ героев! Четырехъ словъ достаточно, чтобы нарисовать ихъ портретъ съ натуры. Я не завидую имъ ни въ ихъ величїи, ни въ возвышенїи, но никогда не перенесу, чтобы меня унижали изъ-за нихъ“...

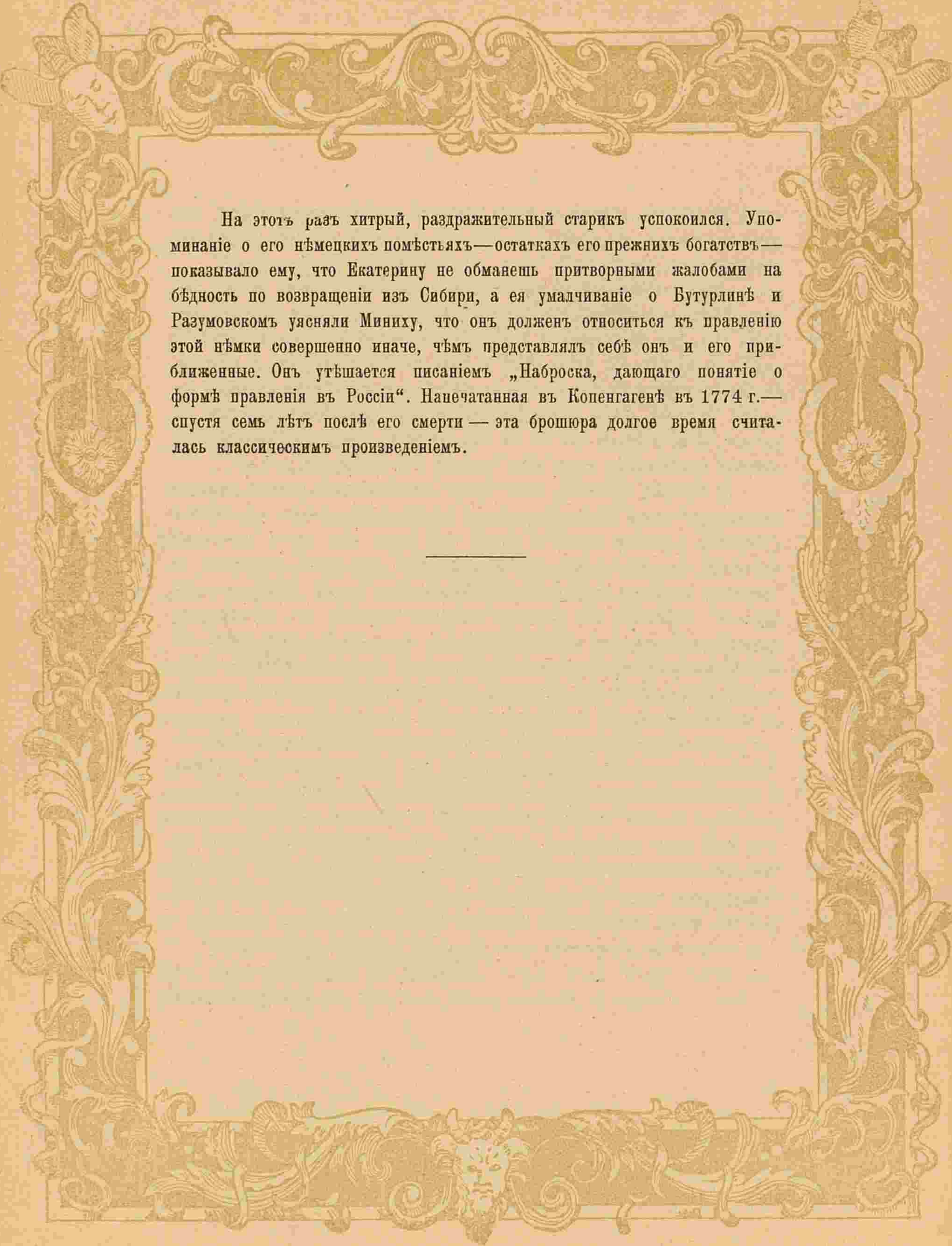
И жалобы, сѣтованїя, даже брань продолжаются. Старый служака напоминаетъ вдовѣ Петра III, что онъ вернулся изъ ссылки съ шестью рубашками и рваной шубой, и что до сихъ поръ еще ждетъ исполненїя обѣщанїй, слышанныхъ имъ отъ нея на другой день послѣ восшествїя на престоль, когда она ему сказала: „Надѣюсь, мы будемъ довольны другъ другомъ“. Истощивъ всѣ доводы и потерявъ терпѣніе, онъ высказываетъ предположенїе, что ему придется вернуться къ своей бродячей жизни: онъ выражаетъ намѣренїе отправиться на старости лѣтъ зарабатывать хлѣбъ въ Германїю и просить выдать ему его бумаги. На это—долгое молчанїе со стороны Екатерины и затѣмъ, слѣдующее письмо:

„Господинъ фельдмаршалъ! Откровенно говорю Вамъ, что Ваши послѣднїя письма вовсе не возбуждаютъ во мнѣ желанїя отвѣчать на нихъ. Я приказала канцлеру отправить Вамъ Ваши бумаги, чтобы Вы могли переселиться въ свои нѣмецкія помѣстья. Я не намѣрена насильно удерживать кого бы то ни было. Я ненавижу всякое сутяжничество. Такимъ путемъ отъ меня ничего не получишь. Я никому не хочу зла. Я умѣю забыть вовремя и остаюсь съ великимъ уваженїемъ и благодарностью за всѣ прїятныя вещи, которыми Вы украшали Ваши письма.

Расположенная къ Вамъ

Екатерина.

На этотъ разъ хитрый, раздражительный старикъ успокоился. Упомянутое о его нѣмецкихъ помѣстьяхъ—остаткахъ его прежнихъ богатствъ—показывало ему, что Екатерину не обманешь притворными жалобами на бѣдность по возвращеніи изъ Сибири, а ея умалчиваніе о Бутурлинѣ и Разумовскомъ уясняли Миниху, что онъ долженъ относиться къ правленію этой нѣмки совершенно иначе, чѣмъ представлялъ себѣ онъ и его приближенные. Онъ утѣшается писаніемъ „Наброска, дающаго понятіе о формѣ правленія въ Россіи“. Напечатанная въ Копенгагенѣ въ 1774 г.—спустя семь лѣтъ послѣ его смерти—эта брошюра долгое время считалась классическимъ произведеніемъ.

VII.

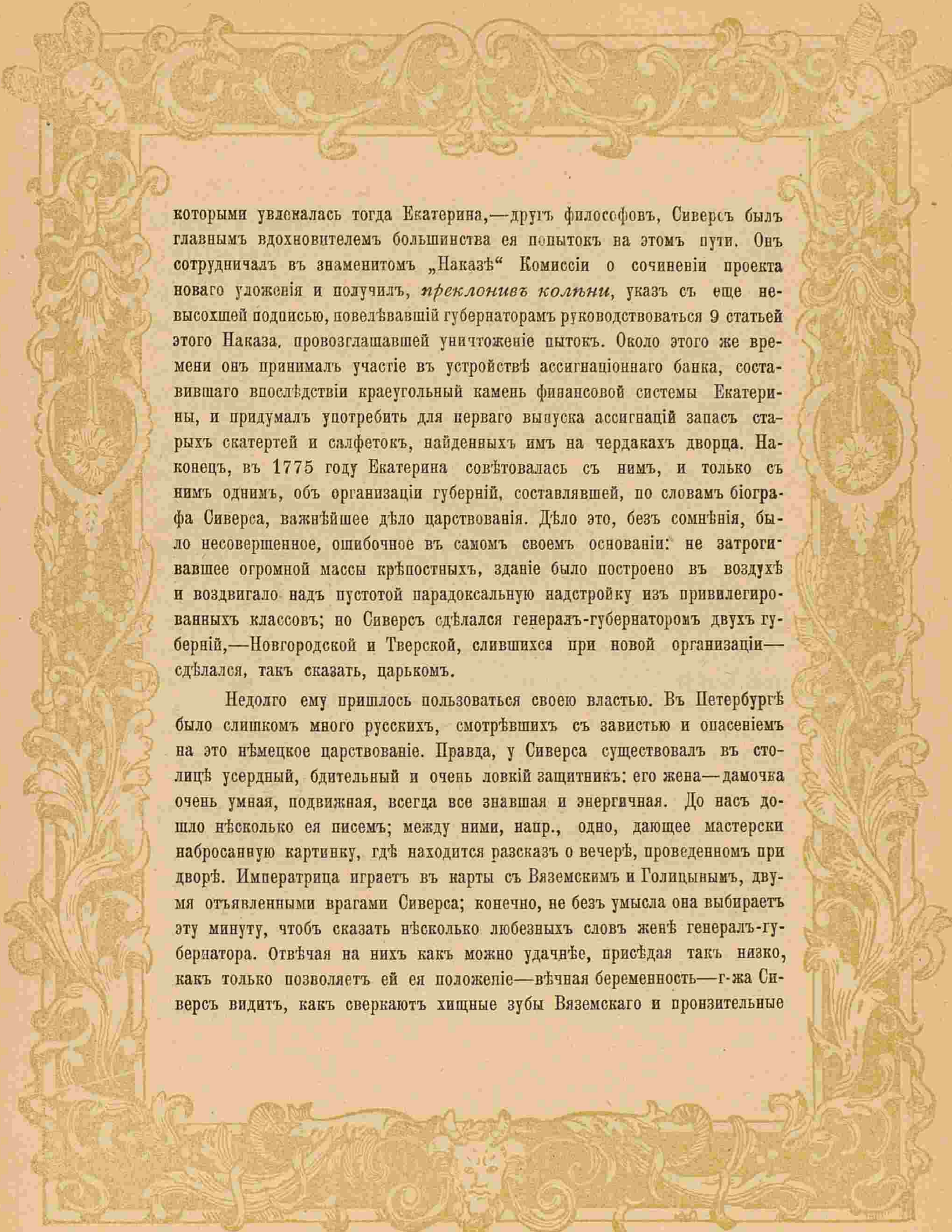
Однако, изъ числа лицъ, окружавшихъ Екатерину, были люди обогнавшіе русскихъ, униженію передъ которыми Минихъ такъ обижался. Такъ, иностранными дѣлами завѣдывалъ Остерманъ, сынъ канцлера императрицы Анны, котораго Кауницъ называлъ „автоматомъ“ и про котораго Сегюръ говорилъ: „Этотъ бѣдный вице-канцлеръ, не смыслящій ничего въ дѣлахъ“. Но онъ искусно владѣлъ офиціальнымъ, канцлерскимъ языкомъ, носилъ съ достоинствомъ напудренный парикъ, кафтанъ съ брыжжами и прочія принадлежности придворнаго наряда и не былъ не на своемъ мѣстѣ въ стеклянной каретѣ, запряженной шестерней бѣлыхъ лошадей — однимъ словомъ, владѣлъ всѣмъ, на что Безбородко оказывался неспособнымъ. Былъ у Екатерины Сальдернъ — голштинецъ, занимавшій въ своемъ отечествѣ скромную должность кассира и покинувшій ее, унеся съ собою кассу. Рюльеръ говоритъ про него, что хотя онъ и соединялъ въ себѣ грубость крестьянина съ педантизмомъ профессора своего отечества, все же онъ оказался очень полезнымъ въ Польшѣ, при подготовленіи перваго раздѣла. Фридрихъ и Сольмсъ видѣли въ немъ просто плута, посредника при заключеніи займовъ, представляющихъ изъ себя не болѣе, какъ мошенничество, и вора, кравшаго табакерки *). Однако, они тоже не пренебрегали его услугами. Были еще у нея Кейзерлингъ и Штакельбергъ, посланные, какъ и Сальдернъ въ Варшаву. Наконецъ, и главное, у нея былъ Сиверсъ, самый совершенный образчикъ этого рода людей.

Одинъ историкъ посвятилъ четыре объемистыхъ тома біографіи этого государственнаго чловѣка. Получился любопытный и восхитительный образецъ недобросовѣстности, съ которой нѣмецъ способенъ говорить о нѣ-

*) Записки „Русскаго Историческаго Общества“ т. LXXII, стр. 490—493.

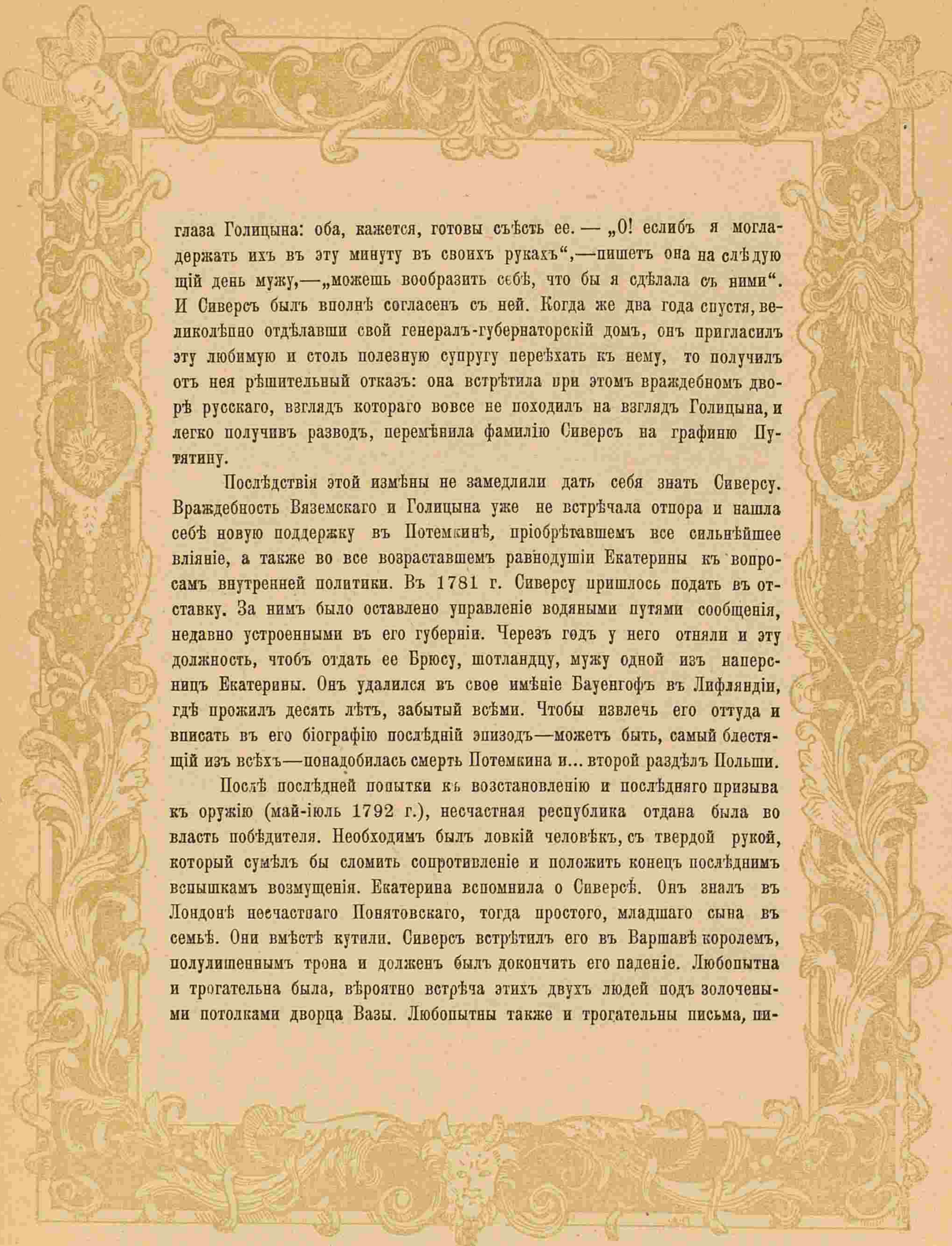
мецкихъ дѣлахъ и людяхъ, Сиверсу Екатерина давала самыя унижительныя порученія, исполненіе которыхъ не принялъ бы, можетъ быть, на себя ни одинъ русскій. У своего историка этотъ императорскій палачъ на берегахъ Вислы и Нѣмана превратился въ носителя всѣхъ добродѣтелей, частныхъ и общественныхъ, въ героя, почти святого.

Безъ сомнѣнія любопытную фигуру представлялъ этотъ германецъ, съ очень легкой русской окраской, безупречный чиновникъ и придворный, не оставившій желать ничего больше: дѣятельный, образованный, сентиментальный и жестокій, способный на гуманные поступки на ряду съ проявленіями дикости; соединившій привычки уравновѣшеннаго мѣщанина съ склонностями разбойника. И онъ былъ тоже голштинецъ. Одному изъ его дядей, пріѣхавшему въ Россію искать счастья, посчастливилось сыграть роль въ первой главѣ романа, превратившаго Софью Ангальтъ-Цербтскую въ наслѣдницу Петра Великаго: ему было поручено въ 1742 году привезти Елизаветѣ портретъ будущей невѣсты Петра III. Племянникъ нашель, будучи семнадцати лѣтъ, покровителя въ Петрѣ Чернышовѣ, котораго онъ сопровождалъ въ Лондонъ и у котораго началъ свое дипломатическое обученіе. Потомъ онъ служилъ въ арміи и принималъ участіе въ побѣдахъ при Гроссъ-Егерндорфѣ и Цорндорфѣ. Но эта карьера была не по немъ. Екатерина открыла въ немъ въ 1764 г. администраторскія способности и назначила его новгородскимъ губернаторомъ. Эта губернія, имѣвшая 1700 верстъ длины и 800 ширины, представляла изъ себя совершенную пустыню: ни полиціи, ни почты, ни дорогъ; развалины дворца въ главномъ городѣ и тюрьма съ тысячей двумястами арестантовъ. Сиверсъ проявилъ тутъ большую дѣятельность. Черезъ три года Екатерина, въ одномъ изъ своихъ писемъ, совѣтовала, чтобы онъ *не забылъ жениться* среди своихъ безпрестанныхъ переѣздовъ. Онъ въ это время, дѣйствительно, сватался къ одной изъ своихъ соотечественницъ; но не переставалъ разъѣзжать. Онъ строилъ шоссеыя дороги и привезъ императрицѣ планъ памятника, который мѣстное дворянство желало поставить „Великой Екатеринѣ“. Если вѣрить его біографу, онъ пріѣзжалъ очень часто въ Петербургъ для совѣтовъ съ императрицей о проектахъ реформъ.

которыми увлекалась тогда Екатерина,—другъ философовъ, Сиверсъ былъ главнымъ вдохновителемъ большинства ея попытокъ на этомъ пути. Онъ сотрудничалъ въ знаменитомъ „Наказѣ“ Комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія и получилъ, *преклонивъ колѣни*, указъ съ еще невысохшей подписью, повелѣвавшій губернаторамъ руководствоваться 9 статьей этого Наказа, провозглашавшей уничтоженіе пытокъ. Около этого же времени онъ принималъ участіе въ устройствѣ ассигнаціоннаго банка, составившаго впоследствии краеугольный камень финансовой системы Екатерины, и придумалъ употребить для перваго выпуска ассигнацій запасъ старыхъ скатертей и салфетокъ, найденныхъ имъ на чердакахъ дворца. Наконецъ, въ 1775 году Екатерина совѣтовалась съ нимъ, и только съ нимъ однимъ, объ организаціи губерній, составлявшей, по словамъ біографа Сиверса, важнѣйшее дѣло царствованія. Дѣло это, безъ сомнѣнія, было несовершенное, ошибочное въ самомъ своемъ основаніи: не затрогивавшее огромной массы крѣпостныхъ, зданіе было построено въ воздухѣ и воздвигало надъ пустотой парадоксальную надстройку изъ привилегированныхъ классовъ; но Сиверсъ сдѣлался генераль-губернаторомъ двухъ губерній,—Новгородской и Тверской, слившихся при новой организаціи—сдѣлался, такъ сказать, царькомъ.

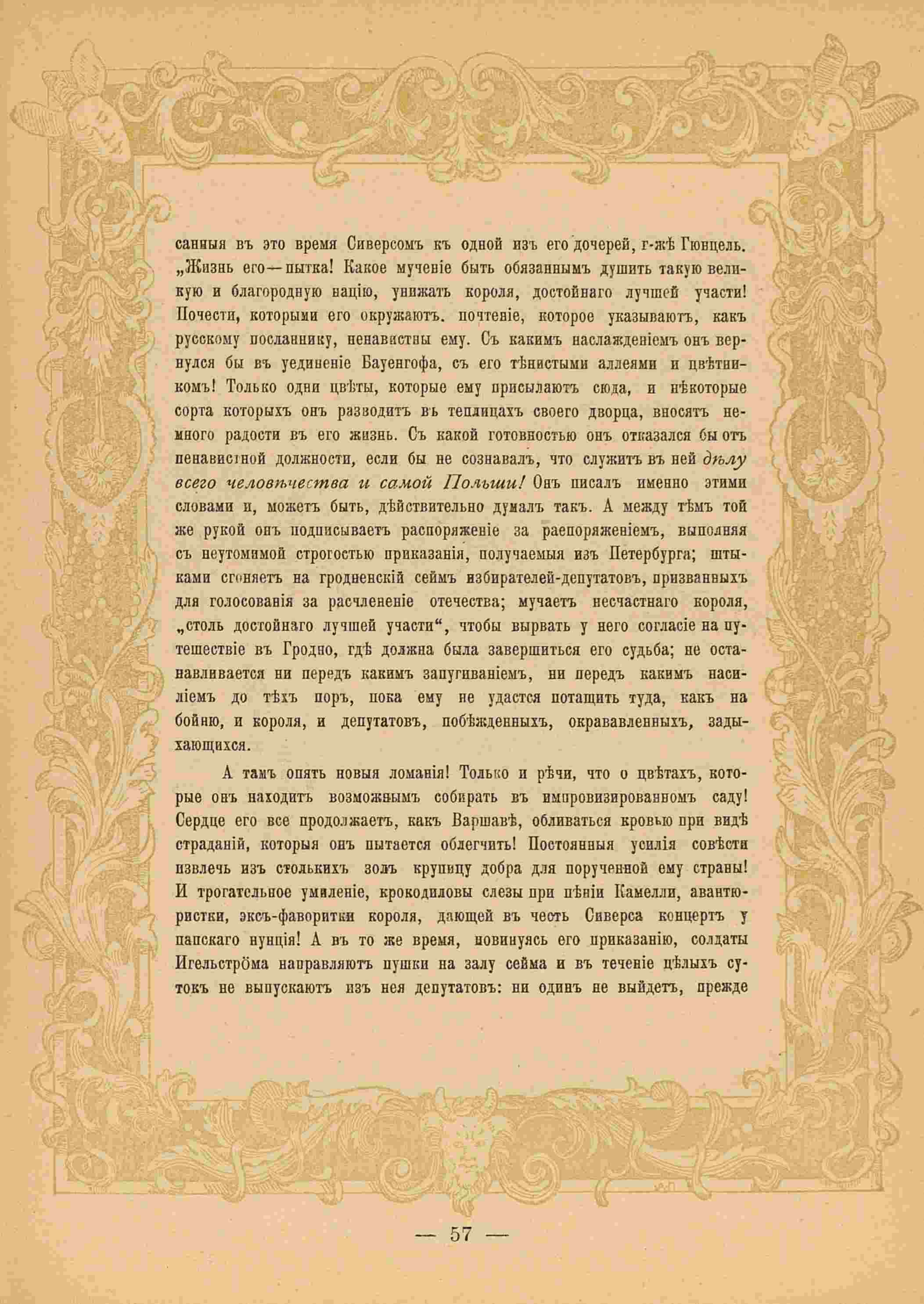
Недолго ему пришлось пользоваться своею властью. Въ Петербургѣ было слишкомъ много русскихъ, смотрѣвшихъ съ завистью и опасеніемъ на это нѣмецкое царствованіе. Правда, у Сиверса существовалъ въ столицѣ усердный, бдительный и очень ловкій защитникъ: его жена—дамочка очень умная, подвижная, всегда все знавшая и энергичная. До насъ дошло нѣсколько ея писемъ; между ними, напр., одно, дающее мастерски набросанную картинку, гдѣ находится рассказъ о вечерѣ, проведенномъ при дворѣ. Императрица играетъ въ карты съ Вяземскимъ и Голицынымъ, двумя отъявленными врагами Сиверса; конечно, не безъ умысла она выбираетъ эту минуту, чтобъ сказать нѣсколько любезныхъ словъ женѣ генераль-губернатора. Отвѣчая на нихъ какъ можно удачнѣе, присѣдая такъ низко, какъ только позволяетъ ей ея положеніе—вѣчная беременность—г-жа Сиверсъ видитъ, какъ сверкаютъ хищные зубы Вяземскаго и пронзительные

глаза Голицына: оба, кажется, готовы съѣсть ее. — „О! еслибъ я могла держать ихъ въ эту минуту въ своихъ рукахъ“, — пишетъ она на слѣдующій день мужу, — „можешь вообразить себѣ, что бы я сдѣлала съ ними“. И Сиверсъ былъ вполне согласенъ съ ней. Когда же два года спустя, великолѣпно отдѣлавши свой генераль-губернаторскій домъ, онъ пригласилъ эту любимую и столь полезную супругу переѣхать къ нему, то получилъ отъ нея рѣшительный отказъ: она встрѣтила при этомъ враждебномъ дворѣ русскаго, взглядъ котораго вовсе не походилъ на взглядъ Голицына, и легко получивъ разводъ, перемѣнила фамилію Сиверсъ на графиню Путьяину.

Послѣдствія этой измѣны не замедлили дать себя знать Сиверсу. Враждебность Вяземскаго и Голицына уже не встрѣчала отпора и нашла себѣ новую поддержку въ Потемкинѣ, пріобрѣтавшемъ все сильнѣйшее вліяніе, а также во все возраставшемъ равнодушіи Екатерины къ вопросамъ внутренней политики. Въ 1781 г. Сиверсу пришлось подать въ отставку. За нимъ было оставлено управленіе водяными путями сообщенія, недавно устроенными въ его губерніи. Черезъ годъ у него отняли и эту должность, чтобъ отдать ее Брюсу, шотландцу, мужу одной изъ наперницъ Екатерины. Онъ удалился въ свое имѣніе Бауенгофъ въ Лифляндіи, гдѣ прожилъ десять лѣтъ, забытый всѣми. Чтобы извлечь его оттуда и вписать въ его біографію послѣдній эпизодъ — можетъ быть, самый блестящій изъ всѣхъ — понадобилась смерть Потемкина и... второй раздѣлъ Польши.

Послѣ послѣдней попытки къ возстановленію и послѣдняго призыва къ оружію (май-іюль 1792 г.), несчастная республика отдана была во власть побѣдителя. Необходимъ былъ ловкій человекъ, съ твердой рукой, который сумѣлъ бы сломить сопротивленіе и положить конецъ послѣднимъ вспышкамъ возмущенія. Екатерина вспомнила о Сиверсѣ. Онъ зналъ въ Лондонѣ несчастнаго Понятовскаго, тогда простаго, младшаго сына въ семьѣ. Они вмѣстѣ кутили. Сиверсъ встрѣтилъ его въ Варшавѣ королемъ, полулишеннымъ трона и долженъ былъ докончить его паденіе. Любопытна и трогательна была, вѣроятно встрѣча этихъ двухъ людей подъ золочеными потолками дворца Вазы. Любопытны также и трогательны письма, пи-

санныя въ это время Сиверсомъ къ одной изъ его дочерей, г-жѣ Гюнцель. „Жизнь его — пытка! Какое мученіе быть обязаннымъ душить такую великую и благородную націю, унижать короля, достойнаго лучшей участи! Почести, которыми его окружаютъ, почтеніе, которое указываютъ, какъ русскому посланнику, ненавистны ему. Съ какимъ наслажденіемъ онъ вернулся бы въ уединеніе Бауенгофа, съ его тѣнистыми аллеями и цвѣтникомъ! Только одни цвѣты, которые ему присылаютъ сюда, и нѣкоторые сорта которыхъ онъ разводитъ въ теплицахъ своего дворца, вносятъ немного радости въ его жизнь. Съ какой готовностью онъ отказался бы отъ ненавистной должности, если бы не сознавалъ, что служить въ ней *дѣлу всего человечества и самой Польши!* Онъ писалъ именно этими словами и, можетъ быть, дѣйствительно думалъ такъ. А между тѣмъ той же рукой онъ подписываетъ распоряженіе за распоряженіемъ, выполняя съ неустойчивой строгостью приказанія, получаемыя изъ Петербурга; штыками сгоняетъ на гродненскій сеймъ избирателей-депутатовъ, призванныхъ для голосованія за расчлененіе отечества; мучаетъ несчастнаго короля, „столь достойнаго лучшей участи“, чтобы вырвать у него согласіе на путешествіе въ Гродно, гдѣ должна была завершиться его судьба; не останавливается ни передъ какимъ запугиваніемъ, ни передъ какимъ насиліемъ до тѣхъ поръ, пока ему не удастся потащить туда, какъ на бойню, и короля, и депутатовъ, побѣжденныхъ, окрававленныхъ, задыхающихся.

А тамъ опять новыя ломанія! Только и рѣчи, что о цвѣтахъ, которые онъ находитъ возможнымъ собирать въ импровизированномъ саду! Сердце его все продолжаетъ, какъ Варшавѣ, обливаться кровью при видѣ страданій, которыя онъ пытается облегчить! Постоянныя усилія совѣсти извлечь изъ столькихъ золь крупицу добра для порученной ему страны! И трогательное умиленіе, крокодиловы слезы при пѣніи Камелли, авантюристки, эксъ-фаворитки короля, дающей въ честь Сиверса концертъ у папскаго нунція! А въ то же время, новинуюсь его приказанію, солдаты Игельстрёма направляютъ пушки на залу сейма и въ теченіе цѣлыхъ сутокъ не выпускаютъ изъ нея депутатовъ: ни одинъ не выйдетъ, прежде

тѣмъ состоится подача голосовъ въ томъ смыслѣ, какъ этого ожидаютъ отъ нихъ.

Дѣйствовалъ ли онъ безсознательно, какъ, повидимому, находилъ его біографъ? Не уѣхалъ ли онъ изъ своего тѣнистаго Бауенгофа, не взвѣсивъ хорошенько возлагаемыхъ на него обязанностей? Нѣтъ: вотъ письмо къ дочери, гдѣ онъ прямо и откровенно хвалится совершеннымъ дѣломъ. И затѣмъ слѣдуетъ награда: пожалованіе ему трехъ тысячъ польскихъ крестьянъ, отъ которыхъ онъ не отказывается. Лучшій доводъ въ его пользу или, по крайней мѣрѣ, говорящей за него, исходитъ съ другой стороны. Настаетъ минута, когда въ Петербургѣ находятъ, что онъ еще не достаточно сдѣлалъ, что рука у него не достаточно тяжела. Его отзываютъ внезапно, позорно, требуютъ даже денежныхъ отчетовъ, объясненія въ тратахъ на содержаніе его дома. Сумма значительная: одинъ столъ его въ Варшавѣ обходился въ 8000 рублей ежемѣсячно! Но онъ защищается; увѣряетъ, что сдѣлалъ все, чего отъ него могли ожидать—и сдѣлалъ достаточно—и, наконецъ, прямо обвиняетъ новаго фаворита Зубова въ томъ, что тотъ виновенъ въ постигшей его немилости, получивъ за это отъ польскихъ дворянъ брилліантъ, который тѣ поднесли ему, и 20.000 дукатовъ. Письмо, написанное съ неслыханной смѣлостью и силой, показываетъ новую черту его характера. Польская компанія, повидимому, пробудила въ немъ человѣка, не проявлявшагося до тѣхъ поръ—нѣмецкаго рейтара, дремавшаго подъ хорошо выдрессированнымъ чиновникомъ. Екатерина сдѣлала видъ, что не повимааетъ его. Она удовольствовалась тѣмъ, что отослала мятежнаго чиновника въ Бауенгофъ, гдѣ онъ угасъ въ 1808 г.

Сиверсъ не былъ ни героемъ, ни святымъ: но въ тоже время онъ былъ человѣкомъ не безъ достоинствъ. Нельзя сказать того же объ его очень многихъ иностранныхъ коллегахъ, выписанныхъ за большія деньги, или пріобрѣтенныхъ на вѣсь золота у сосѣднихъ дворовъ, которые оказывались не въ силахъ выдерживать надбавку на аукціонѣ: о графѣ Рейтернѣ, вызванномъ изъ Голландіи; баронѣ Ассбургѣ—изъ Даніи. По поводу одного изъ подобныхъ авантюристовъ, генеральнаго консула въ

Константинополь, гдѣ онъ подрывалъ дѣятельность своего начальника, посланника Булгакова, давая понять туркамъ, что онъ скоро замѣтитъ его, графъ Сегюръ писалъ въ 1786 г.: „Этотъ Феріери одинъ изъ тѣхъ, которые обыкновенно быстро наживаются въ Россіи: шутовство, распутныя женщины, ѣда и игра—выше этого онъ не поднимается“.

Но Екатеринѣ не представлялось возможности быть разборчивой. Какимъ бы они ни были, иностранцы все же служатъ ей лучше, чѣмъ природныя русскіе, которыми она вздумала бы замѣнить ихъ. Взять хоть бы Рылѣва, котораго она во что бы то ни стало желала сохранить въ главѣ петербургской полиціи и, о которомъ различныя современныя записки рассказываютъ такіе забавные анекдоты. Одинъ изъ нихъ, передаваемый Гарновскимъ, показываетъ намъ въ то же время и чисто русскій антуражъ начальника полиціи. Банкиръ Сусерлэндъ, у котораго украли часы, за что надъ нимъ смѣялись всѣ знакомые, говоря, что ихъ утащилъ у него самъ Юпитеръ, чтобъ похвастаться ими на Олимпѣ, — вздумалъ въ свою очередь поднять на смѣхъ полицеймейстера.

— Не ищите вора, обокравшаго меня,—сказалъ онъ, явившись къ Рылѣву,—мои друзья уже нашли его: это Юпитеръ.

— Кто это, Юпитеръ? Гдѣ онъ живетъ?

— На Олимпѣ.

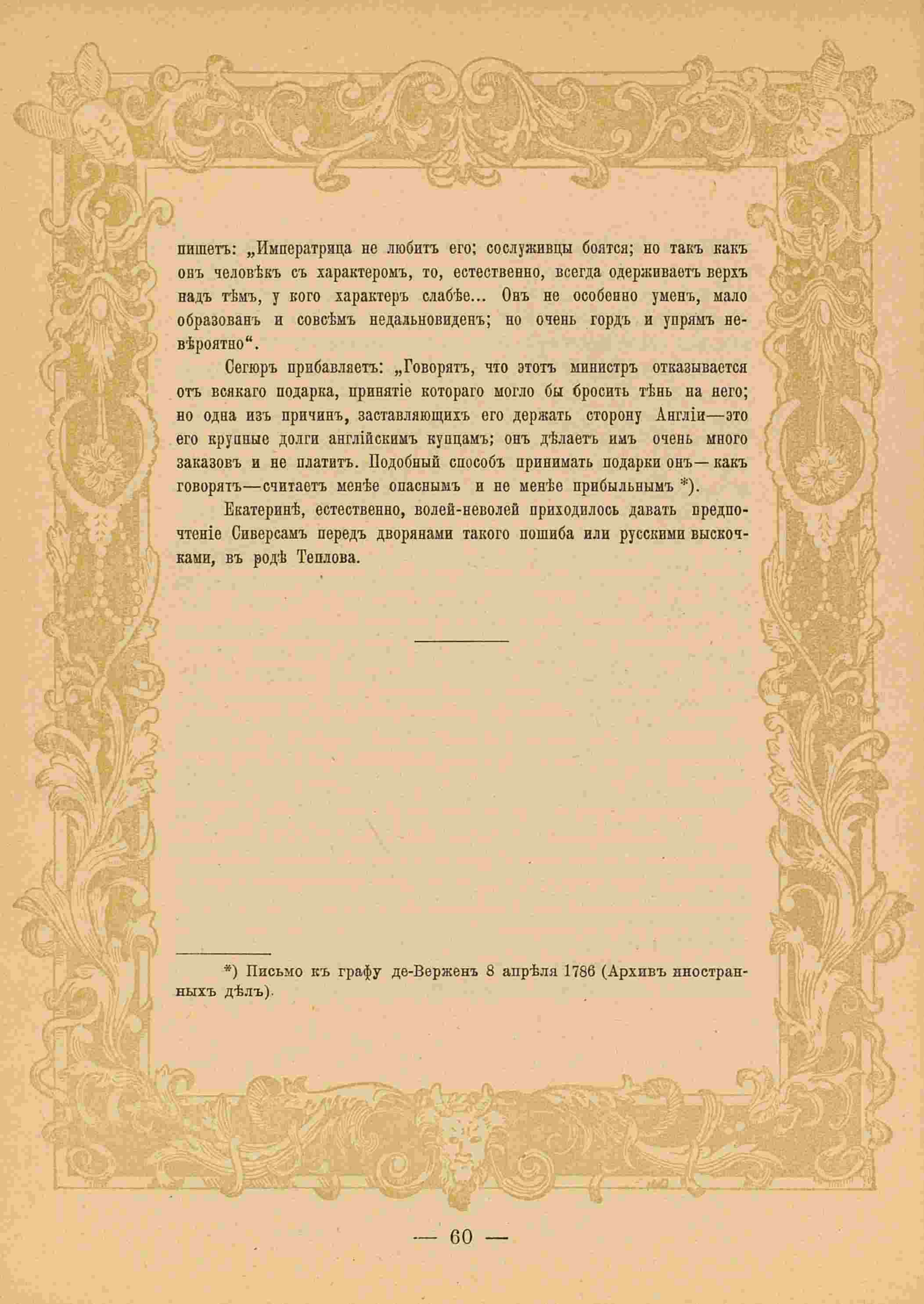
— Гдѣ это Олимпъ? Я не знаю такого квартала. А, постойте!... Ужъ не Петербургская ли это сторона?

— Нѣтъ,—вмѣшался одинъ изъ служащихъ, — я имѣю кое-какое понятіе объ этомъ Юпитерѣ: это ювелиръ съ Мѣщанской.

И разговоръ продолжался въ томъ же духѣ.

У Екатерины, впрочемъ, была еще причина, побуждавшая ее принимать, не разбирая очень строго, этихъ искателей счастья—итальянцевъ или нѣмцевъ: она сама была изъ нихъ. И это отражалось на ея русскихъ приближенныхъ. Въ числѣ ихъ мы видимъ мало представителей дѣйствительно стариннаго русскаго дворянства. Изъ двухъ братьевъ Воронцовыхъ, составлявшихъ лучшее украшеніе двора, одного отправляютъ въ Англію, какъ-бы въ полу-ссылку, а о другомъ, министрѣ торговли, графѣ Сегурѣ

пишетъ: „Императрица не любитъ его; сослуживцы боятся; но такъ какъ онъ человѣкъ съ характеромъ, то, естественно, всегда одерживаетъ верхъ надъ тѣмъ, у кого характеръ слабѣе... Онъ не особенно уменъ, мало образованъ и совсѣмъ недалковиденъ; но очень гордъ и упрямъ невѣроятно“.

Сегюръ прибавляетъ: „Говорятъ, что этотъ министръ отказывается отъ всякаго подарка, принятіе котораго могло бы бросить тѣнь на него; но одна изъ причинъ, заставляющихъ его держать сторону Англіи—это его крупныя долги англійскимъ купцамъ; онъ дѣлаетъ имъ очень много заказовъ и не платитъ. Подобный способъ принимать подарки онъ—какъ говорятъ—считаетъ менѣе опаснымъ и не менѣе прибыльнымъ *).

Екатеринѣ, естественно, волей-неволей приходилось давать предпочтеніе Сиверсамъ передъ дворянами такого пошиба или русскими выскочками, въ родѣ Теплова.

---

*) Письмо къ графу де-Верженъ 8 апрѣля 1786 (Архивъ иностранныхъ дѣлъ).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Военные *).

I. Солдаты и генералы.—Румянцевъ.—Каменскій.—Репнинъ.—Ланинъ.—Военные пороки и добродѣтели.—II. Суворовъ.—Соперникъ Тюренна.—Притворство или безуміе? — Военный, придворный, отецъ. — Суворочка.—Въ Крыму и въ Итали.—Массена и Моро. — III. Иностранные генералы.—Волонтеръ, не попавшій въ русскую службу.—Бонапартъ.—Послѣдній изъ великихъ кондотьеровъ.—Графъ Нассау-Зигенъ.—IV. Русскій флотъ.—Екатерина въ Кронштадтѣ.—Неудачный морской смотръ.—Знаменитый адмиралъ Голицынъ.—Спиридовъ.—Англійскіе адмиралы.—Эльфинстонъ, Дегдель и Грейгъ — Первый знаменитый русскій морякъ.—Чичаговъ.—Еще иностранецъ.—Рибасъ.

I.

— Какъ вы побѣдили Фридриха?—спросила Екатерина Салтыкова.

— Я, матушка?—отвѣчалъ герой Кунерсдорфа, притворяясь удивленнымъ.— Не я побѣдиль, а твои солдатики.

*) *Русскій Архивъ* г.г. 1874, 76, 78; *Архивъ Правительствующаго Сената*, опубликованный въ 1869 г.; маркизъ д'Арагонъ; *Le Prince de Nassau Siegen*, Парижъ 1893; Биографія Суворова въ „Русской Старинѣ“, XIV; *Bernhardi—Vermischte Schriften*; Богдановичъ, *Походы Румянцева, Потемкина и Суворова*, Петербургъ 1852; Брюкнеръ. *Русско-швейцарскія войны*; *Castelnau—Essai sur l'Histoire de la nouvelle Russie*. Шубинскій. *Историческіе очерки*;—Храповицкій, *Дневникъ*; *Политическая корреспонденція* въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ; *Корреспонденція Екатерины съ Потемкинымъ*, въ „Сборникѣ Русскаго Историческаго общества“ XVII.—*Корреспонденція Суворова* въ „Русскомъ Архи-

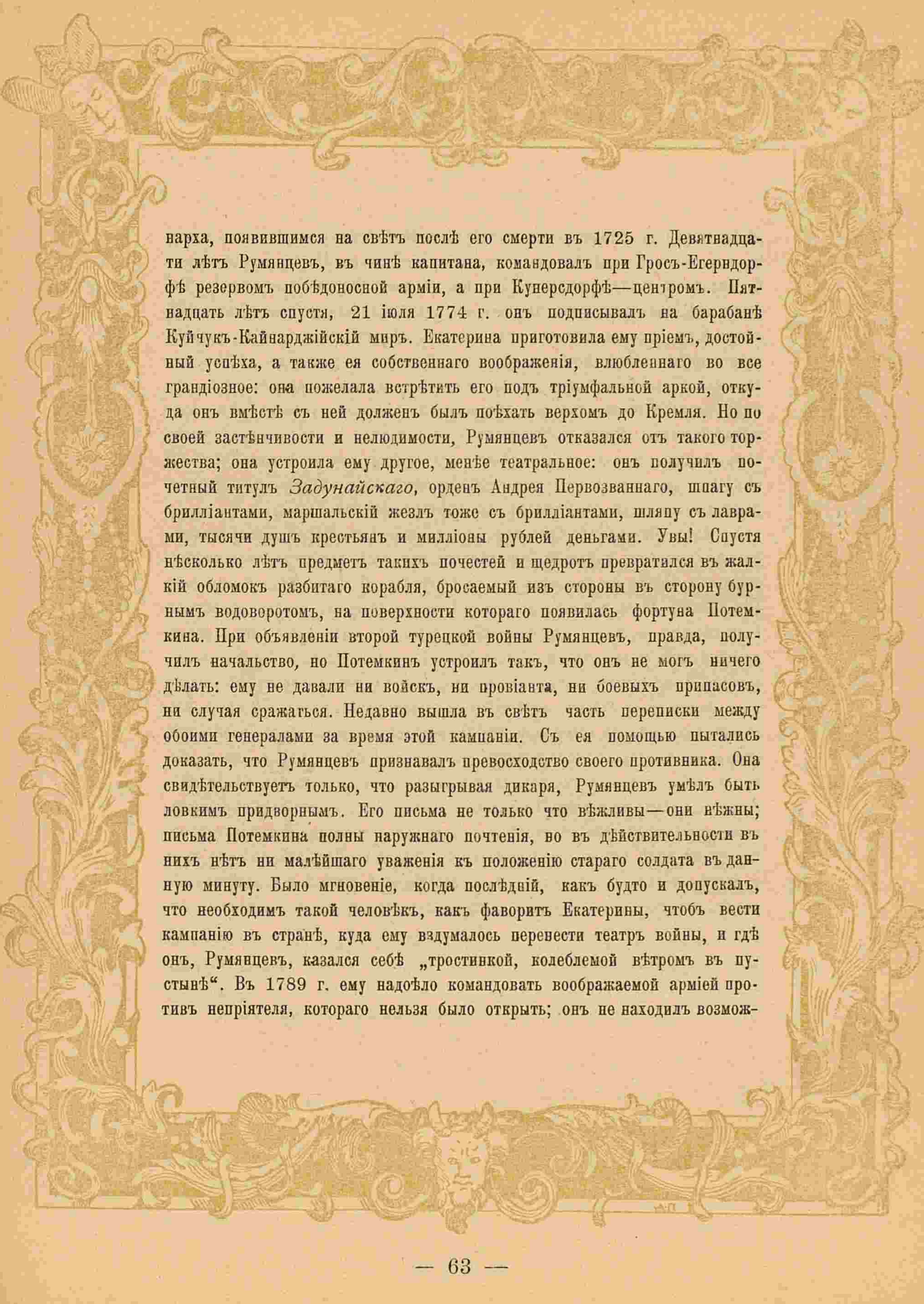
Эта бутада стараго служаки можетъ по справедливости—за исключеніемъ, развѣ, Суворова—быть примѣнена ко всей военной исторіи царствованія Екатерины, несмотря на всю ея славу. Самъ великій Румянцевъ—величина, возбуждавшая сомнѣнія и сомнительная. Отецъ знаменитаго, фельдмаршала былъ простымъ гвардейскимъ солдатомъ, котораго Петръ I за особенную услугу наградилъ, выдавъ за него замужъ одну изъ своихъ любовницъ. Награда была по заслугѣ. Этому первому извѣстному Румянцеву было поручено выслѣдить и привезти обратно въ Россію несчастнаго царевича Алексѣя. Онъ нашелъ его въ Неаполѣ и привезъ на плаху.

Спустя полстолѣтія, Алексѣй Орловъ отличился подобнымъ же подвигомъ. Мрачно происхожденіе большей части богатствъ и блестящихъ карьеръ того времени! Мать будущаго побѣдителя при Кагулѣ, на сорокъ лѣтъ пережившая своего мужа, до 1788 г. жила въ Петербургѣ, какъ живой памятникъ великаго царствованія, традиціи котораго Екатерина старалась продолжать. Она умерла девяноста лѣтъ въ городѣ, закладку котораго видѣла. Сохраняя полную ясность и живость ума, она вызывала воспоминанія, казавшіяся сномъ: обѣдъ у Людовика XIV, на которомъ она присутствовала; туалетъ мадамъ де Ментенонъ, каждая подробность котораго поражала ее; посѣщеніе лагеря Мальбору и любезность, которой ее окружала королева Анна. Она упоминала также о вниманіи къ ней великаго царя и любила показать, что не отнеслась къ нему равнодушно.

О Петрѣ Румянцевѣ говорили, что онъ былъ сыномъ покойнаго мо-

---

вѣ" 1866 г. *Dangeau—Journal*; Головачевъ, *Русскій флотъ въ войнѣ съ Швеціей*; Гротъ, *Воспоминанія о Державинѣ*; *Записки Бобринскаго въ Русскомъ Архивѣ* 1877; *Kleinschmidt*,—*Russland's Geschichte und Politik*; Лебедевъ, *Графы Панины*;—*Масловскій*, *Труды Суворова, Потемкина, Румянцева*, Петербургъ 1793 г.; *Mémoires de Roger de Damas, de Langeron (inédits), de Rounitch, de Ségur*; Петрушевскій, *Биографія Суворова*; Соколовъ, *Кампаніи въ Архипелагѣ въ „Запискахъ Гидравлическаго Департамента“*, VII; Сазоновичъ, *Биографія Румянцева*, Москва 1893; *Историческіе анекдоты и воспоминанія въ „Русской Старинѣ“*, X; Чичаговъ, *Биографія Румянцева*, Петербургъ 1849; *Zinkeisen, Geschichte des Osmanischen Reichs*.

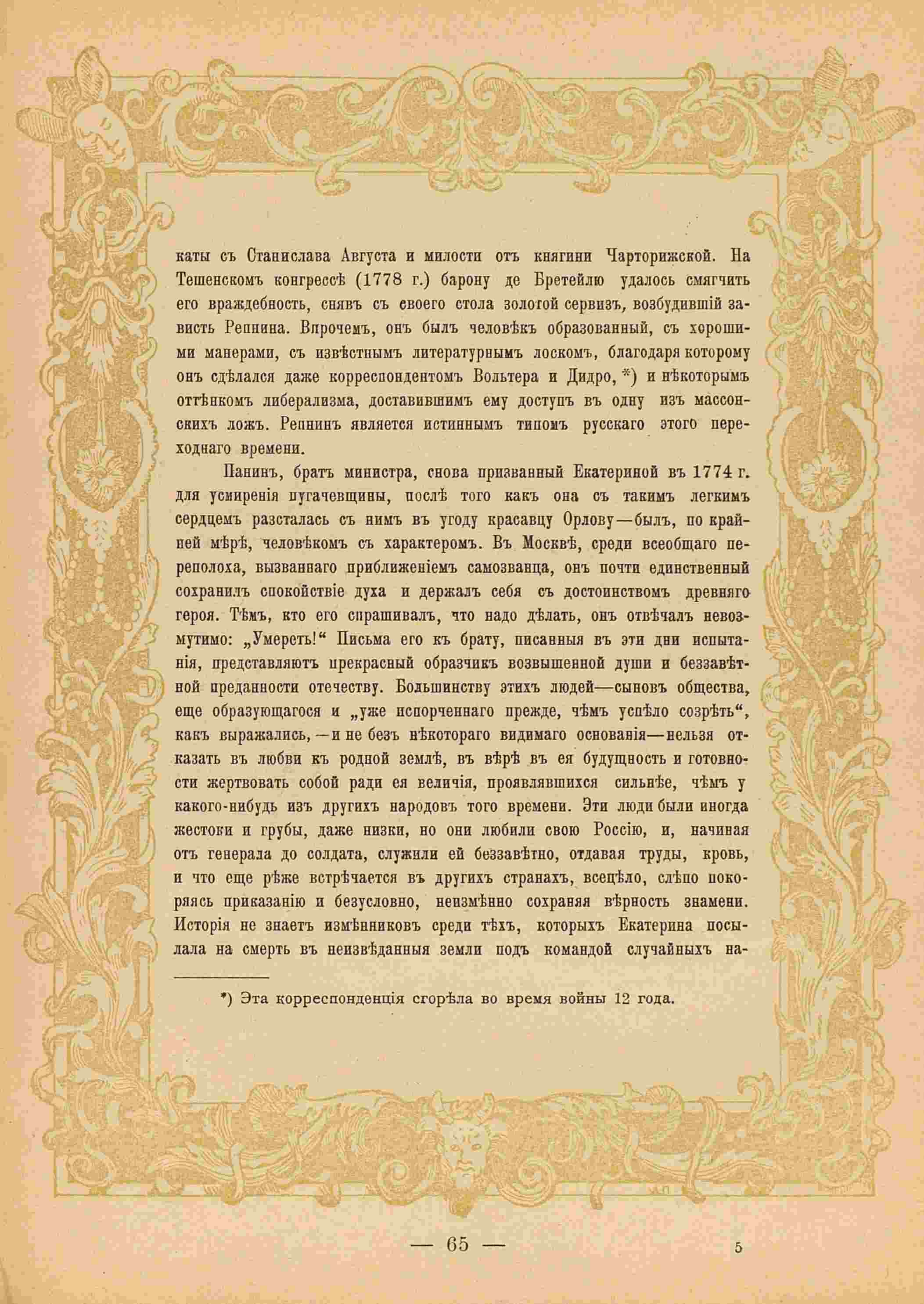
нарха, появившимся на свѣтъ послѣ его смерти въ 1725 г. Девятнадцать лѣтъ Румянцевъ, въ чинѣ капитана, командовалъ при Гросъ-Егерндорфѣ резервомъ побѣдоносной арміи, а при Кунерсдорфѣ—центромъ. Пятнадцать лѣтъ спустя, 21 іюля 1774 г. онъ подписывалъ на барабанѣ Куйчукъ-Кайнарджійскій миръ. Екатерина приготовила ему пріемъ, достойный успѣха, а также ея собственнаго воображенія, влюбленнаго во все грандіозное: она пожелала встрѣтить его подъ триумфальной аркой, откуда онъ вмѣстѣ съ ней долженъ былъ поѣхать верхомъ до Кремля. Но по своей застѣнчивости и нелюдимости, Румянцевъ отказался отъ такого торжества; она устроила ему другое, менѣе театральное: онъ получилъ почетный титулъ *Задунайскаго*, орденъ Андрея Первозваннаго, шпагу съ брилліантами, маршальскій жезль тоже съ брилліантами, шляпу съ лаврами, тысячи душъ крестьянъ и милліоны рублей деньгами. Увы! Спустя нѣсколько лѣтъ предметъ такихъ почестей и щедротъ превратился въ жалкій обломокъ разбитаго корабля, бросаемый изъ стороны въ сторону бурнымъ водоворотомъ, на поверхности котораго появилась фортуна Потемкина. При объявленіи второй турецкой войны Румянцевъ, правда, получилъ начальство, но Потемкинъ устроилъ такъ, что онъ не могъ ничего дѣлать: ему не давали ни войскъ, ни провіанта, ни боевыхъ припасовъ, ни случая сражаться. Недавно вышла въ свѣтъ часть переписки между обоими генералами за время этой кампаніи. Съ ея помощью пытались доказать, что Румянцевъ признавалъ превосходство своего противника. Она свидѣтельствуетъ только, что разыгрывая дикаря, Румянцевъ умѣлъ быть ловкимъ придворнымъ. Его письма не только что вѣжливы—они вѣжны; письма Потемкина полны наружнаго почтенія, но въ дѣйствительности въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго уваженія къ положенію стараго солдата въ данную минуту. Было мгновеніе, когда послѣдній, какъ будто и допускалъ, что необходимъ такой человекъ, какъ фаворитъ Екатерины, чтобъ вести кампанію въ странѣ, куда ему вздумалось перевести театръ войны, и гдѣ онъ, Румянцевъ, казался себѣ „тростинкой, колеблемой вѣтромъ въ пустынѣ“. Въ 1789 г. ему надоѣло командовать воображаемой арміей противъ непріятели, котораго нельзя было открыть; онъ не находилъ возмож-

ности выйти съ помощью какой-нибудь смѣлой импровизаціи изъ круга, въ который его замкнули, и сталъ просить отставки. На этотъ разъ просьбу поспѣшно исполнили. Онъ удалился въ свое малороссійское имѣніе Таганы, гдѣ выстроилъ себѣ дворецъ въ видѣ крѣпости и заперся въ одной комнатѣ, не выходя изъ нея никогда. Онъ дѣлалъ видъ, что не узнаетъ собственныхъ дѣтей, которыя жили въ бѣдности, и умеръ въ 1794 г. переживъ всего нѣсколькими днями Екатерину. Однако, говорятъ, что онъ былъ вдохновителемъ быстрой суворовской кампаніи, увѣнчавшейся взятіемъ Варшавы. Этому побѣдоносному полководцу — побѣдившему, впрочемъ, однихъ турокъ — можетъ быть, недоставало другого театра, гдѣ бы онъ могъ развить свои стратегическія способности, которыхъ дунайская кампанія не могла освѣтить въ достаточной степени *).

Давъ Екатеринѣ Суворова, когда она пренебрегла Румянцевымъ, счастье еще разъ доказало относительно нея свою щедрость, столько примѣровъ которой мы находимъ въ ея біографіи. И самого будущаго князя Италійскаго долго держали поодаль. А между тѣмъ въ рядахъ красивыхъ гвардейскихъ полковъ, гдѣ такъ легко было находить фаворитовъ, оказалось не такъ легко найти полководца. Екатерина нашла Каменскаго — грубаго и жестокаго, кусавшаго своихъ солдатъ на маневрахъ, вырывая у нихъ куски мяса зубами, велѣвшаго раздѣвать плѣнныхъ и обливать ихъ водой, пока они не замерзали **). Впослѣдствіи этотъ герой печальнаго образа былъ главнокомандующимъ въ Наполеоновскую войну, но не покрылъ себя славой. Императрица нашла Репнина, полководца болѣе счастливаго, чѣмъ искуснаго, продажнаго, развратнаго и чваннаго дипломата, вознаграждавшая себя за второстепенную роль, которую ему приходилось играть на полѣ битвы, разыгрываніемъ сатрапа въ Варшавѣ, гдѣ онъ какъ и вездѣ — только и заботился, что о собственной выгодѣ и удовольствіи своихъ страстей. Онъ обиралъ всѣхъ — получалъ рубли съ Екатерины, ду-

*) Для оцѣнки военныхъ способностей Румянцева см. *Bernhardi, Vermischte Schriften* т. I, стр. 84 и сл.; Руничъ, *Русская Старина*, т. II, стр. 129; *Langeron, Mémoires*.

***) *Langeron, Mémoires*.

каты съ Станислава Августа и милости отъ княгини Чарторижской. На Тешенскомъ конгрессѣ (1778 г.) барону де Бретейлю удалось смягчить его враждебность, снявъ съ своего стола золотой сервизъ, возбудившій зависть Репнина. Впрочемъ, онъ былъ человѣкъ образованный, съ хорошими манерами, съ извѣстнымъ литературнымъ лоскомъ, благодаря которому онъ сдѣлался даже корреспондентомъ Вольтера и Дидро, *) и нѣкоторымъ отгвѣнкомъ либерализма, доставившимъ ему доступъ въ одну изъ масонскихъ ложъ. Репнинъ является истиннымъ типомъ русскаго этого переходнаго времени.

Панинъ, братъ министра, снова призванный Екатериной въ 1774 г. для усмиренія пугачевщины, послѣ того какъ она съ такимъ легкимъ сердцемъ разсталась съ нимъ въ угоду красавцу Орлову—былъ, по крайней мѣрѣ, человѣкомъ съ характеромъ. Въ Москвѣ, среди всеобщаго переполоха, вызваннаго приближеніемъ самозванца, онъ почти единственный сохранилъ спокойствіе духа и держалъ себя съ достоинствомъ древняго героя. Тѣмъ, кто его спрашивалъ, что надо дѣлать, онъ отвѣчалъ невозмутимо: „Умереть!“ Письма его къ брату, писанныя въ эти дни испытанія, представляютъ прекрасный образчикъ возвышенной души и беззавѣтной преданности отечеству. Большинству этихъ людей—сыновъ общества, еще образующагося и „уже испорченнаго прежде, чѣмъ успѣло созрѣть“, какъ выражались, —и не безъ нѣкотораго видимаго основанія—нельзя отказать въ любви къ родной землѣ, въ вѣрѣ въ ея будущность и готовности жертвовать собой ради ея величія, проявлявшихся сильнѣе, чѣмъ у какого-нибудь изъ другихъ народовъ того времени. Эти люди были иногда жестоки и грубы, даже низки, но они любили свою Россію, и, начиная отъ генерала до солдата, служили ей беззавѣтно, отдавая труды, кровь, и что еще рѣже встрѣчается въ другихъ странахъ, всецѣло, слѣпо покоряясь приказанію и безусловно, неизмѣнно сохраняя вѣрность знамени. Исторія не знаетъ измѣнниковъ среди тѣхъ, которыхъ Екатерина послала на смерть въ неизвѣданныя земли подъ командой случайныхъ на-

*) Эта корреспонденція сгорѣла во время войны 12 года.

чальниковъ, и самъ Потемкинъ, несмотря на все свое нерадѣніе и взбалмошность, не наталкивался на недостатокъ дисциплины.

Когда взятаго въ плѣнъ Пугачева въ ножныхъ кандалахъ и съ руками, связанными за спиной, привели къ Панину, послѣдній спросилъ его:

— Какъ ты смѣлъ воевать противъ меня?

— Батюшка, да я и противъ самой государыни воевалъ!

Генераль заревѣлъ и бросился на своего плѣнника, награждая его пощечинами, и вырвалъ у него клочъ изъ бороды. Черта полудикаго азіата, который на слѣдующій день, забывъ свой гнѣвъ, станетъ называть своего плѣнника Емелькой и ободрять его, чтобы онъ вѣрилъ въ милость государыни. Этотъ же самый человѣкъ бывалъ способенъ на благородные и даже великодушные порывы. За три года до случая съ Пугачевымъ московскія власти отказали поставить почетный караулъ у гроба Салтыкова, героя семилѣтней войны, впаваго въ немилость передъ смертью. Панинъ надѣлъ парадный мундиръ и сталъ у гроба своего товарища по службѣ, объявляя, что не уйдетъ, пока его не смѣнятъ почетный караулъ на который покойникъ имѣлъ право.

Впрочемъ, заслугу побѣды надъ Пугачевымъ и его плѣненіе приписывали — и какъ мнѣ кажется справедливо — одному изъ подчиненныхъ Панина. Но его звали Михельсономъ, и наградой ему послужило лишь забвеніе.

II.

На сцену появляется Суворовъ. Среди военныхъ начальниковъ, прославившихся въ царствованіе Екатерины, это былъ типъ болѣе сложный. Корни семьи Суворова по своему шведскому происхожденію питались соками древней обработанной почвы западной Европы; проведя раннюю молодость въ семьѣ дѣда—протоіерея Благовѣщенскаго собора въ Кремлѣ, Суворовъ проникся религіознымъ мистицизмомъ православной Россіи: начавъ службу простымъ унтеръ-офицеромъ во время семилѣтней войны, онъ остался простымъ человѣкомъ *изъ народа*, сохранившимъ смѣсь наивности, проникательности, дикости и склонности къ фантастическому—отличительныя черты своего племени. Все это смѣшавшись и слившись въ умѣ живомъ, но безпокойномъ, въ душѣ отзывчивой и горячей, въ темпераментѣ чрезвычайно нервномъ, дало въ общемъ крайне сложный, сбивчивый характеръ, образъ то героическій, то смѣшной, производящій впечатлѣвіе неразрѣшимой загадки и постоянной мистификаціи. Всѣ попытки дать объясненіе его обычнымъ чудачествамъ только противорѣчатъ другъ другу: одни видятъ желаніе обратить на себя вниманіе Екатерины, про которую говорили, что она любила чудачество и чудаковъ; другіе—стремленіе обезоружить подозрительность фаворитовъ, вѣчно бывшихъ на сторожѣ. Ланжеронъ, имѣвшій случай наблюдать героя вблизи, думаетъ, что Суворовъ началъ съ притворства въ своихъ странностяхъ, а потомъ оно уже перешло въ привычку и сдѣлалось второй натурой. Утромъ въ лагерѣ онъ выскакивалъ совсѣмъ голымъ изъ палатки и кувыркался въ травѣ. Растопчинъ, желая передать ему однажды депеши отъ Петемкина, засталъ его въ такомъ видѣ. Суворовъ принялъ депеши, велѣлъ принести себѣ письменныя принадлежности и, написавъ, что слѣдуетъ, возвратился къ своимъ упражненіямъ. Самому Ланжерону пришлось встрѣтить весьма курь-

езный пріемъ, когда онъ явился къ генералу на другой день по взятіи Измаила—кровавой побѣды, отчаяннаго штурма, сопровождавшагося избіеніемъ и недѣльнымъ грабежомъ.

— Гдѣ вы получили этотъ крестъ?

— Въ Финляндіи у принца Нассаускаго.

— Нассаускаго! Нассаускаго! Да это мой другъ.

Онъ бросился на шею Лонжерону и тотчасъ же:

— Говорите по русски?

— Нѣтъ, генераль.

— Тѣмъ хуже! Прекрасный языкъ.

Онъ началъ декламировать стихи Державина, но прервался.

— Господа французы, вы изъ вольтеріанизма ударились въ жанъ-жакизмъ, потомъ въ райнализмъ, а тамъ въ миработизмъ, и это конецъ всего... Вы хромаете?

— Я повредилъ себѣ ногу, упавши съ вала.

— Чего же не сказали раньше?

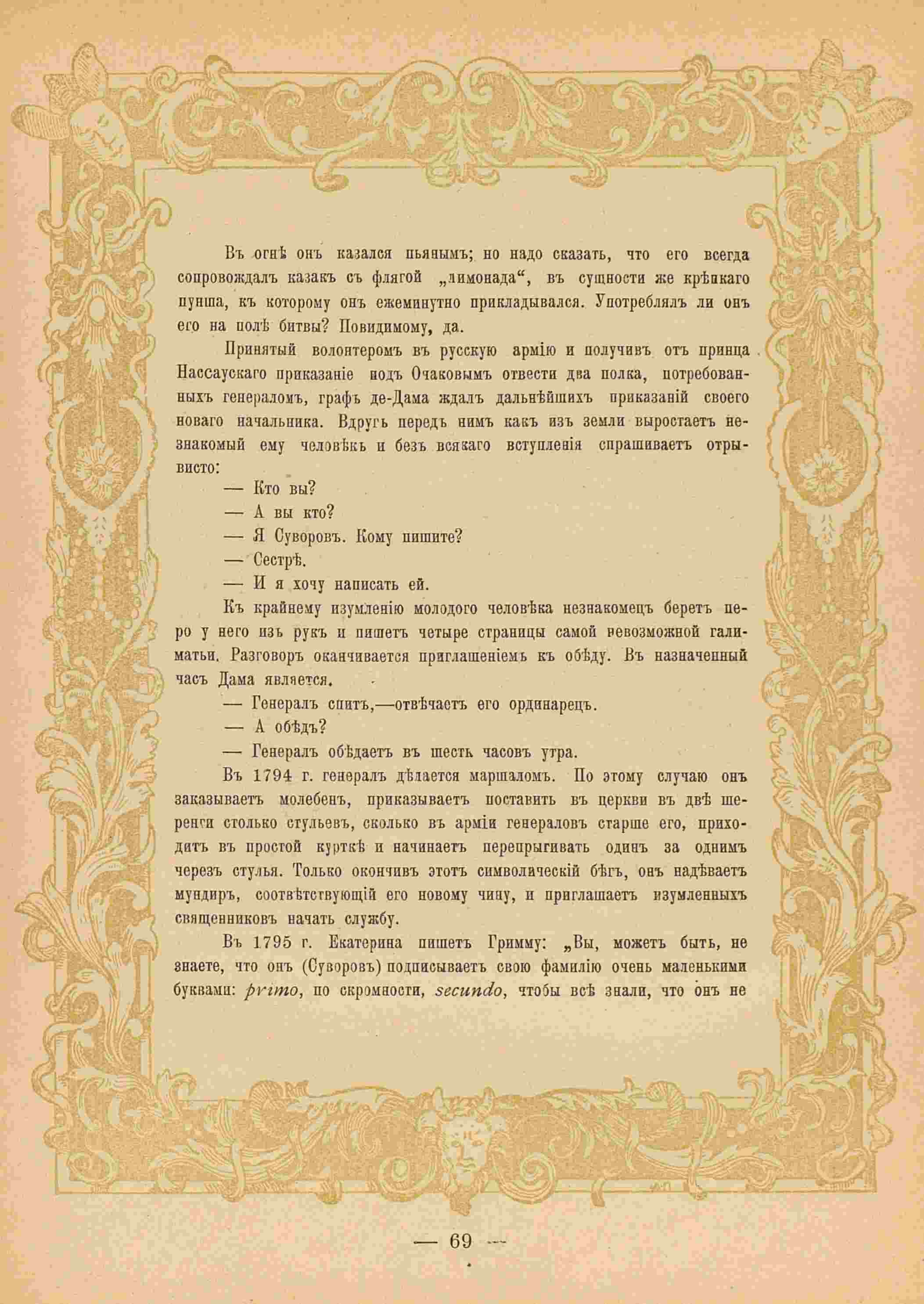
Онъ схватилъ молодого офицера въ охапку, взвалилъ на плечи, онесъ съ лѣстницы и оставилъ тамъ въ грязи, не сказавъ ни слова на прощаніе.

Раненый самъ при Очаковѣ во время неудачнаго приступа, онъ заперся въ палатку и отказывался отъ всякой помощи. На убѣжденія французскаго хирурга, посланнаго къ нему Потемкинымъ, онъ отвѣчалъ только качаніемъ головы, повторяя съ видомъ отчаянія: „Тюреннъ! Тюреннъ!“ Онъ признавалъ только трехъ великихъ полководцевъ въ военной исторіи новѣйшаго времени: Тюренна, Лаудона и себя. Впослѣдствіи онъ ропталъ на Бога, нарочно пославшаго Бонапарта въ Египетъ, чтобы лишить его, Суворова, славы побѣдить „корсиканскаго людоѣда“... Докторъ Массо выйдя изъ терпѣнія, сказалъ, наконецъ:

— Такъ слушайте же! Тюреннъ, раненый, позволялъ дѣлать себѣ перевязки.

— А!

Онъ тотчасъ бросился на постель и покорно отдался въ руки хирурга.

Въ огнѣ онъ казался пьянымъ; но надо сказать, что его всегда сопровождалъ казакъ съ флягой „лимонада“, въ сущности же крѣпкаго пунша, къ которому онъ ежеминутно прикладывался. Употреблялъ ли онъ его на полѣ битвы? Повидимому, да.

Принятый волонтеромъ въ русскую армію и получивъ отъ принца Нассаускаго приказаніе подъ Очаковымъ отвести два полка, потребованныхъ генераломъ, графъ де-Дама ждалъ дальнѣйшихъ приказаній своего новаго начальника. Вдругъ передъ нимъ какъ изъ земли вырастаетъ незнакомый ему человѣкъ и безъ всякаго вступленія спрашиваетъ отрывисто:

— Кто вы?

— А вы кто?

— Я Суворовъ. Кому пишете?

— Сестрѣ.

— И я хочу написать ей.

Къ крайнему изумленію молодого человѣка незнакомецъ беретъ перо у него изъ рукъ и пишетъ четыре страницы самой невозможной галиматии. Разговоръ оканчивается приглашеніемъ къ обѣду. Въ назначенный часъ Дама является.

— Генераль спитъ,—отвѣчаетъ его ординарецъ.

— А обѣдъ?

— Генераль обѣдаетъ въ шесть часовъ утра.

Въ 1794 г. генераль дѣлается маршаломъ. По этому случаю онъ заказываетъ молебень, приказываетъ поставить въ церкви въ двѣ шеренги столько стульевъ, сколько въ арміи генераловъ старше его, приходитъ въ простой курткѣ и начинаетъ перепрыгивать одинъ за однимъ черезъ стулья. Только окончивъ этотъ символическій бѣгъ, онъ надѣваетъ мундиръ, соответствующій его новому чину, и приглашаетъ изумленныхъ священниковъ начать службу.

Въ 1795 г. Екатерина пишетъ Гримму: „Вы, можетъ быть, не знаете, что онъ (Суворовъ) подписываетъ свою фамилію очень маленькими буквами: *primo*, по скромности, *secundo*, чтобы всѣ знали, что онъ не

носить очковъ. Кромѣ того, если онъ предлагаетъ кому-нибудь вопросъ, надо отвѣчать ему не колеблясь, немедленно и никогда не говорить: „Не знаю“, потому что тогда онъ страшно сердится; самый же глупый отвѣтъ его не раздражаетъ“.

И дѣйствительно, князь Голицынъ рассказываетъ про него, что онъ однажды спросилъ одного изъ своихъ адъютантовъ, сколько звѣздъ на небѣ, и удовлетворился цыфрой, сказанной совершенно наудачу. А Ростопчинъ упоминаетъ о его негодованіи, когда онъ увидалъ великаго князя Павла въ театрѣ съ лорнетомъ, между тѣмъ какъ онъ у себя въ арміи запрещалъ употребленіе подзорныхъ трубъ.

„Суворова называютъ талантливымъ человѣкомъ“—читаемъ мы въ одномъ изъ недавно появившихся въ печати писемъ будущаго московскаго губернатора,—„я уже склоненъ думать, что онъ обязанъ всѣмъ скорѣе своему счастью, чѣмъ своему генію. Отъ него отдѣлались въ Петербургѣ, гдѣ его дурачества надоѣли, наконецъ, императрицѣ, которую онъ заставлялъ краснѣть. Въ настоящее время онъ въ Польшѣ; живетъ въ домѣ графини Потоцкой, обѣдаетъ въ семь часовъ утра, ходитъ въ грубомъ парусинномъ платьѣ и каскѣ на головѣ, поетъ въ церкви и увѣряетъ всѣхъ, что у него прекрасный басъ, между тѣмъ, какъ его едва слышно“. *)

Однако Суворовъ не былъ глупъ. Иногда онъ доказывалъ это насчетъ своихъ товарищей по оружію и очень ядовито. Онъ говорилъ объ одномъ изъ нихъ „Очень галантный человѣкъ... надѣюсь, онъ когда-нибудь вспомнить, что въ его арміи есть кавалерія“. Послѣ цюрихскаго пораженія, которое Суворовъ приписывалъ Римскому-Корсакову, онъ звалъ къ себѣ несчастнаго поручика и приготовлялъ ему торжественную встрѣчу. Замѣтившимъ ему, что несчастный побѣжденный предпочелъ бы, вѣроятно, обойтись безъ такого парада, онъ отвѣчалъ: „Какъ же! онъ человѣкъ придворный, камергеръ, *отдаетъ честь врагу даже на полѣ битвы!*“ Когда Корсаковъ появился, онъ взялъ офицерскій эспонтонъ и вставъ передъ Корсаковымъ подъ ружье, сказалъ:

*) Письмо Ростопчина.

— Александръ Михайловичъ, вы такъ отдавали честь Массенѣ подъ Цюрихомъ? Да, такъ? Только побей Богъ, не по-русски! Нѣтъ, не по-русски.

Отрывки его переписки, напечатанные въ 1866 и 1893 гг. въ сборникѣ Масловскаго, показываютъ его намъ въ другомъ свѣтѣ. Съ перомъ въ рукахъ онъ тоже вѣчно причудничалъ: и по-русски и по-французски придерживался самой фантастической орфографіи и писалъ такъ безсвязно и непослѣдовательно, что невольно приходитъ мысль о пьянствѣ или безумствѣ. Способъ выраженія его запутанъ, эксцентриченъ: часто совершенно непонятно, что онъ хочетъ сказать даже въ официальныхъ бумагахъ къ начальникамъ. Вотъ образчикъ, писанный его собственной рукой и помѣченный 20 іюля 1788 г. Онъ пишетъ Потемкину *):

„Monseigneur, grand homme! gécompensés Poletaiew, Kroupenikov du Blocfort: rien *du gros n'échapa des l'apariton* de la Lune. Le Héros est épris de sa nouvelle frégate donné lui de nom. Prince Charle; émulation commune. P. S. était cochon: á la première entrée il me félicita par sa défensive...“

Въ то же время онъ является карьеристомъ, покорнымъ и ловкимъ придворнымъ, и, что бы ни говорили его біографы, зорко слѣдитъ за всякимъ случаемъ выдвинуться. Онъ весьма осведомленъ во всѣхъ придворныхъ интригахъ и вопросахъ первенства; очень старательно пробирается впередъ и постоянно озабоченъ, чтобы кто-нибудь не обогналъ его. Если онъ оказывалъ почтеніе Румянцеву въ присутствіи Потемкина—что ставить ему въ заслугу—то это потому, что фаворитъ подалъ ему примѣръ. На ряду съ этимъ, онъ не упускалъ случая преклоняться передъ

*) Ошибки противъ правописанія напечатаны курсивомъ. „Милостивѣйшій государь! великій государь! Наградите Полетаева, Крупеникова дю Клокфора: ничего великаго съ появленія Луны. Герой влюбленъ въ свой новый фрегатъ; дайте ему имя. Принцъ Карль! Общее соревнованіе. P. S. былъ свиньей: при первомъ моемъ вступленіи онъ поздравилъ меня своимъ оборонительнымъ положеніемъ.“

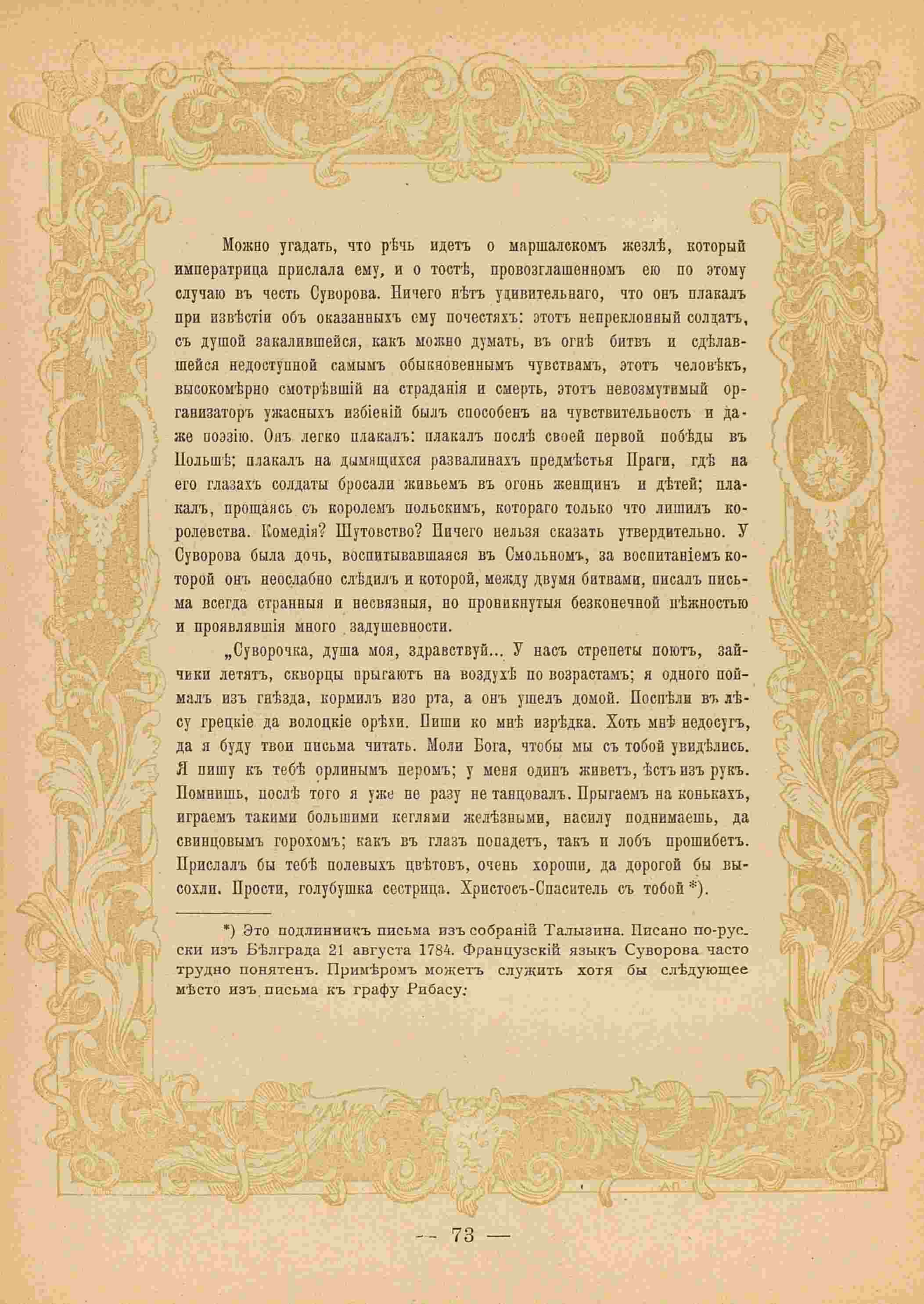
„великимъ человѣкомъ“ и въ своихъ письмахъ „цѣлуетъ его руку“. Онъ былъ очень покладистъ, но зато и очень высокомѣревъ съ тѣми изъ своихъ соперниковъ, со стороны которыхъ ему было нечего опасаться, и очень завистливъ. Въ 1793 г. призваніе императрицей обратно на службу стараго генераль-аншефа князя Долгорукова и пожалованіе ему титула выше Суворовскаго вывело его изъ себя. На слѣдующій годъ онъ безпрестанно жаловался на бездѣйствіе, „къ которому его принуждали, вмѣсто того, чтобъ послать сражаться съ французскими царубійцами“. Онъ ярый ненавистникъ революціи. Въ 1795 г. онъ говорилъ генералу де Шаретту:

„Герой Вандеи, знаменитый защитникъ вѣры твоихъ отцовъ и трона твоихъ королей, привѣтствую тебя! Да хранитъ тебя всегда богъ войскъ...“

Это письмо написано не его рукой и, безъ сомнѣнія, составлено не имъ. Его слогъ, съ которымъ мы уже знакомы, вовсе не таковъ. Вотъ еще образчикъ, заимствованный изъ письма къ графу Рибасу, написаннаго на другой день послѣ взятія Варшавы:

„Превосходный, дорогой, близкій другъ, Осипъ Михайловичъ! Вы не можете, впрочемъ, не знать этого. Но могли ли предполагать? Я останусь въ этомъ случаѣ скептикомъ до самой смерти. Поклонитесь моимъ друзьямъ: у меня не достаетъ времени къ нимъ писать или скорѣй здоровья, ослабленнаго занятіями, страданіями и чрезмѣрной радостью. Прежде всего *Исленовъ И. генераль-поручикъ*, всюду доступъ, постоянный столъ и приглашенія. На другой день молебствіе, двѣсти одинъ выстрѣлъ. Августѣйшая монархиня колѣнопреклоненная, самый блистательный пріемъ моей дочери... хлѣбъ и соль варшавскіе отвѣданы, поднесены собственноручно моей дочери; обѣдъ, въ серединѣ котораго я пожалованъ. Плачу. Пьють мое здоровье стоя, двѣсти одинъ выстрѣлъ; мнѣ совѣстно передавать выраженія, низайшій слуга Бога и Императрицы. Ея великодушіе снизошло до того, что она поручила Тищенкѣ при его отъѣздѣ заботиться о моемъ здоровьѣ. Горчаковъ осыпанъ милостями и тотчасъ немедленно отправленъ съ ж... я боюсь назвать. Да хранитъ васъ Господь! Цѣлую васъ“.*)

*) Собственноручное письмо изъ переписки съ де Рибасомъ.

Можно угадать, что рѣчь идетъ о маршалскомъ жезлѣ, который императрица прислала ему, и о тостѣ, провозглашенномъ ею по этому случаю въ честь Суворова. Ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ плакалъ при извѣстїи объ оказанныхъ ему почестяхъ: этотъ непреклонный солдатъ, съ душой закалившейся, какъ можно думать, въ огнѣ битвъ и сдѣлавшейся недоступной самымъ обыкновеннымъ чувствамъ, этотъ человѣкъ, высокомерно смотрѣвшій на страданія и смерть, этотъ невозмутимый организаторъ ужасныхъ избиеній былъ способенъ на чувствительность и даже поэзію. Онъ легко плакалъ: плакалъ послѣ своей первой побѣды въ Польшѣ; плакалъ на дымящихся развалинахъ предместья Праги, гдѣ на его глазахъ солдаты бросали живьемъ въ огонь женщинъ и дѣтей; плакалъ, прощаясь съ королемъ польскимъ, котораго только что лишилъ королевства. Комедія? Шутовство? Ничего нельзя сказать утвердительно. У Суворова была дочь, воспитывавшаяся въ Смольномъ, за воспитаніемъ которой онъ неослабно слѣдилъ и которой, между двумя битвами, писалъ письма всегда странныя и несвязныя, но проникнутыя безконечной нѣжностью и проявлявшія много задушевности.

„Суворочка, душа моя, здравствуй... У насъ стрепеты поютъ, зайчики летятъ, скворцы прыгаютъ на воздухѣ по возрастамъ; я одного поймалъ изъ гнѣзда, кормилъ изо рта, а онъ ушелъ домой. Поспѣли въ лѣсу грецкіе да волоцкіе орѣхи. Пиши ко мнѣ изрѣдка. Хотя мнѣ недосугъ, да я буду твои письма читать. Моли Бога, чтобы мы съ тобой увидѣлись. Я пишу къ тебѣ орлинымъ перомъ; у меня одинъ живетъ, ѣсть изъ рукъ. Помнишь, послѣ того я уже не разу не танцевалъ. Прыгаемъ на конькахъ, играемъ такими большими кеглями желѣзными, насилу поднимаешь, да свинцовымъ горохомъ; какъ въ глазъ попадетъ, такъ и лобъ прошибетъ. Прислалъ бы тебѣ полевыхъ цвѣтовъ, очень хороши, да дорогой бы высохли. Прости, голубушка сестрица. Христосъ-Спаситель съ тобой *).

*) Это подлинникъ письма изъ собраній Талызина. Писано по-русски изъ Бѣлграда 21 августа 1784. Французскій языкъ Суворова часто трудно понятенъ. Примѣромъ можетъ служить хотя бы слѣдующее мѣсто изъ письма къ графу Рибасу:

Ради этой дочери, этой обожаемой *Суворочки*, которую онъ часто называлъ сестрицей, когда не именовалъ „графинюшкой двухъ имперій“, онъ рисковалъ однажды впасть въ немилость. Онъ воспротивился тому, чтобы окончивъ воспитаніе, она жила во дворцѣ, гдѣ Екатерина приготовила ей комнату возлѣ своей. Его мотивы были понятны. И онъ гордо возвѣщалъ друзьямъ о намѣреніи выйти въ отставку ради спасенія чести своей и дочерней. Въ концѣ царствованія мы видимъ его, дѣйствительно, удаленнымъ отъ двора, почти въ ссылкѣ, во всякомъ случаѣ, устраненнымъ отъ всякаго участія въ военныхъ дѣлахъ, гдѣ его мѣсто заняли оба молодые Зубовы.

И несмотря на всѣ эти странности—великій полководецъ! Это подтверждали многіе. Но многіе подтверждали и противное. Безъ сомнѣнія, ему не доставало нѣкоторыхъ чертъ, составлявшихъ величіе полководцевъ, соперникомъ которыхъ онъ самъ любилъ называть себя: Тюренна или Лаудона. Ланжеронъ занесъ въ свои записки: „Его адъютанты, правители канцелярій, писцы—все самые отъявленные негодяи и плуты, какіе только есть въ Россіи. Онъ никогда не заботится ни о провіантѣ, ни о порядкѣ.“

Выставляя съ другой стороны на показъ свое крайнее презрѣніе къ ученымъ комбинаціямъ и маневрамъ, защищая рутину противъ болѣе современныхъ взглядовъ своихъ соперниковъ, сводя свое искусство почти къ единственной формулѣ, смыслъ которой „идти возможно болѣе прямымъ путемъ навстрѣчу непріятелю и устремиться на него со всей возможной силой натиска“—побѣдитель при Рымникѣ и Требїи самъ выказываетъ особенный складъ своего генія. Можетъ быть, впрочемъ и правда, что онъ самъ не ясно сознавалъ его. Ему случилось написать эти строки:

„Feldm. longtemps particulier d'un élan généralis tout de suite borné à une barrière, point d'influence ailleurs; repartition des tr.—retourne au col de g...“
Фельдмаршалъ, долгое время частное лицо, вдругъ генералиссимусъ, сейчасъ задержанъ у заставы. Другого вліянія не имѣю; раздѣлъ тр.. возвращаюсь.

„Никогда не отступать: рискъ непреодолимъ; лучше — всегда идти напрямикъ“ *).

И между тѣмъ именно благодаря отступленію, онъ вписалъ въ Золотую книгу военныхъ подвиговъ самую прекрасную страницу своей исторіи.

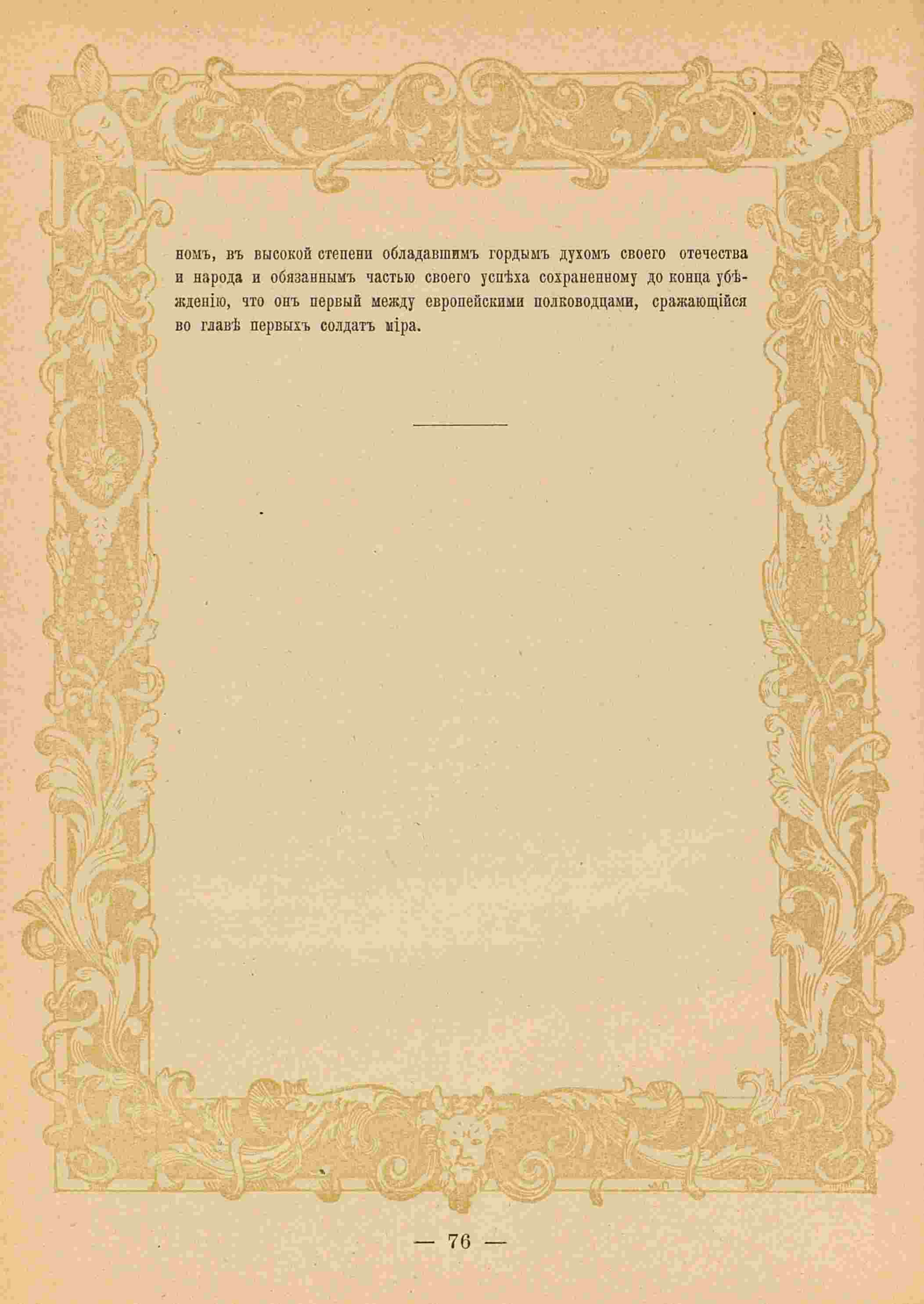
Командуя солдатами необыкновенной физической силы, совершенно исключительнаго склада ума, дѣтскими душами въ желѣзной оболочкѣ, онъ, какъ никто, умѣлъ воспользоваться и возбудить двойную энергію и удесятерить подъемъ духа. Суровый также по отношенію къ себѣ, онъ писалъ: „Надо производить ученіе во всякую погоду, также зимой; кавалеріи по грязи, по болотамъ, рвамъ, канавамъ, пригоркамъ, низинамъ, на окопахъ!“ Умѣя становиться на одинъ уровень съ тѣми, кого хотѣлъ увлечь, пуская даже въ ходъ свои чудачества, чтобы возбудить воображеніе солдатъ, онъ, такъ сказать, сливался воедино съ арміей, которую велъ, и превращалъ ее въ могучую военную машину, управляемую его волей и движимую впередъ его духомъ—духомъ пламеннымъ. Такимъ образомъ, онъ тѣснилъ турокъ и поляковъ, — войска нестройныя, на которыя нагонялъ страхъ своей смѣлой, быстрой стремительностью, обезоруживающей первымъ натискомъ, всегда могучимъ. Этотъ приѣмъ далъ ему также въ 1799 г. побѣду надъ неопытнымъ Шерреромъ и лѣнивымъ Макдональдомъ. Однако, все это оказалось непригоднымъ, когда при встрѣчѣ съ Массеной и Моро, ему пришлось бороться съ ними именно умѣніемъ маневрировать, за которое онъ такъ поднималъ на смѣхъ австрійскихъ генераловъ во время второй турецкой войны. Запертый въ долину Рейссы, онъ выбрался оттуда, заставивъ своихъ людей сдѣлать усиліе, котораго другому, конечно, не добиться бы отъ нихъ. Но пришелъ конецъ наступленію по прямой и стремленію впередъ, нагнувъ голову какъ бодающійся быкъ. Быка схватили за рога.

Тѣмъ не менѣе Россія имѣетъ законное право гордиться этимъ сы-

---

*) Переписка, изданная Масловскимъ.

номъ, въ высокой степени обладавшимъ гордымъ духомъ своего отечества и народа и обязаннымъ частью своего успѣха сохраненному до конца убѣжденію, что онъ первый между европейскими полководцами, сражающійся во главѣ первыхъ солдатъ міра.

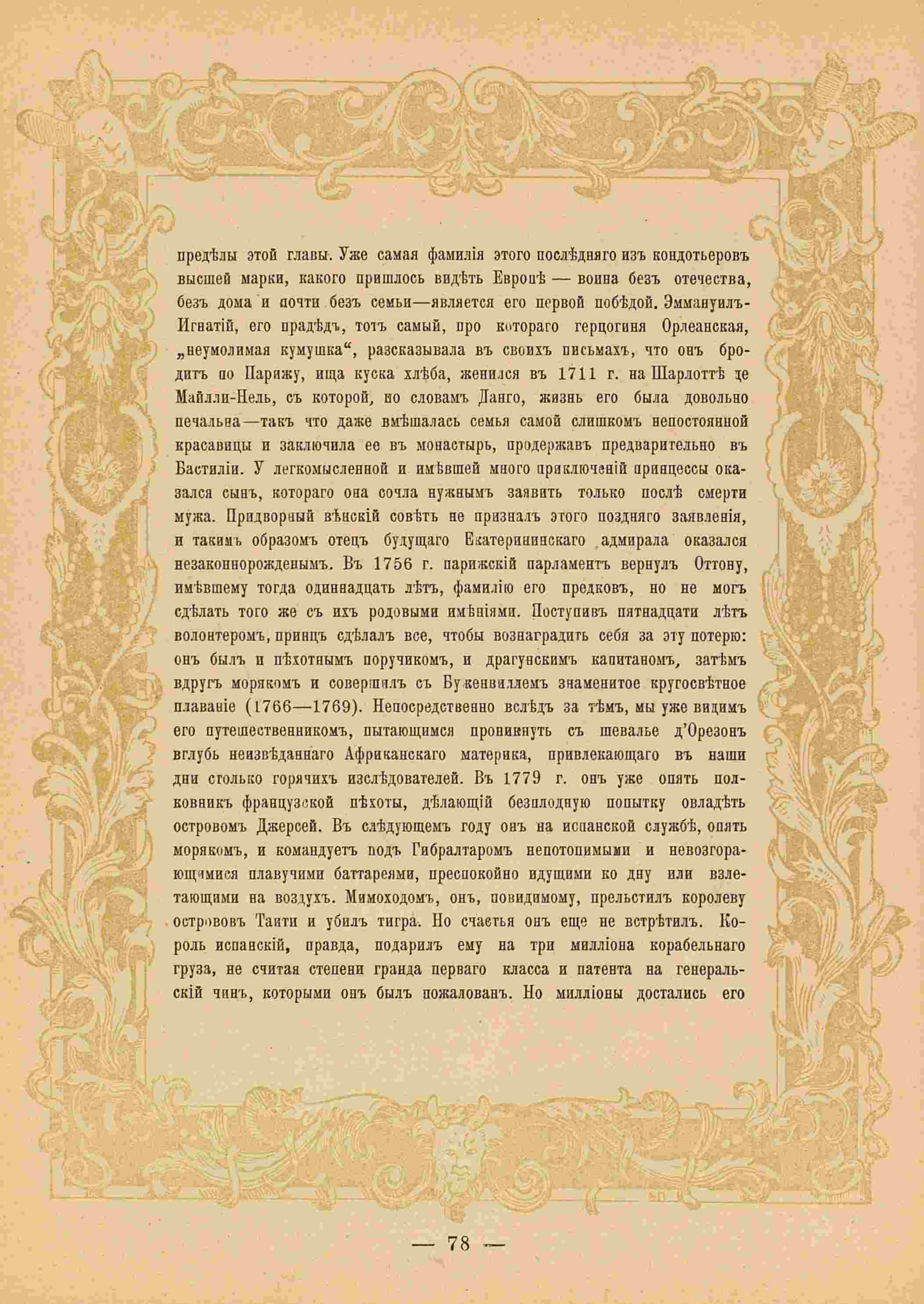
III.

Суворовъ не измѣнилъ своего убѣжденія даже при встрѣчѣ съ Бонапарте и его солдатами подъ Маренго. Зналъ ли онъ, что побѣдитель при маренго могъ сдѣлаться его соперникомъ въ рядахъ этой самой русской арміи, которую онъ ставилъ выше всѣхъ другихъ? А между тѣмъ, это чуть было не случилось—если вѣрить разсказу генерала Заборовскаго, одного изъ Потемкинскихъ поручиковъ, посланнаго въ 1788 г. на берегъ Средиземнаго моря. Однажды въ главную квартиру корпуса явился молодой офицеръ, окончившій курсъ въ французской школѣ, но въ то время жившій въ своей семьѣ въ Корсикѣ, и просилъ мѣста. Только вопросъ о Чинѣ, въ которомъ проситель не хотѣлъ дѣлать ни малѣйшихъ уступокъ, и который Заборовскій не могъ рѣшить своей властью, помѣшалъ соглашенію. Этотъ офицеръ былъ Наполеонъ Бонапартъ *). Карьера Наполеона въ Россіи! Какая опасная загадка! Какой горизонтъ грандіозныхъ, бурныхъ мечтаній, способныхъ заставить отступить самое смѣлое воображеніе!

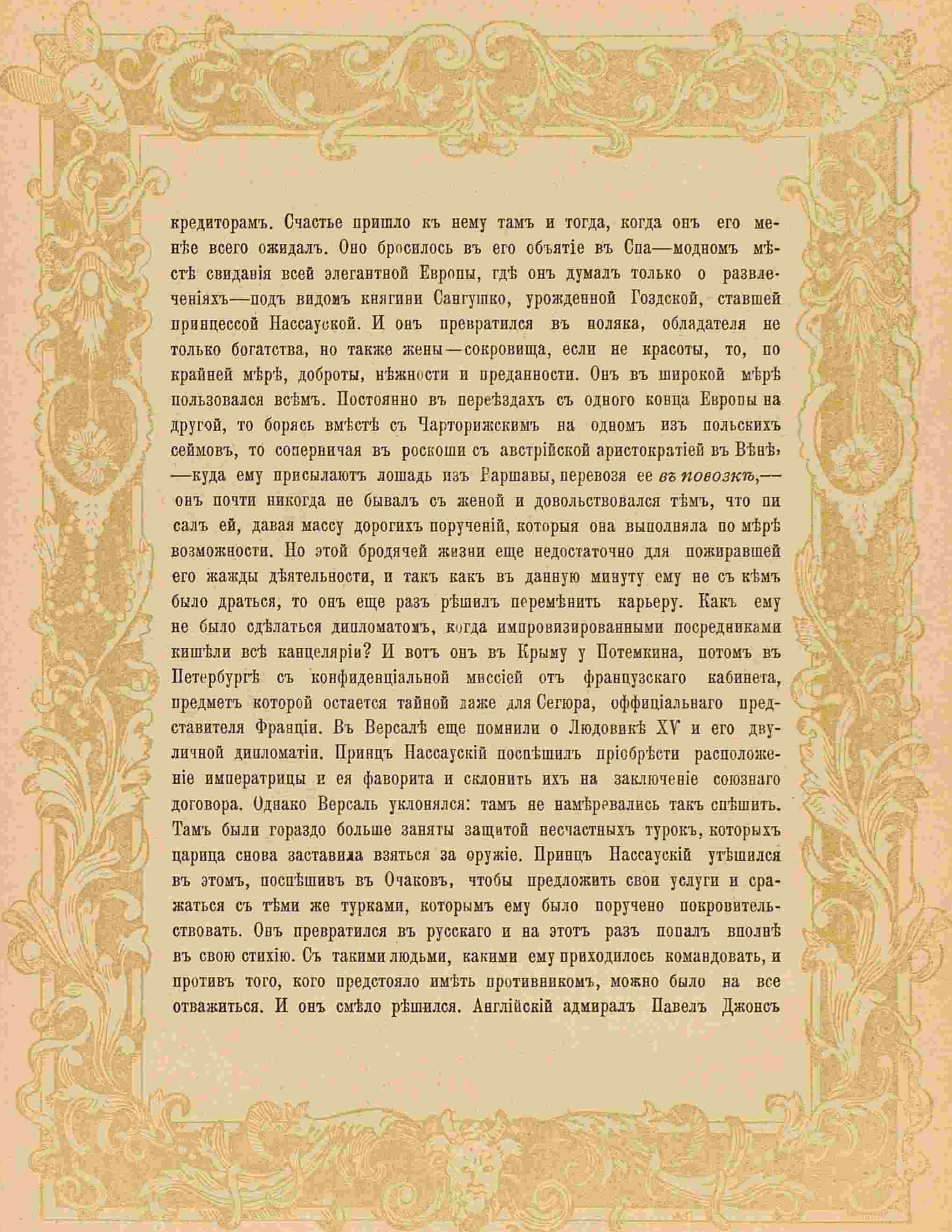
Вмѣсто такого исключительнаго волонтера, судьба послала Екатерину, среди офицеровъ иностранныхъ армій, искавшихъ счастья въ Россіи, нѣсколько дѣйствительно достойныхъ людей, оказавшихъ ей хорошія услуги. Но она очень мало дорожила ими, кромѣ одного обаятельнаго храбреца, стоившаго ей не мало, но и цѣнимаго ею по уплоченной цѣнѣ. Мы уже говорили, что она любила этотъ родъ авантюристовъ, которымъ чувствовала себя сродни. По своему происхожденію, по своей исполненной приключеній карьерѣ и немного по складу ума, принцъ Нассау-Зигенъ былъ родственнымъ Екатерину!

Недавно появившаяся книга избавляетъ насъ отъ попытки написать біографію этой личности,—біографію, которая грозила бы выйти далеко за

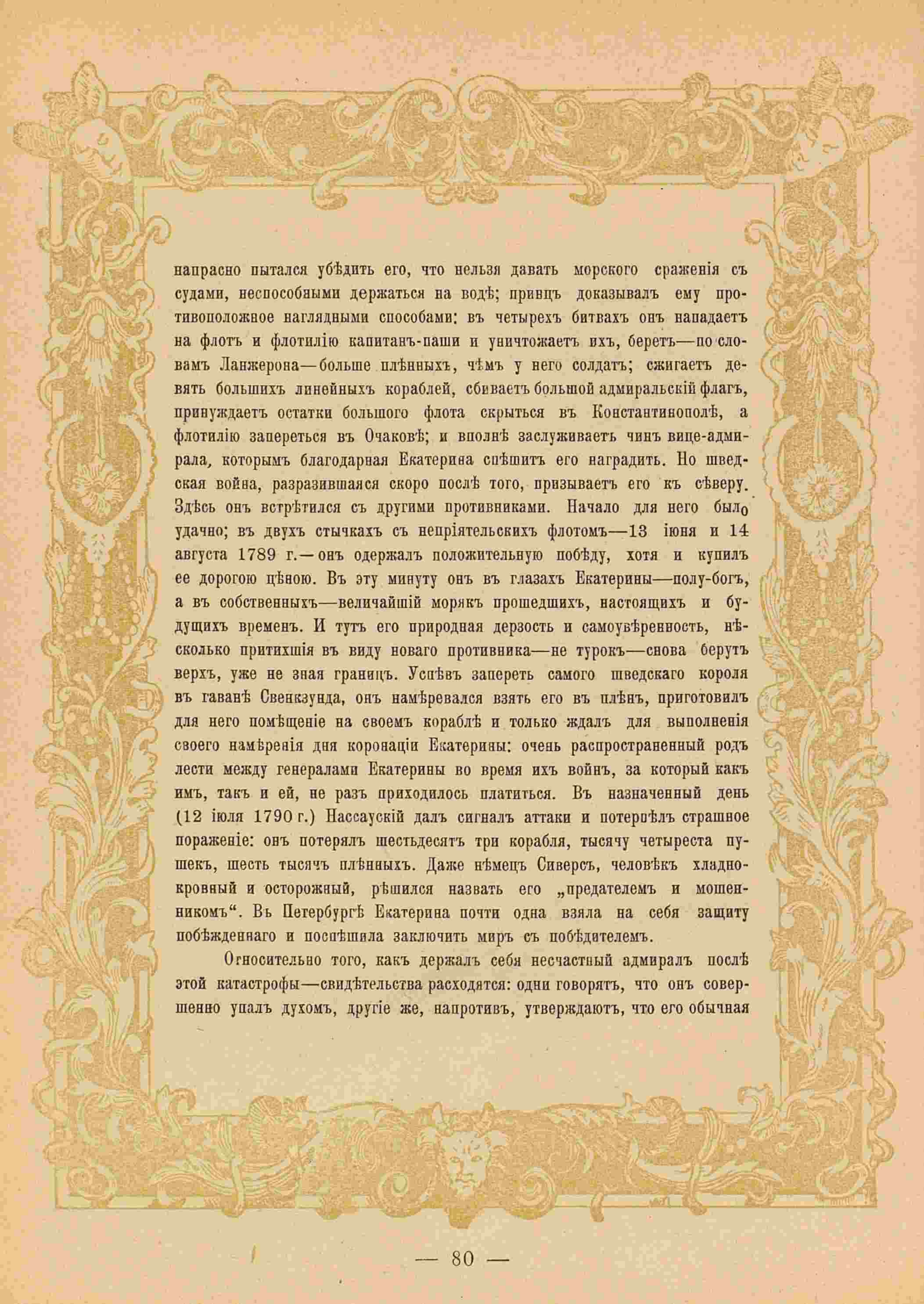
*) Русскій архивъ 1866.

предѣлы этой главы. Уже самая фамилія этого послѣдняго изъ кондотьеровъ высшей марки, какого пришлось видѣть Европѣ — война безъ отечества, безъ дома и почти безъ семьи—является его первой побѣдой. Эммануиль-Игнатій, его прадѣдъ, тотъ самый, про котораго герцогиня Орлеанская, „неумолима кумушка“, рассказывала въ своихъ письмахъ, что онъ бродитъ по Парижу, ища куска хлѣба, женился въ 1711 г. на Шарлоттѣ де Майлли-Нель, съ которой, по словамъ Данго, жизнь его была довольно печальна—такъ что даже вмѣшалась семья самой слишкомъ непостоянной красавицы и заключила ее въ монастырь, продержавъ предварительно въ Бастиліи. У легкомысленной и имѣвшей много приключеній принцессы оказался сынъ, котораго она сочла нужнымъ заявить только послѣ смерти мужа. Придворный вѣнскій совѣтъ не призналъ этого поздняго заявленія, и такимъ образомъ отецъ будущаго Екатерининскаго адмирала оказался незаконнорожденнымъ. Въ 1756 г. парижскій парламентъ вернулъ Оттону, имѣвшему тогда одиннадцать лѣтъ, фамилію его предковъ, но не могъ сдѣлать того же съ ихъ родовыми имѣніями. Поступивъ пятнадцати лѣтъ волонтеромъ, принцъ сдѣлалъ все, чтобы вознаградить себя за эту потерю: онъ былъ и пѣхотнымъ поручикомъ, и драгунскимъ капитаномъ, затѣмъ вдругъ морякомъ и совершилъ съ Буженвиллемъ знаменитое кругосвѣтное плаваніе (1766—1769). Непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, мы уже видимъ его путешественникомъ, пытающимся проливнуть съ шевалье д'Орезонъ вглубь неизвѣданнаго Африканскаго материка, привлекающаго въ наши дни столько горячихъ изслѣдователей. Въ 1779 г. онъ уже опять полковникъ французской пѣхоты, дѣлающій безплодную попытку овладѣть островомъ Джерсей. Въ слѣдующемъ году онъ на испанской службѣ, опять морякомъ, и командуетъ подъ Гибралтаромъ непотопимыми и невозгорающимися плавучими баттареями, преспокойно идущими ко дну или взлетающими на воздухъ. Мимоходомъ, онъ, повидимому, прельстилъ королеву острововъ Таити и убилъ тигра. Но счастья онъ еще не встрѣтилъ. Король испанскій, правда, подарилъ ему на три милліона корабельнаго груза, не считая степени гранда перваго класса и патента на генеральскій чинъ, которыми онъ былъ пожалованъ. Но милліоны достались его

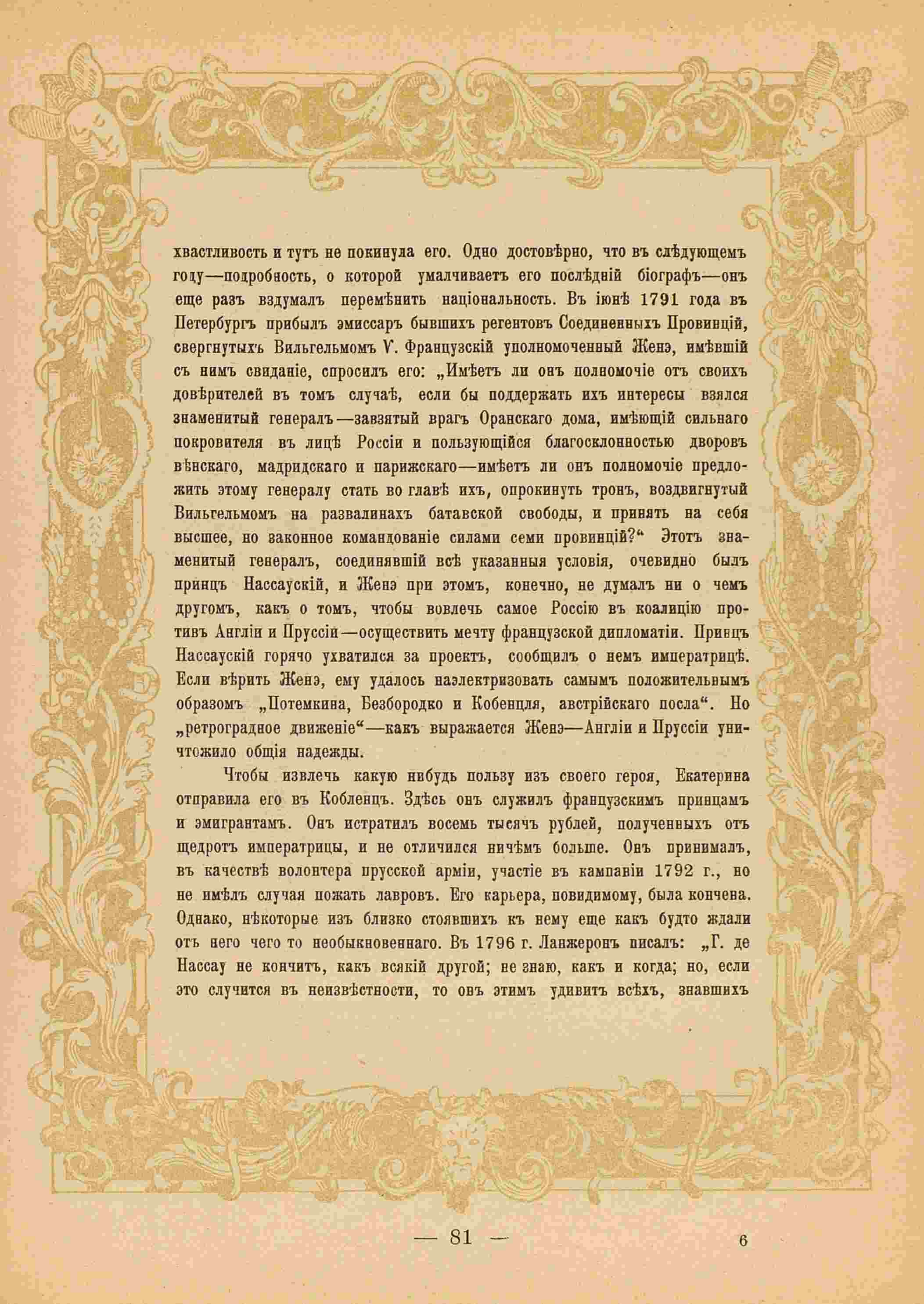

кредиторамъ. Счастье пришло къ нему тамъ и тогда, когда онъ его меньше всего ожидалъ. Оно бросилось въ его объятіе въ Спа—модномъ мѣстѣ свиданія всей элегантной Европы, гдѣ онъ думалъ только о развлеченияхъ—подъ видомъ княгини Сангунко, урожденной Гоздской, ставшей принцессой Нассауской. И онъ превратился въ поляка, обладателя не только богатства, но также жены—сокровища, если не красоты, то, по крайней мѣрѣ, доброты, нѣжности и преданности. Онъ въ широкой мѣрѣ пользовался всѣмъ. Постоянно въ переѣздахъ съ одного конца Европы на другой, то борясь вмѣстѣ съ Чарторижскимъ на одномъ изъ польскихъ сеймовъ, то соперничая въ роскоши съ австрійской аристократіей въ Вѣнѣ,—куда ему присылаютъ лошадь изъ Варшавы, перевоза ее *въ новозкъ*,—онъ почти никогда не бывалъ съ женой и довольствовался тѣмъ, что писалъ ей, давая массу дорогихъ порученій, которыя она выполняла по мѣрѣ возможности. Но этой бродячей жизни еще недостаточно для пожиравшей его жажды дѣятельности, и такъ какъ въ данную минуту ему не съ кѣмъ было драться, то онъ еще разъ рѣшилъ перемѣнить карьеру. Какъ ему не было сдѣлаться дипломатомъ, когда импровизированными посредниками кишѣли всѣ канцеляріи? И вотъ онъ въ Крыму у Потемкина, потомъ въ Петербургѣ съ конфиденціальной миссіей отъ французскаго кабинета, предметъ которой остается тайной даже для Сегюра, официальнаго представителя Франціи. Въ Версалѣ еще помнили о Людовикѣ XV и его двучленной дипломатіи. Принцъ Нассаускій поспѣшилъ пріобрѣсти расположеніе императрицы и ея фаворита и склонить ихъ на заключеніе союзнаго договора. Однако Версаль уклонялся: тамъ не намѣревались такъ спѣшить. Тамъ были гораздо больше заняты защитой несчастныхъ турокъ, которыхъ царица снова заставила взяться за оружіе. Принцъ Нассаускій утѣшился въ этомъ, поспѣшивъ въ Очаковъ, чтобы предложить свои услуги и сражаться съ тѣми же турками, которымъ ему было поручено покровительствовать. Онъ превратился въ русскаго и на этотъ разъ попалъ вполне въ свою стихію. Съ такими людьми, какими ему приходилось командовать, и противъ того, кого предстояло имѣть противникомъ, можно было на все отважиться. И онъ смѣло рѣшился. Англійскій адмиралъ Павелъ Джонсъ

напрасно пытался убѣдить его, что нельзя давать морскаго сраженія съ судами, неспособными держаться на водѣ; принцъ доказывалъ ему противоположное наглядными способами: въ четырехъ битвахъ онъ нападаетъ на флотъ и флотилію капитанъ-паши и уничтожаетъ ихъ, беретъ—по словамъ Ланжерона—больше плѣнныхъ, чѣмъ у него солдатъ; сжигаетъ девять большихъ линейныхъ кораблей, сбиваетъ большой адмиральскій флагъ, принуждаетъ остатки большого флота скрыться въ Константинополь, а флотилію запереться въ Очаковѣ; и вполнѣ заслуживаетъ чинъ вице-адмирала, которымъ благодарная Екатерина спѣшитъ его наградить. Но шведская война, разразившаяся скоро послѣ того, призываетъ его къ сѣверу. Здѣсь онъ встрѣтился съ другими противниками. Начало для него было удачно; въ двухъ стычкахъ съ непріятельскихъ флотомъ—13 іюня и 14 августа 1789 г.—онъ одержалъ положительную побѣду, хотя и купилъ ее дорогою цѣною. Въ эту минуту онъ въ глазахъ Екатерины—полу-богъ, а въ собственныхъ—величайшій морякъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ временъ. И тутъ его природная дерзость и самоувѣренность, нѣсколько притихшія въ виду новаго противника—не турокъ—снова берутъ верхъ, уже не зная границъ. Успѣвъ запереть самого шведскаго короля въ гавань Свенкзунда, онъ намѣревался взять его въ плѣнъ, приготовилъ для него помѣщеніе на своемъ кораблѣ и только ждалъ для выполненія своего намѣренія дня коронаціи Екатерины: очень распространенный родъ лести между генералами Екатерины во время ихъ войнъ, за который какъ имъ, такъ и ей, не разъ приходилось платиться. Въ назначенный день (12 іюля 1790 г.) Нассаускій далъ сигналъ атаки и потерѣлъ страшное пораженіе: онъ потерялъ шестьдесятъ три корабля, тысячу четыреста пушекъ, шесть тысячъ плѣнныхъ. Даже нѣмецъ Сиверсъ, человекъ хладнокровный и осторожный, рѣшился назвать его „предателемъ и мошенникомъ“. Въ Петербургѣ Екатерина почти одна взяла на себя защиту побѣжденнаго и поспѣшила заключить миръ съ побѣдителемъ.

Огнотно относительно того, какъ держалъ себя несчастный адмиралъ послѣ этой катастрофы—свидѣтельства расходятся: одни говорятъ, что онъ совершенно упалъ духомъ, другіе же, напротивъ, утверждаютъ, что его обычная

хвастливость и тутъ не покинула его. Одно достовѣрно, что въ слѣдующемъ году—подробность, о которой умалчиваетъ его послѣдній біографъ—онъ еще разъ вздумалъ перемѣнить національность. Въ іюнь 1791 года въ Петербургъ прибылъ эmissаръ бывшихъ регентовъ Соединенныхъ Провинцій, свергнутыхъ Вильгельмомъ V. Французскій уполномоченный Женэ, имѣвшій съ нимъ свиданіе, спросилъ его: „Имѣеть ли онъ полномочіе отъ своихъ довѣрителей въ томъ случаѣ, если бы поддержать ихъ интересы взялся знаменитый генералъ—завзятый врагъ Оранскаго дома, имѣющій сильнаго покровителя въ лицѣ Россіи и пользующійся благосклонностью дворовъ вѣнскаго, мадридскаго и парижскаго—имѣеть ли онъ полномочіе предложить этому генералу стать во главѣ ихъ, опрокинуть тронъ, воздвигнутый Вильгельмомъ на развалинахъ батавской свободы, и принять на себя высшее, но законное командованіе силами семи провинцій?“ Этотъ знаменитый генералъ, соединявшій всѣ указанныя условія, очевидно былъ принцъ Нассаускій, и Женэ при этомъ, конечно, не думалъ ни о чемъ другомъ, какъ о томъ, чтобы вовлечь самое Россію въ коалицію противъ Англіи и Пруссіи—осуществить мечту французской дипломатіи. Принцъ Нассаускій горячо ухватился за проектъ, сообщилъ о немъ императрицѣ. Если вѣрить Женэ, ему удалось наэлектризовать самымъ положительнымъ образомъ „Потемкина, Безбородко и Кобенцля, австрійскаго посла“. Но „ретроградное движеніе“—какъ выражается Женэ—Англіи и Пруссіи уничтожило общія надежды.

Чтобы извлечь какую нибудь пользу изъ своего героя, Екатерина отправила его въ Кобленцъ. Здѣсь онъ служилъ французскимъ принцамъ и эмигрантамъ. Онъ истратилъ восемь тысячъ рублей, полученныхъ отъ щедротъ императрицы, и не отличился ничѣмъ больше. Онъ принималъ, въ качествѣ волонтера прусской арміи, участіе въ кампаніи 1792 г., но не имѣлъ случая пожать лавровъ. Его карьера, повидимому, была кончена. Однако, нѣкоторые изъ близко стоявшихъ къ нему еще какъ будто ждали отъ него чего то необыкновеннаго. Въ 1796 г. Ланжеронъ писалъ: „Г. де Нассау не кончить, какъ всякій другой; не знаю, какъ и когда; но, если это случится въ неизвѣстности, то онъ этимъ удивитъ всѣхъ, знавшихъ

его". Судьба принца была—удивлять своихъ современниковъ. Удалившись въ имѣніе жены, въ Подольскую губернію, онъ перебивался тамъ остатками нѣсколькихъ потраченныхъ состояній, и „угасъ“, какъ говоритъ его біографъ, въ 1809 г., вдали отъ всякихъ событій, потрясавшихъ свѣтъ, и даже почти не интересуясь дѣлами, за которыя самъ прежде сражался.

Какъ совершенный представитель исчезнушаго типа кондотьеровъ безъ страха и упрека, онъ не могъ ни жить ради какого-нибудь дѣла, ни умереть за него. Однако, какъ полководца, одинъ современникъ,—хорошій судья—оцѣниваетъ его, слѣдующимъ образомъ: „Рожденный съ глазомъ полководца, онъ не теорикъ, но его геній замѣняетъ ему недостатокъ учености... Онъ никогда не думаетъ объ отступленіи. Если побѣждаетъ, то вполне; если побѣжденъ, то окончательно. У него есть тотъ недостатокъ, что онъ любитъ окружать себя авантюристами; его вспыльчивый характеръ мѣшаетъ ему взвѣшивать его выраженіе; человѣку порядочнаго происхожденія и благородному трудно къ нему привязаться“.*)

Однако, по словамъ мадамъ Виже-Лабрѣнь, встрѣчавшей Нассаускаго въ Вѣнѣ, онъ съ виду былъ „мягокъ и застѣнчивъ, какъ барышня, только что вышедшая изъ монастыря“. Ничто въ его внѣшности—хотя онъ былъ высокъ и хорошо сложенъ,—не указывало въ немъ героя столькоихъ приключеній. Поле битвы его преображало. У него была храбрость геройская, неудержимая и театральная—храбрость его предковъ, средне-вѣковыхъ рыцарей. Подъ Свенкзундомъ онъ только чудомъ избѣгнулъ смерти „выставляясь на показъ въ своемъ бѣломъ мундирѣ и голубой орденской лентѣ“,—разсказываетъ про него одинъ свидѣтель—„крича, волнуясь съ пистолетомъ въ одной рукѣ и саблей въ другой, переѣзжая отъ одной линіи къ другой на пестрой шлюпкѣ, гдѣ у весель сидѣло восемнадцать гребцовъ—тоже всѣ въ бѣломъ съ оранжевыми поясами“. Нѣсколько недѣль спустя, зная, что миръ заключенъ, онъ упорно хотѣлъ отомстить за пораженіе, устремившись на шведовъ.—„Вижу, что я заключилъ миръ съ

*) Ланжеронъ.

Россіей, а не съ принцемъ Нассаускимъ“,—сказалъ по этому случаю шведскій король. Въ слѣдующемъ году онъ сталъ стрѣлять ядрами въ англійскій корабль, „салутовавшій ему недостаточно почтительно“, и довелъ до того, что капитанъ долженъ былъ объявить себя военно-пльннымъ. *)

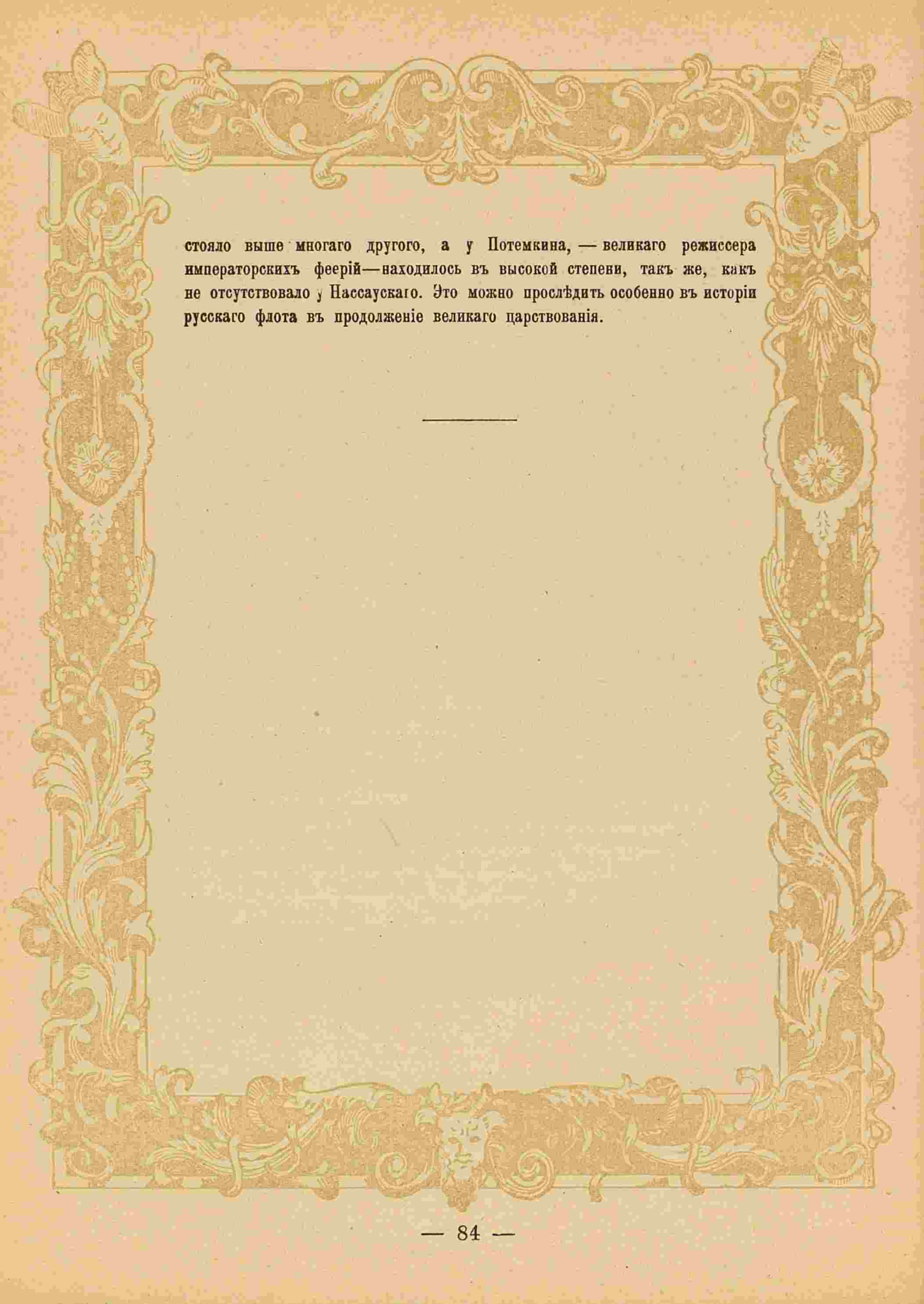
Съ его воображеніемъ и темпераментомъ, благодаря которымъ онъ никогда ни въ чемъ не сомнѣвался и всегда мечталъ о самой высокой судьбѣ, вся его жизнь была рядомъ непрерывныхъ разочарованій, и онъ заставлялъ дѣлить ихъ съ собой жену, мечта которой была возсѣдать рядомъ съ нимъ, если не на польскомъ престолѣ, то, по крайней мѣрѣ, на курляндскомъ. Высокомѣрный тонъ ея и критическое отношеніе ко всему, обнаруженному ею въ Петербургѣ, не нравились Екатеринѣ, говорившей про нее, что она всюду „таскаетъ съ собой свою республику“. Принцесса имѣла, по крайней мѣрѣ, утѣшеніе царствовать два года въ Парижѣ, гдѣ она вошла въ моду, несмотря на то, что ея оригинальничанье и претензіи возбуждали насмѣшки.

Хотя и родившійся вдали отъ Россіи, принцъ Нассаускій, благодаря запутанности своего происхожденія и карьеры, въ глазахъ Екатерины не былъ иностранцемъ.— „Надѣюсь“,—говорила она ему черезъ годъ послѣ его пріѣзда,—„что вы теперь вполне русскій“. Очень перемѣнились времена съ тѣхъ поръ, какъ нѣмецъ Бюренъ, который только впоследствии сталъ называться Бирономъ, говорилъ въ присутствіи императрицы Анны высшимъ придворнымъ сановникамъ—Голицынымъ и Долгорукимъ: „Вотъ у васъ, русскихъ, смѣлости на все хватить“.

Гессенецъ Бауеръ, которому, какъ говорятъ, Румянцевъ въ значительной степени былъ обязанъ своими успѣхами, такъ же, какъ ливонецъ Михельсонъ, сыгравшій такую же роль для Панина, не подвинулись далеко ни въ военной іерархіи, ни въ расположеніи императрицы: они были нѣмцы. И, чтобы заставить забыть свое происхожденіе, у нихъ не оказалось еще чего то—искусства или качества—что въ глазахъ Екатерины

*) Деша генерала Дюмурье, 25 іюня 1792 г.

стояло выше многого другого, а у Потемкина, — великаго режиссера императорскихъ феерій—находилось въ высокой степени, такъ же, какъ не отсутствовало у Нассаускаго. Это можно прослѣдить особенно въ исторіи русскаго флота въ продолженіе великаго царствованія.

IV.

Вотъ что писала Екатерина 8 іюня 1765 г. въ конфиденціальномъ письмѣ къ первому министру Панину съ борта яхты, на которой она выѣхала къ устьямъ Невы, чтобъ произвести смотръ своему флоту:

„Наше путешествіе было такъ счастливо, что мы на слѣдующее утро послѣ отъѣзда изъ Петербурга уже были въ виду флота. Передайте это моему адмиралу вмѣстѣ съ увѣреніемъ въ моей благосклонности. А вотъ что сохраните про себя, и что вамъ доставить не меньшее неудовольствіе, чѣмъ мнѣ: у насъ въ излишествѣ и кораблей, и людей; но у насъ нѣтъ ни флота, ни моряковъ. Въ ту минуту, какъ я подняла штандартъ, и корабли стали проходить мимо, салютуя, два изъ нихъ погибли было по оплошности капитановъ: одинъ попалъ кормою въ оснастку другого, и это, можетъ быть, всего лишь во ста туазахъ отъ моей яхты. Добрый часъ они возились, чтобы высвободить свои борта, что, наконецъ, имъ и удалось къ великому ущербу ихъ мачтъ и оснастки. Потомъ адмиралу хотѣлось, чтобъ они держали линію, но ни одинъ корабль не могъ этого исполнить, хотя погода была превосходная. Наконецъ, въ пять часовъ, послѣ обѣда приблизились къ берегу для бомбардировки, такъ называемаго города. Впереди помѣстили одну бомбардирскую лодку и, когда хотѣли поставить около насъ другую, то съ трудомъ успѣли такую найти, потому, что никто не держалъ въ линію. До 9 часовъ стрѣляли бомбами и ядрами, которыя не попадали въ цѣль, такъ что, наконецъ, будучи утомленной и чувствуя что у меня барабанная перепонка болятъ отъ этого гама столь же бесполезнаго, какъ и смѣшнаго, я попросила адмирала перейти ко мнѣ на бортъ, гдѣ я простилась съ нимъ, прося его не упорствовать болѣе въ желаніи сжечь остатки этого города, потому, что имѣли предосторожность прежде чѣмъ начать обстрѣливаніе, привязать въ различныхъ мѣстахъ по-

роховыя нити, которыя сдѣлали свое дѣло лучше, чѣмъ ядра и бомбы. Вотъ все, что мы видѣли изъ этого жалкаго плаванія. Самъ адмиралъ былъ очень огорченъ... Надо сознаться, что всѣ корабли походили на флотилію, выходящую каждый годъ изъ Голландіи для ловли сельдей, а не на военный флотъ“. *)

Этотъ флотъ былъ наслѣдіемъ, переданнымъ въ предыдущемъ году своимъ преемникамъ великимъ адмираломъ Елизаветы, смѣщеннымъ Петромъ III и снова назначеннымъ на прежній постъ Екатериной. Меньшій братъ маршала, прославившагося при Петрѣ I, князь Михаилъ Голицынъ впервые появляется на сцену при императрицѣ Аннѣ въ качествѣ президента юстицъ-коллегіи, потомъ отправляется посломъ въ Персію, при чемъ увѣковѣчиваетъ свою миссію нововведеніями по части гастрономіи и садоводства, привезя изъ Персіи персиковое дерево, которое онъ акклиматизировалъ впоследствии въ своемъ имѣніи Узкое, перешедшемъ затѣмъ къ графамъ Толстымъ. Въ награду Голицына поставили во главѣ адмиралтейства. Вполнѣ джентльменъ, честный и прямой, онъ оправдывалъ ходившую въ то время остроту, которую, впрочемъ, нельзя примѣнить безъ различія ко всѣмъ членамъ его знаменитой семьи. Разсказывали, что при рожденіи новаго члена семьи, старшая по годамъ въ родѣ брала ребенка на руки и говорила ему: „Никогда не забывай, что ты князь Голицынъ, будь глупъ и скупъ, живи въ Москвѣ около Тверской, и тебя повезутъ хоронить въ Донской“.

Принужденная за смертью его въ 1764 г. искать ему преемника, Екатерина не сумѣла сдѣлать ничего лучшаго, какъ остановить свой выборъ на одномъ изъ братьевъ Чернышовыхъ, и дѣла во флотѣ оставались приблизительно въ томъ же положеніи, въ какомъ онъ ихъ принялъ, до той минуты, когда разразилась первая турецкая война. Тогда только четыре года спустя послѣ всего видѣннаго на смотре на Кронштадтскомъ рейдѣ, императрица вспомнила, что ей нужны моряки, чтобы командовать кораблями; а такъ какъ таковыхъ въ Россіи не оказывалось, то пришлось,

*) Собственноручное письмо Екатерины, написанное по-русски.

скрѣпя сердце, поискать въ другихъ мѣстахъ. Императрица попыталась было остановиться на Спиридовѣ. Покинувъ Кронштадтъ 26 іюля 1769 г., съ эскадрой изъ пятнадцати судовъ, онъ только въ концѣ декабря показался въ виду Минорки всего съ восемью судами: прочія погибли дорогой. Екатерина въ отчаяніи обратилась въ Лондонъ. Ей прислали Эльфинстона. Вначалѣ она была очень довольна. „Этотъ сумѣеть преодолѣть всѣ препятствія!“ Но такъ продолжалось недолго. Черезъ два года Сабатье доноситъ изъ Петербурга: „Г. Эльфинстонъ совершенно забытъ; съ нимъ никто не разговариваетъ при дворѣ; онъ тщетно появляется въ передней у графа Панина...“ И двѣ недѣли спустя: „Г. Иванъ Чернышовъ въ двухъ словахъ написалъ Эльфинстону, что императрица больше въ немъ не нуждается“.

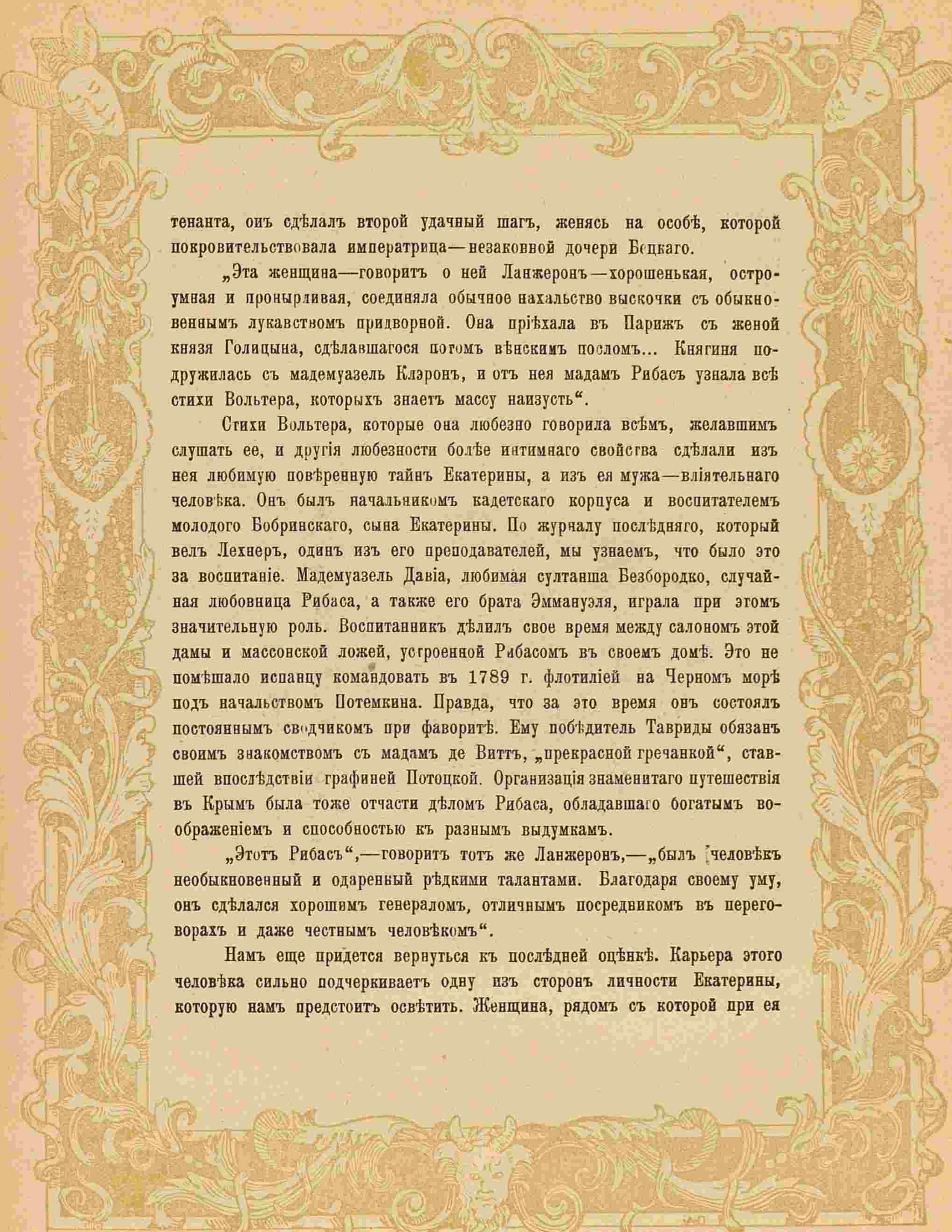
За что такая немилость? Уничтоживъ вмѣстѣ съ Дѣгделемъ и Грейгомъ турецкій флотъ въ гавани Чесма—подвигъ, вся слава котораго выпала на долю одного Орлова,—Эльфинстонъ позволилъ себѣ по другому случаю послушаться приказанія, исполненіе котораго увичтожило бы всѣ плоды этой побѣды. Онъ не сумѣлъ во время ступешваться. Болѣе послушные и скромные — впрочемъ, въ то время только корабельные капитаны — Грейгъ и Дѣгдель остались на своихъ мѣстахъ. Первый изъ нихъ даже со временемъ достигъ чина генераль-адмирала. Но постоянное желаніе и надежда Екатерины—найти замѣстителя Голицыну изъ среды молодыхъ русскихъ моряковъ. Когда Чичагову—отцу адмирала, прославившагося въ послѣдующія царствованія,—удалось одержать нѣсколько скромныхъ побѣдъ надъ шведами, императрица не помнитъ себя отъ радости и гордости. Бюстъ героя ставится въ Царскомъ въ галлерей великихъ людей, и Екатерина непременно хочетъ украсить его стихами собственнаго сочиненія, которые Державину было очень трудно согласовать съ правилами поэтики. Чичагова приглашаютъ лично сообщить государынѣ о своихъ подвигахъ. Онъ конфузится, бормочетъ что-то; произноситъ несвязныя фразы; но затѣмъ, оживляясь мало-по-малу, возвышаетъ голосъ, начинаетъ ругаться и клясться, употреблять самыя отборныя выраженія своего флотскаго жаргона, пока ужасъ, который онъ замѣчаетъ на лицахъ присутствующихъ, не за-

ставляетъ его остановиться, открывъ ротъ. Онъ падаетъ на колѣни; Екатерина велитъ ему встать и ободряетъ его:— „Пожалуйста продолжайте; я не вполнѣ понимаю всѣ техническія выраженія, которыя вы употребляете, но вашъ рассказъ интересуетъ меня“.

Не ученый, но смѣлый морякъ, настоящій морской волкъ, Чичаговъ, могъ въ извѣстной степени оправдать довѣріе, которое оказывала ему Екатерина. И вообще было бы вполнѣ извинительно то чувство, которому она повиновалась, осыпая его милостями, если бы она при этомъ оказалась послѣдовательной. Но у императрицы, пренебрегавшей услугами такихъ людей, какъ Эльфинстонъ и Павелъ Джонсъ, среди ея адмираловъ, кромѣ принца Нассаускаго, былъ еще иностранецъ, котораго она поддерживала всѣми способами. Его фамилія была Рибасъ.

Подъ 25 іюня 1776 г. мы читаемъ въ одной изъ депешъ маркиза де Жуинье, адресованной изъ Петербурга графу де Верженну: „Есть здѣсь одинъ молодой человѣкъ г. Рибасъ, испанецъ по происхожденію... добрый малый, не безъ способностей, и честный, которымъ я имѣю причину быть довольнымъ... Онъ женился на любимой горничной императрицы. Ея величество дала ей приданое и оказываетъ г. Рибасу всевозможныя милости. Она желала бы даже дать ему знаки отличія, но вмѣстѣ съ тѣмъ желала бы изъ-за общественнаго мнѣнія имѣть причины, которыя оправдали бы особыя милости. Повидимому, рекомендація со стороны испанскаго короля произвела бы наилучшее впечатлѣніе“.

Маркизь де Жуинье имѣлъ свои причины быть довольнымъ этимъ молодымъ человѣкомъ. Но вообще, чтобы отозваться о немъ хорошо, требовалось много снисходительности. Рожденный въ Неаполѣ и получившій свою фамилію случайно— фамилія его отца была, повидимому, Бавжонъ, и онъ былъ родомъ изъ Барцелоны— Жозефъ Рибасъ дебютировалъ въ жизни нѣсколькими продѣлками: кражей паспорта и поддѣлкой векселей, вслѣдствіе чего ему захотѣлось покинуть Италію. Случайная встрѣча съ Орловымъ, которому онъ помогъ выполнить уже упомянутое нами низкое дѣло,— похищеніе знаменитой княжны Таракановой,— позволяло ему осуществить его желаніе. Вернувшись въ Петербургъ въ чинѣ флотскаго лей-

тенанта, онъ сдѣлалъ второй удачный шагъ, женись на особѣ, которой покровительствовала императрица—незаковвой дочери Бецкаго.

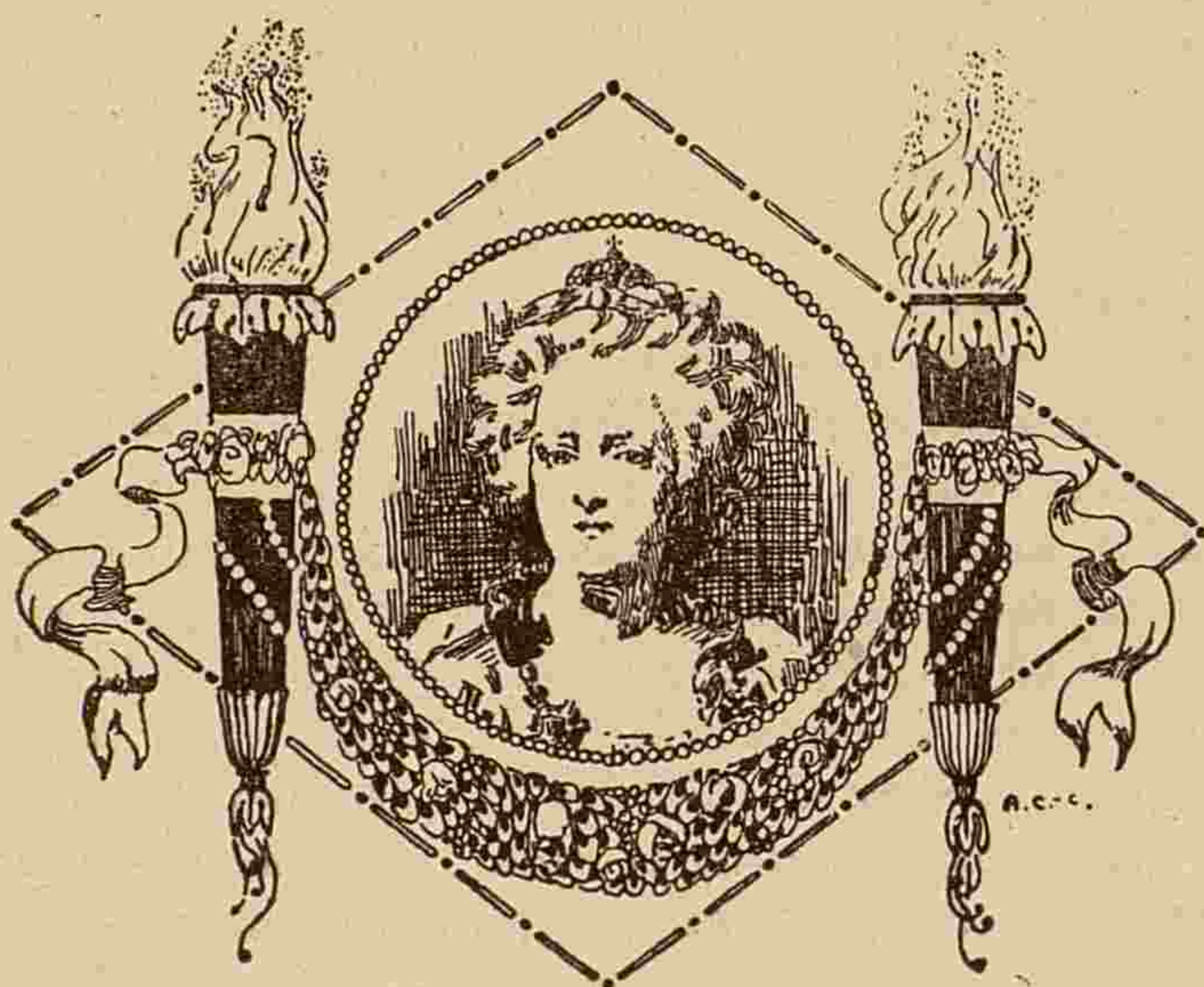
„Эта женщина—говорить о ней Ланжеронъ—хорошенькая, остроумная и пронырливая, соединяла обычное нахальство выскочки съ обыкновеннымъ лукавствомъ придворной. Она пріѣхала въ Парижъ съ женой князя Голицына, сдѣлавшагося потомъ вѣнскимъ посломъ... Княгиня подружилась съ мадемуазель Клэронъ, и отъ нея мадамъ Рибасъ узнала всѣ стихи Вольтера, которыхъ знаетъ массу наизусть“.

Стихи Вольтера, которые она любезно говорила всѣмъ, желавшимъ слушать ее, и другія любезности болѣе интимнаго свойства сдѣлали изъ нея любимую повѣренную тайнъ Екатерины, а изъ ея мужа—влиятельнаго человѣка. Онъ былъ начальникомъ кадетскаго корпуса и воспитателемъ молодого Бобринскаго, сына Екатерины. По журналу послѣдняго, который велъ Лехнеръ, одинъ изъ его преподавателей, мы узнаемъ, что было это за воспитаніе. Мадемуазель Давіа, любимая султанша Безбородко, случайная любовница Рибаса, а также его брата Эммануэля, играла при этомъ значительную роль. Воспитанникъ дѣлилъ свое время между салономъ этой дамы и массонской ложей, устроенной Рибасомъ въ своемъ домѣ. Это не помѣшало испанцу командовать въ 1789 г. флотиліей на Черномъ морѣ подъ начальствомъ Потемкина. Правда, что за это время онъ состоялъ постояннымъ сводчикомъ при фаворитѣ. Ему побѣдитель Тавриды обязанъ своимъ знакомствомъ съ мадамъ де Виттъ, „прекрасной гречанкой“, ставшей впоследствии графиней Потоцкой. Организация знаменитаго путешествія въ Крымъ была тоже отчасти дѣломъ Рибаса, обладавшаго богатымъ воображеніемъ и способностью къ разнымъ выдумкамъ.

„Этотъ Рибасъ“,—говорить тотъ же Ланжеронъ,—„былъ [человѣкъ] необыкновенный и одаренный рѣдкими талантами. Благодаря своему уму, онъ сдѣлался хорошимъ генераломъ, отличнымъ посредникомъ въ переговорахъ и даже честнымъ человѣкомъ“.

Намъ еще придется вернуться къ послѣдней оцѣнкѣ. Карьера этого человѣка сильно подчеркиваетъ одну изъ сторонъ личности Екатерины, которую намъ предстоитъ освѣтить. Женщина, рядомъ съ которой при ея

восшествіи на престоль стояль Орловъ, а у смертнаго одра—Зубовъ—такая женщина должна была непременно имѣть среди окружающихъ ее Рибаса. Ей суждено было также достигнуть того, чтобы сдѣлать изъ него человѣка почти полезнаго.

Г Л А В А ІІІ.

Любимые сотрудники.—Орловы.—Потемкинъ.—Зубовы *).

І. Легенда и исторія.—Потомство Ивана Орла.— Орель и его орлята.— Пять братьевъ.—Фаворитъ.—Домогательства Григорія Орлова.—Проектъ женитьбы на Екатеринѣ.—Супругъ Елизаветы.—Воронцовъ и Разумовскій.—„Госпожа Орлова не будетъ Россійской императрицей“.— ІІ. Разочарованіе — Пробужденіе.—Григорій Орловъ въ Москвѣ.—Немилость Васильчикова.—ІІІ. Новое положеніе вещей.—Верхи и низы.—Въ Царскомъ и въ Гатчинѣ.—Принцесса Дармштадская.—Бурлакъ.—Новый соперникъ.—Потемкинъ.—ІV. Окончательный разрывъ.—Неожиданный эпизодъ.—Идиллія и трагедія.—Дѣвица Зиновьева.—Свадьба.—Сумасшествіе и смерть.— V. Алексѣй Орловъ.—Чесменская побѣда.— Повелитель Россіи.—Возвышеніе и паденіе.—Борьба съ Потемкинымъ.—Отставка.— За гробомъ Петра ІІІ.

Орловы.

І.

Можно узнать, какъ мы это сдѣлали, цѣлый рядъ работниковъ, государственныхъ дѣятелей и военныхъ, которыми Екатерина пользовалась для совершенія своего дѣла, и все же—какъ ужъ, вѣроятно, замѣтилъ

---

*) Архивъ князя Воронцова VIII и XIII; Arnoeth, *Maria-Theresia und Joseph II*; Бантышъ-Каменскій, *Біографическій словарь*; Weinhardі, *Vermischte Schriften*; Бильбасовъ, *Исторія Екатерины*; Біографія Алексѣя Орлова (Русская старина XVI, XVII); Влумъ, *Біографія Сиверса*; Брикнеръ, *Біографія Потемкина Щербатовъ, О порчѣ нравовъ въ Россіи*; Политическая корреспонденція въ архивѣ французскаго Министерства Иностранныхъ дѣлъ; *Общая переписка Екатерины* (Сборникъ Русскаго Историческаго Общества,

читатель—очень мало познакомиться не только съ самой императрицей, но даже съ наиболѣе выдающимися эпизодами ея царствованія. Личная и политическая исторія этого царствованія тѣсно связаны съ рядомъ проявленій страсти, на что мы уже намекали; и къ этому намъ придется еще возвращаться подробнѣе—хотя всегда соблюдая извѣстную умѣренность—изъ боязни оставить неполной, непонятой и непонятной личность, которую мы пытаемся вызвать изъ прошлаго. Мы уже сказали, что съ 1762 до 1796 г. фаворитизмъ въ Россіи былъ не только уголкомъ частной жизни самодержицы, имѣвшей привилегію давать свободную волю своимъ фантазіямъ: онъ игралъ роль государственнаго учрежденія. И поэтому, настоящая глава, въ заголовкѣ которой мы написали три имени, выбранныхъ изъ длиннаго списка, должна считаться, независимо отъ своего романческаго интереса, съ исторической и научной точки зрѣнія одной изъ главныхъ въ этой книгѣ. Сближая между собою эти три имени, мы най-

I, IX, X, XIII, XVII); *Переписка Екатерины съ Гриммомъ* [(Сборникъ Русскаго Историческаго Общества XIII, XXXIII, XLIV); съ *Циммерманомъ* (Маркаръ); съ *Потемкинымъ* (Русская старина XVI, Русскій архивъ 1878 и Сборникъ Р. И. О., XXVII и XLII); *Политическая переписка* въ Сборн. Р. И. О., XIX и XLVI и въ „Русск. Архивъ“ 1873 г. *Переписка Безбородко съ Воронцовымъ* (Воронцовскій Архивъ, XIII и „Русскій Архивъ“ 1875 г.); *Храповицкій Журналъ: Diderot Oeuvres*, III; Различные документы въ „Сборникѣ Р. И. О.“, II, VII, XLII, въ „Русск. Арх.“ 1865, 1869, 1873, 1876, 1879, 1886, въ „Чтеніяхъ“ 1863; Карповичъ, *Частныя богатства въ Россіи*; Kleinschmidt, *Russlands Geschichte*; Кобеко, *Біографія цесаревича Павла*; Harris, *Diaries*; Ходневъ, *Исторія Петербургскаго Политико-экономическаго о-ва*; de Ligne, *Oeuvres choisies*; Мемуары Гарновскаго (Русская старина XVI). *Державина* (Соч. III); графини Блудовой (Аврора 1872); *Воронцова* (Русск. Арх. 1876); *Палеро* (Сб. Р. И. О. XXVI); Thiébaux; *Méhée de la Touche*; Мертваго, *Шишкова, Порошина, Сегюръ; mad. Vigée-Lébrun; de Stedingk, Langeron* (подлинники); *Вейкардтъ*; *Замѣтки Мамонова о Кастера* („Русск. Арх.“ 1877); *Сенъ-Жанъ, Біографія Потемкина*; *Самойловъ, Біографія Потемкина*; *Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ*.

демъ въ нихъ существованіе не только выдающейся женщины, но въ продолженіе тридцати четырехъ лѣтъ, жизнь великаго народа, какъ бы слившихся воедино: милость Орлова — начало, Потемкина — ослѣпительный расцвѣтъ и Зубова—грустно затуманенный закатъ.

Дворянство и знаменитость рода Орловыхъ—если вѣрить геральдикамъ—недавняго происхожденія. Въ 1611 г., правда, появлялся какой-то Орловъ, сражавшійся со шведами подъ стѣнами Новгорода; но эта древняя линія считается угасшей. Родоначальникъ новѣйшій — простой солдатъ, замѣшанный въ 1689 г. въ стрѣлецкомъ бунтѣ. За его храбрость и силу товарищи прозвали его *орломъ*. Приговоренный къ смерти и взведенный на плаху, онъ спокойно оттолкнулъ ногой окровавленную голову товарища, казненнаго прежде него и мѣшавшую ему пройти. Царь увидѣлъ это движеніе; оно понравилось ему, и онъ помиловалъ Орла. Таково, по крайней мѣрѣ, преданіе. Возведенный въ чинъ офицера и получившій дворянство, Иванъ Орелъ, или Орловъ, какъ переименовали его фамилію, былъ отцомъ генераль-маіора и новгородскаго генераль-губернатора, Григорія Ивановича, который, женившись въ пятьдесятъ три года на дворянкѣ, дѣвицѣ Зиновьевой, имѣлъ отъ нея девять сыновей. Изъ нихъ пятеро осталось въ живыхъ: это пятеро Орловыхъ, сотрудниковъ Екатерины.

Какъ видно, порода сильная, героическаго размаха. По словамъ князя Щербатова—автора любопытной книги о порчѣ нравовъ въ Россіи, одинъ только современникъ превосходитъ пятерыхъ братьевъ ростомъ и мускульной силой—Звановичъ, кронштадтскій губернаторъ, подозрѣваемый въ активномъ участіи въ смерти Петра III. Старшему изъ Орловыхъ, Ивану, было подъ тридцать въ то время, когда государственный переворотъ сдѣлалъ Екатерину императрицей. Онъ принималъ участіе въ этомъ событіи, будучи унтеръ-офицеромъ гвардейскаго полка. Потомъ онъ сдѣлался графомъ и сенаторомъ съ жалованіемъ около ста тысячъ въ годъ и отказывался отъ всякаго дальнѣйшаго производства. „Этотъ вліятельный человекъ“,— пишетъ про него Сабатье въ 1772 г.,—„не захотѣлъ ни чиновъ, ни орденовъ, а между тѣмъ пользуется большимъ вліяніемъ; онъ управляетъ дѣлами Архипелага; онъ центръ шпіонства въ гвардіи... имѣеть

большое значеніе въ Сенатѣ... Говорятъ, что подъ грубой внѣшностью онъ очень хитеръ, и, несмотря на невѣжество, довольно способенъ къ политической дѣятельности... Во время отсутствія фаворита онъ жилъ въ покояхъ, отведенныхъ тому во дворцѣ“.

Между меньшими, Федоръ и Владиміръ занимали второстепенныя должности: первый въ первую турецкую войну состоялъ адъютантомъ при братѣ Алексѣѣ, второй—вице-директоромъ Академіи Наукъ. Первые роли выпадали на долю Григорія и Алексѣя.

9 октября 1762 г. баронъ де Бретейль докладывалъ изъ Петербурга герцогу Шуазёлю:

„Не знаю, ваша свѣтлость, къ чему поведетъ переписка царицы съ г. Понятовскимъ; но, кажется, уже нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что она дала ему преемника въ лицѣ г-на Орлова, возведеннаго въ графское достоинство въ день коронаціи... Это очень красивый мужчина. Онъ уже нѣсколько лѣтъ былъ влюбленъ въ царицу, и я помню, какъ однажды она назвала мнѣ его смѣшнымъ и сообщила о его несообразномъ чувствѣ. Впрочемъ, по слухамъ, онъ очень глупъ. Такъ какъ онъ говоритъ только по-русски, то мнѣ теперь еще трудно судить объ этомъ. Определеніе „глупый“ вообще довольно часто приложимо къ окружающимъ царицу; и хотя она, повидимому, вполне мирится съ этимъ, однако, мнѣ кажется, есть основаніе предвидѣть, что она удалитъ большинство окружающихъ ее. До сихъ поръ она жила только съ заговорщиками, которые, почти за единственнымъ исключеніемъ Панина и гетмана (Разумовскаго), все бѣдняки, бывшіе поручики или капитаны, и вообще сбродъ: ихъ можно встрѣтить во всѣхъ городскихъ притонахъ...“

Извѣстенъ анекдотъ того же корреспондента, приводимый имъ, какъ доказательство грубости и распущенности разговоровъ, допускаемыхъ будущей Семирамидой между окружавшими ее. Григорію Орлову, хваставшемуся однажды своимъ личнымъ вліяніемъ въ гвардіи, вдругъ вздумалось въ присутствіи государыни объявить, что ему было бы достаточно мѣсяца, чтобы свергнуть ее съ престола.

— Можетъ быть, мой другъ, — сказалъ Разумовскій, — но за то и недѣли не прошло бы, какъ мы бы тебя вздернули.

Не надо забывать, что протекло еще очень немного времени съ государственнаго переворота и что дѣйствующія лица этой сцены — всѣ соучастники и соумышленники, еще сохранившіе привычки, пріобрѣтенныя ими въ теченіе перенесенныхъ ими вмѣстѣ испытаній. Екатерина рѣшила упорядочить все это. Впрочемъ, Орловъ имѣлъ еще другія причины не взвѣшивать свои слова. Въ то время, когда де Бретейль обратилъ вниманіе на его быстрое возвышеніе, этотъ едва двадцати-двухлѣтній красавецъ-офицеръ, равнаго которому по мужественной красотѣ не знала Россія, уже принялъ наслѣдство Понятовскаго и имѣлъ въ виду совершенно иное. Этотъ баловень судьбы никогда не былъ честолюбивъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Екатерина даже думаетъ, что онъ страдаетъ недостаткомъ честолюбія. Онъ принялъ участіе въ государственномъ переворотѣ изъ любви къ приключеніямъ, а также повинуюсь инстинктивному стремленію, побуждающему человѣка даже наименѣ склоннаго къ авантюрѣ, принять сторону любимой женщины. Онъ служилъ возлюбленной. Но это натура простая, и точно также просто у него сложилась въ умѣ развязка романа, героемъ котораго ему пришлось сдѣлаться. Какъ поступила бы женщина изъ народа съ мужчиной также изъ народа, которому удалось бы возвысить ее до знатной особы? Она, очевидно, вышла бы замужъ за виновника своей удачи. Почему Екатерина не сдѣлать бы того же? Красавецъ Григорій не видалъ къ тому никакого препятствія, Екатерина же видѣла, и не одно. Однако ясно чувствуется, что она, всегда такая рѣшительная, останавливается, колеблясь и не рѣшаясь передъ этой задачей, снова возмущающей спокойствіе ея существованія. Она не смѣла заговорить съ прекраснымъ возлюбленнымъ на языкѣ разсудка; самой ей не хотѣлось прислушиваться къ нему, и была минута, когда она готова была вступить на наклонный путь, куда ее влекли властныя просьбы и нѣжныя ласки.

Ни при какомъ другомъ поворотѣ ея необычайной жизни ея характеръ и судьба не являются въ болѣе интересномъ освѣщеніи.

Во первыхъ — чтобы тамъ ни говорилъ и ни думалъ Разумовскій —

она боится человека, съ которымъ ее связало ее недавнее величiе, и его четырехъ братьевъ. Они всѣ рука въ руку стоятъ на ступеняхъ ее престола, „одна душа и одна голова“, какъ замѣчаетъ про нихъ Сабатье. И они готовы па все—это извѣстно Екатеринѣ по опыту. Но ей трудно быть благоразумной: она влюблена страстно. Въ февралѣ слѣдующаго года, когда она отправилась въ Москву для своей коронаціи, проектъ замужества, который усердно старались подвинуть впередъ за послѣдніе мѣсяцы, по видимому, близился къ желаемой развязкѣ, и баронъ де Бретейль писалъ:

„Нѣсколько дней тому назадъ, при дворѣ представляли русскую трагедію, гдѣ фаворитъ (Гр. Орловъ) игралъ очень плохо главную роль. Государыня же, между тѣмъ, такъ восхищалась игрой актера, что нѣсколько разъ подзывала меня, чтобы говорить мнѣ это и спрашивать, какъ я его нахожу. Она не ограничилась только разговоромъ съ графомъ де Мерси (австрійскимъ посломъ), сидѣвшимъ рядомъ съ ней; десять разъ въ продолженіе сцены она выражала ему свой восторгъ по поводу благородства и красоты Орлова...“

Скоро Государственному Совѣту предстояло рѣшить серьезный и опасный вопросъ. Очевидно, это было только формальностью. Члены Совѣта молчали. Одинъ только Панинъ составлялъ исключеніе. Когда до него дошла очередь высказаться, онъ сказалъ просто: „Императрица можетъ поступать, какъ ей угодно, но госпожа Орлова никогда не будетъ императрицей россійской“. Произнося эти слова, онъ выпрямился во весь ростъ, прислоняясь въ вызывающей позѣ къ стѣнѣ, у которой стояло его кресло. Коснувшійся въ эту минуту обой, его парикъ оставилъ на нихъ бѣлое пятно, которое его товарищи замѣтили и о которое потомъ старались потереться головой „для храбрости“, какъ они выражались. Однако, талисмана оказалось недостаточно. Если вѣрить княгинѣ Дашковой, ее дядя, Воронцовъ,—когда Бестужевъ сталъ вывѣдывать у него о предполагаемомъ союзѣ,—отказался отвѣчать, спрашивая, чѣмъ онъ заслужилъ оскорбленіе подобнымъ вопросомъ. Но, по другимъ указаніямъ, вмѣшательство стараго канцлера въ это щекотливое дѣло—если только оно имѣло мѣсто—было въ противоположномъ смыслѣ. Что же касается Бестужева, то онъ былъ

вполнѣ на сторонѣ проекта: это послѣдній шансъ, представившійся ему для возстановленія своего былого могущества.

Такимъ образомъ Екатерина дошла до того, что уже обсуждался не самый проектъ, но только планъ его осуществленія. И опытность Бестужева, такъ же какъ его находчивость, явились теперь встать, чтобы служить интересамъ фаворита. Когда Екатерина пугается новизны положенія, которое приходится создать, бывший первый министръ Елизаветы тутъ какъ тутъ, чтобы указать прецедентъ: развѣ покойная императрица не была замужемъ за Разумовскимъ? Говорятъ, что у послѣдняго хранятся подлиннѣйшіе документы, доказывающіе дѣйствительность этого тайнаго брака. Стоитъ только раскрыть то, что хранилось въ тайнѣ до сихъ поръ и опубликовать документы. Но тутъ было необходимо согласіе самого Разумовскаго. И именно Воронцовъ взялъ на себя получить его. Разсказъ о свиданіи сообщенъ однимъ изъ племянниковъ бывшаго пѣвца императорской капеллы, въ это время уже преждевременно состарившагося, хотя ему только что исполнилось пятьдесятъ лѣтъ. Онъ жилъ въ совершенномъ уединеніи, предаваясь набожности. Воронцовъ засталъ его передъ каминомъ, читающимъ Библию, недавно появившуюся въ кievскомъ изданіи. Въ искусно составленной рѣчи онъ сообщилъ о предметѣ своего посѣщенія. У Разумовскаго просятъ услуги и за нее щедро заплатятъ, признавъ въ немъ официальнаго супруга тетки и благодѣтельницы. Екатерина предполагаетъ возвести его въ санъ свѣтлости со всѣми почестями и преимуществами этого титула. Уже изготовленъ проектъ указа въ этомъ смыслѣ. Разумовскій слушалъ, не говоря ни слова, нѣсколько обезкураживая посѣтителя молчаніемъ и пристальнымъ взглядомъ—потускнѣвшимъ и грустнымъ, въ которомъ виднѣлась безысходная печаль. Онъ попросилъ показать ему проектъ указа, внимательно прочелъ его, затѣмъ вставъ, но все молча, медленно отошелъ на другой конецъ большой комнаты, гдѣ происходило свиданіе, и остановился передъ старымъ дубовымъ шкафчикомъ. Въ немъ стоялъ, окованный серебромъ ларецъ чернаго дерева съ инкрустаціей Разумовскій медленно взялъ ключъ, отперъ ларецъ и нажалъ пружину. Въ ларцѣ лежалъ свитокъ пергамента, обернутый въ розовый атласъ,

выцвѣтшій отъ времени. Старикъ, тщательно свернулъ атласъ, положилъ его обратно въ ларецъ, заперъ послѣдній и возвратился къ огню со сверткомъ, который началъ внимательно разсматривать. Одинъ за другимъ большіе листы, скрѣпленные красными печатями, проходили у него между пальцами, нарушая своимъ шуршаніемъ тишину, которую Воронцовъ не смѣлъ прервать. Окончивъ, Разумовскій привелъ въ порядокъ свитоку, коснулся его губами и обращаясь въ уголь, гдѣ неугасимая лампада висѣла передъ иконой, какъ бы обратился къ послѣдней съ нѣмой молитвой. Въ глазахъ его блестя слезы; онъ дрожалъ и волновался одно мгновеніе, какъ бы выдерживая внутреннюю борьбу; затѣмъ съ видомъ человѣка, принявшаго рѣшеніе, перекрестился и быстро бросилъ въ огонь таинственный свертокъ. Вздохъ—облегченія или сожалѣнія—и Разумовскій тяжело опустился въ кресло, смотря, какъ пламя совершало свое дѣло, пожирая бранный памятникъ прошедшаго, отъ котораго уже ничего не останется. Когда все исчезло, онъ, наконецъ, заговорилъ:

— Я былъ всегда только покорнымъ рабомъ ея величества императрицы Елизаветы. Желая быть также покорнымъ слугою императрицы Екатерины. Просите ее остаться ко мнѣ благосклонной.

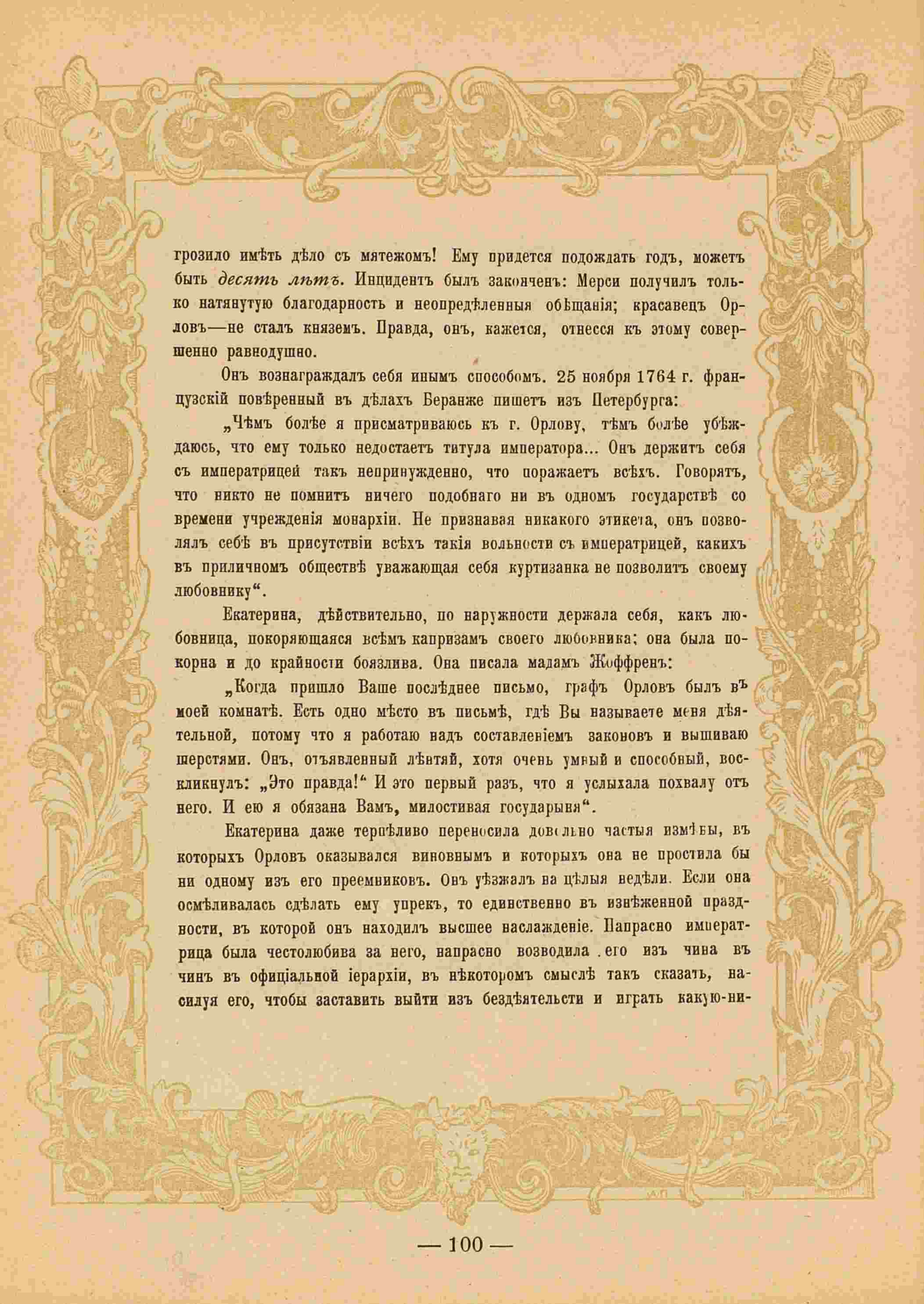
Прецедента уже не существовало. Но Бестужевъ еще не оставилъ своего проекта. По его иниціативѣ была пущена въ ходъ петиція, просящая Екатерину вторично выйти замужъ, чтобы упрочить престолонаслѣдіе, такъ какъ слабое здоровье Павла заставляло съ опасеніемъ взирать на будущее имперіи. Нѣсколько лицъ духовнаго званія и сенаторовъ подписались подъ петиціей. Но въ этотъ моментъ разразился заговоръ Хитрово съ сообщниками, направленный противъ Орловыхъ и ихъ честолюбивыхъ замысловъ. Въ Москвѣ начинались волненія: портретъ императрицы сорвали среди бѣлаго дня съ триумфальной арки, гдѣ онъ висѣлъ; угрожающее движеніе было замѣтно даже въ гвардейскихъ полкахъ, такъ что императрица и фаворитъ не могли болѣе на нихъ надѣяться. Оба испугались и первые отказались отъ своего смѣлаго проекта.

Екатерина уже не предпринимала никакихъ шаговъ для осуществленія плана. Въ душѣ она была благодарна Разумовскому за его сдержан-

ность, и старый придворный, вѣроятно, угадалъ, что будетъ такъ. Но счастливая для императрицы развязка лишила фаворита иллюзіи прекрасной мечты; кромѣ того она разрушила еще одну надежду, на исполненіе которой онъ могъ рассчитывать скорѣе. За нѣсколько мѣсяцевъ перелѣтъ, работая надъ осуществленіемъ проекта брака, теперь рушившагося, Бестужевъ велъ съ графомъ де-Мерси другіе, также весьма щекотливые, переговоры: прежде чѣмъ красавецъ Орловъ станетъ супругомъ императрицы, необходимо сдѣлать его графомъ Священной Имперіи. Вѣнскій посоль сначала и слышать не хотѣлъ объ этомъ: время было выбрано самое неподходящее для того, чтобы просить у двора подобной любезности, послѣ того какъ Россія только что покинула Австрію на полѣ битвы, предоставивъ ей одной справляться съ Пруссіей. Но сама Екатерина вмѣшалась сначала обинякомъ и полунамекми и, наконецъ, прямо высказывая свое желаніе, чтобы Орловъ сталъ княземъ, за то обѣщала свою благодарность. Когда Мерси началъ настаивать на размѣрахъ этой благодарности, императрица разсердилась. „Развѣ смѣюгъ сомнѣваться въ ея обѣщаніи?“ Этого сдѣлать не посмѣли, и грамота была послана. Въ ней санъ, дарованный фавориту царицы, обусловливался древностью и знаменитостью его рода; что же касается личныхъ заслугъ жалуемаго, то документъ возлагалъ надежду, что будущее выкажетъ ихъ въ надлежащемъ свѣтѣ.

Такая мотивировка можетъ показаться ироніей; но возведеніе въ достоинство новаго князя должно было встрѣтить еще одно серьезное препятствіе. Какъ разъ въ то время когда де-Мерси получилъ грамоту, неопредѣленное положеніе, на которое мы указывали, еще продолжалось, и посоль не счелъ нужнымъ брать на себя отвѣтственности за этотъ новый театръ эффектъ. Онъ передалъ грамоту Бестужеву, говоря, что онъ можетъ поступить съ ней по своему усмотрѣнію. Его дворъ дѣйствовалъ по принужденію, и ему кажется полезнымъ, чтобы это замѣтили. Бестужевъ былъ въ восторгѣ: на этотъ разъ Екатерина и ея фаворитъ узнаютъ, чѣмъ они ему обязаны. Онъ посѣщилъ къ императрицѣ, но возвратился, какъ въ воду опущенный: Екатерина и слышать не хотѣла о провозглашеніи фаворита княземъ въ данную минуту; онъ рисковалъ быть убитымъ, а ей

грозило имѣть дѣло съ мятежомъ! Ему придется подождать годъ, можетъ быть *десять лѣтъ*. Инцидентъ былъ законченъ: Мерси получилъ только натянутую благодарность и неопредѣленные обѣщанія; красавецъ Орловъ—не сталъ княземъ. Правда, онъ, кажется, отнесся къ этому совершенно равнодушно.

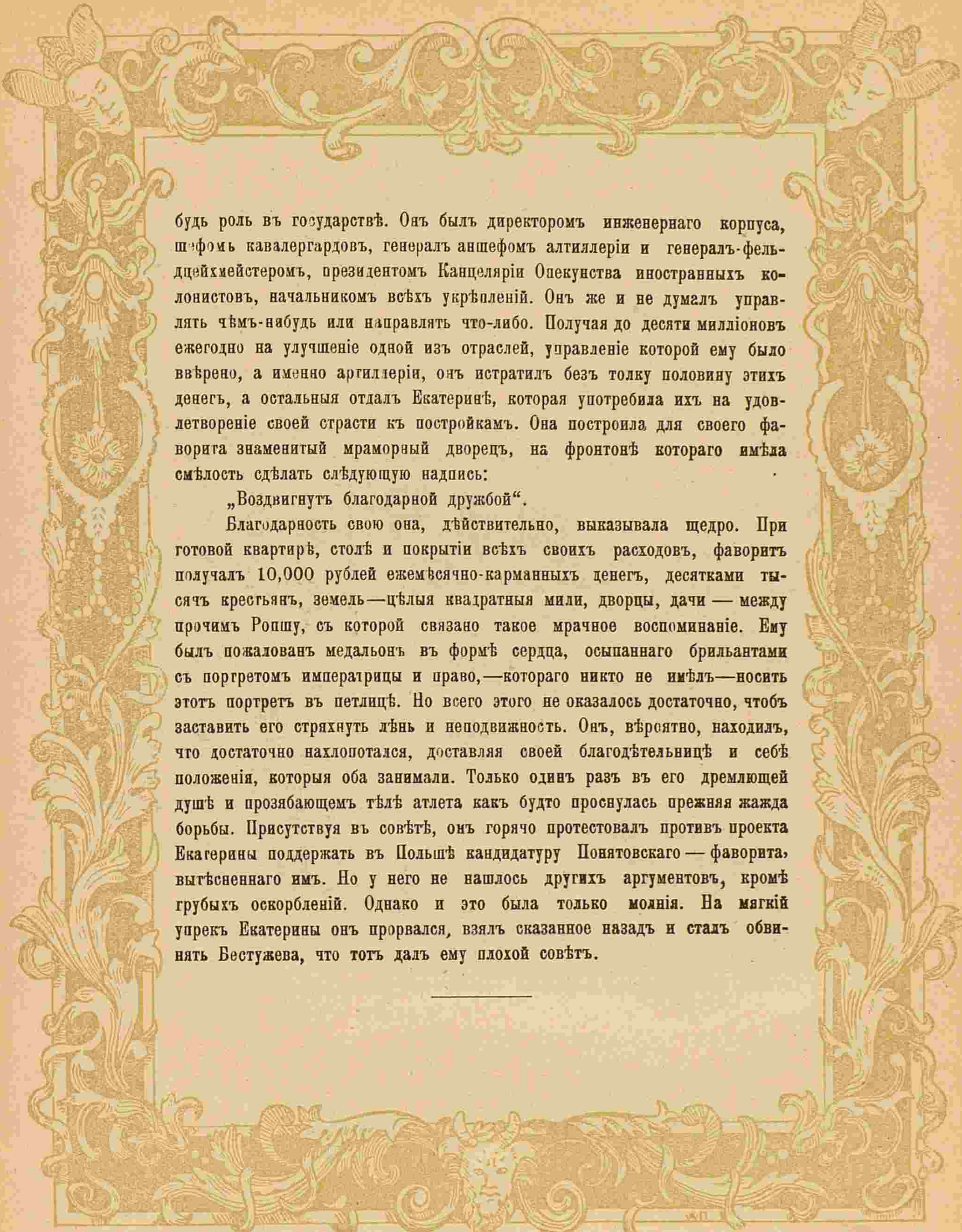
Онъ вознаграждалъ себя инымъ способомъ. 25 ноября 1764 г. французскій повѣренный въ дѣлахъ Беранже пишетъ изъ Петербурга:

„Чѣмъ болѣе я присматриваюсь къ г. Орлову, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что ему только недостаетъ титула императора... Онъ держитъ себя съ императрицей такъ непринужденно, что поражаетъ всѣхъ. Говорятъ, что никто не помнитъ ничего подобнаго ни въ одномъ государствѣ со времени учрежденія монархій. Не признавая никакого этикета, онъ позволялъ себѣ въ присутствіи всѣхъ такія вольности съ императрицей, какихъ въ приличномъ обществѣ уважающая себя куртизанка не позволитъ своему любовнику“.

Екатерина, дѣйствительно, по наружности держала себя, какъ любовница, покоряющаяся всѣмъ капризамъ своего любовника; она была покорна и до крайности боязлива. Она писала мадамъ Жоффренъ:

„Когда пришло Ваше послѣднее письмо, графъ Орловъ былъ въ моей комнатѣ. Есть одно мѣсто въ письмѣ, гдѣ Вы называете меня дѣятельной, потому что я работаю надъ составленіемъ законовъ и вышиваю шерстями. Онъ, отъявленный лѣвтяй, хотя очень умный и способный, воскликнулъ: „Это правда!“ И это первый разъ, что я услышала похвалу отъ него. И ею я обязана Вамъ, милостивая государыня“.

Екатерина даже терпѣливо переносила довольно частыя измѣны, въ которыхъ Орловъ оказывался виновнымъ и которыхъ она не простила бы ни одному изъ его преемниковъ. Онъ уѣзжалъ на цѣлыя недѣли. Если она осмѣливалась сдѣлать ему упрекъ, то единственно въ изнѣженной праздности, въ которой онъ находилъ высшее наслажденіе. Напрасно императрица была честолюбива за него, напрасно возводила его изъ чина въ чинъ въ официальной іерархій, въ нѣкоторомъ смыслѣ такъ сказать, насилуя его, чтобы заставить выйти изъ бездѣтельности и играть какую-ни-

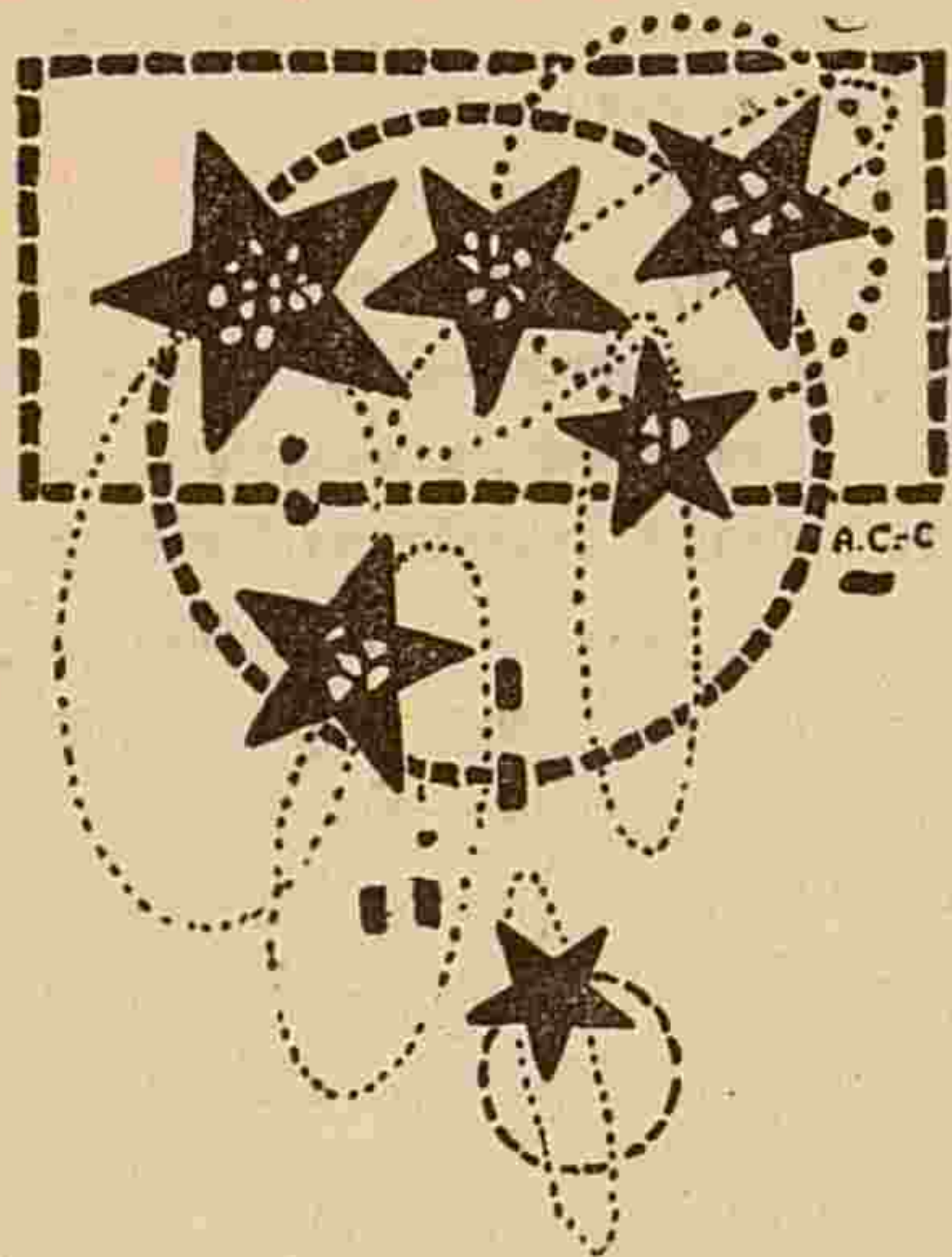
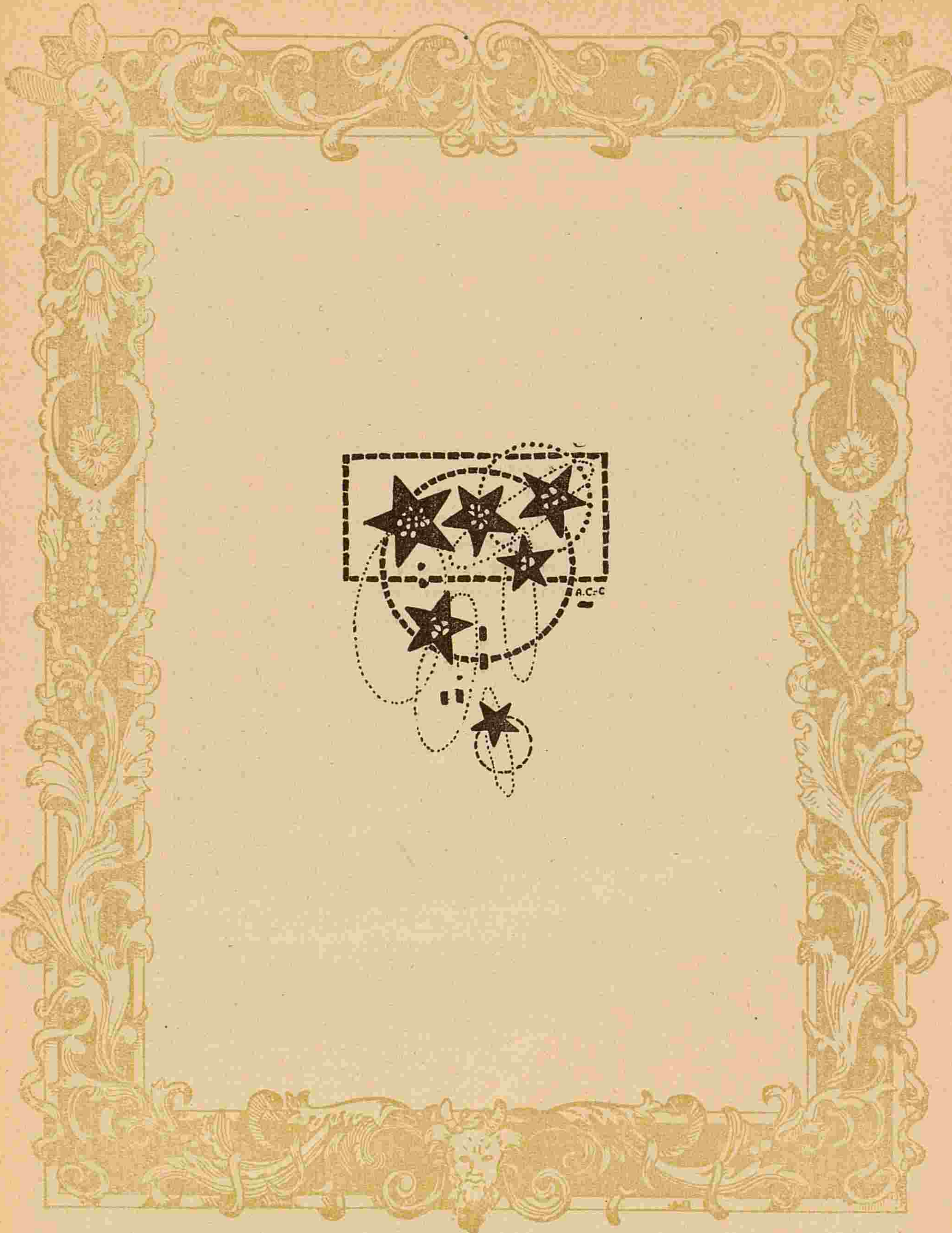

будь роль въ государствѣ. Онъ былъ директоромъ инженернаго корпуса, шефомъ кавалергардовъ, генераль-аншефомъ артиллеріи и генераль-фельдцейхмейстеромъ, президентомъ Канцеляріи Опекунства иностранныхъ колонистовъ, начальникомъ всѣхъ укрѣпленій. Онъ же и не думалъ управлять чѣмъ-нибудь или направлять что-либо. Получая до десяти милліоновъ ежегодно на улучшеніе одной изъ отраслей, управленіе которой ему было ввѣрено, а именно артиллерія, онъ истратилъ безъ толку половину этихъ денегъ, а остальныя отдалъ Екатеринѣ, которая употребила ихъ на удовлетвореніе своей страсти къ постройкамъ. Она построила для своего фаворита знаменитый мраморный дворецъ, на фронтонѣ котораго имѣла смѣлость сдѣлать слѣдующую надпись:

„Воздвигнуть благодарной дружбой“.

Благодарность свою она, дѣйствительно, выказывала щедро. Приготовивъ квартирѣ, столѣ и покрытіи всѣхъ своихъ расходовъ, фаворитъ получалъ 10,000 рублей ежемѣсячно-карманныхъ денегъ, десятками тысячъ крестьянъ, земель—цѣлыя квадратныя мили, дворцы, дачи— между прочимъ Ропшу, съ которой связано такое мрачное воспоминаніе. Ему былъ пожалованъ медальонъ въ формѣ сердца, осыпаннаго брилліантами съ портретомъ императрицы и право,— котораго никто не имѣлъ—носить этотъ портретъ въ петлицѣ. Но всего этого не оказалось достаточно, чтобъ заставить его стряхнуть лѣнь и неподвижность. Онъ, вѣроятно, находилъ, что достаточно хлопотался, доставляя своей благодѣтельницѣ и себѣ положенія, которыя оба занимали. Только одинъ разъ въ его дремлющей душѣ и прозябающемъ тѣлѣ атлета какъ будто проснулась прежняя жажда борьбы. Присутствуя въ совѣтѣ, онъ горячо протестовалъ противъ проекта Екатерины поддержать въ Польшѣ кандидатуру Понятовскаго— фаворита, вытѣсненнаго имъ. Но у него не нашлось другихъ аргументовъ, кромѣ грубыхъ оскорбленій. Однако и это была только молнія. На мягкій упрекъ Екатерины онъ прорвался, взялъ сказанное назадъ и сталъ обвинять Вестужева, что тотъ далъ ему плохой совѣтъ.

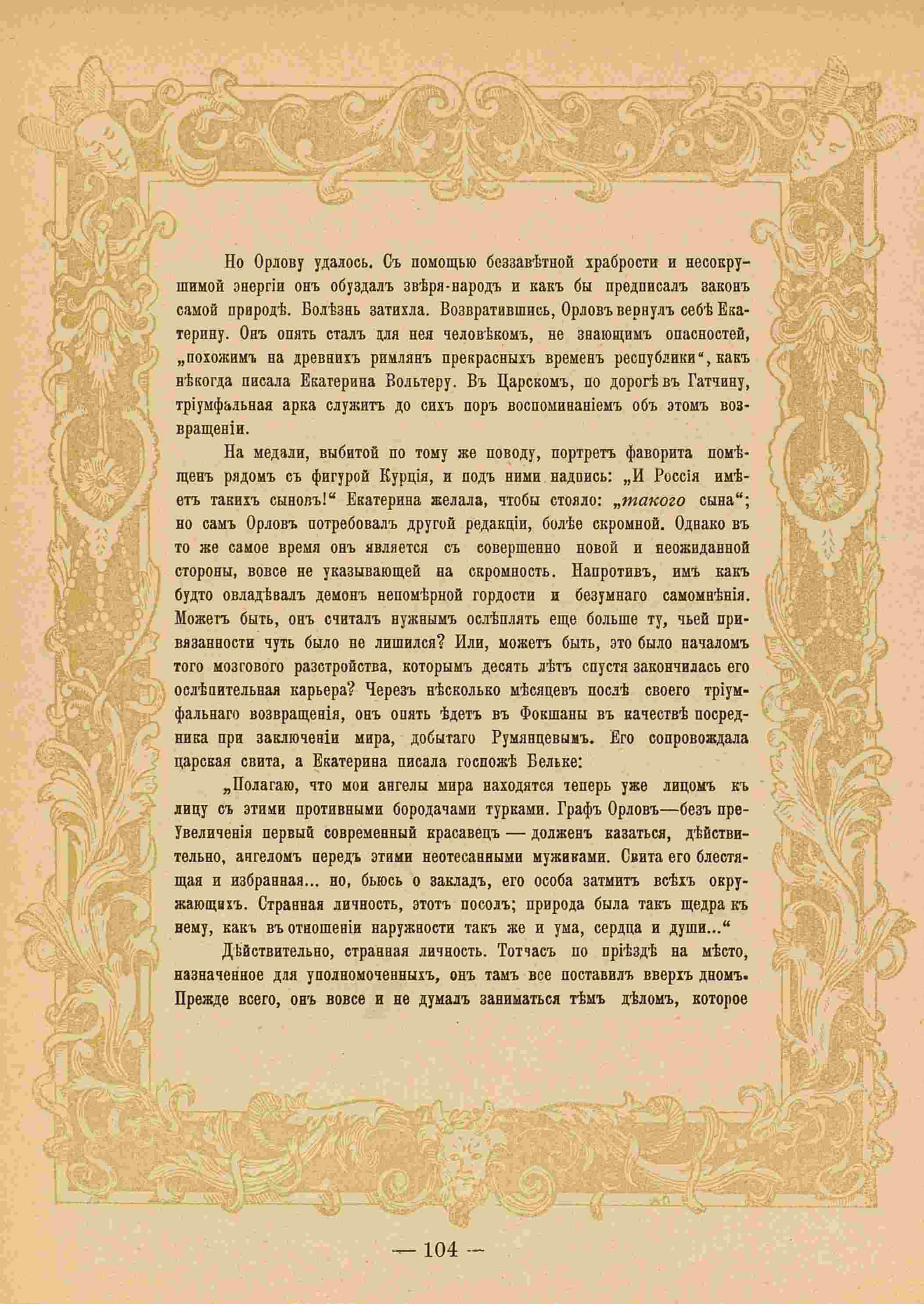

II.

И мало-по-малу вѣжность Екатерины, страстное вниманіе, съ которымъ она, казалось, ловила каждое слово, каждое движеніе молодого человека, начинаютъ ослабѣвать. Ея умъ и сердце мало-по-малу охладѣваютъ къ этому полному ничтожеству, пустоту котораго она, наконецъ, сознала. Орловъ замѣчаетъ это; онъ видитъ, что Екатерина ускользаетъ отъ него; чувствуетъ, какая пропасть разверзается у него подъ ногами, и вдругъ въ немъ совершается перемѣна: онъ беретъ себя въ руки и въ одинъ часъ становится опять тѣмъ, чѣмъ былъ въ день великихъ испытаній. Пробужденіе полное и внезапное. 2 октября 1771 г. онъ ѣдетъ въ Москву съ порученіемъ, которое на этотъ разъ дѣйствительно, — а не въ снисходительномъ воображеніи — императрицы, дѣлало его спасителемъ отечества. Чума, два мѣсяца свирѣпствовавшая во второй столицѣ имперіи, вызвала тамъ ужасное волненіе. Мѣстныя власти не въ состояніи были сладить съ мятежами. Губернаторъ бѣжалъ. Митрополитъ былъ убитъ чернью. Надо было возстановить порядокъ и удержать ужасающее шествіе бича. Григорій Орловъ взялъ это на себя, и Екатерина отпустила его. Не имѣла ли она мысли послать его на смерть? Или слава, которую — какъ она надѣялась — онъ стяжаетъ, дѣлала ее недоступной всякому другому соображенію. Кто посмѣетъ угадать это? Даже разсматриваемое и не въ блѣдномъ потускнѣвшемъ зеркалѣ, въ которомъ черезъ столѣтія историкъ ищетъ отраженія чувствъ и страстей женскаго сердца, какія неизвѣданныя глубины оно представляетъ! Къ этому времени, очевидно, относится зародившееся мимолетное увлеченіе невиднымъ соперникомъ, нѣкіимъ Высоцкимъ, который только мелькнулъ на небѣ, гдѣ ослѣпительная звѣзда красавца Орлова должна была засіять прежнимъ блескомъ. Кто знаетъ? Если бы Орлову не удалось...

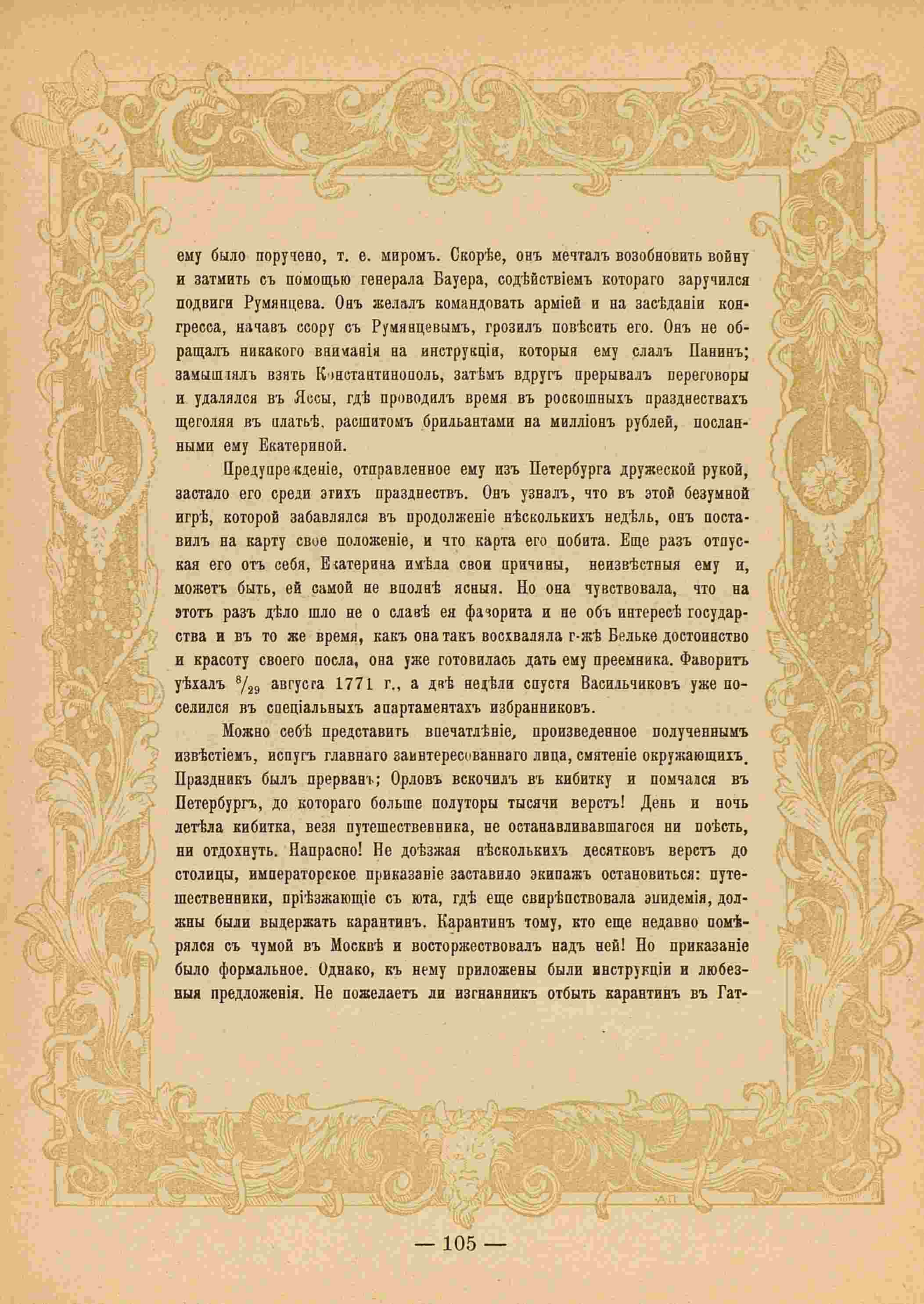

Но Орлову удалось. Съ помощью безавѣтной храбрости и несокрушимой энергіи онъ обуздаль звѣря-народъ и какъ бы предписаль законъ самой природѣ. Болѣзнь затихла. Возвратившись, Орловъ вернулъ себѣ Екатерину. Онъ опять сталъ для нея человѣкомъ, не знающимъ опасностей, „похожимъ на древнихъ римлянъ прекрасныхъ временъ республики“, какъ нѣкогда писала Екатерина Вольтеру. Въ Царскомъ, по дорогѣ въ Гатчину, триумфальная арка служитъ до сихъ поръ воспоминаніемъ объ этомъ возвращеніи.

На медали, выбитой по тому же поводу, портретъ фаворита помѣщенъ рядомъ съ фигурой Курція, и подъ ними надпись: „И Россія имѣетъ такихъ сыновъ!“ Екатерина желала, чтобы стояло: „такого сына“; но самъ Орловъ потребоваль другой редакціи, болѣе скромной. Однако въ то же самое время онъ является съ совершенно новой и неожиданной стороны, вовсе не указывающей на скромность. Напротивъ, имъ какъ будто овладѣвалъ демонъ непомерной гордости и безумнаго самомнѣнія. Можетъ быть, онъ считаль нужнымъ ослѣплять еще больше ту, чьей привязанности чуть было не лишился? Или, можетъ быть, это было началомъ того мозгового расстройства, которымъ десять лѣтъ спустя закончилась его ослѣпительная карьера? Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего триумфальнаго возвращенія, онъ опять ѣдетъ въ Фокшаны въ качествѣ посредника при заключеніи мира, добытаго Румянцевымъ. Его сопровождала царская свита, а Екатерина писала госпожѣ Бельке:

„Полагаю, что мои ангелы мира находятся теперь уже лицомъ къ лицу съ этими противными бородачами турками. Графъ Орловъ—безъ преувеличенія первый современный красавецъ — долженъ казаться, дѣйствительно, ангеломъ передъ этими неотесанными муживами. Свита его блестящая и избранная... но, бьюсь о закладъ, его особа затмитъ всѣхъ окружающихъ. Странная личность, этотъ посоль; природа была такъ щедра къ нему, какъ въ отношеніи наружности такъ же и ума, сердца и души...“

Дѣйствительно, странная личность. Тотчасъ по пріѣздѣ на мѣсто, назначенное для уполномоченныхъ, онъ тамъ все поставилъ вверхъ дномъ. Прежде всего, онъ вовсе и не думаль заниматься тѣмъ дѣломъ, которое

ему было поручено, т. е. миромъ. Скорѣе, онъ мечталъ возобновить войну и затмить съ помощью генерала Бауера, содѣйствіемъ котораго заручился подвиги Румянцева. Онъ желалъ командовать арміей и на засѣданіи конгресса, начавъ ссору съ Румянцевымъ, грозилъ повѣсить его. Онъ не обращалъ никакого вниманія на инструкціи, которыя ему слалъ Панинъ; замышлялъ взять Константинополь, затѣмъ вдругъ прерывалъ переговоры и удалялся въ Яссы, гдѣ проводилъ время въ роскошныхъ празднествахъ щеголя въ платьѣ, расшитомъ брилльантами на миллионъ рублей, посланными ему Екатериной.

Предупрежденіе, отправленное ему изъ Петербурга дружеской рукой, застало его среди этихъ празднествъ. Онъ узналъ, что въ этой безумной игрѣ, которой забавлялся въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, онъ поставилъ на карту свое положеніе, и что карта его побита. Еще разъ отпуская его отъ себя, Екатерина имѣла свои причины, неизвѣстныя ему и, можетъ быть, ей самой не вполне ясныя. Но она чувствовала, что на этотъ разъ дѣло шло не о славѣ ея фаворита и не объ интересѣ государства и въ то же время, какъ она такъ восхваляла г-жѣ Бельке достоинство и красоту своего посла, она уже готовилась дать ему преемника. Фаворитъ уѣхалъ $\frac{8}{29}$ августа 1771 г., а двѣ недѣли спустя Васильчиковъ уже поселился въ спеціальныхъ апартаментахъ избранниковъ.

Можно себѣ представить впечатлѣніе, произведенное полученнымъ извѣстіемъ, испугъ главнаго заинтересованнаго лица, смятеніе окружающихъ. Праздникъ былъ прерванъ; Орловъ вскочилъ въ кибитку и помчался въ Петербургъ, до котораго больше полуторы тысячи верстъ! День и ночь летѣла кибитка, везя путешественника, не останавливавшася ни поѣсть, ни отдохнуть. Напрасно! Не доѣзжая нѣсколькихъ десятковъ верстъ до столицы, императорское приказаніе заставило экипажъ остановиться: путешественники, пріѣзжающіе съ юта, гдѣ еще свирѣпствовала эпидемія, должны были выдержать карантинъ. Карантинъ тому, кто еще недавно помѣрялся съ чумой въ Москвѣ и восторжествовалъ надъ ней! Но приказаніе было формальное. Однако, къ нему приложены были инструкціи и любезныя предложенія. Не пожелаетъ ли изгнанникъ отбыть карантинъ въ Гат-

чинскомъ дворцѣ? Этотъ дворецъ выстроенъ Ринальди—точно такъ же, какъ триумфальная арка по дорогѣ къ нему—и мѣстность восхитительная. Прелестная рѣчка Ижора протекаетъ въ паркѣ, разбитомъ по рисункамъ англійскихъ художниковъ. На островѣ посреди рѣки—очаровательныя рощицы, и въ одной изъ нихъ храмъ Амура. Увы! Всѣ эти прелести Орловъ мысленно предназначалъ для другого. По внушенію Екатерины онъ незадолго передъ тѣмъ писалъ автору *Новой Элоизы*, предлагая ему гостепріимство въ этомъ „мирномъ убѣжищѣ, созданномъ для мечтаній.“ Теперь ему самому предлагали стать этимъ мечтателемъ, живущимъ воспоминаніями о прошедшихъ радостяхъ и блескѣ!

Однако, онъ еще не отчаявался. Онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые идутъ наперекоръ судьбѣ; онъ не сталъ приступомъ и отчаянной борьбой пытаться вернуть потерянное положеніе: у него на это не хватало силы воли; онъ прежде времени ослабѣлъ. Но онъ умѣлъ сохранить наружное спокойствіе и не показавъ виду, что разстроенъ. Екатерина боялась сначала кокой-нибудь отчаянной выходки съ его стороны, послѣдствій которой нельзя было предвидѣть. Говорятъ, будто она приказала перемѣнить всѣ замки въ комнатахъ новаго фаворита и поставить патрули по веѣмъ дорогамъ къ Петербургу. Она вздохнула, когда узнала, что Орловъ покорно исполнилъ ея волю и поселился въ Гатчинѣ. Но она желала добиться, чтобы Орловъ отказался отъ занимаемыхъ имъ должностей. Она начинала устраивать дѣло осторожно и робко, посылая то Бецкаго, то Олсуфьева, то Чернышова, удваивая любезности и заманчивыя предложенія. Трудно рѣшить, какое чувство руководило ею при этомъ. Ея поведеніе составляло загадку даже для самыхъ приближенныхъ къ ней людей. Она не желала видѣться съ эксъ-фаворитомъ, но писала ему каждый день. Повидимому, сильно увлеченная новой страстью, она тѣмъ не менѣе интересовалась, что ѣсть и пьетъ бывший предметъ ея любви, и даже лично выбирала для него бѣлье. Въ то же время она была до того взволнована и нервна, что оставляла безъ рѣшенія самыя неотложныя государственныя дѣла, такъ какъ не въ состояніи была принимать своихъ министровъ. Одинъ ли страхъ такъ смущалъ ее? Французскій уполномоченный въ дѣлахъ, повидимому, того мнѣнія. 1-го декабря 1772 г. онъ пишетъ:

„Императрица удостовѣрилась, что больше тысячи гвардейскихъ солдатъ состоятъ на жалованіи у графа Орлова и что онъ пріобрѣлъ расположеніе духовенства... У него, говорятъ, десять милліоновъ рублей капитала; поэтому императрица боится его и предпочитаетъ уладить дѣло мирно“.

И нѣсколько дней спустя:

„Прошелъ слухъ, что Орловъ пріѣхалъ переодѣтый на маскарадъ; по сходству экипажа и ливреи подумали, что это онъ вѣхалъ на дворцовый дворъ, Императрица убѣжала въ апартаменты графа Панина“.

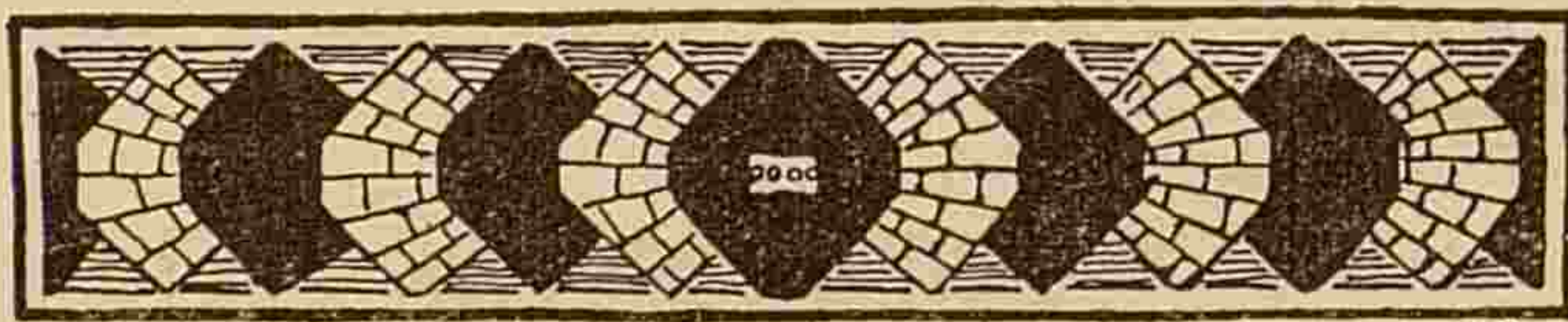
Впрочемъ, другія подробности заставляютъ предполагать, что болѣе нѣжное чувство примѣшивалось у Екатерины къ этому банальному опасенію; а красавецъ-Орловъ съ своей стороны дѣлалъ все, чтобы вызвать и поддержать оба чувства.. Когда императрица потребовала отъ него, чтобы онъ возвратилъ ей ея портретъ, осыпанный брилліантами, который уже не долженъ болѣе носить на груди, онъ прислалъ брилліанты и удержалъ портретъ, говоря, что передастъ его не иначе какъ въ тѣ руки, которыя вручили его ему. Угрозы, къ которымъ Екатерина пыталась прибѣгнуть, не пугали его. Когда она вздумала заключить его въ Ропшѣ, онъ говорилъ, что будетъ очень радъ принять ее тамъ, какъ хозяйинъ. Императрица наконецъ, оборвала затянувшіеся переговоры указомъ, объявляющимъ Орлова отрѣшеннымъ отъ занимаемыхъ имъ должностей и дающимъ ему позволеніе—равное приказанію—предпринять путешествіе для здоровья. Но онъ объявилъ, что чувствуетъ себя прекрасно и не тронется съ мѣста иначе, какъ для того, чтобы отправиться въ Петербургъ.

Кончилось тѣмъ, что онъ поѣхалъ туда, но достоверно неизвѣстно, съ ея ли согласія. Онъ явился тамъ въ новомъ блескѣ, такъ какъ тѣмъ временемъ указомъ отъ 4 октября 1772 г. ему пожалованъ былъ титулъ князя. Онъ пріѣхалъ ко двору и присутствовалъ, какъ въ былые дни при игрѣ въ карты императрицы. Онъ былъ веселъ, оживленъ и остроуменъ. Екатерина обращалась къ нему съ вопросами, и онъ отвѣчалъ безъ малѣйшаго стѣсненія; говорилъ о постороннихъ вещахъ. На другое утро онъ ѣздилъ по городу съ спутникомъ, къ которому относился по дружески:

этотъ спутникъ былъ — новый фаворитъ. Орловъ разговаривалъ съ нимъ и со всѣми, кого встрѣчаетъ о перемѣнѣ въ своей судьбѣ, шутя надъ своимъ паденіемъ, такъ что собесѣдникамъ становилось неловко. Онъ явился съ визитомъ къ великому князю; а министры, предупреждая его, сѣшили на всякій случай, къ нему. Вечеромъ онъ посѣщалъ притоны разврата и открыто кутиль съ публичными женщинами. Повидимому, онъ не намѣревался бороться съ соперникомъ или мстить виновникамъ своей немилости. Онъ громко восхвалялъ безкорыстіе и патриотизмъ Панина, своего опаснѣйшаго врага. Когда ему подали отъ придворной конюшенной части плохую карету, запряженную двумя клячами, онъ отнесся къ инциденту шутливо, рассказывая только, какъ тотъ самый чиновникъ, который отдалъ настоящее распоряженіе, пришелъ къ нему однажды, когда онъ жилъ еще во дворцѣ, и заставъ его въ постели, почтительно поцѣловалъ мясистую часть его тѣла, случайно обнажившуюся.

Всѣ были увѣрены при дворѣ, что красавецъ Орловъ займетъ положеніе подобное тому, которое занималъ Алексѣй Разумовскій въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы, когда Шуваловъ постепенно занялъ во дворцѣ мѣсто, которое теперь занималъ Васильчиковъ. Эксъ-фаворитъ каждый день началъ получать знаки благоволенія и щедрости императрицы: на него сыпались дары деньгами и натурой, и онъ, казалось, еще самъ раздавалъ милости: благодаря ему, дочь его друга, генерала Бауера, производится въ фрейлины; онъ доставляетъ орденскую ленту князю Вяземскому, которому покровительствуетъ. Но общая увѣренность оканчивалась общимъ разочарованіемъ.

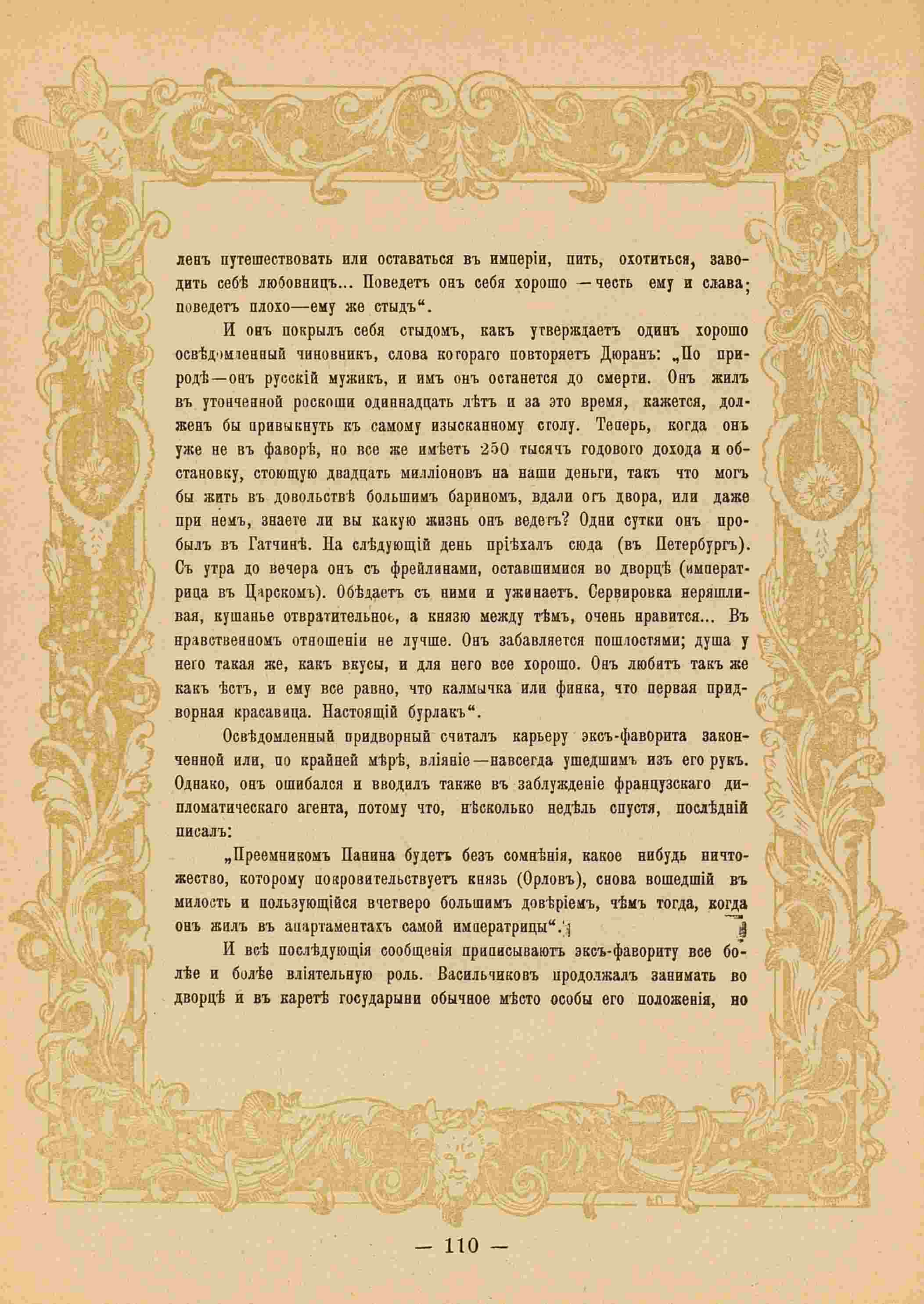
III.

Въ началѣ 1773 г. Орловъ исчезаетъ. Онъ проводитъ конецъ зимы въ Ревелѣ. Онъ по прежнему веселый, хорошій товарищъ, даетъ великолѣпныя празднества, ухаживаетъ за дамами мѣстнаго дворянства и горожанками, танцуетъ съ тѣми и другими, при случаѣ еще разыгрывая роль коронованнаго лица, какъ будто онъ вовсе не спустился съ той высоты, на которой стоялъ. Онъ добываетъ орденъ св. Анны графу Тизенгаузену, даритъ принцу Гольштинскому помѣстье, принадлежащее казнѣ; и Екатерина скрѣпляетъ своей подписью его щедроты. Весной—новая неожиданность: онъ опять въ Петербургѣ и снова занимаетъ всѣ свои прежнія должности. Онъ не блещитъ въ нихъ своимъ знаніемъ, если, на примѣръ, вѣрить Дюрану:

„На этихъ дняхъ, во время упражненій на полигонѣ, князь Орловъ выказался бѣльшимъ новичкомъ, чѣмъ какой-нибудь школьникъ, хотя онъ и числится начальникомъ артиллеріи, генераль-аншефомъ и стремится къ военнымъ почестямъ и славѣ. Каждая эволюція солдатъ его удивляла. Онъ спрашивалъ: „Зачѣмъ это? Что собираются дѣлать?“ А когда войска стали подходить къ валу по блиндажу, онъ удивился: „Куда они спрятались?“ Всѣ переглядывались, опустивъ глаза“.

Ослѣплена, увлечена и покорена ли имъ Екатерина снова? Нѣтъ, если вѣрить ея собственнымъ словамъ въ разговорѣ, приписываемомъ ей, съ однимъ близкимъ лицомъ:

„Я многимъ обязана семьѣ Орловыхъ; я ихъ осыпала богатствами и почестями; я всегда буду имъ покровительствовать, и они могутъ быть мнѣ полезны; но мое рѣшеніе неизмѣнно: я терпѣла одиннадцать лѣтъ; теперь я хочу жить, какъ мнѣ вздумается и вполне независимо. Что касается князя—то онъ можетъ дѣлать вполне, что ему угодно: онъ во-

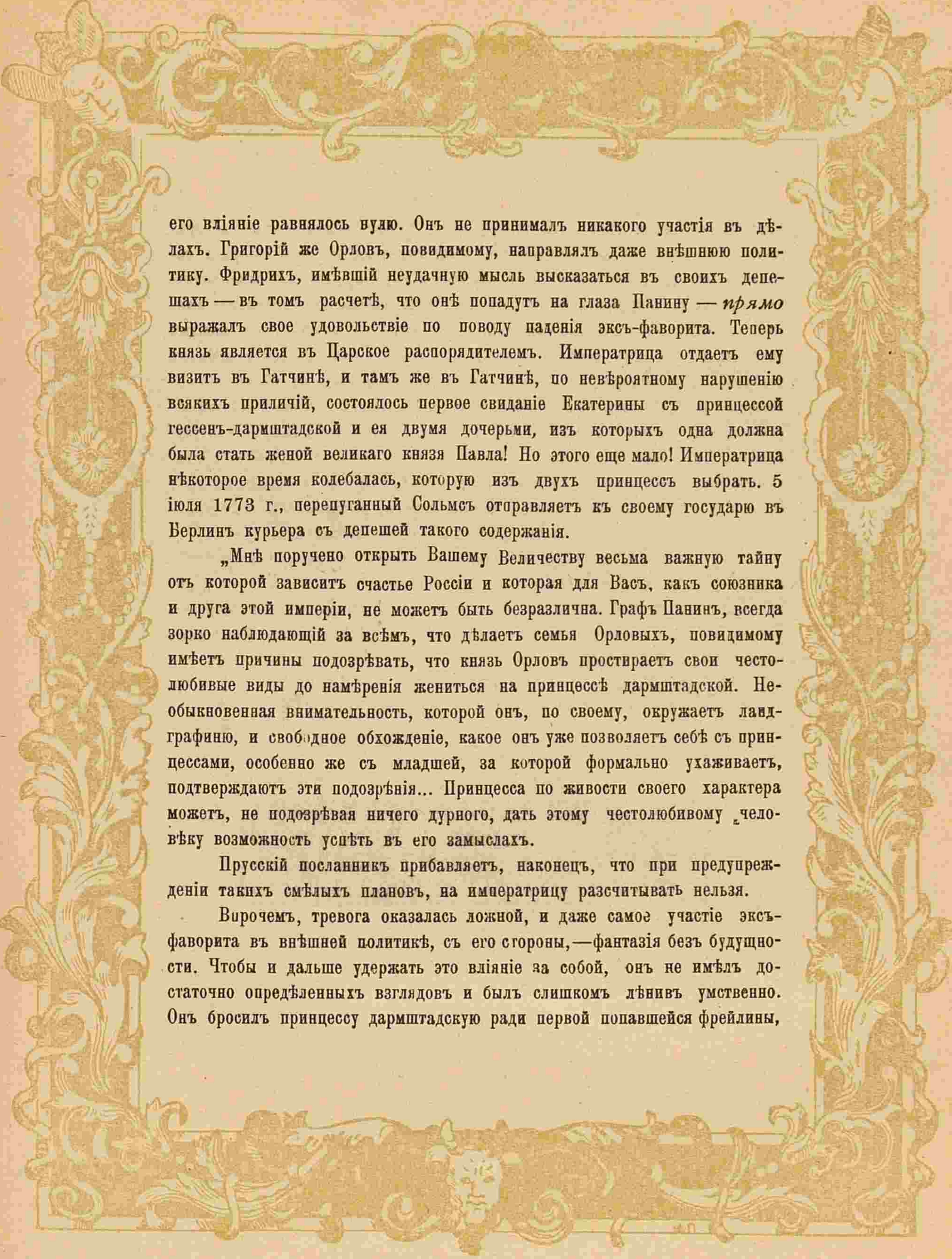
лень путешествовать или оставаться въ имперіи, пить, охотиться, завести себѣ любовницъ... Поведеть онъ себя хорошо — честь ему и слава; поведеть плохо—ему же стыдъ“.

И онъ покрылъ себя стыдомъ, какъ утверждаетъ одинъ хорошо освѣдомленный чиновникъ, слова котораго повторяетъ Дюранъ: „По природѣ—онъ русскій мужикъ, и имъ онъ останется до смерти. Онъ жилъ въ утонченной роскоши одиннадцать лѣтъ и за это время, кажется, долженъ бы привыкнуть къ самому изысканному столу. Теперь, когда онъ уже не въ фаворѣ, но все же имѣетъ 250 тысячъ годового дохода и обстановку, стоящую двадцать милліоновъ на наши деньги, такъ что могъ бы жить въ довольствѣ большимъ бариномъ, вдали отъ двора, или даже при немъ, знаете ли вы какую жизнь онъ ведетъ? Одни сутки онъ пробылъ въ Гатчинѣ. На слѣдующій день пріѣхалъ сюда (въ Петербургъ). Съ утра до вечера онъ съ фрейлинами, оставшимися во дворцѣ (императрица въ Царскомъ). Обѣдаетъ съ ними и ужинаетъ. Сервировка неряшливая, кушанье отвратительное, а князю между тѣмъ, очень нравится... Въ нравственномъ отношеніи не лучше. Онъ забавляется пошлостями; душа у него такая же, какъ вкусы, и для него все хорошо. Онъ любитъ такъ же какъ ѣсть, и ему все равно, что калмычка или финка, что первая придворная красавица. Настоящій бурлакъ“.

Освѣдомленный придворный считалъ карьеру эксъ-фаворита законченной или, по крайней мѣрѣ, вліяніе—навсегда ушедшимъ изъ его рукъ. Однако, онъ ошибался и вводилъ также въ заблужденіе французскаго дипломатическаго агента, потому что, нѣсколько недѣль спустя, послѣдній писалъ:

„Преемникомъ Панина будетъ безъ сомнѣнія, какое нибудь ничтожество, которому покровительствуетъ князь (Орловъ), снова вошедшій въ милость и пользующійся вчетверо большимъ довѣріемъ, чѣмъ тогда, когда онъ жилъ въ апартаментахъ самой императрицы“.

И всѣ послѣдующія сообщенія приписываютъ эксъ-фавориту все болѣе и болѣе вліятельную роль. Васильчиковъ продолжалъ занимать во дворцѣ и въ каретѣ государыни обычное мѣсто особы его положенія, но

его вліяніе равнялось вую. Онъ не принималъ никакого участія въ дѣлахъ. Григорій же Орловъ, повидимому, направлялъ даже внѣшнюю политику. Фридрихъ, имѣвшій неудачную мысль высказаться въ своихъ депешахъ — въ томъ расчетѣ, что онѣ попадутъ на глаза Панину — *прямо* выражалъ свое удовольствіе по поводу паденія эксъ-фаворита. Теперь князь является въ Царское распорядителемъ. Императрица отдаетъ ему визитъ въ Гатчинѣ, и тамъ же въ Гатчинѣ, по невѣроятному нарушенію всякихъ приличій, состоялось первое свиданіе Екатерины съ принцессой гессенъ-дармштадской и ея двумя дочерьми, изъ которыхъ одна должна была стать женой великаго князя Павла! Но этого еще мало! Императрица нѣкоторое время колебалась, которую изъ двухъ принцессъ выбрать. 5 іюля 1773 г., перепуганный Сольмсъ отправляетъ къ своему государю въ Берлинъ курьера съ депешей такого содержанія.

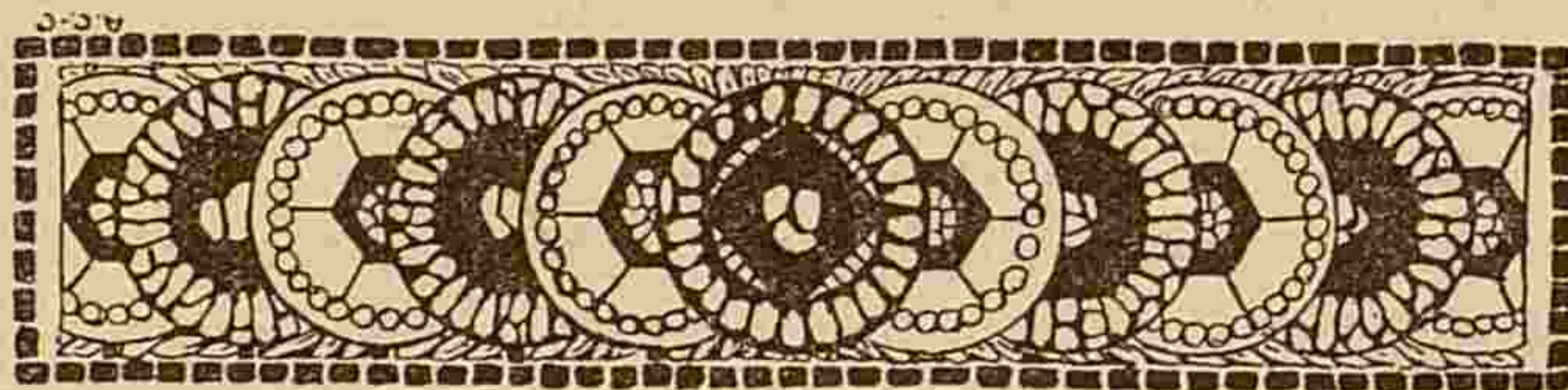
„Мнѣ поручено открыть Вашему Величеству весьма важную тайну отъ которой зависить счастье Россіи и которая для Васъ, какъ союзника и друга этой имперіи, не можетъ быть безразлична. Графъ Панинъ, всегда зорко наблюдающій за всѣмъ, что дѣлаетъ семья Орловыхъ, повидимому имѣетъ причины подозрѣвать, что князь Орловъ простираетъ свои честолюбивые виды до намѣренія жениться на принцессѣ дармштадской. Необыкновенная внимательность, которой онъ, по своему, окружаетъ ландграфиню, и свободное обхожденіе, какое онъ уже позволяетъ себѣ съ принцессами, особенно же съ младшей, за которой формально ухаживаетъ, подтверждаютъ эти подозрѣнія... Принцесса по живости своего характера можетъ, не подозрѣвая ничего дурного, дать этому честолюбивому чловѣку возможность успѣть въ его замыслахъ.

Прусскій посланникъ прибавляетъ, наконецъ, что при предупрежденіи такихъ смѣлыхъ плановъ, на императрицу рассчитывать нельзя.

Вирочемъ, тревога оказалась ложной, и даже самое участіе эксъ-фаворита въ внѣшней политикѣ, съ его стороны, — фантазія безъ будущности. Чтобы и дальше удержать это вліяніе за собой, онъ не имѣлъ достаточно опредѣленныхъ взглядовъ и былъ слишкомъ лѣнивъ умственно. Онъ бросилъ принцессу дармштадскую ради первой попавшейся фрейлины,

а государственныя дѣла ради удовольствій. Менѣе щедрыя, чѣмъ воображала Екатерина, но все же довольно благосклонная къ нему природа наградила его въ достаточной мѣрѣ здравымъ смысломъ, чтобы онъ понялъ, что управлять государствомъ не его ума дѣло. Когда ему приходила фантазія принять участіе въ обсужденіи серьезныхъ вопросовъ, онъ каждый разъ ставилъ своимъ невѣжествомъ и необдуманностью собесѣдниковъ въ затрудненіе, а императрицу—если она присутствовала—въ неловкое положеніе. И такъ какъ онъ вообще былъ добродушенъ, то самъ первый сознавался въ своихъ промахахъ. Въ 1774 г. во время борьбы съ Пугачевымъ, онъ какъ школьникъ, сдѣлался жертвой обмана какого-то проходимца, обанкротившагося провинціального города купца, выманивавшего у Орлова и у императрицы большія суммы денегъ, выдавая себя за посланнаго яицкихъ казаковъ, яко бы готовыхъ предать мятежника.

Въ этомъ самомъ году выступило, впрочемъ на сцену новое дѣйствующее лицо, своимъ появленіемъ отодвинувшее на задній или, по крайней мѣрѣ, на второй планъ, — и на долгіе годы — всѣхъ принимавшихъ участіе въ обстановочной драмѣ, какой была жизнь Екатерины: Потемкинъ занялъ мѣсто Васильчикова.

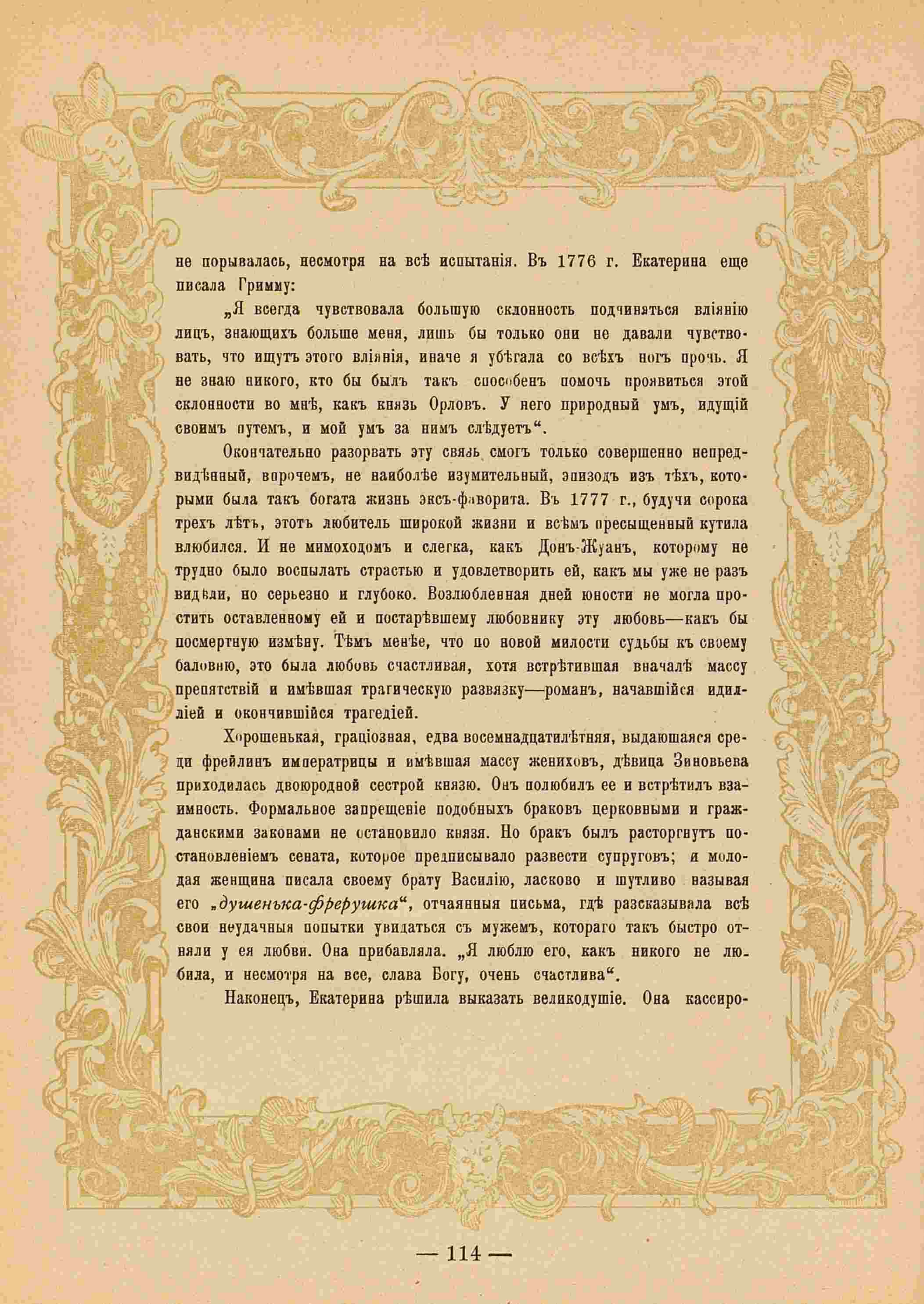

IV.

Какъ бы пустота образовалась въ это время вокругъ Екатерины и ея новаго фаворита, колоссальная и властная фигура котораго, кажется, одна наполнила собой сцену, гдѣ онъ появился. Григорію Орлову, повидимому, не грозило новой немилости. Однако онъ удаляется, какъ надувшійся ребенокъ или человекъ, окончательно потерявшій надежду. „Говорятъ, что у князя Орлова произошелъ съ императрицей странный разговоръ“,— пишетъ Дюранъ. „На всѣ ея усилія удержать его отъ поѣздки въ путешествіе, онъ говоритъ, отвѣчалъ, что не въ силахъ дальше видѣть всего, что дѣлается противъ его родственниковъ и друзей, но, впрочемъ, не можетъ упрекнуть ее ни въ чемъ, кромъ того, въ чемъ отказываетъ ему сама природа“. Орловъ уѣхалъ изъ Россіи, путешествовалъ по Европѣ, изумляя чужеземныя столицы своимъ роскошнымъ образомъ жизни и пугая самыхъ смѣлыхъ игроковъ громадностью своихъ ставокъ. Дядро, видѣвшій его въ Парижѣ, вынесъ о немъ довольно посредственное мнѣніе и сравнивалъ его съ „котломъ, который вѣчно кипитъ, но ничего не варитъ“. Вернувшись черезъ годъ въ Петербургъ, Орловъ занялъ безъ усилія положеніе, напоминающее положеніе Разумовскаго въ предыдущее царствованіе. При дворѣ его звали просто „князь“. Съ императрицей у него, повидимому, установились, если не прежнія близкія, то, по крайней мѣрѣ, пріятельскія, дружескія отношенія, почти какъ между равными, а не какъ между государыней и подданнымъ. На подарокъ ему Екатериной дворца, онъ отвѣтилъ покупкой знаменитаго персидскаго брильянта, *надиръ-шаха*, за который заплатилъ 460 тысячъ рублей. Онъ подарилъ его царицѣ въ день ея именинъ.

Въ сущности между нимъ и ей еще продолжало жить что-то изъ прошлаго,—связь, глубоко скрѣпившая ихъ и настолько сильная, что она

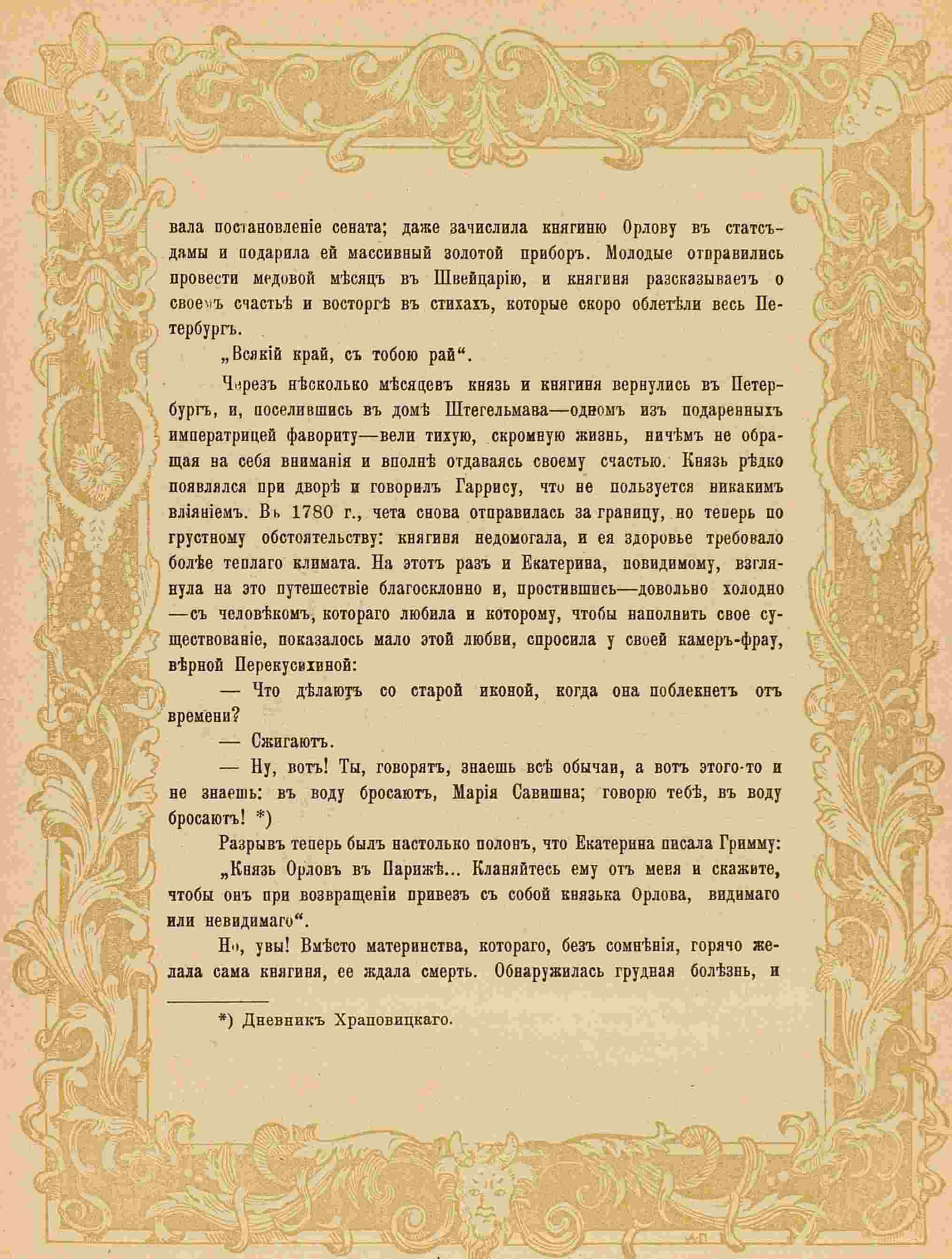
не порывалась, несмотря на всё испытанія. Въ 1776 г. Екатерина еще писала Гримму:

„Я всегда чувствовала большую склонность подчиняться вліянію лицъ, знающихъ больше меня, лишь бы только они не давали чувствовать, что ищутъ этого вліянія, иначе я убѣгала со всѣхъ ногъ прочь. Я не знаю никого, кто бы былъ такъ способенъ помочь проявиться этой склонности во мнѣ, какъ князь Орловъ. У него природный умъ, идущій своимъ путемъ, и мой умъ за нимъ слѣдуетъ“.

Окончательно разорвать эту связь смогъ только совершенно непредвидѣнный, впрочемъ, не наиболѣе изумительный, эпизодъ изъ тѣхъ, которыми была такъ богата жизнь эскъ-фаворита. Въ 1777 г., будучи сорока трехъ лѣтъ, этотъ любитель широкой жизни и всѣмъ пресыщенный кутила влюбился. И не мимоходомъ и слегка, какъ Донъ-Жуанъ, которому не трудно было воспылатъ страстью и удовлетворить ей, какъ мы уже не разъ видѣли, но серьезно и глубоко. Возлюбленная дней юности не могла простить оставленному ей и постарѣвшему любовнику эту любовь—какъ бы посмертную измѣну. Тѣмъ менѣе, что по новой милости судьбы къ своему баловню, это была любовь счастливая, хотя встрѣтившая вначалѣ массу препятствій и имѣвшая трагическую развязку—романъ, начавшійся идилліей и окончившійся трагедіей.

Хорошенькая, граціозная, едва восемнадцатилѣтняя, выдающаяся среди фрейлинъ императрицы и имѣвшая массу жениховъ, дѣвица Зиновьева приходилась двоюродной сестрой князю. Онъ полюбилъ ее и встрѣтилъ взаимность. Формальное запрещеніе подобныхъ браковъ церковными и гражданскими законами не остановило князя. Но бракъ былъ расторгнутъ постановленіемъ сената, которое предписывало развести супруговъ; и молодая женщина писала своему брату Василю, ласково и шутливо называя его „душенька-фрерушка“, отчаянные письма, гдѣ рассказывала всѣ свои неудачныя попытки увидаться съ мужемъ, котораго такъ быстро отняли у ея любви. Она прибавляла. „Я люблю его, какъ никого не любила, и несмотря на все, слава Богу, очень счастлива“.

Наконецъ, Екатерина рѣшила выказать великодушіе. Она кассиро-

вала постановленіе сената; даже зачислила княгиню Орлову въ статсъ-
дамы и подарила ей массивный золотой приборъ. Молодые отправились
провести медовой мѣсяць въ Швейцарію, и княгиня рассказываетъ о
своемъ счастьѣ и восторгѣ въ стихахъ, которые скоро облетѣли весь Пе-
тербургъ.

„Всякій край, съ тобою рай“.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ князь и княгиня вернулись въ Петер-
бургъ, и, поселившись въ домъ Штегельмава—одномъ изъ подаренныхъ
императрицей фавориту—вели тихую, скромную жизнь, ничѣмъ не обра-
щая на себя вниманія и вполне отдаваясь своему счастью. Князь рѣдко
появлялся при дворѣ и говорилъ Гаррису, что не пользуется никакимъ
вліяніемъ. Въ 1780 г., чета снова отправилась за границу, но теперь по
грустному обстоятельству: княгиня недомогала, и ея здоровье требовало
болѣе теплаго климата. На этотъ разъ и Екатерина, повидимому, взгля-
нула на это путешествіе благосклонно и, простившись—довольно холодно
—съ человѣкомъ, котораго любила и которому, чтобы наполнить свое су-
ществованіе, показалось мало этой любви, спросила у своей камеръ-фрау,
вѣрной Перекусихиной:

— Что дѣлають со старой иконой, когда она поблекнетъ отъ
времени?

— Сжигаютъ.

— Ну, вотъ! Ты, говорятъ, знаешь всѣ обычаи, а вотъ этого-то и
не знаешь: въ воду бросаютъ, Марія Савишна; говорю тебѣ, въ воду
бросаютъ! *)

Разрывъ теперь былъ настолько полонъ, что Екатерина писала Гримму:

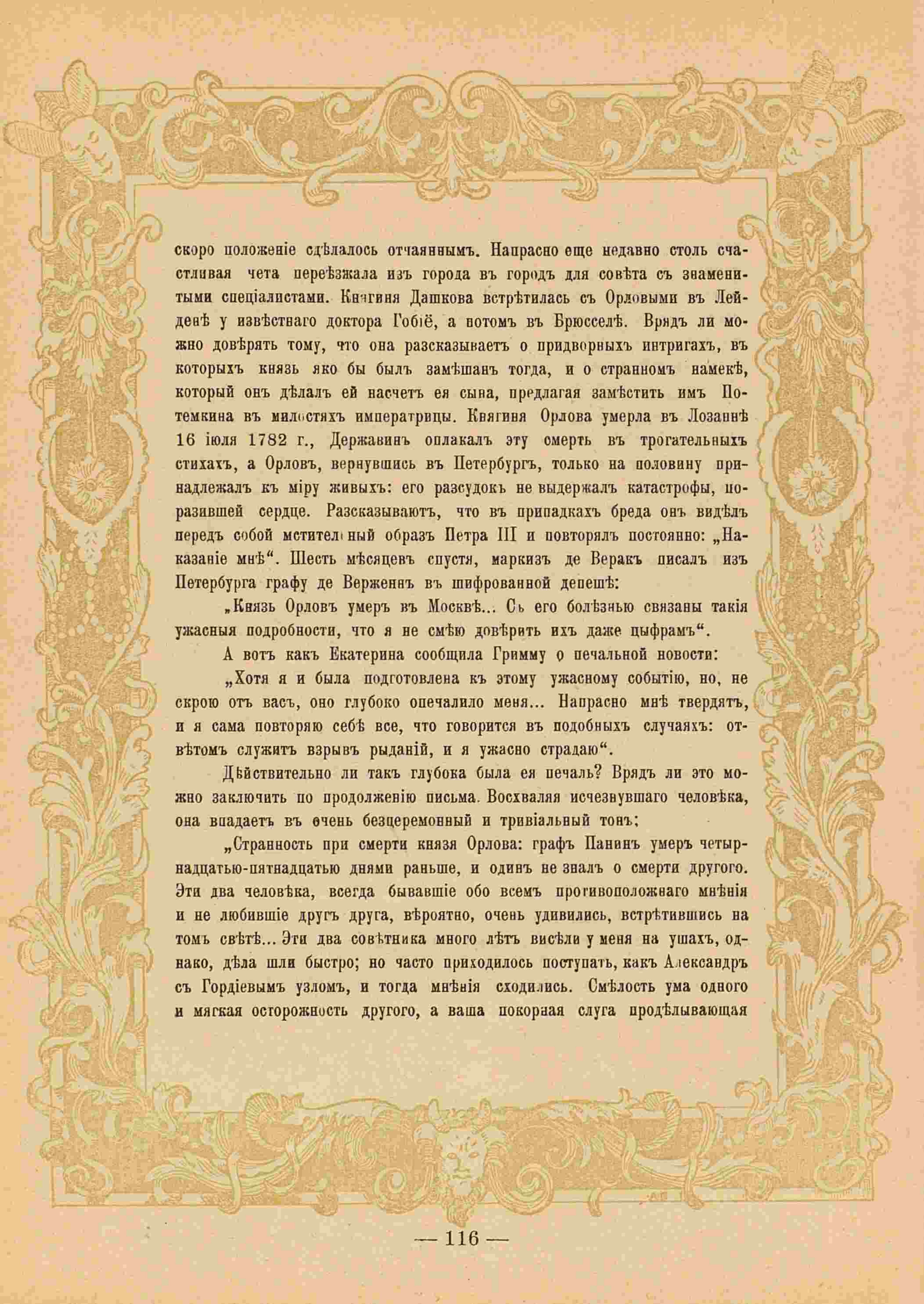
„Князь Орловъ въ Парижѣ... Кланяйтесь ему отъ меня и скажите,
чтобы онъ при возвращеніи привезъ съ собой князька Орлова, видимаго
или невидимаго“.

Но, увы! Въмѣсто материнства, котораго, безъ сомнѣнія, горячо же-
лала сама княгиня, ее ждала смерть. Обнаружилась грудная болѣзнь, и

---

*) Дневникъ Храповицкаго.

скоро положеніе сдѣлалось отчаяннымъ. Напрасно еще недавно столь счастливая чета переѣзжала изъ города въ городъ для совѣта съ знаменитыми специалистами. Княгиня Дашкова встрѣтилась съ Орловыми въ Лейденѣ у извѣстнаго доктора Гобиё, а потомъ въ Брюсселѣ. Врядъ ли можно довѣрять тому, что она рассказываетъ о придворныхъ интригахъ, въ которыхъ князь яко бы былъ замѣшанъ тогда, и о странномъ намекѣ, который онъ дѣлалъ ей насчетъ ея сына, предлагая замѣстить имъ Потемкина въ милостяхъ императрицы. Княгиня Орлова умерла въ Лозаннѣ 16 іюля 1782 г., Державинъ оплакалъ эту смерть въ трогательныхъ стихахъ, а Орловъ, вернувшись въ Петербургъ, только на половину принадлежалъ къ міру живыхъ: его разсудокъ не выдержалъ катастрофы, поразившей сердце. Рассказываютъ, что въ припадкахъ бреда онъ видѣлъ передъ собой мстительный образъ Петра III и повторялъ постоянно: „Наказаніе мнѣ“. Шестъ мѣсяцевъ спустя, маркизь де Веракъ писалъ изъ Петербурга графу де Верженя въ шифрованной депешѣ:

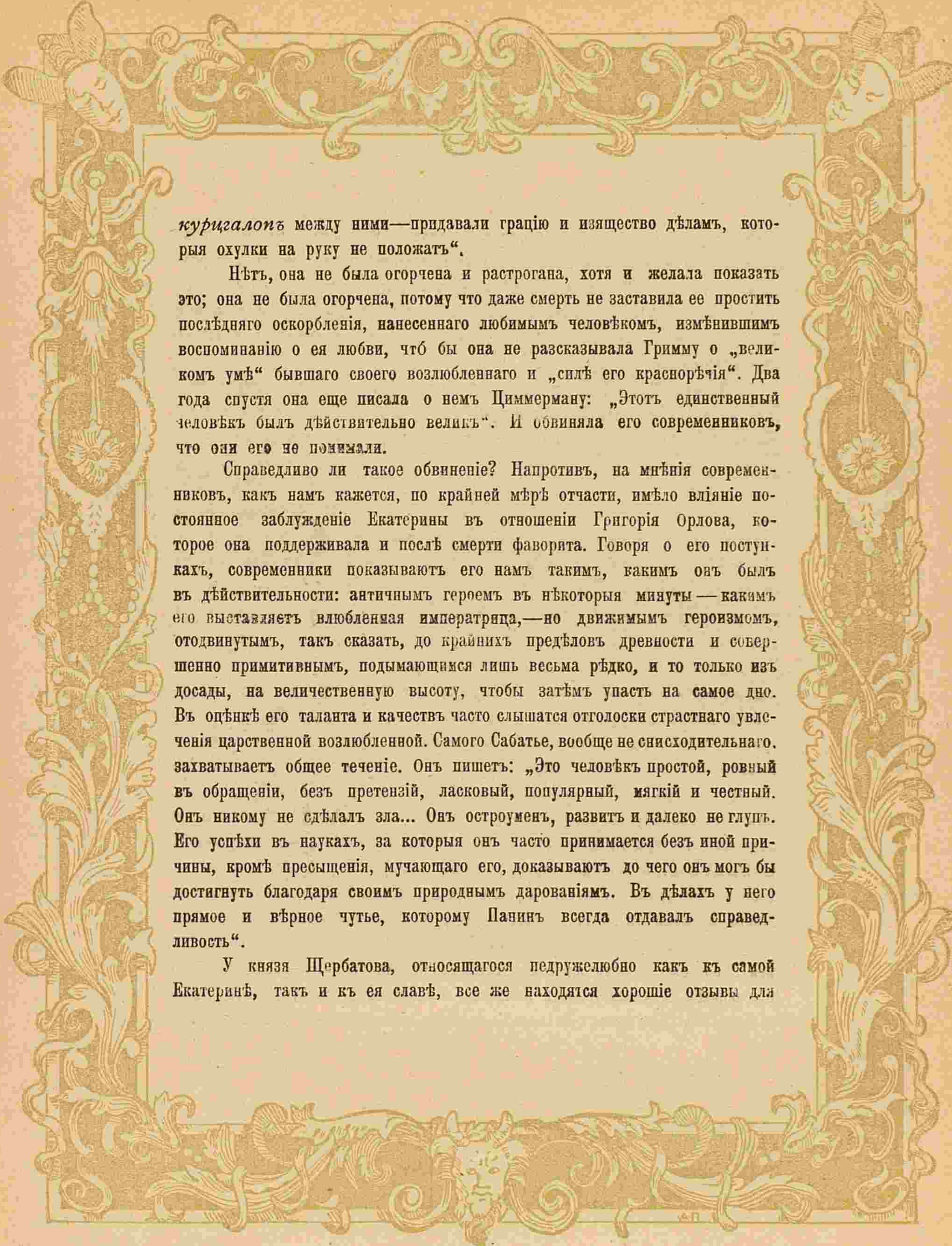
„Князь Орловъ умеръ въ Москвѣ... Съ его болѣзью связаны такія ужасныя подробности, что я не смѣю довѣрять ихъ даже цыфрамъ“.

А вотъ какъ Екатерина сообщила Гримму о печальной новости:

„Хотя я и была подготовлена къ этому ужасному событію, но, не скрою отъ васъ, оно глубоко опечалило меня... Напрасно мнѣ твердятъ, и я сама повторяю себѣ все, что говорится въ подобныхъ случаяхъ: отвѣтомъ служить взрывъ рыданій, и я ужасно страдаю“.

Дѣйствительно ли такъ глубока была ея печаль? Врядъ ли это можно заключить по продолженію письма. Восхваляя исчезнувшаго человѣка, она впадаетъ въ очень безцеремонный и тривиальный тонъ:

„Странность при смерти князя Орлова: графъ Панинъ умеръ четырнадцатю-пятнадцатю днями раньше, и одинъ не зналъ о смерти другого. Эти два человѣка, всегда бывавшіе обо всемъ прогивоположнаго мнѣнія и не любившіе другъ друга, вѣроятно, очень удивились, встрѣтившись на томъ свѣтѣ... Эти два совѣтника много лѣтъ висѣли у меня на ушахъ, однако, дѣла шли быстро; но часто приходилось поступать, какъ Александръ съ Гордіевымъ узломъ, и тогда мнѣнія сходились. Смѣлость ума одного и мягкая осторожность другого, а ваша покорная слуга продѣлывающая

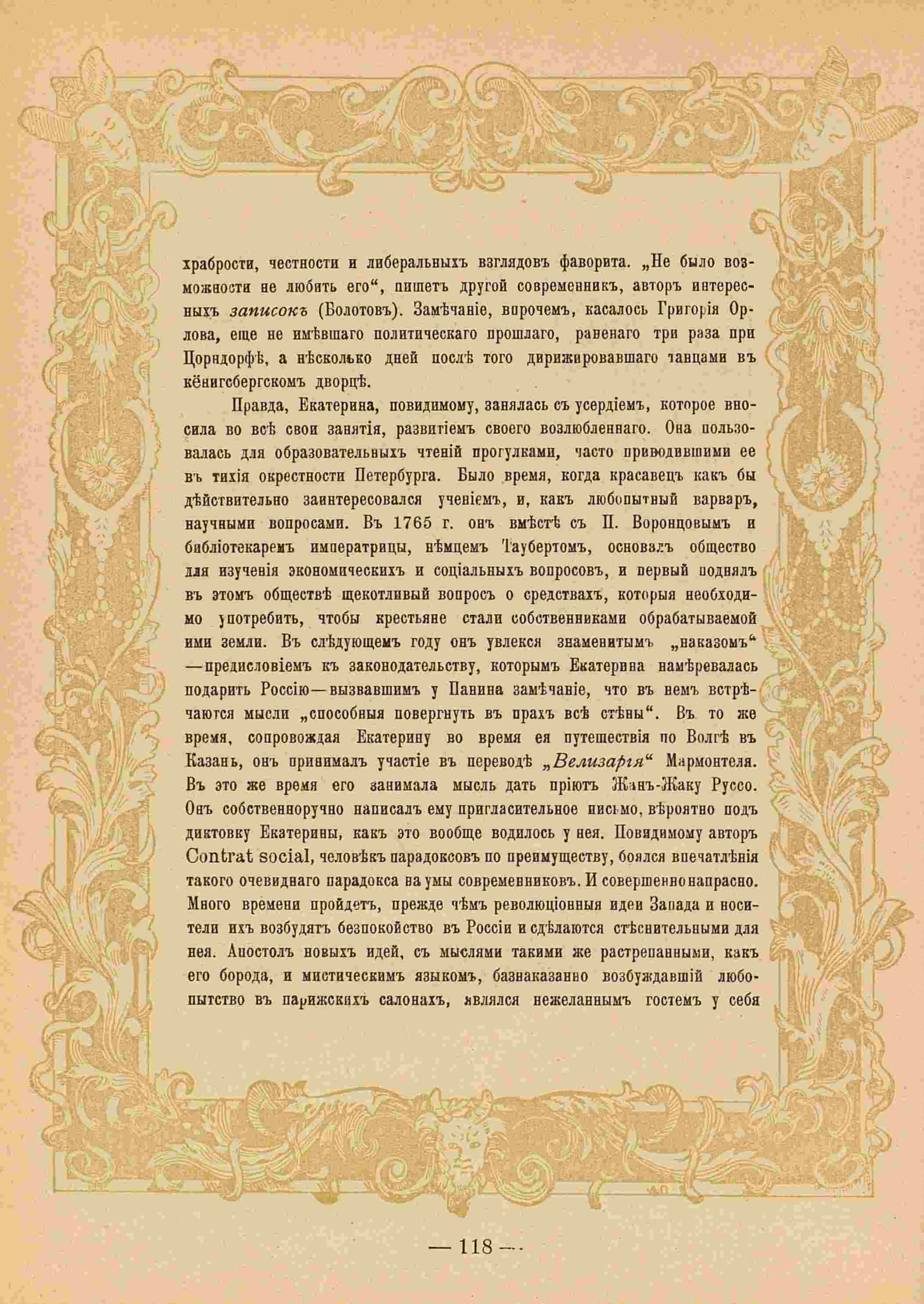

куругалонъ между ними—придавали грацію и изящество дѣламъ, которыя охулки на руку не положить“.

Нѣтъ, она не была огорчена и растрогана, хотя и желала показать это; она не была огорчена, потому что даже смерть не заставила ее простить послѣдняго оскорбленія, нанесеннаго любимымъ человекомъ, измѣнившимъ воспоминанію о ея любви, чтобъ бы она не рассказывала Гриму о „великомъ умѣ“ бывшаго своего возлюбленнаго и „силѣ его краснорѣчія“. Два года спустя она еще писала о немъ Циммерману: „Этотъ единственный человекъ былъ дѣйствительно великъ“. И обвиняла его современниковъ, что они его не понимали.

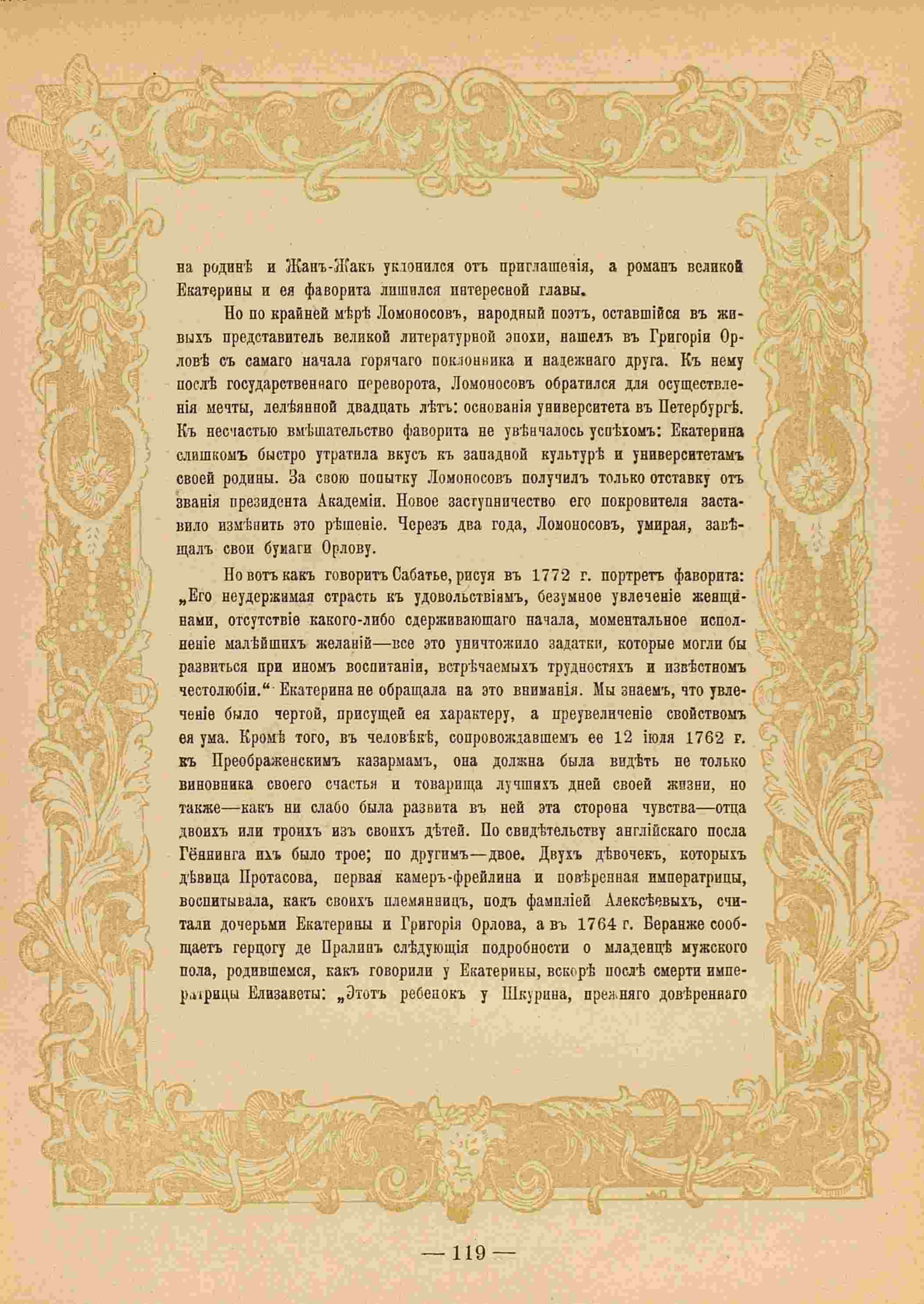
Справедливо ли такое обвиненіе? Напротивъ, на мнѣнія современниковъ, какъ намъ кажется, по крайней мѣрѣ отчасти, имѣло вліяніе постоянное заблужденіе Екатерины въ отношеніи Григорія Орлова, которое она поддерживала и послѣ смерти фаворита. Говоря о его поступкахъ, современники показываютъ его намъ такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности: античнымъ героемъ въ нѣкоторыя минуты — какимъ его выставляетъ влюбленная императрица,—но движимымъ героизмомъ, отодвинутымъ, такъ сказать, до крайнихъ предѣловъ древности и совершенно примитивнымъ, поднимающимся лишь весьма рѣдко, и то только изъ досады, на величественную высоту, чтобы затѣмъ упасть на самое дно. Въ одѣжкѣ его таланта и качествъ часто слышатся отголоски страстнаго увлеченія царственной возлюбленной. Самого Сабатье, вообще не снисходительнаго, захватываетъ общее теченіе. Онъ пишетъ: „Это человекъ простой, ровный въ обращеніи, безъ претензій, ласковый, популярный, мягкій и честный. Онъ никому не сдѣлалъ зла... Онъ остроуменъ, развитъ и далеко не глупъ. Его успѣхи въ наукахъ, за которыя онъ часто принимается безъ иной причины, кромѣ пресыщенія, мучающаго его, доказываютъ до чего онъ могъ бы достигнуть благодаря своимъ природнымъ дарованіямъ. Въ дѣлахъ у него прямое и вѣрное чутье, которому Панинъ всегда отдавалъ справедливость“.

У князя Щербатова, относящагося недружелюбно какъ къ самой Екатеринѣ, такъ и къ ея славѣ, все же находятся хорошіе отзывы для

храбрости, честности и либеральныхъ взглядовъ фаворита. „Не было возможности не любить его“, пишетъ другой современникъ, авторъ интересныхъ *записокъ* (Болотовъ). Замѣчаніе, впрочемъ, касалось Григорія Орлова, еще не имѣвшаго политическаго прошлаго, равнаго три раза при Цорндорфѣ, а нѣсколько дней послѣ того дирижировавшаго танцами въ кѣнигсбергскомъ дворцѣ.

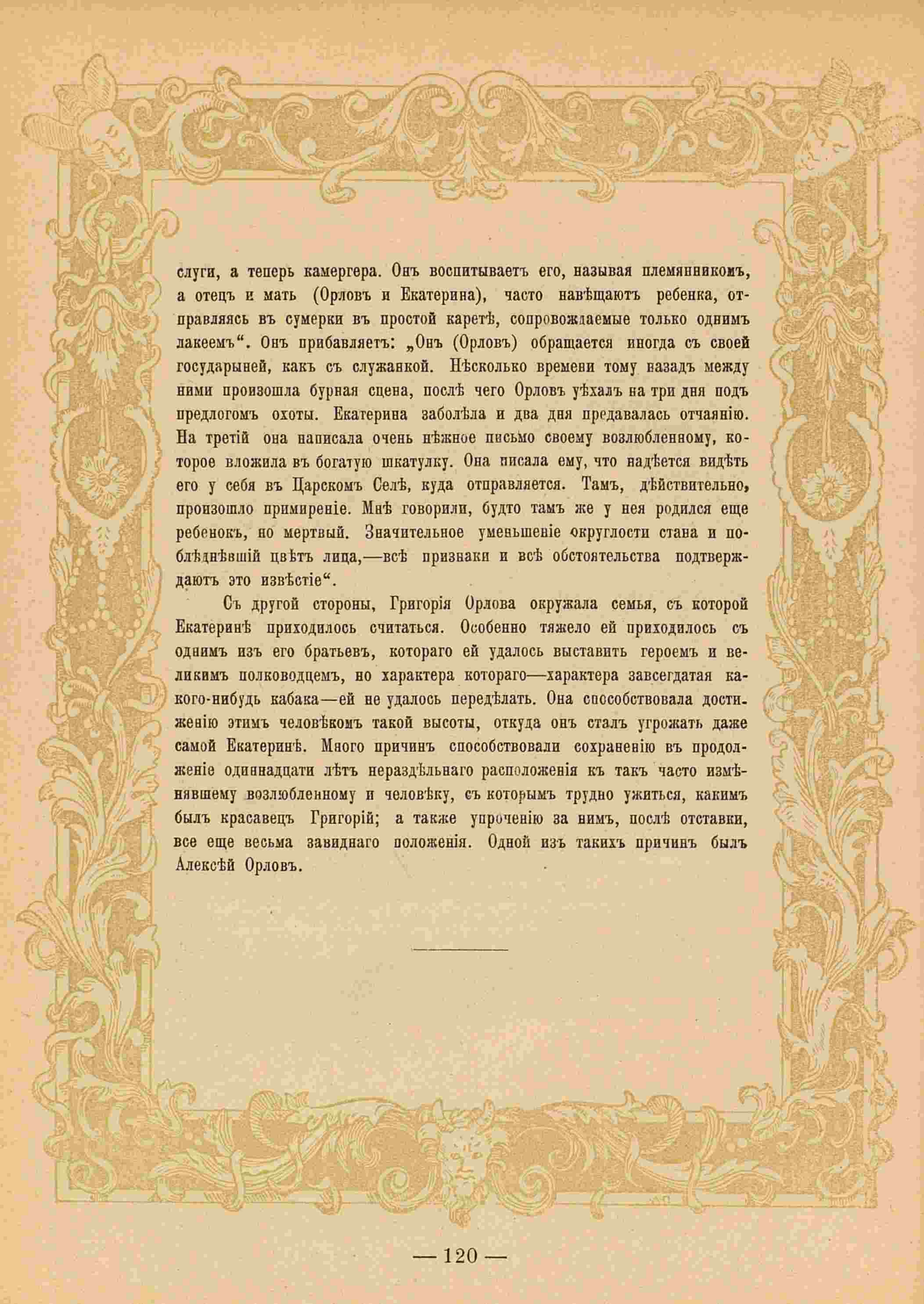
Правда, Екатерина, повидимому, занялась съ усердіемъ, которое вносила во все свои занятія, развитіемъ своего возлюбленнаго. Она пользовалась для образовательныхъ чтеній прогулками, часто приводившими ее въ тихія окрестности Петербурга. Было время, когда красавецъ какъ бы дѣйствительно заинтересовался ученіемъ, и, какъ любопытный варваръ, научными вопросами. Въ 1765 г. онъ вмѣстѣ съ П. Воронцовымъ и библіотекаремъ императрицы, нѣмцемъ Таубертомъ, основалъ общество для изученія экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ, и первый поднялъ въ этомъ обществѣ щекотливый вопросъ о средствахъ, которыя необходимо употребить, чтобы крестьяне стали собственниками обрабатываемой ими земли. Въ слѣдующемъ году онъ увлекся знаменитымъ „наказомъ“ — предисловіемъ къ законодательству, которымъ Екатерина намѣревалась подарить Россію — вызвавшимъ у Панина замѣчаніе, что въ немъ встрѣчаются мысли „способныя повергнуть въ прахъ все стѣны“. Въ то же время, сопровождая Екатерину во время ея путешествія по Волгѣ въ Казань, онъ принималъ участіе въ переводѣ „*Велизарія*“ Мармонтеля. Въ это же время его занимала мысль дать пріютъ Жанъ-Жаку Руссо. Онъ собственноручно написалъ ему пригласительное письмо, вѣроятно подъ диктовку Екатерины, какъ это вообще водилось у нея. Повидимому авторъ *Contrat social*, человекъ парадоксовъ по преимуществу, боялся впечатлѣнія такого очевиднаго парадокса на умы современниковъ. И совершенно напрасно. Много времени пройдетъ, прежде чѣмъ революціонныя идеи Запада и носители ихъ возбудятъ безпокойство въ Россіи и сдѣлаются стѣснительными для нея. Апостоль новыхъ идей, съ мыслями такими же растрепанными, какъ его борода, и мистическимъ языкомъ, базнаказанно возбуждавшій любопытство въ парижскихъ салонахъ, являлся нежеланнымъ гостемъ у себя

на родинѣ и Жанъ-Жакъ уклонился отъ приглашенія, а романъ великой Екатерины и ея фаворита лишился интересной главы.

Но по крайней мѣрѣ Ломоносовъ, народный поэтъ, оставшійся въ живыхъ представитель великой литературной эпохи, нашелъ въ Григоріи Орловѣ съ самаго начала горячаго поклонника и надежнаго друга. Къ нему послѣ государственнаго переворота, Ломоносовъ обратился для осуществленія мечты, лелѣянной двадцать лѣтъ: основанія университета въ Петербургѣ. Къ несчастью вмѣшательство фаворита не увѣнчалось успѣхомъ: Екатерина слишкомъ быстро утратила вкусъ къ западной культурѣ и университетамъ своей родины. За свою попытку Ломоносовъ получилъ только отставку отъ званія президента Академіи. Новое заступничество его покровителя заставило измѣнить это рѣшеніе. Черезъ два года, Ломоносовъ, умирая, завѣщаль свои бумаги Орлову.

Но вотъ какъ говоритъ Сабатье, рисуя въ 1772 г. портретъ фаворита: „Его неудержимая страсть къ удовольствіямъ, безумное увлеченіе женщинами, отсутствіе какого-либо сдерживающаго начала, моментальное исполненіе малѣйшихъ желаній—все это уничтожило задатки, которые могли бы развиться при иномъ воспитаніи, встрѣчаемыхъ трудностяхъ и извѣстномъ честолюбіи.“ Екатерина не обращала на это вниманія. Мы знаемъ, что увлеченіе было чертой, присущей ея характеру, а преувеличеніе свойствомъ ея ума. Кромѣ того, въ человекѣ, сопровождавшемъ ее 12 іюля 1762 г. къ Преображенскимъ казармамъ, она должна была видѣть не только виновника своего счастья и товарища лучшихъ дней своей жизни, но также—какъ ни слабо была развита въ ней эта сторона чувства—отца двоихъ или троихъ изъ своихъ дѣтей. По свидѣтельству англійскаго посла Гѣянинга ихъ было трое; по другимъ—двое. Двухъ дѣвочекъ, которыхъ дѣвица Протасова, первая камеръ-фрейлина и повѣренная императрицы, воспитывала, какъ своихъ племянницъ, подъ фамиліей Алексѣевыхъ, считали дочерьми Екатерины и Григорія Орлова, а въ 1764 г. Беранже сообщаетъ герцогу де Пралинъ слѣдующія подробности о младенцѣ мужского пола, родившемся, какъ говорили у Екатерины, вскорѣ послѣ смерти императрицы Елизаветы: „Этотъ ребенокъ у Шкурина, прежняго довѣреннаго

слуги, а теперь камергера. Онъ воспитываетъ его, называя племянникомъ, а отецъ и мать (Орловъ и Екатерина), часто навѣщаютъ ребенка, отправляясь въ сумерки въ простой каретѣ, сопровождаемые только однимъ лакеемъ“. Онъ прибавляетъ: „Онъ (Орловъ) обращается иногда съ своей государыней, какъ съ служанкой. Нѣсколько времени тому назадъ между ними произошла бурная сцена, послѣ чего Орловъ уѣхалъ на три дня подѣ предлогомъ охоты. Екатерина заболѣла и два дня предавалась отчаянію. На третій она написала очень нѣжное письмо своему возлюбленному, которое вложила въ богатую шкатулку. Она писала ему, что надѣется видѣть его у себя въ Царскомъ Селѣ, куда отправляется. Тамъ, дѣйствительно, произошло примиреніе. Мнѣ говорили, будто тамъ же у нея родился еще ребенокъ, но мертвый. Значительное уменьшеніе округлости стана и поблѣднѣвшій цвѣтъ лица,—всѣ признаки и всѣ обстоятельства подтверждаютъ это извѣстіе“.

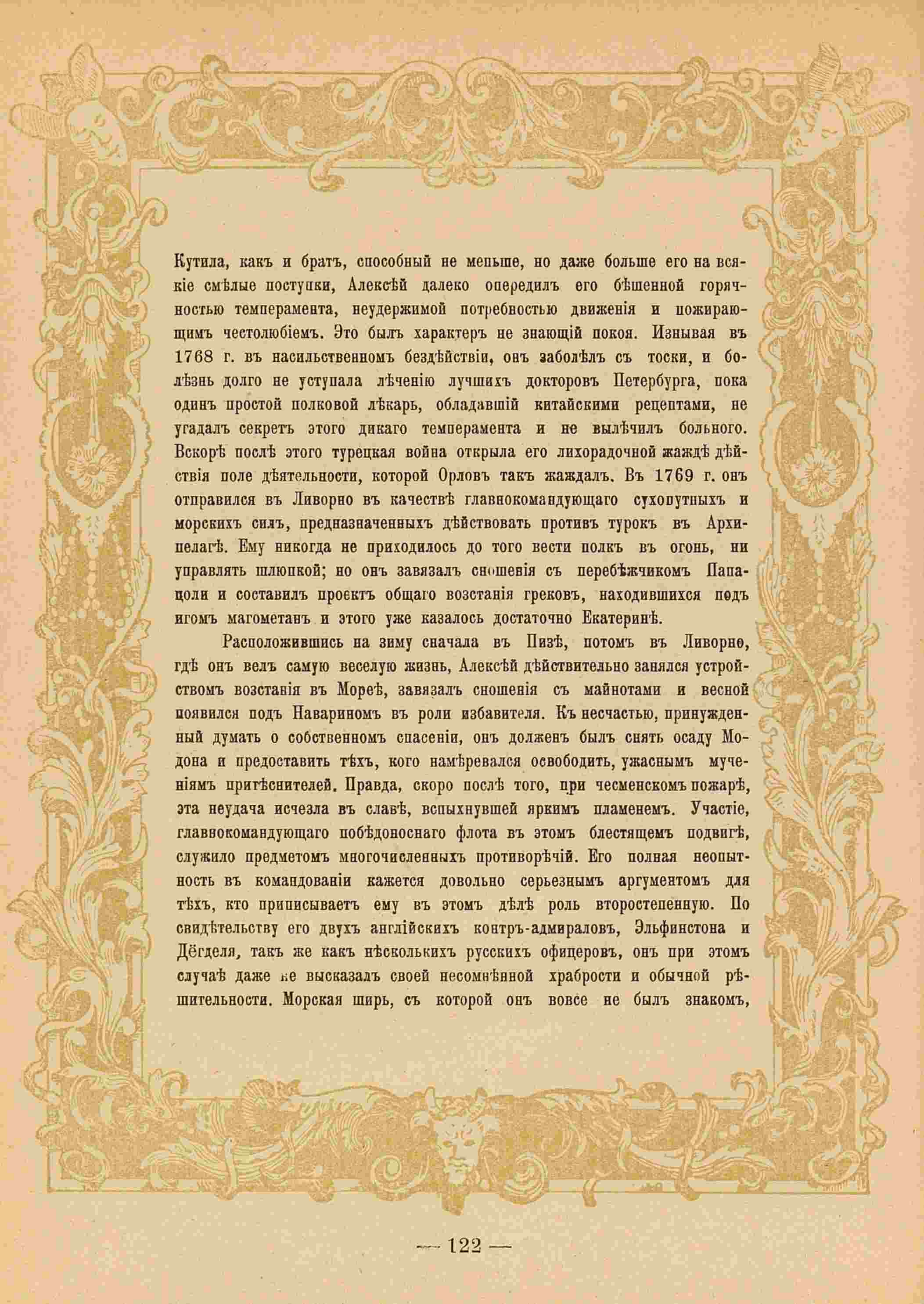
Съ другой стороны, Григорія Орлова окружала семья, съ которой Екатеринѣ приходилось считаться. Особенно тяжело ей приходилось съ однимъ изъ его братьевъ, котораго ей удалось выставить героемъ и великимъ полководцемъ, но характера котораго—характера завсегдатая какого-нибудь кабака—ей не удалось передѣлать. Она способствовала достиженію этимъ человѣкомъ такой высоты, откуда онъ сталъ угрожать даже самой Екатеринѣ. Много причинъ способствовали сохраненію въ продолженіе одиннадцати лѣтъ нераздѣльнаго расположенія къ такъ часто измѣнявшемуся возлюбленному и человѣку, съ которымъ трудно ужиться, какимъ былъ красавецъ Григорій; а также упроченію за нимъ, послѣ отставки, все еще весьма завиднаго положенія. Одной изъ такихъ причинъ былъ Алексѣй Орловъ.

V.

Мы помнимъ, что именно Алексѣй Орловъ, проникнувъ на разсвѣтъ (12 іюля 1762 г.) въ спальню Екатерины въ Петергофѣ, разбудилъ ее, говоря, что настала минута отправиться въ Петербургъ и объявить себя самодержицей всей Россіи. Повидимому, онъ имѣлъ въ эту комнату свободный доступъ днемъ и ночью. Историкъ Вильбасовъ *), положимъ, говорить, что въ это время въ лѣтнихъ резиденціяхъ не бывало карауловъ. Даже дверей не запирали. Но неудача, постигшая за нѣкоторое время передъ тѣмъ красавца Понятовскаго въ Ораніенбаумѣ, повидимому, противорѣчить этому утвержденію. Съ другой стороны утренній визитъ Орлова совершился безо всякаго предупрежденія. Проходя уборной Екатерины, Алексѣй могъ видѣть разложенное на стулѣ платье, которое императрица должна была надѣть въ тотъ самый день на парадный обѣдъ...

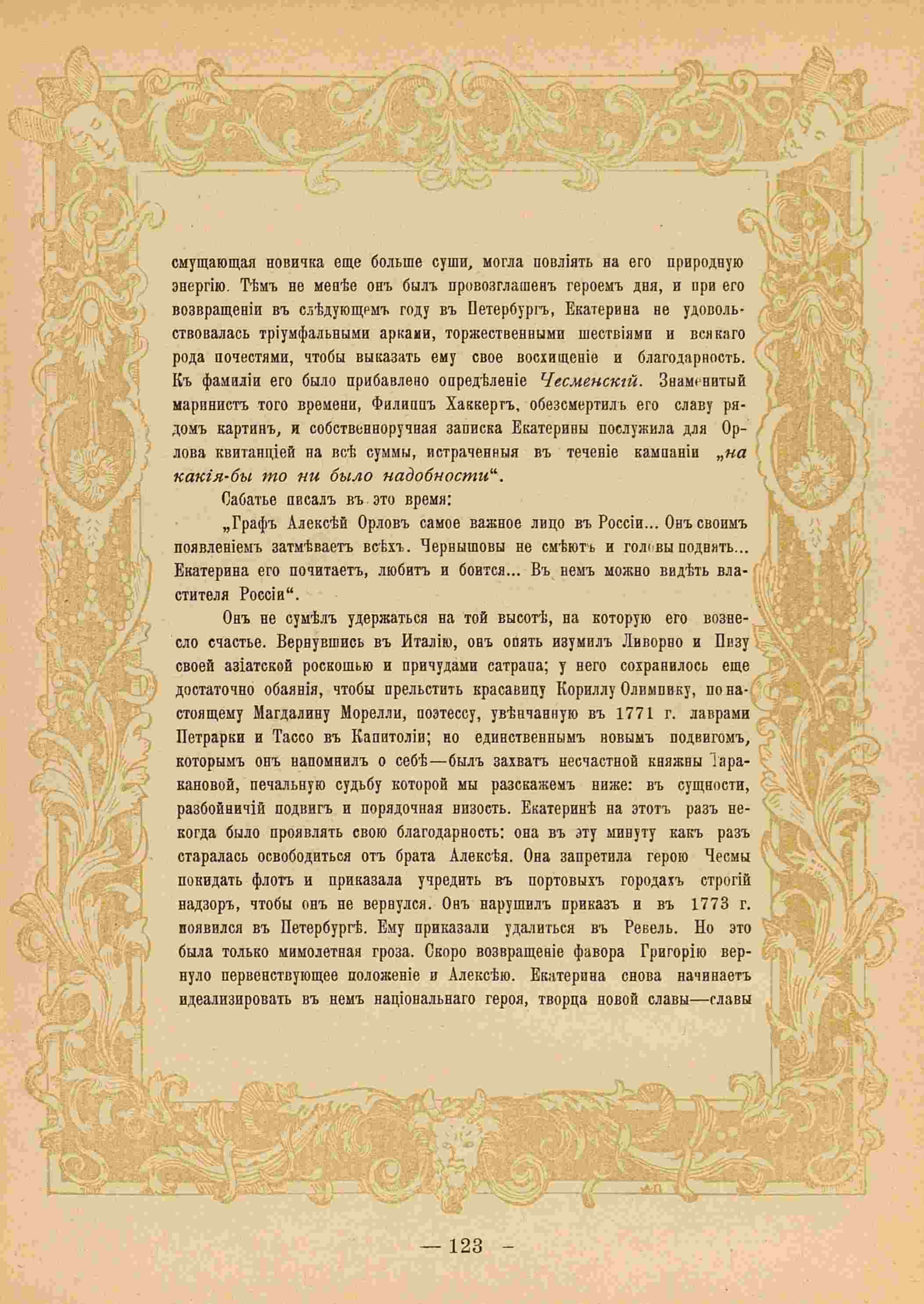
Алексѣй не былъ такъ хорошъ лицомъ, какъ его братъ; послѣ удара саблей, полученнаго въ кабагѣ, когда Алексѣю было двадцать лѣтъ, у него остался шрамъ отъ угла рта до уха. Но все же онъ былъ красивый мужчина и по свидѣтельству современниковъ могъ ударомъ кулака убить быка. Благодаря его физической силѣ, Екатерина избавилась однажды отъ опасности, которая могла бы быть смертельной: во время катанія съ горъ, которыя Екатерина устроила въ Царскомъ, очень тяжелыя сани императрицы на всемъ бѣгу отклонились въ сторону. Алексѣй, стоявшій на запяткахъ, уперся ногой въ землю, схватился за перила и предотвратилъ такимъ образомъ опасность. Онъ былъ такъ же вспыльчивъ, какъ силенъ, и Потемкинъ—самъ колоссъ—однажды жестоко поплатился за минуту непочтительной забывчивости: говорятъ, что эта стычка стоила глаза будущему фавориту.

*) Исторія Екатерины II. т. II.

Кутила, какъ и братъ, способный не меньше, но даже больше его на всякіе смѣлые поступки, Алексѣй далеко опередилъ его бѣшенною горячностью темперамента, неудержимой потребностью движенія и пожирающимъ честолюбіемъ. Это былъ характеръ не знающій покоя. Изнывая въ 1768 г. въ насильственномъ бездѣйствіи, онъ заболѣлъ съ тоски, и болѣзнь долго не уступала лѣченію лучшихъ докторовъ Петербурга, пока одинъ простой полковой лѣкаръ, обладавшій китайскими рецептами, не угадалъ секретъ этого дикаго темперамента и не вылѣчилъ больного. Вскорѣ послѣ этого турецкая война открыла его лихорадочной жаждѣ дѣйствія поле дѣятельности, которой Орловъ такъ жаждалъ. Въ 1769 г. онъ отправился въ Ливорно въ качествѣ главнокомандующаго сухопутныхъ и морскихъ силъ, предназначенныхъ дѣйствовать противъ турокъ въ Архипелагѣ. Ему никогда не приходилось до того вести полкъ въ огонь, ни управлять шлюпкой; но онъ завязалъ сношенія съ перебѣжчикомъ Папацолли и составилъ проектъ общаго возстанія грековъ, находившихся подъ игомъ магометанъ и этого уже казалось достаточно Екатеринѣ.

Расположившись на зиму сначала въ Пизѣ, потомъ въ Ливорно, гдѣ онъ велъ самую веселую жизнь, Алексѣй дѣйствительно занялся устройствомъ возстанія въ Морѣѣ, завязалъ сношенія съ майнотами и весной появился подъ Навариномъ въ роли избавителя. Къ несчастью, принужденный думать о собственномъ спасеніи, онъ долженъ былъ снять осаду Модона и предоставить тѣхъ, кого намѣревался освободить, ужаснымъ мученіямъ притѣснителей. Правда, скоро послѣ того, при чесменскомъ пожарѣ, эта неудача исчезла въ славѣ, вспыхнувшей яркимъ пламенемъ. Участіе, главнокомандующаго побѣдоноснаго флота въ этомъ блестящемъ подвигѣ, служило предметомъ многочисленныхъ противорѣчій. Его полная неопытность въ командованіи кажется довольно серьезнымъ аргументомъ для тѣхъ, кто приписываетъ ему въ этомъ дѣлѣ роль второстепенную. По свидѣтельству его двухъ англійскихъ контръ-адмираловъ, Эльфинстона и Дѣгделя, такъ же какъ нѣсколькихъ русскихъ офицеровъ, онъ при этомъ случаѣ даже не высказалъ своей несомнѣнной храбрости и обычной рѣшительности. Морская ширь, съ которой онъ вовсе не былъ знакомъ,

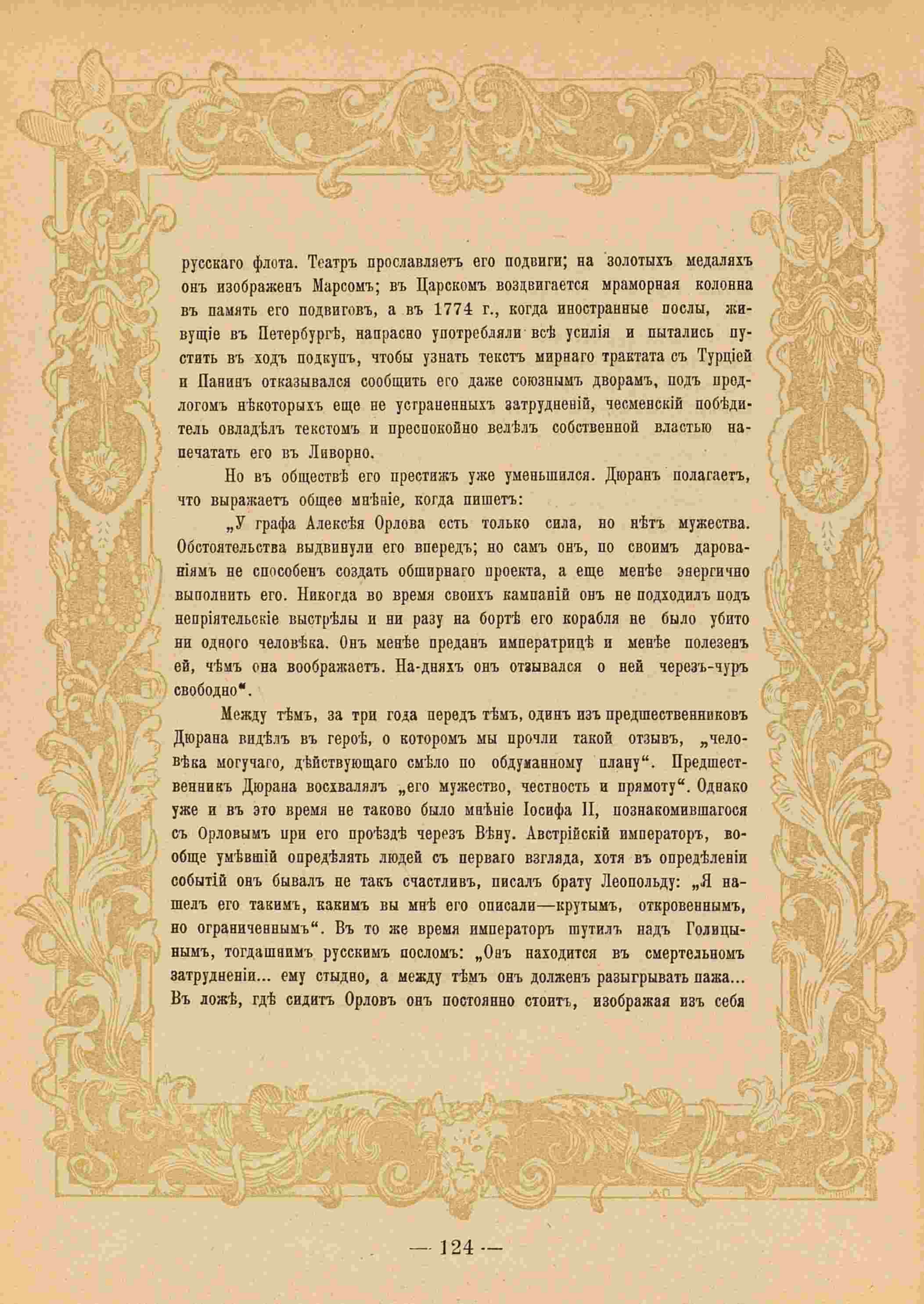
смущающая новичка еще больше суши, могла повліять на его природную енергію. Тѣмъ не менѣе онъ былъ провозглашенъ героемъ дня, и при его возвращеніи въ слѣдующемъ году въ Петербургъ, Екатерина не удовольствовалась триумфальными арками, торжественными шествіями и всякаго рода почестями, чтобы выказать ему свое восхищеніе и благодарность. Къ фамиліи его было прибавлено опредѣленіе *Чесменскій*. Знаменитый маринистъ того времени, Филиппъ Хаккергъ, обезсмертилъ его славу рядомъ картинъ, и собственноручная записка Екатерины послужила для Орлова квитанціей на всѣ суммы, истраченныя въ теченіе кампаніи „на какія-бы то ни было надобности“.

Сабатье писалъ въ это время:

„Графъ Алексѣй Орловъ самое важное лицо въ Россіи... Онъ своимъ появленіемъ затмѣваетъ всѣхъ. Чернышovy не смѣютъ и головы поднять... Екатерина его почитаетъ, любитъ и боится... Въ немъ можно видѣть властителя Россіи“.

Онъ не сумѣлъ удержаться на той высотѣ, на которую его вознесло счастье. Вернувшись въ Италію, онъ опять изумилъ Ливорно и Пизу своей азіатской роскошью и причудами сатрапа; у него сохранилось еще достаточно обаянія, чтобы прельстить красавицу Кориллу Олимпивку, по настоящему Магдалину Морелли, поэтессу, увѣчанную въ 1771 г. лаврами Петрарки и Тассо въ Капитоліи; но единственнымъ новымъ подвигомъ, которымъ онъ напомнилъ о себѣ—былъ захватъ несчастной княжны Таракановой, печальную судьбу которой мы расскажемъ ниже: въ сущности, разбойничій подвигъ и порядочная низость. Екатеринѣ на этотъ разъ некогда было проявлять свою благодарность: она въ эту минуту какъ разъ старалась освободиться отъ брата Алексѣя. Она запретила герою Чесмы покидать флотъ и приказала учредить въ портовыхъ городахъ строгій надзоръ, чтобы онъ не вернулся. Онъ нарушилъ приказъ и въ 1773 г. появился въ Петербургъ. Ему приказали удалиться въ Ревель. Но это была только мимолетная гроза. Скоро возвращеніе фавора Григорію вернуло первенствующее положеніе и Алексѣю. Екатерина снова начинаетъ идеализировать въ немъ національнаго героя, творца новой славы—славы

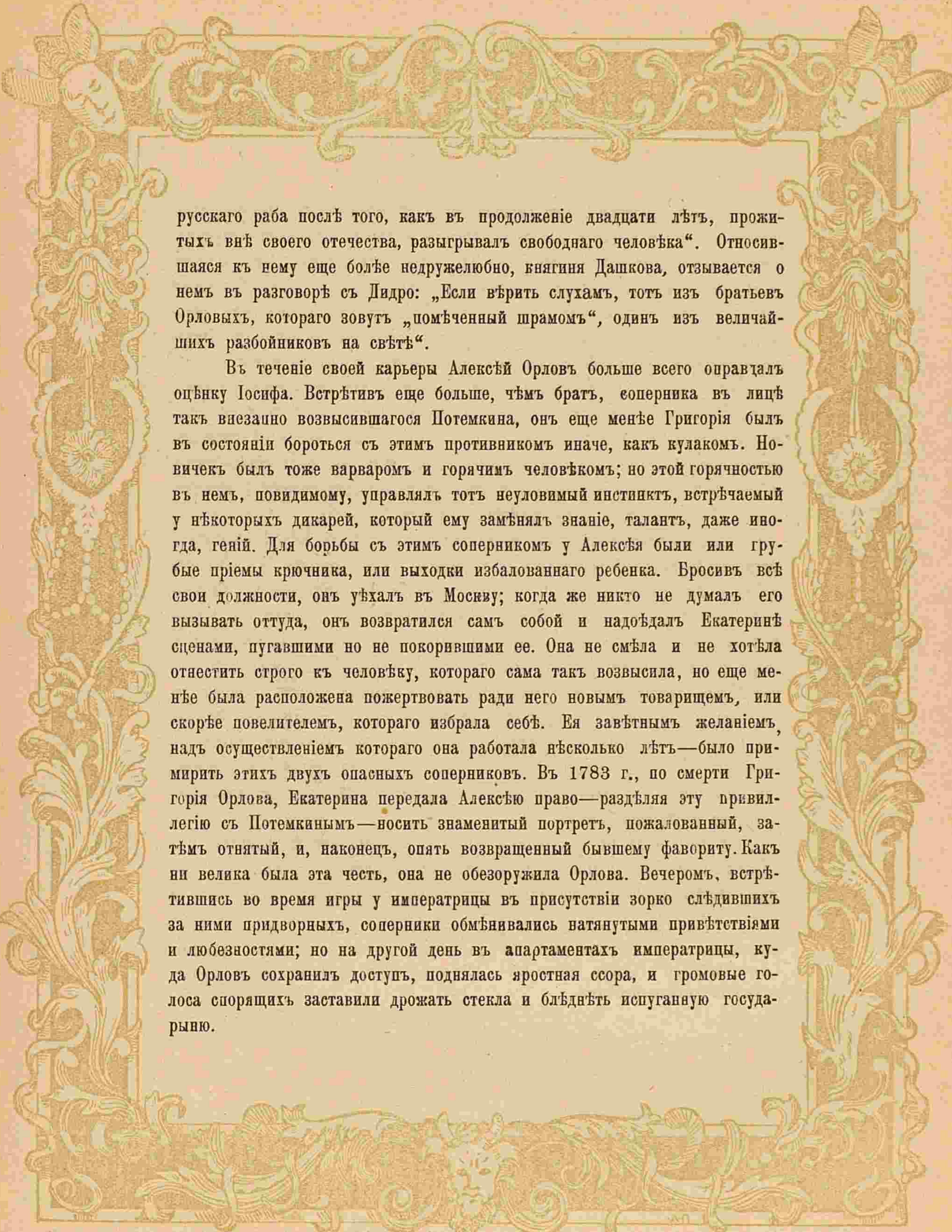

русскаго флота. Театръ прославляетъ его подвиги; на золотыхъ медаляхъ онъ изображенъ Марсомъ; въ Царскомъ воздвигается мраморная колонна въ память его подвиговъ, а въ 1774 г., когда иностранные послы, живущіе въ Петербургѣ, напрасно употребляли всѣ усилія и пытались пустить въ ходъ подкупъ, чтобы узнать текстъ мирнаго трактата съ Турціей и Панинъ отказывался сообщить его даже союзнымъ дворамъ, подъ предлогомъ нѣкоторыхъ еще не устраненныхъ затрудненій, чесменскій побѣдитель овладѣлъ текстомъ и преспокойно велѣлъ собственной властью напечатать его въ Ливорно.

Но въ обществѣ его престижъ уже уменьшился. Дюранъ полагаетъ, что выражаетъ общее мнѣніе, когда пишетъ:

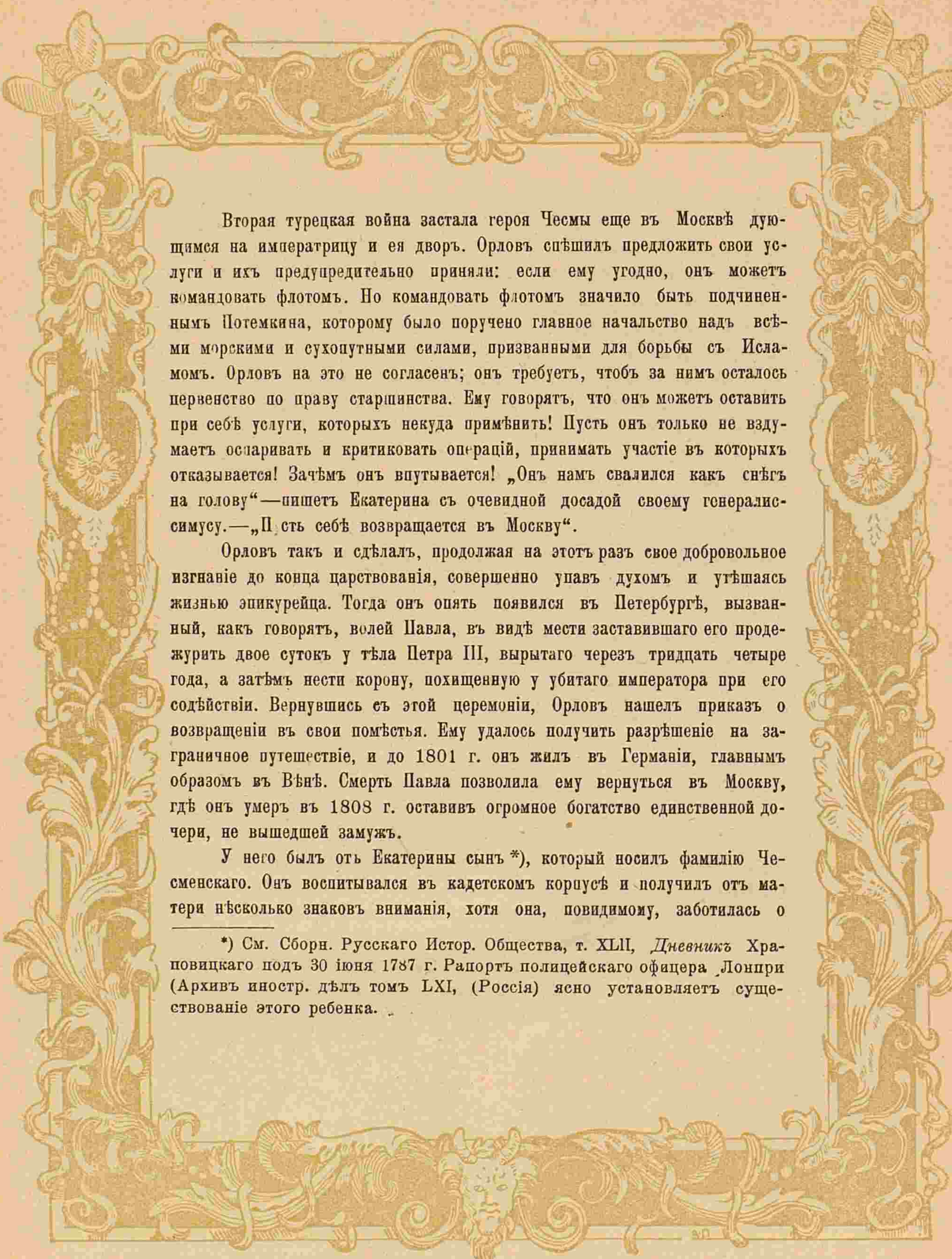
„У графа Алексѣя Орлова есть только сила, но нѣтъ мужества. Обстоятельства выдвинули его впередъ; но самъ онъ, по своимъ дарованіямъ не способенъ создать обширнаго проекта, а еще менѣе энергично выполнить его. Никогда во время своихъ кампаній онъ не подходилъ подъ непріятельскіе выстрѣлы и ни разу на бортѣ его корабля не было убито ни одного человѣка. Онъ менѣе преданъ императрицѣ и менѣе полезенъ ей, чѣмъ она воображаетъ. На-дняхъ онъ отзывался о ней черезъ-чуръ свободно“.

Между тѣмъ, за три года передъ тѣмъ, одинъ изъ предшественниковъ Дюрана видѣлъ въ героѣ, о которомъ мы прочли такой отзывъ, „человѣка могучаго, дѣйствующаго смѣло по обдуманному плану“. Предшественникъ Дюрана восхвалялъ „его мужество, честность и прямоту“. Однако уже и въ это время не таково было мнѣніе Іосифа II, познакомившагося съ Орловымъ при его проѣздѣ черезъ Вѣну. Австрійскій императоръ, вообще умѣвшій опредѣлять людей съ перваго взгляда, хотя въ опредѣленіи событій онъ бывалъ не такъ счастливъ, писалъ брату Леопольду: „Я нашелъ его такимъ, какимъ вы мнѣ его описали—крутымъ, откровеннымъ, но ограниченнымъ“. Въ то же время императоръ шутилъ надъ Голицынымъ, тогдашнимъ русскимъ посломъ: „Онъ находится въ смертельномъ затрудненіи... ему стыдно, а между тѣмъ онъ долженъ разыгрывать пажа... Въ ложѣ, гдѣ сидитъ Орловъ онъ постоянно стоитъ, изображая изъ себя

русскаго раба послѣ того, какъ въ продолженіе двадцати лѣтъ, прожитыхъ внѣ своего отечества, разыгрывалъ свободнаго человѣка“. Относившаяся къ нему еще болѣе недружелюбно, княгиня Дашкова, отзывается о немъ въ разговорѣ съ Дидро: „Если вѣрить слухамъ, тотъ изъ братьевъ Орловыхъ, котораго зовутъ „помѣченный шрамомъ“, одинъ изъ величайшихъ разбойниковъ на свѣтѣ“.

Въ теченіе своей карьеры Алексѣй Орловъ больше всего оправдалъ оцѣнку Юсифа. Встрѣтивъ еще больше, чѣмъ братъ, соперника въ лицѣ такъ внезапно возвысившагося Потемкина, онъ еще менѣе Григорія былъ въ состояніи бороться съ этимъ противникомъ иначе, какъ кулакомъ. Новичекъ былъ тоже варваромъ и горячимъ человѣкомъ; но этой горячностью въ немъ, повидимому, управлялъ тотъ неуправимый инстинктъ, встрѣчаемый у нѣкоторыхъ дикарей, который ему замѣнялъ знаніе, талантъ, даже иногда, гений. Для борьбы съ этимъ соперникомъ у Алексѣя были или грубые приемы крючника, или выходки избалованнаго ребенка. Бросивъ всѣ свои должности, онъ уѣхалъ въ Москву; когда же никто не думалъ его вызывать оттуда, онъ возвратился самъ собой и надоѣдалъ Екатеринѣ сценами, пугавшими но не покорившими ее. Она не смѣла и не хотѣла отнести строго къ человѣку, котораго сама такъ возвысила, но еще менѣе была расположена пожертвовать ради него новымъ товарищемъ, или скорѣе повелителемъ, котораго избрала себѣ. Ея завѣтнымъ желаніемъ, надъ осуществленіемъ котораго она работала нѣсколько лѣтъ—было примирить этихъ двухъ опасныхъ соперниковъ. Въ 1783 г., по смерти Григорія Орлова, Екатерина передала Алексѣю право—раздѣляя эту привилегію съ Потемкинымъ—носить знаменитый портретъ, пожалованный, затѣмъ отнятый, и, наконецъ, опять возвращенный бывшему фавориту. Какъ ни велика была эта честь, она не обезоружила Орлова. Вечеромъ, встрѣтившись во время игры у императрицы въ присутствіи зорко слѣдившихъ за ними придворныхъ, соперники обмѣнивались натянутыми привѣтствіями и любезностями; но на другой день въ апартаментахъ императрицы, куда Орловъ сохранилъ доступъ, поднялась яростная ссора, и громовые голоса спорящихъ заставили дрожать стекла и блѣднѣть испуганную государыню.

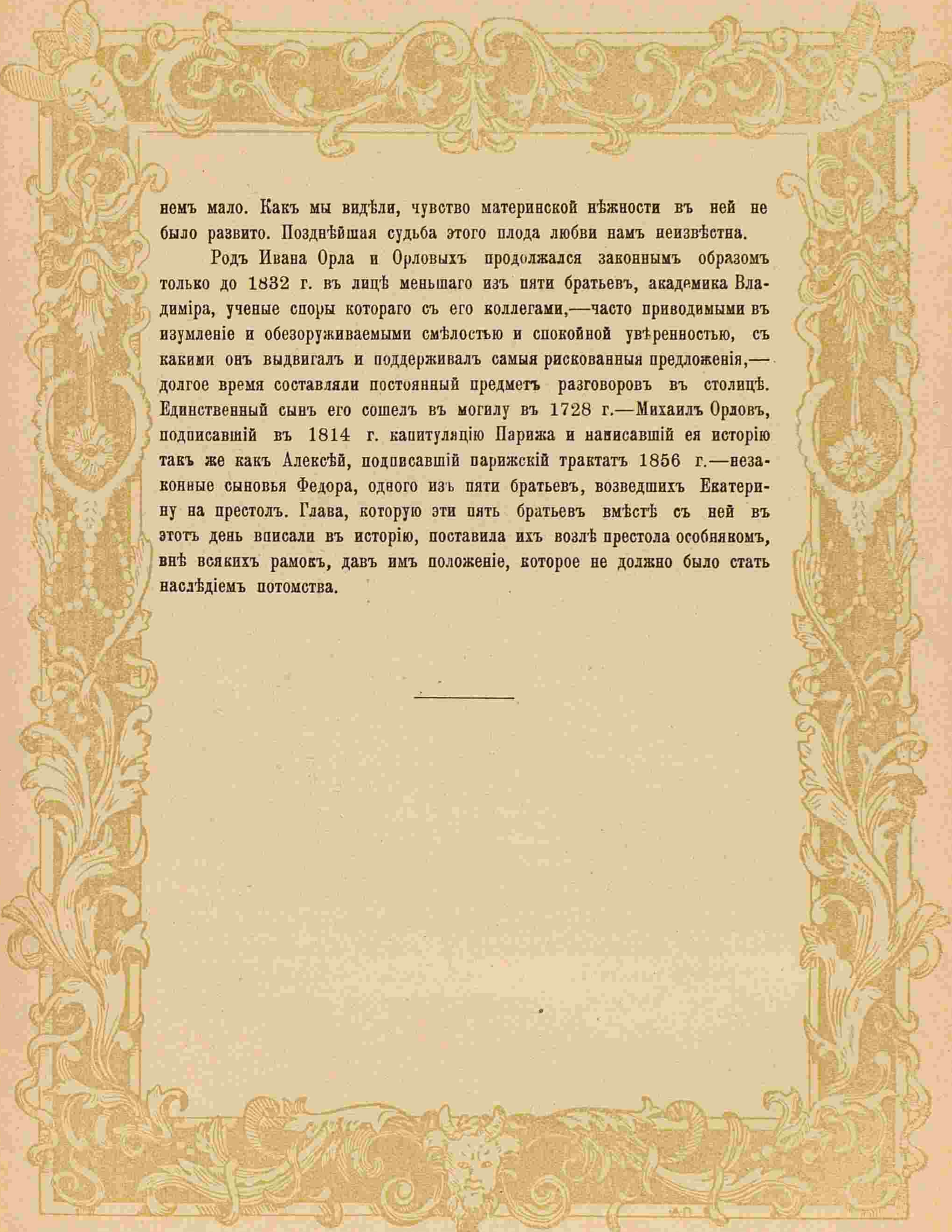

Вторая турецкая война застала героя Чесмы еще въ Москвѣ дующимся на императрицу и ея дворъ. Орловъ спѣшилъ предложить свои услуги и ихъ предупредительно приняли: если ему угодно, онъ можетъ командовать флотомъ. Но командовать флотомъ значило быть подчиненнымъ Потемкина, которому было поручено главное начальство надъ всѣми морскими и сухопутными силами, призванными для борьбы съ Исламомъ. Орловъ на это не согласенъ; онъ требуетъ, чтобъ за нимъ осталось первенство по праву старшинства. Ему говорятъ, что онъ можетъ оставить при себѣ услуги, которыхъ некуда примѣнить! Пусть онъ только не вздумаетъ осаривать и критиковать операцій, принимать участіе въ которыхъ отказывается! Зачѣмъ онъ впутывается! „Онъ намъ свалился какъ снѣгъ на голову“—пишетъ Екатерина съ очевидной досадой своему генералиссимусу.—„Пусть себѣ возвращается въ Москву“.

Орловъ такъ и сдѣлалъ, продолжая на этотъ разъ свое добровольное изгнаніе до конца царствованія, совершенно упавъ духомъ и утѣшаясь жизнью эпикурейца. Тогда онъ опять появился въ Петербургѣ, вызванный, какъ говорятъ, волей Павла, въ видѣ мести заставившаго его продежурить двое сутокъ у тѣла Петра III, вырытаго черезъ тридцать четыре года, а затѣмъ нести корону, похищенную у убитаго императора при его содѣйствіи. Вернувшись съ этой церемоніи, Орловъ нашелъ приказъ о возвращеніи въ свои помѣстья. Ему удалось получить разрѣшеніе на заграничное путешествіе, и до 1801 г. онъ жилъ въ Германіи, главнымъ образомъ въ Вѣнѣ. Смерть Павла позволила ему вернуться въ Москву, гдѣ онъ умеръ въ 1808 г. оставивъ огромное богатство единственной дочери, не вышедшей замужъ.

У него былъ отъ Екатерины сынъ *), который носилъ фамилію Чесменскаго. Онъ воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ и получилъ отъ матери нѣсколько знаковъ вниманія, хотя она, повидимому, заботилась о

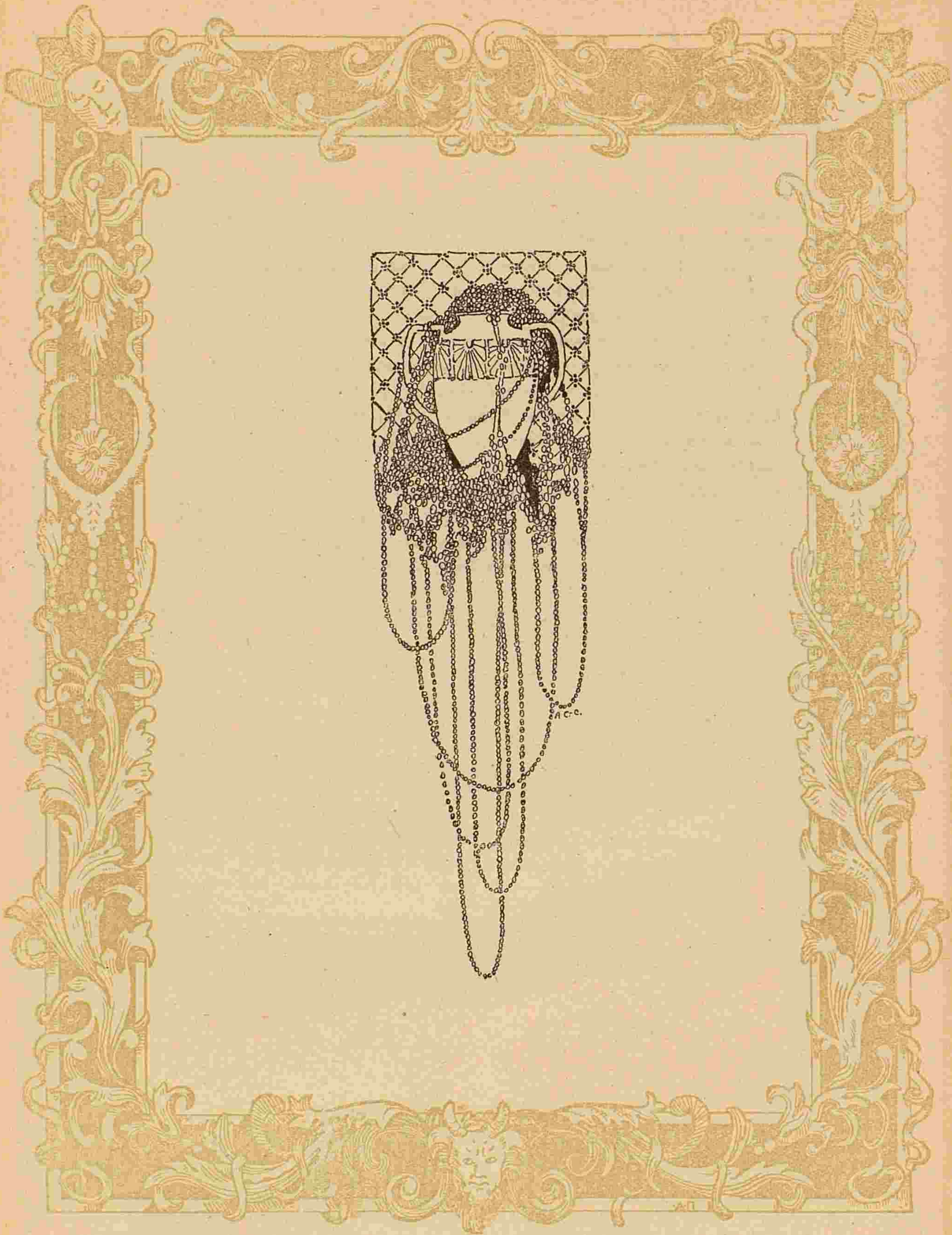
*) См. Сборн. Русскаго Истор. Общества, т. XLII, *Дневникъ Храповицкаго* подъ 30 іюня 1787 г. Репортъ полицейскаго офицера Лонпри (Архивъ иностр. дѣлъ томъ LXI, (Россія) ясно устанавливаетъ существованіе этого ребенка.

немъ мало. Какъ мы видѣли, чувство материнской нѣжности въ ней не было развито. Позднѣйшая судьба этого плода любви намъ неизвѣстна.

Родъ Ивана Орла и Орловыхъ продолжался законнымъ образомъ только до 1832 г. въ лицѣ меньшаго изъ пяти братьевъ, академика Владимира, ученые споры котораго съ его коллегами,—часто приводимыми въ изумленіе и обезоруживаемыми смѣлостью и спокойной увѣренностью, съ какими онъ выдвигалъ и поддерживалъ самыя рискованныя предложенія,— долгое время составляли постоянный предметъ разговоровъ въ столицѣ. Единственный сынъ его сошелъ въ могилу въ 1728 г.—Михаилъ Орловъ, подписавшій въ 1814 г. капитуляцію Парижа и написавшій ея исторію такъ же какъ Алексѣй, подписавшій парижскій трактатъ 1856 г.—незаконные сыновья Федора, одного изъ пяти братьевъ, возведшихъ Екатерину на престоль. Глава, которую эти пять братьевъ вмѣстѣ съ ней въ этотъ день вписали въ исторію, поставила ихъ возлѣ престола особнякомъ, внѣ всякихъ рамокъ, давъ имъ положеніе, которое не должно было стать наслѣдіемъ потомства.

Потемкинъ.

I. Происхожденіе.— 13-го іюля 1762 г.— Серебряный темлякъ.— Воспитаникъ Екатерины.— Записка императрицы.— Возвышеніе фаворита.— II. Сосредоточеніе власти въ его рукахъ.— Должности и почести.— Графъ и князь.— Новыя домогательства.— Въ Троицкой лаврѣ.— Комедіантъ и комедіантка.— Екатерина не хочетъ вѣнчаться.— Порванное очарованіе.— III. Новая звѣзда на горизонтѣ.— Завадовскій.— Борьба.— Побѣда Потемкина.— Распорядитель императорскими прихотями и вице-императоръ.— IV. Физиономія его личности.— Циклопъ.— Сибаритство и безпорядочность.— Горячность и доброта.— Не любимъ!.— Честолюбіе.— Фатализмъ.— Тщеславіе.— Главная квартира въ Бендерахъ.— Сардапаль.— V. Умственныя дарованія.— Государственный человѣкъ.— Воинъ.— Творческій геній.— Помощникъ Екатерины.— Взаимность услугъ и нѣжныхъ изліяній.— Мораль и исторія.— Любовь.— VI. Любовныя приключенія.— Пять племянницъ.— Варенька.— Прекрасная фанаріотка.— Княгиня Долгорукая.— Стиль великаго влюбленнаго.— VII. Закатъ свѣтила.— Зубовъ.— Въ Таврическомъ дворцѣ.— Прощальный вечеръ.— Смерть.— Херсонская могила.

I.

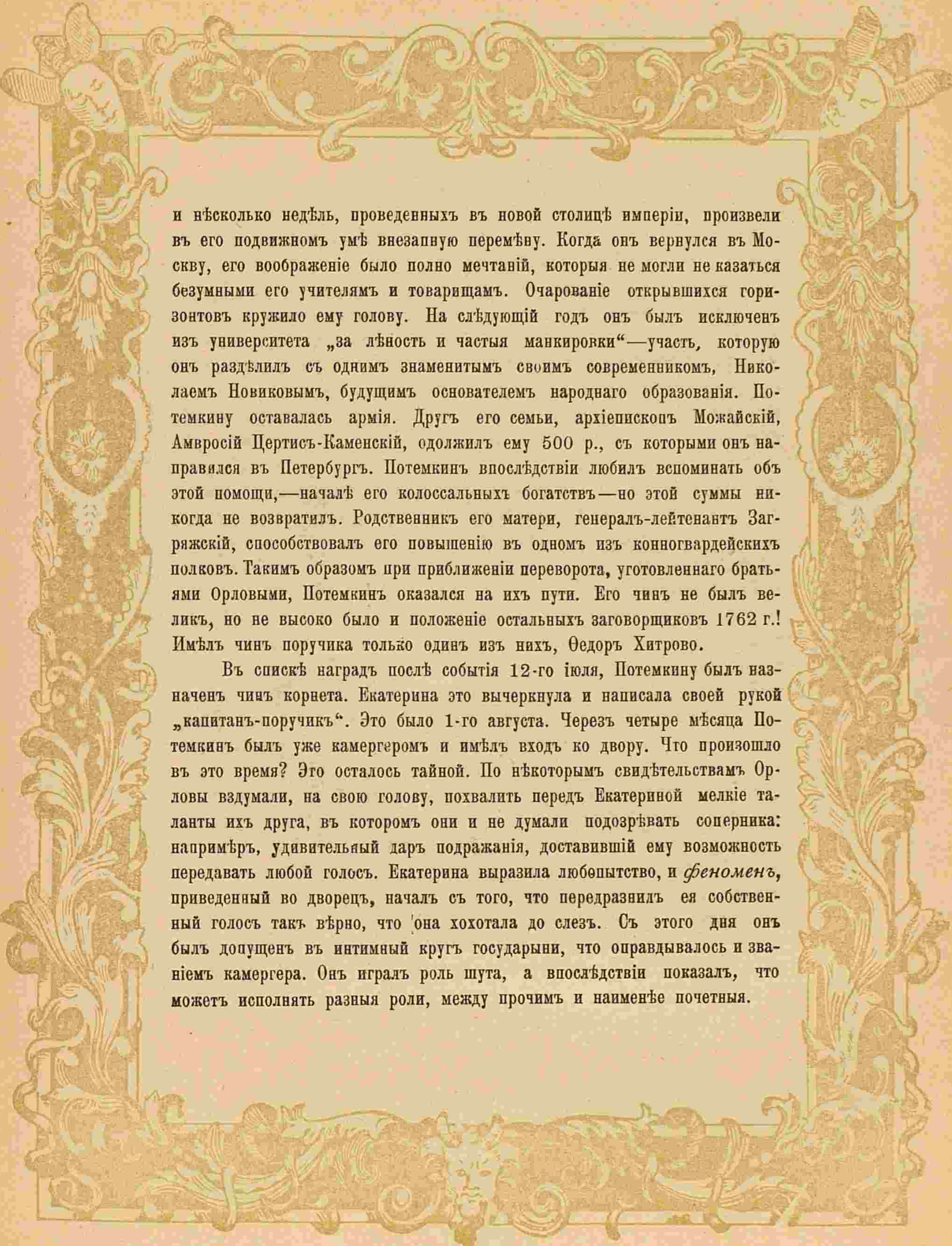
Отъ 1774 до 1791 г. при жизни и царствованіи Екатерины, Россіей деспотически, или почти деспотически, управлялъ человѣкъ, о которомъ до сихъ поръ трудно сказать, былъ ли онъ геній или сумасшедшій. Въ исторіи великихъ событій и удачъ, выпадающихъ на долю людей, къ сожалѣнію, часто встрѣчаются подобныя недоразумѣнія. Слѣдуетъ ли въ этомъ видѣть счастливый случай или иронию, прибавленную къ жестокой загадкѣ жизни, или возможно—когда уже факты совершились—усмотрѣть въ этомъ естественное слѣдствіе необыкновенно плодотворной комбинаціи природныхъ или приобрѣтенныхъ качествъ въ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ—неоспоримо, что время его близости съ Екатериной было куль-

минаціоннымъ пунктомъ великолѣпія и побѣдъ славнаго царствованія. Потемкинъ обращался со счастьемъ, какъ съ послушной рабыней, и оно улыбалось ему. Ему случалось такъ же обращаться и съ Екатериной, и она не была недовольна этимъ.

Былъ ли молодой офицеръ Семеновскаго гвардейскаго полка, давшій Екатеринѣ мундиръ, дѣйствительно настолько разсѣянъ—и это, впрочемъ, извинительно для подобнаго момента—что забылъ вручить императрицѣ необходимую принадлежность мундира, надѣтаго ею, чтобы стать во главѣ войска и идти въ походъ противъ мужа? Имѣлъ ли другой унтеръ-офицеръ счастье замѣтить эту оплошность и предложить царицѣ свой собственный темлякъ? И дѣйствительно ли этотъ случай послужилъ началомъ фавора Потемкина? Сказать навѣрное нельзя. Приходится даже чистосердечно признаться, что мы не придаемъ большой важности этой подробности, послужившей предметомъ столькихъ пререканій. Отрицая этотъ фактъ, приводили доводъ, что темлякъ простого вахмистра, какимъ былъ въ 1762 г. Потемкинъ, не могъ годиться для Екатерины.

Но унтеръ-офицеры изъ дворянъ—*юнкера*—всегда имѣли серебряные темляки. Потемкинъ же былъ изъ дворянъ: одного изъ его предковъ мы видимъ въ 1676 г. при дворѣ царя Федора Алексѣевича.

Единственный сынъ, Григорій былъ приписанъ къ одному изъ гвардейскихъ полковъ, находясь въ то же время пансіонеромъ Московскаго университета. Таковъ былъ въ бѣдныхъ дворянскихъ семьяхъ обыкновенный способъ обезпечивать будущность молодыхъ людей: имъ открывали такимъ образомъ болѣе широкій путь для достиженія средствъ и должностей,—такъ сказать путь съ двойнымъ исходомъ. Молодой Потемкинъ вначалѣ сдѣлался очень усерднымъ ученикомъ. Онъ прилежно работалъ и подружился съ ученымъ діакономъ Порофеемъ, чѣмъ и объясняется то знаніе литургіи, которое онъ обнаруживалъ впослѣдствіи. Въ 1757 г. онъ былъ въ числѣ двадцати воспитанниковъ, посланныхъ въ Петербургъ на казенный счетъ, чтобы щегольнуть ихъ знаніями. Ему тогда было семнадцать или восемнадцать лѣтъ—вѣрная дата его рожденія неизвѣстна. Онъ былъ представленъ императрицѣ Елизаветѣ, и это пребываніе при дворѣ, какъ

и нѣсколько недѣль, проведенныхъ въ новой столицѣ имперіи, произвели въ его подвижномъ умѣ внезапную перемѣну. Когда онъ вернулся въ Москву, его воображеніе было полно мечтавій, которыя не могли не казаться безумными его учителямъ и товарищамъ. Очарованіе открывшихся горизонтовъ кружило ему голову. На слѣдующій годъ онъ былъ исключенъ изъ университета „за лѣность и частыя манкировки“—участь, которую онъ раздѣлилъ съ однимъ знаменитымъ своимъ современникомъ, Николаемъ Новиковымъ, будущимъ основателемъ народнаго образованія. Потемкину оставалась армія. Другъ его семьи, архіепископъ Можайскій, Амвросій Цертисъ-Каменскій, одолжилъ ему 500 р., съ которыми онъ направился въ Петербургъ. Потемкинъ впоследствии любилъ вспоминать объ этой помощи,—началъ его колоссальныхъ богатствъ—но этой суммы никогда не возвратилъ. Родственникъ его матери, генераль-лейтенантъ Загряжскій, способствовалъ его повышенію въ одномъ изъ конногвардейскихъ полковъ. Такимъ образомъ при приближеніи переворота, уготовленнаго братьями Орловыми, Потемкинъ оказался на ихъ пути. Его чинъ не былъ великъ, но не высоко было и положеніе остальныхъ заговорщиковъ 1762 г.! Имѣлъ чинъ поручика только одинъ изъ нихъ, Федоръ Хитрово.

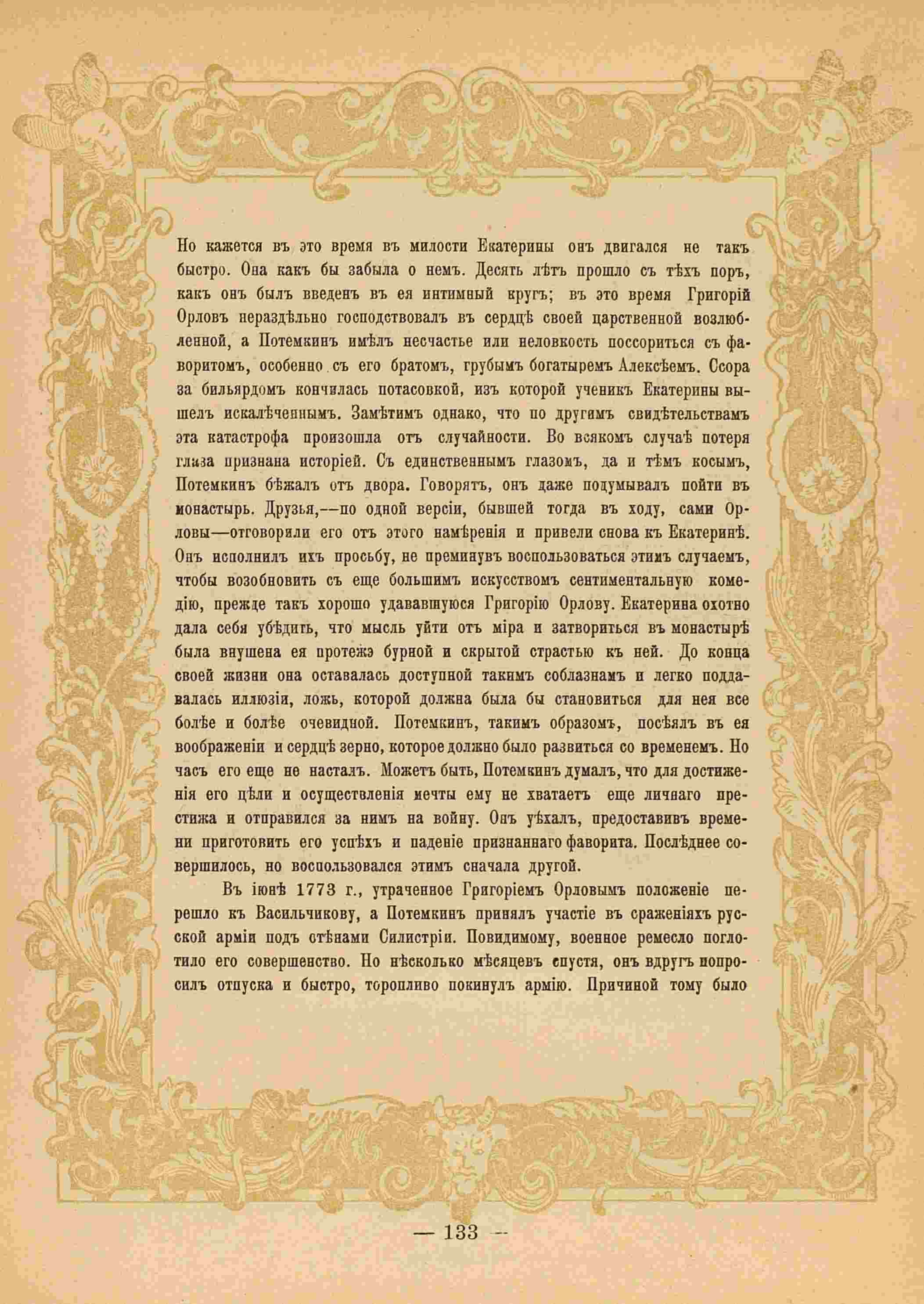
Въ списокѣ наградъ послѣ событія 12-го іюля, Потемкину былъ назначенъ чинъ корнета. Екатерина это вычеркнула и написала своей рукой „капитанъ-поручикъ“. Это было 1-го августа. Черезъ четыре мѣсяца Потемкинъ былъ уже камергеромъ и имѣлъ входъ ко двору. Что произошло въ это время? Это осталось тайной. По нѣкоторымъ свидѣтельствамъ Орловы вздумали, на свою голову, похвалить передъ Екатериной мелкіе таланты ихъ друга, въ которомъ они и не думали подозрѣвать соперника: на примѣръ, удивительный даръ подражанія, доставившій ему возможность передавать любой голось. Екатерина выразила любопытство, и *феноменъ*, приведенный во дворецъ, началъ съ того, что передразнилъ ея собственный голось такъ вѣрно, что она хохотала до слезъ. Съ этого дня онъ былъ допущенъ въ интимный кругъ государыни, что оправдывалось и званіемъ камергера. Онъ игралъ роль шута, а впоследствии показалъ, что можетъ исполнять разныя роли, между прочимъ и наименѣе почетныя.

Екатерина—это достоверно—уже въ то время принимала въ немъ участіе и выражала это довольно странно. Можно бы предположить, что она уже тогда подготовляла участь будущаго вице-императора. Позднѣе она любила называть его *своимъ ученикомъ*, и, дѣйствительно, въ это время заботилась о пополненіи образованія недокончившаго курсъ студента. Въ августѣ 1763 г., она, оставляя его на военной службѣ, причисляетъ къ одному изъ департаментовъ Сената, повелѣвая въ указѣ о немъ своимъ сенаторамъ познакомить молодого Потемкина со всѣми дѣлами. Въ слѣдующемъ сентябрѣ она составляетъ инструкцію, предназначенную для того, чтобы указать выбранному ею ученику лучшей способъ пріобрѣсти наибольшее количество познаній, необходимыхъ въ его новомъ положеніи. Она назначаетъ ему преподавателя французскаго языка де-Вомаль-де-Фажъ, дворянина изъ Виварэ, разстриженнаго монаха, служившаго при Дюплэ въ Пондишери и женившагося неизвѣстно на комъ. Впослѣдствіи онъ былъ секретаремъ фаворита. Прослуживъ у бывшаго своего ученика, сдѣлавшагося княземъ и всемогущимъ министромъ, двадцать три года, де-Вомаль возвратился во Францію и въ пятьдесятъ лѣтъ имѣлъ: „бодрыя ноги, хорошіе глаза, здоровье и веселость“. Потемкинъ впослѣдствіи имѣлъ всегда на своемъ „*basse cour*“, *)—какъ выражалась Екатерина,—уроженцевъ страны, къ которой онъ въ другихъ случаяхъ не питалъ большой симпатіи. Въ числѣ ихъ былъ врачъ Массо, съ которымъ князь никогда не разставался, адъютантъ, шевалье де-ла-Тессоньеръ, принесшій пользу французской дипломатіи, поэтъ Деста, имѣвшій доступъ въ Эрмитажъ, какъ сочинитель „*пословицъ*“. Потомъ Деста перешелъ на службу къ принцу Нассаускому и бѣжалъ во Францію во время революціи.

Не надо забывать, что въ ту минуту, когда Екатерина такъ сильно заботилась объ образованіи своего двадцати трехъ лѣтняго протежэ, фаворъ Григорія Орлова былъ въ апогеѣ. Когда началась турецкая война, Потемкинъ возвратился въ 1769 г. къ военной карьерѣ и быстро двинулся на этомъ пути: въ 1773 г., онъ былъ уже генераль-поручикомъ.

*) Птичій или задній дворъ.

Но кажется въ это время въ милости Екатерины онъ двигался не такъ быстро. Она какъ бы забыла о немъ. Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ введенъ въ ея интимный кругъ; въ это время Григорій Орловъ нераздѣльно господствовалъ въ сердцѣ своей царственной возлюбленной, а Потемкинъ имѣлъ несчастье или неловкость поспорить съ фаворитомъ, особенно съ его братомъ, грубымъ богатыремъ Алексѣемъ. Ссора за бильярдомъ кончилась потасовкой, изъ которой ученикъ Екатерины вышелъ искалѣченнымъ. Замѣтимъ однако, что по другимъ свидѣтельствамъ эта катастрофа произошла отъ случайности. Во всякомъ случаѣ потеря глаза признана исторіей. Съ единственнымъ глазомъ, да и тѣмъ косымъ, Потемкинъ бѣжалъ отъ двора. Говорятъ, онъ даже подумывалъ пойти въ монастырь. Друзья,—по одной версіи, бывшей тогда въ ходу, сами Орловы—отговорили его отъ этого намѣренія и привели снова къ Екатеринѣ. Онъ исполнилъ ихъ просьбу, не преминувъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы возобновить съ еще большимъ искусствомъ сентиментальную комедію, прежде такъ хорошо удававшуюся Григорію Орлову. Екатерина охотно дала себя убѣдить, что мысль уйти отъ міра и затвориться въ монастырѣ была внушена ея протѣжѣ бурной и скрытой страстью къ ней. До конца своей жизни она оставалась доступной такимъ соблазнамъ и легко поддавалась иллюзіи, ложь, которой должна была бы становиться для нея все болѣе и болѣе очевидной. Потемкинъ, такимъ образомъ, посѣялъ въ ея воображеніи и сердцѣ зерно, которое должно было развиться со временемъ. Но часъ его еще не насталъ. Можетъ быть, Потемкинъ думалъ, что для достиженія его цѣли и осуществленія мечты ему не хватаетъ еще личнаго престижа и отправился за нимъ на войну. Онъ уѣхалъ, предоставивъ времени приготовить его успѣхъ и паденіе признаннаго фаворита. Последнее совершилось, но воспользовался этимъ сначала другой.

Въ іюнѣ 1773 г., утраченное Григоріемъ Орловымъ положеніе перешло къ Васильчикову, а Потемкинъ принялъ участіе въ сраженіяхъ русской арміи подъ стѣнами Силистріи. Повидимому, военное ремесло поглотило его совершенство. Но нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ вдругъ попросилъ отпуска и быстро, торопливо покинулъ армію. Причиной тому было

событіе, рѣшившее его жизнь: онъ получилъ отъ Екатерины слѣдующее письмо:

„Господинъ генераль-поручикъ! Вы, я воображаю, такъ заняты видомъ Силистріи, что вамъ некогда читать письма. Я не знаю до сихъ поръ успѣшна ли была бомбардировка, но, несмотря на это, я увѣрена, что—что бы вы лично не предприняли, не можетъ быть приписано иной цѣли, какъ вашему горячему рвенію на благо мнѣ лично и дорогой родиной, которой вы съ любовью служите. Но, съ другой стороны, такъ какъ я желаю сохранить людей усердныхъ, храбрыхъ, умныхъ и дѣльныхъ, то прошу васъ безъ необходимости не подвергаться опасности. Прочтя это письмо, вы можетъ быть спросите, для чего оно написано; на это могу вамъ отвѣтить: чтобы вы имѣли увѣренность въ томъ, какъ я о васъ думаю, такъ же, какъ желаю вамъ добра“ *).

Потемкинъ ни у кого не спросилъ разъясненія тайны этого двусмысленнаго посланія. Лучше кого бы ни было онъ звалъ борьбу страстей и интригъ, въ которыхъ вращались колеблющаяся воля и тревожное сердце государыни, и сразу прочелъ въ этомъ письмѣ то, о чемъ она, по видимому, хотѣла, чтобы онъ догадался, то-есть: признаніе и призывъ. Въ январѣ 1774 г. онъ былъ въ Петербургѣ, подождалъ еще шесть недѣль, ощупывая почву, укрѣпляя свои шансы, и 27-го февраля рискнулъ завязать игру. Онъ написалъ императрицѣ письмо, въ которомъ просилъ милостиво назначить его генераль-адъютантомъ, „если она считала его услуги достойными“. На языкѣ того времени это значило требовать наследства красавца Орлова и Васильчикова. Черезъ три дня получился отвѣтъ—благосклонный; 20 марта Васильчиковъ отправился въ изгнаніе: богато одаренный онъ былъ посланъ въ Москву, и началось царство самаго могущественнаго изъ фаворитовъ.

---

*) „Русскій Архивъ“ 1878 г.

II.

Въ этотъ моментъ даже Гриммъ—по ея выраженію, *souffre doute* *)—не могъ не сдѣлать своему царственному другу легкаго упрека: онъ находилъ ея нравъ уже слишкомъ непостояннымъ.—„Почему?“—невозмутимо отвѣчала она; „держу пари, потому что я отдалилась отъ нѣкоего превосходнаго, но черезчуръ скучнаго господина, котораго немедленно замѣнилъ, сама ужъ, право, не знаю точно какъ, одинъ величайшій забавникъ, самый интересный чудакъ, какого только можно видѣть въ нашъ желѣзный вѣкъ“. Она была очень довольна своимъ новымъ пріобрѣтеніемъ. „Ахъ, что за хорошая голова у этого человѣка! Этотъ миръ—его дѣло болѣе, чѣмъ кого нибудь другого. (Кучукъ-Кайнарджійскій миръ съ Турціей, подписанный 14 іюля 1774 г.), и эта хорошая голова забавна, какъ дьяволь“. Она употребляла въ письмахъ къ новому фавориту самыя фамиллярно-нѣжныя выраженія. *Батенька, голубчикъ*, такъ и сыпались изъ подъ ея пера, даже въ дѣловыхъ письмахъ.

Свидѣтели этой перемѣны декорацій и этого новаго увлеченія не только не сочувствовали ему, но даже не могли объяснить его себѣ. Дюранъ удивлялся при видѣ генераль-адъютантскаго мундира на человѣкѣ, „поступки котораго скандализировали русскую армію и были посмѣшищемъ турокъ“. По его словамъ таинственный способъ фаворита входить въ покои его возлюбленной и выходить изъ нихъ служилъ поводомъ къ насмѣшкамъ и островамъ караула, смѣявшагося надъ „тайной, имѣющей двѣнадцать ежедневныхъ свидѣтелей“. Григорій Орловъ смотрѣлъ на него съ пренебреженіемъ. „Хотя у насъ есть общія дѣла“, восклицалъ онъ при всемъ дворѣ, обращаясь къ своему преемнику, „но не думайте, что мы

*) На кого возлагаются всѣ тяжести—мученикъ—козелъ отпущенія.

близнецы, и я не потерплю, чтобы вы носили мундиръ артиллеріи, въ которой я шефъ, а вы ровно ничего“. Дочь Кирилла Разумовскаго негодовала на то вниманіе, съ которымъ ея отецъ, прежній гетманъ, обращался съ пришельцемъ. „Я истинно страдаю, когда вижу такъ мало гордости“, писала она своему брату. „Какъ можно ухаживать за этимъ гадкимъ слѣпымъ, и для чего это?“ Одинъ только вчерашній фаворитъ, Васильчиковъ, не колебался признавать и ярко выражать превосходство своего соперника: „Положеніе Потемкина“,—говорилъ онъ своему другу, передавшему это потомъ французскому уполномоченному въ дѣлахъ,—„совсѣмъ иное, чѣмъ мое. Я былъ содержанкой. Такъ со мной и обращался. Мнѣ не позволяли ни съ кѣмъ видѣться и держали взаперти. Когда я о чемъ нибудь ходатайствовалъ, мнѣ не отвѣчали. Когда я просилъ чего нибудь для себя—тоже самое. Мнѣ хотѣлось авненскую звѣзду, я сказалъ объ этомъ императрицѣ: на другой день я нашелъ тридцать тысячъ въ своемъ карманѣ. Мнѣ всегда такимъ образомъ зажимали ротъ и отсылали въ мою комнату. А Потемкинъ, тотъ достигаетъ всего, чего хочетъ. Онъ диктуетъ свою волю, онъ „властитель“.

Съ послѣднимъ всѣ были согласны, удивляясь или негодуя на вліяніе новопривышаго „Циклопа“, какъ называлъ его Орловъ; но этого вліянія никто не отрицалъ. „Она отъ него безъ ума“, выражался въ разговорѣ съ Дюраномъ Елагинъ, „они должны очень любить другъ друга, такъ какъ вполне схожи между собой“. Онъ рассказывалъ, какъ Потемкинъ устроилъ свое назначеніе въ Совѣтъ. „Пріѣхавъ сюда, онъ сейчасъ же началъ говорить со мной о дѣлахъ съ откровенностью, удивившей меня. Онъ хулилъ все. Я воспользовался этимъ, чтобы передать ему то, о чемъ мы условились. Онъ слушалъ меня со вниманіемъ и отвѣтилъ: „Что же я могу сдѣлать. Я не членъ Совѣта“.—Почему же вы не сдѣлаетесь имъ?—Этого не желаютъ; но я заставлю“. Онъ рѣшился возобновить свою просьбу. Вѣроятно, воспослѣдовалъ отказъ, ибо въ воскресенье, сидя за столомъ около него и около императрицы, я замѣтилъ, что онъ не только не говорилъ съ ней, но и не отвѣчалъ на ея вопросы. Она была видимо внѣ себя, а мы сконфужены. Молчаніе прерывалось только

нѣсколькими словами шталмейстера (Нарышкина), которыя не могли оживить разговора. Выйдя изъ-за стола, императрица удалилась къ себѣ и вернулась съ красными глазами и разстроеннымъ видомъ. Въ понедѣльникъ она была гораздо веселѣе, а Потемкинъ въ тотъ же день былъ назначенъ членомъ Совѣта“.

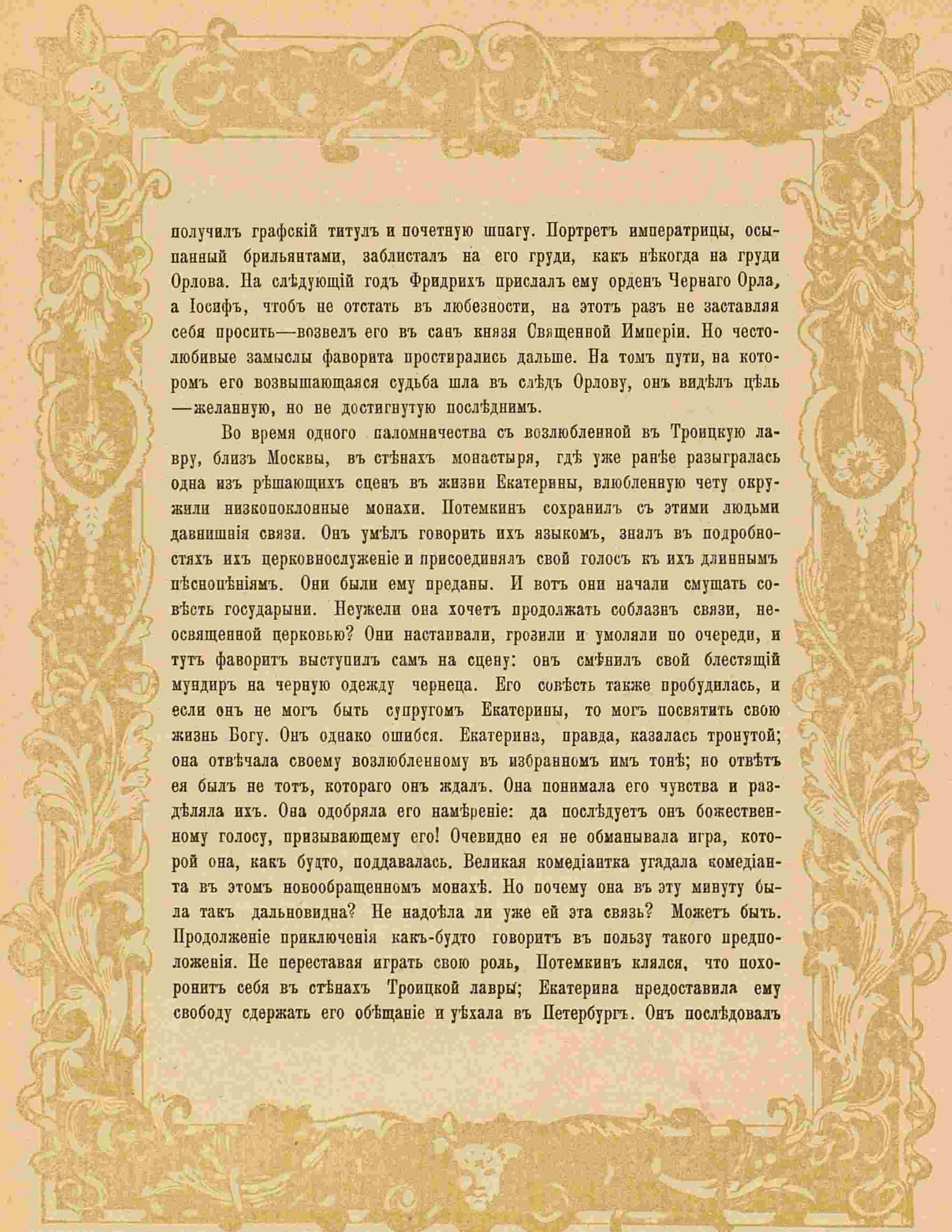
Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, и „Циклопъ“ дѣйствительно оказывается настоящимъ повелителемъ—всемогущимъ человѣкомъ, передъ которымъ стушевываются всѣ соперничества и склоняются всѣ головы, начиная съ Екатериной. Его поступленіе въ Совѣтъ было равносильно тому, что онъ сдѣлался первымъ министромъ. Онъ руководитъ внутренней и внѣшней политикой. Заставляетъ Чернышова уступить ему мѣсто председателя военной коллегіи, и Чернышовъ оставляетъ Петербургъ, велѣвъ прибить на дверяхъ своего дворца надпись: „продается или отдается въ наемъ“. Гордый и задорный Алексѣй Орловъ посылаетъ ему изъ Пизы самыя дружескія письма, а Григорій забылъ свое презрѣніе. Вѣроятно, въ это время произошла такъ часто передаваемая встрѣча двухъ соперниковъ на дворцовой лѣстницѣ:

— Что говорятъ при дворѣ?

— Ничего, развѣ только, что вы идете вверхъ, а я внизъ.

Что касается до Дюрана, то онъ теперь тщетно старался войти въ милость къ генералу, мундиръ котораго когда-то мозолилъ ему глаза. „Я бы желалъ“, пишетъ онъ графу де Верженнъ, войти въ нѣкоторую близость съ г-номъ Потемкинымъ, чтобы воспользоваться этимъ при случаѣ. Что я не дѣлалъ, чтобъ достигнуть этой цѣли! Г-нъ Браницкій, котораго я просилъ помочь мнѣ въ моихъ стараніяхъ, сказалъ мнѣ, наконецъ, что этотъ фаворитъ съ запоздалымъ воспитаніемъ и глупой наивностью боится быть разгаданнымъ, когда съ нимъ сблизится кто-нибудь изъ насъ. Онъ желаетъ говорить только на своемъ языкѣ, хочетъ видѣть около себя только заискивающихъ молодыхъ людей и играть съ ними большую игру“.

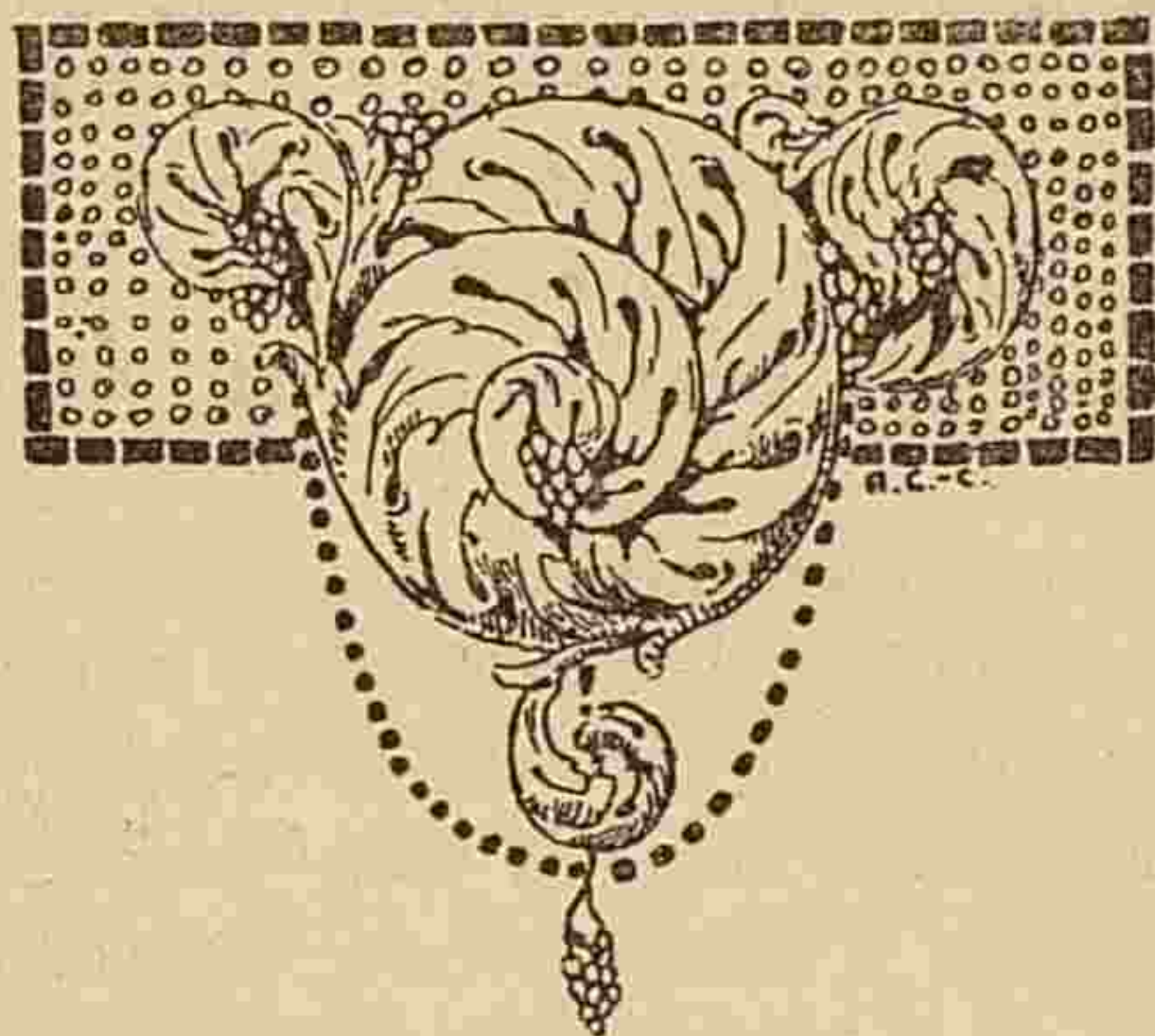
Это завоеваніе власти и положенія, такъ сказать, царскаго, продолжало утверждаться въ продолженіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ. Въ 1775 г. въ Москвѣ по случаю празднества заключенія мира съ Турціей фаворитъ

получилъ графскій титулъ и почетную шпагу. Портретъ императрицы, осыпанный брильянтами, заблесталъ на его груди, какъ нѣкогда на груди Орлова. На слѣдующій годъ Фридрихъ прислалъ ему орденъ Чернаго Орла, а Іосифъ, чтобъ не отстать въ любезности, на этотъ разъ не заставляя себя просить—возвелъ его въ санъ князя Священной Имперіи. Но честолюбивые замыслы фаворита простирались дальше. На томъ пути, на которомъ его возвышающаяся судьба шла въ слѣдъ Орлову, онъ видѣлъ цѣль—желанную, но не достигнутую послѣднимъ.

Во время одного паломничества съ возлюбленной въ Троицкую лавру, близъ Москвы, въ стѣнахъ монастыря, гдѣ уже ранѣе разыгралась одна изъ рѣшающихъ сценъ въ жизни Екатерины, влюбленную чету окружили низкопоклонные монахи. Потемкинъ сохранилъ съ этими людьми давнишнія связи. Онъ умѣлъ говорить ихъ языкомъ, зналъ въ подробностяхъ ихъ церковнослуженіе и присоединялъ свой голосъ къ ихъ длиннымъ пѣснопѣніямъ. Они были ему преданы. И вотъ они начали смущать совѣсть государыни. Неужели она хочетъ продолжать соблазнъ связи, неосвященной церковью? Они настаивали, грозили и умоляли по очереди, и тутъ фаворитъ выступилъ самъ на сцену: онъ смѣнилъ свой блестящій мундиръ на черную одежду чернеца. Его совѣсть также пробудилась, и если онъ не могъ быть супругомъ Екатерины, то могъ посвятить свою жизнь Богу. Онъ однако ошибся. Екатерина, правда, казалась тронутой; она отвѣчала своему возлюбленному въ избранномъ имъ тонѣ; но отвѣтъ ея былъ не тотъ, котораго онъ ждалъ. Она понимала его чувства и раздѣляла ихъ. Она одобряла его намѣреніе: да послѣдуетъ онъ божественному голосу, призывающему его! Очевидно ея не обманывала игра, которой она, какъ будто, поддавалась. Великая комедіантка угадала комедіанта въ этомъ новообращенномъ монахѣ. Но почему она въ эту минуту была такъ дальновидна? Не надоѣла ли уже ей эта связь? Можетъ быть. Продолженіе приключенія какъ-будто говоритъ въ пользу такого предположенія. Не переставая играть свою роль, Потемкинъ клялся, что похоронитъ себя въ стѣнахъ Троицкой лавры; Екатерина предоставила ему свободу сдержать его обѣщаніе и уѣхала въ Петербургъ. Онъ послѣдовалъ

за ней, но замѣтилъ, что очарованіе исчезло, что его голосъ, какъ бы онъ ни былъ нѣженъ или повелителенъ, не имѣлъ надъ нею прежней силы. А сметливые царедворцы уже показывали другъ другу на помѣщеннаго Румянцевымъ въ число служащихъ при государынѣ молодого, обворожительнаго секретаря, звѣзда котораго уже восходила.

III.

Въ Апрѣлѣ 1776 г. фаворитъ серьезно думаетъ отретироваться, но хочетъ сдѣлать это блестящимъ образомъ. Если вѣрить свѣдѣнiямъ, собраннымъ маркизомъ де Жюинье, новымъ посланникомъ въ Петербургѣ, онъ просилъ у императрицы, взаменъ того положенiя, котораго соглашался лишиться, трона Курляндiи, прибавляя, что смотритъ на этотъ постъ какъ на нѣчто временное, переходное къ трону Польши. На этотъ разъ воспоминанiя о Биронѣ и Понятовскомъ преслѣдовали воображенiе великаго честолюбца. Но Екатерина уже не была въ состоянiи раздавать троны. Она, впрочемъ, выучилась дешевле расплачиваться съ образами, *которые поблекли*. Въ ноябрѣ того же года произошелъ кризисъ. Какъ бы слѣдующему року, которому подпадали по очереди его предшественники и повторяя неосторожность, погубившую красавца Орлова, Потемкинъ взялъ отпускъ для ревизiи Новгородской губернiи. Это послужило сигналомъ: черезъ нѣсколько дней послѣ его отъѣзда, Завадовскiй водворился на его мѣстѣ.

Но здѣсь является превосходство человѣка, располагавшаго средствами, всесторонность которыхъ не могла быть оцѣнена ни окружающими Екатерину, ни ею самой, такъ какъ они не видѣли еще на дѣлѣ всей его изобрѣтательности и силы воли. На этотъ разъ Екатерина имѣла дѣло не со слабымъ духомъ, не съ темпераментомъ, истощеннымъ продолжительными наслажденiями, не съ героями, могущими еще улыбаться, на неудачу, но неспособными побѣдить ее. Отставленный Орловъ острилъ и забавлялъ публику; Потемкинъ рычалъ и пугалъ. Вернувшись въ Петербургъ, онъ явился властителемъ и приказывалъ. Хорошо, онъ покинетъ тотъ уголокъ дворца, гдѣ другой, въ его отсутствiи, какъ тать, осмѣлился занять его мѣсто: онъ имъ не дорожить; но онъ будетъ носить вѣчный трауръ

по той любви, которой такъ легко измѣнили и которая была такъ профанирована. Но, если вчерашній фаворитъ готовъ стушеваться передъ сегодняшнимъ, то слуга императрицы, князь, министръ и генералъ, поставленный ею у кормила правленія, не откажется отъ своихъ правъ въ пользу перваго встрѣчнаго молодого человѣка безъ прошлаго и безъ заслугъ. Онъ скорѣе сойдется съ Орловымъ, чтобы воспротивиться притязаніямъ минутныхъ любовниковъ, или предъявить противъ капризовъ государыни права, сильнѣйшія ея правъ. Развѣ не говорятъ, что эти еще могущественные и опасные пять братьевъ готовы защищать дѣло великаго князя Павла? Угроза можетъ быть и не серьезна. Но въ этотъ самый моментъ произошелъ романической и непріятной для Екатерины случай помолвки Григорія Орлова съ двоюродной сестрой. Прежній фаворитъ окончательно ускользаль изъ рукъ, и Екатерина испытала какое-то тревожное сознаніе одиночества. Новый фаворитъ не могъ ей быть опорой, а Потемкинъ умѣлъ угадывать ея тревоги и эксплуатировать ея страхи. Онъ еще болѣе волнуетъ ее; пугаетъ ее своими вспышками и дерзостью,—рыканіемъ освирипѣвшаго льва, готовностью все сокрушить вокругъ себя *) пока, наконецъ, она, покоренная, не спасается снова въ его мощныхъ объятіяхъ. Но не какъ любовница—онъ былъ болѣе ловокъ, чѣмъ отваженъ; онъ понималъ, что роль, въ которой дублировалъ его какой-нибудь Завадовскій, не могла болѣе быть его ролью; что нельзя насильно владѣть сердцемъ и темпераментомъ, безграничныя требованія и поразительную подвижность которыхъ онъ испыталъ на себѣ; что онъ много выиграетъ, и сохранивъ свободу и власть. Онъ не приметъ мѣста, занятаго послѣ него другимъ, но и не позволитъ остаться на немъ; онъ не будетъ болѣе любовникомъ, но онъ будетъ устройтеlemъ удовольствій, отъ которыхъ самъ отказался, создателемъ эфемерныхъ связей, которыя его престижъ и власть должны пережить, которыя должны быть ему подчинены. И его воля осуществилась.

*) Одинъ изъ слугъ Потемкина, бывшій ребенокъ и незамѣченный свидѣтель бурныхъ сценъ рассказываетъ о нихъ. *Русск. Архивъ* 1882 г.

Завадовскій исчезъ. Послѣ него въ золотой клѣткѣ близъ царскаго алькова появлялись незначительные красавцы, одинъ, другой, третій: Корсаковъ послѣ Зорича, а Ланской послѣ Корсанова,—все избранные Потемкинымъ, явленія блестящія, но скоропроходящія, существа безъ будущности. Онъ мановеніемъ руки призывалъ ихъ, а затѣмъ прогонялъ, и тщеславная мечта, лелѣемая удивительнымъ авантюристомъ подъ мрачными сводами Троицкой лавры, наполовину осуществилась. Въ продолженіе долгихъ лѣтъ, неразлучный товарищъ, непремѣнный совѣтникъ, повелитель, не всегда терпящій противорѣчія—онъ раздѣлитъ жизнь той, съ которой надѣялся раздѣлить тронъ, и въ дѣйствительности будетъ царствовать съ нею.

Цѣлая книга потребовалась бы, чтобы рассказать въ подробностяхъ эту самую странную, самую сложную главу изъ романа Екатерины. Мы постараемся по крайней мѣрѣ нарисовать, хотя эскизно, фізіономію дѣйствующаго лица, игравшаго въ ней роль.

IV.

Громаднаго роста, съ черными волосами и темной кожей, Потемкинъ не былъ красивъ. „Страшенъ на видъ и противенъ“, такъ говорилъ о немъ одинъ изъ его родственниковъ Березинъ, съ которымъ Тьэбо, авторъ извѣстныхъ мемуаровъ, бесѣдовалъ въ Берлинѣ. Мы знаемъ, что онъ былъ одноглазый и косою, но кромѣ того у него были кривыя ноги. Потому онъ не позаботился передать свой портретъ потомству. „Князя Потемкина,“—писала Екатерина Гримму,—„нельзя было уговорить снять портрета. „Если есть его портреты и силуэты, то они были сняты противъ его желанія“. Въ 1775 г. онъ уступилъ просьбамъ императрицы, и въ этомъ году былъ написанъ портретъ во весь ростъ, сохранившійся въ Маршальской залѣ Зимняго дворца въ Петербургѣ—официальный портретъ немѣлющій документальнаго значенія. Потемкинъ не отличался хорошими манерами. Третій параграфъ Эрмитажнаго устава: „Просятъ быть веселыми, но ничего не уничтожать, не разбивать и не кусаться“, направленъ по его адресу. У него веселіе было шумное, была привычка грызть ногти, чесаться въ волосахъ, которые онъ носилъ длинными и часто вклокоченными. Его случалось видѣть дома полу-голымъ, нечесаннымъ, грязнымъ, пожирающимъ свои пальцы. Любившій хорошо поѣсть и выпить, но одинаково поглощая какъ самыя грубыя, такъ и самыя деликатныя кушанья, онъ всегда имѣлъ подъ рукою, и даже на ночномъ столикѣ, нѣкоторое количество пирожковъ; а квасъ пилъ цѣлыми бутылками. Въ дорогѣ онъ питался чеснокомъ и чернымъ хлѣбомъ, но въ Петербургѣ, Кіевѣ и Яссахъ на его столѣ появлялись самыя изысканныя лакомства, собранныя со всего свѣта: устрицы и стерляди, провансальскія фиги и астраханскіе арбузы. Кромѣ случаевъ появленія при дворѣ, его обыкновенную одежду составлялъ широкій халатъ, который онъ не покидалъ даже, когда принималъ

дамъ и, въ поѣздкахъ по провинціямъ, при приѣмахъ и на официальныхъ обѣдахъ. Подъ этимъ домашнимъ костюмомъ онъ не носилъ даже нижняго бѣлья. Когда графъ Сюгеръ посѣтилъ Потемкина въ Петербургѣ, послѣдній принялъ посланника Христіаннѣйшаго короля лежа въ постели, и французскій дипломатъ не считалъ нужнымъ на это обидѣться. Правда, что фаворитъ не много болѣе стѣснялся и по отношенію къ Іосифу II. Ланжеронъ такъ рассказываетъ свою первую встрѣчу съ могущественнымъ человѣкомъ, къ которому онъ имѣлъ рекомендательное письмо отъ Екатерины и къ которому ѣздилъ въ Бендеры въ 1790 г.: „Князь Потемкинъ собирався ѣхать въ крымъ, чтобы произвести смотръ войскамъ; лошади были уже запряжены и конвой готовъ; но мнѣ сказали, что это не резонъ, чтобъ Потемкинъ уѣхалъ, и что иногда по цѣлому полугоду лошадей запрягаютъ въ его карету, а онъ не рѣшается уѣхать изъ дворца, гдѣ помѣстился случайно. Онъ жилъ въ бывшемъ домѣ паши. На большомъ дворѣ я увидалъ шестьсотъ офицеровъ, курьеровъ, ординарцевъ, а въ довольно тѣсныхъ сѣняхъ встрѣтилъ князя Редина, принца Вюртембергскаго и князя Долгорукова; всѣхъ генераловъ, полковниковъ и т. д. ожидавшихъ выхода князя, чтобъ предстать передъ его взоромъ. Они не смѣли даже подойти къ двери его комнаты. Мосье де Дама отвелъ меня къ нему; я увидалъ человѣка большого роста, всклокоченнаго, въ широчайшемъ халатѣ, мрачнаго и задумчиваго, сидѣвшаго у стола и подписывавшаго бумаги. Взявъ письмо, данное мнѣ къ нему императрицей, гдѣ она соблаговолила особенно рекомендовать меня, онъ едва пробѣжалъ его и не смотря на меня, сказалъ: „Хорошо, сударь; совѣтую вамъ пока побыть съ г. де Дама“. Такой приѣмъ удивилъ меня, но я былъ еще больше изумленъ, когда г. де Дама сказалъ, что князь принялъ меня очень хорошо. Впослѣдствіи я могъ убѣдиться въ справедливости его словъ.

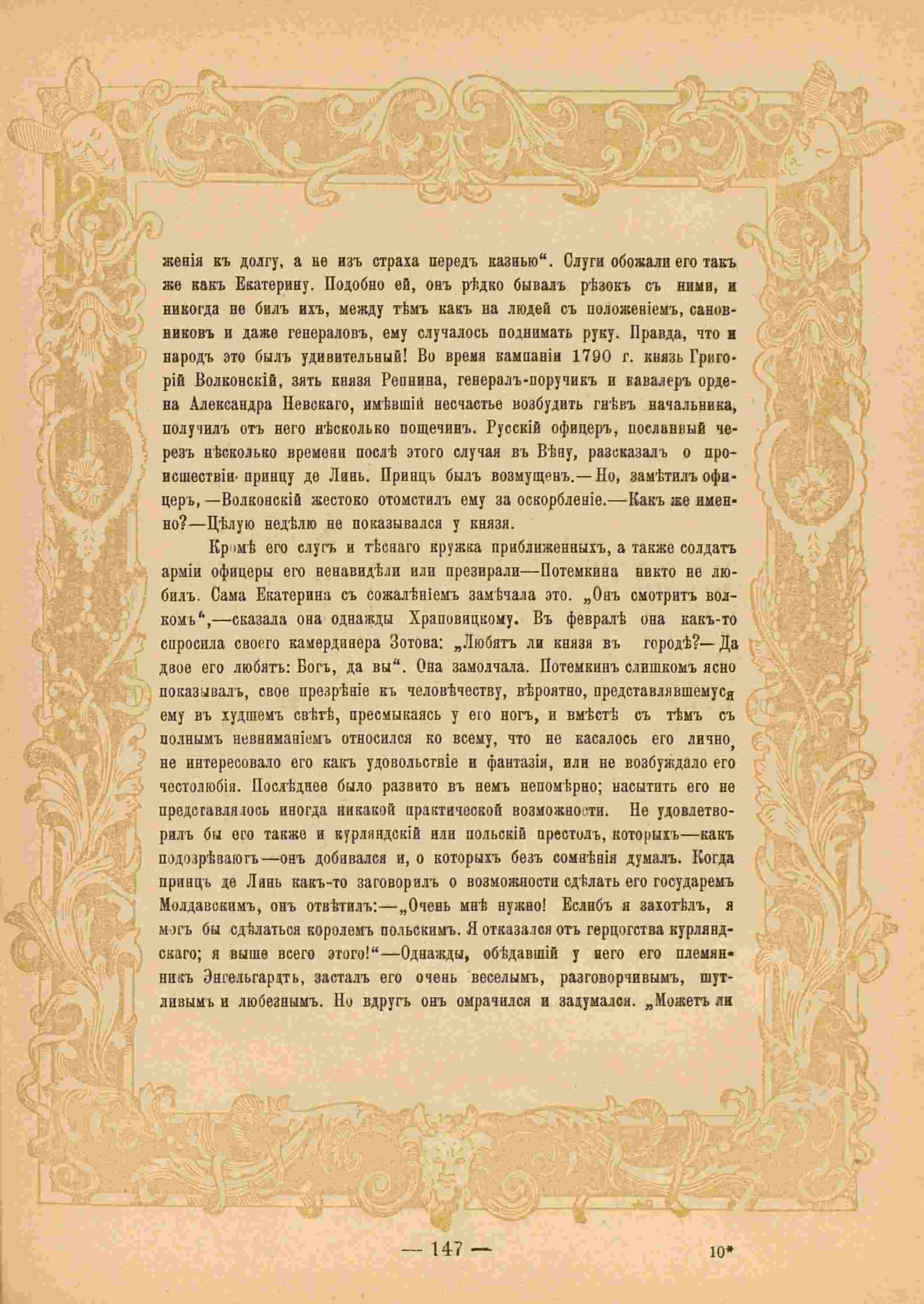
Тратя деньги безъ счета, онъ злоупотреблялъ самымъ невозможнымъ образомъ своей властью для увеличенія своихъ доходовъ; на примѣръ: устроивъ стеклянный заводъ въ одномъ изъ своихъ имѣній, онъ тотчасъ сталъ добиваться указа о запрещеніи ввоза иностраннаго стекла въ Россію, „что“, — по словамъ его довѣреннаго, Гарновскаго — „принесло больше

дохода, чѣмъ оброки съ пятидесяти тысячъ крестьянъ“. И несмотря на все это, фаворитъ еще дѣлалъ долги и рѣдко платилъ ихъ. Однажды въ Царскомъ онъ встрѣтилъ за столомъ императрицы одного изъ своихъ кредиторовъ, придворнаго часовщика Фази:—тоже своего рода особу и прѣзжавшаго во дворецъ, чтобъ заводить стѣнные часы ея величества, не иначе, какъ въ каретѣ четверней. Фази воспользовался случаемъ, чтобъ подсунуть подъ приборъ Потемкина записку, въ которой довольно рѣзко требовалъ уплаты счета. Князь, думавшій найти любовную записочку, взбѣсилъ и показалъ это. Императрица посмѣялась и вечеромъ весь долгъ—сумма въ четырнадцать тысячъ рублей—была доставлена часовщику мѣдной монетой, которая заняла двѣ комнаты его квартиры. Князь также былъ большой игрокъ: онъ часто проводилъ ночи за игрой въ банкъ и спалъ днемъ, когда ему приходила охота. Начальникъ его канцеляріи, Поповъ, такъ сказать, не вылѣзалъ изъ мундира, принужденный быть всегда съ утра до вечера, а главное, съ вечера до утра, готовымъ къ услугамъ начальника. Татаринъ по происхожденію, не одаренный особенными способностями и не образованный, этотъ чиновникъ былъ обязанъ фавору, которымъ пользовался, только своей необычайной выносливости. Онъ самъ любилъ игру и проводилъ часы досуга съ друзьями, помогавшими ему опустошать колпакъ, изъ котораго онъ пригоршнями бралъ золотые. Онъ имѣлъ, чѣмъ наполнять этотъ колпакъ: кромѣ подарковъ помѣстьями и деньгами, которыми осыпалъ его щедрый начальникъ, онъ управлялъ спеціальными фондами, состоявшими въ распоряженіи князя, а они представляли не маловажный бюджетъ: это, во первыхъ—суммы на *экстренныя* военныя издержки, которыя главнокомандующій императорской арміей всегда возилъ съ собой: восемь милліоновъ золотомъ и серебромъ; во первыхъ—доходы съ губерній Екатеринославской и Таврической: около двухъ милліоновъ; наконецъ,—двѣнадцать милліоновъ рублей, отпускаемыхъ ежегодно интендантской коллегіей—всего около пятидесяти пяти милліоновъ рублей.—Во вторую турецкую войну было отпущено пятьдесятъ пять милліоновъ рублей, для кассы арміи, которой командовалъ Потемкинъ. Отчетъ же, и очень поверхностный, Поповъ представилъ всего въ сорока одномъ милліонѣ. Остальными онъ распорядился по своему усмотрѣнію.

Поповъ не умѣлъ писать ни на какомъ языкѣ; но князь считалъ, что онъ самъ въ совершенствѣ владѣеть слогомъ, по крайней мѣрѣ, на русскомъ языкѣ. Для французской корреспонденціи онъ иногда пользовался услугами Массо, развлекавшаго его также въ минуты скуки. Князь любилъ шутниковъ и шутки и позволялъ много тѣмъ, кто заставлялъ его смѣяться. Массо, часто присоединявшій къ своей профессіи врача роль придворнаго шута, иногда злоупотреблялъ ею. Это былъ французъ, не любившій Франціи. Повидимому, у него были недоразумѣнія съ полиціей на родинѣ, и онъ не забылъ этого. Однажды, когда онъ далъ полную волю своей злобѣ, графъ де Сюгеръ, игравшій въ шахматы съ княземъ, прервалъ его, замѣтивъ, что проговоривъ такъ долго о своемъ прежнемъ отечествѣ, ему слѣдовало бы сказать что нибудь о новомъ. Потемкинъ нахмурился; но Массо не смутился и тотчасъ же импровизировалъ ѣдкую желчную тираду противъ честолюбивыхъ замысловъ и губительныхъ предпріятій, игрушкой которыхъ сдѣлалась Россія, закончивъ ее такъ: „А знаете ли, ради чего стремятся къ гибели, рѣшаются на такія сильныя кровопусканія и рискуютъ возстановить противъ себя, можетъ-быть, всю Европу? Чтобъ разсѣять скуку важнаго князя, присутствующаго здѣсь, и дать ему возможность прибавить Георгіевскій крестъ къ тридцати или сорока, пестрѣющимъ уже на его груди!“

Сегюръ расхохотался, свидѣтели тоже давились, чтобъ не послѣдовать его примѣру, а Потемкинъ, опрокинувъ столъ, швырнулъ шахматной доской въ голову Массо, который спасся только бѣгствомъ. Но на другой день объ инцидентѣ не было и помину.

Но былъ ли добръ въ самомъ дѣлѣ этотъ быстро вскипавшій и быстро прощавшій человѣкъ? Когда во время осады Очакова тотъ же Массо опасывалъ ему плачевное состояніе госпиталей, у него вырвалось жестокое слово: „Ну хорошо; раненыхъ больше не будетъ“. Впрочемъ, сохранилось его собственноручное письмо, въ которомъ онъ приказываетъ одному изъ своихъ управляющихъ срубить всѣ висѣлицы, которыя могли бы найтись въ имѣніяхъ, купленныхъ имъ у князя Любомирскаго, и объявить всѣмъ жителямъ, что впредь они должны исполнять волю его „изъ ува-

женія къ долгу, а не изъ страха передъ казнью“. Слуги обожали его такъ же какъ Екатерину. Подобно ей, онъ рѣдко бывалъ рѣзокъ съ ними, и никогда не билъ ихъ, между тѣмъ какъ на людей съ положеніемъ, сановниковъ и даже генераловъ, ему случалось поднимать руку. Правда, что и народъ это былъ удивительный! Во время кампаніи 1790 г. князь Григорій Волконскій, зять князя Репнина, генераль-поручикъ и кавалеръ ордена Александра Невскаго, имѣвшій несчастье возбудить гнѣвъ начальника, получилъ отъ него нѣсколько пощечинъ. Русскій офицеръ, посланный черезъ нѣсколько времени послѣ этого случая въ Вѣну, рассказалъ о происшествіи принцу де Линь. Принцъ былъ возмущенъ.—Но, замѣтилъ офицеръ,—Волконскій жестоко отомстилъ ему за оскорбленіе.—Какъ же именно?—Цѣлую недѣлю не показывался у князя.

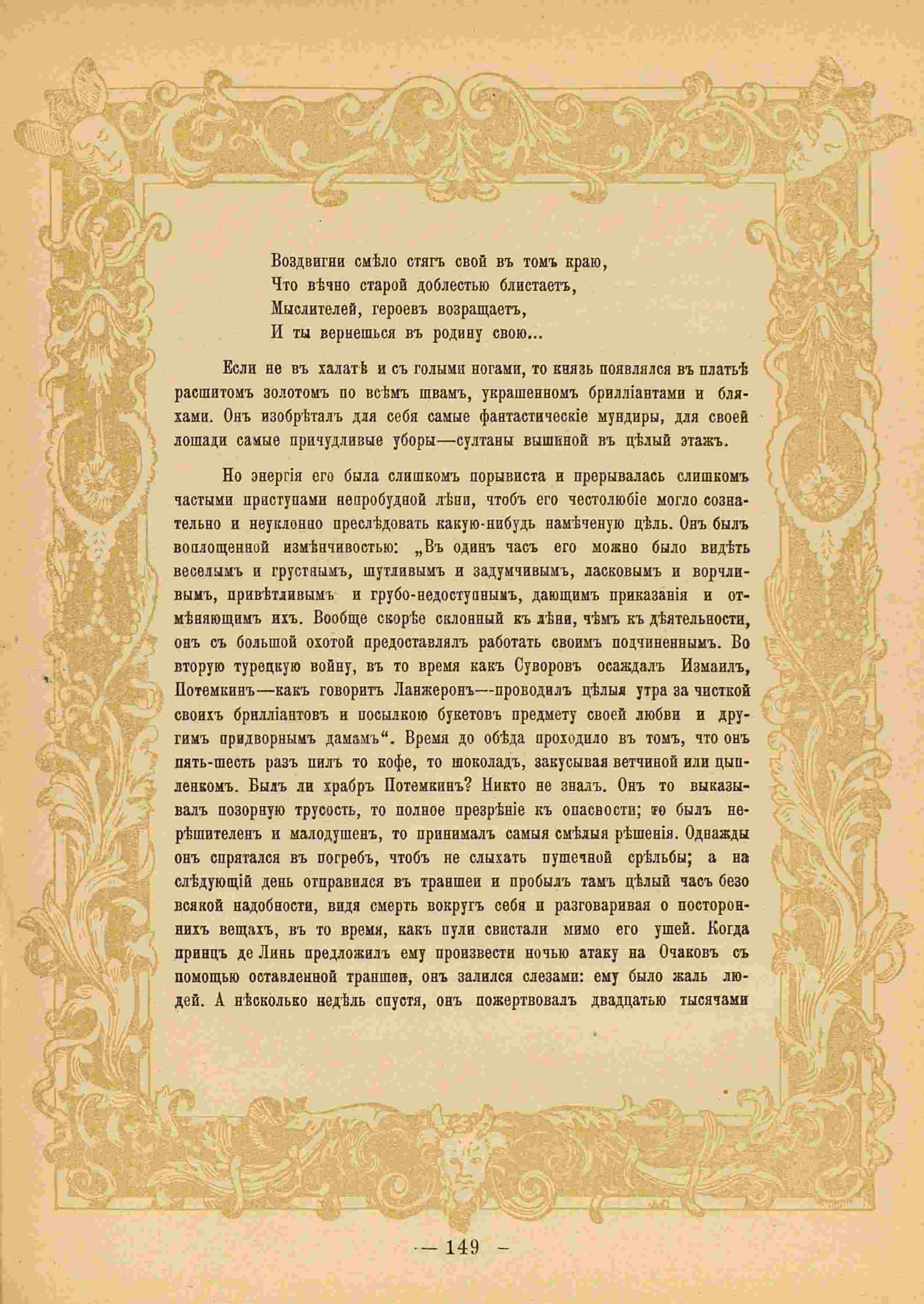
Кромѣ его слугъ и тѣснаго кружка приближенныхъ, а также солдатъ арміи офицеры его ненавидѣли или презирали—Потемкина никто не любилъ. Сама Екатерина съ сожалѣніемъ замѣчала это. „Онъ смотритъ волкомъ“,—сказала она однажды Храповицкому. Въ февралѣ она какъ-то спросила своего камердинера Зотова: „Любятъ ли князя въ городѣ?—Да двое его любятъ: Богъ, да вы“. Она замолчала. Потемкинъ слишкомъ ясно показывалъ, свое презрѣніе къ человѣчеству, вѣроятно, представлявшемуся ему въ худшемъ свѣтѣ, пресмыкаясь у его ногъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ полнымъ невниманіемъ относился ко всему, что не касалось его лично, не интересовало его какъ удовольствіе и фантазія, или не возбуждало его честолюбія. Послѣднее было развито въ немъ непомерно; насытить его не представлялось иногда никакой практической возможности. Не удовлетворилъ бы его также и курляндскій или польскій престолъ, которыхъ—какъ подозрѣваютъ—онъ добивался и, о которыхъ безъ сомнѣнія думалъ. Когда принцъ де Линь какъ-то заговорилъ о возможности сдѣлать его государемъ Молдавскимъ, онъ отвѣтилъ:—„Очень мнѣ нужно! Еслибъ я захотѣлъ, я могъ бы сдѣлаться королемъ польскимъ. Я отказался отъ герцогства курляндскаго; я выше всего этого!“—Однажды, обѣдавшій у него его племянникъ Энгельгардтъ, засталъ его очень веселымъ, разговорчивымъ, шутивнымъ и любезнымъ. Но вдругъ онъ омрачился и задумался. „Можетъ ли

быть человекъ счастливѣе меня?—спросилъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія.—Всѣ мои желанія, всѣ прихоти исполнялись какъ бы волшебствомъ. Я захотѣлъ занимать важныя должности—и занимаю ихъ; получить ордена—имѣю ихъ всѣ; любилъ игру—могъ проигрывать несмѣтныя суммы; любилъ устраивать праздники—давалъ роскошныя; любилъ покупать земли—ихъ у меня не счесть; любилъ строить дома—выстроилъ дворцы; любилъ драгоценныя вещи—ни у одного частнаго лица нѣтъ собранія такихъ рѣдкихъ и великолѣпныхъ. Однимъ словомъ чего бы мнѣ, кажется, еще желать?..“ Сказавъ это, онъ схватилъ со стола фарфоровую тарелку и швырнулъ ее о полъ, а затѣмъ убѣжалъ къ себѣ въ спальню и заперся тамъ.

Подобно всѣмъ своимъ соотечественникамъ, онъ вѣрилъ въ свою звѣзду. Въ маѣ 1788 г. при извѣстїи о первыхъ побѣдахъ, одержанныхъ надъ турками принцемъ Нассаускимъ, Потемкинъ бросился на шею принцу де Линь:—„Не очевидно-ли? Я баловень Божій!“ Нѣсколько дней спустя загорѣлся одинъ изъ кораблей флота, стоявшій по близости къ тому, на борту котораго находился Потемкинъ. „Корабль, подполковникъ, маіоръ и шестьдесятъ человекъ взлетѣли на воздухъ на нашихъ глазахъ“,—рассказываетъ тотъ же принцъ де Линь,—„и то же случилось бы со мной и съ княземъ, если бы „небо“—какъ онъ выразился съ упованїемъ и вѣрой—„не относилось особенно заботливо къ нему и не пеклось о немъ денно и нощно“.

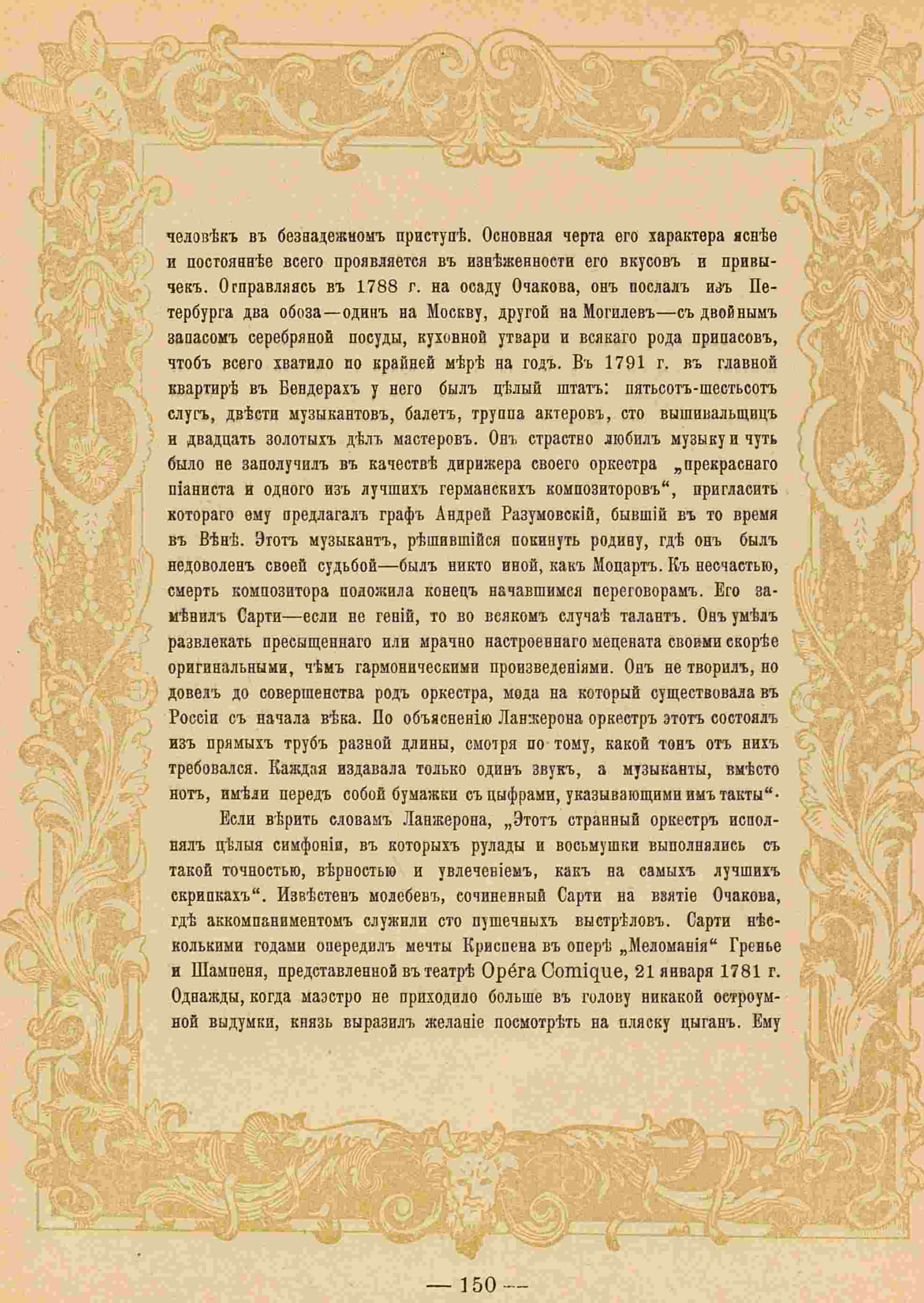
Однако, тщеславія въ Потемкинѣ было еще больше, чѣмъ настоящаго честолюбія. Его всегда окружала толпа придворныхъ, кадившихъ ему, воспѣвавшихъ ему хвалы въ русскихъ, греческихъ и латинскихъ стихахъ. Онъ благодарилъ стихотворцевъ крохами своего баснословнаго богатства, а ихъ продажная лесть давала ему нѣкоторую иллюзію величія, въ которое искренно вѣрилъ только онъ самъ. Въ 1878 г. Мехэ де-ла Тушь получилъ улыбку и нѣсколько золотыхъ за стихотвореніе, оканчивающееся остроумнымъ намекомъ на проектъ возстановленія греческой имперїи—эту мечту Екатерины, которую ея фаворитъ пытался осуществить:

Воздвигни смѣло стягъ свой въ томъ краю,
Что вѣчно старой доблестью блистаетъ,
Мыслителей, героевъ возвращаетъ,
И ты вернешься въ родину свою...

Если не въ халатѣ и съ голыми ногами, то князь появлялся въ платьѣ расшитомъ золотомъ по всѣмъ швамъ, украшенномъ брилліантами и бляхами. Онъ изобрѣталъ для себя самые фантастическіе мундиры, для своей лошади самые причудливые уборы—султаны вышиной въ цѣлый этажъ.

Но энергія его была слишкомъ порывиста и прерывалась слишкомъ частыми приступами непробудной лѣни, чтобъ его честолюбіе могло сознательно и неуклонно преслѣдовать какую-нибудь намѣченную цѣль. Онъ былъ воплощенной измѣнчивостью: „Въ одинъ часъ его можно было видѣть веселымъ и грустнымъ, шутливымъ и задумчивымъ, ласковымъ и ворчливымъ, привѣтливымъ и грубо-недоступнымъ, дающимъ приказанія и отмѣняющимъ ихъ. Вообще скорѣе склонный къ лѣни, чѣмъ къ дѣятельности, онъ съ большой охотой предоставлялъ работать своимъ подчиненнымъ. Во вторую турецкую войну, въ то время какъ Суворовъ осаждалъ Измаиль, Потемкинъ—какъ говоритъ Ланжеронъ—проводилъ цѣлыя утра за чисткой своихъ брилліантовъ и посылкою букетовъ предмету своей любви и другимъ придворнымъ дамамъ“. Время до обѣда проходило въ томъ, что онъ пять-шесть разъ пилъ то кофе, то шоколадъ, закусывая ветчиной или цыпленкомъ. Былъ ли храбръ Потемкинъ? Никто не зналъ. Онъ то выказывалъ позорную трусость, то полное презрѣніе къ опасности; то былъ нерѣшителенъ и малодушенъ, то принималъ самыя смѣлыя рѣшенія. Однажды онъ спрятался въ погребъ, чтобъ не слышать пушечной сръльбы; а на слѣдующій день отправился въ траншеи и пробылъ тамъ цѣлый часъ безо всякой надобности, видя смерть вокругъ себя и разговаривая о постороннихъ вещахъ, въ то время, какъ пули свистали мимо его ушей. Когда принцъ де Линь предложилъ ему произвести ночью атаку на Очаковъ съ помощью оставленной траншеи, онъ залился слезами: ему было жаль людей. А нѣсколько недѣль спустя, онъ пожертвовалъ двадцатью тысячами

человѣкъ въ безнадежномъ приступѣ. Основная черта его характера яснѣе и постояннѣе всего проявляется въ извѣженности его вкусовъ и привычекъ. Отправляясь въ 1788 г. на осаду Очакова, онъ послалъ изъ Петербурга два обоза—одинъ на Москву, другой на Могилевъ—съ двойнымъ запасомъ серебряной посуды, кухонной утвари и всякаго рода припасовъ, чтобъ всего хватило по крайней мѣрѣ на годъ. Въ 1791 г. въ главной квартирѣ въ Бендерахъ у него былъ цѣлый штатъ: пятьсотъ-шестьсотъ слугъ, двѣсти музыкантовъ, балетъ, труппа актеровъ, сто вышивальщицъ и двадцать золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Онъ страстно любилъ музыку и чуть было не заполучилъ въ качествѣ дирижера своего оркестра „прекраснаго піаниста и одного изъ лучшихъ германскихъ композиторовъ“, пригласить котораго ему предлагалъ графъ Андрей Разумовскій, бывшій въ то время въ Вѣнѣ. Этотъ музыкантъ, рѣшившійся покинуть родину, гдѣ онъ былъ недоволенъ своей судьбой—былъ никто иной, какъ Моцартъ. Къ несчастью, смерть композитора положила конецъ начавшимся переговорамъ. Его замѣнилъ Сарти—если не геній, то во всякомъ случаѣ талантъ. Онъ умѣлъ развлекать пресыщеннаго или мрачно настроеннаго мецената своими скорѣе оригинальными, чѣмъ гармоническими произведеніями. Онъ не творилъ, но довелъ до совершенства родъ оркестра, мода на который существовала въ Россіи съ начала вѣка. По объясненію Ланжерона оркестръ этотъ состоялъ изъ прямыхъ трубъ разной длины, смотря по тому, какой тонъ отъ нихъ требовался. Каждая издавала только одинъ звукъ, а музыканты, вмѣсто нотъ, имѣли передъ собой бумажки съ цифрами, указывающими имъ такты“.

Если вѣрить словамъ Ланжерона, „Этотъ странный оркестръ исполнялъ цѣлыя симфоніи, въ которыхъ рулады и восьмушки выполнялись съ такой точностью, вѣрностью и увлеченіемъ, какъ на самыхъ лучшихъ скрипкахъ“. Извѣстенъ молебень, сочиненный Сарти на взятіе Очакова, гдѣ аккомпаниментомъ служили сто пушечныхъ выстрѣловъ. Сарти нѣсколькими годами опередилъ мечты Криспена въ оперѣ „Меломанія“ Гренъе и Шампена, представленной въ театрѣ Opéra Comique, 21 января 1781 г. Однажды, когда маэстро не приходило больше въ голову никакой остроумной выдумки, князь выразилъ желаніе посмотрѣть на пляску цыганъ. Ему

говорили о двухъ молодыхъ людяхъ, служившихъ сержантами въ гвардейскомъ полку и отлично исполнявшихъ эти пляски. Князь узналъ, что они были произведены въ капитаны и находились въ одномъ изъ полковъ, квартировавшихъ на Кавказѣ. Немедленно былъ посланъ курьеръ и въ продолженіе двухъ недѣль оба офицера скакали на перекладныхъ, чтобъ плясать переодѣтыми мужикомъ и бабой передъ фаворитомъ. Когда это развлеченіе надоѣло ему, онъ отослалъ плясуновъ въ ихъ полкъ съ повышеніемъ въ маіоры. Вернувшись изъ дипломатической миссіи, задержавшей его за границей въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, Ланжеронъ нашелъ въ главной квартирѣ въ Бендерахъ неожиданное, какъ бы волшебное измѣненіе.

„Князь во время моего отсутствія велѣлъ уничтожить одну изъ залъ дома, гдѣ жилъ, и построилъ на томъ мѣстѣ кіоскъ, гдѣ были расточены богатства двухъ частей свѣта, чтобъ прельстить красавицу, которую онъ желалъ покорить. Золото и серебро сверкали, куда ни помотришь. На диванѣ, обитомъ розовой матеріей съ серебромъ, обрамленномъ серебряной бахромой и убраннымъ лентами и цвѣтами сидѣлъ князь въ изысканномъ домашнемъ туалетѣ рядомъ съ предметомъ своего поклоненія, среди нѣсколькихъ женщинъ, казавшихся еще красивѣе отъ своихъ уборовъ. А передъ нимъ курились духи въ золотыхъ курильницахъ. Середину комнаты занималъ ужинъ поданный на золотой посудѣ“.

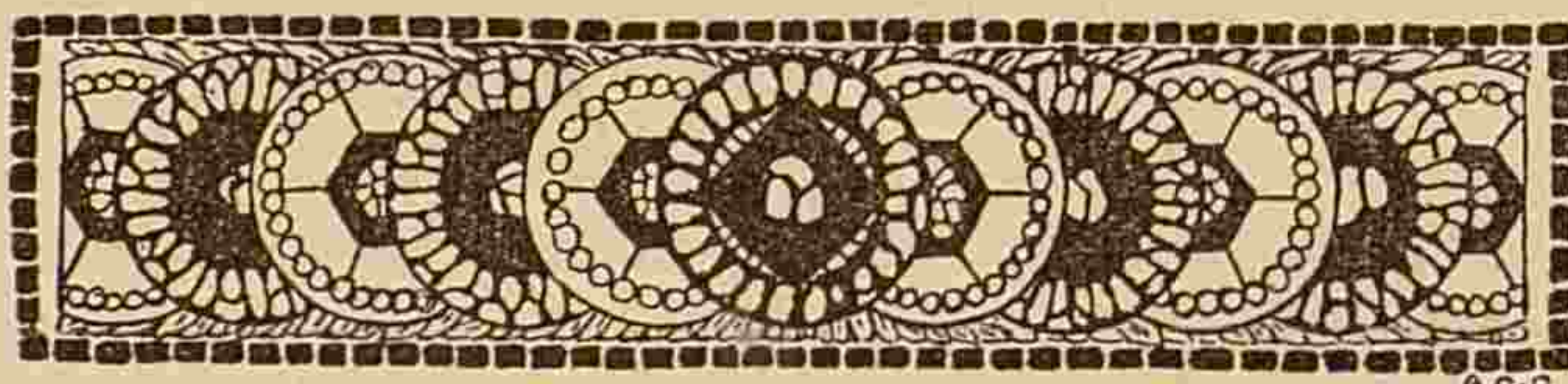
Красавица, за которой князь такъ ухаживалъ, была княгиня Долгорукая, жена одного изъ генераловъ, состоявшихъ въ распоряженіи князя. Ее звали Екатериной, и въ день своихъ именинъ она занимала за обѣдомъ въ честь императрицы мѣсто рядомъ съ хозяиномъ. За десертомъ присутствовавшихъ стали обносить чашей съ брилліантами, и хозяинъ пригласилъ дамъ вынимать камни. Когда княгиня удивилась, Потемкинъ шепнулъ ей: „Вѣдь я праздную ваши именины“. Другому предмету своей страсти—особенно непостоянной и капризной женщинѣ—знаменитой мадамъ де Виттъ, въслѣдствіи княгинѣ Потоцкой, „прекрасной фанаріоткѣ“, отвѣчавшей на вопросъ о здоровьѣ: „J'ai mal à mes beaux yeux *)“.

*) Мои прекрасные глаза болятъ.

онъ выказалъ свое обожаніе еще болѣе расточительнымъ способомъ. Что бы подарить ей драгоцѣнную шаль, онъ устроилъ праздникъ, на который пригласилъ двѣсти дамъ и разыгралъ при этомъ безпроигрышную лотерею, гдѣ каждый выигрышъ состоялъ изъ шалей одинаковой цѣнности.

Балы и ужины, которые чередовались въ то время, когда подчиненные Потемкина, Долгорукіе и Суворовы сражались съ непріятелемъ, давались часто въ подземныхъ залахъ, построенныхъ нарочно въ двѣ недѣли трудами двухъ гренадерскихъ полковъ, отнятыхъ на это время у генераловъ, боровшихся съ турками. Иногда повелителю приходила фантазія перенести главную квартиру своихъ удовольствій и любовныхъ похожденій къ одной изъ богинь, пользовавшихся въ данную минуту его поклоненіемъ. Даже безупречной графинѣ Головиной, урожденной княжнѣ Голицыной, которую удерживало въ лагерьѣ только пребываніе мужа въ арміи, приходилось подчиняться его фантазіи. „Туда“ „гдѣ онъ весь отдается любви, какъ настоящій султанъ въ своемъ гаремѣ, онъ допускаетъ только самыхъ избранныхъ,—разсказываетъ одинъ свидѣтель.— Помѣщеніе состоитъ изъ двухъ частей: въ первой играютъ въ карты мужчины, а во второй на диванѣ возсѣдаетъ князь... но онъ помѣщается такъ, что обращенъ спиной ко всѣмъ, кромѣ княгини Долгорукой, мѣсто которой у стѣны“.

И часто случалось, что онъ совершенно забывалъ о присутствіи другихъ красавицъ, на которыхъ временно не обращалъ вниманія.

V.

Человѣка подобнаго физическаго и нравственнаго облика можно считать только за крайняго любителя наслажденій. Что онъ представлялъ изъ себя въ умственномъ отношеніи? Это рѣшить не легко. Онъ не государственный мужъ. Уже одно полное отсутствіе порядка въ дѣйствіяхъ и послѣдовательности въ мысляхъ отнимаютъ у него права на это названіе. Онъ не имѣетъ никакого представленія о времени. Екатерина съ неудовольствіемъ замѣтила однажды, что онъ никогда не помѣчаетъ своихъ писемъ числомъ. Онъ думалъ отрывками и дѣйствовалъ также. Въ 1787 г., въ ту минуту, когда была готова разразиться вторая турецкая война и когда шли переговоры съ Портой, онъ, живя въ Крыму, былъ весьма плохо освѣдомленъ о ходѣ дипломатическихъ дѣлъ, да и мало заботился знать что-нибудь поближе. Какой то проходимецъ изъ Грузіи, явившись къ нему, сообщилъ о происходившемъ, стараясь доказать, что Порта не исполняетъ взятыхъ на себя обязательствъ. Немедленно, не давши себѣ труда провѣрить полученныя такимъ образомъ извѣстія, не поразмысливъ, не снесшись съ императрицей и ея послами и даже не извѣстивъ ее о своемъ рѣшеніи, онъ посылаетъ Булгакову, еще жившему въ Константинополь, приказаніе предъявить Портѣ ультиматумъ, повергшій всю Европу въ тревогу на два мѣсяца. Когда свѣдѣнія оказались ложными, пришлось съ униженіемъ взять свое требованіе назадъ *).

Англійскій посоль Робертъ Хеннингъ видѣлъ въ воспитанникѣ Екатерины человѣка, къ которому нельзя относиться серьезно. Иосифъ II, воспользовавшійся Потемкинымъ, чтобы побѣдить сопротивленіе императрицы австрійскому союзу, даже отдѣлившійся отъ императорскаго поѣзда въ

*) Сегюръ Монморену, 7 апрѣля 1787 (Архивъ иностр. дѣлъ).

Могилевъ, чтобы увидаться съ фаворитомъ, очень разочаровался въ немъ. Онъ писалъ матери: „За исключеніемъ его придворнаго вліянія, имъ можно воспользоваться только, чтобъ помѣшать чему либо въ данную минуту. Отъ него никогда не добиться чего-нибудь, что требуетъ системы, принциповъ, послѣдовательности и прилежанія; все это ему неизвѣстно“. Пять лѣтъ спустя, графъ де Сегюръ готовъ былъ раздѣлить это мнѣніе. Приглашенный, вскорѣ послѣ своего прибытія въ Петербургъ, къ князю, чтобъ познакомить его съ проектомъ одного коммерческаго учрежденія въ Херсонѣ, онъ явился въ назначенный часъ. Но въ это время, какъ онъ началъ читать свой докладъ, полный подробностей и цифръ, въ комнатѣ появились сначала священникъ, потомъ вышивальщикъ, затѣмъ секретарь, и, наконецъ, модистка—всѣ за приказаніями отъ князя, которыя и получали тутъ же. Сегюръ спѣшилъ закончить свое чтеніе, и когда по окончаніи его Потемкинъ спросилъ у него рукопись, онъ положилъ ее въ карманъ, сказавъ, что не понимаетъ такого отношенія къ дѣламъ и впредь будетъ обращаться къ президенту торговой коллегіи. Онъ такъ и сдѣлалъ. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ему опять пришлось удивляться: письмо изъ Херсона принесло ему благодарность отъ директора предполагаемаго учрежденія: Потемкинъ запомнилъ пунктъ за пунктомъ всѣ статьи докладной записки, которую, казалось, не слушалъ и, удовлетворивъ большинство изложенныхъ просьбъ, сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія.

Что же было въ этомъ человѣкѣ, въ которомъ мы наталкиваемся на такія неожиданности? „Геній, геній и геній!“ отвѣчаетъ намъ принцъ де-Линь. Но принцъ, де-Линь былъ человѣкомъ увлекающимся. У фаворита, безъ сомнѣнія взглядъ былъ довольно провицательный и вѣрный. Въ 1790 г., побуждая Екатерину къ энергическому дѣйствию, уговаривая ее отдать Молдавію Польшѣ, чтобы возстановить Республику противъ Порты, онъ говорилъ Екатеринѣ, когда та колебалась и спрашивала, что скажетъ Европа: „Во первыхъ я не знаю Европы: Франція потеряла голову, Австрія боится, а другіе—наши враги... Говорю вамъ, теперь самое время дѣйствовать смѣло!“ *).

*) Русскій Архивъ 1865.

Его умъ былъ такой же, какъ его тѣло—безформенный и неотесанный, кривой и косою; но объема и силы исключительныхъ. Онъ схватывалъ легко, запоминалъ быстро и твердо. Онъ почти ничего не читалъ, но запоминалъ все, что слышалъ и очень любилъ предлагать вопросы. Такимъ образомъ онъ зналъ очень много, учившись мало. Но его знаніе походило на ящики въ безпорядкѣ, или на энциклопедію съ перепутанными страницами. Онъ черпалъ изъ нихъ свои свѣдѣнія наудачу. Ему случалось прерывать политическіе разговоры цѣлой диссертацией о спорахъ церквей греческой и латинской; а однажды онъ задержалъ графа де Сегюра до пяти часовъ утра, объясняя ему сущность Никейскаго собора.

Съ точки зрѣнія внѣшней политики Потемкинъ, главнымъ образомъ, былъ фокусникомъ. Если есть опредѣленный планъ и великая идея, преслѣдуемые Россіей въ эту минуту, то они принадлежать не ему, а Екатеринѣ, или скорѣе традиціи, принятой и возобновленной ею смѣло и счастливо. Не Потемкинъ показалъ своей странѣ путь въ Константинополь. Но, чтобы идти по этому пути, онъ умѣлъ искусно жонглировать интересами и соперничествомъ европейскихъ державъ. Хотя онъ и не учился дипломатіи въ западной школѣ, однако его дипломатія, несмотря на кажущуюся неудовлетворительность чисто азіатскихъ приѣмовъ—была дипломатіей первоклассной. Въ 1785 г. ему хотѣлось успокоить опасенія французскаго кабинета; онъ тотчасъ нашелъ массу убѣдительныхъ доводовъ и высказалъ ихъ тономъ, въ которомъ звучало изумительное чистосердіе. „Онъ зналъ, что ему приписывали проектъ уничтоженія Оттоманской Имперіи и возведенія князя Константина на престолъ Греческой имперіи. Но люди, знакомые съ нимъ ближе, должны были бы предполагать въ немъ достаточно здраваго смысла, чтобы оцѣнить надлежащимъ образомъ подобную химеру. И, если даже Россія когда-либо задумала бы совершить такой переворотъ, конечно, она не была бы столь безумна, чтобы не посоветоваться съ Франціей. Прежде всего постарались бы сповориться съ ней. Но у Россіи и въ мысляхъ не было ничего подобнаго. Желали только мира, и онъ самъ (Потемкинъ) чувствовалъ, что это благо—самое необходимое для его отечества. Онъ не хотѣлъ и не совѣтовалъ ничего другого; это была его

единственная надежда!“ Такое заявленіе, однако же, не помѣшало ему заводить сношенія съ Англіей въ надеждѣ получить отъ нея по крайней мѣрѣ молчаливое согласіе на подобныя химерическіе планы. Онъ постоянно держалъ въ неизвѣстности пословъ ея британскаго величества, то какъ бы возбуждая ихъ довѣріе, то приводя въ отчаяніе—и то и другое на вполнѣ справедливомъ основаніи. Въ апрѣлѣ 1782 г., Харрисъ высказывалъ полную увѣренность, что Потемкинъ не другъ англичанамъ. Да и былъ ли онъ имъ когда-нибудь? Три мѣсяца спустя, когда фаворита предполагали на другомъ концѣ имперіи, сбитый съ толку дипломатъ получилъ однажды записку со слѣдующими строками, набросанными карандашомъ: „Да здравствуетъ Великобританія и Родней! Угадайте, кто вамъ пишетъ, любезный Харрисъ, и пріѣзжайте ко мнѣ немедленно“. Родней только что уничтожилъ въ Индіи флотъ адмирала Грасса, а Потемкинъ пріѣхалъ съ юга, проскакавъ тысячи верстъ въ шестнадцать сутокъ, спавши за все это время только три дня, вездѣ по дорогѣ производя смотры, принимая денутации, осматривая начатыя работы. При этомъ онъ еще останавливался по церквямъ, мимо которыхъ не могъ проѣхать, чтобы не зайти помолиться. Когда Харрисъ явился къ нему, Потемкинъ еще не успѣлъ переѣнить запыленного платья, но былъ свѣжъ, веселъ и не выказывалъ ни малѣйшей ни физической ни умственной усталости. Онъ тотчасъ же овладѣлъ своимъ собесѣдникомъ и, продержавъ его нѣсколько часовъ, отпустилъ, не выяснивъ ему ничего; но—какъ признавался самъ Харрисъ—„наиболѣ утомленнымъ изъ двухъ оказался посланникъ“.

Внутри имперіи, въ роли администратора, Потемкинъ является ловкимъ декораторомъ, уже тогда оправдывая сужденіе, высказанное впоследствии однимъ французскимъ посланникомъ о показности въ современной Россіи *): „Въ Россіи еще господствуетъ показная сторона“. Въ 1787 г. провожая императрицу въ Инкерманъ, гдѣ для нея былъ выстроенъ дворецъ, Потемкинъ устроилъ такъ, чтобы она не могла опредѣлить сразу положенія

*) Слова Леруа Болье, приведенныя у Скальковскаго въ его сочиненіи „Современная Россія“ (предисловіе, 2 изд.).

этого новаго для нея мѣста. Только въ концѣ параднаго обѣда большая занавѣсъ, закрывавшая половину залы, раздвинулась, и передъ императрицей и гостями открылась Севастопольская бухта, грѣ гремѣли залпы эскадры, также импровизированной. Дворецъ былъ выстроенъ изъ песку и скоро обрушился, а эскадра—изъ дерева и такъ же скоро сгнила; но эффектъ получился потрясающій.

Былъ ли Потемкинъ полководцемъ? Его поведеніе въ Бендерахъ можетъ служить достаточнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Какъ замѣчаетъ одинъ изъ издателей части его военной переписки *), онъ былъ первымъ изъ русскихъ главнокомандующихъ, направлявшихъ сложныя военныя дѣйствія на нѣсколькихъ театрахъ войны. Честь великая; но само по себѣ въ этомъ еще не заключается ничего, по чему можно бы опредѣлить значеніе полководца. Въ 1791 г. во время пребыванія генералиссимуса въ Петербургѣ, императрица вызвала уже извѣстнаго намъ Попова и спросила его: „Правда ли, что у васъ цѣлый эскадронъ курьеровъ отъ князя Репнина?—Да, съ десятокъ будетъ.—Почему вы не отправляете ихъ?—Нѣтъ приказанія“. Князь Рѣпинъ командовалъ въ это время на одномъ изъ театровъ военныхъ дѣйствій однимъ изъ корпусовъ, операціями котораго распоряжался Потемкинъ! Первая кампанія, совершенная фаворитомъ въ роли, порученной ему довѣрившейся Екатериной, разочаровала самыхъ убѣжденныхъ его поклонниковъ. „Моя личная дружба съ княземъ Потемкинымъ еще одинъ лишній мотивъ, чтобы принимать съ сожалѣніемъ все, что портитъ его репутацію“—писалъ въ это время графъ де-Сегюръ. „Но, по слышанному мною отъ принца де-Линя, принца Нассаускаго и другихъ офицеровъ, уже не приходится сомнѣваться, что только ему одному слѣдуетъ приписать медленность военныхъ дѣйствій. Геній въ своемъ кабинетѣ, въ лагерѣ онъ нерѣшителенъ и слабъ“. Критика нѣкоторыхъ изъ подчиненныхъ Потемкина, какъ напримѣръ, мужа прекрасной княгини, за которой Потемкинъ ухаживалъ такимъ своеобразнымъ способомъ, какъ мы видѣли, могла бы показаться подозрительной, если бы съ ними не схо-

---

*) Масловскій.

дился болѣе дальновидный и безпристрастный наблюдатель — Ланжеронъ. Князь потерялъ двадцать тысячъ человѣкъ и столько же лошадей подъ Очаковымъ, потому что замедлилъ приказать приступъ: онъ былъ занятъ — посылалъ майора Ланедорфа во Флоренцію, а подполковника Бауера въ Парижъ: перваго за духами, а втораго за драгоценностями для госпожи Потемкиной, одной изъ его племянницъ, занимавшей въ это время постъ любимой султанши. На Бауера, проводившаго всю свою жизнь въ поѣздкахъ, исполняя подобныя порученія, сочинили даже эпитафію:

Бауеръ здѣсь нашъ погребень!
Эй ямщикъ, впередъ махнемъ!

Для обозначенія главной квартиры главнокомандующаго говорили: „дворъ князя“, и, дѣйствительно, скорѣе то былъ дворъ, чѣмъ лагерь. Тутъ, кажется, налицо все, что было въ Европѣ элегантнаго, скорѣе, чѣмъ воинственнаго. Двѣсти хорошенькихъ женщинъ, которыхъ князь нашелъ возможнымъ собирать на своихъ праздникахъ, встрѣчали тамъ столько же блестящихъ кавалеровъ. Принцъ Нассау-Зигенъ танцевалъ визави съ графомъ Дама, пьемонтскіе дворяне, какъ де-Жерманіанъ, португальскіе — де-Фреріа и де-Памплонъ, испанскіе и австрійскіе, появлялись поочередно бокъ-о-бокъ съ чисто азіатскими элементами, „Съ цѣлымъ легиономъ киргизовъ, турокъ, черкесовъ, татаръ, съ лишеннымъ трона султаномъ, три года дежурившимъ въ передней князя, съ другимъ, сдѣлавшимся казацкимъ подполковникомъ, съ нашей-отступникомъ, македонскимъ инженеромъ, персидскими послами и т. д.“ Весь этотъ народъ съѣдалъ большую часть провіанта, предназначавшагося для арміи. Такъ какъ поставки обыкновенно отдавались мужу или протезѣ господствовавшей фаворитки, то результатъ получался такой, какой можно было предвидѣть: снисходительные мужья жирѣли, а армія умирала съ голоду.

Генералиссимусъ почти никогда не ѣздилъ верхомъ. Онъ выѣзжалъ не иначе, какъ въ каретѣ. Одинъ только разъ, какъ мы уже рассказывали, онъ отправился на траншеи, гдѣ около него убили Селетникова, который — придворный до самой смерти — умирая увѣрялъ, что онъ вовсе не жалѣетъ

о случившемся, и только умолялъ князя не подвергаться больше опасности. Князь вовсе и не намѣревался этого дѣлать. Обыкновенно, ужъ самая пушечная пальба такъ безпокоила его, что при первомъ залпѣ онъ отправлялъ посланнаго къ командиру артиллеріи, генералу Пистору, съ вопросомъ, почему стрѣляютъ. — „Скажите князю: потому, что русскіе воюютъ съ турками“, — отвѣчалъ выведенный изъ терпѣнія генералъ *).

Но самое неблагопріятное свидѣтельство для оцѣнки военнаго генія покорителя Крыма находится въ его собственной перепискѣ. Онъ почти комиченъ въ своихъ письмахъ, особенно въ началѣ кампаніи, когда, будто жалуется, что ему подмѣнили его турокъ: „Нѣтъ возможности подойти къ нимъ, чтобы они не выставили пушекъ въ линію; они научились не разставаться съ своей артиллеріей, самъ дьяволъ былъ ихъ учителемъ“. Онъ, вѣроятно, намекалъ такимъ образомъ на Францію, которую въ это время подозрѣвали въ томъ, что она доставляла инструкторовъ Портѣ. Приказы, отправляемые Потемкинымъ своимъ помощникамъ, бывали по временамъ наполнены мельчайшими подробностями, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ непремѣнно есть театральное; постоянно кажется, будто генералиссимусъ играетъ въ солдатики и ищетъ *эфектовъ*. Онъ часто говорилъ языкомъ, который ставили въ такой упрекъ одному изъ французскихъ генераловъ эпохи очень близкой къ намъ. На каждой строчкѣ у него встрѣчается: *Побѣда или смерть!* Замѣтьте, что этотъ гигантъ никогда не испытывалъ на своемъ тѣлѣ, что такое царапина, и если ему суждено было умереть отъ „трудова“, какъ снисходительно замѣтилъ одинъ изъ его біографовъ, то подъ этимъ слѣдуетъ подразумѣвать труды по устройству всякаго рода удовольствій и всевозможныя излишества; а вражескія пули тутъ не причемъ. Какъ тактикъ и стратегъ, Потемкинъ — полное ничтожество; ни о томъ, ни о другомъ искусствѣ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія; или скорѣе у него проглядывала приверженность къ

*) Воспоминанія князя Долгорукова въ „Русской Старинѣ“ т. XIII, Мемуары Ланжерона.

одной тактикѣ—весьма характерная черта для его оцѣнки—вѣра во всемогущество золота. Посылая въ октябрѣ 1787 г. Суворову поздравительное письмо по поводу блестящей защиты Кинбурна, онъ пишетъ: „Увѣрьте всѣхъ, что всѣ будутъ награждены мною по заслугамъ: солдатамъ, принимавшимъ участіе въ боѣ, вышлю по пяти рублей на человѣка“... И прибавляетъ: „Но прошу васъ не щадить тѣхъ, кто оказался недостойнымъ награды“.

Однако то, что онъ отправилъ Суворова и вначалѣ поддержалъ его, уже прибавляетъ кое-что въ его активу, какъ главнокомандующаго. Это побѣда его вѣрнаго взгляда и несомнѣннаго ума, позволившаго ему подняться выше мелочнаго соперничества и зависти. Въ декабрѣ 1790 г., взбѣшенный неудачными приступами Гудовича подъ Измаиломъ, онъ послалъ генералу-неудачнику слѣдующее письмо:

„Такъ какъ вы видѣли турокъ подъ Киліей вблизи только тогда, когда они сдались, посылаю вамъ въ Измаиль генерала Суворова, который научитъ васъ, какъ разсматривать ихъ поближе, чтобы судить о томъ, что они намѣрены сдѣлать“.

Въ то же время новому командующему арміей онъ далъ такую краткую инструкцію: „Взять Измаиль во что бы то ни стало!“

И Измаиль былъ взятъ черезъ нѣсколько дней.

А между тѣмъ надо признать, что человѣка, отдававшаго подобныя приказанія и, вообще, мало щадившаго солдатскую кровь и трудъ, солдаты любили. Можетъ быть, отчасти потому, что съ точки зрѣнія дисциплины, у него были понятія довольно расплывчатыя—какъ вообще весь его характеръ: что онъ терпѣлъ въ своей арміи нѣкоторую распушенность, проявлявшуюся постоянно и въ немъ самомъ. Но эта причина была не единственная. Онъ умѣлъ пріобрѣсти популярность; онъ зналъ тайну магическихъ словъ, пробѣгавшихъ по рядамъ, согрѣвая сердце и воспламеняя воображеніе. Видя солдатъ, поднимающихся изъ траншеи при его приближеніи, онъ говорилъ имъ: „Не стоитъ вставать передо мной; лучше постарайтесь не ложиться передъ турецкими пулями“. Онъ также былъ первымъ изъ русскихъ главнокомандующихъ, заботившимся—хотя бы и не по-

стоянно—о томъ, чтобъ солдату жилось лучше. Случалось иногда, что люди мерли у него съ голоду, но случалось также, что онъ справлялся, обуты ли они *). Прежде него никому до этого не было дѣла; послѣ него, даже Суворовъ не думалъ объ этомъ.

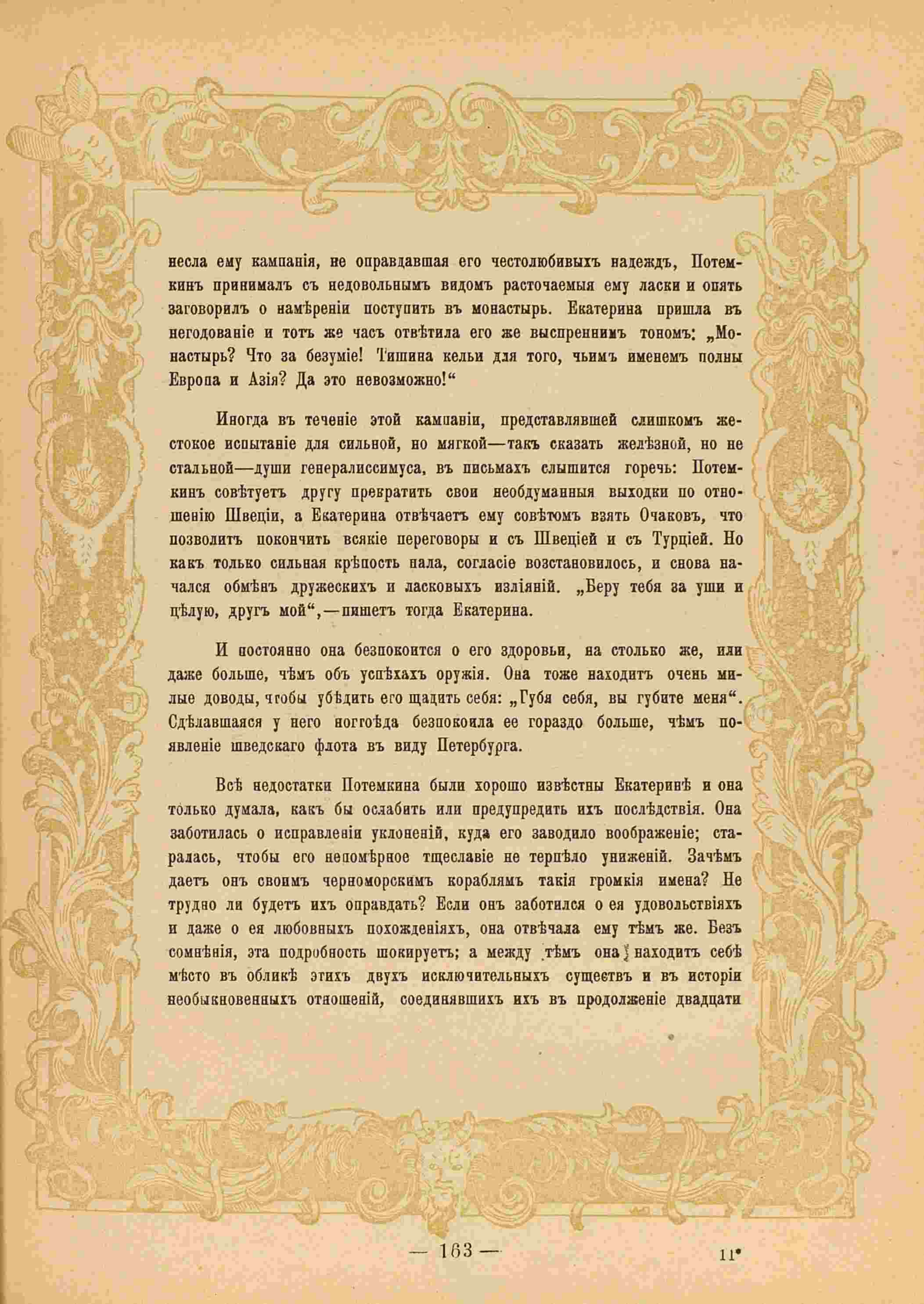
Наконецъ, во время кампаніи 1788—89 гг., вообще бывшей для него неудачнымъ дебютомъ, говоря съ однимъ изъ своихъ подчиненныхъ о трудностяхъ представлявшихся ему въ странѣ, гдѣ ровно нѣтъ ничего, онъ выразился, что „ему приходится дѣлать хлѣбъ изъ камня“. И исторія подтверждаетъ эти слова. У него былъ творческій геній. Создаваемое имъ часто заставляло желать многого; явился флотъ, выстроенный изъ сырого дерева; въ кавалеріи не было лошадей; провіантскіе магазины наполовину пустовали; но все это было, все жило, и окончательные результаты всѣхъ этихъ импровизацій, а также военныхъ операцій, направляемыхъ Потемкинымъ, немаловажны. Черное море, какъ ни какъ, было завоевано, и съ фамиліей человѣка, избраннаго Екатериной для этого дѣла связано было, по ся волѣ, имя завоеванной имъ страны. „Великій человѣкъ—большой человѣкъ“,—сказалъ о немъ на своемъ живописномъ языкѣ одинъ изъ его подчиненныхъ, наиболѣе способныхъ оцѣнить его достоинства.—„Онъ не похожъ на того французскаго посла въ Лондонѣ, про котораго Бэконъ говорилъ, по поводу его большого роста, что у него на „чердакѣ на счетъ мебелировки плохо“.

Да, можетъ быть „великій человѣкъ“, какъ выразился Суворовъ—воплощавшій, пожалуй, въ себѣ еще неразработанныя и дикія, беспорядочныя и неуравновѣшанныя, но все же гигантскія и могущественныя матеріальныя и нравственныя силы, таящіяся въ огромной имперіи, и умѣвшій заставить эти силы служить плодотворному генію великой государыни. Никто изъ окружавшихъ Екатерину, жившихъ около нея и повиновавшихся ей приказаніямъ, не умѣлъ лучше Потемкина понять ея умъ и характеръ, и никто не умѣлъ такъ использовать дремлющія силы многочисленнаго и могучаго народа, повиновавшагося ея законамъ.

*) См. приказъ его отъ 6 октября 1788 г. (Масловскій, стр., 241).

У Екатерины были фавориты, которыхъ она любила сильнѣе, нѣжнѣе или горячѣе. Но Потемкинъ не преувеличивалъ, увѣряя однажды свою царственную возлюбленную, что ее никто не любитъ такъ, какъ онъ. Если онъ и не думалъ серьезно идти въ монахи изъ-за нея, онъ, по крайней мѣрѣ, сдѣлался ради нея поэтомъ: поэтомъ на дѣлѣ въ этой колоссальной таврической фееріи, гдѣ онъ развернулъ передъ глазами императрицы изумительную панораму завоеваннаго и заселеннаго имъ края, и поэтомъ въ стихахъ. Ему приписываютъ хорошенькую пѣсенку—варіацію на тему о „червякѣ, влюбленномъ въ звѣзду“—„Какъ скоро я тебя видалъ, то думалъ только о тебѣ. Глаза твои меня плѣнили, и не рѣшался я тебѣ сказать, что сердце глубоко скрывало“. Даже его проза, когда она предназначалась для императрицы, часто принимала лирическій отгѣнокъ. Когда послѣ взятія Бендеръ, ему былъ присланъ императрицей лавровый вѣнокъ изъ брилліантовъ и изумрудовъ, онъ отвѣчалъ: „Милосерднѣйшая мать! Ты уже излила на меня всѣ щедроты; а я еще живъ! Но будь увѣрена, августѣйшая монархиня, что сія жизнь будетъ тебѣ жертвою всегда и вездѣ противъ враговъ твоихъ“. И Екатерина въ свою очередь—любовь сообщительна по своему существу—находила, отвѣчая ему, самые удачные и нѣжные обороты: „Нѣтъ ласки, другъ мой, которую я бы не хотѣла сказать тебѣ“,—писала она въ письмѣ, сопровождавшемъ лавровый вѣнокъ. Въ то же время она совѣтовала ему не возгордиться черезчуръ; и когда онъ нѣсколько обидѣлся этимъ, отвѣчала: „Вотъ что значитъ писать на тысячу верстъ разстоянія! Исполненная радостію душа моя только одного выразить желаетъ, чтобы вы избѣгнули единственной вещи, которая могла бы повредить величію вашей души. Узнайте въ этомъ одно только мое къ вамъ дружество. *) Письма, писанныя въ это время императрицей Потемкину, были полны подробностей о квартирѣ, которую она приготовляла и украшала къ его пріѣзду. Не забудемъ, что это былъ ноябрь 1789 г. и что Екатерина ждала и хотѣла принять уже не возлюбленнаго, но друга. Но, обезкураженный разочарованіями и неприяностями, которыя при-

*) Собственноручное письмо Екатерины Потемкину.

несла ему кампанія, не оправдавшая его честолюбивыхъ надеждъ, Потемкинъ принималъ съ недовольнымъ видомъ расточаемыя ему ласки и опять заговорилъ о намѣреніи поступить въ монастырь. Екатерина пришла въ негодованіе и тотъ же часъ отвѣтила его же выспреннымъ тономъ: „Монастырь? Что за безуміе! Тишина кельи для того, чѣмъ именемъ полны Европа и Азія? Да это невозможно!“

Иногда въ теченіе этой кампаніи, представлявшей слишкомъ жестокое испытаніе для сильной, но мягкой—такъ сказать желѣзной, но не стальной—души генералиссимуса, въ письмахъ слышится горечь: Потемкинъ совѣтуетъ другу превратить свои необдуманнныя выходки по отношенію Швеціи, а Екатерина отвѣчаетъ ему совѣтомъ взять Очаковъ, что позволить покончить всякіе переговоры и съ Швеціей и съ Турціей. Но какъ только сильная крѣпость пала, согласіе возстановилось, и снова начался обмѣнъ дружескихъ и ласковыхъ изліяній. „Беру тебя за уши и цѣлую, другъ мой“,—пишетъ тогда Екатерина.

И постоянно она беспокоится о его здоровьи, на столько же, или даже больше, чѣмъ объ успѣхахъ оружія. Она тоже находитъ очень милые доводы, чтобы убѣдить его щадить себя: „Губя себя, вы губите меня“. Сдѣлавшаяся у него ноггоѣда беспокоила ее гораздо больше, чѣмъ появленіе шведскаго флота въ виду Петербурга.

Всѣ недостатки Потемкина были хорошо извѣстны Екатеринѣ и она только думала, какъ бы ослабить или предупредить ихъ послѣдствія. Она заботилась о исправленіи уклоненій, куда его заводило воображеніе; старалась, чтобы его непомерное тщеславіе не терпѣло униженій. Зачѣмъ даетъ онъ своимъ черноморскимъ кораблямъ такія громкія имена? Не трудно ли будетъ ихъ оправдать? Если онъ заботился о ея удовольствіяхъ и даже о ея любовныхъ пожденіяхъ, она отвѣчала ему тѣмъ же. Безъ сомнѣнія, эта подробность шокируетъ; а между тѣмъ она находитъ себѣ мѣсто въ обликѣ этихъ двухъ исключительныхъ существъ и въ исторіи необыкновенныхъ отношеній, соединявшихъ ихъ въ продолженіе двадцати

лѣтъ,—даже тогда, когда уже порвалась болѣе нѣжная связь,—и помогавшихъ имъ управлять судьбами великаго государства руками, всегда и вопреки всему, крѣпко державшимися одна за другую. Мы не станемъ утверждать, чтобы въ этой исторіи не было многого предосудительнаго съ точки зрѣнія обыкновенной морали; но игравшіе въ ней роль стояли внѣ и выше всѣхъ законовъ и всѣхъ извѣстныхъ этикъ; а кромѣ того такъ высоко ихъ положеніе, если не характеръ, что они держатся на этой высотѣ и, желая низвести ихъ на обычный уровень, рискуешь поступиться истиной или, по крайней мѣрѣ, пожертвовать одной изъ подробностей столь же важныхъ для исторической правды. Было что-то благородное въ той постоянной чуткости, съ которой они всегда отзывались на радости и горести, испытываемыя каждымъ изъ нихъ, даже не раздѣляемыя, и иногда какъ бы составляющія оскорбленіе для ихъ прошлаго. Была даже нѣкоторая возвышенность въ ихъ равнодушіи къ мелкой подозрительности и обычнымъ уколамъ самолюбія, мимо которыхъ они проходили какъ бы не будучи задѣты ими. А главное, во всѣхъ ихъ отношеніяхъ видна была чистосердечная, глубокая и возвышенная дружба. Если все это такъ, и если ихъ значеніе одинъ для другого таково—то все это отъ того, что они любили другъ друга, какъ рѣдко кто, и что имъ, кажется, суждено было испытать на себѣ всѣ формы человѣческой страсти и чувства.

Сень-Жанъ, самый недоброжелательный изъ біографовъ фаворита и неблагодарный изъ его секретарей, рассказываетъ о спискѣ, въ который князь на основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ многочисленными клеветами, вносилъ фамиліи молодыхъ офицеровъ, обладавшихъ, повидимому, качествами, необходимыми, чтобы занять положеніе, которое онъ самъ занималъ въ продолженіе двухъ лѣтъ. Затѣмъ онъ заказывалъ портреты кандидатовъ и подъ видомъ продающихся картинъ предлагалъ на выборъ императрицѣ. Это возможно. Тотъ же авторъ сообщаетъ, будто князь однажды ночью посягалъ на добродѣтель одной изъ фрейлинь, дежурившихъ во дворцѣ, и преслѣдовалъ ее даже до комнаты, сосѣдней съ спальней императрицы. Последняя же, разбуженная криками красавицы, побранила ее, что она потревожила ее сонъ изъ-за *такого пустяка*. Анекдотъ мало

вѣроятнѣ *). Но вотъ собственноручная записка Екатерины къ своему бывшему возлюбленному во время его пребыванія въ Украинѣ въ концѣ 1788 г.

„Послушайте, голубчикъ, Варенька очень больна; если тому виновать вашъ отъѣздъ, напрасно: вы ее убьете, а я начинаю очень любить ее!“

Варенька—это Варвара Энгельгардтъ, одна изъ племянницъ Потемкина. Ихъ было пять сестеръ: Александра, Варвара, Надежда, Екатерина и Татьяна, всѣ фрейлины императрицы, а мать ихъ, родная сестра князя, была назначена статсъ-дамой. Всѣ племянницы были хорошенькія, и дяденька ухаживалъ за ними по очереди. Еще разъ, подходя къ этому человѣку и къ тому, что близко касается его, приходится забыть о морали. Онъ самъ былъ, повидимому, сыномъ двуженца. Его отецъ уже женатымъ, влюбился въ молоденькую, хорошенькую вдову, Дарью Скуратову, выдалъ себя за холостого и женился на ней. Узнавъ истину, Дарья добилась свиданія съ своей соперницей и уговорила ее поступить въ монастырь. Презрѣніе правилъ, склонность къ преступленію по страсти, кажутся наслѣдственными въ этой семьѣ; а, съ другой стороны, Потемкинъ, въ остальномъ такой равнодушный, является въ этомъ отношеніи утонченнымъ, любопытнымъ и виртуозомъ. Онъ не великій полководецъ и не великій государственный человѣкъ, но, безъ всякаго сомнѣнія, великій адептъ любви.

---

*) Во всякомъ случаѣ по меньшей мѣрѣ странно, что такой критикъ, какъ Генрихъ Фоссъ, предложилъ сдѣлать переводъ этой біографіи и согласился присоединить къ нему подписанное его именемъ письмо, гдѣ онъ съ величайшей похвалой отзывается о наборѣ подобныхъ анекдотовъ, по большей части невѣроятныхъ.

VI.

Повидимому, Варвара была первою изъ сестеръ, пользовавшеюся расположеніемъ Потемкина. Въ 1777 г., лежа въ постели в больной, онъ ждалъ минуты, когда удалится императрица, чтобъ написать племянницѣ записку, которую передавалъ черезъ Сёммерса, камердинера Екатерины. (Послѣдній не обмывалъ императрицу, потому что Потемкинъ въ это время числился фаворитомъ только по имени). Вотъ образчики такихъ записокъ *):

„Варенька, если люблю тебя безконечно, если душа моя только и живетъ тобой, цѣнишь ли ты это, по крайней мѣрѣ? Могу ли я, по крайней мѣрѣ, вѣрить тебѣ, когда ты обѣщала любить меня вѣчно. Люблю тебя, душа моя, до безконечности; я люблю тебя, какъ нивого не любилъ... Не удивляйся, что видишь меня иногда печальнымъ: бываютъ невольныя движенія души; я самъ знаю, что у меня къ тому нѣтъ причины, но я не могу приказывать себѣ. Прощай, мое божество. Цѣлую тебя, всю“.

„Мнѣ легче, милый другъ, и хотѣлось бы, чтобъ ты лучше переносила мое отсутствіе, чѣмъ я твое, и чтобъ твоя мысль перелетала ко мнѣ, какъ моя, которая всегда за тобой слѣдуетъ. Александръ Васильевнѣ лучше, но я, другъ мой, печаленъ и не могу быть иначе вдали отъ тебя. Ангель мой, Варенька, кто могъ бы любить тебя такъ? Другъ мой, дорогія мои губки, матушка, сокровище!.. Завтра пойду въ баню!.. Варенька, моя жизнь, красота, божество, скажи, что любишь меня, и этого будетъ достаточно, чтобъ вернуть мнѣ здоровье и веселость счастье, и миръ.“

*) Біографъ Потемкина въ Русск. Старинѣ XII, и XXXI „Языкъ любви сто лѣтъ назадъ“.

Душа моя, я полонъ тобой, да, весь полонъ, моя красота! Прощай, цѣлую тебя всю“...

„Красота, божественный ангель, тебѣ ли доказывать мнѣ, что ты достойна моей любви? Душа моя, моя нѣжная возлюбленная, твоя побѣда надо мной велика и навѣки. Если ты любишь меня, я счастливъ; а ты знаешь, какъ я люблю тебя—и желать большего нельзя. Другъ мой, я твой навсегда.

Варенька не остается въ долгу, что касается нѣжныхъ посланій:

„Любовь моя и жизнь! Я очень беспокоюсь о тебѣ. Ради Христа, извѣсти, лучше ли тебѣ. Я каждую минуту ждала вѣстей отъ тебя... и не получивъ, посылаю къ тебѣ... Ради Бога, жизнь моя, пиши мнѣ... Въ мысляхъ цѣлую тебя миллионъ разъ“.

Потомъ, когда здоровье вернулось, стали снова встрѣчаться; но вотъ еще оригинальная записка отъ дяди къ племянницѣ:

„Матушка, Варенька, душа моя, моя жизнь! Ты заспалась, дурочка, и ничего не помнишь. Я идучи отъ тебя, уложилъ тебя и расцѣловаль, накрылъ одѣяломъ и перекрестилъ“.

Но двадцатидвухлѣтняя Варенька оказалась существомъ непостояннымъ; въ слѣдующемъ году Екатерина освѣдомленная о любовной интригѣ и, какъ мы знаемъ, относившаяся къ ней снисходительно, уже совершенно напрасно приписывала грусть молодой особы отсутствію Потемкина. Въ это время Варенька была занята такимъ же молодымъ, какъ она, блестящимъ кавалеромъ, княземъ Голицынымъ, и уже до отъѣзда дяди, холодность къ нему смѣнила прежнюю нѣжность. Прибѣгая къ пріемамъ довольно обыкновеннымъ въ подобныхъ случаяхъ, Варенька предупредила своего возлюбленнаго, дѣлая видъ, что ревнуетъ его и что онъ самъ отдаляетъ ее отъ себя своей невѣрностью. Ей, впрочемъ, не трудно было сыграть роль: въ карманахъ дядинаго шлафрока хранилась не одна надушенная записочка, писанная не почеркомъ Вареньки, и между прочимъ слѣдующая, подписанная фамиліей дамы изъ самаго высшаго круга *):

*) Оригиналъ по-французски.

„Какъ вы провели ночь, мой милый? Желаю, чтобъ для васъ она была покойнѣе, чѣмъ для меня; я не могла глазъ сомкнуть. Не знаю, какъ это случилось, но мысль о васъ—единственная, которая меня воодушевляетъ. Однако, сказать вамъ: я недовольна вами. У васъ былъ такой разсѣянный видъ... Въ первый разъ, какъ вы были, удовольствіе видѣть меня выказывалось яснѣе... Я проѣхала мимо вашего дома и видѣла большое освѣщеніе. Вы, вѣроятно, сидѣли за картами. Еслибъ, милый князь, вы могли принести мнѣ эту жертву: не такъ предаваться игрѣ. Это только подрываетъ ваше здоровье. Сдѣлайте мнѣ это удовольствіе, мой милый другъ, покажите, что вы что-нибудь дѣлаете ради меня и не сидите, какъ теперь, до четырехъ-пяти часовъ утра... Завтра балъ у великаго князя; надѣюсь имѣть удовольствіе увидаться съ вами тамъ. Съ нетерпѣніемъ жду этого удовольствія; тамъ только я успокоюсь... Я только что проснулась, и мнѣ принесли цвѣты отъ васъ. Благодарю васъ за нихъ, мое сердце. Желаю вамъ быть здоровымъ, чтобъ я могла васъ видѣть веселымъ и счастливымъ, какъ видѣла во снѣ сегодня ночью. Вы были такъ любезны; казалось, любили меня отъ всей души. Прощайте, мой ангелъ: мужъ сейчасъ придетъ. А когда вы что-нибудь сдѣлаете для моего сына? Я бы желала, чтобъ онъ былъ въ вашемъ полку“.

Въ январѣ 1779 г. Варвара Энгельгардтъ стала княгиней Голицыной, и понятно, что „дядя“, самъ непостоянный, не сердился на измѣнницу. Скоро между ними установились прежнія отношенія, и снова началась переписка, гдѣ подъ перомъ Вареньки „дяденька“—„папочка“ смѣняются болѣе выразительными эпитетами, вродѣ „сокровище мое“ или „жизнь моя“.

Продолжительнѣе, а также серьезнѣе было чувство, сдѣлавшее черезъ нѣсколько лѣтъ, Александру Энгельгардтъ, вышедшую въ 1781 г. за графа Браницкаго,—наслѣдницей предпочтенія, которымъ пользовалась до того ее сестра. Говорятъ, что въ часъ смерти покорителя Крыма при немъ находилась одна изъ племянницъ, не ставшая для него ничѣмъ больше, и по уму и характеру бывшая, повидимому, женщиной незаурядной. Мы встрѣчаемъ ее среди довѣренныхъ Екатерины. Что касается про-

чихъ сестеръ, онѣ внушали только мимолетныя вспышки страсти и больше ничего не заслуживали. Одна изъ нихъ, вышедшая за Шепелева, вела себя до такой степени неприлично, что дядя прозвалъ ее „Безнадежной“. Мужъ ея, личность темная, получилъ, какъ рассказывали, ея руку въ благодарность за услугу, оказанную имъ фавориту, освободивъ его на дуэли отъ опаснаго противника: другого Голицына, отличившагося въ арміи и имѣвшаго роковое счастье привлечь вниманіе государыни.

Въ мартѣ 1784 г., французскій повѣренный въ дѣлахъ Кайэ сообщалъ изъ Петербурга графу де Верженнъ о скорой замѣнѣ російскаго посла въ Неаполь, Андрея Разумовскаго, графомъ Скавронскимъ, мужемъ одной изъ дѣвицъ Энгельгардтъ. Причина—желаніе, выраженное графиней Скавронской, провести зиму въ Италіи, куда хотѣлъ пріѣхать и дядюшка. Въ 1789 г. великаго триумфатора видѣла у своихъ ногъ родственница его по мужу, Прасковія Закревская, бывшая замужемъ за однимъ изъ Потемкиныхъ. И къ ней летѣли строки, полныя страсти и лиризма, въ связи, какъ всегда, съ наивностью и нѣкоторою вульгарностью:

...Пріѣзжай, сударушка поранѣе, о другъ мой. Утѣха моя и сокровище безцѣнное, ты даръ Божій для меня... Я тобою живъ, доказательства моей несравненной привязанности будутъ къ тебѣ непрерывны во всю мою жизнь. Матушка голубушка, дай мнѣ веселиться зрѣніемъ тебя, дай полюбоваться на красоту лица и души твоего... Цѣлую отъ души ручки и ножки твои прекрасныя, моя радость“.

„Сударка моя. Я тебѣ истинно говорю, что тогда только существую, какъ вижу тебя, а мысля о тебѣ заочно, тѣмъ только покоенъ. Ты не думай, чтобъ сему одна лишь красота твоя была побужденіемъ или бы страсть моя къ тебѣ возбуждалась обыкновеннымъ пламенемъ. Нѣтъ, душа, она слѣдствіемъ прилежнаго испытанія твоего сердца, и отъ такой силы и нѣкоторой сродной склонности, что симпатією называютъ. Разсматривая тебя, я нашель въ тебѣ ангела, изображающаго мою душу. Итакъ ты—я, ты не раздѣльна со мною. Я веселъ, когда ты весела, сытъ, когда сыта ты.

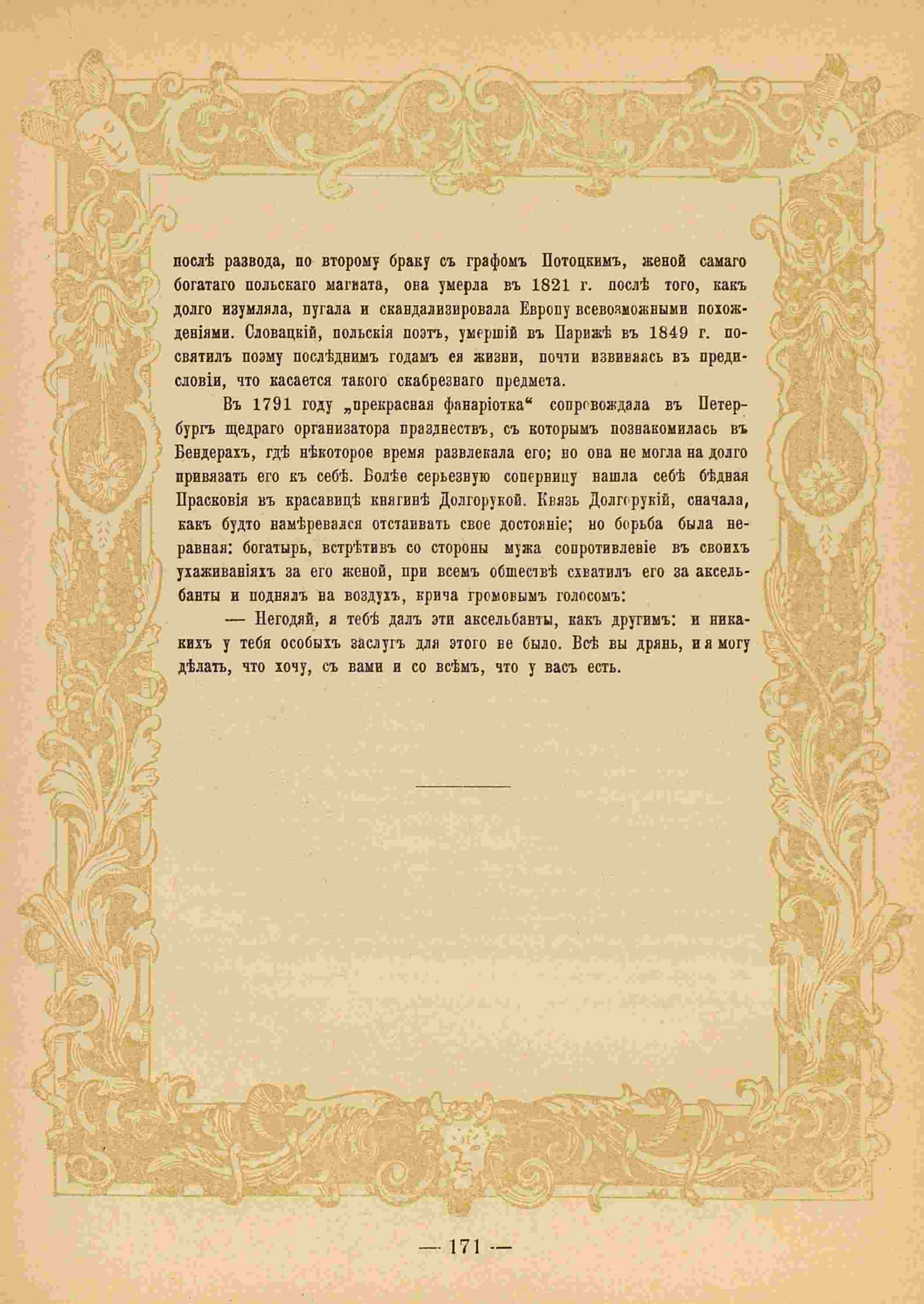
Я вездѣ слѣдую за тобой, даже на тѣхъ качеляхъ, на которыхъ ты

забавляешься, качаясь, только тогда больно мнѣ, когда качаешься слишкомъ высоко. Дурочка моя умненькая, ношу тебя въ сердцѣ своемъ“ *).

Получала ли когда-нибудь Екатерина отъ своего фаворита подобныя оригинальныя посланія? Это неизвѣстно, но именно неопредѣленность въ этомъ отношеніи придаетъ приведеннымъ отрывкамъ изъ переписки историческое и документальное значеніе для занимающаго насъ вопроса. Если побѣдитель Тавриды никогда *не писалъ* такъ Екатеринѣ, то, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ такъ *говорить* съ ней въ тѣ короткіе часы, которыхъ оказалось достаточно, чтобъ привязать этихъ людей другъ къ другу навсегда, чтобы создать то обаяніе, силу котораго Екатерина испытывала до послѣдняго дня.

Прасковія Потемкина надолго пережила своего возлюбленнаго и окончила жизнь въ самой строгой набожности. Ей скоро пришлось убѣдиться въ ненадежности наслажденій и радостей земной жизни, потому что уже въ 1790 г. прихоть самаго непостояннаго изъ мужчинъ дала ей двухъ соперницъ. Одна изъ нихъ была мадамъ де Виттъ. Родившаяся въ 1761 г. въ Мондани, деревнѣ въ окрестностяхъ Константинополя, *прекрасная фанариотка* начала въ пятнадцать лѣтъ свое поприще рабыней, купленной за нѣсколько піастровъ посломъ польскаго короля при Портѣ, Боскамомъ—французомъ, прижившимся на берегахъ Вислы. Отправившись вскорѣ послѣ того въ Варшаву, Боскамъ узналъ, что уже не вернется на свой постъ, и поручилъ одному изъ своихъ конюховъ привезти Софію, вмѣстѣ съ прислугой и вещами, оставленными въ Константинополь. Но, по дорогѣ конюхъ отказался везти пассажирку дальше: съ ней не было никакого сладу, и онъ не могъ довести ее до мѣста назначенія. Боскамъ не сталъ настаивать и приказалъ оставить ее въ Яссахъ. Изъ Яссъ Софія добралась до Каменца, на польской территоріи, гдѣ въ нее влюбился и женился на ней комендантъ крѣпости, полковникъ де Виттъ. Она появилась въ Варшавѣ, гдѣ скружила всѣ головы, а въ 1781 г. принцесса Нассауская отвезла ее въ Парижъ, гдѣ ея красота вызвала сенсацію. Сдѣлавшись,

*) „Языкъ любви сто лѣтъ назадъ“.

послѣ развода, по второму браку съ графомъ Потоцкимъ, женой самаго богатаго польскаго магната, она умерла въ 1821 г. послѣ того, какъ долго изумляла, пугала и скандализировала Европу всевозможными похождениями. Словацкій, польскія поэтъ, умершій въ Парижѣ въ 1849 г. посвятилъ поэму послѣднимъ годамъ ея жизни, почти извиваясь въ предисловіи, что касается такого скабрязнаго предмета.

Въ 1791 году „прекрасная фанаріотка“ сопровождала въ Петербургъ щедрого организатора празднествъ, съ которымъ познакомилась въ Бендерахъ, гдѣ нѣкоторое время развлекала его; но она не могла на долго привязать его къ себѣ. Болѣе серьезную соперницу нашла себѣ бѣдная Прасковія въ красавицѣ княгинѣ Долгорукой. Князь Долгорукій, сначала, какъ будто намѣревался отстаивать свое достояніе; но борьба была неравная: богатырь, встрѣтивъ со стороны мужа сопротивленіе въ своихъ ухаживаніяхъ за его женой, при всемъ обществѣ схватилъ его за аксельбанты и поднялъ на воздухъ, крича громовымъ голосомъ:

— Негодяй, я тебѣ далъ эти аксельбанты, какъ другимъ: и никакихъ у тебя особыхъ заслугъ для этого не было. Всѣ вы дрянъ, и я могу дѣлать, что хочу, съ вами и со всѣмъ, что у васъ есть.

VII.

Мы рассказали въ другомъ мѣстѣ*) о закатѣ блестящей карьеры, главные эпизоды которой передали; мы указали какъ начался фаворъ и съ какими соперниками Потемкину, въ свою очередь, пришлось повстрѣчаться.

Весной 1791 года, когда Петербургъ снова увидѣлъ побѣдителя Измаила и Очакова, это былъ послѣдній лучъ исчезающаго свѣтила. „По виду князя, фельдмаршала Потемкина“, писала въ это время Екатерина принцу де-Линь, „можно подумать, что побѣды и успѣхи украшаютъ. Онъ вернулся изъ арміи прекраснымъ, какъ день, веселымъ какъ птица, блестящимъ какъ свѣтило, остроумнѣе, чѣмъ когда-либо; не грызетъ ногтей и даетъ пиры одинъ блестящѣе другаго“. Одно изъ этихъ празднествъ, на которое, вѣроятно, особенно намекаетъ государыня, имѣло цѣлью нанести ударъ начинающемуся вліянію Зубова, не бывшаго ставленникомъ распорядителя царскихъ фантазій, но его врагомъ. Вся роскошь, привычная для князя, все волшебство, которымъ онъ умѣлъ окружать себя, были превзойдены въ этотъ день. Не какъ государыня, а какъ богиня была встрѣчена Екатерина въ Таврическомъ дворцѣ, нынѣ ветхомъ и пустыннымъ. Въ то же время все было рассчитано, чтобъ поразить воображеніе императрицы и открыть ей глаза на ту ошибку, которую она собиралась совершить. Великолѣпныя Гобеленовскія ткани развертывали передъ ней наводящую на размышленія исторію Амана и Мардохея, а хоры стихами Державина, муза котораго, принадлежавшая уже новому фавориту, на сей разъ измѣнила ему, поясняли эти изображенія.‡

Напрасное стараніе; на другой день Екатерина показала видъ, будто

*) См. Романъ императрицы, стр. 566.

приняла этот волшебный праздник за прощальный вечер. Она притворилась, что считает необходимымъ присутствие Потемкина на югѣ, гдѣ оно было совершенно ненужно. Онъ покорился, уѣхалъ и пошелъ на встрѣчу смерти. Однако, по довольно распространенному мнѣнію, онъ оставилъ въ Петербургѣ не друга, забывавшаго его на половину, но супругу, измѣнившую своимъ обязанностямъ. Но предположеніе, что прежній фаворитъ въ эту минуту сломилъ постоянное противодѣйствіе Екатерины и тайно повѣнчался съ нею передъ отъѣздомъ, встрѣчаетъ много противорѣчій. Изъ одного письма Безбородко къ Семену Воронцову видно, что въ это время князю приписывали желаніе жениться на Маріи Нарышкиной, одной изъ женскихъ знаменитостей царствованія Екатерины, за которой Потемкинъ видимо ухаживалъ. Правда, что въ этомъ видѣли также комедію, условленную съ государыней, чтобы скрыть передъ общественнымъ мнѣніемъ совершающееся событіе. Замѣтимъ, что очень серьезное свидѣтельство относитъ это событіе къ гораздо болѣе раннему времени. Мы читаемъ въ одной депешѣ графа Сегюра отъ 21 декабря 1787 года:

„Двадцать дней не получалось извѣстія отъ князя Потемкина, и это молчаніе справедливо гнѣвить государыню. Генераль часто злоупотребляетъ терпѣніемъ монархини и священными и ненарушимыми правами, утвердившими продолжительность его власти. Особое основаніе такихъ правъ—великая тайна, извѣстная только четверемъ человѣкамъ въ Россіи: случай открылъ мнѣ ее и, если мнѣ удастся вполне увѣриться, я оповѣщу короля при первой возможности“.

Мы не знаемъ сдѣлалась ли тайна болѣе извѣстной королю, чѣмъ намъ.

5-го октября 1791 г. по дорогѣ изъ Яссы въ Николаевъ, князь скончался. Уже больной, онъ пожелалъ покинуть молдавскую столицу, воздухъ которой по его мнѣнію былъ ему смертеленъ; но едва онъ выѣхалъ, какъ почувствовалъ приступъ удушья. Его вынесли изъ кареты, положили на траву, около канавы, и черезъ нѣсколько минутъ его не стало. Конечно, заговорили объ отравленіи. Обвиняли Зубова и даже подозрѣвали самое Екатерину. Мнѣніе графа Ланжерона кажется наиболѣе правдопо-

добнымъ: „Князь Потемкинъ самъ убилъ себя... Я видѣлъ какъ во время лихорадки онъ поглощалъ полотокъ копченаго гуся, три или четыре цыпленка, иль квасъ, клюквенный морсъ, медъ и всякія вина“.

По свидѣтельству Безбородко, Потемкинъ не принималъ никакихъ лекарствъ; при лихорадкѣ приказывалъ въ самыя холодныя ночи открывать всѣ окна въ домѣ, заставлялъ лить себѣ на голову цѣлые потоки одеколона и самъ прыскалъ на себя холодную воду кропильницей, которую не выпускалъ изъ рукъ.

Горе Екатерины было велико. „При этомъ извѣстїи она лишилась чувствъ, кровь бросилась ей въ голову и ей принуждены были открыть жилу“, повѣствуетъ уполномоченный въ дѣлахъ Франціи, Женэ. — „Кѣмъ замѣнить такого человѣка?“ повторяла она своему секретарю Храповицкому. „Я и всѣ мы теперь какъ улитки, которыя боятся высунуть голову изъ своей скорлупы“. Она писала Гримму: „Вчера меня ударило, какъ обухомъ по головѣ... Мой ученикъ, мой другъ, можно сказать, идолъ, князь Потемкинъ Таврической скончался... О, Боже мой! Вотъ теперь я истинно *madame la Ressource* *). Снова мнѣ надо дрессировать себѣ людей!..“

Въ слѣдующемъ году, 30 сентября, въ день рожденія идола, Храповицкій отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ припадокъ слезъ, а 5-го октября, въ годовую день смерти князя, Екатерина прекращаетъ свою утреннюю аудіэнцію и остается въ своей комнатѣ въ полномъ одиночествѣ. Однако объ этой смерти, столь сильно и долго оплакиваемой, не появилось даже замѣтки въ официальной газетѣ Имперіи. Такъ захотѣлъ Зубовъ, и Екатерина не препятствовала своему новому любимцу. Никакого памятника не воздвигли *великому человѣку*, какъ охотно называла Потемкина Екатерина. По очень распространенному разсказу, его тѣло, похороненное въ церкви св. Екатерины въ Херсонѣ, было извлечено изъ могилы и брошено въ общую яму. Этотъ разсказъ не правдивъ: мавзолей, воздвигнутый въ Херсонесской церкви заботами графини Враницкой, дѣйствительно былъ

*) Сама себѣ помощница.

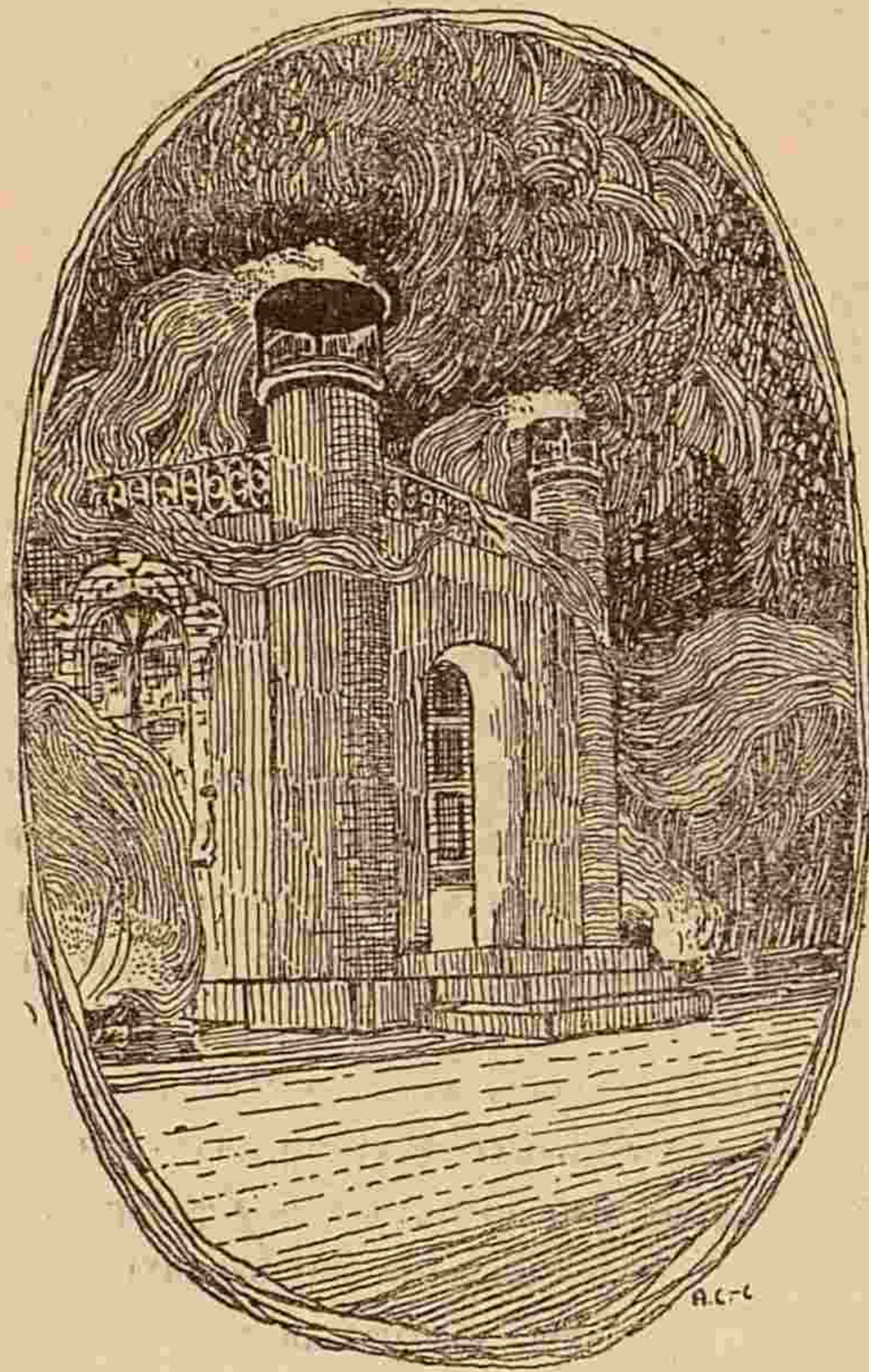
разрушенъ, и останки Потемкина исчезли, но это было дѣломъ императора Павла, приказавшаго *указомъ*, чтобы не осталось слѣда этой могилы, оскорбившей въ немъ неизвѣстно какое чувство: запоздалой сыновней любви или запоздалой ненависти.

Еще при жизни Екатерины, послѣ смерти фаворита, стало замѣтно равнодушіе къ нему большинства тѣхъ, кто прежде жадно слѣдилъ за каждымъ его шагомъ; и память его быстро забылась. Въ письмѣ графа Ростопчина отъ 26 декабря 1791 г. мы находимъ слѣдующія строки:

„Раздѣлъ имущества князя еще не восслѣдовалъ: князь оставилъ долги, семьдесятъ тысячъ душъ крестьянъ въ Польшѣ, шесть тысячъ въ Россіи и на полтора милліона рублей брилліантовъ. Удивительно, что его совершенно уже забыли. Будущія поколѣнія не будутъ благословлять его памяти.

Онъ имѣлъ въ высшей степени даръ дѣлать зло изъ добра и возбуждать ненависть въ то время, когда небрежной рукой разсыпалъ благодѣянія... Можно было подумать, что онъ желалъ унижить всякаго человѣка, чтобы стать выше его... Влюбчивость и желаніе прослыть повѣсой, были еще малѣйшими изъ его слабостей. Это желаніе, какъ оно ни было дико, имѣло полный успѣхъ. Женщины добивались благоволенія князя, какъ мужчины должностей... Онъ оставилъ Петербургъ, истративъ тамъ восемьсотъ пятьдесятъ тысячъ рублей, заплаченныхъ императрицей. Это — кромѣ прочихъ долговъ“.

Еще скорѣе было ликвидировано и раздѣлено политическое наслѣдство князя. Коллегію иностранныхъ дѣлъ принялъ Безбородко, военную — Салтыковъ съ Валеріаномъ Зубовымъ, братомъ фаворита, въ видѣ товарища и будущаго замѣстителя. Коллегія внутреннихъ дѣлъ, то-есть завѣдываніе всѣми дѣлами правленія, абсолютная власть надъ всѣми департаментами и гражданскими, и военными, было предоставлено самому фавориту. Вскорѣ былъ устраненъ и Безбородко со всею плеядою государственныхъ людей и воиновъ, которыми Екатерина была окружена до сихъ поръ. Наступило царство Платона Зубова.

Зубовы.

I. Возвращеніе весны, — Возобновленіе сентиментальной комедіи. — *Маленькій, черненькій*. — Балованный ребенокъ. — Честолюбіе, жадность и непотизмъ.—Борьба съ Потемкинымъ. — II. Платонъ Зубовъ. — Политика.—Администраторъ.—Воинъ.—Валеріанъ Зубовъ.—Герой.—Возвращеніе изъ Польши.—III. Судъ современниковъ.—Возвышеніе фаворита. — Обезьяна, завтракающая парикомъ царедворца.—Фаворитъ въ Смольномъ монастырѣ.—Смерть Екатерины.—Странности Павла. — Императрица разливаеъ чай.—Милость и немилость.—Зубовъ въ Германіи.—Теплицкая дуэль.—Конецъ.

I.

9-го іюля 1789 г., разбирая недавнюю отставку Мамонова, одного изъ представленныхъ императрицѣ Потемкинымъ фаворитовъ, и говоря о водвореніи его преемника, Безбородко писалъ Воронцову: „Этотъ ребенокъ съ хорошими манерами но не дальняго ума; не думаю, чтобъ онъ долго продержался на своемъ мѣстѣ. Впрочемъ, это меня не занимаетъ“.

А между тѣмъ это должно было его занять. Черезъ три года по возвращеніи изъ Яссы, куда послѣ смерти Таврическаго Безбородко былъ отправленъ для заключенія мира, онъ долженъ былъ убѣдиться, что „ребенокъ“ сохранилъ не только свое мѣсто, но похитилъ и его положеніе.

Зубовыхъ было четыре брата. Принадлежали они къ семьѣ мелкопомѣстныхъ дворянъ, отличавшейся большими претензіями. Фельдмаршалъ Салтыковъ, якобы содѣйствовавшій возвышенію молодого человѣка, только послѣ событія сталъ признавать свое родство съ нимъ. Отецъ, Александръ Зубовъ, управлялъ гдѣ-то губерніей, и на этомъ разбогатѣлъ. Старшій братъ, Николай, былъ генераль-маіоромъ и женился на единственной дочери Рымникскаго героя, на „Суворочкѣ“. Второму, Платону, было двадцать два года, онъ служилъ поручикомъ въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ,

когда попался на глаза императрицѣ. Онъ сталъ разыгрывать уже извѣстную намъ сентиментальную роль и нашелъ полезныхъ помощниковъ средь окружающихъ императрицу; всегдашнія ея наперстницы, Анна Нарышкина, Протасова и Перекусихина, которыхъ Зубовъ сумѣлъ обойти, служили для него посредниками; и Екатерина не прочь была внять ихъ голосамъ, твердившимъ ей о возвратѣ—въ шестьдесятъ лѣтъ—вѣчной весны. Весело пошла она по пути къ роцѣ, гдѣ снова лавры расцвѣтали для нея, и скоро Потемкинъ, находившійся въ отсутствіи, въ письмахъ своего царственнаго друга могъ различить эхо этой новой радости. „Я возвратилась къ жизни, какъ муха, послѣ зимней спячки... Я снова весела и здорова“, писала она ему въ августѣ 1789 г. Далѣе слѣдуютъ въ корреспонденціи съ другомъ учащающіеся намеки на миловидность, обаятельность, чудесныя качества „ребенка“, „маленькаго, червенькаго“. „Въ немъ есть желаніе всѣмъ нравиться: когда онъ находитъ случай писать вамъ, онъ поспѣшно пользуется имъ, и его любезный характеръ дѣлаетъ и меня любезною“. Въ немъ вся требовательность и вся прелесть его лѣтъ: онъ плачетъ, когда ему не позволяютъ войти въ комнату государыни. Другъ не могъ не полюбить также этого ребенка—*„нашего ребенка“*, пишетъ она иногда.

„Молодой человѣкъ очаровательной наружности“, замѣчаетъ довольно равнодушный свидѣтель, шведъ Штедингъ, товарищъ по оружію Лафайета и авторъ извѣстныхъ мемуаровъ, „брюнетъ, стройный, небольшого роста, похожій на красиваго француза, вродѣ шевалье де-Пюисегюра“... Однако милое дитя или стройный молодой человѣкъ очень скоро проявилъ всепожирающее честолюбіе: онъ захватилъ всѣ дѣла, всякое вліяніе, всѣ источники царской милости. Никому ничего не доставалось, кромѣ него и его родныхъ, такъ какъ онъ былъ добрымъ родственникомъ и практиковалъ nepотизмъ по убѣжденію. Онъ былъ проситель рѣшительный, но иногда неловкій; въ день, когда праздновали въ Петербургѣ взятіе австрійцами Вѣлграда, онъ сказалъ при всемъ дворѣ:

— „Всѣ миръ празднуетъ сегодня одно счастливое событіе, а я два“.

— Какое же второе?—спросила императрица.

— Моя сестра родила.

Все улыбнулись, а Екатерина немного смутилась; но у нея былъ большой запасъ снисходительности по отношеніи „мальчика“. Она относилась къ нему и какъ къ ребенку, и какъ къ любовницѣ, для которой нѣтъ отказа. Она наградила пажу, которому посчастливилось ловко поднять уроненный фаворитомъ носовой платокъ.

Фаворитъ все смѣлѣе и смѣлѣе старался подорвать кредитъ всѣхъ, кто могъ бы помѣшать ему, и прежде всего самого Потемкина. Посланный имъ на войну братъ его, помогаль ему, присылая рапорты, въ которыхъ ярко выставлялись ошибки, небрежность и излишества главнокомандующаго. Въ то же время „мальчикъ“ быстро собиралъ громадныя богатства. Его система, противоположная употребленной его предшественниками, состояла въ томъ, чтобы не просить денегъ у царской милости, но получать ихъ, пользуясь своимъ положеніемъ, обирая тѣхъ богатыхъ людей, которые имѣли несчастье обращаться къ нему по поводу дѣлъ, бывшихъ въ его рукахъ; а это были все дѣла. Однако, онъ умѣлъ такъ устроиться, что Екатерина навязывала ему свои щедроты, разраставшіяся все болѣе и болѣе. Въ 1791 г. она собралась купить у Потемкина продаваемое имъ громадное имѣнье, чтобъ подарить Зубову. Но этотъ, послѣдній пронюхалъ дѣло и за параднымъ обѣдомъ произошелъ слѣдующій разговоръ.

— Что стоитъ это имѣніе?

— Простите, ваше величество: оно уже продано.

— Съ какихъ поръ?

— Съ сегодняшняго утра.

— Кому?

— Вотъ купившій.

И невозмутимый расточитель показалъ на совершенно бѣднаго адъютанта, стоящаго за его кресломъ. Государыня нахмурила брови, но дѣлка была совершена: въ тотъ же день форменный контрактъ сдѣлалъ счастливаго участника этой сцены обладателемъ двѣнадцати тысячъ душъ,

и богатство одной изъ извѣстнѣйшихъ фамилій въ Польшѣ вело свое начало съ этой княжеской фантазіи.

Послѣ смерти опаснаго соперника, который еще уравновѣшивалъ его вліяніе, ничто не удерживало больше подъема Зубова. Отъ 1789 до 1796 гг. онъ дѣлается графомъ и княземъ Священной Имперіи, получаетъ ордена Чернаго и Краснаго Орла и въ семь лѣтъ достигаетъ вершины лѣстницы, которую его предшественникъ могъ достигнуть только послѣ двадцати лѣтъ. Въ 1794 г., въ качествѣ Новороссійскаго генералъ-губернатора, онъ отдаетъ приказанія Суворову! 20-го августа 1795 г. графъ Радошчинъ писалъ Семену Воронцову:

„Графъ Зубовъ здѣсь все. Нѣтъ другой воли, кромѣ его воли. Его власть обширнѣе, чѣмъ та, которой пользовался князь Потемкинъ. Онъ столь же небреженъ и неспособенъ, какъ прежде, хотя императрица повторяетъ всѣмъ и каждому, что онъ величайшій геній, когда либо существовавшій въ Россіи“.

II.

Только одна императрица держалась этого взгляда. Противъ него, раздѣляя мнѣніе Растопчина, стояли единодушно всѣ современники. „Хорошій гвардейскій унтеръ-офицеръ“, говорилъ о немъ Суворовъ. Всѣ каждый день убѣждались, что онъ ничего не знаетъ и не хочетъ знать. Въ дѣлахъ, которыя не касались его интересовъ, онъ повторялъ: „Дѣлайте какъ прежде“. Въ иностранныхъ дѣлахъ, въ его шагахъ въ высшей политикѣ, онъ былъ похожъ на трехлѣтняго ребенка, играющаго въ шахматы. Онъ по своему передѣлывалъ карту Европы, вычеркивая Австрію, отнимая у революціонной Франціи двѣ трети ея территоріи, остальное же предоставляя вернувшимся Бурбонамъ*). Желая высадиться въ Лондонѣ, послѣ пребыванія въ Петербургѣ, графъ д'Артура рисковалъ быть задержаннымъ тамъ за долги. Семенъ Воронцовъ, бывшій тогда посломъ въ Лондонѣ, сиѣшилъ предупредить его, чтобы онъ не ѣздилъ, но получилъ отвѣтъ отъ графа д'Артура:

„Предвидя это, я говорилъ съ графомъ Зубовымъ, и вотъ слово въ слово, что онъ сказалъ мнѣ: „Ваше Высочество можетъ вполне успокоиться. Англія будетъ слишкомъ счастлива принять васъ; она сдѣлаетъ все, что пожелаетъ императрица, и у насъ тамъ уполномоченный, который сумѣетъ все разрѣшить и быть къ вашимъ услугамъ“.

Несчастный уполномоченный чуть не задохся, а принцъ послѣ тщетныхъ попытокъ долженъ былъ обратиться вспять и поѣхать къ берегамъ Германіи.

Въ странѣ и въ арміи царя раснущенность, отсутствіе дисциплины,

---

*) См. записку его руки, опубликованную Лебедевымъ въ его книгѣ о Панинѣ.

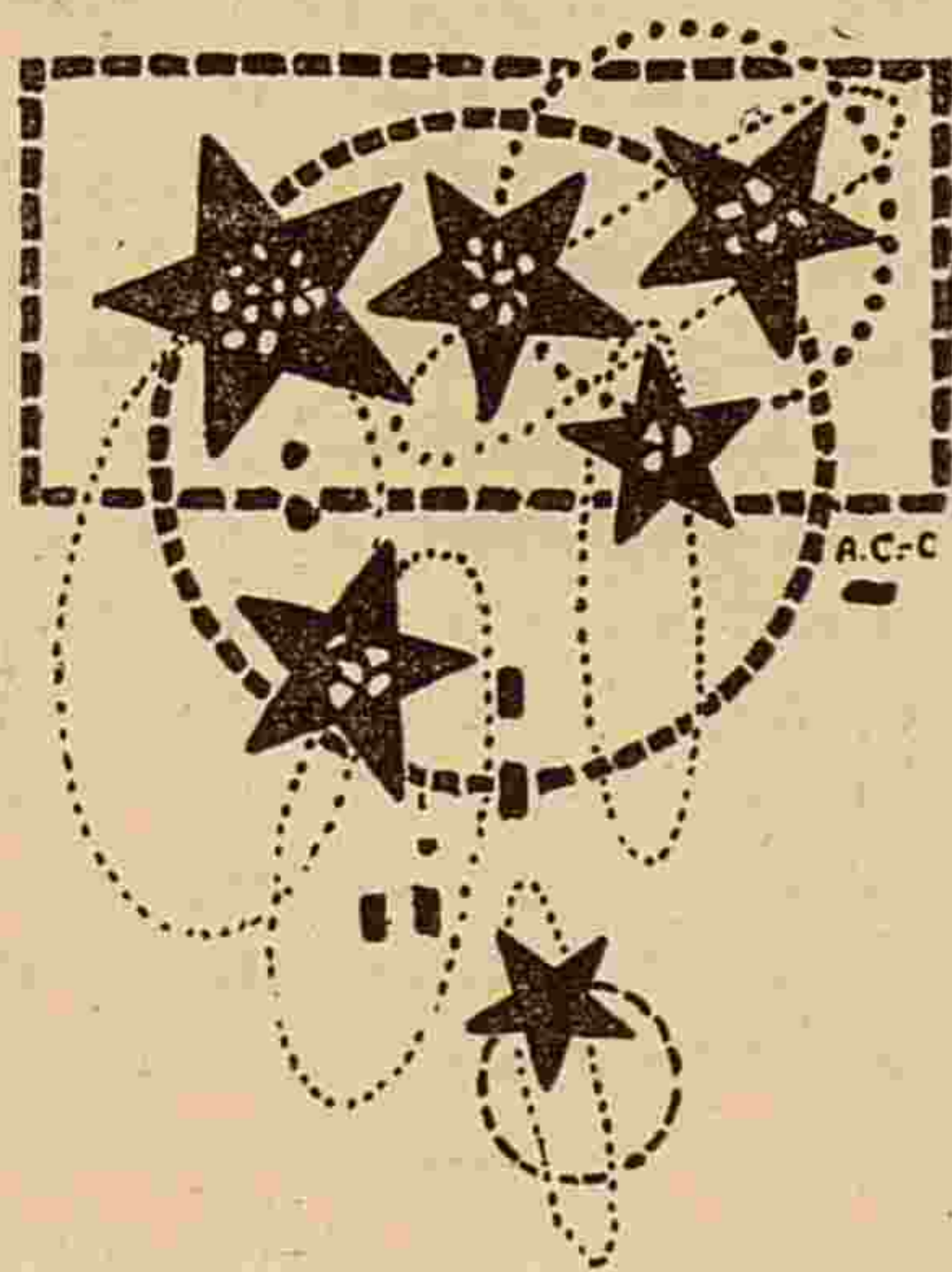
развитіе роскоши и сибаритизмъ между офицерами; казна была пуста, а тюрьмы были переполнены. Таковы были, по словамъ самыхъ компетентныхъ авторитетовъ, результаты администраціи фаворита.

Приобрѣтеніе польскихъ провинцій, снисходительно приписываемое Зубову императрицей, было слѣдствіемъ рѣшеннаго ею съ Потемкинымъ и Безбородко плана, только выполненнаго пережившими блестящій періодъ царствованія Коковскими, Кречетниковыми и самимъ Суворовымъ, вызваннымъ изъ полу-изгнанія. Организация аннексированныхъ странъ также было дѣломъ работниковъ первой очереди: Тутолминыхъ, Репниныхъ и Паленовъ. Зубовы при этомъ являются только для того, чтобъ наполнить свои карманы. Экспедиціи въ Персію—другое безуміе. Устройство Одессы, предпринятое Рибасомъ, при содѣйствіи Зубова, осталось въ ихъ рукахъ частной спекуляціей. Украшенный званіемъ начальника артиллеріи, фаворитъ не былъ въ состояніи отличить полевого орудія отъ крѣпостного, и генераль Мелиссино принялъ на себя сформированіе первыхъ батальоновъ конной артиллеріи, при чемъ Екатерина эту честь приписывала своему возлюбленному.

„Добрый малый“, говорилъ вновь Суворовъ о странномъ начальникѣ данномъ ему капризомъ государыни. Если оно не иронія, то это опредѣленіе совсѣмъ не вѣрно. Разграбленная Польша не признавала этого качества ни въ фаворитѣ, ни въ его пособникахъ: Альтести, Грибовскомъ и Рибасѣ, которые подъ его эгидой обворовывали ее. Въ два года, Грибовскій, бывшій простымъ писаремъ въ канцеляріи Потемкина, приобрѣлъ возможность держать оркестръ, толпу шутовъ, гаремъ и лучшихъ лошадей въ Петербургѣ. Потемкинъ имѣлъ временами великодушныя побужденія, даже либеральныя идеи. Фонвизинъ, одинъ изъ рѣдкихъ свободномыслящихъ людей того времени, пользовался его покровительствомъ, какъ Ломоносовъ милостями Орлова. Зубовъ же принималъ живое участіе въ преслѣдованіи Радищева, Новикова и Княжнина. Онъ даже, какъ говорили, является инициаторомъ этихъ преслѣдованій. Потемкинъ уничтожалъ висѣлицы въ имѣніяхъ, приобрѣтенныхъ имъ въ Польшѣ, Зубовъ же въ своихъ помѣстьяхъ

спѣшилъ закрѣпить мелкихъ шляхтичей, привилегіи которыхъ уважались республикой.

Но Екатерина ничего этого и знать не хотѣла. „Никто еще въ ваши годы“, писала она фавориту, „не имѣлъ столько способностей и средствъ, чтобы быть полезнымъ отечеству“. Что касается до Валеріана, младшаго брата Зубова, то она въ томъ же письмѣ объявляетъ его „героемъ въ полномъ смыслѣ этого слова“. Героемъ, потому что, бывши въ Польшѣ и всякими излишествами сдѣлавшись тамъ ненавистнымъ, онъ потерялъ ногу въ аванпостной стычкѣ. За это онъ получилъ чинъ генералъ-поручика, Андреевскій крестъ и уплату своихъ долговъ, простиравшихся до почтенной цыфры—трехъ сотъ тысячъ рублей. На встрѣчу возвращавшемуся въ Петербургъ раненому, государыня послала хирурга, англійскую карету, сто лошадей на подставы и ящикъ съ десятью тысячами дукатовъ на путевыя издержки. При видѣ молодого человѣка она даже замѣтила, что онъ еще красивѣе своего брата. Сохранилась записочка ея руки, гдѣ она выражаетъ удовольствіе, что „понравилась ему наканунѣ *)“

*) Русскій архивъ, 1886 г., т. I, стр. 272.

III.

Трудно было, конечно, Екатеринѣ замѣтить всеобщія чувства порицанія, поднявшіяся при видѣ новой фантазіи ея всегда юнаго сердца и неизсякающей чувственности. Надо бы подслушать у дверей или заглянуть въ тайну сердца, чтобы предугадать въ эту минуту тотъ взрывъ негодованія и брани, съ которымъ послѣ смерти государыни будетъ встрѣчено паденіе фаворита. А пока Екатерина могла слышать только отголоски другого концерта. Въ пленарномъ засѣданіи Сената одинъ изъ его членовъ превозносилъ высоту благодѣтельнаго генія, который занялъ присоединеніемъ къ имперіи прекрасныхъ, богатыхъ провинцій (польскія провинціи, присоединенныя при второмъ раздѣлѣ), въ то время, какъ его предшественникъ сумѣлъ пріобрѣсти только пустыни, обитаемыя чумой. На одномъ собраніи въ Инженерномъ корпусѣ, одинъ ораторъ старался доказать преимущества новаго *Платона* передъ древнимъ! Утро фаворита оставляло позади себя всѣ воспоминанія объ одѣваніи Помпадуръ или знаменитаго декольтэ генерала Флѣри. „Каждый день“, рассказываетъ Ланжеронъ, „съ восьми часовъ утра, его передняя наполнялась министрами, царедворцами, генералами, иностранцами, просителями, искателями мѣстъ или милостей. Обыкновенно тщетно ждали часа четыре или пять и уходили, чтобы вернуться на другой день. Наконецъ, наступалъ желанный день: двери широко раскрывались, толпа бросалась въ нихъ и находила фаворита, котораго причесывали сидящимъ передъ зеркаломъ, опершись ногой на стулъ или на край стола. Посѣтители, поклонившись въ ноги, осыпанные пудрой, становились въ рядъ передъ нимъ, не смѣя ни шевельнуться, ни говорить. Фаворитъ никого не замѣчалъ. Онъ распечатывалъ письма и прослушивалъ ихъ, показывая видъ, будто занятъ дѣлами. Никто не смѣлъ заговорить съ нимъ. Если онъ обращался къ комунибудь, тотъ, послѣ

пяти-шести повлоновъ, приближался къ его туалету. Отвѣтивъ, онъ возвращался на свое мѣсто на цыпочкахъ. Тѣ, съ кѣмъ Зубовъ не заговаривалъ, не могли подойти къ нему, такъ какъ онъ не давалъ частыхъ аудиенцій. Я могу удостовѣрить, что были люди, три года приходившіе къ нему такимъ образомъ, не удостоившись ни одного слова... Въ Царскомъ Селѣ зеркало помѣщалось такъ, что въ его отраженіи онъ видѣлъ посетителей, къ которымъ сидѣлъ спиной.

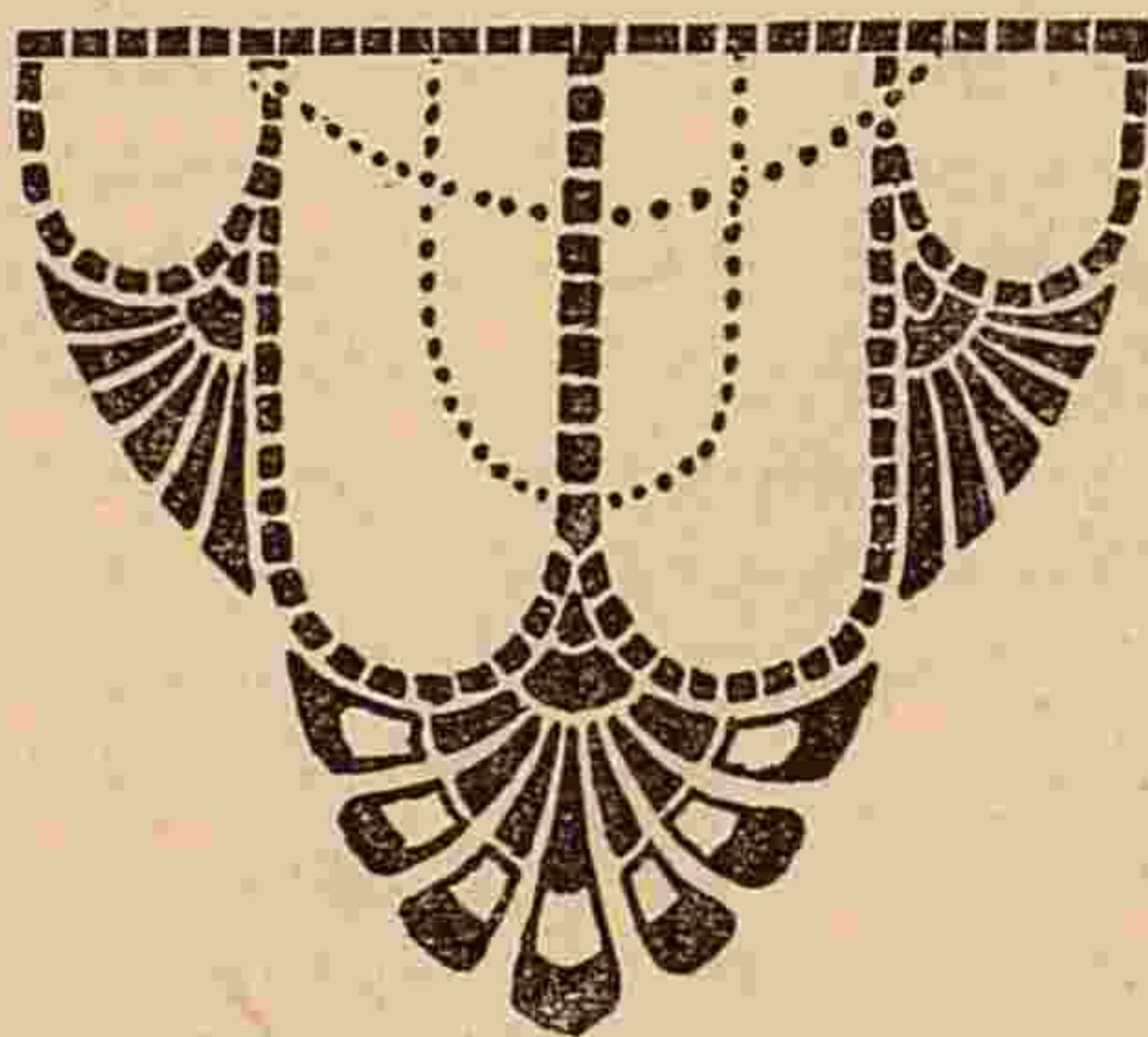
Мертвѣго, одинъ изъ рѣдкихъ честныхъ чиновниковъ, выдвинувшійся въ послѣдствіи въ короткое царствованіе Павла, войдя въ наполненную народомъ переднюю фаворита, былъ изгнанъ изъ нея появленіемъ обезьяны, которая имѣла обыкновеніе прогуливаться по головамъ присутствующихъ, „Я имѣлъ честь быть знакомымъ съ этой обезьяной“,—повѣствуетъ далѣе Ланжеронъ,—„она была ростомъ съ кошку и необыкновенно ловка. Она постоянно летала по люстрамъ, карнизамъ, печкамъ и никогда не разбивала и не смѣщала ни мебели, ни украшенія. Она очень любила пудру и помаду и имѣла большое пристрастіе къ греческому тупею. Когда она видѣла полюбившійся ей головной уборъ, она бросалась съ люстры на голову его обладателя и пристраивалась тамъ. Осчастливленный человѣкъ наклонялся и почтительно ждалъ, чтобы маленькое животное окончило свою трапезу или перешло на голову вновь прибывшаго обладателя тупея. Я знаю людей, которые перемѣнили и повысили свою прическу, въ надеждѣ привлечь на нее вниманіе фаворитки фаворита“. Нашлось мало подражателей Мертвѣго, не пожелавшаго подвергнуться такой участи. Растопчинъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ упоминаетъ объ одномъ генералѣ, который за часъ до пробужденія Зубова приходилъ къ нему, варилъ ему кофе по-турецки и самъ подавалъ его въ постель фавориту. Старикъ Мелиссино, получивъ Владимірскую ленту явился къ нему и поцѣловалъ его руку. Державинъ *) выражался при жизни Потемкина, что „божественный пѣвецъ“ не преклоняется передъ „кумиромъ минуты“, но это не помѣшало ему въ 1794 г. 28 ноября въ день именинъ фаворита, написать оду, гдѣ

*) Русскій архивъ, 1886, т. I, стр. 272.

онъ сравниваетъ послѣдняго съ Аристономъ и Аристотелемъ, что, замѣчаетъ онъ въ прозаическомъ коментаріѣ, одно и то же. Въ тотъ же день молоденькія воспитанницы Смольнаго монастыря—воспитательнаго учрежденія, вышаго, по словамъ Вольтера, чѣмъ Сен-Сирскаго,—приподнесли *кумиру* дня работу изъ рукъ, гдѣ вышитыя по шелку красовались слѣдующіе стихи неизвѣстнаго поэта:

.....
Monseigneur joie de la patrie,
Par vos prospérités notre coeur est attendri,
Votre clémence nous est garantie
Quand on pense si bien, on doit vivre longtemps.

.....
Regardez d'un oeil gracieux
Ces hommages, seigneur, de nos ardents vœux*).

---

*) Ваше сіятельство, радость родины; наше сердце растрогано вашимъ преуспѣяніемъ. Ваша милость намъ обезпечена. Кто думаетъ такъ хорошо, тотъ долженъ жить долго... Взгляните милостивымъ взоромъ на это приношеніе нашихъ пламенныхъ желаній.

IV.

Послѣ смерти Екатерины Зубовъ считалъ себя погибшимъ. Еще до его возвышенія ему случилось разъ почтительно посторониться передъ собакой Его Императорскаго Высочества, наслѣдника престола. Но потомъ, сдѣлавшись крайне дерзкимъ, онъ ни съ кѣмъ не стѣснялся. Впослѣдствіи онъ намекалъ, что поступалъ такъ по приказанію императрицы: она желала, чтобъ онъ такъ обращался съ людьми, и выходки его обезьяны одобрялись государыней. Можетъ быть онъ и не лгалъ, можетъ быть Екатерина была права, заставляя такимъ образомъ рабскую толпу своихъ подданныхъ уважать ея фантазіи. Не зналъ ли, или не догадывался ли Павелъ объ этомъ? Странное со всѣми, его поведеніе съ фаворитомъ оставляетъ сомнѣніе!

Екатерина умерла 6 (17) ноября 1796 года. Скрывшись у своей сестры Жеребцовой, Зубовъ не выходилъ въ продолженіе десяти дней, представляясь больнымъ и ожидая отъ новаго Государя рѣшеніе своей судьбы. Подошелъ день 28 ноября, который праздновался вѣкогда съ такимъ великолѣпіемъ. Неожиданно въ пустынные покои вчерашняго побѣдоносца явился посланецъ двора: императоръ давалъ знать эксъ-фавориту, что онъ велѣлъ приготовить ему домъ на Морской и собирается завтра напиться у него тамъ чаю. Зубовъ нашелъ на Морской улицѣ комфортабельный домъ съ полнымъ убранствомъ, съ посудой, экипажами и лошадьми. На другой день явился Павелъ съ женой. Бывшій фаворитъ бросился къ его ногамъ; Павелъ поднялъ его со словами русской пословицы: „*Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ*“. Онъ взялъ бокалъ шампанскаго и говоря: „Желаю тебѣ столько благополучія, сколько капель въ этомъ стаканѣ“, отпилъ полъ бокала. Затѣмъ онъ подаль его императрицѣ и потомъ разбилъ, чтобы этимъ обычаемъ страны выразить искрен-

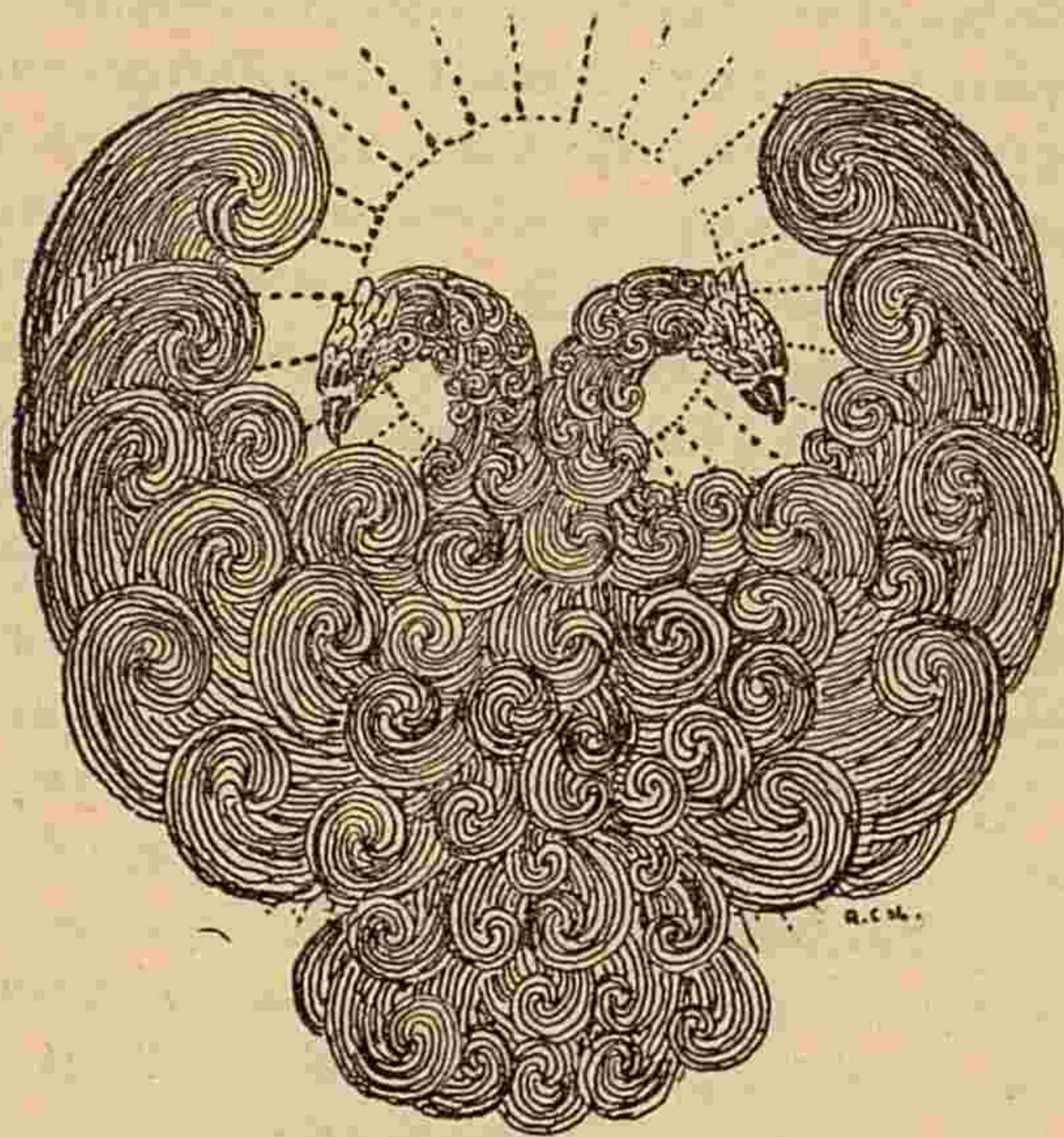
ность своихъ чувствъ. Зубовъ снова упалъ къ его ногамъ, и монархъ снова произнесъ слова: „Кто старое“...— Императрица не вымолвила ни слова и казалась не особенно довольной этими изліянiями, но императоръ не отклонился отъ своихъ намѣреній и обращаясь къ ней сказалъ: „Разлей чай, ты вѣдь знаешь, у него нѣтъ хозяйки“. Она повиновалась и налила чаю также двумъ адъютантамъ, сопутствовавшимъ ихъ величествамъ, а когда они поставили стаканы на поднось, Павелъ замѣтилъ: „Что это? Вы обыкновенно пьете по двѣ чашки. Она вамъ нальетъ еще“.

Зубовъ былъ пораженъ и въ восторгѣ. Но не долго пришлось ему радоваться: 27 января онъ былъ отрѣшенъ отъ всѣхъ должностей, его имѣнія секвестрованы, и онъ получилъ позволеніе, иначе говоря приказаніе, отправиться путешествовать. Нѣсколько времени провелъ онъ въ Германіи; въ Теплицѣ влюбился на минуту въ прелестную эмигрантку, графиню де ла Рошъ-Эмонъ; потомъ, встрѣтивъ двухъ курляндскихъ принцессъ, самыхъ богатыхъ наслѣдницъ Европы, началъ ухаживать за одной изъ нихъ. Лишенный княжества и оскорбленный ранѣе фаворитомъ, отецъ съ негодованіемъ отказалъ ему. Зубовъ имѣлъ намѣреніе увезти дѣвушку, но приказаніе Павла вернуться въ Россію разстроило этотъ планъ. За время отсутствiя друзья заступились за него: Паленъ, несмотря на всѣ благодѣянiя Павла, замышлявшій гибель императора, нуждался въ сообществѣ человѣка, готоваго, какъ ему казалось, принять участіе въ авантюрѣ и въ преступленіи. Дѣйствительно, 12 марта 1801 года Зубовъ находился въ числѣ убійцъ несчастнаго Павла. Ожидаемой награды за это онъ не получилъ: Александръ I холодно обошелся съ нимъ. Онъ снова отправился въ Германію. Въ слѣдующемъ году, въ Теплицѣ же, онъ имѣлъ непріятную исторію съ шевалье де Саксъ (сыномъ принца Ксавье графа де-Люзасъ, дяди Людовика XVI). Спасшійся въ Россіи во времена революціи, шевалье, въ 1794 году поссорился съ княземъ Николаемъ Щербатовымъ. Дуэль не состоялась по винѣ князя; но была устроена западня, при участіи Зубова: изъ этой свалки шевалье вышелъ живымъ, но изуродованнымъ. Оставивъ поневолѣ Россію, онъ по газетамъ вызывалъ своихъ противниковъ; но только случайная встрѣча на водахъ могла заставить Зу-

бова отвѣтитъ на вызовъ. Бывшій фаворитъ сыгралъ при этомъ плачевную роль. Взявъ предлогомъ свое неумѣніе владѣть пистолетомъ, оружіемъ выбраннымъ секундантами обѣихъ сторонъ, отъ отказался стать на свое мѣсто. Когда противникъ предложилъ драться на сабляхъ, съ Зубовымъ сдѣлалось дурно. Щербатовъ замѣнилъ его и убилъ на мѣстѣ бѣднаго шевалье.

Послѣдующіе долгіе годы этой неславной жизни мало извѣстны: они прошли въ замкѣ Шавли, имѣніи, доставшемся Зубову при раздѣлѣ Польши и возвращенномъ эксъ-фавориту Павломъ. Его братья, Валерьянъ до 1804 г. и Николай до 1814 г., занимали безъ всякаго блеска высокія мѣста въ арміи. Платонъ заботился только объ управленіи имѣніями и о накопленіи денегъ: онъ сдѣлался скупымъ и безсердечно притѣснялъ своихъ крестьянъ. Въ 1807 г. Александръ I, проѣзжая имѣніемъ бывшего фаворита, былъ пораженъ нищенскимъ видомъ деревень и плохимъ состояніемъ крестьянъ. Онъ приказалъ губернатору провинціи положить конецъ злоупотребленіямъ, отъ которыхъ страдали несчастные. Зубовъ жилъ одиноко, мучимый страхомъ смерти до того, что одно это слово, случайно произнесенное, заставляло его убѣгать и на три дня запирается въ своей комнатѣ. Въ пятьдесятъ лѣтъ онъ казался дряхлымъ старикомъ, Впрочемъ, въ это время ему случилось безумно влюбиться. Замѣтивъ на улицахъ Вильны молодую дѣвушку, дочь мелкаго окрестнаго помѣщика, онъ поручилъ своему управляющему Братковскому, привести ее. При полномъ неуспѣхѣ Братковскаго Зубовъ заупрямился, предлагалъ за обладаніе дѣвушкой огромныя суммы и, наконецъ, рѣшился на женитьбу. Текла Валентиновичъ стала княгиней Зубовой, а черезъ годъ ея мужъ умеръ, оставивъ ей двадцать милліоновъ, которые уже давно бесполезно лежали въ кладовыхъ его дома.

Таковъ былъ конецъ послѣдняго великаго человѣка, открытаго, воспитаннаго и любимаго Екатериной.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СЪВЕРНАЯ СЕМИРАМИДА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Умственная жизнь при дворѣ Екатерины. Философы. *)

I. Философія и самодержавіе.—Задача, которую предстоитъ рѣшить. Прошлое и настоящее. II. Иллюзія и дѣйствительность.—Исповѣди.—Обмѣнъ мыслей или обмѣнъ услугъ?—Заказы памфлетовъ и посланки часовъ.—Лестъ и ложь.—Петербургская Богоматерь и Като.—Почему Вольтеръ не поѣхалъ въ Петербургъ.—III. Великій французъ и Франція.—Раздѣлъ Польши.—Увлеченіе эллинизмомъ.—Не обскурантъ.—IV. Превосходство Екатерины.—Что она беретъ у философіи и философовъ.—Послѣ смерти Вольтера.—Заключительное слово.

I.

Вольтеръ.

Представьте себѣ одного изъ африканскихъ властителей, съ которыми послѣднія событія близко познакомили насъ—какого-вибудь Бенгазина, до прибытія генерала Додса. Надо предположить, что онъ очень занятъ своими правами, твердо отстаиваетъ законы и обычаи,—однимъ

*) Архивъ князя Воронцова, IX; Вильбасовъ „Дидро въ Петербургъ“; Шугуровъ „Дидро и его сношенія съ Екатериной II (восемнадцатый вѣкъ, книга 1); „Политическая переписка“ въ Архивахъ Министерства иностранныхъ дѣлъ по дѣламъ Франціи; „Политическая корреспонденція“ въ Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества, XIX и LXXII; „Переписка Екатерины съ Вольтеромъ, д'Аламберомъ, Гриммомъ и пр.“ Тотъ же сборникъ, X, XIII, XVII, XXIII); „Общая корреспонденція Вольтера“ въ его „Сочиненіяхъ“ и въ Сборникѣ Р. И. О. VI, X и XIII; „Различная переписка“ въ Государственномъ Архивѣ, V, 139, XI, 1035, 1051; „Литературная и политическая переписка Гримма; Дидро „Труды и

словомъ, по своему, очень консервативенъ. Представьте, что личный интересъ, болѣе или менѣе понятный, заставляеть его войти въ сношенія съ вліятельными людьми Европы. Думаете ли вы, что онъ счелъ бы препятствіемъ для этихъ полезныхъ для него сношеній въ томъ, что эти люди въ отечествѣ считаются революціонерами, приверженцами четвертаго сословія, коммунальной автономіи или какого-нибудь иного соціального или политическаго постулата? Конечно, нѣтъ! Самъ по себѣ этотъ фактъ не имѣлъ бы въ глазахъ обитателя чернаго континента интереса и не казался бы ему опаснымъ для устойчивости его политическаго и соціального зданія, построеннаго тамъ, въ дѣвственныхъ лѣсахъ на совсѣмъ другомъ фундаментѣ. Съ другой стороны и европейскіе люди, какъ бы они не были либеральны дома, стѣснились ли бы отвѣтить на его предложенія—особенно, если это имъ выгодно—разсужденіями болѣе или менѣе вѣрными о государственномъ устройствѣ земли этого экзотическаго варвара, такъ далекаго отъ ихъ политическаго и соціального идеала? Безъ сомнѣнія, нѣтъ.

Я не дѣлаю сравненія, которое было бы нелюбезно и невѣрно исторически: это только примѣръ,—который, если читатель извлечетъ изъ него уясненіе моихъ доводовъ, бросить, какъ мнѣ кажется, яркій свѣтъ на ту проблему, къ изученію которой я приступаю на слѣдующихъ страницахъ.

„Франція преслѣдуетъ философовъ, а скифы покровительствуютъ имъ“, писалъ Вольтеръ Дидро 23 сентября 1762 г., и черезъ нѣсколько времени въ письмѣ къ самой Екатеринѣ Гриммъ такъ повторялъ слова учителя:

переписка“ въ Сб. Р. И. О., XXXIII; d'Escherny. *Mélanges de littérature et d'histoire*: Гурьевъ, *Исповѣдальныя штрафы* (Русскій вѣстникъ, CLVII, 36); Кобеко „*Екатерина и Руссо*“ Историческій вѣстникъ XII; *Lettres de madame du-Deffand* (édit. de 1859); *Записки С.-Петербургской Академіи Наукъ*, кн. XLVII; „*Мемуары*“ Тьебо, Фонвизина, Карабанова; Незеленовъ, „*Литературныя направленія въ екатерининскую эпоху*“, Rambaud, *Catherine II et ses correspondants* (*Revue des deux Mondes*, février 1877); *Собраніе русскихъ законовъ*, № 2991, 4952, 7226; Streckeisen. *Rousseau, ses amis et ses ennemis*.

„Съ тѣхъ поръ, какъ ваше величество осынали милостями одного изъ знаменитѣйшихъ философовъ Франціи, всѣ, кто занимается литературой и кто не считаетъ Европу вполне погибшей, смотрятъ на себя, какъ на вашихъ подданныхъ“.

Покупка библиотекъ у нуждающихся и льстивыхъ философовъ и панегирики, посылаемая ими государынѣ, пренебрегавшей похвалой; обменъ маленькими услугами и большими комплиментами—все способствовало къ созданію между самодержавною государыней Сѣвера и буйной толпой свободомыслящихъ Запада связи, усиливавшейся съ каждымъ годомъ. Эта близость, однако, скандализировали не малое количество людей. Не надо забывать, что въ 1778 году, во время послѣдняго торжественнаго появленія въ Парижѣ автора „Дѣвственницы“, Марія Антуанетта не рѣшилась принять его! И не только въ монархическомъ и консервативномъ лагерѣ, какъ бы мы сказали теперь, были—не безъ основанія—оскорблены такимъ неожиданнымъ возникновеніемъ симпатій. Если прекрасный Капфигъ и не былъ правъ, говоря съ такимъ негодованіемъ о зрѣлищѣ, данномъ Европѣ въ 1773 году, когда авторъ „Монахини“—поэтъ, восклицавшій, что онъ готовъ „вытянуть кишки у священниковъ, чтобы повѣсить на нихъ королей“, бѣснующійся циникъ-памфлетистъ былъ допущенъ въ ежедневный, интимный кругъ императрицы; если Капфигъ и не былъ правъ—потому что „Монахиня“ была написана послѣ возвращенія изъ Россіи и вышеприведенному стихотворенію былъ напрасно приданъ такой личный характеръ,—то, тѣмъ не менѣе, это зрѣлище могло привести въ недоумѣніе не только приверженцевъ религіи и порядка, но и самихъ убѣжденныхъ философовъ. Вѣдь „Философскія мысли“ и части *Энциклопедіи* были уже напечатаны въ 1773 году, и въ нихъ уже ярко обрисовался человѣкъ, о которомъ Рудольфъ Готшаль могъ сказать, что онъ весь проникнутъ „разрушающими инстинктами революціи“.

Нашлись въ лагерѣ философовъ люди, удивленіе и безразличность которыхъ, послѣ долгихъ споровъ, сохранились даже и до сихъ поръ. Переписка Екатерины съ Вольтеромъ, пребываніе Дидро въ Петербургѣ, заслужили порицаніе со стороны крайнихъ приверженцевъ философіи, такъ

же какъ и монархіи, и оставили раздражающее впечатлѣніе. Вотъ въ чемъ эта проблема, и я думаю, что приведенное выше сравненіе можетъ разъяснить ее, положивъ предѣлъ недоразумѣнію, какъ мнѣ кажется, лежащему въ основаніи ея. Да, недоразумѣніе или, лучше сказать, забывчивость. До сихъ поръ забываютъ о великой разницѣ въ понятіяхъ, интеллектуальномъ, политическомъ и соціальномъ развитіи, раздѣлявшихъ философовъ отъ самодержавной императрицы, несмотря на такъ удивлявшую и скандализировавшую людей видимую интимность. Эта разниа и сдѣлала возможной упомянутую близость, которая поэтому была гораздо менѣ возмутительной по отношенію къ разуму и чести, чѣмъ то казалось и кажется теперь. Я постарался объяснить чувство, которымъ руководился бы въ настоящее время африканскій царекъ. Такого же рода чувство, повѣрьте, руководило и Екатериной въ ея отношеніяхъ къ западнымъ философамъ. Не сомнѣвайтесь также, что подобное же чувство отражалось и въ умѣ философа Вольтера и его друзей. Представляли ли они себѣ хоть сколько нибудь, что такое самодержавный русскій государь? Они знали, что государь этотъ властвовалъ надъ тридцатью милліонами подданныхъ, изъ которыхъ двадцать милліоновъ не имѣли собственности: имъ не принадлежали даже ихъ души, которыя можно было продавать и покупать и которыя цѣнились, круглымъ числомъ, по десяти рублей за каждую. Вѣдь это были *мужики*, одѣвавшіеся въ звѣриныя шкуры, питавшіеся травой, почти не люди. Знали, что эти государи ссылали иногда въ Сибирь дворянъ, виновныхъ только въ любви къ свободѣ—къ свободѣ, считавшейся философами вершиной ихъ идеала. Но, что же? Это были польскіе дворяне, суевѣрные ханжи и, кромѣ того, не высоко ставившіе самого г-на Вольтера! Могла ли философія интересоваться такими субъектами!

Вотъ въ какомъ свѣтѣ является мнѣ эта трудная и интересная загадка соединенія именъ Вольтера и Екатерины; и такой взглядъ оправдывается если не совершенно подобными, то аналогическими случаями, встрѣчающимися въ настоящее время. Какъ не сократили разстоянія паръ и электричество, они не могли еще заполнить пропасти, созданной столѣтіями. Могло быть извѣстное, болѣе матеріальное, сближеніе между со-

прикасающимися теперь поверхностями культуръ, но въ основаніи этихъ культуръ осталось тоже непониманіе другъ друга. Именно поэтому, къ удивленію и негодованію европейскихъ зрителей, могли возникнуть влеченія и симпатіи тамъ, гдѣ идеи и принципы были діаметрально противоположны. Марсельеза шла по слѣдамъ Дидро; но звуки революціонной пѣсни, какъ и бурныя рѣчи философа, не заставили сдвинуться ни единый камень на Невскомъ проспектѣ. „*Термидоръ*“, не дозволенный на сценѣ здѣсь и спокойно сыгранный тамъ—только повтореніе „*Велизарія*“ Мармонтеля, запрещеннаго Сорбонной и переведеннаго на русскій языкъ Екатериной, при помощи ея главныхъ придворныхъ.

Только проблема усложнилась. Съ тѣхъ поръ произошелъ какъ бы отливъ съ востока на западъ идей и формулъ, зародившихся тамъ, въ послѣднее время, изъ хаоса, хранившаго созданіе великаго и таинственнаго будущаго. Цѣлая литература принесла намъ эти зачатки не окончившагося еще процесса рожденія. Мы видимъ даже попытки создать послѣдователей Успѣхъ, намъ кажется, не превзошелъ грани того любопытства, съ которымъ сто съ чѣмъ то лѣтъ тому назадъ смотрѣли на попытки революціонной проповѣди, произведенной при дворѣ Екатерины ея временнымъ гостемъ. Прочитавъ „*Крейцерову Сонату*“ и сдѣлавъ видъ, будто мы въ ней что нибудь поняли, не можемъ же мы сдѣлаться искренними послѣдователями Толстого; и, равнодушно давая по временамъ убѣжище изгнанникамъ, заподозрѣннымъ въ томъ, что они хотѣли примѣнить на практикѣ довольно поверхностную философію, мы еще менѣе можемъ стать нигилистами. Знаемъ ли мы даже, что это такое? Имѣемъ ли мы понятіе о состояніи души, давшей начало, такъ называемому революціонному движенію, которому соотвѣтствуютъ еще и теперь легкія содраганія и та зыбь, которая поднимается надъ поверхностью безграничнаго человѣческаго моря, теряющагося въ туманахъ на границѣ цивилизованнаго міра? Знаемъ ли мы этотъ океанъ? Измѣрили ли мы его глубину, узнали ли его теченія, сдѣлали ли съемку его береговъ?

Вслѣдствіе занесенія литературы, о которой я говорилъ, у насъ появилась цѣлая группа изслѣдователей, принесшая множество указаній и

объясненій—новые духовные Бедекеры. Они предлагают намъ въ книжной лавкѣ для ознакомленія съ великой незнакомкой круговья путешествія по дешевой цѣнѣ: 3 фр. 50. Они сумѣли заинтересовать насъ, даже растрогать насъ, но научили ли они насъ чему нибудь? Я въ этомъ сомнѣваюсь. Прежде всего, увѣрены ли они сами въ вѣрности своихъ изслѣдованій? Слушая ихъ краснорѣчивыя слова о душѣ великаго народа, можно подумать, что эта душа склонилась къ ихъ уху и прошептала имъ свой секретъ, какъ когда-то французская провинція по отношенію къ сентиментальному депутату. Но вѣрно ли это? Мнѣ кажется, эта чужая душа не такъ легко высказывается. Это не наша душа—душа западныхъ людей, болѣе внѣшняя, откровенная, счастливая тѣмъ, что можетъ выступить наружу и высказаться. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ французскихъ романистовъ признавался мнѣ, въ какомъ трудномъ положеніи онъ очутился, когда захотѣлъ изобразить воинствующаго нигилиста и придать ему жизненность. Ему привели настоящій живой экземпляръ, да не перваго встрѣчнаго, а извѣстность въ своемъ родѣ. Романистъ вертѣлся около этого человѣка и не могъ ничего извлечь изъ него. Онъ терялъ терпѣніе.

— Но, наконецъ, чего же вы хотите? спрашивалъ онъ въ десятый разъ.—Куда вы идете? Какая ваша цѣль? Предметъ вашихъ желаній, надеждъ и усилій?

Свирѣпый террористъ долго думалъ и со вздохомъ отвѣтилъ:

— Парламентъ!

— Возьмите нашъ, я вамъ дарю его! воскликнулъ романистъ и распростился съ нигилистомъ.

Я не увѣренъ, что Желябовъ и Кибальчичъ дали себя повѣсить, чтобы предоставить своей родинѣ радости парламентаризма, но зачѣмъ они дали себя повѣсить? Я думаю, что вы этого не знаете и не рискую сказать, что знаю больше вашего.

II.

Въ 1764 году, когда начались сношенія Екатерины съ Вольтеромъ, вѣроятно, ни онъ, ни она не отдавали себѣ отчета въ условіяхъ, создавшихъ ихъ общественное положеніе, да и не заботились объ этомъ. Имѣла ли коронованная корреспондентка философъ точное понятіе о социальномъ и моральномъ значеніи того имени, которое она имъ давала? Я нахожу въ мемуарахъ одного нѣмца *), хорошо приглядѣвшагося къ этой нѣмкѣ, что она только въ 1784 году узнала о существованіи еще одного единомышленника философъ, стоявшаго 20 лѣтъ въ самомъ близкомъ умственномъ отношеніи къ Вольтеру, д'Аламберу и Дидро—Гердера.

— Кто это Гердеръ?—спрашивала она.

— Священникъ, живущій въ Веймарѣ.

— Вы сказали, что онъ написалъ философскую книгу! Если онъ философъ, то онъ не можетъ быть священникомъ; а, если онъ священникъ, онъ не можетъ быть философомъ“.

Выше этого Екатерина не поднималась. А ея другъ Вольтеръ, съ своей стороны, выражаетъ увѣренность, что положеніе императрицы всея Руси не совмѣстимо со вмѣшательствомъ въ церковныя дѣла. Въ ея странѣ даже нѣтъ „исповѣдальныхъ записочекъ!“ Курьезная исторія съ исповѣдальными записками. Она показываетъ, что съ обѣихъ сторонъ смутно чувствовали взаимное непониманіе и иллюзіи, дѣлавшія возможной обоюдную симпатію, и старались поддержать ихъ. „Что касается исповѣдальныхъ записокъ“, писала Екатерина къ Вольтеру въ 1771 г., „мы даже не знаемъ этого названія“. И въ томъ же году, можетъ быть, въ тотъ же день, она послала выговоръ Тобольскому губернатору Чичерину за то, что

*) Вейкартъ.

онъ не достаточно строго слѣдилъ за регистровыми книгами, въ которыя записывали приходящихъ къ исповѣди и тѣхъ, кто уклонялся отъ этого святого долга. Съ 1716 г. была установлена рядомъ указовъ принудительная исповѣдь для всѣхъ православныхъ въ Россіи. Провинившіеся платили штрафъ, сообразный съ ихъ положеніемъ, но всегда большой. Тобольскій губернаторъ, чтобъ отмстить духовенству, заподозрѣнному имъ въ доносѣ, одѣлъ своихъ лакеевъ въ монашеское одѣяніе и заставилъ ихъ въ немъ посѣщать худшіе притоны города. Съ своей стороны, мѣстный архіерей, при посредствѣ Микель Анджело изъ обывателей, изобразилъ на фасадѣ собора страшный судъ, гдѣ губернаторъ былъ представленъ между двумя дьяволами, вооруженными вилами.

Обо всѣмъ этомъ Вольтеръ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Не могъ онъ также провѣрить правдивость утвержденія Екатерины, что во всей ея странѣ нѣтъ ни одного мужика, который не могъ бы каждый день сварить себѣ курицу, еслибъ захотѣлъ. „Съ нѣкотораго времени“, присо-вокупляла императрица, „они предпочитаютъ индѣекъ“. Вольтеръ былъ въ восторгѣ и тѣмъ легче вѣрилъ, что находилъ въ этомъ выгоду. Екатеринѣ связь съ однимъ изъ могущественныхъ людей того времени была также выгодна. И вотъ причина той дружбы, которую мы изучаемъ. Обмѣнъ мыслей, чувствованій, вѣрованій?—Нѣтъ. Обмѣнъ любезностей и услугъ. Случается и Екатеринѣ съ блестящей откровенностью высказывать свои мысли по этому поводу, какъ на примѣръ въ письмѣ къ „патріарху“ отъ 22 августа 1765 г., гдѣ она говоритъ, что счастлива своей перепиской съ „племянникомъ аббата Базена“—это прозвище, какъ извѣстно, относится къ Вольтеру,—„потому что хорошо и полезно имѣть такія знакомства“. Да, было хорошо и полезно имѣть подъ рукой кого-нибудь, кому можно было бы сообщить, что вривили себѣ оспу, чтобы дать геройскій примѣръ своимъ подданнымъ, твердо зная, что этотъ подвигъ сейчасъ же сдѣлается извѣстенъ всей Европѣ. И Вольтеръ въ одномъ изъ своихъ первыхъ писемъ опредѣленно ставитъ условія сѣглашенія. Дѣло идетъ о помощи семейству Сирвенъ. Малѣйшее пособіе удовлетворитъ его. „Мы просимъ только“, увѣряетъ патріархъ, „о чести поставить великое имя

во главѣ тѣхъ, кто помогаетъ намъ задавить фанатизмъ“... И тотчасъ же прибавляетъ: „Имѣю исходатайствовать милость у Вашего Величества: со- благоволите допустить, чтобы я сообщилъ памятную записку, которой вы меня осчастливили, по поводу наказанія Ростовскаго архіерея, осмѣливша- гося вообразить, что есть двѣ власти. Есть, государыня, только одна власть та, которая благодѣтельна“. И, не выжидая позволенія, въ кото- ромъ онъ былъ увѣренъ, Вольтеръ издалъ свое мнимое „Пастырское по- сланіе новгородскаго архіерея“, долженствовавшее указать Франціи един- ственный правильный способъ пониманія отношеній между церковью и государствомъ, т. е. способъ пониманія ихъ Екатериной.

Установившіяся такимъ образомъ добрыя отношенія продолжались и развивались. Въ нихъ не было тѣхъ бурь и перемѣнъ, которымъ подвер- гались отношенія философа къ другимъ великимъ міра сего. Впрочемъ, этому много причинъ. Когда, Фридрихъ былъ молодъ, а философъ на двадцать лѣтъ моложе. Въ 1764 г., несмотря на большую разницу лѣтъ, и ферней- скій пустынникъ и вдова Петра III, оба уже имѣли за собой долгій жиз- ненный опытъ: Екатерина пятнадцать лѣтъ готовилась къ своему ремеслу государыни, Вольтеръ въ это время изучалъ и прекрасно изучилъ ремесло паредворца. Во вторыхъ, и это важно, Екатерина, хотя и много писала, но не претендовала на званіе писателя. Въ этомъ отношеніи у нея не могло быть оскорбленнаго самолюбія. Какъ Фридрихъ, она называла себя ученикомъ Вольтера; но почва, на которой она примѣняла уроки учителя, была не такого рода, чтобъ онъ могъ оказать тутъ какое нибудь вмѣ- шательство. Если Екатерина и рѣшилась обращаться съ нимъ какъ съ равнымъ, какъ съ такимъ же властителемъ, то царства ихъ не могли по- служить точкой столкновенія, такъ какъ принадлежали къ двумъ разнымъ мірамъ. Наконецъ, Вольтеръ не былъ въ Петербургѣ; отъ испытанія слиш- комъ близкаго личнаго знакомства были избавлены эти два человѣка, въ сущности не имѣвшей ни одной общей мысли, ни одного общаго чувства, кромѣ, развѣ только обожанія своихъ собственныхъ особъ. Только издали ихъ два эгоизма могли сходиться для обоюдныхъ восхваленій и любезнос- тей.

Если Екатеринѣ нужно напомнить Римскому Императору, „что турки два раза осаждали Вѣну“, или обратить вниманіе Европы на „недостойный и соотвѣтствующій людскому праву способъ дѣйствія Оттоманской Порты по отношенію къ иностраннымъ посольствамъ“, а для этого воспользоваться перомъ ловкаго писателя, то она тотчасъ же посылаетъ курьера въ Ферней: Патриархъ безъ сомнѣнія сумѣетъ найти „начинающаго писателя“, который сумѣетъ написать на эту тему жгучій памфлетъ, получивъ вознагражденіе въ тысячу дукатовъ, вѣроятно, достаточное за „такую бездѣлицу“. Отвѣтъ долго не задерживается и „начинающій писатель найденъ“. „Для этого“, отвѣчаетъ патриархъ, „мнѣ пришлось положить тысячу дукатовъ въ карманъ и взяться за перо“.

Такимъ образомъ возникъ *Tocsin des Rois* (*Набатъ королей*). Однако, плодовитый писатель не довольствовался выгодами, которыя пріобрѣтало его перо, служа этой дружбѣ: онъ пользовался имъ и для сбыванія часовъ. Ибо, онъ фабриковалъ ихъ самъ или заказывалъ „колонистамъ“, которымъ, будто бы изъ челоуѣколюбія, оказывалъ свое покровительство; и статья, наполненная остроумной политико-философской и сентиментальной болтовней оканчивалась какъ бы рекламой: онъ явно напрашивался на заказъ. Сѣверная Семирамида не отвѣтила отказомъ, она купила на три-четыре тысячи рублей часовъ. Сейчасъ же ей послали второе большее количество ихъ, но патриархъ извинялся: это случилось отъ слишкомъ большого рвенія „колонистовъ“,—это не его, а ихъ вина. „Впрочемъ, счетъ составляетъ всего 39,238 французскихъ ливровъ, это на половину дешевле, чѣмъ въ Лондонѣ, Парижѣ и даже Женевѣ. При уплатѣ даются всѣ льготы“.—„Хорошо, отвѣчала Семирамида, но это въ послѣдній разъ“. Она послала 39,238 ливр., вмѣстѣ съ бюллетенемъ о послѣднихъ подвигахъ русскихъ войскъ, о которыхъ долженъ оповѣстить Европу челоуѣкъ, котораго наиболѣе читаютъ во всемъ свѣтѣ.

Комплименты всегда служатъ проводниками при взаимной эксплуатаціи. Часто они служатъ и платой. Вольтеру въ этихъ случаяхъ принадлежитъ первое мѣсто по богатству и разнообразію выраженій. Онъ выказывалъ поразительную роскошь лстивыхъ словъ. Его воображеніе

развилося съ Фридрихомъ, названнымъ имъ Соломономъ Сѣвера, раньше чѣмъ Екатерина стала Семирамидой; но вѣчное женственное сильнѣе возбуждало и питало его вдохновеніе. Соломонъ палъ, Екатерина поставлена выше его, а также выше Солона, Ликурга, Людовика XIV и Ганнибала... Римляне не могли бы удержаться противъ ея арміи... Она стоитъ выше всѣхъ существующихъ монарховъ... Она единственный великій человекъ въ Европѣ, хотя Фридрихъ еще живъ... Она первый человекъ въ мірѣ... Европа восхищена ею, а Азія смотритъ на нее съ удивленіемъ... Еслибъ Европа и Азія были разумны, она царствовала бы надъ всѣмъ міромъ... Ея душа все понимаетъ; ея умъ долженъ служить примѣромъ вышихъ способностей... Она очагъ и жизнь всѣхъ націй... Ей суждено пересоздать общество... Она преобразила восемнадцатое столѣтіе въ золотой вѣкъ... Гдѣ она, тамъ рай... Она святая... Она выше всѣхъ святыхъ... Она ангель, передъ которымъ должны молчать всѣ люди... Она равна Богоматери... Она еще болѣе—она Петербургская Богоматерь, стоящая гораздо выше Ченстоховской, такъ чтимой поляками... Она божество сѣвера: „*Te Catharinam laudamus, te Dominam confitemur*“*)!... Она выше природы, исторіи, даже философіи! Да, она учитель философовъ.. Она знаетъ болѣе, чѣмъ всѣ Академіи. Она дѣлаетъ болѣе, чѣмъ можетъ сдѣлать другой въ 24 часа, потому что у нея болѣе одной души; а число ея талантовъ—тайна... Ея учрежденія—наилучшія въ мірѣ... Ея Смольный Институтъ выше воспитательнаго заведенія г-жи Ментенонъ... Ея имперія выше всѣхъ царствъ; ея законы выше всѣхъ законовъ; ея „уложеніе“—всемирное Евангеліе... Ея брильянтъ, подаренный Григоріемъ Орловымъ, больше „Регента“... Ея руки—Вольтеръ никогда не видалъ ихъ—самыя прелестныя въ свѣтѣ... Ея ноги—не графъ ли Шуваловъ, бывший въ Фернеѣ, сообщилъ ему эти свѣдѣнія?—бѣлѣ снѣга ея страны...“ Вольтеръ доходитъ до того, что удивляется, какъ она можетъ спуститься до переписки съ такимъ незначительнымъ человекомъ, какъ онъ—со старымъ болтуномъ...

Искренень ли онъ? Искренна ли она, когда приглашаетъ его въ

---

*) Тебя Екатерина, хвалимъ тебя, госпожа, преславляемъ.

Петербургъ и предлагаетъ сдѣлаться тамъ священникомъ, чтобъ она могла поцѣловать его руку, „руку, которая дѣлаетъ столько добра“! Чтобы узнать правду, надо освѣдомиться объ этомъ въ интимной корреспонденціи, патріарха съ его другомъ д'Аламберомъ, или Екатерины съ такимъ наперстникомъ, какъ Гриммъ. Въ письмахъ Вольтера къ д'Аламберу, Екатерина является „прекрасной Катó“ или просто „Катó“, какъ Фридрихъ былъ Аттила-Котень. Въ этой перепискѣ находимъ такого рода мѣста по отношенію къ *божеству Сьвера*: „Я соглашаюсь съ вами, что философіи нельзя гордиться подобными учениками; но что же дѣлать, надо любить своихъ друзей съ ихъ недостатками. Надо даже извинять ихъ“. „Я знаю“, пишетъ Вольтеръ къ г-жѣ дю-Дефанъ. „что ее упрекаютъ за нѣкоторые пустячки по поводу ея мужа; но это семейныя дѣла, въ которыя я не вмѣшиваюсь. Впрочемъ, хорошо, когда нужно загладить большую вину; это заставляетъ дѣлать больше усилій, чтобъ заслужить восхищеніе людей. Замѣьте, что до трагической смерти этого мужа, выгода и невыгода которой такъ сбалансирована хитрымъ философомъ, Петръ III былъ „достоинъ долгой жизни, такъ какъ жилъ только для блага людей“. Это высказалъ Вольтеръ въ письмѣ къ графу Шувалову. Потомъ тотъ же Петръ обратился въ пьяницу, смерть котораго не могла бы даже послужить сюжетомъ трагедіи.

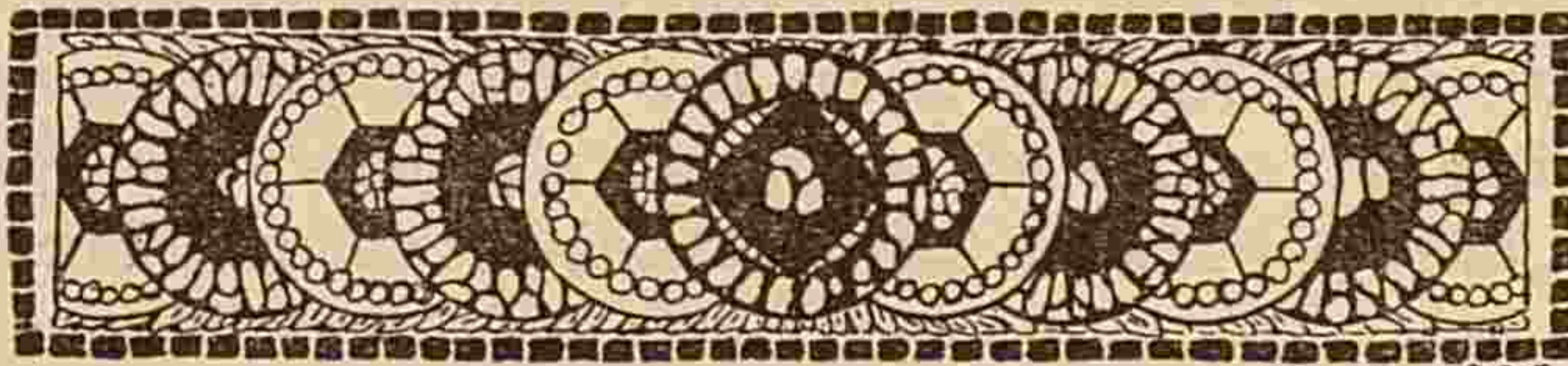
Фридрихъ платилъ Вольтеру его же монетой: на другой день послѣ перваго посѣщенія философомъ Рейнберга, по поводу платы за проѣздъ требуемой тѣмъ, кого онъ официально называлъ „мой Апполонъ“, король выразилъ слѣдующую мысль: „Слишкомъ дорого для придворнаго шута“. Да и Екатеринѣ нечего было обижаться. — Стоитъ только заглянуть въ ея письмо къ Гримму, гдѣ она разбираетъ въ десятый разъ проектъ пріѣзда патріарха въ Петербургъ, — пріѣзда, который постоянно предполагался, былъ, яко-бы, пламеннымъ желаніемъ обѣихъ сторонъ и постоянно откладывался. Уже въ 1766 году, составляя маршрутъ для путешествія по Европѣ племянниковъ, принцевъ Августа и Петра Гольштинскихъ, императрица вычеркнула Женеву, опасаясь, откровенно говорила она, какъ бы путешественники не сдѣлали тамъ нежелательныхъ знакомствъ. Стремилась

ли она сама къ встрѣчѣ съ такимъ знакомымъ? Мы найдемъ отвѣтъ въ ея письмѣ къ Гримму. До сихъ поръ препятствіемъ къ свиданію съ великимъ человѣкомъ было всегда то, что она должна была отправляться въ свои южныя провинціи, когда онъ собирался посѣтить ее на Сѣверѣ. Теперь она писала по-нѣмецки—что означало у нея большое волненіе: „Ради Бога, посоветуйте этому восьмидесятилѣтнему старику оставаться въ Парижѣ! Что ему здѣсь дѣлать?.. Это будетъ не лучше посѣщенія шведскаго короля. Помните страхъ мой передъ этимъ“. И прибавляла по французски: Вы можете, между прочимъ, дать ему понять, что Катó интереснѣе издали“.

Это было также мнѣніе г-жи дю-Дефанъ, которая десять лѣтъ передъ тѣмъ, подшучивая надъ Вольтеромъ за терпимость, предполагаемую имъ въ своемъ другѣ,—„терпимость, поддерживаемую у сосѣдей пятидесятью тысячами вооруженныхъ миссіонеровъ“,—давала ему слѣдующій совѣтъ: „Не смотрите на свою Катó, иначе какъ сквозь призму вашего воображенія. Оставьте между вами разстояніе, если не время“. Но нуждался ли Вольтеръ въ такихъ совѣтахъ? Развѣ онъ не зналъ въ чемъ дѣло, когда рѣзко отвѣтилъ посѣтителю, просившему у него показать его *Русскую исторію*.

— Вы съ ума сошли! Если вы хотите узнать что-нибудь, возьмите исторію Лакомба: онъ не получалъ ни медалей, ни мѣховъ.

Екатерина тоже знала въ чемъ дѣло, такъ какъ была освѣдомлена—можетъ быть, по неосторожности Гримма,—о томъ фамиллярномъ и непочтительномъ имени, которымъ величали ее между собой философы.

III.

Официальные комплименты и тайныя эпиграммы, выманенные дукаты, навязанные часы въ замѣнъ заказанныхъ памфлетовъ — весь этотъ обманъ и лигературный торгъ, столь предосудительный съ нынѣшней, — къ чести нашихъ читателей — точки зрѣнія, все это не составляетъ еще худшей стороны двухъсмысленной исторіи, которую мы излагаемъ. Есть и худшее. Можно бы отнестись снисходительно къ „екатерининскому“ рвенію съ которымъ философъ выступалъ противъ невѣрныхъ во время первой турецкой войны; къ возваніямъ объ уничтоженіи самого имени „мусульманія“, странными въ устахъ проповѣдника терпимости, или молитвамъ къ Святой Дѣвѣ, покровительницѣ христіанъ, столь неожиданнымъ отъ человѣка, отвергавшаго всѣ догматы. Мы могли бы даже, какъ это намъ не трудно, извинить философа за его отношеніе къ Польшѣ. Онъ участвовалъ какъ четвертая держава, по крайней мѣрѣ съ совѣщательнымъ голосомъ въ раздѣленіи несчастной страны. Написавъ: „Вотъ соединеніе трехъ прекрасныхъ и добрыхъ головъ подъ одной шапкой“, онъ вѣроятно, втайнѣ сопричислялъ и себя къ нимъ. Онъ даже находилъ, что сдѣлано слишкомъ мало въ первомъ договорѣ о раздѣлѣ, что „не надо останавливаться на такомъ славномъ пути“. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, онъ былъ вполне удовлетворенъ. Онъ видѣлъ выгоду для себя, выгоду, — непредвидѣнную, вѣроятно, участниками раздѣла — хотя бы въ новомъ заказѣ часовъ его Фернейской „колоніи“. Что же касается усилій несчастныхъ поляковъ избѣгнуть готовившейся имъ участи освободительной войны, начатой съ такимъ героизмомъ барскими конфедерами при помощи нѣсколькихъ храбрыхъ французовъ, то это была „война фанатиковъ противъ терпимости“, „итальянскій фарсъ“, „смѣшеніе невѣроятныхъ ужасовъ и сумасбродствъ“, наконецъ, „самое постыдное и подлое дѣло этого столѣтія“. Но все равно!

Можно простить или забыть эти заблужденія разума и сердца, отъ которыхъ насъ отдѣляетъ столько времени. Это не рѣдкое явленіе въ политикѣ.

Мы не станемъ, какъ это часто дѣлали, стараться извинить ихъ или оправдать совсѣмъ инымъ взглядомъ философа на попытки освобожденія Греціи, которымъ сочувствовала въ то время и Екатерина.

Вольтера называли первымъ современникомъ „филэллинномъ“; въ его обыкновенно легкой и легкомысленной корреспонденціи, чувствовали дрожь энтузіазма къ свободѣ и возрожденію благороднаго народа; восхищались тѣмъ, что холодный моралистъ, современникъ развратниковъ Регентства, нашелъ снова молодую вѣру и слова, достойныя Байрона въ защиту прекраснаго дѣла *); но мы видимъ въ этихъ восторгахъ ничто иное, какъ общую иллюзію, а въ куплетахъ и словахъ философа ни что другое, какъ бравурную арію, исполненную удивительнымъ виртуозомъ и служащую только новымъ доказательствомъ, какъ много было искусственнаго, дѣланнаго и неискренняго въ плѣнительномъ вдохновеніи французскаго генія наиболѣе всѣхъ обманывавшаго людей. Почему же это, а не то? Греція, а не Польша? Почему? Причина одна: желаніе поставить лишнюю свѣчку въ храмѣ, посвященной „культу святой Екатерины“. Такъ благородно воспламеняясь за освобожденіе Эллиновъ, зналъ ли онъ, что намѣревалась, освободивъ ихъ, сдѣлать съ ними святая Екатерина. Интересовался ли онъ этимъ? Потомъ, когда достаточно воспользовавшись ихъ нетерпѣніемъ свергнуть мусульманское иго и ихъ храбростью, святая Екатерина предоставила грековъ ихъ печальной участи, сдѣлалъ ли онъ ей хотя малѣйшій упрекъ? Національныя пѣсни Румеліи сохранили слѣды негодованія, поднявшагося тогда въ сердцахъ несчастныхъ патріотовъ, преданныхъ ихъ минутной покровительницей **). Вольтеръ такихъ пѣсенъ не пѣлъ.

*) Rambaud, „*Catherine II et ses correspondants*“. (Revue des deux Mondes, 1 Fvrier 1877).

***) Emile Legrand, „*Recueil de chansons populaires grecques*“. Paris, 1873, p. 113.

Но, повторяемъ еще разъ, полное снисхожденіе должно въ настоящее время простираться надъ этими погрѣшностями. Въ концѣ концовъ, ни греки, ни поляки не были родственниками этого француза восемнадцатаго вѣка; онъ могъ не имѣть понятія національной солидарности, проповѣдуемой много позднѣе и блѣднѣющей уже въ настоящее время. Онъ ничѣмъ не былъ обязанъ по отношенію къ нимъ. Если онъ дурно думалъ и говорилъ о погибающей Польшѣ, то также дѣлали и его собратья по философіи. Его уже не было въ живыхъ во время второго раздѣла; а послѣдній не встрѣталъ ни во Франціи, ни въ иной странѣ враждебнаго мнѣнія, которое бы шло въ разрѣзъ съ его мнѣніемъ и могло бы повредить его памяти. Есть нѣчто гораздо худшее въ болтовнѣ философа съ его царственнымъ другомъ—подробность, на которую нельзя смотрѣть иначе, какъ съ чувствомъ возмущенія и отвращенія, къ какой бы національности или церкви не принадлежать: это выраженія, въ которыхъ этотъ великій французъ говоритъ нѣмкѣ о Франціи. Въ этомъ отношеніи, онъ уже практиковался съ Фридрихомъ. Воспѣвая побѣду при Росбахѣ, онъ говоритъ: „Я зналъ, конечно, что воины христіанѣйшаго короля показали вамъ спины...“ Но онъ совершенствуется, обостряетъ остроуміе, утончаетъ иронию. Въ отвѣтъ на бюллетень объ одной побѣдѣ, посланный ему Семирамидой, онъ пишетъ.

„Я также хочу, Государыня, передать вамъ подвиги моей родины: у насъ новая, прекрасная танцовщица въ Парижской оперѣ. Говорятъ, у нея чудныя руки. Послѣдняя комическая опера не имѣла успѣха, но готовятъ другую, которая должна удивить весь міръ. Она будетъ сыграна лучшими актерами въ мірѣ въ первомъ городѣ міра. Нашъ флотъ намѣревается плыть изъ Парижа въ Сен-Клу... Все это составляетъ первый народъ на свѣтѣ, первый дворъ на свѣтѣ, первыхъ обезьянъ на свѣтѣ“.

Правда, онъ прибавляетъ: „Замѣьте, Государыня, что я не французъ; я швейцарецъ; а еслибъ я былъ моложе, я бы сдѣлался русскимъ“. Онъ отказывается отъ своей національности, издѣваясь надъ ней. Когда сражавшіеся въ Польшѣ французскіе офицеры попадаютъ въ плѣнъ русскимъ, онъ находитъ это забавнымъ, а когда Екатерина докладываетъ ему,

что намѣрена сослать этихъ несчастныхъ въ Сибирь, *чтобъ они тамъ, какъ она выражается, развили вкусъ къ хорошимъ французскимъ манерамъ*, онъ хохочетъ. Правда, на другой день онъ хвастается своему другу д'Аламберу, что просилъ за плѣнниковъ. Увы, и другъ д'Аламберъ также ходатайствовалъ о нихъ. Онъ написалъ императрицѣ въ самое короткое время три письма, самыхъ краснорѣчивыхъ, увѣряя онъ, какія только были написаны... Императрица отвѣтила только на послѣднее. Холодно и зло посмѣявшись надъ возвышенностью чувствъ, надъ силой его краснорѣчія и красотой его стиля, Екатерина категорически отказала ему. И добрый д'Аламберъ, былъ въ отчаяніи; „Этой царицѣ оказалось такъ легко дать хорошій отвѣтъ, удовлетворительный и лестный для философіи, нисколько не ставя себя въ неловкое положеніе, но отказавъ въ просьбѣ“. Да, это было легко, такъ какъ просьба въ пользу восемнадцати дворянъ, приговоренныхъ къ каторгѣ за то, что они обнажили свои шпаги за благородное дѣло, и упоминаніе о правдѣ, человѣчности и правѣ, имѣло только цѣлью воспользоваться кровью и слезами этихъ французовъ для выгоды философіи и заплатить за нихъ комплиментомъ. Въ это же время (1773 г.) появилась въ Гагѣ книга, посвященная: „Ея Императорскому Величеству, Высочайшей и Могущей Государынѣ Екатеринѣ II, покровительницѣ наукъ и искусствъ, достойной великимъ умомъ судить о древнихъ націяхъ, какъ и управлять своею“. Это было посмертное сочиненіе одного французскаго философа; а въ предисловіи неизвѣстнаго издателя,—вѣроятно, тоже француза и исповѣдника философской религіи,—находились слѣдующія слова: „Не подъ именемъ французовъ будетъ въ послѣдствіи извѣстенъ этотъ народъ. Въ настоящее время онъ унизился передъ Европой. Никакой благодѣтельный кирзисъ не вернетъ ему свободу. Развратъ погубитъ его. Одно было бы спасеніе, еслибъ онъ былъ побѣжденъ“. Гельвеціусъ написалъ эту книгу*), а Дидро, жившій нѣкоторое время въ Гагѣ по дорогѣ изъ Петербурга, не опровергалъ категорически приписываемаго ему участія въ этомъ сочиненіи. „Я подозрѣваю“, пишетъ г. де-Ноайль, фран-

*) „О человекѣ, его умственныхъ способностяхъ и его воспитаніи“.

цузскій посланникъ въ Голландіи, что онъ (Дидро) авторъ предисловія; но, если и нѣтъ, то отвѣчаю, что онъ въ Гагѣ выражалъ тѣ-же чувства *).

Инцидентъ этотъ не имѣлъ послѣдствій. Князь Голицынъ, русскій посланникъ въ Гагѣ, по общему мнѣнію, покровительствовалъ упомянутому изданію, два экземпляра котораго онъ немедленно послалъ государынѣ. Онъ отъ этого и не отказывался. Въ извиненіе Петербургскій кабинетъ приводилъ, что „существуетъ много французскихъ сочиненій, гдѣ къ Россіи относятся не лучше“.—Но эти сочиненія не были написаны русскими!..

Во всѣ эпохи революціонернымъ геніямъ случалось, можетъ быть, безсознательно, приносить въ жертву преходящимъ идеямъ тѣ принципы и чувства, которые стоя выше страстей и увлеченій минуты, должны бы составлять неотъемлемую и вѣчную принадлежность нашего ума и сердца. Если между нами нѣтъ философовъ, готовыхъ забыть все, чѣмъ они обязаны родинѣ, то это, можетъ быть, происходитъ отъ того, что нѣтъ больше философовъ, думающихъ о томъ, чтобы передѣлать нашъ міръ. Если же такіе и найдутся, то не окажутся ли они способны отрицать унаслѣдованныя традиціи, интересы, и класть свою славу и свои общія печали подъ ноги какому-нибудь чужому или интернаціональному божеству—божеству не менѣе требовательному и лживому, чѣмъ то, культъ котораго, распространенный Вольтеромъ, потерпѣлъ въ концѣ вѣка такое пораженіе?

*) Герцогу Эгильонскому, Гага, 14 сентября 1773 г.

IV.

Склонная къ преобразованіямъ и либеральная Екатерина перестала быть революціонеркой на другой день послѣ того, какъ ея личная революція доставила ей тронъ. Это было ея преимуществомъ передъ друзьями—философами; она имъ и пользовалась. Она, собственно говоря, смѣялась надъ Вольтеромъ и его собраніями и эксплуатировала ихъ больше, чѣмъ они ее. Не со всѣми она была такъ жестока, какъ съ д'Аламберомъ: она имѣла нѣчто, о чемъ мы скажемъ впоследствии, противъ него и не могла не воспользоваться случаемъ, чтобы посчитаться съ нимъ. Другимъ она платила щедро комплиментами, мѣхами и медалями, но не поступалась ничѣмъ важнымъ, ни даже своими предразсудками. Она была авантюристкой, когда достигла трона, полу-азіатскаго, нетвердаго и пользовавшагося довольно дурной славой въ Европѣ. Въ это время Вольтеръ, даже въ Россіи, имѣлъ уже извѣстное положеніе. Въ одномъ изъ номеровъ Московской газеты 1749 года, между важными политическими извѣстіями, можно найти замѣтку о подробностяхъ духовнаго завѣщанія знаменитаго философа, касающихся его племянницы. Съ 1745 г. Вольтеръ былъ членомъ С.-Петербургской Академіи и съ 1747 г. официальнымъ историкомъ имперіи. Его имя, испорченное мѣстнымъ произношеніемъ и правописаніемъ, употреблялось на русскомъ языкѣ, какъ опредѣленіе высшей культуры. Говорили: „опредѣлить своего сына въ Вольтеры“, подобно тому, какъ говорили: опредѣлить въ пажи или въ полкъ, но подразумѣвая въ первомъ случаѣ высшее образованіе *). Екатерина воспользовалась всѣмъ этимъ; но по

*) „Я князь—Григорію и вамъ фельдфебеля въ Вольтеры“ т. е. въ учителя дамъ. Комедія „Горе отъ ума“ Грибоѣдова, дѣйствіе 4, явленіе V.

своему—заимствуя отъ философіи и философовъ только то, что могло ей пригодиться. Можетъ быть, она освободила монастырскихъ крестьянъ подъ вліяніемъ посланной „патріархомъ“ въ 1767 г. на соисканіе преміи Экономическаго Общества въ Петербургѣ, статьи *), имѣвшей девизомъ: „*Si populus dives rex dives*“ которая именно давала монархамъ совѣтъ освобождать своихъ крестьянъ. Вольтеръ не получилъ преміи, но царица прочла и оцѣнила его сочиненіе. Это не помѣшало Екатеринѣ писать позднѣе Гримму:

„Надо сознаться, что эти философы странныя созданія; они, мнѣ кажется, являются на свѣтъ, чтобы ставить точки на *i* и чтобы затѣмнять и дѣлать неяснымъ то, что мы знаемъ, какъ дважды два четыре“.

Произведенія англійскаго юриста Блэкстона, который также по своему былъ большимъ философомъ, одно время пользовались такимъ же вниманіемъ Екатерины, какъ и сочиненія Вольтера. Но вотъ ея мнѣніе о нихъ:

„Комментаріи Блэкстонъ и я, мы неразлучны“, пишетъ она Гримму въ 1776 году. „Это неистощимый поставщикъ мыслей и фактовъ. Я не исполняю ничего, что написано въ его книгъ, но это нить, которую я разматываю по своему“.

Что же касается до философовъ школы Кэне и Тюрго, она еще быстрѣе расправлялась съ ними. Вотъ что козель „отпущенія“ годъ передъ тѣмъ, читалъ въ одномъ изъ ея писемъ: „На меня сыпятся книги по экономіи, но я, не читая, бросаю ихъ въ огонь; я сознаюсь, что это глупо, но я ихъ терпѣть не могу; я ѣмъ и буду ѣсть свой хлѣбъ безъ васъ, крикуны!“

Она не бросала въ огонь книгъ Вольтера, но, подписавшись на новое посмертное изданіе сочиненій учителя, поручала секретарю прочесть ихъ и отмѣтить то, что разумно; а когда экземпляръ съ отмѣтками былъ ей переданъ, она даже не полюбопытствовала взглянуть на него. Она выписала его только для вида; также для вида она купила бібліотеку усопшаго. Она даже выражала желаніе, такъ какъ не могла видѣть его въ Петербургѣ при жизни—получить его трупъ и выговаривала Гримму:

*) Недавно открытой Семевскимъ.

„Зачѣмъ вы не овладѣли отъ моего имени его тѣломъ? Вамъ бы слѣдовало переслать его мнѣ, ей! ей! это промахъ съ вашей стороны, первый въ вашей жизни. Ручаюсь, что онъ получилъ бы у насъ гробницу самую драгоценную“.

Она умилялась.

„Я надѣялась, что извѣстіе объ этой смерти ложно. Вы подтвердили его, я сейчасъ почувствовала упадокъ духа, презрѣніе ко всему на свѣтѣ. Мнѣ хочется кричать... Съ его смертью уничтожилось желаніе веселья; онъ былъ богомъ веселости... Онъ былъ моимъ учителемъ; онъ, или лучше сказать, его произведенія развили мой духъ и мою голову. Я вамъ говорила это не разъ: я его ученица. Когда я была моложе, мнѣ хотѣлось нравиться ему. Чтобы я осталась довольна какимъ-нибудь поступкомъ, надо было, чтобъ онъ былъ достоинъ передачи ему, и я сейчасъ его объ немъ извѣщала“...

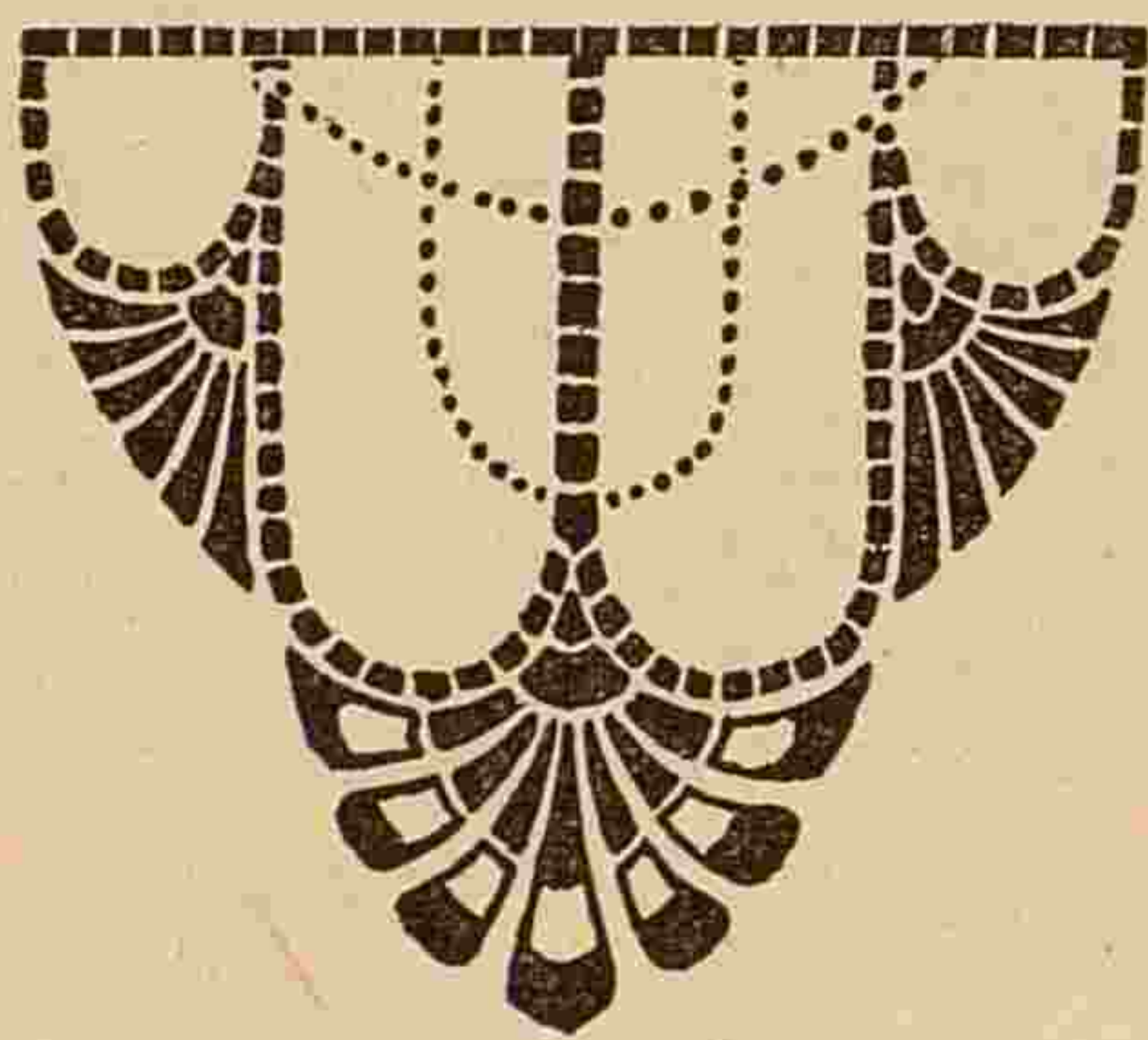
Она мечтала построить въ Царскомъ Фернейскій дворецъ, воспроизведя вполнѣ внѣшній и внутренній видъ знаменитаго жилища,—комнату, гдѣ мыслить и писалъ философъ, даже пейзажъ, на которомъ покоился его взоръ. Въ то же время она ни за что не соглашалась опубликовать свою переписку съ нимъ: ея письма были слишкомъ дурно написаны, его — слишкомъ лестны для нея и непочтительны для другихъ властителей *). И такъ какъ эта корреспонденція многими не одобрялась, а слишкомъ подозрительное высшее духовенство видѣло въ ней почти что скандалъ, она начала просто отрицать ее. Не могла же она запретить Вольтеру писать ей—столько людей ей писали! Но она не отвѣчала ему, она отклонила всѣ попытки его вовлечь ее въ переписку, которая была бы недостойна императрицы всея Руси **).

Потомъ явилось постепенное забвеніе или хуже того, униженіе великой памяти въ умѣ, все болѣе отдалявшемся отъ идеала и погружав-

*) Для султана въ особенности, котораго Вольтеръ честилъ „толстой свиньей“.

**) См. ея письмо къ Мамонову (отцу), 17 сентября 1789 г. Русскій Архивъ, 1866 г.—сравн. Вейкартъ, мемуары, стр. 353.

шемся въ практическія занятія поглощающаго ремесла. Въ 1790 г. перечитываютъ еще „Гендриаду“ и совѣтуютъ при посредствѣ Гримма „глупымъ людямъ“ сдѣлать тоже, „чтобы вѣшеупомянутые бездѣльники“—тѣ же французы, увлеченные якобинствомъ—„научились мѣслить“. Но уже въ 1781 году, уразумѣли, что и нѣмцы научились такъ же хорошо говорить на своемъ языкѣ, какъ и Вольтеръ на своемъ, а въ 1784 г. отказались подписаться на изданіе, поддерживающее славу учителя и служившее доказательствомъ почтенія, оказываемаго генію искусствомъ и литературою. Наконецъ, въ день, когда разразилась революція, Гриммъ принужденъ былъ заступиться передъ забывчивой и неблагодарной ученицей за учителя, отъ котораго она отрекалась, дѣлая его отвѣтственнымъ за насилія революціонеровъ.

Дидро.

I. Начало сношеній между философомъ и императрицей.—Проектъ закончить Энциклопедію въ С.-Петербургѣ.—Покупка библіотеки.—*Библиотекаръ Ея Величества*.—II. Благодарность Дидро.—Проектъ памятника Славы Екатерины.—Проектъ новой Энциклопедіи. Путешествіе въ Петербургъ.—Посоль отъ „Литературной-республики“.—III. Прибытіе.—Первыя разочарованія.—Разговоры съ Екатериной.—Краснорѣчіе и мимика философа.—Апостольская дѣятельность. — Дипломатическія попытки. — Голосъ воиющій въ пустынѣ. IV. Философъ развлекается.—Враждебное вліяніе.—*Черный человекъ*. при дворѣ.—Мистификація.—Отъѣздъ.—Иллюзія и новыя разочарованія.—Смерть.—Окончательное разочарованіе.

I.

Вольтеръ всю свою жизнь былъ человекомъ счастливымъ. Между прочими удачами, выпавшими на его долю, можно счесть и то, что онъ оставался на своемъ мѣстѣ и не посягалъ въ сношеніяхъ, составлявшихъ одинъ изъ предметовъ его гордости, на мѣсто, занимаемое Екатериной.

Дидро не былъ также счастливъ; ему на роду написано быть неудачникомъ, и пребываніе въ Петербургѣ было одной изъ его неудачъ. Но онъ склоненъ былъ поддаваться иллюзіямъ и держаться ихъ. Онъ вернулся очень довольный своимъ путешествіемъ или, по крайней мѣрѣ, говорилъ, что доволенъ. Только философіи пришлось при этомъ плохо; впрочемъ, ей грозили испытанія еще болѣе жестока.

Относили, —очень любезно для франціи, —возникновеніе сношеній великаго энциклопедиста съ великой владычицей Сѣвера къ тому времени, когда Дидро, еще молодой писатель, находившійся въ началѣ своей литературной карьеры, обрѣлъ въ щедрости императрицы двойную поддержку: нравственную и матеріальную, обезпечившую ему довольство и спокой-

ствіе, необходимыя для продолженія его занятій и развитія его замѣчательнаго дарованія*). Это чрезвычайно любезно! Но тогда Франціи не болѣе чѣмъ теперь, не приходилось просить у чужихъ хлѣба для созидателей своей славы; а Екатерина, вообще, не оказывала покровительства начинающимъ. Особенно въ то время, когда она впервые занялась Дидро, ей было достаточно хлопотъ по устройству собственной, едва начинавшейся карьеры. Это происходило въ 1762 г. Она только что свергла Петра III и воцарилась на его мѣсто; и черезъ девять дней—да, *ровно черезъ девять дней послѣ государственнаго переворота*—она уже приглашала философа пріѣхать въ С.-Петербургъ, чтобы окончить тамъ печатаніе *Энциклопедіи*, дальнѣйшее изданіе которой было пріостановлено королевскимъ декретомъ. Екатерина выписала себѣ семь уже появившихся томовъ обширнаго сочиненія, нашла въ нихъ великолѣпный складъ всякаго умственнаго хлама, именно то, что ей было необходимо для дешевой мебелировки своего верхняго этажа. Впослѣдствіи она не переставала обращаться къ этому складу, день за день почерпая изъ этой неистощимой сокровищницы мысли для своихъ реформъ и сюжеты для своихъ пьесъ. Она всегда очень уважала словари и, вѣроятно, въ 1762 г. полагала, что было бы жаль, если бы словарь Дидро остановился на полпути. Вѣроятно также, ей желательно было обратить на себя вниманіе въ этомъ европейскомъ мірѣ, гдѣ она намѣревалась занять мѣсто. Ей не терпѣлось выкинуть одну изъ своихъ штукъ, которыми она удивляла своихъ современниковъ, прельщая ихъ воображеніе. И она не стала терять времени. Переговоры, начатые черезъ русскаго посла въ Парижѣ, Голицына, при вмѣшательствѣ Шувалова и Вольтера, не привели ни къ чему. Дидро мотивировалъ свой отказъ чисто спеціальными причинами: онъ не считалъ *Энциклопедіи* достояніемъ, которымъ могъ бы располагать—она принадлежала ея издателямъ. Кромѣ того, постигшее его запрещеніе не имѣло тѣхъ послѣдствій, какія предполагали въ Петербургѣ: Дидро преспокойно велъ корректуру слѣдующихъ томовъ, которые печатались въ Парижѣ и только

*) Рамбо. Этюды, упомянутые выше.

помѣчались Невшателемъ. Въ сущности онъ вовсе не желалъ подвергать свою судьбу и судьбу своего труда превратностямъ неизвѣстнаго, какимъ представлялась тогда Россія съ царствовавшей еще такъ недавно государыней, при томъ воцарившейся столь неожиданнымъ образомъ.

Отношенія къ Дидро оставались въ такомъ положеніи до 1765 г., когда Голицыну опять пришлось стать посредникомъ при переговорахъ о покупкѣ библіотеки философа. Въ это время, точно также какъ и въ 1762 г. Дидро уже не былъ начинающимъ писателемъ. Родившись въ 1713 г., онъ имѣлъ время достигнуть полнаго развитія и воспользовался этимъ временемъ. Онъ также не находился въ безпомощномъ положеніи, получивъ кое-какое наслѣдство отъ отца, а Энциклопедія приносила ему по двѣ тысячи пятьсотъ франковъ за томъ, кромѣ десяти тысячъ франковъ заплаченныхъ заразъ—суммы значительной для того времени. Онъ былъ расточителенъ, очень щедръ къ друзьямъ, любилъ играть, но обыкновенно проигрывалъ, если вѣрить его дочери, мадамъ де Вандейль, и желалъ дать этой дочери приданое въ то время, какъ для этого у него не оказывалось ни гроша въ карманѣ. Другой причины для продажи библіотеки не существовало. Жертвовать такъ книгами, необходимыми ему для работы было съ его стороны необдуманнмъ поступкомъ. Со стороны Екатерины было выгодной сдѣлкой купить за тысячу пятьсотъ ливровъ это рѣдкое собраніе книгъ, стоившее вдвое—щепетильный и добросовѣстный Гриммъ ручался въ этомъ. Императрица проявила большую щедрость: она предоставила Дидро пользование библіотекой и просила его стать *ея библіотекаремъ* съ годовымъ жалованьемъ въ тысячу ливровъ. Но все же покупка оставалась выгодной для нея: ея подданные еще не ощущали острой нужды въ книгахъ—послѣдующія обстоятельства доказали это—и кромѣ того представилось затруднительнымъ, гдѣ помѣстить прилично такую библіотеку: въ 1715 г. Эрмитажъ еще не былъ построенъ. Кромѣ того поступокъ Екатерины имѣлъ еще то преимущество, что выставялъ въ глазахъ Европы ея щедрость и прекрасныя отношенія съ великой современной моральной силой. Имѣла ли на заключеніе этой сдѣлки какое либо вліяніе неудача кандидатуры Дидро въ члены Академіи и желаніе со сто-

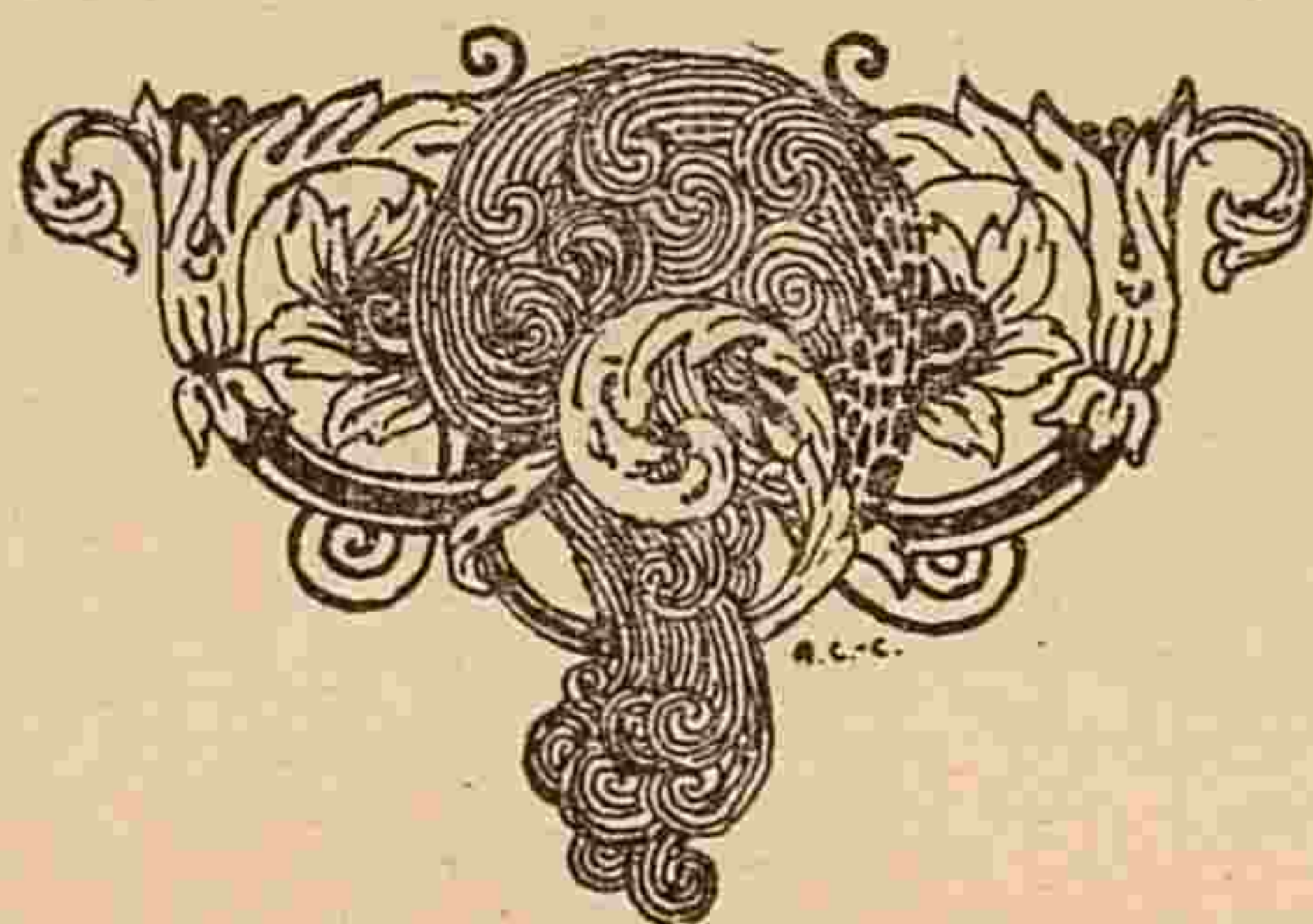
роны императрицы дать урокъ партіи ханжей, интриговавшихъ противъ его избранія, Людовику XV, высказавшему свое намѣреніе не давать на это избраніе своего согласія, и мадамъ де-Помпадуръ, отказавшей философу въ своей поддержкѣ? Мы нѣсколько колеблемся допустить это. Мадамъ де-Помпадуръ умерла за годъ передъ тѣмъ; кандидатура въ академики была снята съ 1760 г. и Екатерина еще не была въ достаточной мѣрѣ посвящена въ мелочныя подробности литературной жизни среды, куда она только недавно получила доступъ.

Дидро долженъ былъ помочь ей занять въ этой средѣ почетное мѣсто. Къ сожалѣнію, пенсію, назначенную философу, постигла участь большинства пособій, такъ щедро раздававшихся въ эту эпоху: черезъ два года Дидро уже не слышалъ о ней. Но тутъ Екатеринѣ пришлось на себѣ испытать важность и силу этого для нея новаго элемента, съ которымъ она предполагала вступить въ союзъ: она узнала, что съ французскимъ энциклопедистомъ нельзя поступать какъ съ русскими писателями или артистами, вродѣ, напримѣръ, Лосенко, умершаго съ голода, не возвысивъ голоса. Дидро поднялъ крикъ, а окружающіе его произвели такой шумъ, что Екатеринѣ пришлось быстро спохватиться. Онъ опять развернулась во всю ширь: приказала выплатить пенсію за все то время, въ теченіе котораго она не уплачивалась и, чтобы предупредить новую „небрежность казначея“—какъ она выразилась—уплатила пенсію полностью за пятьдесятъ лѣтъ впередъ. Эффектъ получился желаемый: въ кланѣ философовъ щедрость вызвала взрывъ энтузіазма, а со стороны перваго изъ энтузіастовъ — самого Дидро — настоящій восторгъ, почти бредъ превосходящій всякую мѣру благодарности:

„Великая монархиня, припадаю къ вашимъ стопамъ; протягиваю къ вамъ обѣ руки; желалъ бы говорить съ вами; но сердце сжимается, умъ смущается, мысли путаются; я готовъ расплакаться какъ ребенокъ... Благородный энтузіазмъ охватываетъ меня, мои пальцы сами собой касаются старинной лиры, струны которой перерѣзала моя философія. Я снимаю ее со стѣны, гдѣ она висѣла, и съ непокрытой головой и открытой грудью не могу не зацѣть:

Ты на престолѣ божества
Собой примѣръ являешь...

Истраченныя деньги не пропали даромъ. Екатерина приобрѣла такимъ образомъ не только знаменитаго пенсіонера и библіотекаря. Въ письмахъ къ Бернёву, котораго императрица выбрала на этотъ разъ посредникомъ своихъ щедротъ, Дидро неоднократно съ особенной аффектаціей называетъ себя „подданнымъ“ своей благотворительницы. Она его *сударыня*, такъ какъ *взяла на себя* уплату долга его страны. Съ своей стороны онъ спѣшитъ уплатить свой долгъ императрицѣ. Съ этой минуты онъ становится усерднымъ и часто драгоцѣннымъ агентомъ, всегда готовымъ къ услугамъ Екатерины для выполненія всякаго рода порученій по его части; и императрица не разъ прибѣгала къ нему. Его артистическія познанія и связи позволяли ему съ успѣхомъ замѣнить даже самого Гримма. Онъ устроилъ приглашеніе и поѣздку въ Россію скульптора Фальконета. Послалъ туда же экономиста Ла-Ривьера. Онъ принялъ участіе въ щекотливыхъ переговорахъ съ Рюльеромъ по поводу покупки или уничтоженія одной рукописи, опубликованіе которой Екатерина желала бы предупредить. Онъ приобрѣталъ для императрицы картины и статуи. Какъ частный къ театру, онъ даже подыскивалъ актрисъ въ то время, какъ въ отвѣтъ на его любезности Екатерина велѣла поставить въ Петербургѣ одну изъ его пьесъ „*Отецъ семейства*“, переведенную Глѣбовымъ.

II.

Но всего этого было еще мало для безпредѣльной благодарности философа. И вотъ въ его умѣ, гдѣ всегда роились разные проекты, зародился планъ, который долженъ былъ придать новый оборотъ его отношеніямъ съ императрицей: онъ высказалъ желаніе посвятить послѣдніе годы своей жизни той, которая обезпечила его, и намѣревался воздвигнуть ей памятникъ, достойный ея. Въ чемъ будетъ онъ состоять? Ни болѣе ни менѣе, какъ въ новой Энциклопедіи. „Предполагая, что первая уже закончена и составлена лучше, чѣмъ въ дѣйствительности“, онъ дастъ огромное продолженіе тридцати уже печатающимся томамъ. Пеліонъ, воздвигнутый на Оссеѣ, обзоръ идей,—присоединенный къ обзору вещей—философскій вокабулярій, который долженъ резюмировать усилія человѣческой мысли съ начала міра...

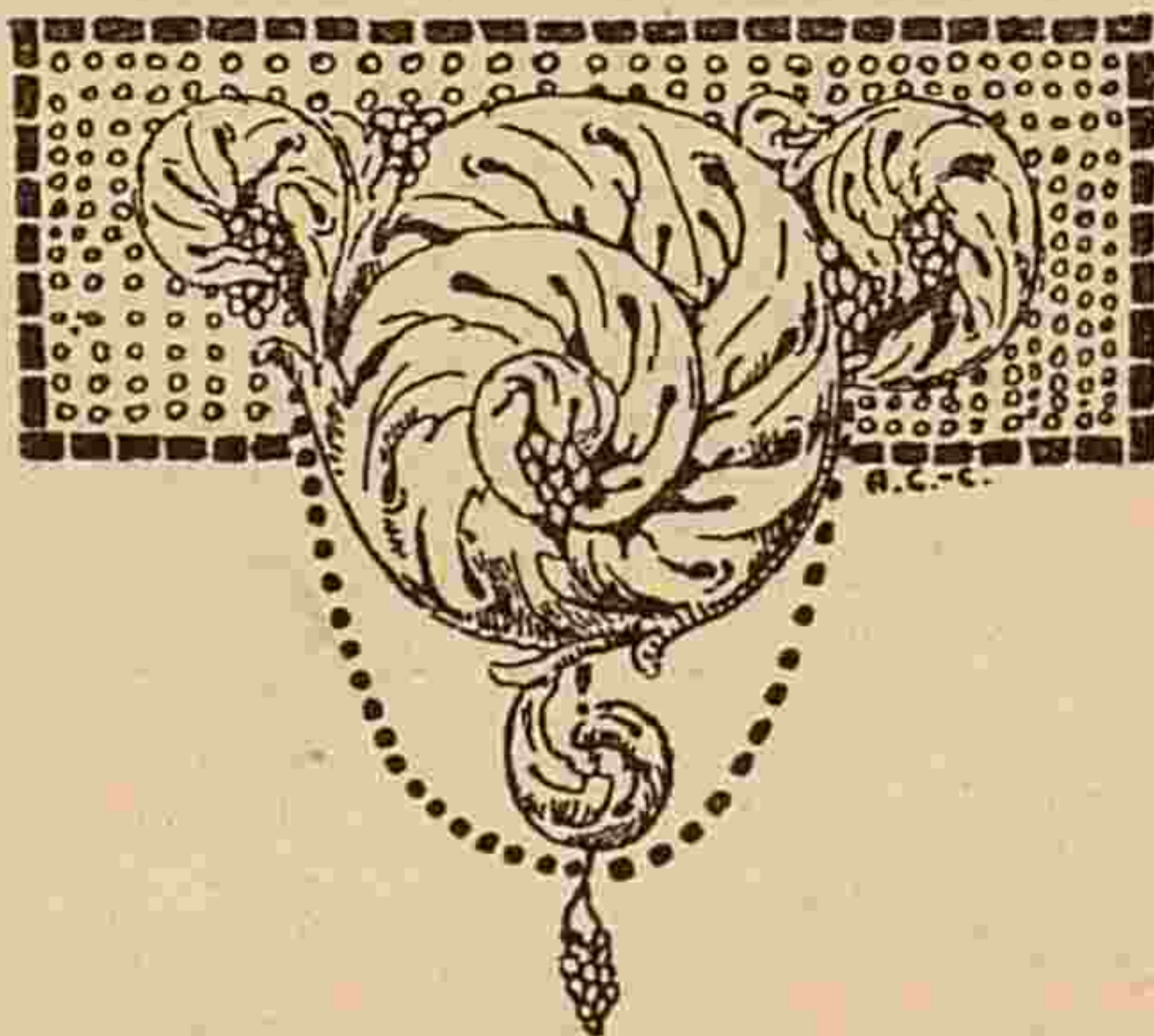
Въ концѣ 1766 г. Фальконетъ прибылъ въ Петербургъ. Дидро поручилъ пріятелю познакомить государыню съ своимъ призрачнымъ проектомъ. Стоитъ императрицѣ сказать слово, „и онъ засядетъ за работу и выполнитъ одинъ все, чего Академія не могла сдѣлать въ числѣ сорока человѣкъ и въ теченіе ста сорока лѣтъ“. И теперь онъ уже самъ предлагалъ переѣхать на берегъ Невы. Да, только тамъ ему возможно будетъ приняться за великую работу, о которой онъ мечтаетъ, и придать ей желаемую полноту. Когда императрица ничего не отвѣтила, онъ настаиваетъ: „Постарайтесь, чтобъ она приняла; похлопочите, чтобъ я получилъ возможность уплатить долгъ и могъ воспользоваться десятью пальцами нашей государыни, чтобы дать щелчокъ нашимъ сорока носителямъ значковъ“.

Очевидно онъ былъ сердитъ на Академію, и желаніе отмстить за ея презрѣніе играло извѣстную роль въ его лихорадочной поспѣшности. Но,

помимо этого, руководило-ли имъ только одно горячее желаніе выказать свою благодарность? И такъ-ли ужъ волновала его почтенная забота не оказаться неисправнымъ должникомъ? Или—какъ говорили—въ немъ проснулось воображеніе поэта и артиста подъ вліяніемъ великодушнаго порыва; и, подобно рыцарю героическихъ временъ, ищущему какого-нибудь необыкновеннаго подвига въ честь своей дамы, онъ намѣревался выполнить сверхчеловѣческой трудъ ради той, кого называлъ „своей повелительницей“.

Мы очень желали бы принять этотъ взглядъ и весьма досадуетъ, что ему противорѣчатъ нѣкоторыя подробности, ускользнувшія, безъ сомнѣнія, отъ вниманія догадливыхъ истолкователей, съ которыми намъ поэтому приходится разойтись во взглядахъ. Проектъ „Философскаго вокабулярія“, какъ извѣстно, никогда не осуществился, и главной помѣхой къ его выполненію, какъ извѣстно, были—*деньги*. Жаднымъ, скупымъ, корыстолюбивымъ Дидро, безъ сомнѣнія, не былъ никогда. Онъ былъ птицей слишкомъ высокаго полета для этого и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ простосердечнымъ. Но у него была требовательная семья, безцеремонные друзья, широкія привычки, и вся его жизнь представляла сплошное колебаніе между великодушными порывами ума и положеніемъ нуждающагося писателя. Да, и вопреки ему самому, знаменитый памятникъ, который онъ намѣревается воздвигнуть для прославленія благодѣтельницы императрицы и къ великому посрамленію злокачественной академіи, представлялся ему подъ двумя видами: съ одной стороны—пирамида томовъ; съ другой—стопки дукатовъ. Золотой дождь, лившійся тамъ на концѣ Европы изъ щедрой руки, уронившей и на его скромное жилище нѣсколько капель, тоже возбудилъ его воображеніе поэта! По несчастью, рука такъ щедро разверзавшаяся, въ эту минуту сжалась: расходы, вызванные турецкой войной и раздѣломъ Польши, заставляли подумать объ экономіи. Отсюда первое разочарованіе для слишкомъ довѣрчиваго философа и разногласіе. Даже его появленіе въ Петербургъ въ 1773 г. имѣло главной цѣлью—мы видимъ это изъ его переписки—дать болѣе благопріятный оборотъ переговорамъ о его великолѣпномъ проектѣ, затягивавшемся безъ конца и не приходив-

шемъ къ благопріятному исходу. Дидро явился въ Петербургъ съ головой, полной плановъ, которые онъ опредѣлялъ съ свойственной ему откровенностью—въ то же время радуясь, что бросилъ ихъ впоследствии, чтобы перейти къ образу мыслей *болѣе честному* и возвышенному. Видимая цѣль его путешествія, само собой разумѣется, съ самого начала не имѣла ничего общаго съ этими планами. *Оффициально* онъ ѣхалъ въ Петербургъ во-первыхъ, чтобы поблагодарить императрицу за подарокъ въ пятьдесятъ тысячъ франковъ, уже полученный имъ, во-вторыхъ—и это главное,—чтобы замолвить передъ ней слово о новой союзницѣ, которую она приобрѣла на западѣ, миновавъ всѣхъ прочихъ континентальныхъ властителей—этой литературной республики міра ученыхъ—за которой она, въ нѣкоторомъ родѣ признала положеніе, опредѣливъ завоеванное ею мѣсто среди современныхъ державъ. Дидро явился посломъ, и то немногое—къ несчастью очень немногое—что мы знаемъ объ этой миссиі, составляетъ одну изъ любопытныхъ главъ въ исторіи литературы того времени.

III.

Дебютъ вышелъ довольно неудачнымъ. Выѣхавъ изъ Гаги въ сопровожденіи Нарышкина, путешествуя съ роскошью и медленностью настоящаго посла—такъ что одно время въ Петербургѣ уже отчаявались дождаться его—философъ дорогой все больше и больше входилъ въ свою роль и проникался важностью, которую ей слѣдовало приписывать. Онъ даже немного удивился, когда не встрѣтилъ торжественнаго приѣма. На его вопросъ объ отведенной ему квартирѣ, онъ увидалъ ничего не выражающія лица: не было получено никакого распоряженія. Думая, что его ждало царское гостепріимство во дворцѣ, онъ отказался отъ предложенія Нарышкина, и теперь очутился въ затруднительномъ положеніи. Недовольный и нѣсколько спустившись съ высоты, на которую поднялся въ своихъ мечтахъ, онъ отправился просить пріюта у своего друга Фальконета. Его ждала новая неожиданность и новое разочарованіе, скульпторъ принялъ его натынуто и постарался выпроводить. Пришлось вернуться къ своему спутнику, который и помѣстилъ у себя злополучнаго философа. Чѣмъ объяснить подобный приѣмъ? Со стороны Фальконета онъ понятенъ. Живя уже шесть лѣтъ въ Петербургѣ, скульпторъ имѣлъ время познакомиться съ условіями жизни и со страхомъ предвидѣлъ, какое впечатлѣніе можетъ произвести нездержанный Дидро съ своими все ниспровергающими взглядами и громкими словами. Весь преданный тому произведенію искусства, которое онъ счѣшилъ кончить, несмотря на всѣ трудности, онъ вовсе не желалъ привнимать участія въ экспериментѣ. А императрица?

У императрицы въ это время было чѣмъ заняться и о чемъ подумать. Шелъ конецъ сентября 1773 г.: на берегахъ Дуная Румянцевъ только что бился подъ стѣнами Силистріи, рискуя положить всю свою армію и потерять репутацію великаго полководца; на берегахъ Яика по-

явились первыя скопища бунтовщиковъ, провозглашая Пугачева; на слѣдующее утро по прїѣздѣ, Дидро былъ разбуженъ звономъ колоколовъ и пушечными залпами въ честь бракосочетанія великаго князя Павла съ принцессой Гессенъ-Дармштадской. Наконецъ, въ самомъ дворцѣ въ эту минуту разыгрывался кризисъ, вызванный немилостью Григорія Орлова и фаворомъ Васильчикова.

Однако, въ послѣдующіе дни, Семирамида оправдала свое призваніе и европейскую репутацію. Въ сообщеніяхъ парижскимъ друзьямъ о прїемѣ, оказанномъ Дидро императрицей, когда она узнала о пребываніи его въ Петербургѣ, есть нѣкоторые варианты. Увѣряя въ одномъ письмѣ, что онъ видитъ императрицу ежедневно „съ глазу на глазъ“, онъ въ другомъ говорилъ о „трехъ часахъ черезъ три дня“, проводимыхъ въ этихъ очаровательныхъ tête-à-tête. Несомнѣнно, что посѣщенія были частыя, и что слѣдствіемъ ихъ явилась чрезвычайная близость и даже нѣкоторая короткость. „Онъ беретъ ее за руку“, пишетъ Гриммъ, тоже бывшій въ Петербургѣ въ это время, „трясетъ ее, стучитъ по столу, какъ будто находится въ синагогѣ Королевской улицы“¹⁾. Сама Екатерина шутя рассказываетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ мадамъ Жоффренъ, какъ ей пришлось поставить столъ между собой и своимъ собесѣдникомъ, чтобы предохранить себя отъ случайностей его слишкомъ выразительной жестикуляціи²⁾. Она рисковала унести синяки отъ каждаго такого разговора.

Но при всей непринужденности и короткости этихъ бесѣдъ, онѣ далеки отъ того, о чемъ мечталъ философъ. Прежде всего Екатерина переносила такъ снисходительно безцеремонныя манеры своихъ гостей, выслушивала бурный потокъ его рѣчей потому, что по минованіи первой минуты изумленія она чувствовала, что ей нечего бояться: она знала, съ кѣмъ имѣла дѣло. Она быстро установила, съ духовной точки зрѣнія, взаимныя отношенія и поставила между собой и своимъ гостемъ преграду, че-

¹⁾ Домъ барона Гольбаха въ Парижѣ.

²⁾ Diderot, *Oeuvres*. Этого письма нѣтъ въ сборникѣ Русск. Ист. Общества.

резь которую, несмотря на всю способность увлекаться, все свое краснорѣчіе и безсознательную смѣлость, они никогда не переступятъ.

Видя неспособность Дидро считаться съ реальными условіями жизни и замѣчая, что онъ весь поглощенъ своимъ внутреннимъ идеальнымъ міромъ, Екатерина перестала его опасаться. Она предоставляла ему свободу говорить: еще одна отличительная ея черта, указывающая на мужской складъ ея ума и полную неподатливость вліанію краснорѣчія. Только одни дѣла были въ состояніи воспламенить ея воображеніе; слова же—никогда. Кажущееся могло, даже легко, увлечь ее; но не слова. Сама любящая поговорить, она не поддавалась силѣ слова.

Кромѣ того, съ первой же встрѣчи, между ней и философомъ встала еще стѣна, раздѣлившая ихъ. Тотчасъ по пріѣздѣ, Дидро потерялъ изъ виду *личный* поводъ къ своему путешествію—надо сказать это къ его чести; хотя, увы! впоследствии онъ опять вернется къ нему. Онъ только и думалъ о роли представителя, которую принялъ. Онъ посоль: апостоль; его миссія—какъ онъ понимаетъ ее—имѣетъ двойную цѣль: изучить страну, гдѣ онъ долженъ явиться провозвѣстникомъ философскаго духа и вмѣстѣ съ тѣмъ посѣять зерно будущей жатвы, которая взойдетъ на славу и счастье философіи и человѣчества. Но, въ этомъ пунктѣ Екатерина и онъ еще менѣе могли сойтись. Онъ принималъ свою роль дѣйствительно серьезно, а она только забавлялась ею. Онъ жадно спрашивалъ, обращался съ вопроснымъ листомъ въ восемнадцать параграфовъ, свидѣтельствующихъ объ изумительной дѣятельности его ума; а императрица отвѣчала обиняками и шутками. Онъ просилъ ее объяснить ему положеніе рабовъ, которыми она еще имѣла несчастье владѣть въ своемъ государствѣ, а она отвѣтила, что онъ употребляетъ невѣрное выраженіе, даже запрещенное въ Россіи. Здѣсь нѣтъ *рабовъ*, а есть только люди прикрѣпленные къ землѣ, которую обрабатываютъ. Къ сожалѣнію, философу не пришло въ голову возразить, что она сама употребила это слово въ *Наказѣ* комиссіи по уложенію и заклемила существующій порядокъ. На вопросъ его, какимъ налогомъ оплачивается вино, приготовленное въ Россіи, она отвѣчала, что уже аббатъ Тьері обложилъ налогомъ несуществующую вещь.

Дидро спрашивалъ ее, есть ли въ имперіи ветеринарныя школы, она воскликнула: „Боже насъ упаси отъ нихъ!“ Наконецъ, игра надоѣла ей, и она направила слишкомъ любопытнаго человѣка съ его вопросами къ фельд-маршалу Миниху.

Дидро не очень протестовалъ: несмотря на всю свою необузданную несдержанность жестовъ и языка, онъ сильно побаивался императрицы, и самъ того, можетъ быть, не замѣчая, бессознательно, какъ и всегда, постепенно вступалъ съ ней на путь настоящей придворной лести. Громя однажды ласкателей и льстецовъ, онъ высказалъ мысль, что въ аду—если онъ вообще существуетъ—непремѣнно есть уголокъ, гдѣ должны претерпѣвать ужасныя мученія низкія и презрѣнныя личности, способныя играть подобную роль при государяхъ. Екатерина прервала его вопросомъ: „Скажите-ка, что болтаютъ въ Парижѣ о смерти моего мужа?“ Онъ смѣшался на минуту, а затѣмъ, не отвѣчая прямо на вопросъ, началъ диссертацию о тяжелыхъ обязанностяхъ, навязываемыхъ иной разъ судьбой лицамъ, высокое положеніе которыхъ возлагаетъ на нихъ заботу о душахъ... Она снова остановила его: „Мнѣ кажется вы прямо направляетесь, если не въ адъ, то, по крайней мѣрѣ, въ чистилище.“

Другой разъ, болѣе опасное уклоненіе въ сторону завело философа на почву, гдѣ его миссіи грозила полная неудача. Подъ 6 ноября 1773 г. французскій уполномоченный въ дѣлахъ, Дюранъ, пишетъ герцогу Эгильонскому: „Императрица съ особеннымъ удовольствіемъ разговариваетъ съ Дидро... Эти бесѣды происходятъ безъ свидѣтелей и бывають иногда продолжительны... Я высказалъ г. Дидро чего ожидаю отъ него, какъ отъ француза. Онъ пообѣщаль, если будетъ возможно, изгладить предубѣжденіе государыни противъ насъ и дать ей понять, сколько выиграетъ ея слава отъ близкаго союза съ націей, болѣе способной, чѣмъ всякая другая, оцѣнить ея высокія качества и поступать съ ней благородно.“

И вотъ Дидро началъ разыгрывать д'Эона или Лозѣна, превращаясь въ добровольнаго маклера по дѣламъ официальной дипломатіи и полетики! Если послушать пословъ, берлинскаго или лондонскаго, онъ далеко не блестяще исполнилъ эту роль. Сольмсъ утверждаетъ, что Павинъ переда-

валъ ему, будто императрица заставила замолчать импровизированнаго политика, прося его предоставить дипломатію тѣмъ, чье дѣло заниматься ею. Гёнингъ утверждаетъ, что она при немъ бросила въ огонь записку отъ Дюрана, которую Дидро вздумалъ было передать ей. Но рассказъ самого Дюрана, выводящій на сцену угодливаго Гримма, который естественно былъ замѣшанъ въ эту путаницу, кажется правдоподобнѣе. Мы читаемъ въ депешѣ отъ 15 февраля 1774 г. „У меня есть нѣкоторыя доказательства, что г.г. Дидро и Гриммъ держали себя какъ я желалъ. Государыня въ присутствіи многихъ упрекала послѣдняго довольно живо, не смѣясь, что онъ выставилъ ее проникнутой маніей предразсудковъ противъ насъ, а затѣмъ сказала Дидро, сидѣвшему у ея постели: „Можете вы привести мнѣ примѣръ на основаніи системы, которую вы, кажется, защищали, что есть люди злые по принципу?—Я приведу вамъ примѣръ изъ высокаго класса и во главѣ всѣхъ другихъ назову вамъ короля прусскаго.—Я васъ попрошу остановиться,—сказала она и перемѣнила тему.“

Во всякомъ случаѣ этотъ разговоръ не имѣлъ особеннаго значенія и не помѣшалъ Екатеринѣ въ другой разъ,—какъ утверждаетъ тотъ же Дюранъ—самой жаловаться на злобу Фридриха, поставившаго ее въ непріятное положеніе передъ современнымъ общественнымъ мнѣніемъ и передъ мнѣніемъ потомства, предложивъ ей раздѣлъ Польши. Но это было уже дѣло прошлое. Въ настоящую минуту она не нуждалась въ Дидро, какъ въ посредникѣ. Она прямо и довольно забавно объяснила это Дюрану: она находила своего гостя въ одно и то же время слишкомъ старымъ и слишкомъ молодымъ для такой роли. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ кажется, будто ему сто лѣтъ, а въ другихъ—десять. Екатеринѣ было не трудно отвлечь философа отъ этого скользкаго пути. Она показала ему учебныя заведенія, и онъ тотчасъ же бросился по этому новому слѣду. Все, что ему показывали и рассказывали, приводило его въ восторгъ. Особенно плавы и уставы—одни еще не вполне выполненные, другіе же не вполне примѣненные—казались ему совершенствомъ. Онъ не зналъ или забылъ, что пословица „бумага все терпитъ“ имѣла особенный смыслъ въ Россіи. Дидро немедленно просилъ перевести ему эти уставы и

предполагалъ напечатать ихъ, что и исполнилъ позднѣе. И тутъ онъ опять проповѣдывалъ въ пустынѣ. Идеямъ, которыя онъ такъ бросалъ на вѣтеръ, даже на родинѣ его—даже въ странѣ самой высокой европейской культуры—пришлось прождать больше вѣка, прежде чѣмъ прорости и принести плодъ. Дидро проповѣдывалъ всеобщее обученіе. Онъ желалъ изгнанія изъ школы греческаго и латинскаго языковъ, уменьшить нагроможденіе школьнаго матеріала! Говорить ему не мѣшали. Позднѣе, когда вернувшись во Францію, онъ написалъ свой „планъ русскаго университета“, обширную программу полного національнаго образованія*),—эта работа нашла себѣ оцѣнку и примѣненіе во Франціи и Германіи. Въ Россіи же она встрѣтила полное пренебреженіе и забвеніе. До сихъ поръ нѣтъ ни одного перевода этого Плана**).

Театральныя представленія воспитанницъ Смольнаго Института и воспитанниковъ Кадетскаго корпуса, къ счастью, доставили философу болѣе благопріятный случай для примѣненія его возвышенныхъ намѣреній и блестящихъ способностей. Одна изъ его любимыхъ темъ: „Воспитаніе съ помощью театра“, нашла себѣ легкое приложеніе. Не довольствуясь устнымъ развитіемъ своихъ взглядовъ на этотъ предметъ, всегда неутомимый Дидро бомбардировалъ императрицу длинными записками, изъ которыхъ до насъ дошло нѣсколько отрывковъ. Нельзя не признать остроумія, неистощимой плодовитости и въ то же время инстинктивной вѣрности этого изумительнаго ума.

„Признаюсь Вашему Величеству“, писалъ онъ, „что меня, если бы не огорчило, то, по крайней мѣрѣ, озаботило, когда бы мои дѣти играли также хорошо. Пьесы, которыя ихъ заставляютъ представлять, вовсе не кажутся мнѣ приспособленными къ развитію чувствительности, возбужденію состраданія, желанію дѣлать добро и къ воспитанію нравовъ. Сколько

---

*) М. Каго (*Revue des Deux Mondes*, novembre 1889) напрасно видитъ въ этой программѣ проектъ организаціи полной и окончательной. Это только набросокъ.

***) Сравн. Вильбасовъ: *Дидро въ С.-Петербургѣ*.

выраженій, оскорбляющихъ слухъ на этихъ невинныхъ устахъ! Необходимо устроить для нихъ дѣтскій театръ, который бы принадлежалъ исключительно имъ *).

Въ этомъ отношеніи философъ имѣлъ шансы быть услышаннымъ. Екатерина тѣмъ болѣе была расположена раздѣлять его чувства, что сама испытала ихъ. Давая играть дѣтямъ „Заиру“ и „Блуднаго сына“, она находила, что любовь занимаетъ въ этихъ пьесахъ слишкомъ много мѣста, и обратилась даже къ Вольтеру, чтобы заполучить отъ него такой *дѣтскій театръ*, о какомъ говоритъ Дидро—пьесы, гдѣ молодой умъ нашель бы себѣ пищу, не получая преждевременно опасныхъ впечатлѣній. Она предлагала вриспособить для этой цѣли классическія произведенія французской сцены. Но великій писатель отказался: онъ нашель, что на этотъ разъ съ него требовали слишкомъ многого. Обратиться къ Дидро съ подобной просьбой не было рисковано. „Чего не сдѣлалъ Вольтеръ, и что онъ сдѣлалъ бы лучше моего, я сдѣлаю“, писалъ онъ. „Я слишкомъ счастливъ, что могу помочь, хотя бы пустякомъ, двумъ самымъ большимъ и прекраснымъ учрежденіямъ, какія себѣ можно представить...“ И тотчасъ же онъ набросалъ сценарій передѣлки „Ученыхъ женицннъ...“ „Пусть мѣсто Анріетты займетъ одна изъ воспитанницъ вашего института; пусть у нея найдутся двѣ-три очень смѣшныхъ подруги. Въмѣсто Вадіуса и Триссотена ввести двухъ или трехъ молодыхъ людей, тоже очень смѣшныхъ; противопоставить имъ отца заботливаго, но слабаго; любовника, очень порядочнаго и хорошо воспитаннаго человѣка. Тутъ же горничная очень веселая и находчивая, которая присоединяется къ стцу, защищая воспитанницу и ея поведеніе. Устранить глупыхъ любовниковъ, дать предпочтеніе порядочному молодому человѣку... и т. д.

---

*) Письма напечатаны Лорисомъ Турнэ въ Артистѣ за 1888 г

IV.

Все это было прекрасно, но не много подвигало впередъ дѣла философіи и самого Дидро. Безъ сомнѣнія онъ былъ очень доволенъ—и высказывалъ это—своимъ пребываніемъ въ Петербургѣ и *своей императрицей*. Потому что она принадлежала теперь ему, онъ чуть-чуть не вѣрилъ, что открылъ ее. Онъ описывалъ и объяснялъ ее Фальконету! Визиты, во дворецъ тоже занимали его чрезвычайно, тѣмъ болѣе, что доставляли ему возможность встрѣчь, можетъ быть, еще болѣе интересныхъ, чѣмъ продолжительныя бесѣды съ глазу на глазъ съ императрицей. Въ шестьдесятъ лѣтъ,—въ Петербургѣ, какъ въ Парижѣ—Дидро оставался тѣмъ же человѣкомъ, которому однажды, выходя съ нимъ съ пирушки, графъ Монморенъ сказалъ: „Сознайся Дидро, что ты невѣрующій только потому, что развратникъ“; и который отвѣтилъ: А вы какъ думали, что это я такъ себѣ, проста?“ Уходя отъ императрицы, онъ съ удовольствіемъ останавливался въ ея пріемной и проораторствовалъ три часа, находилъ еще, что сказать Анастасіи Соколовой, хорошенькой камеристкѣ, выдавшей Парижъ и помнившей его. Въ то время она была любимой горничной Екатерины, прежде чѣмъ сдѣлаться ея другомъ и первой наперстницей подъ фамиліей госпожи Рибасъ. Дидро находилъ возможность ловить ее между двухъ дверей и „цѣловать въ шею и ушко“*). Екатерина тоже была довольна имѣть возлѣ себя этотъ второй „котель“, но, въ противоположность Григорію Орлову, „варившій и всегда переполненный идеями и ощущеніями“. Она не намѣревалась употребить его для своей политической кухни, ни для внутренней, ни для внѣшней: у нея для того былъ собствен-

*) Письмо къ доктору Клеріку 8 апрѣля 1774 г. *Diderot, Oeuvres*, т. XX, стр. 48.

ный котелокъ, куда она клала только припасы по личному выбору. Но уже самый видъ Дидро веселилъ ее и составлялъ пріятное развлеченіе. Однако это развлеченіе продолжавшееся въ мартѣ мѣсяцѣ 1774 г., уже пять мѣсяцевъ безо всякой опредѣленной цѣли, не могло тянуться безъ конца. Даже нашлась причина, быстро прекратившая его. Екатерина и *ея философъ* были не одни въ Петербургѣ. Опасенія Фальконета оправдались. Уже въ декабрѣ 1773 г. Гриммъ писалъ: „Онъ (Дидро) не побѣдилъ здѣсь никого, кромѣ императрицы. За послѣднюю я не боялся; но не у всѣхъ такая голова, какъ у этой великой женщины, и не всякій привыкъ, какъ она, къ жанру и странностямъ“. Уже первое появленіе при дворѣ философа въ черномъ костюмѣ, котораго онъ и не подумалъ замѣнить другимъ, произвело непріятное впечатлѣніе. Нѣсколькими годами равьше, въ Парижѣ, на вопросъ графа де-Брольи, не носить ли онъ траура по Россіи, онъ отвѣчалъ: „Еслибъ мнѣ вздумалось носить трауръ по какой-нибудь націи, то не пришлось бы искать такъ далеко“. Въ Петербургѣ онъ не находилъ удачныхъ отвѣтовъ. „Мои мысли замерзаютъ при шестидесяти градусахъ мороза“, говорилъ онъ. Вольтеръ уже равьше его замѣтилъ это странное явленіе и писалъ императрицѣ: „Лишь только вы передвинете Россію къ 30 градусамъ, вмѣсто 60, я буду просить позволенія окончить тамъ свою жизнь“. Дидро перемѣнилъ свой костюмъ на великолѣпный, расшитый золотомъ, который прислала ему Екатерина: но это не улучшило положенія дѣлъ.

Не знаемъ, насколько вѣренъ рассказъ Тибо о маленькомъ заговорѣ, составленномъ придворными противъ философа и будто бы побудившемъ его просить окончательной отставки. Ему сказали, что одинъ мѣстный ученый предлагаетъ вступить съ нимъ въ диспутъ при полномъ собраніи двора, чтобы доказать бытіе Бога. Въ назначенный часъ собрались, и Дидро увидалъ передъ собой незнакомаго человѣка, который безъ дальнѣйшихъ предисловіи сказалъ ему:

Милостивый государь, $\frac{a-l-b}{3} = x$, стало быть Богъ существуетъ.

Анекдотъ мало вѣроятенъ. Несмотря на состояніе термометра, у

Дидро нашелся бы отвѣтъ на обвиненіе въ безбожїи, направленное противъ него, и Екатерина читавшая его „Письма о слѣсныхъ въ пользу зрячихъ“ и говорившая, что они укрѣпили ея зрѣніе, должна была,—если можетъ быть, и не вполне ясно—получить извѣстное понятіе, въ чемъ дѣло. Достоверно одно, что въ концѣ зимы Дидро понялъ, что онъ уже достаточно долго прогостилъ на берегахъ Невы—хотя никакого срока не было назначено—и что, оставаясь дольше, онъ будетъ только терять время и унижать себя.

Отъѣздъ былъ грустенъ. Дидро уѣзжалъ совершенно сбитый съ толку и съ пустыми руками. Объ Энциклопедїи между нимъ и императрицей не заходило даже рѣчи, и при тѣхъ отношенїяхъ, которыя установились между ними, онъ почти потерялъ возможность обращаться къ ея щедрости: слишкомъ ужъ носились другъ съ другомъ, какъ вельможа съ знатной дамой и властелинъ съ властительницей!—Впрочемъ, въ этомъ отношенїи, самъ философъ охотно отступился отъ своихъ надеждъ и расчетовъ. По ему, волей-неволей, пришлось подумать о возвращенїи въ Парижъ и о тѣхъ упрекахъ, какими его тамъ встрѣтятъ. И неловко, неуклюже, накануне отъѣзда, несчастный писатель пошелъ на казнь: онъ обратился къ императрицѣ съ прощальнымъ письмомъ, отказываясь принять отъ нея что-либо, кромѣ какой-нибудь вещи, не имѣющей цѣны, „на память“, однако давая понять, что посоль „литературной республики“ не путешествовалъ на средства своихъ поручителей. Потомъ онъ писалъ женѣ:

„Наканунѣ моего отъѣзда, Ея Императорское Величество приказала передать мнѣ три мѣшка по тысячѣ рублей въ каждомъ. Вычтя изъ этой суммы стоимость дощечки съ эмалью и двухъ картинъ, подаренныхъ мною императрицѣ, расходы по возвращенїю и подарки, которые необходимо сдѣлать Нарышкинымъ... у насъ останется пятьсотъ или шестьсотъ франковъ, можетъ быть, даже того меньше...

А въ письмѣ къ мадемуазель де-Волянъ:

„Возвращаюсь къ вамъ, осыпанный почестями. Если бы мнѣ вздумалось черпать пригоршнями изъ императорской шкатулки, мнѣ кажется, я могъ бы это сдѣлать; но, я не хочу давать повода Петербургскому зло-

словію... Да, чортъ возьми! Вы должны повѣрить тому, что я вамъ скажу объ этой необыкновенной женщинѣ, потому что за мою похвалу мнѣ не было заплачено. *Всѣ планы, наполнявшіе мою голову, когда я уѣзжалъ изъ Парижа, разлетѣлись послѣ первой ночи, проведенной мною въ Петербургъ; я сталъ поступать честно и благородно...*“

Вѣдякъ извинялся, что онъ не сдѣлалъ большаго; старался объяснить женѣ и другу причину своего вынужденнаго безкорыстія; находилъ смягчающія обстоятельства. Письмо, принесшее ему три тысячи рублей и только, онъ показывалъ, прежде чѣмъ отправить его, Гриму, а кромѣ того, шведскому послу, барону Нолькену, и оба увѣряли его, что государыня *не поймаетъ его на словъ*, но исполнить свой долгъ, какъ онъ исполнилъ свой. Онъ объяснялъ кромѣ того, что оказался вынужденнымъ подарить часы г. Балла, секретарю, данному ему въ провозатые Екатериной, такъ какъ иначе вѣчно разсѣянный онъ рисковалъ заблудиться: „Видишь ли, милая, что я далъ часы провожатому—*это она узнаетъ*, да къ тому же я такъ рѣдко пользовался ими... Теперь ты знаешь все. Что же ты думаешь? Полагаешь ты, что Ея Императорское Величество станетъ строго придерживаться нашего договора и ничего не сдѣлаетъ для меня?“

Затѣмъ, по мѣрѣ его удаленія отъ Петербурга, планы—планы мелочные и презрѣнные, исчезновенію которыхъ изъ своей легко воспламеняющейся головы онъ радовался— снова появляются и формулируются все отчетливѣе. Онъ говоритъ все болѣе и болѣе положительнымъ тономъ въ своихъ откровенныхъ письмахъ къ женѣ: „Не могу повѣрить, чтобъ это было все, чего мы можемъ ожидать отъ государыни, которая—само великодушіе, ради которой я уже въ пожилыхъ годахъ проѣхалъ больше полторы тысячи лье; которая не пренебрегала принять отъ меня подарокъ и, для которой я работалъ всѣми возможными способами день и ночь въ продолженіе пяти мѣсяцевъ“.

Послѣ своего отъѣзда, Дидро нашелъ возможность возобновить переговоры объ Энциклопедіи. Императрица передала проектъ одному изъ сво-

ихъ министровъ, чтобы установить матеріальныя условія выполненія предпріятія, и Дидро надѣялся, что деньги скоро будутъ высланы: „Дѣло идетъ не менѣе какъ о сорока тысячахъ рублей или 200 франковъ, проценты съ которыхъ мы будемъ получать сначала цѣликомъ, а потомъ частью въ теченіе лѣтъ шести... Это прекрасно устроило бы наши дѣла... Только надо скрывать все это отъ дѣтей, которыя стали бы мучить насъ, чтобы добыть отъ насъ капиталовъ. И, кромѣ того, удастся ли дѣло, это еще не вполне выяснено. Однако, тѣмъ больше я думаю, тѣмъ менѣе могу допустить, чтобы эта государыня, такая великая во всемъ, въ данномъ случаѣ уступила мнѣ первенство, потому что—какъ ты знаешь—я самъ связалъ ей руки и остановилъ ея щедроты“.

Онъ не считалъ нужнымъ сообщить женѣ, что во время пребыванія въ Петербургѣ и до отъезда, живя у Нарышкина, гдѣ содержаніе ему ничего не стоило, онъ уже нѣсколько разъ прибѣгалъ къ помощи „императорской шкатулки“, правда, въ видѣ небольшихъ суммъ—всего „тысячъ двѣнадцать франковъ“,—по мѣстнымъ извѣстіямъ. Передъ отъездомъ, ему былъ подаренъ прекрасный экипажъ, но онъ сломался въ Минскѣ. Дидро надѣялся на большее. И вотъ почему съ каждой остановки на своемъ пути въ Парижъ, онъ не забывалъ слегка потормозить задремавшую было щедрость, пробужденія которой ожидалъ. Онъ писалъ государынѣ, что употребитъ всѣ усилія, чтобы привести въ восторгъ всѣхъ, кто будетъ разспрашивать его о ней. Заходя дальше Вольтера, онъ называлъ себя *русскимъ* и объяснял, „что сдѣлался имъ изъ-за неблагодарности своей родины и доброты императрицы“. А на другой день своего пріѣзда въ Парижъ, какое искусство въ описаніи сцены возвращенія:

„Таланты и достоинства Вашего Величества сдѣлались предметомъ нашихъ вечернихъ бесѣдъ. Желаютъ все знать.—Стало-быть, у нея въ лицѣ много благородства?—Больше и вообразить себѣ нельзя. — Но вы говорили, что она сама милость и привѣтливость?.. Всѣ, кто приближались къ ней, скажутъ вамъ то-же самое.

— И вы не трепетали входя къ ней?—Какъ же: но это продолжалось не долго, потому что и ея положеніе и ея величіе скоро забы-

вались; она въ одно мгновеніе заставляла исчезнуть все это. — Есть у нея твердость?—Она сказала мнѣ сама, что мужество является къ ней въ минуту опасности.—Любитъ ли она правду?—Выше всего. — Образована она?—Она знаетъ свое государство, несмотря на всю его величину, лучше чѣмъ вы свои мелкія домашнія дѣлишки“.

Такимъ образомъ цѣлыя страницы были посвящены перечисленію многочисленныхъ качествъ необыкновенной женщины, у которой философъ нашелъ „душу Брута въ соединеніи съ обаяніемъ Клеопатры“, какъ онъ говорилъ княгиня Дашковой и повторялъ мадемуазель Волянъ, „твердость перваго и обаятельность второй“. Увы! твердость Брута-Клеопатры проявилась на этотъ разъ въ ущербъ бѣдному Дидро въ скоро подтверждающемся отказѣ исполнить его упованія и надежды. Правду сказать, врядъ ли Екатерина когда-нибудь серьезно думала дать двѣсти тысячъ франковъ на изданіе новой Энциклопедіи.*) Она всегда берегла великія щедроты для своихъ фаворитовъ. И тутъ главное мѣсто занимали подарки землями и крестьянами, которые — особенно со времени присоединенія Польши, гдѣ система конфискаціи примѣнялась широко — не стоили ей самой ничего. Екатерина предполагала поддерживать дружбу съ философіей, не входя въ такія издержки, и это ей удавалось. Въ 1779 г. Дидро былъ принужденъ „однимъ изъ тѣхъ тяжелыхъ обстоятельствъ, которыя заставляютъ самыя непреклонныя души преступить строгіе законы скромности“, обратиться къ великодушію императрицы, прося у нея ничтожной суммы въ двѣ тысячи рублей. Она на этотъ разъ исполнила просьбу милостиво и съ деликатностью, которой всегда умѣла сопровождать свои мелкіе подарки, удваивая такимъ образомъ ихъ цѣнность. Гриму было поручено передать эту сумму Дидро, „уже знающему, куда ихъ употребить“. Пять лѣтъ спустя, вслѣдствіе извѣстія полученнаго отъ Гримма, Екатерина позаботилась о томъ, чтобы ея бібліотека и ея бібліотекаръ получили въ Парижѣ лучшее помѣщеніе. Тридцать лѣтъ Дидро жилъ на улицѣ *Vielle Estrapade* въ

*) А еще менѣе 200 тысячъ рублей, какъ утверждали нѣкоторые
См. Rambaud, *Revue des deux Mondes*, 15 Janvier 1877.

квартирѣ четвертаго этажа. Библіотека помѣщалась еще этажемъ выше. Врачъ философа утверждалъ, что лѣстницы очень вредно отзываются на здоровьи Дидро, страдавшаго астмой. Екатерина поручила нанять для библіотеки великолѣпное помѣщеніе на улицѣ Ришелье. Но судьба не позволила философу воспользоваться заботой царственнаго друга: всего двѣнадцать дней наслаждался онъ своей новой квартирой. На тринадцатый онъ умеръ отъ припадка удушья. Однако, онъ еще имѣлъ время раздумать о непрочности связей съ сильными міра сего и написалъ слѣдующую фразу, гдѣ проглядывала сущность впечатлѣнія, составившагося у него о пребываніи въ Петербургѣ, послѣ возвращенія оттуда: „Самый опасный врагъ государя—это его жена, если она знаетъ еще кое-что, кромѣ рожденія дѣтей“. *) За нѣсколько времени передъ тѣмъ, Екатерина тоже высказывала свои размышленія, думая о знаменитомъ покойникѣ, и въ такихъ словахъ дѣлится ими съ Гриммомъ: „Я нашла въ каталогѣ библіотеки Дидро тетрадь подъ названіемъ: „Замѣчанія на Наказъ Ея Императорскаго Величества комиссіи депутатовъ для составленія Уложения“. Это сочиненіе чистая болтовня, въ которой не найдешь ни знанія дѣла, ни благоразумія, ни дальновидности. Если бы мой Наказъ былъ во вкусѣ Дидро, онъ былъ бы способенъ все перебудоражить. Онъ, вѣроятно, сочинилъ это послѣ своего возвращенія отсюда, потому, что никогда не говорилъ мнѣ объ этомъ“.

Съ той и другой стороны разочарованіе было одинаковое и полное. Изъ духовнаго общенія этихъ двухъ существъ, въ которыхъ можно бы предположить такую близость, осталась только библіотека, окончателно пріобрѣтенная для императорскаго книгохранилища; но и ея постигла грустная участь. Къ ней не отнеслись, какъ къ библіотекѣ Вольтера, о счастливой судьбѣ которой мы уже упоминали. Перевезенная въ Петербургъ въ 1780 г., библіотека Дидро нѣкоторое время помѣщалась въ залахъ Эрмитажа; но скоро нашли, что она занимаетъ много мѣста и

---

*) Замѣтки, сдѣланныя на поляхъ „ Histoire des Empereurs“ однимъ коронованнымъ лицомъ.

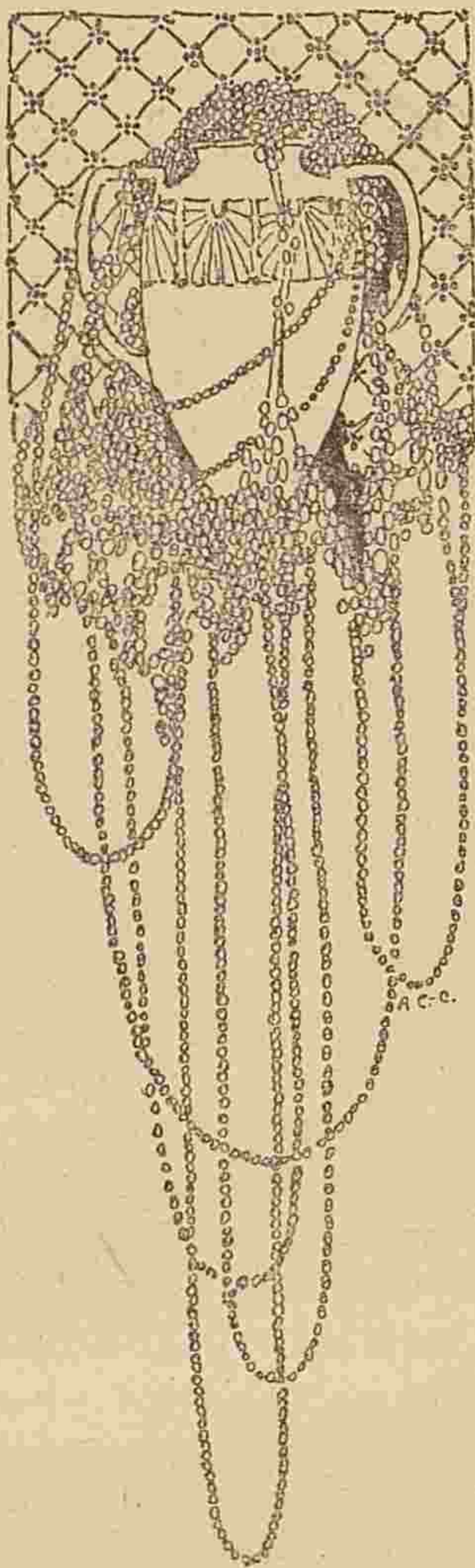
рѣшили присоединить ее къ публичной библіотекѣ. Книги съ помѣтками философа были поглощены послѣдней, разсортированы по разнымъ отдѣламъ; и теперь уже нѣтъ возможности разыскать ихъ.

То, что мадамъ де-Вандейль говоритъ объ одномъ особенномъ экземплярѣ Энциклопедіи, находившемся въ числѣ книгъ и дополненномъ самимъ Дидро,—лично для себя—текстомъ, который былъ уничтоженъ цензурой, кажется неточнымъ. Тѣмъ не менѣе, потеря этого экземпляра очень большая утрата. Въ 1772 г. мадамъ де-Вандейль въ виду грозившей революціи уничтожила еще одинъ памятникъ славнаго прошлаго: письма Екатерины къ ея отцу, а въ 1815 г. въ Правительственномъ журналѣ были напечатаны слѣдующія строки: „Императрица призвала г. Дидро къ своему двору; но увидавъ и услыхавъ его, поспѣшила отдѣлаться отъ подобнаго гостя“.

Но, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ прибрѣтенныхъ Екатериной, вмѣстѣ съ библіотекой рукописей философа, изъ которыхъ шесть томовъ еще не были изданы, избѣгли уничтоженія. Эти шесть томовъ, списанные въ 1874 г. Годаромъ, авторомъ интересной книги о Москвѣ и Петербургѣ, вошли въ новое изданіе полнаго собранія сочиненій великаго писателя, вышедшее въ 1875—77 г. *). Франція, обвиняемая философомъ въ плохой уплатѣ ему своихъ долговъ, постаралась оправдаться передъ его памятью.

---

*) Въ одномъ изъ этихъ томовъ находится проектъ школьнаго устройства для Россіи, довольно неудачно названный „*Планомъ университета*“, разборъ котораго сдѣлалъ Гизо въ 1813 г. въ *Annales de l'Education*.

Д'Аламберъ.—Руссо.—Вольнэ.

I. Д'Аламберъ.—Авансы государыни и благоразумная сдержанность философа.—Досада Екатерины.—Сора.—II. Руссо.—*Эмиль* и *Contrai social*.—Отказъ въ знакахъ почтенія.—Гибель Семирамиды.—1794-й годъ.—Враждебность и репрессія.—Вольнэ.—III. Общій обзоръ.

I.

Болѣе уравновѣшенный и независимый умъ д'Аламбера спасъ его отъ такихъ превратностей судьбы. Однако, онъ былъ изъ первыхъ въ его кругу, къ которому обратилась Екатерина. Въ августѣ 1762 г. Беранже писалъ изъ Петербурга герцогу Шуазелю: „Я долженъ васъ предупредить, Ваша Свѣтлость, что Императрица велѣла написать г-ну д'Аламберу и пригласить его поселиться въ Россіи. Она предлагаетъ ему десять тысячъ рублей, что равняется пятидесяти тысячамъ ливровъ, свободу продолжать *Энциклопедію* и возможность печатать ее въ Петербургѣ. Она желаетъ только, чтобъ онъ преподавалъ математику его высочеству великому князю наслѣднику. Мнѣ кажется, что надо воспрепятствовать тому, чтобъ у насъ переманивали нашихъ великихъ людей. Вообще я считаю здѣшній климатъ невыгоднымъ для наукъ и искусствъ... Діогенъ много потерялъ бы, еслибъ покинулъ свою бочку въ чудной Греціи для дворцовъ сарматовъ“.

Напрасное безпокойство: д'Аламберъ отказался. „Еслибъ“, отвѣтилъ онъ императрицѣ „дѣло было только въ томъ, чтобы сдѣлать изъ великаго князя хорошаго геометра, порядочнаго литератора, можетъ быть, посредственнаго философа, я не отчаявался бы въ успѣхѣ; но отъ математика, литератора и даже философа далеко до великаго государя, и никто, государыня, такъ не доказываетъ этого, какъ вы“. Онъ, конечно, не въ этомъ посланіи, а въ разговорѣ съ друзьями, разъяснялъ истин-

ную причину своего отказа, которая заключалась просто въ томъ, что „тамъ слишкомъ часто умирають отъ колики“.

Екатерина тщетно настаивала, даже предлагала философу привести съ собой не только *Энциклопедю*, но и всѣхъ энциклопедистовъ, если ему трудно разстаться съ ними, обѣщала ему двойное жалованье, мѣсто посланника и чудный дворецъ; но онъ предпочелъ свой антресоль въ дворцѣ Мазарини. Она оскорбилась, и сношенія прекратились на шесть лѣтъ. Д'Аламберъ первый прервалъ молчаніе въ 1772 г. просьбой за плѣнныхъ въ Польшѣ французскихъ офицеровъ. Онъ желалъ, чтобъ на его гробницѣ были написаны слова: „Онъ испросилъ у безсмертной Екатерины, во имя философіи и человѣколюбія, свободу французскихъ плѣнныхъ“, Ему не удалось ни быть краснорѣчивымъ, ни говорить отъ глубины души. Екатерина, съ своей стороны, отвѣчала сухо и даже грубо. Можетъ быть, она ждала случая отомстить ему. Она простила только измѣнявшимъ ей возлюбленнымъ, вѣроятно, потому, что платила имъ тѣмъ же. Она не освободила плѣнныхъ, отвѣчала почти невѣжливо и осыпала философа эпиграммами въ письмахъ къ друзьямъ, а главное къ Вольтеру *). Вольтеръ, конечно, не скрылъ этихъ эпиграммъ, и ссора не прекратилась.

Съ этого времени д'Аламберъ сдѣлался строгимъ цензоромъ великихъ дѣлъ, которыми государыня старалась обратить на себя вниманіе своихъ современниковъ. Въ 1783 году онъ рѣзко порицалъ взятіе Крыма и произнесенныя имъ по этому поводу въ кругу философовъ рѣчи были послѣднимъ событіемъ его жизни. 8-го мая 1784 г. Екатерина писала Гримму: Жаль, что д'Аламберъ умеръ, не увидѣвъ и не прочитавъ нашего оправданія по поводу крымскаго дѣла. Надо было выслушать обѣ стороны и потомъ судить. Въмѣсто этого онъ ругалъ насъ. Это очень прискорбно, такъ же какъ прискорбно, что онъ проявилъ такое малодушіе во время болѣзни. Но эти люди **) часто поступали не такъ какъ проповѣдывали. Я давно была въ немилости, и вы знаете, что это Вольтеръ насъ поссорилъ“.

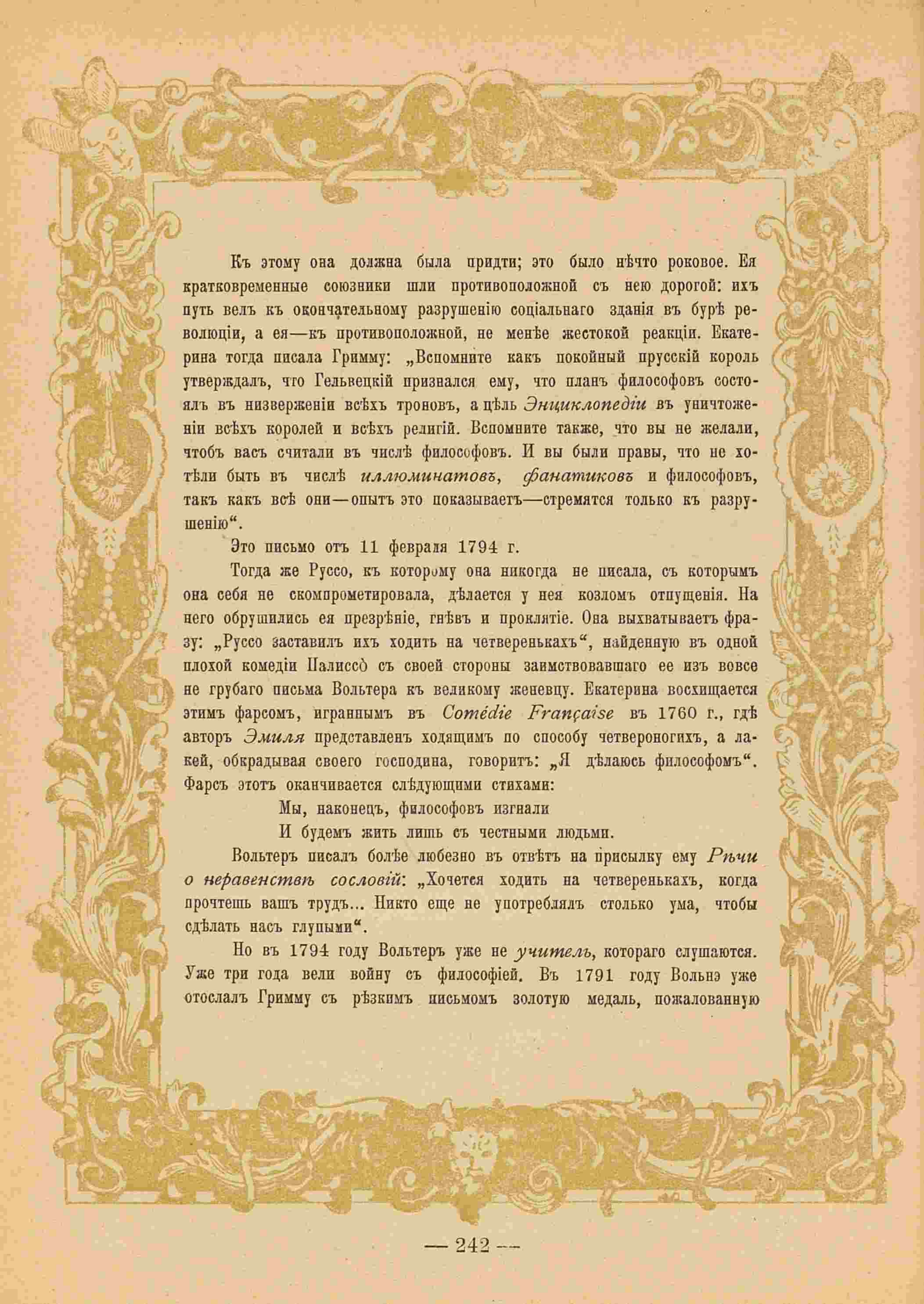
*) См. ея письмо отъ 20 февраля (3 марта 1773 г. Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, XIII.). Мѣсто, касающееся д'Аламбера было пропущено въ прежнихъ изданіяхъ *Переписки Вольтера*.

**) Философы.

II.

Екатерина никогда не была въ перепискѣ съ Руссо; а подъ конецъ жизни она проявила къ нему враждебныя чувства. Нашла ли она въ его сочиненіяхъ что нибудь оскорбительное? Не думаемъ. Ей случилось запретить въ 1760 г. продажу *Эмиля* потому что „всѣ такъ дѣлаютъ“, какъ было сказано въ ея указѣ; но ей случилось также въ 1791 г. дѣлать выписки изъ *Общественнаго договора*, даже такихъ задорныхъ фразъ, какъ слѣдующая: „Законы свободы болѣе строги, чѣмъ жестокой произволь царей“. Она не боялась смѣлости слова и мысли. Запрещеніе книги Руссо не принесло автору большого ущерба: за нѣсколько мѣсяцевъ до появленія этого указа, 20 февраля 1763 г. Рюльеръ писалъ къ Руссо изъ Москвы: „Въ Россіи есть только три экземпляра вашихъ новыхъ сочиненій, привезенные сюда частными лицами. Университетскій книготорговецъ—единственный въ Москвѣ—получить ихъ только по возвращеніи кораблей. Покаместъ ваши книги рвутъ другъ у друга изъ рукъ“. Спустя нѣкоторое время, вѣроятно, Екатерина продиктовала Григорію Орлову—онъ самъ не сумѣлъ бы сочинить такого письма—приглашеніе автору *Эмиля* найти въ одномъ изъ графскихъ дворцовъ убѣжище и защиту противъ его преслѣдователей.

Но Жанъ-Жакъ не поѣхалъ въ Гатчину; онъ даже не потрудился, хотя бы письменно и хотя бы сухимъ и непріятнымъ тономъ, высказать ту почтительность, которую д'Аламберъ, какъ философъ, слагалъ у ногъ Семирамиды. И Семирамида обидѣлась. Она долго смотрѣла на философію, какъ бы на провинцію или страну, находящуюся подъ протекторатомъ ея царства. Однако, она воздерживалась отъ публичнаго признанія своего недобраго чувства къ невѣжливому философу до тѣхъ поръ, пока не поссорилась съ д'Аламберомъ и потомъ со всѣмъ кружкомъ, котораго онъ и Жанъ-Жакъ были членами.

Къ этому она должна была придти; это было нѣчто роковое. Ея кратковременные союзники шли противоположной съ нею дорогой: ихъ путь велъ къ окончательному разрушенію соціального зданія въ бурѣ революціи, а ея—къ противоположной, не менѣе жестокой реакціи. Екатерина тогда писала Гримму: „Вспомните какъ покойный прусскій король утверждалъ, что Гельвецкій признался ему, что планъ философовъ состоялъ въ низверженіи всѣхъ троновъ, а цѣль *Энциклопедіи* въ уничтоженіи всѣхъ королей и всѣхъ религій. Вспомните также, что вы не желали, чтобъ васъ считали въ числѣ философовъ. И вы были правы, что не хотѣли быть въ числѣ *иллюминатовъ*, *фанатиковъ* и философовъ, такъ какъ всѣ они—опытъ это показываетъ—стремятся только къ разрушенію“.

Это письмо отъ 11 февраля 1794 г.

Тогда же Руссо, къ которому она никогда не писала, съ которымъ она себя не скомпрометировала, дѣлается у нея козломъ отпущенія. На него обрушились ея презрѣніе, гнѣвъ и проклятіе. Она выхватываетъ фразу: „Руссо заставилъ ихъ ходить на четверенькахъ“, найденную въ одной плохой комедіи Палиссё съ своей стороны заимствовавшего ее изъ вовсе не грубаго письма Вольтера къ великому женевицу. Екатерина восхищается этимъ фарсомъ, игранымъ въ *Comédie Française* въ 1760 г., гдѣ авторъ *Эмиля* представленъ ходящимъ по способу четвероногихъ, а лакей, обкрадывая своего господина, говоритъ: „Я дѣлаюсь философомъ“. Фарсъ этотъ оканчивается слѣдующими стихами:

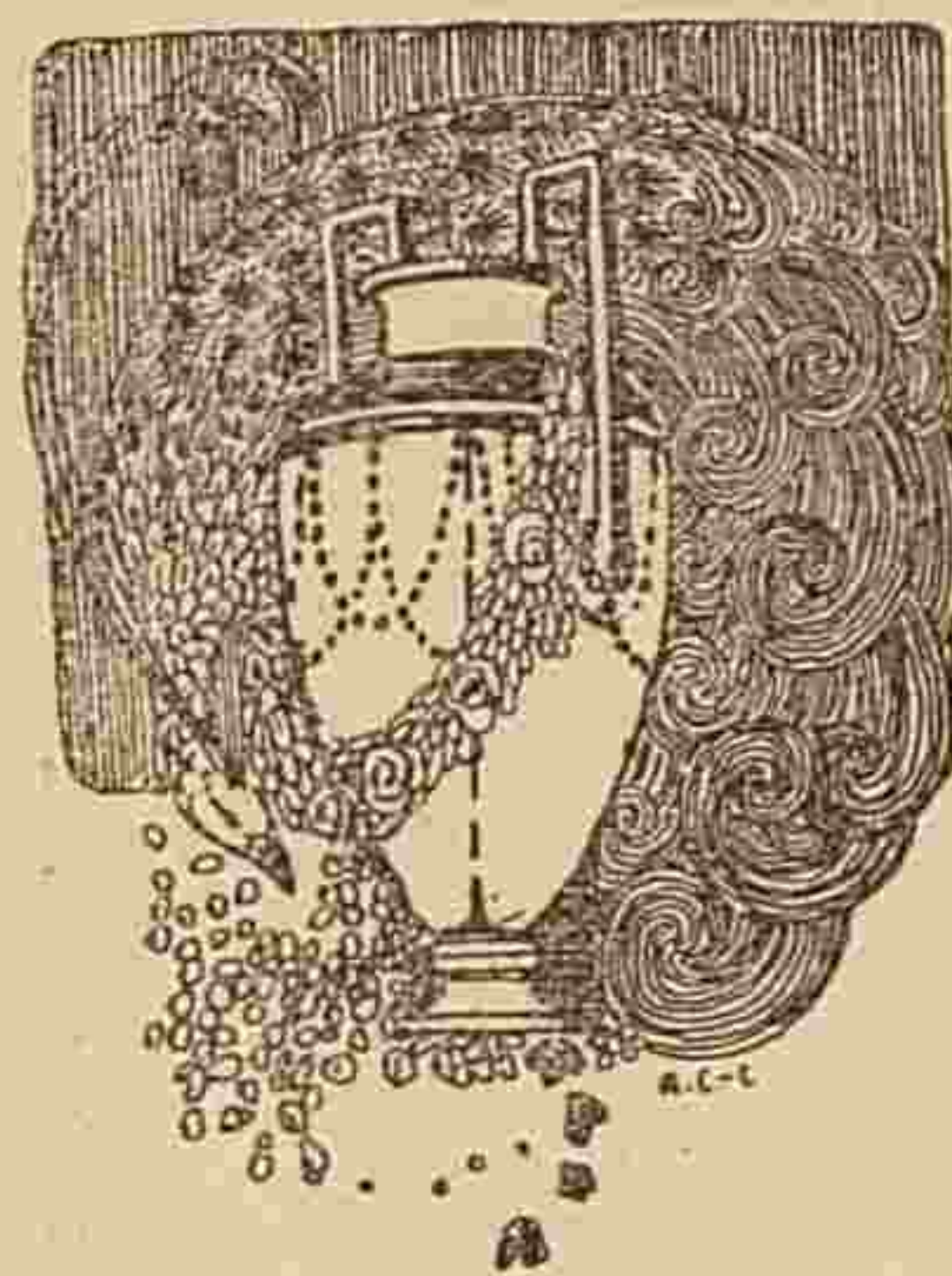
Мы, наконецъ, философовъ изгнали

И будемъ жить лишь съ честными людьми.

Вольтеръ писалъ болѣе любезно въ отвѣтъ на присылку ему *Ръчи о неравенствѣ сословій*: „Хочется ходить на четверенькахъ, когда прочтешь вашъ трудъ... Никто еще не употреблялъ столько ума, чтобы сдѣлать насъ глупыми“.

Но въ 1794 году Вольтеръ уже не *учитель*, котораго слушаются. Уже три года вели войну съ философией. Въ 1791 году Вольтеръ уже отослалъ Гримму съ рѣзкимъ письмомъ золотую медаль, пожалованную

прежде Екатериной и принятую тогда съ радостью. Неприятности и медлительность были теперь въ ходу. Гриммъ заплатилъ большую сумму за возраженіе Вольна, бойко написанное Риваролемъ; но Екатериинѣ хотѣлось сорвать сердце на болѣе извѣстномъ лицѣ, и Руссо долженъ былъ заплатить за всѣхъ. Этотъ разъ бѣдный Жанъ-Жакъ могъ бы говорить о преслѣдованіи, но его уже не было на свѣтѣ.

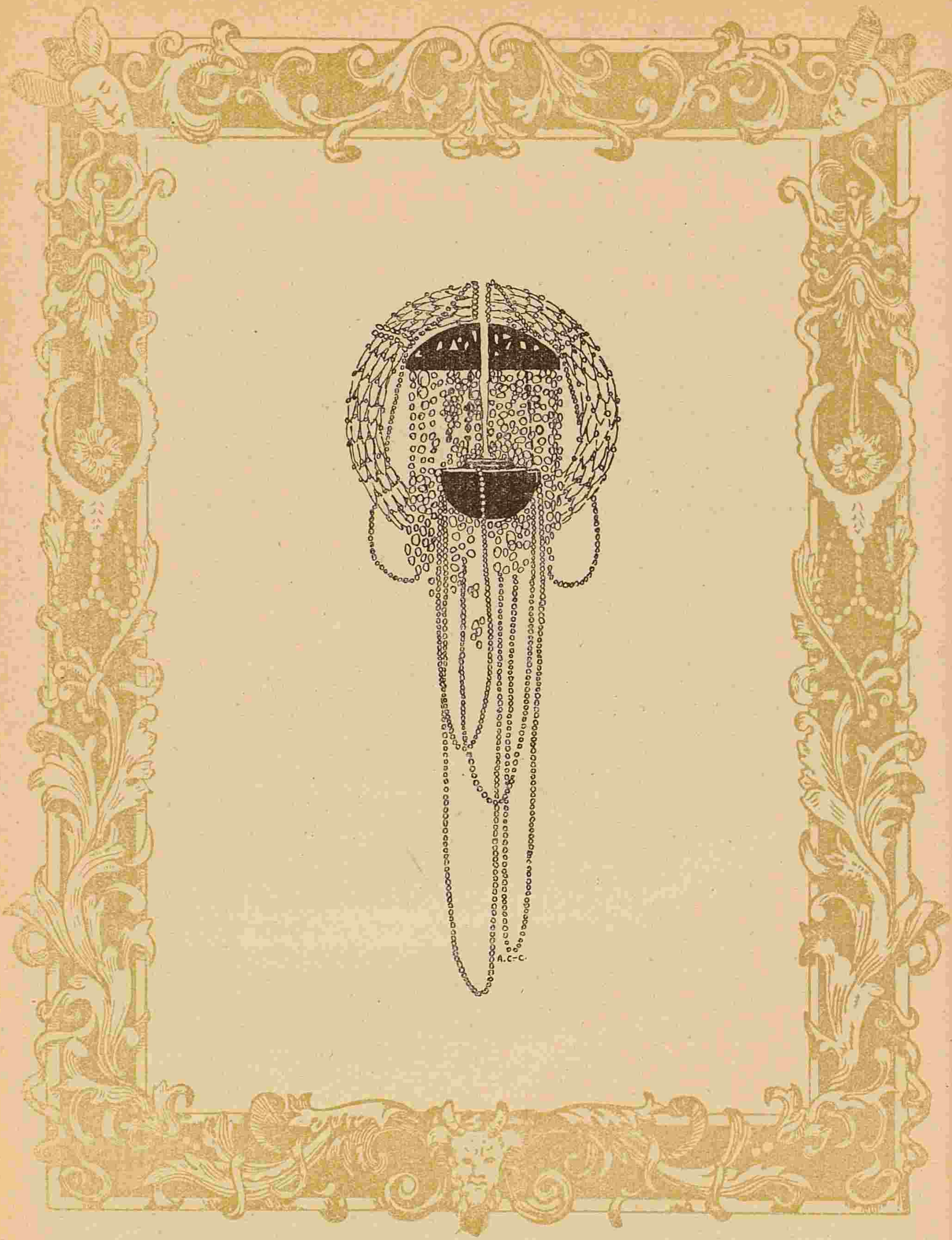
III.

Рискуя удивить или даже оскорбить нѣкоторыхъ читателей, мы старались показать суть отношеній между императрицей и философами, комментированныхъ много и такъ различно. Впрочемъ, не слѣдуетъ слишкомъ нападать на нихъ. Какія бы они ни были, ихъ роль въ исторіи имѣла значеніе. Они отчасти способствовали слянію разнородныхъ элементовъ, составляющему, повидимому, будущность нашей старой Европы. Съ нихъ началось взаимодействующее теченіе среди двухъ народовъ, раздѣленныхъ не столько разстояніемъ, сколько обоюднымъ непониманіемъ жизни, способа чувствованія и мышленія, свойственныхъ каждому изъ нихъ. А это дѣло не безплодное. Дѣйствительно, наступило, наконецъ, время, когда эти два народа, одинъ полный силъ и сдержанной энергіи, другой богатый накопленнымъ запасомъ матеріальныхъ и духовныхъ богатствъ, явились столпами, поддерживающими своды зданія и мѣшающими ему обрушиться при какой-нибудь ужасной катастрофѣ—столпами, все еще раздѣленными въ основаніи и соединенными въ высотѣ, гдѣ образуется сводъ. Это можетъ быть также иллюзія, и сводъ не окажется при случаѣ устойчивости, которой отъ него ожидаютъ; но какъ бы то ни было, хорошо и то, что мы обязаны ему нѣсколькими годами мира, временнымъ устраненіемъ кроваваго удара, пугающаго наше воображеніе; тѣмъ, что мы,—и тѣ и другіе—спасли остатокъ самостоятельности отъ закона сильнѣйшаго. Надо благословить Провидѣніе за то добро, которое оно намъ дѣлаетъ и не жаловаться на средства, имъ употребляемыя. И, наконецъ, кто знаетъ? Можетъ быть, наступитъ другой день, когда, соединенные и сердцемъ и умомъ, а не уличными криками; передавая другъ другу не скоропроходящія впечатлѣнія, а прочныя сокровища опыта и генія; съ одной стороны проникаясь чувствомъ уваженія къ власти, съ другой—страстью къ свободѣ, столь

живучей въ прекрасной Франціи, эти народы сумѣютъ общими силами возвести то зданіе, въ которомъ укроется европейская семья во время грозы.

А, пока, на той вершинѣ, гдѣ сходятся своды идеальной постройки, время отъ времени вспыхиваетъ какая-нибудь искра—колокольня собора, индивидуальный трудъ мыслителя или артиста, сосредоточившаго въ себѣ и поднявшаго мощнымъ взмахомъ къ безконечности всѣ общія вдохновенія и стремленія массъ; глубокое сочиненіе де Мэтра, созданное въ Петербургѣ; прекрасныя прочувствованныя творенія Тургенева или де Воюэ, которымъ суждено было появиться на свѣтъ неизвѣстно гдѣ: тамъ ли на берегу Волги или здѣсь на берегу Сены—все это служить лишнимъ шагомъ къ таинственной и святой, стало быть, и счастливой цѣли, къ которой приближается наша судьба.

**Философскія идеи въ Россіи. — Новиковъ, — Фонъ-Визинъ. —
Радищевъ.**

I. Движеніе мысли въ Россіи и французская революція. — Карамзинъ и Фонъ-Визинъ во Франціи. — Двойное теченіе, раздѣлявшее мыслящихъ людей въ Россіи. — II. Новиковъ. — Франъ-массонство и иллюминизмъ. — Сень-Мартенъ. — Начало вражды. — Процессъ Новикова. — III. Русскій реформаторъ и философъ. — Радищевъ. — *Почта духовъ*. — *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*. — Приговоръ. — Смерть.

I.

Въ то же время, какъ Екатерина такъ бурно расторгла свою дружбу съ французами и швейцарцами, она начала преслѣдовать и мѣстныхъ представителей философскаго способа мышленія. Такихъ было нѣсколько въ Россіи. До сихъ поръ ихъ терпѣли и даже обращались съ ними, если и не такъ любезно, какъ съ ихъ иностранными собратьями, то все же дружественно. Они были менѣе извѣстны, чѣмъ французы, но стоить, чтобы на нихъ обратить вниманіе, хотя бы какъ на представителей той среды, къ которой они принадлежали. На нихъ ясно видна упомянутая нами въ началѣ этой главы разница духовнаго и нравственнаго склада, представителями котораго они являются, отъ классическаго типа Запада.

Много говорили о симпатіяхъ нѣкоторыхъ свободомыслящихъ русскихъ къ тѣмъ идеямъ, логическимъ, хотя и пагубнымъ во многихъ отношеніяхъ, имѣвшимъ своимъ послѣдствіемъ французскую революцію. Два князя Голицына съ ружьями въ рукахъ были среди тѣхъ, кто бралъ Бастилію; Карамзинъ прибылъ въ 1790 году въ Парижъ съ трехцвѣтной кокардой на шляпѣ и энтузіазмомъ въ душѣ; будущій министръ Александра, молодой графъ Строгоновъ, приведенный на засѣданія Учредительнаго Собранія его воспитателемъ Роммомъ, воскликнулъ: „Самый лучшій день въ

моей жизни будетъ день, когда я увижу Россію, возрожденную подобной революціей“. Всѣ эти дѣйствующія лица, случайно сыгравшія свою роль въ великой драмѣ, подали поводъ къ хвалебнымъ или враждебнымъ разсужденіямъ. При болѣе близкомъ знакомствѣ, все это оказывается менѣе серьезнымъ. Письма Карамзина*), заключающія дѣйствительныя впечатлѣнія, полученныя имъ во Франціи, могутъ возбудить чувство, подобное тому, какое испытала группа французскихъ писателей при появленіи писемъ великаго русскаго писателя, котораго они считали своимъ другомъ. Преобладающая нота въ письмахъ Карамзина—ужасъ этого, яко бы поклонника революціи, передъ большинствомъ дѣйствій революціонеровъ.

Ранѣе Карамзина Францію посѣтилъ одинъ изъ самыхъ независимыхъ и просвѣщенныхъ людей тогдашней Россіи: въ концѣ 1777 г. Фонъ Визинъ, авторъ *Бригадира*, помѣстился въ Монпелье, откуда переѣхалъ въ Парижъ. Въ своихъ письмахъ къ сестрѣ и одному изъ друзей графу Панину, онъ также повѣдалъ намъ свои взгляды на нравы того времени въ странѣ, гдѣ жилъ. Его опредѣленія строги по отношенію къ монархіи, но еще строже по отношенію къ обществу, ниспровергавшему монархію. Онъ критикуетъ и поноситъ даже самые привлекательные его поступки, составляющіе въ нашихъ глазахъ и теперь прелесть этого исчезнувшаго міра и искупающіе его слабости и ошибки. „Въ обществѣ музыка отвратительна и разговоры пусты; при трапезахъ хорошая кухня, но прислуга плоха“. Всѣмъ, по его мнѣнію, пожертвовано для внѣшности. Нескромнымъ взглядомъ онъ заглядываетъ на оборотную сторону внѣшняго изящества, находитъ грубую рубашку подъ волной кружевъ, жирныя пятна подъ блестяще-бѣломъ жабо. „Иныя дамы ѣдятъ въ кухнѣ, когда они однѣ, чтобы не топить столовой“. Онъ не болѣе снисходителенъ къ умственной сторонѣ: въ этомъ легкомысленномъ обществѣ „мыслить мало“, ибо слишкомъ много говорятъ, а то, что думаютъ, есть соединеніе невѣжества и

---

*) Напечатанныя въ 1792 г. въ „Московской Газетѣ“ и съ нѣкоторыми пропусками во французскомъ переводѣ *Писемъ путешественника*, Парижъ, 1867 г.

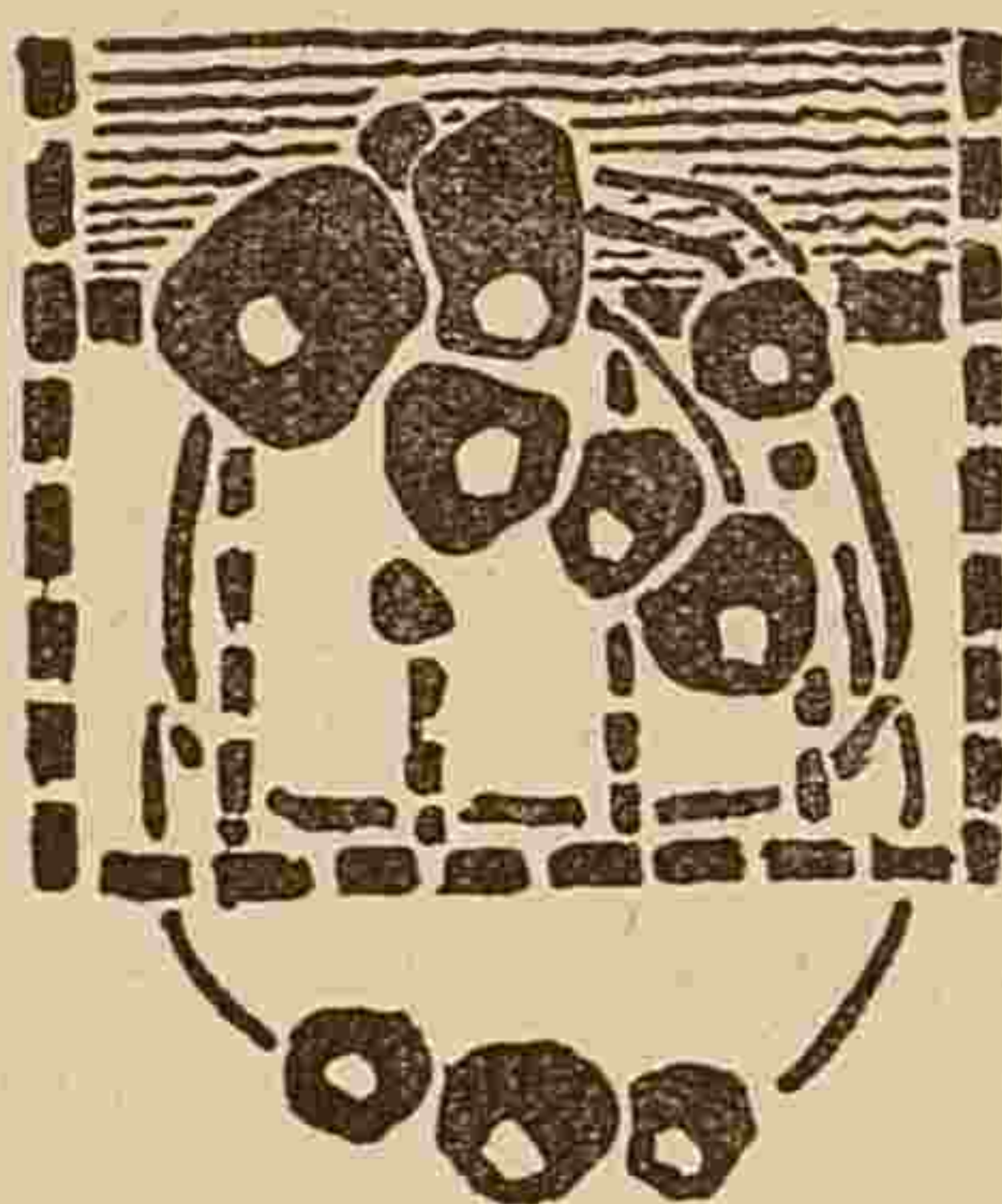
предразсудковъ. Что же касается до нравовъ, то они въ конецъ испорчены: честь и честность существуютъ только на словахъ, прочія добродѣтели не упоминаются даже въ разговорахъ“. Главныя черты приговоровъ Фонъ-Визина, во-первыхъ, крайній консерватизмъ: Бурбонская монархія, по его мнѣнію, зданіе „въ которомъ жизнь — несчастье, но которое разрушить было бы бѣдствіемъ“. Во-вторыхъ — крѣпко укоренившееся въ его умѣ убѣжденіе въ превосходствѣ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ его родины.

Проѣзжая по Ліону, онъ находитъ, что лучшія его улицы не стоятъ одного переулка въ Петербургѣ. Парижъ онъ считаетъ притономъ, куда привлекаютъ иностранцевъ спектакли и развратъ. И драматическія произведенія плохи, и опера невыносима. Вѣроятно, для него болѣе интереснымъ казалось представленіе *Бригадира* въ Эрмитажѣ.

И все это не только впечатлѣнія отдѣльныхъ личностей. Во всей русской литературѣ того времени трудно найти хоть одинъ лучъ сочувствія къ Франціи и къ увлекавшему ее преобразовательному и освободительному движенію. Напротивъ, реакціонный взглядъ встрѣчается даже въ модныхъ журналахъ, которые рекомендовали платья à la reine и прически à la contre-révolution. „Приступая къ этому повѣствованію, рука дрожить отъ ужаса“... Такъ начинается статья *С.-Петербургской газеты*, о взятіи Бастиліи. „О Картушь, Картушь! несравненный въ своемъ родѣ создатель, подымись, явись въ Національное Собраніе, и пусть оно реабилитируетъ тебя. Ты можешь быть увѣренъ, что оно оправдаетъ тебя“... Вотъ преобладающій тонъ въ прессѣ послѣ 1790 года.

Даже немногіе русскіе того времени, сторонники идей свободы и реформъ, были явными противниками иностраннаго вліянія, и въ особенности французскаго. Въ преобразовательномъ и освободительномъ движеніи, еще слабо проявлявшемся въ этомъ сонномъ царствѣ, уже замѣчается два теченія, вызванныхъ европейскимъ потрясеніемъ: одно несло болѣе или менѣе, усвоенные плоды французской, пѣмецкой или англійской культурами; а другое, вполне національное, мѣстное, боролось съ первымъ. И именно ко второму принадлежали лучшіе, наиболѣе

свѣтлые умы, отъ драматическаго писателя Фонъ-Визина до славянофильскаго историка Болтина; отъ Новикова, основателя школь, до сочинителя памфлетовъ Радищева. Всѣ они націоналисты, преобразователи, либералы, но по своему и вовсе не такіе, каковы были предтечи или прямые создатели великой революціи.

II.

Сильно нападавая на нѣкоторыя учрежденія, по его мнѣнію пагубныя для нравственнаго и матеріальнаго развитія страны, между прочимъ на крѣпостное право; идя по этому пути дальше, чѣмъ самые смѣлые мыслители запада, Новиковъ, о столкновеніяхъ котораго съ Екатериной мы уже говорили раньше *), въ то же время является противникомъ скептицизма западныхъ философовъ. Вѣроятно, вооружаясь противъ него, онъ и бросился въ 1775 г. въ массонство, а впослѣдствіи въ иллюминатство Сенъ-Мартена. Сатирикъ или моралистъ, онъ всегда остается мистикомъ.

Исторія философскаго и просвѣтительнаго движенія въ Россіи въ это время почти сливается съ исторіей массонства, и это массонство спеціально русское: въ немъ преобладалъ характеръ идеализма, аскетизма, и экзальтаціи; въ немъ ясно обрисовывается борьба съ современнымъ антирелигіознымъ матеріализмомъ; и въ то же время внѣшніе обряды, испытанія, которымъ подвергали адептовъ, превосходили странностью и жестокостью западные. Вліяніе секты проявлялось въ Москвѣ и въ Петербургѣ въ самомъ эксцентричномъ и страстномъ видѣ. Сенъ-Мартенъ, повидимому, никогда не бывалъ въ Россіи; онъ вліялъ, вѣроятно, на русскихъ путешественниковъ, встрѣчавшихся съ нимъ за границей. Въ Монбельярѣ онъ встрѣтился съ тещей великаго князя Павла и сдѣлался ея оракуломъ. Въ Лондонѣ онъ увлекъ князя Алексѣя Голицына и даже, на короткое время, Семена Воронцова. Его доктрину распространили въ Россіи, главнымъ образомъ, польскій дворянинъ Грабянка, русскій адмиралъ Плещеевъ и баварець Шварцъ. Въ Москвѣ устроилось типографское общество, гдѣ, на-

*) См. *Романъ Императрицы* стр. 477.

ряду съ произведеніями Якова Бёма, Арндта и Спенера, издавались всѣ переводы французскихъ сочиненій, проникнутыхъ *религіозной моралью* секты. Русская литература скоро оказалась пропитанной ею и она проникла въ общество. Книга Сенъ-Мартена *Des erreurs de la vérité*— „Заблужденія истины“, переведенная Страховымъ, и *Arcana coelestia* Сведенборга нашли въ Петербургѣ и Москвѣ пламенныхъ читателей. Новиковъ былъ душою этого движенія, и отсюда произошло охлажденіе къ нему Екатерины.

Сначала Екатерина сочувствовала этому движенію: она еще видѣла въ немъ нѣкоторую выгоду для себя: франкъ-массонство, къ которому примкнули Новиковъ и его друзья, было благонамѣренно съ государственной точки зрѣнія, лояльно; а Екатерина была еще полна чловѣколюбивыхъ порывовъ и либеральныхъ идей. Происходилъ обмѣнъ взаимныхъ любезностей, какъ и съ западными философами.

Построенная на счетъ государыни въ 1784 г. въ Петербургѣ ложа называлась *Императорскою*. Въ то же время организовалось польское массонство, и національной ложѣ Великаго Востока присвоено было названіе *Екатерины подъ сѣверной звѣздой*. Дѣло испортилось, когда явилось *иллюминантство*. Практическій умъ Екатерины не могъ помириться съ нимъ. Большинство ея драматическихъ произведеній были созданы, чтобы бороться противъ наводненія мистическими идеями. Сношенія мартинистовъ съ великимъ княземъ Павломъ еще болѣе раздражили государыню. Устройство въ 1788 г. школы, которой Новиковымъ также было дано имя Екатерины, и на открытіе которой имъ написано стихотвореніе, гдѣ „домъ Минервы посвящается русской Минервѣ“, не улучшило его дѣло. Онъ уже погибъ для Екатерины. Черезъ четыре года, она сама взялась за народное образованіе, но не призвала въ помощники Новикова.

Однако, только въ 1792 г. начала проявляться враждебность къ нему. За объявленіемъ войны французскимъ философамъ послѣдовалъ походъ противъ мартинистовъ. Только здѣсь оружіемъ уже не послужили однѣ эпиграммы. Въ 1792 г. подъ предлогомъ какого-то нарушенія типограф-

скаго устава, Новиковъ былъ арестованъ. Веденіе процесса было поручено князю Прозоровскому и Степану Шешковскому, двумъ полицеймейстерамъ — петербургскому и московскому; но въ дѣйствительности Екатерина сама вела дѣло. Она принялась за это болѣе, чѣмъ съ обыкновенной страстью. Сохранилось множество записокъ ея руки съ подробными вопросами, которые предписывалось предложить обвиняемому. Въ нихъ видно не раздраженіе, а какая-то ярость. Екатерина не вѣритъ въ идеальность мистицизма. Она ищетъ въ немъ болѣе практичныхъ цѣлей — честолюбія, заговоровъ и покушеній. Тѣнь заговора въ пользу Павла преслѣдуетъ и возмущаетъ ее. Новиковъ имѣлъ несчастье давать книги великому князю: скорѣе—обыскъ! Императрица попала въ просакъ: одна изъ книгъ была сочиненіемъ Оомы Кемпійскаго! Ей все равно! Сначала придавъ обвиняемаго суду, она передумала и осудила его сама безо всякой процедуры пятнадцать лѣтъ заточенія въ Шлиссельбургской крѣпости; сожженіе всѣхъ изданій московскаго общества; разрушеніе дома, въ которомъ происходили его собранія; закрытіе всѣхъ масонскихъ ложъ въ Россіи. Этого еще мало: уже приговоренный Новиковъ долженъ былъ выдержать рядъ допросовъ; Прозоровскій и Шешковскій не давали ему покоя; Екатерина не переставала допрашивать и мучить его. Она совершенно забыла фразу, собственноручно написанную ею между 1744 и 1764 годами и сохранившуюся въ ея автобіографіи: „Можетъ ли быть что либо болѣе варварское и достойное турокъ, какъ сначала приговорить преступника, а потомъ начать слѣдствіе“...

Въ 1794 г. Новикова заключили въ казематъ съ фальшивымъ монетчикомъ; онъ жаловался на недостатокъ воздуха, пищи, бѣлья и медицинской помощи. Напрасно онъ просилъ помощи доктора, такого же узника, какъ и онъ. Генеральный прокуроръ Самойловъ объясняетъ, что сторожа тюремъ сами умираютъ съ голоду, и администрація не имѣетъ денегъ на лѣкарства. Несчастный публицистъ былъ освобожденъ черезъ два года при восшествіи на престолъ Павла. Но онъ былъ уже боленъ тѣломъ и душой; его умственныя способности пошатнулись, и онъ возвратился къ масонству только для того, чтобы предаться его худшимъ крайностямъ и заблужденіямъ.

III.

Радищевъ еще болѣе опредѣленный типъ въ томъ же родѣ. Воспитанный при дворѣ пажемъ, посланный на казенный счетъ въ лейпцигскій университетъ, получившій мѣсто въ одномъ изъ департаментовъ Сена-тата, онъ долгое время казался примѣрнымъ *чиновникомъ* и вѣрнымъ подданнымъ самодержавія и православія. Что-то однако шевелилось въ немъ; и въ молчаливой борьбѣ двухъ противоположныхъ теченій, о которой мы говорили выше, онъ сдѣлался не только участникомъ: борьба загорѣлась въ его собственной душѣ. Въ книгѣ, за которую онъ былъ при-сужденъ къ смертной казни, въ *Путешествіи изъ Петербурга въ Москву*, въ его болѣе раннихъ статьяхъ, помѣщавшихся имъ въ *Поч-тъ духовъ*, онъ находился, повидимому, подъ большимъ вліяніемъ Рей-наля; Что касается до формы, то онъ подражалъ *Сентиментальному путешествію* Стерна. Но въ примѣненіи этихъ заимствованныхъ идей мѣстнымъ требованіямъ, на примѣръ, въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ, онъ разомъ отдалился отъ западныхъ людей и отъ Вольтера, предоставляющаго освобожденіе доброй волѣ и человѣчности рабовладѣльцевъ, и отъ Руссо, ратующаго противъ опасности преждевременной эмансипаціи. Радищевъ требуетъ немедленнаго, безусловнаго освобожденія, требуетъ его отъ правительства, безъ иной помощи. Онъ вѣритъ въ самодержавіе, въ помощь царской власти. Когда его во время его процесса спросили, имѣетъ ли онъ что-нибудь лично противъ государыни, которую осмѣлился оскорбить, онъ возразилъ, что не могъ имѣть къ ея высокой особѣ иныхъ чувствъ, кромѣ чувства всякаго русскаго: благодарности и благоговѣнія. Это, однако, не помѣшало ему вставить въ свою книгу *Оду къ свободѣ*, чисто революціонную вещь, и выразить ту же мысль, которая служила самой высокой похвалою Франклину:

Eripuit cœlo fulmen sceptrumque tyrannis *).

Такимъ же образомъ онъ скептикъ и точный исполнитель обрядовъ и обычаевъ церкви; онъ циникъ и ханжа; поклонникъ теоріи эгоизма въ одинъ моментъ и горячій альтруистъ въ другой. Въ его головѣ хаосъ, такой же, какой до сихъ поръ еще не исчезъ изъ русскаго ума.

Замѣьте, что его программа эмансипаціи именно та, которая была осуществлена черезъ семьдесятъ лѣтъ и которой русскіе крестьяне обязаны своей свободой. Съ внѣшними приемами памфлета его книга съ другой стороны является не болѣе, какъ документомъ политической и административной статистики. Онъ приводитъ рассказъ о трехъ молодыхъ вельможахъ, сговорившихся обезчестить дочь крестьянина и исполняющихъ замыселъ съ увѣренностью въ полной безнаказанности. Онъ выводитъ администратора, сонъ котораго не смѣютъ потревожить, чтобы спасти двадцать человѣкъ, находящихся въ смертной опасности. Онъ устанавливаетъ число дѣвушекъ, погубленныхъ въ одной деревнѣ человѣкомъ, пользовавшимся репутаціей честности и гуманности, и число это простирается до *шести-десяти*. „Но вѣдь это про Александра Васильевича (Салтыкова)!“ не могла не воскликнуть Екатерина, прочтя это мѣсто. Еще подводитъ онъ итоги подвиговъ цензуры того времени; онъ приводитъ примѣръ автора, обвиненнаго въ святотатствѣ за то, что онъ употребилъ слова „шаловливый богъ“, говоря объ Амурѣ.

Надъ такимъ происшествіемъ Екатерина даже и въ 1790 году могла еще посмѣяться; но она нашла въ книгѣ фразы, вродѣ слѣдующей, выражавшей впечатлѣнія автора передъ Царкосельскимъ дворцомъ: „Я пораженъ царствующей тутъ тишиной... Все молчитъ; все трепещетъ; это обиталище деспотизма“.

Большаго и не требовалось, чтобы рѣшить участь автора.

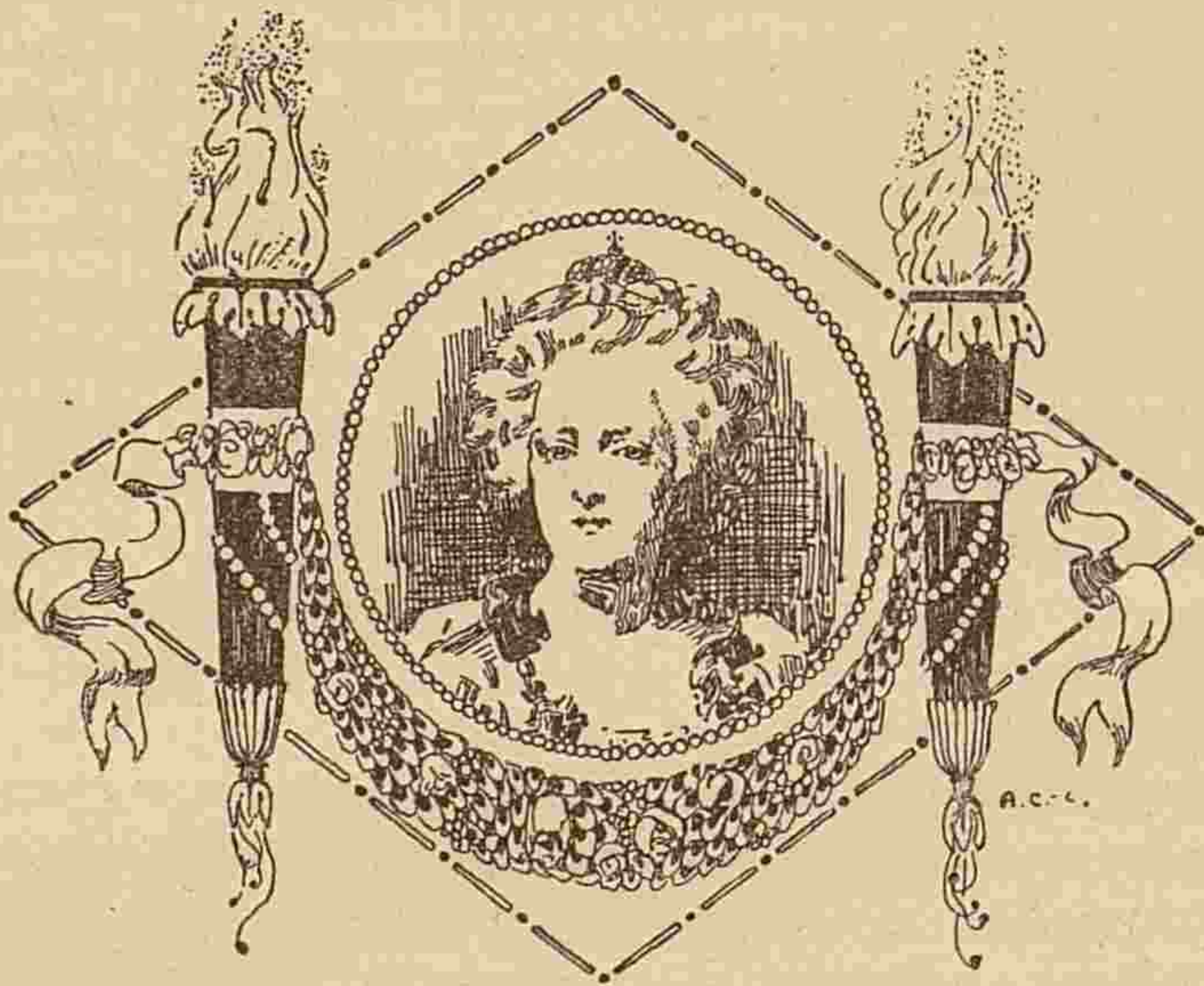
Приговоренный къ смерти, Радищевъ только случайно былъ пощажень: Екатерина, заключивъ миръ со Швеціей, находилась въ хорошемъ

*) Вырываетъ огонь у неба и скипетръ у тирановъ.

расположеніи духа и миловала. Кнутъ и десять лѣтъ ссылки въ Сибирь замѣнили смертный приговоръ. По пути, проѣзжая Тобольскъ, Радищевъ написалъ стихи, показывающіе его какъ поэта и мужественнаго человека.

Ты хочешь знать, кто я? Что я? Куда я ѣду?
Я то же, что и былъ, и буду весь мой вѣкъ.
Не скотъ, не дерево, не рабъ, но человекъ!

Его дальнѣйшая судьба почти та же, что и судьба Новикова. Прощенный Павломъ, призванный Александромъ къ работамъ законодательной комиссіи, онъ теряется на свободѣ и въ новой умственной дѣятельности. Онъ не выдержалъ страшнаго испытанія и одержимый вѣчнымъ страхомъ, повсюду видя западни, опасности и угрозы, кончилъ жизнь самоубійствомъ, какъ передаютъ, послѣ фразы, сказанной ему высокопоставленнымъ лицомъ о томъ, что ему, видно, мало было одного путешествія въ Сибирь.

Г Л А В А П.

Литераторы, ученые и художники *).

I. Обмѣнъ любезностей съ императорами Запада.—Культъ св. Екатерины.—Лагарпъ.—Дора.—Аббаты.—Скептики и диссиденты.—Мадемуазель де-Леспинасъ.—Аббатъ-Гальяни.—Рюльеръ.—Шапцъ д'Отрошь.—Французскіе литераторы при дворѣ Семирамиды.—Мерсье де-ла-Ривьеръ.—Сенакъ де-Мейланъ.—II. Русскіе писатели и поэты.—Сумароковъ.—Державинъ.—Карьеристъ восемнадцатаго столѣтія.—Русскіе подражатели Вольтера.—Князь Бѣлосельскій.—Два Шуваловыхъ.—III. Западное искусство въ Россіи.—Французскіе художники въ Петербургѣ.—Фальконетъ.—*Годы его нетерпѣнія*.—Незаплоченный долгъ.—Клериссо.—Гудонъ.—Мадамъ Виже-Лебрень.—Русскіе художники.—Лосенко.

I.

Въ томъ европейскомъ царствѣ ума, въ которомъ по словамъ ея поклонниковъ, Екатерина требовала, если не обязанностей, то почестей

*) Кромѣ источниковъ, упомянутыхъ въ предыдущей главѣ, см. *Альманахъ музъ*; Анненковъ, *Матеріала для біографіи Пушкина*; *Корреспонденція Екатерины съ Фальконетомъ* (Сборникъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Общества XVII.); *Ея же корреспонденція съ разными лицами* (Русскій Архивъ, 1863); *Корреспонденція Фальконета*, опубликованная Курно; *Correspondance de l'abbé Galliani*; *Біографія Андрея Шувалова*, въ „Русскомъ Архивѣ“, 1881, III; *Разные документы и мемуары* въ „Русскомъ Архивѣ“, 1866, 1874, и въ „Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества“, XLIV; Ringaud, *Les Français en Russie* Полторацкій, *Два Шуваловыхъ* (Bulletin du Bibliophile belge, 1849, VI); Ségur, *Mémoires*; Стасовъ, „*Исслѣдованіе о Гудонѣ*“ (въ Старой и Новой Россіи, 1877, I).

властительницы, она отдавала первое мѣсто философіи. Однако и литературныя, артистическія и художественныя знаменитости пользовались ея покровительствомъ. Какого оно было мы и хотимъ яснѣе опредѣлить здѣсь.

Екатерина не старалась создавать литературныхъ, артистическихъ и научныхъ знаменитостей: она брала существующихъ и пріобщала ихъ себѣ, какъ польскія или турецкія провинціи. Она расточала комплименты, золотыя и бронзовыя медали, — впрочемъ, болѣе бронзовыя, — и время отъ времени нѣсколько эю: Седэну за его комедіи, Гюи за его *Путешествіе въ Грецію*, аббату де-Сенъ-Сюльпису за его филантропическія учрежденія, ла-Гарпу, Дорà, Мармонтелю, Вольнэ, аббату Гальяни... Она послала мѣха мадемуазель Клеронъ, Лекэну, Превилю, Белькуру. Она купила у Филидора *Carmen saeculare*, партитуру болѣе прославленную, чѣмъ любимую публикой, а у одного капуцина изъ улицы Сентъ-Онорэ — составленную имъ карту полушарій. Екатерина была болѣе щедра при покупкахъ коллекцій, потому что при этомъ получала нѣкоторую цѣнность взаменъ; она предлагала пятьсотъ тысячъ ливровъ за кабинетъ Пеллерена, знаменитаго нумизматика, но послѣдній остался *французомъ* и предпочелъ продать эту неподобную коллекцію за половину цѣны Людовику XVI. Она просила короля о пенсіи для г-жи д'Эпинэ. Она написала три черновика лестнаго письма Мармонтелю, прибавляя экземпляръ перевода его *Велизарія*, напечатаннаго въ Россіи и сдѣланнаго ею при сотрудничествѣ Орлова, Шуваловыхъ и Чернышовыхъ. За все это ей платили похвалами и панегириками, доходящими до низкопоклонства и обоготворенія.

Болѣе всего приносила такую дань Франція, такъ какъ на ея долю перепадали главныя подачки Семирамиды. „Если ваша великая бабка заслужила въ Россіи безсмертіе, то она получила его изъ Франціи“, сказалъ Сюаръ императору Александру въ 1814 г. и былъ правъ. Ла-Гарпъ и Дорà сочиняли въ честь великой Екатерины посланія на манеръ посвященныхъ Буалó Людовику великому; Тома посвятилъ послѣдніе свои годы на восхваленіе, въ довольно неудачной *Петреидѣ*, наслѣдницы и пре-

емницы дѣлъ Петра I; Вольно въ своихъ *Соображеняхъ по поводу войны Турціи съ Россіей* еще старался въ 1788 г. оправдать политическую систему императрицы, принятую ею на Востокѣ. Въ *Картинахъ Парижа* Мерсье ставилъ примѣромъ дофину поведеніе великой государыни,—безъ сомнѣнія, конечно, не ея поведеніе въ частной жизни. Церковь дѣйствовала въ томъ же направленіи. Хотя св. Екатерина Вольтера и не была похожа на святыхъ, которымъ эта церковь поклонялась, ея служители все же усердно вадили ей, начиная съ аббата Готье, мало извѣстнаго автора приторной поэмы, оплаченной медалью, аббата Романа, автора поэмы *Осповривваніе*, посвященной государынѣ, и кончая аббатомъ де-Люберсакъ, воспользовавшимся посѣщеніемъ разныхъ учреждений Парижа въ 1782 г. великимъ княземъ Павломъ, чтобъ расхваливать передъ своими читателями таковыя-же учрежденія Петербурга.

Такъ сильно распространенный и горячо поддерживаемый культъ святой Екатерины встрѣчалъ мало противниковъ. Мабли только сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній по поводу политики въ Польшѣ; Рейналь называлъ комедіей знаменитую комиссію по составленію уложенія; Руссо отказывался отъ дѣлаемыхъ ему авансовъ скорѣй по привычкѣ, чѣмъ по убѣжденію. Въ женскомъ лагерѣ были холоднѣе и порой возмущались: какъ ни старался „козелъ отпущенія“, онъ не могъ побудить мадемуазель де-Леспинасъ поклоняться всеобщему божеству. „Гриммъ возвратился“, писала она, „я забросала его вопросами; онъ описываетъ царицу не какъ государыню, а какъ любезную женщину, полную ума, остроумія и всего, что можетъ прельстить и обворожить. Потому, что онъ рассказывалъ, мнѣ представлялось скорѣе очаровательное искусство греческой куртизанки, чѣмъ достоинство и блескъ императрицы великаго государства *). „Мадамъ дю-Дефанъ относилась скептически, а ея бабушка, герцогиня Шуазель, въ письмахъ къ ней пускалась въ очень многословную и ѣдкую критику противъ Семирамиды и ея отношеній къ Вольтеру.

*) Письмо къ аббату Гальяни.

Въ 1794 году г-жа Сталь писала Мейстеру, другу и сотруднику Гримма, по поводу заговора, поддерживаемаго Екатериной противъ шведскаго регента: „Ваша императрица насъ измучила. Говорятъ она знаетъ о моемъ существованіи, я бы желала ничего не знать о ней“.

Нашлись и диссиденты, преданные по своему, но желавшіе принадлежать къ отдѣльной церкви. Бывшій съ 1770 года самымъ твердымъ приверженцемъ *екатерининскаго* культа, аббатъ Гальяни отказывался признать всѣ его догматы, установленные великимъ жрецомъ Ферная. Напримѣръ, въ догматъ *терпимости*, внесенный вольтеріанскимъ символомъ вѣры въ число добродѣтелей Екатерины, онъ не вѣрилъ. Онъ такъ исповѣдывался д'Аламберу: „Его Екатерина умная женщина, *потому что она нетерпима* и стремится къ завоеваніямъ: Всѣ великіе люди были нетерпимы; такъ и слѣдуетъ“. Правда, онъ любилъ иногда подписываться *Макиавелли*, и его ересь не мѣшала ему конкурировать съ Дидро въ составленіи надписи на подножіи статуи Петру Великому и такъ повернуть дѣло, чтобы произведеніе Фальконета явилось памятникомъ во славу Екатерины. Онъ составилъ слѣдующій латинскій эпитафъ:

Catharina II Augusta Mater senatus, Mater castrorum, Mater Patriae, и пр.

Екатерина лучше поняла, чего требовала ея слава, когда просто написала:

Petro primo,
Catharina secunda.

Но она купила у аббата его собраніе книгъ и литографій, составленное его братомъ Бернаромъ, издателемъ *Витрувія*, заплативъ то, что онъ назначилъ. Между ними было маленькое недоразумѣніе по поводу запоздавшей прибытіемъ медали. Но отъ этого пострадалъ одинъ „козелъ отпущенія“. „Чудовище забвенія“, писалъ ему аббатъ, „что вы еще хотите отъ меня съ вашимъ кокетничаніемъ и льстивымъ обнадёживаніемъ? Развѣ вы не видите, что моя неудача измѣняетъ порядокъ и природу вселен-

ной? Развѣ вы находите естественнымъ, чтобы государыня, которая расточаетъ милліоны на подарки, которыя разсыпаетъ ихъ, какъ солнце свои лучи на правыхъ и виноватыхъ, три или четыре года не могла собраться прислать для меня бронзовой медали? Моя непостижимая судьба, приводитъ меня въ бѣшенство“. Медаль, наконецъ, явилась, и Гриммъ поторопился передать ее обладателю то мѣсто письма императрицы, гдѣ она говорила о немъ: „Ничего не было бы удивительнаго, еслибъ онъ былъ изображенъ на медали? Развѣ на нихъ никогда не изображали геніевъ?“ Теперь аббатъ уже не жаловался болѣе на свою судьбу. Въ своей духовной онъ завѣщаль продать какому-нибудь любителю за триста дукатовъ принадлежавшую ему знаменитую шпагу герцога Валантинуа; если же продажа не состоится, то поднести ее русской императрицѣ, „какъ знакъ безконечной благодарности за всѣ ея благодѣянія“.

Рюльеръ, не получившій никакой, ни даже бронзовой медали, принесъ болѣе цѣнную жертву государынѣ.

Въ предисловіи къ первому изданію его *Исторіи революціи въ Россіи*, опубликованной, какъ извѣстно, только въ 1797 году, послѣ смерти и его и Екатерины, такой поздній выходъ въ свѣтъ сочиненія приписанъ клятвенному обѣщанію, данному авторомъ государынѣ, послѣ того, какъ онъ отказался отъ тридцати тысячъ ливровъ, которыя она предлагала ему за нѣкоторыя поправки и выпуски въ его работѣ. Мы, однако, не знаемъ причинъ, заставившихъ его согласиться на этотъ компромисъ, выгодный только для Екатерины. Дидро, бывший посредникомъ и переписывавшійся по этому поводу съ Фальконетомъ, намъ ихъ также не объясняетъ. *Библиотекаръ императрицы* совѣтовалъ уничтожить книгу, хотя авторъ въ ней и въ письмѣ къ Фальконету называлъ царицу „нашей государыней“ и „дѣльной женщиной“, *un gran cervello di principessa*. *) Екатеринбургъ очень хотѣлось прочесть сочиненіе, но авторъ отказался прислать рукопись или копию съ нея; онъ увѣрялъ, что не имѣлъ намѣренія печатать книгу и написалъ ее только для сво-

---

*) Великій царственный умъ.

ихъ друзей. Екатерина всетаки безпокоилась. Привилегированныхъ друзей у автора было не мало: д'Аламберъ прочиталъ рукопись, потомъ и графиня Эгмонтъ, г-жа Жофрень и многіе другіе. Они все разсыпались въ успокаивающихъ увѣреніяхъ, д'Аламберъ, на примѣръ, говорилъ, что предпочитаетъ правду всякимъ восхваленіямъ, а герцогъ де-ла-Рошфуко, что нашелъ въ сочиненіи изображеніе, если и не особенно нравственной, то все же прекрасной жизни. Наконецъ, Дидро высказалъ свое мнѣніе въ такихъ словахъ: „Если вы, государыня, придаете большое значеніе приличіямъ и добродѣтелямъ вашего пола этому обветшалому тряпью—то это сочиненіе сатира на васъ; но если широкій кругозоръ, если мужественныя и патриотическія мысли для васъ дороже, то знайте, что авторъ представляетъ васъ великой государыней и въ общемъ приноситъ вамъ болѣе чести, чѣмъ зла *).

Екатерина имѣла причину быть недовѣрчивой. Она заботилась не только о своей репутаціи. Она знала, хотя бы по примѣру аббата Шаппъ, какъ французы, побывавшіе въ Россіи, отзывались тогда о странѣ и ея обитателяхъ. Ей, вѣроятно, были извѣстны и личныя впечатлѣнія прежняго секретаря посольства. Ея *черный кабинетъ* существовалъ не даромъ и, можетъ быть, ей попадались на глаза, въ письмахъ Рюльера, отправленныхъ изъ Петербурга къ Руссо, такого рода фразы:

„Вашъ трактатъ о воспитаніи еще не прибылъ въ Россію; русскій народъ, ко всякому тщеславію прибавляющій еще желаніе прослыть любителемъ литературы и философіи, имѣетъ по части библіотекъ и типографій только распадающіеся остатки учрежденій Петра I“.

Или еще:

„Что вы говорите о русскихъ, поразительно вѣрно... Отличительный характеръ этого народа именно геній, или лучше, талантъ къ подражанію. Все русскіе обладаютъ въ маломъ тѣмъ, чѣмъ обладалъ ихъ царь въ широкомъ размѣрѣ; настоящія обезьяны; они могли бы достигнуть скорого

---

*) Разговоръ, приведенный въ депешѣ Дюрана, С.-Петербургъ 9 ноября 1773 г. (Архивъ Иностранныхъ Дѣлъ).

успѣха въ искусствахъ, еслибъ не мѣшаль имъ не менѣе національный порокъ—тщеславіе“. Дидро предлагалъ поправить дѣло, призвавъ Рюльера опять въ Петербургъ и предоставить ему мѣсто консула. Но сношенія Екатерины съ Вольтеромъ дали ей понятіе о другомъ способѣ обращенія съ литераторами. Она повелѣла своему посланнику въ Парижѣ купить рукопись. Къ несчастью князя Голицына, человѣка любезнаго и любимаго въ литературныхъ кружкахъ, не было въ Парижѣ. Порученіе было передано уполномоченному въ дѣлахъ Хотинскому. Результатъ оказался печальнымъ; Рюльеръ выгналъ посланца императрицы. Можетъ быть, послѣдній не сумѣлъ облечь дѣло въ надлежащія формы. Таково было мнѣніе Дидро. „Деньги принимаютъ или отказываются отъ нихъ, смотря по людямъ, предлагающимъ ихъ“, объяснилъ онъ. При его содѣйствіи получились лучшіе результаты. Это было въ 1768 году. Черезъ пять лѣтъ, во время пребыванія въ Петербургѣ философа, Екатерина все еще осыпала его вопросами о старинной рукописи, хотя и находящейся подъ ключемъ, но внушавшей ей опасенія. Она такъ и умерла, не узнавъ ея содержанія. Княгиня Дашкова, прочитавъ, наконецъ, напечатанную книгу, считала ее апокрифомъ. Ни одинъ русскій переводъ не появился до сихъ поръ, хотя его уже сдѣлалъ Лонгиновъ. Мы рассказывали въ другомъ мѣстѣ, какъ Екатерина поступила, чтобы изгладить вредъ, причиненный ея репутаціи и репутаціи Россіи вышеупомянутымъ гадкимъ аббатомъ, вовсе не походившимъ на аббата де-Люберсака.

Несчастье Шапна д'Отроша, какъ и Рюльера, въ оборотъ, который приняли ихъ дѣла съ великой сѣверной имперіей и ея государыней, было то, что они не могли исполнить совѣта, даннаго г-жей дю-Дефанъ Вольтеру, и должны были пройти искусь личнаго соприкосновенія: а этого не выдержала ни одна изъ артистическихъ или ученыхъ связей Екатерины съ Западомъ. Въ 1766 г. Семирамида вдругъ пришла въ восторгъ отъ автора *Ordre naturel et essentiel des Sociétés politiques*, извѣстнаго тогда нѣсколькими статьями въ *Журналъ Земледѣльч, Торговли и Финансовъ*. Записка, составленная для нея и рекомендація Дидро возбуждали въ ней сильное желаніе видѣть автора и даже устроить его у се-

бя. Зачѣмъ онъ былъ ей нуженъ? Послѣдствія доказали, что Екатерина въ этомъ случаѣ не имѣла опредѣленной цѣли. Но она воспламенилась восторженными тирадами, которыми энтузіастъ Дидро восхвалялъ Фальконету своего протеже: „О, другъ мой! Если Ея Величество любитъ истину, какова будетъ ея радость! Я предчувствую ее и раздѣляю. Мы лишаемся этого человѣка для васъ; онъ лишается такихъ друзей, какъ мы, для нея... Когда у императрицы будетъ этотъ человѣкъ, къ чему ей Кэнэ, Мирабо, Вольтеры, д'Аламберы, Дидро? Ни къ чему, другъ мой, ни къ чему! Вотъ, кто утѣшитъ ее въ потерѣ Монтескье“. Теперь императрица написала, что этотъ человѣкъ нуженъ ей, и только опасалась, какъ бы французское правительство пользовавшееся его услугами на Мартиникѣ, не воспрепятствовало его поступленію къ ней на службу. Она поручила Панину дипломатически устроить это дѣло.

Что касается Мерсье де-ла-Ривьера, то онъ серьезно мечталъ взять въ свои руки, по крайней мѣрѣ, управленіе внутренними дѣлами великаго сѣвернаго царства. Его первымъ дѣломъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, какъ говорятъ, было раздѣлить свою квартиру на различныя канцеляріи для различныхъ вѣдомствъ, во главѣ которыхъ онъ думалъ стать. Такъ какъ Екатерина отсутствовала, онъ обратился къ графу Панину, и тотъ обѣщаль ему мѣсто съ жалованьемъ въ триста рублей въ мѣсяць. Это было для бѣднаго Мерсье паденіемъ съ бѣльшей высоты, чѣмъ паденіе Дидро. Между нимъ и первымъ министромъ Екатерины возникаетъ слѣдующій разговоръ:— „На службѣ короля я получалъ гораздо болѣе! Что вы мнѣ предлагаете, можетъ только покрыть дорожныя издержки. Тѣмъ болѣе, что я не знаю, чѣмъ могу быть полезенъ императрицѣ.“

— Вы останетесь въ Россіи и получите мѣсто въ судебномъ вѣдомствѣ. Вѣдь вы недовольны вашимъ правительствомъ, а особенно г-омъ де-Шуазель?

— Я? Нисколько! Я облагодѣтельствованъ королемъ, а г-нъ де-Шуазель всегда былъ добръ ко мнѣ. Я вовсе не думаю совсѣмъ покидать Францію, гдѣ остались мое имущество и семья, я взялъ отнускъ только

на два года. И, чтобы доказать что это такъ, я могу сейчас же вернуться на родину.

— Въ такомъ случаѣ, уѣзжайте; но императрицѣ было бы желательно, чтобы вы дождались ея возвращенія.

Мерсье дожидался, но это ни къ чему не повело. Извлеченія изъ его большого сочиненія *l'Ordre naturel* и новая статья о работахъ С.-Петербургскаго Экономическаго Общества не показались Екаторинѣ достаточными, чтобы предоставить въ его руки управленіе государствомъ, а нѣкоторыя безтактности замѣстителя Монтескье настроили императрицу противъ него. Онъ привезъ изъ Парижа цѣлую свиту, свою жену и ея подругу. Эти дамы захотѣли повеселиться въ Петербургѣ и заставили говорить о себѣ. Наконецъ, при дворѣ въ присутствіи царицы, Мерсье не сумѣлъ принять подобающаго тона. „Если вы еще рекомендуете кого-нибудь императрицѣ“, писалъ Фальконетъ Дидро, „то, пусть онъ выберетъ себѣ болѣе дѣльныхъ товарищей... а находясь въ обществѣ императрицы, пусть не говоритъ громко: „такой человѣкъ, какъ я“. Этого присутствующіе не могутъ принять за скромность. Когда же онъ будетъ спорить о какомъ-нибудь мѣстѣ въ *Ordre naturel*, пусть не говоритъ свосму собесѣднику: „Надо быть дуракомъ, чтобы не понимать меня“. Тьebo приводитъ еще отрывокъ разговора уже съ самой государыней:

— Богъ не одному человѣку не позволилъ составлять законы.

— Въ чемъ же тогда задача законодателя?

— Въ умѣннн понять естественные законы.

— Вотъ какъ!

Окончательный отпускъ послѣдовалъ вскорѣ за этимъ разговоромъ, и Екатерина сообщаетъ Гримму о своемъ разочарованіи: „И Дидро, и Голлицынъ, и вы, и Панинъ и я—мы все ошиблись; мы восхитились, мы повѣрили письмамъ, словамъ двадцати человѣкъ; но мы были глухы“. Она надолго сохранила злопамятное чувство къ г-ну *Солону-ла-Ривьеру*, какъ она его называла, и въ 1774 г. писала Вольтеру: „Г-нъ де-ла-Ривьеръ, который шесть лѣтъ тому назадъ воображалъ, что мы ходимъ на

четверенькахъ и далъ себѣ трудъ пріѣхать изъ Мартиники, чтобы научить насъ ходить на заднихъ лапахъ, ошибся во времени“.

Несмотря на это, она продолжала тоже самое съ Сенакомъ-де-Мейланъ. Этотъ разъ рѣчь шла объ историческомъ сочиненіи. Эмигрировавъ во время революціи въ Венецію, живя тамъ болѣе, чѣмъ бѣдно, но титулуясь „почетнымъ сборщикомъ податей и управляющимъ провинціями Энб и Камбресисъ“, Сенакъ предложилъ въ 1791 г. Екатеринѣ написать ея исторію. Какъ образчикъ своего умѣнья, онъ послалъ фавориту Зубову *введеніе* къ этому труду, и оно показалось интересно. Екатерина поручила своему резиденту въ Венеціи, Мордвинову поэкзаменовать кандидата: „Достаточно ли это податливый умъ?“ Экзаменъ далъ благопріятный результатъ. Послѣдовало форменное приглашеніе историка, и ему были присланы двѣ тысячи дукатовъ на дорожныя издержки. Но ему предложили написать не одну исторію Екатерины, а исторію Россіи въ восемнадцатомъ вѣкѣ, въ которой, конечно, слѣдовало отвести подобающее мѣсто царствующей императрицѣ. Не успѣлъ Мейланъ пріѣхать въ Петербургъ, какъ царствующая императрица перемѣнила мнѣніе: она не пожелала, чтобы объ ней упоминали въ сочиненіи, напечатанномъ при ея жизни. Надо подождать ея смерти. Это не мѣшало ей писать историкѣ письмо за письмомъ, подавая ему указанія для работы, которую она проситъ не начинать, а также сообщая матеріалы для подробнаго изображенія ея особы.

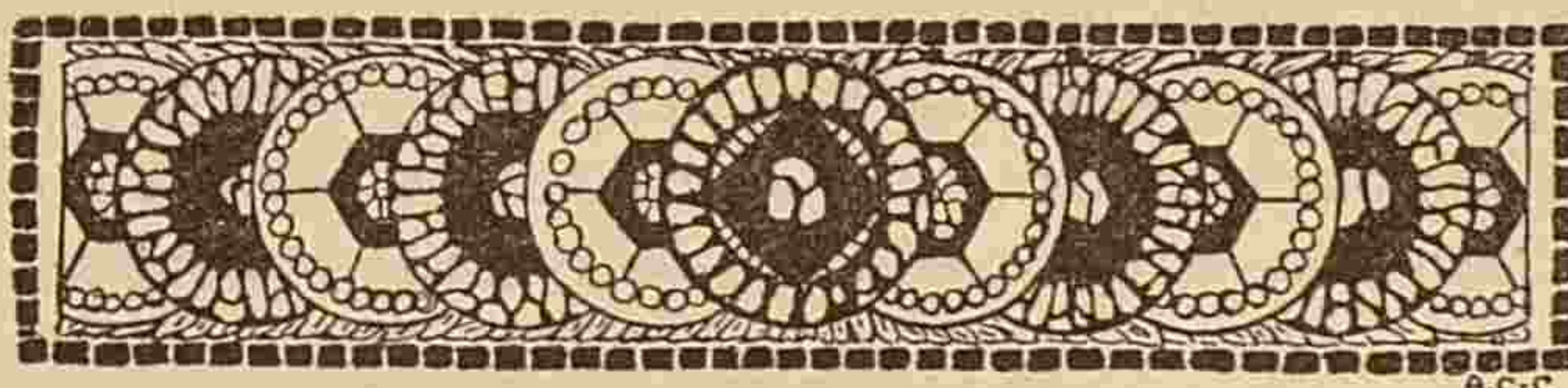
Такая игра продолжалась нѣсколько времени; книга осталась не написанной, но Екатерина была въ восторгѣ отъ автора. Однако, вдругъ наступила перемѣна. Въ іюнѣ, бесѣдуя съ Гриммомъ, Екатерина хвалитъ пріятности разговора съ *ея историкомъ*; въ сентябрѣ она пишетъ „козлу отпущенія“: „У г-на Мейлана, здоровье котораго плохо, я встрѣтила больше добрыхъ намѣреній, чѣмъ способностей. Онъ сказалъ намъ съ большею витіеватостью очень мало. Исторія, если онъ ее напишетъ, будетъ такою же... Въ Московскомъ Архивѣ, ученые были удивлены его поверхностностью... Онъ, говорятъ, находилъ, что въ Россіи только и видно, что бороды, да орденскія ленты... Вы когда-нибудь узнаете зачѣмъ я выписала

г-на де-Мейлана, но я нашла его не на высотѣ... Этотъ человекъ старается написать исторію страны, языка которой не знаетъ“...

Екатерина упрекала несчастнаго Сенака за безмѣрное тщеславіе: онъ хотѣлъ сдѣлаться министромъ финансовъ; онъ ѣздилъ въ армію и давалъ совѣты Потемкину, „который при этомъ только зѣвалъ“; онъ имѣлъ претензію, чтобъ его назначили посломъ въ Константинополь, потому что любить диваны и жизнь турокъ. Екатерина обвиняла его въ томъ, что онъ въ Петербургѣ скомпрометировалъ себя посѣщеніемъ г-жи Щербининой „поведеніе которой болѣе, чѣмъ смѣшно!“

Съ его стороны, послѣ трехъ мѣсяцевъ пребыванія въ Москвѣ, Мейланъ замѣтилъ, что Россія „не похожа на Францію“ и огорчился этимъ. — „Я бы этого и не желала“ отвѣчала Екатерина. Изъ Москвы онъ писалъ ей множество писемъ; на одно изъ нихъ она отвѣчала: „Я вижу, что мы съ вами могли бы написать цѣлые томы и понимали бы другъ друга такъ же, какъ еслибъ они не были написаны“.

Наконецъ, онъ покорился и попросилъ отставки, умоляя милостиво назначить его на должность „смотрителя библіотеки ея величества“. Онъ, повидимому, былъ охотникъ до почетныхъ должностей и любилъ коллекціонировать титулы. Весело и зло отвѣчала ему его покровительница, что такого рода отличіе не совмѣстимо съ равенствомъ, установленнымъ въ его отечествѣ. Наконецъ, онъ выхлопоталъ себѣ пенсію въ тысячу пятьсотъ рублей и отправился въ Вѣну, гдѣ въ 1792 году, пытался давать уроки старому князю Кауницу и доказывалъ ему, что „въ странѣ, гдѣ все—даже идеи—перевернуто вверхъ дномъ, легко удовлетворить всѣхъ“. Въ Вѣнѣ онъ и умеръ въ 1803 году.

II.

Но, вообще съ иностранными учеными и литераторами Семирамида обращалась еще лучше, чѣмъ съ собственными подданными, которымъ приходило въ голову слѣдовать издали и робко по слѣдамъ Ла-Гарповъ и Дорà, Мерсье и Сенаковъ. Конечно, относительно нѣкоторыхъ были причины, позволявшія не церемониться съ ними. Изъ замѣтки къ сочиненіямъ Тредьяковскаго, изданнымъ въ 1740 г., мы узнаемъ, какъ поэтъ, приводившій въ восторгъ дворъ Анны, имѣлъ честь декламировать одно изъ своихъ произведеній въ присутствіи самой императрицы. Онъ читалъ, стоя на колѣняхъ около камина, и въ благодарность получилъ пощечину отъ собственной руки ея величества.

Екатерина не награждала пощечинами собратьевъ Тредьяковскаго, современныхъ ея царствованію, но, кромѣ Андрея Шувалова, которому оказывали честь, давая ретушировать корреспонденцію Семирамиды, ни одинъ изъ литераторовъ не былъ приближенъ къ ней. Дѣйствительно, она тутъ подверглась бы большому риску, чѣмъ съ самымъ необузданнымъ Дидро. Тимковскій въ своихъ запискахъ рассказываетъ про нѣкоторыхъ русскихъ литераторовъ—и не изъ числа мевѣ знаменитыхъ, напр. про Ломоносова и Сумарокова,—что они, собираясь у Ивана Шувалова, проводили время въ шумныхъ спорахъ, пересыпая ихъ самой грубой бранью. Они величали другъ друга ворами и пьяницами и обыкновенно доходили до потасовки, послѣ чего Шуваловъ прогонялъ ихъ. Сумароковъ былъ самымъ буйнымъ. Поссорившись въ 1770 г. съ Бельмонти, занимавшей на московской сценѣ амплу трагической актрисы, онъ бросился однажды на сцену во время представленія и исчезъ за кулисами, таща за собой актрису, которой запретилъ появляться въ своихъ пьесахъ. Екатерина отнеслась очень снисходительно къ русскому поэту. На его довольно грубья и почти

непочтительныя письма, которыя онъ писалъ ей, чтобы оправдать свое поведеніе, она дала слѣдующій очень милый отвѣтъ:

„Александръ Петровичъ! Ваше письмо отъ 28 генваря меня удивило, а второе отъ 1 февраля еще больше. Оба, повидимому, содержатъ жалобы на Бельмонтію, которая, однако, только послѣдовала приказанію Графа Салтыкова. Фельдмаршалъ желалъ видѣть вашу трагедію; сіе вамъ только честь дѣлаетъ. Пристойно было бы въ томъ удовольствоваться перваго въ Москвѣ начальника. Вы болѣе другихъ, чаю, знаете, сколь много почтенія достоинъ заслужившій славу и сѣдинами покрытый мужъ. И для этого совѣтую вамъ впредь не входить въ подобныя ссоры, черезъ что сохраните спокойствіе души для сочиненія и мнѣ всегда пріятнѣе видѣть представленіе страстей въ вашихъ трагедіяхъ, нежели читать ихъ въ письмахъ *).

Прежде чѣмъ сдѣлаться министромъ въ царствованіе Александра I, и при томъ не министромъ народнаго просвѣщенія, но юстиціи, поэтъ Державинъ игралъ при дворѣ Екатерины, или скорѣе Платона Зубова, роль, по сравненію съ которой роль Тредьяковскаго при дворѣ Анны кажется почетной. Быстро шагая впередъ, вслѣдъ за другими европейскими націями, Россія въ это время въ нѣкоторыхъ моральныхъ и даже матеріальныхъ привычкахъ обогнала ихъ—въ чемъ Европѣ, впрочемъ, нечего ей завидовать—и другъ высокопоставленныхъ людей, самъ высокопоставленный пѣвецъ *Фелицы* является уже очень опытнымъ въ проведеніи вліянія исподтишка,—это интриганъ восемнадцатаго вѣка, въ которомъ его собратья девятнадцатаго могутъ видѣть своего учителя. Его положеніе въ чиновной іерархіи, повидимому, служило для него предметомъ бѣльшихъ заботъ, чѣмъ мѣсто въ храмѣ Музъ. Восхваляя Екатерину въ своей *Фелицѣ* за то, что она не посѣщаетъ слишкомъ пышнаго святилища, онъ какъ бы пытается тайно извинить свои личныя, слишкомъ частыя, посѣщенія его. Онъ говоритъ, что Екатерина любитъ поэзію, *какъ льтомъ вкусный*

---

*) Собственноручное письмо Екатерины, писанное по-русски Сумарокову.

лимонадъ. Державинъ не получилъ никакого артистическаго образованія. Его чутье служило ему единственнымъ руководителемъ, но иногда очень хорошимъ, какъ напр. въ одѣ „*Водонадъ*“, на смерть Потемкина—удачномъ произведеніи, за которое ему можно почти простить его неблагодарность къ своему покровителю. Пушкинъ, впрочемъ, хорошо охарактеризовалъ его поэзію, говоря, что это, „дурной, вольный переводъ съ какого-то чуднаго подлинника“.

Рядомъ съ Сумароковымъ и Державинымъ французское вліяніе, не прекращавшееся со временъ Елизаветы, несмотря на націоналистическія тенденціи новой школы, и поддерживаемое очевиднымъ пристрастіемъ Екатерины, породило вокругъ нея цѣлую группу писателей и даже поэтовъ, пытавшихся подражать западнымъ образцамъ еще болѣе непосредственно, чѣмъ Ломоносовъ въ своихъ подражаніяхъ. Они доходили до того, что, пренебрегая роднымъ языкомъ, плели вирши, которыя Вольтеръ дѣлалъ видъ, что находитъ „лучше всѣхъ“. Екатерина была въ этомъ отношеніи сдержаннѣе. Переводчица Мармонтеля, повидимому, ставила очень невысоко лирическое дарованіе Бѣлосельскаго—несмотря на то, что его французскія сочиненія самъ Мармонтель издалъ въ Парижѣ (1789 г.)—обращающагося въ одномъ изъ своихъ посланій къ французамъ, англичанамъ и республиканцамъ Санъ-Марино съ слѣдующимъ вызовомъ:

Прошу отвѣчать!

Мой адресъ: „Аполлонъ младшій“.

Въ Европѣ не трудно сыскать.

Можно ли ставить Семирамидѣ въ вину ея отношенія къ подобнымъ господамъ? Д'Аллонвилль, разбирающій этого поэта въ своихъ мемуарахъ, приводитъ его стихотворенія довольно сомнительнаго вкуса, особенно же его оду къ княгинѣ Долгорукой, гдѣ, напр., встрѣчаются мѣста вродѣ:

Je confie aux échos de la machine ronde.

Que rien n'est comparable aux tendres abatis

De la princesse Pudibonde *).

*) Довѣряю отголоскамъ круглой машины (вѣроятно подразумѣвая печатный станокъ), что нѣтъ ничего лучше, какъ нѣжныя ручки и ножки княгини Стыдливой.

Или еще:

Hélas, serait-il vrai, Pudibonde charmante,
Que ta belle maman, pour arrondir ce cou,
T'a claqué d'une main savante,
T'a claqué doucement je ne saurais dire où? *).

Его оперетка „Оленька“, которую онъ поставилъ въ Петербургѣ, обратила въ бѣгство скандализированныхъ зрителей, которымъ престо стало противно. Мадамъ Вижэ-Лебрёнъ рассказывала о своемъ посѣщеніи картинной галлерей князя-поэта.

— На что вы пожаловали полюбоваться, сударыня?

— На ваши картины, князь.

— У меня ихъ много! Какой школы?

— Римской.

— Въ ней столько художниковъ! Какого вы желаете посмотреть?

— Рафаэля.

— Сударыня, Рафаэль писалъ въ трехъ жанрахъ. Какой вы желаете видѣть сначала?

— Третій.

— Отлично.

Конечно, образцовое произведеніе третьяго жанра оказывается ниже всякой критики.

За отсутствіемъ другихъ качествъ, Бѣлосельскій сдѣлалъ хотя одно хорошее дѣло: онъ былъ отцомъ знаменитой княгини Зинаиды Волконской, такъ любимой, и совершенно справедливо, поэтами. Правда, она получила хорошее умственное наслѣдство, такъ какъ мать ея была дочерью Козицкаго, любимаго секретаря Екатерины,—человѣка рѣдкаго ума и заявившаго себя очень высоко при скромной роли, которую игралъ.

Андрей Шуваловъ, котораго не слѣдуетъ смѣшивать, какъ это часто

---

*) Увы! неужели правда, прелестная Стыдливая, что твоя красавица мамаша, чтобъ дать округлость этому бюсту, искусной рукой давала шлепки, но почему, сказать не могу.

дѣлается, съ его братомъ Иваномъ, былъ обязанъ расположеніемъ Екатерины своей близостью съ фернейскимъ отшельникомъ, своему редакторскому таланту и умѣнію держать языкъ за зубами. Его стихотворный талантъ несмотря на „посланіе къ Нинонъ“ (*Épître à Ninon*)“ повидимому не игралъ тутъ никакой роли. Впрочемъ, „посланіе къ Нинонъ“ упорно приписывали самому Вольтеру; но тотъ отрекся отъ этого произведенія съ неменьшимъ упорствомъ и послалъ автору въ знакъ своего поздравленія полулестное для него четверостишіе.

L'Amour, Epicure Apollon
Ont dicté vos vers que j'adore,
Mes yeux ont vu mourir Nónon
Mais Chapelle vit encore *).

Въ это же время въ письмѣ къ герцогу Ришелье Вольтеръ упоминалъ объ „одномъ русскомъ, который пишетъ французскіе стихи лучше, чѣмъ вся Академія“.

Написанное въ 1774 г. черезъ пятьдесятъ восемь лѣтъ послѣ смерти знаменитой куртизанки, „Посланіе къ Нинонъ“ нашло себѣ не много читателей въ Россіи: здѣсь мало знали жизнь и славу бессмертной жрицы любви, расположенія которой добивался кардиналъ Ришелье и пользовавшейся покровительствомъ мадамъ де-Ментенонъ: Но зато всѣ въ Петербургѣ и при дворѣ самой Екатерины, по крайней мѣрѣ, всѣ говорившіе по-французски, учили и повторяли стихи поэта къ Наталіи Загряжской, красавицѣ, о которой нѣкоторое время вздыхалъ побѣдитель Тавриды:

Cet invincible amour que je porte en mon sein,
Dont je ne parle pas, mais que tout vous atteste,
Est un sentiment pur, une flamme céleste
Que je nourris toujours, hélas! mais c'est en vain,

---

*) Амуръ, Эпикуръ, Аполлонъ, продиктовали стихи, которые я обожаю. Я видѣлъ, какъ умерла Нинонъ, но Шапелль еще живъ.

De la séduction je ne suis pas l'apôtre:
Je serais fortuné possédant vos appas,
Je vivrai malheureux si vous ne m'aimez pas,
Je mourrai de douleur si vous aimez un autre.

Нелединскій, переводчикъ *Зауры*, русскій Петрарка, какъ его, можетъ быть, нѣсколько преувеличено, называли нѣкоторые изъ его біографовъ, очень высоко ставилъ это стихотвореніе *). Екатерина, повидимому, не раздѣляла всеобщаго увлеченія. Ея здравый смыслъ ей подсказывалъ, безъ сомнѣнія, хотя можетъ быть и неясно, какой вредъ эти французскіе стихоплеты изъ русскихъ приносили національной поэзіи и себѣ самимъ.

Но, также какъ и дядя Иванъ, письма котораго смѣшивались во всѣхъ изданіяхъ Вольтера съ письмами племянника, Андрей Шуваловъ поддерживалъ постоянныя сношенія съ великимъ человѣкомъ своего вѣка. И его считали ученикомъ Вольтера, хотя, въ дѣйствительности, честь образованія этого ученика выпадаетъ на долю болѣе скромнаго учителя Пьера-Луи Леруа, бывшаго воспитателемъ въ семьѣ Шуваловыхъ, и автора сборника „*Различныхъ стихотвореній*“, напечатаннаго въ Амстердамѣ въ 1757 г.

Дядя и племянники нѣсколько разъ посѣщали Фернэй. Въ 1765 г. Вольтеръ поставилъ въ *своемъ* театрѣ *Меропу и Нанинъ* въ честь графа Андрея и его молодой жены, и послѣдняя подарила на двѣсти тысячъ талеровъ брилліантовъ мадамъ Деппи за это представленіе, и настолько же маркизъ Флоріанъ въ благодарность за то, что та сыграла роль баронессы въ *Нанинѣ*. Самъ Шуваловъ игралъ Эгиста въ *Меропѣ*. Все

*) Это стихотвореніе есть только въ отрывкахъ мемуаровъ, напечатанныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1874 г.: „Эта непобѣдимая любовь, которую ношу въ груди, о которой не говорю, но о которой, все вамъ свидѣтельствуешь, есть чувство чистое, пламень небесный. Питаю его въ себѣ, но увы! напрасно. Не хочу быть апостоломъ обольщенія: я былъ бы благополученъ, встрѣчая вашу взаимность, проживу свой вѣкъ несчастнымъ, если вы меня не полюбите; умру со скорби, если полюбите другого“.

это придавало ему известное значеніе въ глазахъ сѣверной Семирамиды и ея придворныхъ; но также создало ему соперниковъ. Въ самый годъ появленія „Посланія къ Нинонъ“ Вольтеръ въ своей перепискѣ съ д'Аламберомъ указываетъ на одного изъ нихъ: „Одинъ изъ сыновей графа Румянцева принесъ мнѣ свои стихи, изъ которыхъ нѣкоторые еще удивительнѣе, чѣмъ стихи графа Шувалова. Это разговоръ между Богомъ и преподобнымъ отцомъ Хайеръ, авторомъ „*Journal chrétien*“. Богъ совѣтуетъ ему быть терпѣливымъ; Хайеръ отвѣчаетъ:

„Ciel! que viens-je d'entendre? Ah! ah! je le vois bien, Que vous-même, Seigneur, vous ne valez rien *).

Принимавшій еще болѣе близкое участіе, чѣмъ Шуваловы, въ умственной жизни запада князь Дмитрій Голицынъ—русскій посоль сначала въ Парижѣ, потомъ въ Гагѣ, гдѣ онъ занялся изданіемъ полнаго собранія сочиненій Гельвеція—имѣлъ настолько здраваго смысла, что пользовался французскимъ языкомъ только въ прозѣ и при томъ трактуя лишь объ ученыхъ предметахъ. Но Екатерина, повидимому, не оцѣнила этого и не приблизила его къ себѣ, чего онъ, впрочемъ, можетъ быть, и не желалъ вовсе. А можетъ быть, ей не хотѣлось видѣть при своемъ дворѣ жену дипломата, дочь прусскаго генерала, графа Шметтау, одну изъ женщинъ того времени, наиболѣе прославившихся своей красотой и умомъ, но также, къ сожалѣнію, своей склонностью къ интригѣ.

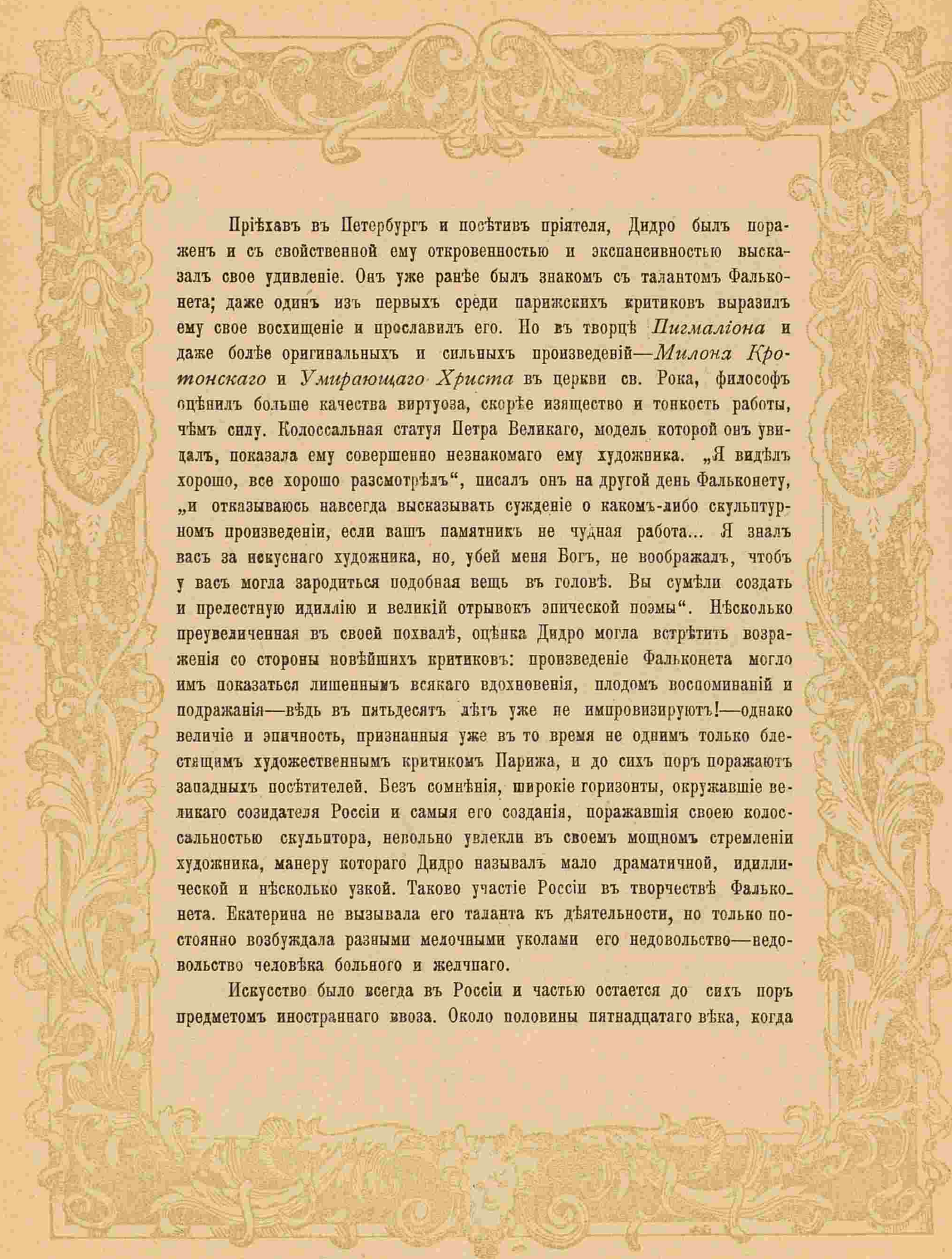
*) Небо! Что я слышу? О, теперь я вижу, что въ Тебѣ самомъ, Господи, толку не много.

III.

Какъ извѣстно парижскіе журналы передавали забавные анекдоты объ отношеніяхъ Екатерины къ современному ей артистическому міру, напр. какъ сѣверная Семирамида, сняла съ себя горностаевую шубу, чтобы накинуть на озябшаго Паизиелло, и какъ она отвѣчала своему церемонимейстеру, что можетъ сейчасъ найти себѣ пятьдесятъ церемонимейстеровъ, а Паизиелло не найдешь. Все это очень мило, но все—однѣ сказки. Постараемся внести въ нихъ немного исторіи.

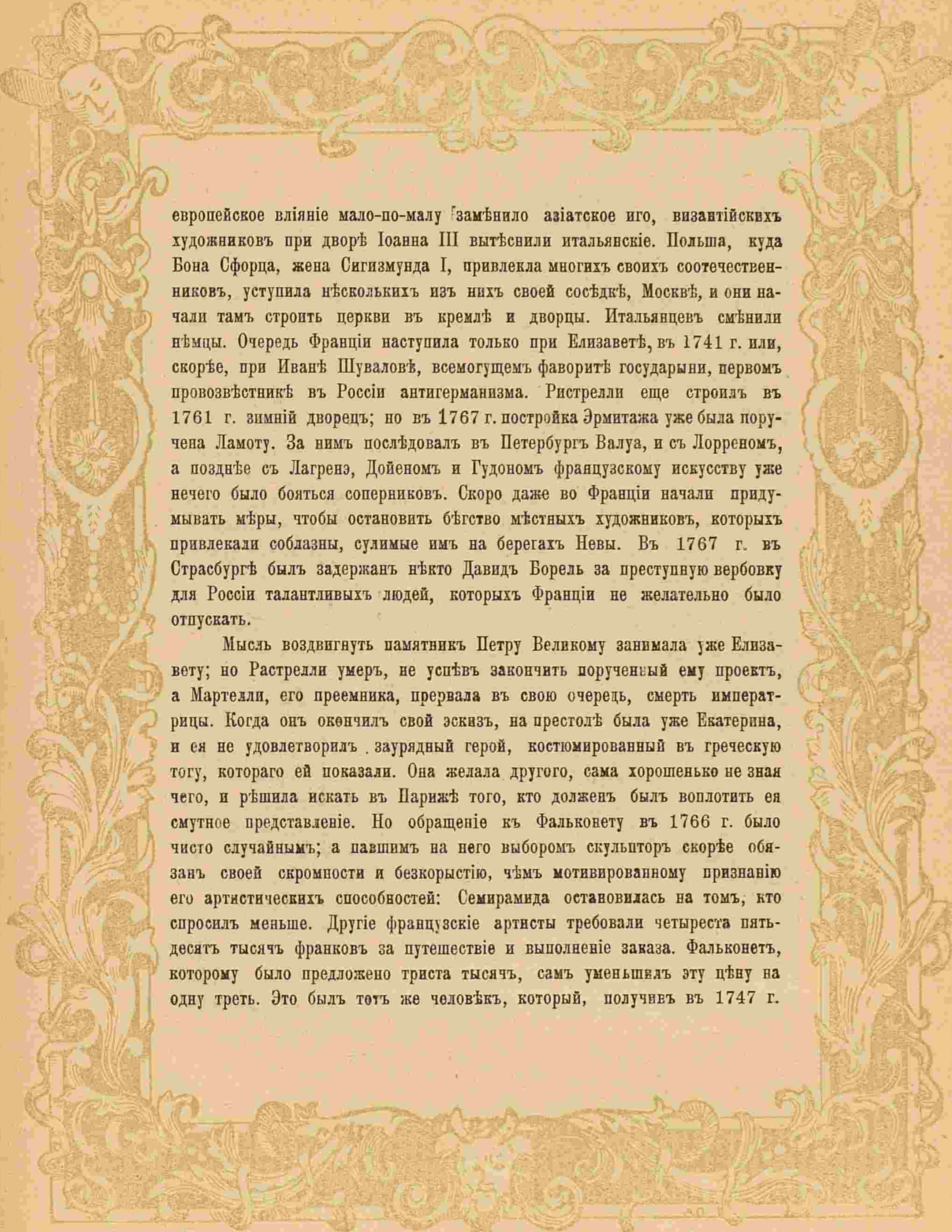
У Екатерины не было ни одного первокласснаго ученаго или писателя, который оставался бы постоянно при ней. Дидро лишь промелькнулъ при ея дворѣ. Одинъ только художникъ, котораго можно поставить среди великихъ людей этой эпохи, прожилъ въ Петербургѣ двѣнадцать лѣтъ—и, къ несчастью, именно относительно его Екатерина оказалась наиболѣе виноватой и нарушила сильнѣе всего роль, которую ей приписывали ея почитатели, и которую она сама, дѣйствительно, претендовала играть въ томъ мірѣ, о которомъ мы намѣреваемся говорить теперь. Если такой замѣчательный художникъ, какимъ былъ безъ сомнѣнія Фальконетъ, не нашелъ себѣ въ Россіи оцѣнки, на которую имѣлъ полное право рассчитывать, и если пребываніе этого скульптора въ Петербургѣ прибавило еще нѣсколько страницъ къ тяжелому мартирологу талантливыхъ и честныхъ людей, непризнанныхъ современниками, то въ этомъ передъ судомъ потомства виновата одна Екатерина. Сама Россія тутъ ни причемъ. Напротивъ. Можно сказать, что художникъ обязанъ ей въ значительной мѣрѣ своей славой и тѣмъ, что если онъ и не всталъ во весь свой ростъ, то, по крайней мѣрѣ, показалъ, чѣмъ могъ бы сдѣлаться, если бы обстоятельства сложились благопріятнѣе для его способностей, и еслибъ, напримѣръ, ему не приходилось начинать свое обученіе въ мастерской парикмахера!

Приѣхавъ въ Петербургъ и посѣтивъ пріятеля, Дидро былъ пораженъ и съ свойственной ему откровенностью и экспансивностью высказалъ свое удивленіе. Онъ уже ранѣе былъ знакомъ съ талантомъ Фальконета; даже одинъ изъ первыхъ среди парижскихъ критиковъ выразилъ ему свое восхищеніе и прославилъ его. Но въ творцѣ *Пигмаліона* и даже болѣе оригинальныхъ и сильныхъ произведевій—*Милоня Кротонскаго* и *Умирающаго Христа* въ церкви св. Рока, философъ оцѣнилъ больше качества виртуоза, скорѣе изящество и тонкость работы, чѣмъ силу. Колоссальная статуя Петра Великаго, модель которой онъ увидалъ, показала ему совершенно незнакомаго ему художника. „Я видѣлъ хорошо, все хорошо разсмотрѣлъ“, писалъ онъ на другой день Фальконету, „и отказываюсь навсегда высказывать сужденіе о какомъ-либо скульптурномъ произведеніи, если вашъ памятникъ не чудная работа... Я зналъ васъ за некуснаго художника, но, убей меня Богъ, не воображалъ, чтобъ у васъ могла зародиться подобная вещь въ головѣ. Вы сумѣли создать и прелестную идиллію и великій отрывокъ эпической поэмы“. Нѣсколько преувеличенная въ своей похвалѣ, оцѣнка Дидро могла встрѣтить возраженія со стороны новѣйшихъ критиковъ: произведеніе Фальконета могло имъ показаться лишеннымъ всякаго вдохновенія, плодомъ воспоминаній и подражанія—вѣдь въ пятьдесятъ лѣтъ уже не импровизируютъ!—однако величіе и эпичность, признанныя уже въ то время не однимъ только блестящимъ художественнымъ критикомъ Парижа, и до сихъ поръ поражаютъ западныхъ посѣтителей. Безъ сомнѣнія, широкіе горизонты, окружавшіе великаго создателя Россіи и самыя его созданія, поражавшія своею колоссальностью скульптора, невольно увлекли въ своемъ мощномъ стремленіи художника, манеру котораго Дидро называлъ мало драматичной, идиллической и нѣсколько узкой. Таково участіе Россіи въ творчествѣ Фальконета. Екатерина не вызывала его таланта къ дѣятельности, но только постоянно возбуждала разными мелочными уколами его недовольство—недовольство человѣка больного и желчнаго.

Искусство было всегда въ Россіи и частью остается до сихъ поръ предметомъ иностраннаго ввоза. Около половины пятнадцатаго вѣка, когда

европейское вліяніе мало-по-малу замѣнило азіатское иго, византійскихъ художниковъ при дворѣ Іоанна III вытѣснили итальянскіе. Польша, куда Бона Сфорца, жена Сигизмунда I, привлекла многихъ своихъ соотечественниковъ, уступила нѣсколькихъ изъ нихъ своей сосѣдкѣ, Москвѣ, и они начали тамъ строить церкви въ кремль и дворцы. Итальянцевъ смѣнили нѣмцы. Очередь Франціи наступила только при Елизаветѣ, въ 1741 г. или, скорѣе, при Иванѣ Шуваловѣ, всемогущемъ фаворитѣ государыни, первомъ провозвѣстникѣ въ Россіи антигерманизма. Ристрелли еще строилъ въ 1761 г. зимній дворецъ; но въ 1767 г. постройка Эрмитажа уже была поручена Ламоту. За нимъ послѣдовалъ въ Петербургъ Валуа, и съ Лорреномъ, а позднѣе съ Лагренэ, Дойеномъ и Гудономъ французскому искусству уже нечего было бояться соперниковъ. Скоро даже во Франціи начали придумывать мѣры, чтобы остановить бѣгство мѣстныхъ художниковъ, которыхъ привлекали соблазны, сулимые имъ на берегахъ Невы. Въ 1767 г. въ Страсбургѣ былъ задержанъ нѣкто Давидъ Борель за преступную вербовку для Россіи талантливыхъ людей, которыхъ Франціи не желательно было отпускать.

Мысль воздвигнуть памятникъ Петру Великому занимала уже Елизавету; но Растрелли умеръ, не успѣвъ закончить порученный ему проектъ, а Мартелли, его преемника, прервала въ свою очередь, смерть императрицы. Когда онъ окончилъ свой эскизъ, на престолѣ была уже Екатерина, и ея не удовлетворилъ заурядный герой, костюмированный въ греческую тогу, котораго ей показали. Она желала другого, сама хорошенько не зная чего, и рѣшила искать въ Парижѣ того, кто долженъ былъ воплотить ея смутное представленіе. Но обращеніе къ Фальконету въ 1766 г. было чисто случайнымъ; а павшимъ на него выборомъ скульпторъ скорѣе обязанъ своей скромности и безкорыстію, чѣмъ мотивированному признанію его артистическихъ способностей: Семирамида остановилась на томъ, кто спросилъ меньше. Другіе французскіе артисты требовали четыреста пятьдесятъ тысячъ франковъ за путешествіе и выполненіе заказа. Фальконетъ, которому было предложено триста тысячъ, самъ уменьшилъ эту цѣну на одну треть. Это былъ тотъ же человѣкъ, который, получивъ въ 1747 г.

заказъ на символическую группу по рисунку Коппеля, „Франція, обнимающая бюстъ короля“, пятнадцать лѣтъ не кончалъ этого официальнаго заказа и, наконецъ, представивъ его, передумалъ и просилъ позволенія уничтожить это произведеніе, — „одно изъ худшихъ, что вообще есть въ скульптурѣ“, — предлагая вернуть правительству уплаченные ему девять тысячъ франковъ.

Императрица была въ Москвѣ, когда Фальконетъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Для него это было почти удачей. Немедленно между государыней и художникомъ завязалась переписка, быстро принявшая отъѣнокъ короткости, которую Екатерина часто вносила въ свои отношенія. По крайней мѣрѣ отъ октября 1766 г. до января 1768, когда она вернулась, продолжался безъ перерыва обмѣнъ писемъ, иногда очень длинныхъ. Какъ всегда, Екатерина находила вначалѣ такую переписку привлекательной. „Его письма въ самомъ дѣлѣ оригинальны“, — писала Екатерина Гримму, „или онъ самъ оригиналъ; а вы знаете, что мы ихъ не ненавидимъ“. Но такое впечатлѣніе было не продолжительнымъ. Вообще, все не продолжительно у этой женщины съ такимъ перемѣчивымъ, „неуловимымъ и многостороннимъ“ умомъ — въ этомъ отношеніи чисто женскимъ. Вернувшись въ Петербургъ, она уже охладѣла къ художнику и даже къ дѣлу, порученному ему ею. Только черезъ пять недѣль она посѣтила мастерскую Фальконета.

Онъ же, между тѣмъ, ревностно принялся за дѣло и сразу натолкнулся на непредвидѣнные затрудненія. Онъ увидалъ себя окруженнымъ людьми, которые всѣ были бы въ состояніи сказать вмѣстѣ съ Екатериной, что не могутъ имѣть мнѣнія о скульптурномъ произведеніи потому, что не имѣли случая видать статуй. И эти господа рѣшались давать совѣты художнику и поправлять его работу. Бецкій, самый понимающій изъ этихъ совѣтчиковъ, вздумалъ однажды требовать Петра, который косился бы однимъ глазомъ въ сторону Адмиралтейства, а другимъ — на двѣнадцать государственныхъ кѣллегій, соединенныхъ на противоположной сторонѣ въ некрасивомъ зданіи. Здравый смыслъ и на этотъ разъ помогъ Екатеринѣ оцѣнить по достоинству эту нелѣпую фантазію; но она не употре-

бляла своего авторитета, чтобы оградить художника противъ ежедневныхъ придирокъ, навязчивости, даже грубостей, жертвой которыхъ онъ былъ постоянно. Такъ напр. Бецкій вздумалъ предложить скульптору сдѣлать одновременно съ статуей творца имперіи статую его великой преемницы. Фальконетъ принялся съ удовольствіемъ за эту работу. Вскорѣ онъ могъ уже показать глиняную модель памятника.

— Сколько?—спросилъ Бецкій.

— Ничего, мнѣ и такъ заплачено.

— Очень ловко съ вашей стороны; но мы знаемъ, что значитъ такое безкорыстіе: оно обходится слишкомъ дорого.

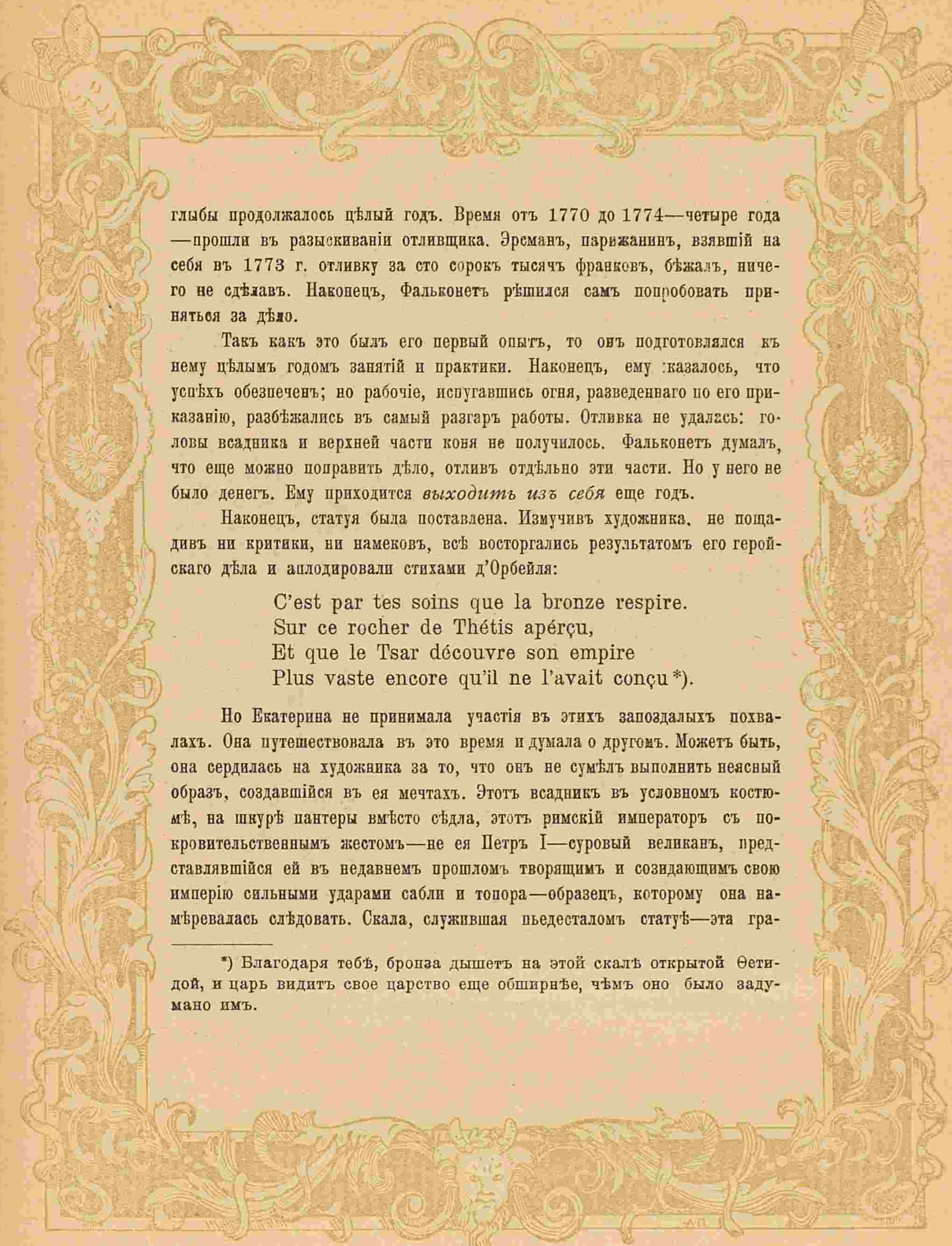
— Вотъ, какъ я ловокъ!

Схвативъ свою модель, скульпторъ сбросилъ ее на землю, и она разлетѣлась вдребезги.

Можетъ быть, онъ былъ черезчуръ мнителенъ и подозрителенъ. Таково же мнѣніе о немъ Дидро, называвшаго его „Жакъ-Жакомъ скульптуры“ и писавшаго ему: „Вы легко видите во всемъ дурное; ваша впечатлительность показываетъ вамъ его въ преувеличенномъ видѣ; одинъ злой языкъ можетъ васъ посорить съ цѣлой столицей“. Фальконетъ сообщалъ пріятелю, „что онъ сталъ еще нелюдимѣе“. Дидро отвѣчалъ ему: „Ужъ это невозможно“. И Екатерина убѣждала также Фальконета не такъ прислушиваться къ сплетнямъ. Онъ былъ брюзга, впрочемъ не глупый. Прочтя на одномъ изъ писемъ Екатерины обыкновенный адресъ „Его Высокородію“, онъ попросилъ перевести титулъ и сказалъ: „Какъ разъ по мнѣ, родившемуся на чердакѣ!“ Но испытаніе, выпавшее на долю его терпѣнія, было слишкомъ велико. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ еще разъ выказалъ свое безкорыстіе: ему предлагали три тысячи пятьсотъ рублей содержанія; онъ удовольствовался только половиной. Черезъ полгода, увидавъ, что припасы вздорожали и что ему не свести концовъ съ концами, онъ попросилъ нѣсколько сотъ рублей прибавки. Что-то вродѣ завѣдующаго искусствомъ—Екатеринѣ вздумалось учредить такую должность—нѣкто Ласкарисъ, самый отъявленный проходимецъ, отвѣтилъ художнику, что онъ „и такъ уже много стоитъ“.—„Г. Ласкарисъ очевидно

принимаетъ меня за каменную глыбу“, — пишетъ бѣдный скульпторъ Екатерина, намекая на чрезвычайный расходъ по перевозкѣ въ Петербургъ гранитной глыбы для мѣднаго всадника, котораго онъ намѣревался отлить. А между тѣмъ, еще недавно онъ самъ просилъ императрицу за этого самаго Ласкариса, „котораго всѣ ненавидятъ, какъ жабу“, говоритъ Екатерина, и который вполне заслуживалъ эту нелюбовь. Но, несмотря на все его невѣжество и грубость, Фальконетъ все же предпочиталъ имѣть дѣло съ нимъ, чѣмъ съ Бецкимъ.

Весной 1770 г. модель памятника была окончена и выставлена для обозрѣнія петербургской публики. Чтобы помочь художнику схватить движенія коня, поднимающагося на дыбы и какъ бы стремящагося впередъ въ бѣшеномъ порывѣ, конюхъ выводилъ ежедневно подъ окно мастерской двухъ любимыхъ лошадей императрицы, *Бриллианта* и *Каприза*, и горячилъ ихъ. Голову героя моделировала одна изъ ученицъ скульптора, которую онъ привезъ изъ Парижа и увезъ обратно, а тамъ выдалъ замужъ за своего сына. Эта ученица, услаждавшая его грустную старость, была мадемуазель Калло. Въ Петербургѣ есть нѣсколько бюстовъ съ подписью молодой артистки, не оправдавшей впоследствии тѣхъ ожиданій, которыя на нее возлагали тогда. Голова императора, дѣйствительно, великолѣпна; но, вѣроятно, и учитель вложилъ въ нее много своего. Успѣхъ соответствовалъ усиліямъ: впечатлѣніе получилось огромное. Но именно тогда начинаются для Фальконета, какъ онъ выражается, „годы нетерпѣнія“, или „четыре-пять лѣтъ лишнихъ, проведенныхъ мною въ Петербургѣ“. Перевезеніе скалы, которую Екатерина непременно желала доставить съ берега сосѣдняго съ Финляндіей, сдѣлалось государственнымъ вопросомъ. Была предложена награда въ семь тысячъ рублей тому, кто укажетъ способъ сдвинуть эту огромную массу, вѣсящую пять милліоновъ фунтовъ, и ее получилъ самозванецъ Ласкарисъ, купивъ за нѣсколько рублей у простаго кузнеца секретъ, состоявшій въ остроумной системѣ балокъ, выдолбленныхъ въ формѣ желоба и снабженныхъ мѣдными шарами, на которыхъ должна была катиться тяжелая глыба. Екатерина присутствовала лично при примѣненіи этого приспособленія; но путешествіе

глыбы продолжалось цѣлый годъ. Время отъ 1770 до 1774—четыре года — прошли въ разыскиваніи отливщика. Эрманъ, парижанинъ, взявшій на себя въ 1773 г. отливку за сто сорокъ тысячъ франковъ, бѣжалъ, ничего не сдѣлавъ. Наконецъ, Фальконетъ рѣшился самъ попробовать приняться за дѣло.

Такъ какъ это былъ его первый опытъ, то онъ подготовлялся къ нему цѣлымъ годомъ занятій и практики. Наконецъ, ему казалось, что успѣхъ обезпеченъ; но рабочіе, испугавшись огня, разведеннаго по его приказанію, разбѣжались въ самый разгаръ работы. Отливка не удалась: головы всадника и верхней части коня не получилось. Фальконетъ думалъ, что еще можно поправить дѣло, отливъ отдѣльно эти части. Но у него не было денегъ. Ему приходится *выходить изъ себя* еще годъ.

Наконецъ, статуя была поставлена. Измучивъ художника, не пощадивъ ни критики, ни намековъ, всѣ восторгались результатомъ его геройскаго дѣла и аплодировали стихами д'Орбейля:

C'est par tes soins que la bronze respire.
Sur ce rocher de Thétis aperçu,
Et que le Tsar découvre son empire
Plus vaste encore qu'il ne l'avait conçu *).

Но Екатерина не принимала участія въ этихъ запоздалыхъ похвалахъ. Она путешествовала въ это время и думала о другомъ. Можетъ быть, она сердилась на художника за то, что онъ не сумѣлъ выполнить неясный образъ, создавшійся въ ея мечтахъ. Этотъ всадникъ въ условномъ костюмѣ, на шкурѣ пантеры вмѣсто сѣдла, этотъ римскій императоръ съ покровительственнымъ жестомъ—не ея Петръ I—суровый великанъ, представлявшійся ей въ недавнемъ прошломъ творящимъ и созидающимъ свою имперію сильными ударами сабли и топора—образецъ, которому она намѣревалась слѣдовать. Скала, служившая пьедесталомъ статуѣ—эта гра-

*) Благодаря тебѣ, бронза дышетъ на этой скалѣ открытой Тетидой, и царь видитъ свое царство еще обширнѣе, чѣмъ оно было задумано имъ.

нитная глыба, доставленная съ такимъ трудомъ—тоже не удовлетворяла ее. Она неясно чувствовала, что не слѣдовало обтесывать, полировать камень, снимать съ него слой вѣкового мха и стараться придавать ему правильную форму. Она мечтала о чудномъ всадникѣ, вздымающемъ своего коня на воздухъ, такъ сказать, возносящемся съ нимъ надъ городомъ, воздвигнутомъ его руками—и увидала большой камень, придавленный лошадыю слишкомъ громоздкой для такого пьедестала и все же едва позволяющей всаднику подняться взглядомъ выше перваго этажа ближайшихъ домовъ.

Но всетаки, произведеніе великолѣпное! И иностранецъ, прїѣзжая въ Петербургъ и видя Петра, обращеннаго лицомъ къ мощной рѣкѣ, которую онъ сумѣлъ заставить служить своему генію, не можемъ не найти, что статуя хороша, какъ она есть; что она краснорѣчива и олицетворяетъ въ могущественномъ образѣ хотя часть того, что должна была выразить. Съ того дня, какъ Фальконетъ воздвигъ своего мѣднаго всадника, поколѣнія проходили мимо его, и до сихъ поръ проходящаго охватываетъ чувство благоговѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ трепещущаго энтузіазма. На позовъ у гранитнаго пьедестала нисходила искра божественнаго вдохновенія. Въ 1812 г. въ виду угрожавшаго нашествія, думали снять колосса и увезти куда-нибудь въ глушь, подобно тому, какъ древніе народы поступали съ своими пенатами. Одинъ обыватель увидалъ во снѣ мѣднаго всадника, переходящаго черезъ Неву къ стоящему на другомъ берегу его царственному потомку, чтобы сказать ему, что бояться нечего, такъ какъ *онъ защищаетъ городъ*. Статую не тронули. Пушкинъ воспользовался сномъ Булгакова для одного изъ своихъ несравненныхъ произведеній.

Фальконетъ употребилъ двѣнадцать лѣтъ жизни на этого пената Россіи, вдохновлявшаго и храбрецовъ, и поэтовъ; а Россія не отблагодарила скульптора. Екатерина виновата въ этой несправедливости и неблагодарности. Въ 1777 г. Фальконету надоѣло ждать освященія памятника, которое, какъ будто нарочно отсрочивали, и онъ сталъ просить позволенія откланяться государынѣ. Она отказалась принять его, сухо приказал

выплатить ему еще неуплоченную сумму изъ условной цѣны, и онъ уѣхалъ. Грустный вернулся скульпторъ въ Парижъ, гдѣ умеръ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ прозябанія почетнымъ членомъ Академіи Изящныхъ Искусствъ. На слѣдующій годъ послѣ его отъѣзда, Екатерина велѣла открыть статую, устроила торжественную церемонію, которая, конечно, превратилась въ ея личное торжество. На долю Фальконета въ этомъ опосеозѣ не пришлось ничего—ни почетнаго мѣста, ни упоминанія его имени, никакого подарка на память.

И между тѣмъ, та же государыня въ 1779 г. купила у Клериссо за шестьдесятъ тысячъ ливровъ—которые ему были нужны, чтобы отложить капиталъ женѣ—портфели рисунковъ и оставила ихъ ему въ пожизненное пользованіе, какъ Дидро его книги. Постоянно примѣры самыхъ благородныхъ поступковъ, достойныхъ сана Семирамиды, но всегда совершаемыхъ въ нѣкоторомъ отдаленіи! Хорошій архитекторъ, но плохой придворный, Клериссо не принялъ императорскаго подарка: онъ послалъ портфели въ Петербургъ, но выразилъ свою благодарность, заказавъ Гудону, тоже отправившемуся въ сѣверную столицу, бюстъ императрицы, называя ее своей благодѣтельницей и „желая имѣть ея изображеніе въ своемъ домѣ“.

У насъ мало свѣдѣній о пребываніи въ сѣверной столицѣ великаго скульптора, въ которомъ воплотилось послѣднее усиліе классической скульптуры. То, что мы знаемъ, заставляетъ насъ думать, что это пребываніе не было удачнѣе пребыванія Фальконета. Впрочемъ, бюста Екатерины, составляющаго украшеніе одного изъ парижскихъ салоновъ, баронессы Романъ-Кайсаровой, было бы достаточно, чтобы объяснить холодность—если не больше—встрѣченную его творцомъ со стороны Семирамиды. Творецъ „Обдираемаго“ былъ, въ нѣкоторомъ родѣ уже откровеннымъ предшественникомъ современной реалистической школы.

Мадамъ Вижэ-Лебрёнъ уже никакъ нельзя назвать предвозвѣстницей этой школы. Однако и ея появленіе въ Петербургѣ въ послѣдніе дни великаго царствованія не было счастливѣе. Можетъ быть въ этомъ виновата—весьма въ прочемъ лонятная при первой аудіенціи—забывчивость

прикоснуться губами къ высочайшей рукѣ, съ которой нарочно сняли перчатку. Или тому была другая причина? Не можемъ сказать опредѣленно. Но, во всякомъ случаѣ, великая художница и Семирамида не ладили. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ пріѣзда первой, мы читали въ письмѣ къ Гримму:

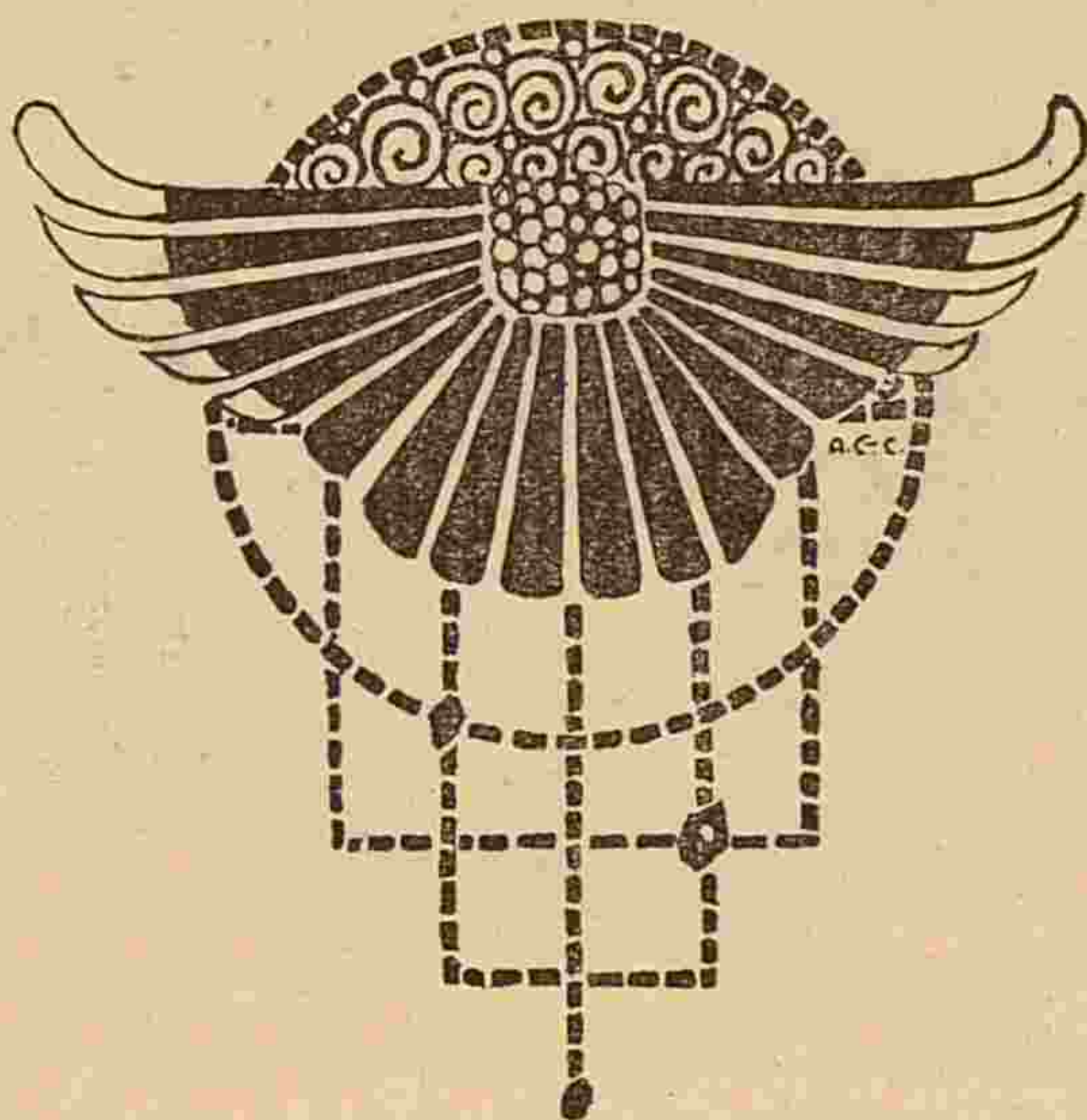
„Послушайте, пожалуйста: во время Людовика XIV французская художественная школа общала благородство въ своей манерѣ, и можно было предположить, что благородство соединится съ пріятностью.

„Въ августѣ мѣсяцѣ сюда пріѣхала мадамъ Ле-Брѣнь; я только что вернулась въ городъ; она претендуетъ быть соперницей Анжелики Кауфманъ. Послѣдняя, безъ сомнѣнія, соединяетъ во всѣхъ своихъ фигурахъ изящество и благородство; даже больше—въ нихъ есть идеальная красота. Соперница Анжелики для перваго опыта начинаетъ рисовать великихъ княженъ Александру и Елену. У первой лицо благородное, интересное, видъ царственный; вторая—красавица съ видомъ скромницы. Мадамъ Ле-Брѣнь усаживаетъ эти двѣ фигуры на диванѣ, свертываетъ шею меньшей, придаетъ имъ видъ двухъ мартышекъ, грѣющихся на солнцѣ, или, если хотите, двухъ безобразныхъ савоярдокъ, причесанныхъ вакханками съ кистями винограда; одѣваетъ ихъ въ ярко-красное и фіолетовое платье. Однимъ словомъ, не только ни малѣйшаго сходства, но даже обѣ сестры настолько безобразны, что люди спрашиваютъ, которая старше... Въ этой картинѣ-портретѣ ни сходства, ни вкуса, ни благородства, и... надо просто имѣть полное отсутствіе смысла, чтобы сдѣлать нѣчто такое неудачное... Слѣдовало только копировать природу, а не изобрѣтать обезьяньи позы“...

Можетъ быть „отсутствіе смысла“ въ искусствѣ было не съ той стороны, гдѣ казалось великой государынѣ, и это, до извѣстной степени, служить ей извиненіемъ. Другіе иностранные художники, Бенаръ, Лами, Бромтонъ, Кёнигъ, пользовались въ ея царствованіи довольно завидными положеніями, по крайней мѣрѣ, съ матеріальной точки зрѣнія. Но, надо признаться, что эти художники принадлежали къ совершенно иному типу: въ ихъ отношеніяхъ съ Екатериной не было ничего личнаго; и сѣверная

Семирамида сама краснорѣчиво и находчиво опредѣлила свой взглядъ на значеніе и смыслъ придаваемые ей артистическимъ конкурсамъ, которые она считала нужнымъ заимствовать у сосѣднихъ странъ съ того дня, когда поручила божественному Рейфенштейну прислать ей нѣсколько итальянскихъ архитекторовъ, какъ „накетъ инструментовъ“ *).

Что касается русскихъ художниковъ такого же достоинства, какъ Гудонъ, Фальконетъ и Вижэ-Лебрёнъ то, если они и попадались на пути Екатеринѣ, ихъ судьба не многимъ отличалась отъ судьбы Лосенко, по поводу котораго мы уже въ другомъ мѣстѣ указали, какое нравственное и матеріальное положеніе уготовило имъ царствованіе Семирамиды **).

*) Письмо къ Гримму.

***) Романъ императрицы.

ГЛАВА III.

Иностранные придворные *).

I. Фридрихъ.—Принцъ Генрихъ.—Толстякъ Гу.—Иосифъ II.—Могилевское сватовство.—Царскосельская гостиница.—Императрица „подается“.—Несчастный бракъ.—Комедія и чувство.—Послѣдняя мысль Иосифа.—Густавъ III.—Въ Петербургѣ и въ Фридрихсгамѣ.—Братъ и сестра.—Ссора и примиреніе.—Заключительный выстрѣлъ.—II. Принцъ де-Лань.—Его неизданныя письма.—Графъ Сегюръ.—Дипломатія и поэзія.—Въ Крыму.—При приближеніи революціи.—„Лживъ, какъ Іуда!“—*Графъ Сегюръ* и просто *Луи Сегюръ*.—III. Лозень.—Союзъ Екатерины и Маріи-Антуанетты.—Лордъ Файндлэтеръ.—Графъ Тюрпень.

I.

Литераторы и военные, дипломаты и выдающіеся люди всѣхъ словій—имя имъ легионъ. Можно бы помѣстить въ этой главѣ половину

*) Arneth, *Maria-Theresia und Joseph II; Joseph II und Katharina von Russland; Maria-Theresia und Marie-Antoinette; Arneth et Geoffroy, Marie-Antoinette; Correspondance secrète*; Храповицкій. Дневникъ; *Переписка Екатерины* (Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества); *Переписка Екатерины съ Потемкинымъ*, (Русская Старина, 1876), *La cour de Russie il y a cent ans*; Dohm, *Denkwürdigkeiten*; Du Bled, *Le prince de Ligne*; Гротъ, *Екатерина II и Густавъ III*, (Русская Старина, 1877), *Mémoires de Langeron* (не изданы), de Ségur, de Lauzun, и пр; Scherer, *Melchior Grimm*; Соловьевъ, *Русская исторія*; Zinckeisen, *Geshichte des Osmanischen Reichs*.

Европы. Величайшіе аристократы цивилизованнаго міра, князья и коронованные монархи стараются протѣсниться впередъ въ этой толпѣ, опережаютъ офиціальную дипломатію, чтобы прельстить своею личностію; вмѣсто канцелярскаго языка говорятъ словами Мариво. И Фридриху, во время перваго раздѣла Польши, случается соперничать съ Вольтеромъ:

„Древніе греки обожествляли великихъ людей и прежде всего законодателей: они помѣстили бы Ваше Величество между Ликургомъ и Солонемъ... Пусть братъ мой передастъ Вашему Величеству восхищеніе, которое возбуждаютъ во мнѣ Ваши великія качества. Я имѣлъ счастье видѣть Васъ въ то время, когда Ваша прелесть сіяла и брала верхъ надъ всякой претензіей на красоту другихъ женщинъ. Теперь, Государыня, Вы поднялись надъ монархами и побѣдителями, стали вровень съ самыми великими людьми на свѣтѣ“ *).

Какъ мы видѣли, и Вольтеръ, и Дидро, и Ла-Гарпъ находились въ этой толпѣ. Мы уже говорили о нихъ; постараемся бѣгло обозрѣть остальныхъ.

Посредникъ, избранный въ 1770 г. Фридрихомъ—Принцъ Генрихъ Прусскій—не оказался на высотѣ своей задачи. Г-жа Сиверсъ, жена государственнаго челоѣка, съ которымъ мы уже познакомили читателя, рисуешь его въ довольно непривлекательномъ видѣ: „Онъ не красивъ... страшно косить; при своемъ маленькомъ ростѣ, ходитъ на ужасно высокихъ каблукахъ и имѣетъ высокій напудренный тупей.“ Она, однако, прибавляетъ, что принцъ уменъ. Но Екатерина какъ будто не замѣчала этого. Если принимала она его милостиво, то не ради его бесѣды или высокаго тупея, а только ради Польши; но такъ какъ во время его вторичнаго визита въ 1788 году, съ несчастной республикой было уже покончено, то императрица во время его разсказовъ играла съ обезьяной. Когда Гриммъ въ научныхъ фразахъ старался доказать глубокіе взгляды въ политикѣ его королевскаго высочества, котораго дружбой онъ гордился, Екатерина возразила: „Безпокойная голова, вашъ принцъ.“ „Онъ муд-

*) Оригиналъ по-французски.

рять и вѣчно становится на ходули; важничаетъ; торопится какъ баба; щеголь, покидающій общество подъ предлогомъ свиданія, а самъ сидящій дома одинъ.“ Черезъ два года и о самомъ Фридрихѣ вспомнили не лучше. Екатерина даже не хотѣла прочесть только что опубликованной переписки героя. „Когда мнѣ принесли эту книгу писанія, я прочла въ одномъ мѣстѣ семнадцать страницъ явной лжи. Послѣ этого я закрыла книгу и не читала дальше.“ Несчастный наслѣдникъ Фридриха былъ уже совсѣмъ въ загонѣ. Его первое и послѣднее появленіе въ Петербургѣ въ 1780 году, имѣвшее цѣлью противодѣйствіе вліянію Австріи и престижу Іосифа II, было болѣе, чѣмъ неудачно. Оба соперника, одинъ за другимъ, посѣтили берега Невы, и вотъ какъ Императрица отзывалась о нихъ: „я не могу ничего сказать противъ г-на фонъ Факельштейна“— псевдонимъ, подъ которымъ путешествовалъ Іосифъ, „онъ прекрасно воспитанъ и будетъ ловкимъ властителемъ; но подмастерью съ великими претензіями, который только что выѣхалъ отсюда, придется еще долго путешествовать прежде, чѣмъ изъ него выйдетъ мастеръ... Говоритъ онъ и думаетъ много, но то же самое можно сказать объ индѣкѣ“*). Когда же *Гу, толстый Гу**)*, взошелъ на престоль, онъ сдѣлался предметомъ почти ненависти. У Екатерины по отношенію къ нему нашелся такой же богатый запасъ бранныхъ и язвительныхъ выраженій, какъ у Вольтера—любезныхъ. Въ 1791 г., узнавъ, что преданный спиритизму монархъ имѣлъ разговоръ съ Іисусомъ Христомъ, она писала Гримму: „Если бы я могла познакомиться съ этимъ жидомъ—такъ какъ, конечно, роль Христа, игралъ жидъ—я бы обогатила его, но съ условіемъ, чтобъ онъ при второмъ свиданіи отколотилъ его палкой отъ моего имени.“

Понравиться Семирамидѣ было трудно, а еще труднѣе—удержать ея расположеніе. Сынъ Маріи-Терезіи имѣлъ, однако, это счастье. Среди иностранцевъ, привлеченныхъ въ Петербургъ новой „сѣверной звѣздой“, Іосифъ II одинъ, кажется, пробудилъ въ ней подобіе того сильнаго, смѣ-

*) Письмо къ Гримму.

***) Сокращеніе отъ „Густавъ“

лаго и страстнаго чувства, которое ей внушали большинство ея фаворитовъ. Но къ Іосифу чувство это было болѣе прочное. Можетъ быть, разлука, поддерживавшая иллюзію, была причиной тому, что это очарованіе выдержало всѣ испытанія и сохранилось даже послѣ смерти. Побѣда Іосифа, во всякомъ случаѣ, была личной, неожиданной для обоихъ. И онъ и Екатерина, ожидали свиданія безъ всякаго энтузіазма. Екатерина въ разговорѣ съ Гриммомъ выражала мысль, что такого рода гости лучше бы сдѣлали, еслибъ оставались дома и „не вгоняли въ потъ людей“, а Іосифъ, въ перепискѣ съ матерью, не сочувствовавшей его поѣздкѣ, боясь „причудъ греческой вѣры“, отзывался о путешествіи, какъ о необходимости, но довольно холодно и насмѣшливо. Это не болѣе, какъ политическій опытъ, предпринимаемый послѣ того, какъ онъ убѣдилъ стараго Кауница, уже готовящаго проектъ раздѣла Турціи! Но онъ намѣренъ для достиженія своей цѣли явиться къ Екатеринѣ не какъ государь, а какъ простой посѣтитель: „Онъ останется въ передней великой Императрицы и увеличитъ толпу обожателей ея славы и добродѣтели“. Іосифъ открыто писалъ это Кауницу и исполнилъ свою программу въ Могилевѣ, а потомъ въ Царскомъ, строго придерживаясь своего инкогнито. Онъ жилъ въ импровизированной гостиницѣ, устроенной для него въ банѣ при дворцѣ, гдѣ роль трактирщика игралъ англійскій садовникъ Екатерины. Спалъ Іосифъ на привезенномъ съ собой парусинномъ мѣшкѣ, набитомъ соломой.

Эта гостиница и мѣшокъ съ соломой были очень удачной выдумкой, вотому, что воображеніе Екатерины легко возбуждалось такого рода вещами.

Но Іосифъ припасъ еще и другое средство, о которомъ откровенно и цинично говоритъ съ своимъ канцлеромъ: „*Надо ее пощекотать*: ея божество—тщеславіе; необыкновенное счастье и утрированное поклоненіе Европы избаловали ее: приходится съ волками выть“. Онъ такъ и сдѣлалъ. Приведенный Потемкинымъ въ помѣщеніе, занимаемое государыней въ Могилевѣ, онъ терпѣливо ждалъ, пока она вернется отъ обѣдни; тогда онъ бросился къ ней, намѣреваясь поцѣловать ея руку. И онъ не сразу приступилъ къ интересовавшему его дѣлу; онъ считалъ ее „неспособной

къ послѣдовательнымъ политическимъ разговорамъ. Надо ловить моменты, случаи, чтобы вставить свое слово“. Онъ старался заинтересовать ее, веселить, главное льстить ей. Онъ переходилъ изъ шутливаго тона въ тонъ почтительно любезный съ легкимъ оттѣнкомъ чувства. Успѣхъ былъ полный, Иосифъ дѣйствительно завоевалъ умъ и сердце Екатерины, и навсегда. Она писала своему наперснику: „Я бы никогда не кончила, еслибъ начала хвалить его; это самая солидная, глубокая, ученая голова, которую я знаю. Чортъ возьми! кто захочетъ его опредѣлить, тому придется много поработать“. И позднѣе. „Я знаю человѣка на свѣтѣ, которому небо назначило первое мѣсто въ Европѣ, первое по славѣ. Надо, чтобы онъ жилъ, чтобы онъ пережилъ кое-кого изъ своихъ современниковъ“,—вѣроятно, и Фридриха и ее, такъ какъ она не забывала себя, даже когда завиралась,— „тогда это свѣтило останется ни съ чѣмъ не сравнимымъ, и всѣ современники будутъ ниже его“.

Она, впрочемъ, не выдержала искушенія и заговорила съ гостемъ о болѣе серьезныхъ вещахъ, чѣмъ тѣ, которыми онъ занималъ ее сначала. Онъ имѣлъ въ виду довести ее до этого; но она сама сдѣлала первый шагъ. Не отдаляясь отъ шуточного тона, принятаго ими, будто невзначай, она спросила у него объ извѣстіяхъ изъ Италіи. „Развѣ властолюбіе такого государя, какъ онъ, никогда не направлялось въ эту сторону? Развѣ Римъ не естественная столица Римскаго императора?—Точно также какъ Константинополь—единственная столица восточной императрицы?“—отвѣчалъ Иосифъ, найдя настоящую минуту удобной, чтобы *вставить свое слово*. Потомъ разговоръ перешелъ на другое. Провели пять часовъ „въ болтовнѣ и хохотѣ, въ то время, какъ Европу страшно интересовало, о чемъ мы разговаривали!“ *) Но ледъ былъ пробитъ; Иосифъ съ удовольствіемъ видѣлъ, что императрица „подавалась“, и наканунѣ его отъѣзда, союзъ и походъ обоихъ государей противъ Турціи были дѣломъ почти рѣшеннымъ. Около нихъ, при видѣ ихъ желанія понравиться другъ другу и ихъ обоюдной симпатіи, составлялись болѣе смѣлыя предположенія, пере-

*) Письмо къ Гримму.

данныя Екатериной Гримму: „Бѣлорусскіе политики, видя насъ постоянно вмѣстѣ, слушающихъ другъ друга, рѣшили, что мы женимся“. Дѣйстви- тельно близость въ теченіе нѣсколькихъ недѣль повела къ соединенію на- политической и честолюбивой почвѣ, гдѣ, по крайней мѣрѣ со стороны Екатерины участвовало и сердце, болѣе даже, чѣмъ разумъ. Здѣсь были забыты дипломатическія формы; министръ иностранныхъ дѣлъ не присут- ствовалъ; протоколовъ не писалось; такъ что представитель Фридриха, успокоенный Панинымъ, поддался обману и писалъ своему повелителю, что Екатерина увидала въ своемъ царственномъ гостѣ только „пустого бол- туна“, и что графъ Фолькенштейнъ не сумѣлъ наблюсти интересовъ Іосифа II!

Переписка, послѣдовавшая за устными изліяніями, еще утвердила этотъ союзъ. Екатерина говорила, что „теперь не считаетъ лестью обого- твореніе героевъ древними язычниками. „Вообще отношенія остались тѣми же; со стороны императрицы было искреннее увлеченіе и горячность, со стороны императора—холодная игра: Екатерина давала поправлять свои письма поэту, Андрею Шувалову; Іосифъ—Кауницу.

И, однако, это такъ искренно начавшееся сближеніе не было удачно. Союзъ оказался несчастливымъ, хотя и былъ заключенъ по любви. Было ли это всегдашнимъ счастьемъ вдовы Петра III или ироніей общей чело- вѣческой судьбы; но союзъ интересовъ, въ который Екатерина вносила, по словамъ Іосифа, слишкомъ много фантазіи и женственности, а онъ— одинъ расчетъ,—оказался печальнымъ именно для него; польза же вся бы- ла на ея сторонѣ! Іосифъ не сумѣлъ воспользоваться добрымъ расположе- ніемъ своего царственного друга ни для своихъ проектовъ обмѣна Гол- ландіи на Баварію, ни вообще для улаженія своихъ споровъ съ Голлан- діей. Въ 1786 году у него была минута разочарованія и гнѣва. Письмо Екатерины, гдѣ она проситъ его помощи въ Константинополѣ, уже зару- чившись, впрочемъ, вмѣшательствомъ Франціи, и приглашаетъ его въ по- стскриптумѣ „прибѣжать къ ней въ Херсонъ“, показалось ему уже слиш- комъ безцеремоннымъ.

Онъ намѣревался „Послать отвѣтъ, вѣжливый, короткій, но такой,

который бы показалъ *принцессу Цербстской, сдѣлавшейся Екатериной*, что она должна болѣе уважительно распорядиться императоромъ“. Онъ и послалъ такой отвѣтъ; Екатерина возразила невозмутимо и спокойно, что онъ все-таки пріѣдетъ въ Крымъ; и онъ пріѣхалъ. Несмотря на испытанія, принесенныя ему несчастной войной, во время которой турки будто вымещали на немъ пораженія, наносимыя имъ Екатериной, онъ остался непоколебимо-вѣрнымъ союзу, представлявшему для него однѣ неудачи.

Онъ жалуется въ 1789 г. въ перепискѣ съ Кауницомъ на „нелѣпность и дерзость“ въ образѣ дѣйствія его союзницы; но въ слѣдующемъ году, на смертномъ одрѣ, слабымъ голосомъ диктуетъ письмо этой же союзницѣ, въ которомъ встрѣчаются фразы, вродѣ слѣдующей: Я не увижу болѣе почерка Вашего Императорскаго Величества, составлявшаго мое счастье, и съ горечью думаю, что въ послѣдній разъ увѣрю Васъ въ своей нѣжной дружбѣ“.

Должно быть онъ не былъ искрененъ и въ эту минуту, и Кауницъ справедливо видѣлъ героизмъ въ этомъ послѣднемъ усилии доиграть свою роль, уходя со сцены. Такъ что же? Если иллюзія полная и эффектъ возвышенъ до истины! Екатерина одержала тутъ одну изъ самыхъ блестящихъ побѣдъ своихъ. Для нея эта смерть была искреннимъ и сильнымъ горемъ, а, главное, большой неожиданностью. Она долго не могла успокоиться.

„Какъ могло случиться, что онъ, созданный и рожденный для своего великаго положенія, такъ плохо царствовалъ, и не только не имѣлъ успѣха, но доведенъ былъ до несчастія, при которомъ умеръ?“ Гриммъ отвѣтилъ на такой вопросъ, приводя сцену изъ юмористической пьесы, дававшейся въ одномъ изъ берлинскихъ театровъ въ 1785 году. Въ ней появлялся курьеръ съ двумя мѣшками депешъ.

— Что это у васъ?

— Приказанія императора.

— А тутъ?

— Отмѣны его приказаній.

Контрактъ, заключенный въ 1780 г. въ Могилевѣ среди смѣха и нѣжныхъ взглядовъ, не былъ отмѣненъ несчастнымъ императоромъ, и Екатерина одна не замѣтила въ своемъ героѣ черты, которая, въ глазахъ потомства объяснила грустную его исторію.

Екатерина оказалась болѣе дальновидной съ Густавомъ шведскимъ. Близкіе родные,—отецъ его и мать были братомъ и сестрой,—они имѣли въ умѣ и въ характерѣ родственныя черты. Оба честолюбивые, увѣренные въ своемъ величїи и своей исторической роли, любящіе представительство, желающіе всегда поражать воображеніе толпы, они также испытали на себѣ вліяніе западной культуры и въ особенности французской литературы. Но, даже изъ окружающихъ короля кто-то замѣтилъ, что тѣ же склонности и стремленія приняли женственный характеръ въ особѣ короля и мужественный—въ его двоюродной сестрѣ. Блестѣть все равно какими средствами—было первой заботой Густава. Даже брильянты, которыми онъ осыпалъ себя, служили ему въ этомъ отношенїи; Екатерина удовлетворялась не такъ легко. Во время перваго прїѣзда въ Петербургъ графа Готтландскаго въ 1777 г., между Екатериной и Густавомъ возникла нѣкоторая близость. Густавъ требовалъ права называть свою кузину по-русски *сестрой*; по возвращенїи въ Стокгольмъ, онъ послалъ ей книги, а она ему званіе члена Императорской Академіи. Онъ одобрилъ національныя блюда *квасъ* и *щи*; ему послали человѣка, умѣвшаго ихъ готовить. Но мнѣніе Екатерины составилось не въ пользу гостя. „Этотъ господинъ, проводящій весь день передъ зеркаломъ“, не очень то ей нравился. И расточая ласки *брату*, который платилъ ей тою же монетою, она тайно трудилась надъ тѣмъ, чтобы разрушить положеніе, созданное государственнымъ переворотомъ, спасшимъ въ 1772 году Швецію и ея короля, сдѣлавъ послѣдняго властителемъ первой.

Въ 1783 г. произошла новая встрѣча въ Фридрихсгамѣ, и изъ которой Екатерина вынесла еще болѣе непрїятное впечатлѣніе. Передъ свиданїемъ Густавъ упалъ съ лошади во время парада и сломалъ себѣ руку. Что за неловкость! „Можно ли кувыряться передъ войскомъ!“ Разстались еще, повидимому, добрыми друзьями, однако, на слѣдующій годъ

Екатерина въ любезномъ и шуточномъ тонѣ спрашивала короля, правда ли, что онъ, какъ говорятъ, собирается двинуть свои войска въ Финляндію, чтобъ оттуда „повести ихъ ужинать въ Петербургъ?“ Разрывъ уже былъ въ воздухѣ.

Въ Версалѣ давали мудрые совѣты о воздержаніи, но Густавъ писалъ: „Надо войну, чтобы характеризовать какое-нибудь царствованіе“. Онъ воспользовался первымъ случаемъ: второй войной съ Турціей. Остальное извѣстно. Отъ 1788 до 1790 года война продолжалась и на морѣ—и на бумагѣ. Екатерина израсходовала потоки чернилъ. Трактатъ 14 августа 1790 г. не вполне устроилъ дѣла. Екатерина не окончательно примирилась съ полупокорившимся противникомъ; ей не нравился костюмъ, въ которомъ Густавъ явился въ *храмъ дружбы*, „построенный наскоро“, говоритъ Ланжеронъ, „изъ трехъ-четырехъ сосенъ, украшенный вензелями императрицы и Густава, охраняемый нѣсколькими солдатами изъ его караула, замаскированными Бахусами и залитыми виномъ“. Костюмъ короля былъ дѣйствительно довольно зазорнымъ даже для глазъ, привыкшихъ къ нарядамъ Потемкина. „Короткій шведскій камзолъ, обшитый тесьмой по всѣмъ швамъ, три ряда кружевъ, три ряда эполетъ, изъ которыхъ послѣднія опускаются до локтя; шелковые очень узкіе панталоны, на половину желтые и голубые, громадныя шпоры Карла XII, шага героя на длинной перевязи, два шарфа, всѣ ордена сверхъ камзола, и, для заключенія наряда, желтая соломенная шляпа съ громаднымъ голубымъ перомъ“.

Чтобы примирить государыню съ этимъ „королемъ, одѣтымъ арлекиномъ“, потребовался противореволюціонный походъ 1792 года и необходимость сдѣлать все возможное, чтобъ сыграть въ немъ достойную роль, не поступаясь дѣлами въ Польшѣ. И вотъ Екатерина возвращается къ братскимъ нѣжностямъ первой встрѣчи, лаская полу-героическаго, полу-шутовскаго наслѣдника Карла XII, льстя ему, возбуждая его лихорадочную гордость, заставляя его во снѣ „подняться по Сенѣ на канонеркахъ“. Высрѣлъ Анкаштрёма (16 марта 1792 г.) положилъ конецъ этимъ воображаемымъ прогулкамъ.

II.

Не будучи ни императоромъ, ни королемъ, принцъ де-Линь, однако, имѣеть право на почетное мѣсто въ нашей галлерей. Даже, чтобы вполнѣ выяснить его значеніе, потребовалась бы отдѣльная книга. Екатеринѣ должно было казаться особенно привлекательнымъ общество этого космополита, одареннаго именно такимъ умомъ и такого рода обаяніемъ, которымъ она наиболѣе была способна поддаться. Она писала въ сентябрѣ 1780 г. Гримму: „Здѣсь есть принцъ де-Линь, одинъ изъ самыхъ пріятныхъ и уживчивыхъ людей, какихъ мнѣ приходилось встрѣчать. Вотъ дѣйствительно оригинальная голова: онъ глубокій мыслитель, а вмѣстѣ съ тѣмъ дурачится, какъ ребенокъ“. Его нѣсколько испортили, пославъ въ 1787 г. въ главную квартиру Потемкина „шпіонить“, какъ безъ обвиняковъ выразилась сама Екатерина, между тѣмъ, какъ онъ „ожидалъ приказанія взять Бѣлградъ“. Но онъ первый увидалъ всю неумѣстность такого назначенія и, высказавъ это письменно, безъ труда добился желаемого. Его корреспонденція съ Екатериной еще не опубликована вполнѣ, и это очень жаль. Нѣкоторыя изъ его писемъ, появившіяся на русскомъ языкѣ, очень любопытны и характеристичны для изученія его личности. Напримѣръ, письма писанныя въ октябрѣ, послѣ смерти нѣжно-любимаго сына, особенно ярко освѣщаютъ въ немъ придворнаго. Прежде всего мы не видимъ въ нихъ ни на минуту отца, безъ сомнѣнія глубоко опечаленнаго; мы напрасно стали бы искать въ нихъ крика сердца; передъ нами постоянно придворный, не переставая выражающійся все одними и тѣми же фразами: „Не пишу Вашему Императорскому Величеству, но обращаюсь къ небесному существу... Зачѣмъ онъ не умеръ подъ стѣнами Измаила? Зачѣмъ я не палъ самъ подъ стѣнами Очакова?“ И въ другомъ мѣстѣ: „Какъ выразить свою благодарность Вашему Императорскому Величеству за цвѣты,

которыми вы соблагволили покрыть могилу моего бѣднаго Шарля... Кто самъ достоинъ похвальнаго слова больше нежели Траянъ, тотъ долженъ говорить надгробныя рѣчи. Ваше Величество настоящій Боссюэ, истинный Робертсонъ“. И чего тутъ только нѣтъ! Даже комплименты по адресу Платона Зубова!

Этотъ любезный человекъ послѣдовалъ за Екатериной въ ея крымскомъ путешествіи 1787 г., по его собственному выраженію, въ качествѣ „дипломатическаго жокея“. Графъ де-Сегюръ, тоже принимавшій участіе въ этомъ путешествіи, но въ качествѣ представителя официальной дипломатіи, больше занимался сочиненіемъ мадригаловъ и стишковъ, чѣмъ канцелярской работой. Только такимъ образомъ могъ поступать настоящій дипломатъ съ Семирамидой. Таковы ужъ были ея вкусъ и привычка — легко относиться къ серьезнымъ вопросамъ и придавать шутливый оттѣнокъ самымъ щевотливымъ переговорамъ: ловкіе люди умѣютъ воспользоваться не только своими естественными способностями, но и даже слабостями для движенія дѣла впередъ. Серьезному настроенію также приходило свое время—въ минуту выполненія задуманнаго—и тогда уже не шутили. Такъ совершился раздѣлъ Польши: Екатерина шутила съ принцемъ Генрихомъ, балагурила съ Фридрихомъ; но когда настала рѣшительная минута, Кречетниковъ получилъ опредѣленные приказанія, гдѣ уже не было и гѣни прикрасъ; и несчастная республика, схваченная за горло, задыхалась подъ грубой рукой стараго служаки.

„Меня не удивляетъ репутація г. де-Сегюра“, писала императрица вскорѣ послѣ пріѣзда въ Петербургъ въ 1785 г. молодого и блестящаго посредника, котораго удалось обрѣсти версальскому кабинету;—повидимому она пріобрѣтена имъ по справедливости, и навѣрное онъ самое лучшее изъ всего, что имѣется у насъ изъ вашихъ мѣстъ. Трудно быть любезнѣе и имѣть больше ума. Ему, кажется, нравится у насъ: онъ веселъ, какъ зябликъ. Онъ пишетъ для насъ стихи и пѣсенки“ *), На одной изъ колоннъ Царскаго Села еще теперь можно видѣть образецъ поэтическаго дарованія

*) Къ Гримму.

веселаго дипломата, посвященный прелестной *Земиръ*—левреткѣ—смерть которой очень огорчила Екатерину, и которую судьбѣ не слѣдовало бы отнимать у ея нѣжности, такъ какъ.

Les dieux
Devaient à sa fidélité
Le don de l'immortalité
Pour qu'elle fût toujours auprès de sa maîtresse*).

Сегюръ сочинялъ не только стихи и пѣсенки; но заботы, работа и привычки, неразрывно связанныя съ его должностью, отражались иногда невыгодно на его музѣ, какъ на примѣръ, въ этомъ очень лестномъ, но не особенно удачномъ, портретѣ Екатерины:

Je veux en peu de mots peindre un grand empereur;
L'entreprise est facile en paraissant hardie:
Son cachet fournira les pinceaux, la couleur;
Sa devise peindra son cœur**).

Онъ особенно умѣлъ быстро подбирать рѣмы. Хорошо извѣстно его четверостишіе на слова *amour, tambour, frotte* и *note*, предложенныя англійскимъ посломъ Фипъ-Гербертомъ:

D'un peuple très heureux Catherine est l'amour;
Malheur à l'ennemi qui contre elle se frotte;
La renommée aura pour elle son tambour;
L'histoire avec plaisir sera son garde-note.***)

*) За вѣрность боги
Должны-бъ ее безсмертьемъ наградить,
Чтобъ общества ея хозяйки не лишить.

***) Хочу въ немногихъ словахъ описать великаго императора. Предпріятіе не трудное, хотя и кажется смѣлымъ. Онъ самъ дастъ мнѣ кисть и краски; его девизъ опишетъ его сердце.

***) Очень счастливаго народа Екатерина есть любовь.
Бѣда врагу, который вздумаетъ съ ней поспориться.
Слава найдетъ для нея барабанъ,
Исторія съ удовольствіемъ послужитъ ей записной книжкой.

Все это импровизировалось между двумя прогулками в аллеях Царскаго или, пока перепрягали лошадей по дорогѣ изъ Петербурга въ Москву. Съ 1785 по 1787 Екатерину обуяла страсть къ переѣздамъ, и, сопутствуя ей въ ея путешествіяхъ по ея обширному царству, Сегюръ долженъ былъ дебютировать въ роли остроумнаго свѣтскаго человѣка, а также вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживать также репутацію ловкаго дипломата. Онъ съ честью выполнилъ свою задачу и скоро началъ пожинать плоды своихъ стараній. Принятый въ кружокъ Эрмитажа, онъ безъ труда сдѣлался душой и украшеніемъ этихъ собраній, куда вѣнскій коллега его Кобенцль вносилъ развлеченіе, только являясь въ смѣшномъ свѣтѣ, а Левъ Нарышкинъ съ Матреной Даниловой, придворной *дурой*, очень быстро истощали свой запасъ грубыхъ шутокъ. Здѣсь было по преимуществу собраніе грибоѣдовскихъ типовъ: старыхъ, выживающихъ изъ ума подагриковъ, рисковавшихъ по примѣру Штакельберга, переломать себѣ руки и ноги, пытаясь подражать, на потѣху государынѣ, Нарышкину въ его безумныхъ прыжкахъ.

Путешествіе въ Крымъ окончательно упрочило фаворъ новичка. Можетъ быть, на этотъ разъ придворный взялъ въ немъ верхъ надъ дипломатомъ. Сегюръ смотрѣлъ на Екатерину и на новыя мѣстности, по которымъ проѣзжалъ съ ней, глазами влюбленнаго. Онъ вынесъ убѣжденіе — его записки свидѣтельствуютъ объ этомъ — что въ Россіи нѣтъ бѣдныхъ, а положеніе крѣпостныхъ завидное. Развѣ только грустная пѣснь бурлаковъ, тянувшихъ бичеву на Дибѣрѣ, вызвала въ немъ представленіе о долгомъ порабощеніи „свободнаго племени скифовъ“. Онъ прочелъ во время путешествія нѣсколько сочиненій Екатерины и отнесся къ нимъ съ подобающимъ интересомъ; но, повидимому, ему даже и въ голову не приходило, чтобы въ Россіи могла существовать еще другая литература. Сіяніе „сѣверной звѣзды“ затмѣвало для него все, внѣ освѣщенной ею сферы. Въ Кіевѣ его муза снова проснулась и за надпись на портретѣ, сдѣланномъ однимъ изъ крѣпостныхъ Потемкина, Шебановымъ, Сегюръ былъ награжденъ самыми любезными улыбками Семирамиды.

.....

Si le sort n'avait su lui donner un empire,
Elle aurait eu toujours un trône dans nos cœurs *)

Только въ 1789 г. это полное согласіе между государыней и дипломатомъ, выражавшееся даже въ поэтическомъ сочувствіи, внезапно нарушилось. По чьей винѣ? Трудно сказать. Разногласіе возникло на щекотливой почвѣ революціонныхъ идей. Между тѣмъ, еще два года тому назадъ, даже въ этомъ отношеніи господствовала полная симпатія. Сегюръ называлъ себя другомъ Лафайэтта, и Екатерина приглашала послѣдняго въ Кіевъ! Въ 1789 г. Сегюръ, оставаясь вѣренъ своимъ старымъ взглядамъ, писалъ начальнику національной гвардіи письма съ выраженіемъ не остывшаго энтузіазма, и Екатерина, читавшая ихъ въ своемъ „черномъ кабинетѣ“ удивлялась: „Развѣ можетъ такъ писать королевскій посоль?“ Очевидно Екатерина была дальновидна, и уже близка та минута, когда Сегюръ первый скажетъ, что императрица была права. Однако, по крайней мѣрѣ, въ это время, къ холодности ея — что бы ни говорили — не примѣшивалось никакого недоброжелательнаго чувства, и въ разсужденіяхъ, вызванныхъ этимъ случаемъ, больше грусти, чѣмъ ѣдкости. „Я ничуть не сомнѣваюсь въ искренности отношенія ко мнѣ графа де-Сегюра“, писала она Гримму; „это человекъ честный, порядочный и благороднаго образа мыслей“. Два года спустя, призванный принять тяжелое наслѣдство дипломата, уполномоченный въ дѣлахъ Женѣ также объявляетъ ложными „нелѣпыя слухи“, распространенные въ Парижѣ по поводу немилости императрицы къ его предшественнику и вызвавшіе въ Петербургѣ со стороны освѣдомленныхъ людей „только сожалѣніе“, а со стороны „самой Екатерины — негодованіе“. Но на этотъ разъ Женѣ самъ ошибался или хотѣлъ ввести въ заблужденіе другихъ, потому что его депешу, отправленную 31 мая 1791 г., опередило по дорогѣ въ Парижъ письмо Екатерины къ Гримму отъ 2 числа того же мѣсяца, гдѣ мы читаемъ: „Вотъ человекъ, которому я не могу простить его продѣлокъ! Фи! Онъ лживъ, какъ Іуда, и меня ничуть не удивляетъ, что его никто не любить во Фравціи. Жить на свѣтѣ, такъ нужно имѣть какое-нибудь свое

*) Если бы судьба не дала ей государства,
Она всегда нашла бы тронъ въ нашихъ сердцахъ.

мнѣніе; а у кого его нѣтъ, тотъ заслуживаетъ презрѣнія. Какую роль онъ будетъ играть передъ папой? Такую же, какую игралъ передо мной, уѣхавъ отсюда послѣ того, какъ ему здѣсь совали подъ носъ всякія правила стариннаго французскаго рыцарства, и заставили сознаться, что онъ въ отчаяніи отъ всего, что происходитъ въ Парижѣ. А теперь онъ попалъ туда, и что же онъ дѣлаетъ?”

Быль ли самъ Сегюръ такъ убѣжденъ въ неблагопріятности поворота, принятаго парижскими дѣлами? Въ этомъ можно сомнѣваться и даже очень. Онъ покинулъ свой постъ только изъ нетерпѣнія самому броситься въ свалку. Но, съ другой стороны, не зная, чѣмъ кончится революція, и придется ли ему играть въ ней предполагаемую имъ роль, онъ просилъ только отпуска на нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ заявлялъ, что готовъ по первому знаку помчаться въ Петербургъ „простымъ курьеромъ“, и уже по этому одному нельзя считать правдоподобными прощальныя слова, сказанныя, какъ онъ утверждалъ, Екатериной, въ которыхъ она выражаетъ свое неодобреніе французской революціи и сожалѣніе, что онъ примкнулъ къ ней. По всей вѣроятности, какъ съ одной, такъ и съ другой стороны избѣгали высказываться такъ ясно. Событія векорѣ высказались за всѣхъ. Движеніе, къ которому Сегюръ сторалъ нетерпѣніемъ примкнуть, скоро увлекло его гораздо дальше, чѣмъ онъ предполагалъ и чѣмъ могла ожидать Екатерина; онъ принужденъ былъ идти на компромиссы и играть двусмысленную роль, отъ которой отвернулся бы нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

„Съ одними“, снова писала Екатерина Гримму, „онъ выдаетъ себя за демократа, съ другими—за аристократа, и оказывается однимъ изъ первыхъ бѣгущихъ въ ратушу, чтобы принести эту прекрасную клятву. А послѣ того ѣдетъ въ Римъ, повидимому, чтобы явиться передъ папой въ видѣ отлученнаго *ipso facto!*.. Мы видѣли прибывшаго сюда *графа де-Сегюра*—представителя идей помолодѣвшаго двора Людовика XIV... Теперь *Луи Сегюръ* пораженъ національной чахоткой“...

Таково свойство великихъ кризисовъ, которымъ суждено породить новый политическій или общественный идеаль, что они сбиваютъ съ толку самыя прозорливыя умы и заставляютъ колебаться самыя прямые характеры.

III.

Многочисленные читатели, которых г. Могра удалось заинтересовать и увлечь своей книгой, не простили бы мнѣ, если бы я не упомянулъ здѣсь о Лозѣнѣ, хотя до сихъ поръ о его отношеніяхъ къ Екатеринѣ извѣстно лишь то немногое, что говорится о нихъ въ ея запискахъ. И къ тому же, это немногое въ значительной мѣрѣ переступаетъ границы самой снисходительной достовѣрности. Лозѣнъ поѣхалъ въ 1774 г. въ Польшу, желѣя двойную мечту: добиться любви княгини Чарторыжской и получить постъ французскаго посла въ Варшавѣ. Онъ, можетъ быть, и достигъ первой изъ этихъ цѣлей, какъ легко осуществимой; а когда увидалъ, что второй ему не добиться, то началъ заниматься дипломатіей неофициально, по примѣру многихъ своихъ соотечественниковъ. Такъ какъ король отклонилъ его услуги въ качествѣ своего представителя, то онъ самовольно принялъ на себя роль офиціознаго представителя королевы. Онъ подумывалъ о заключеніи чего то вродѣ личнаго союза между ею и могущественной сѣверной самодержицей. Екатерина сначала какъ будто благосклонно откликнулась на его предложеніе, даже вручила ему „неограниченныя полномочія“, но затѣмъ, передумавъ, предложила ему поступить къ ней на службу. Чѣмъ же? Она предложила ему „Самое высокое положеніе въ имперіи, на какое можетъ претендовать подданный“, читаемъ мы въ запискахъ героя. Стало быть положеніе Потемкина или Платона Зубова? И въ виду такой блестящей перспективы, Марія Антуанетта, какъ рассказываютъ, сдѣлала слѣдующее грустное замѣчаніе: „Русская императрица очень счастлива, а я очень несчастлива“.

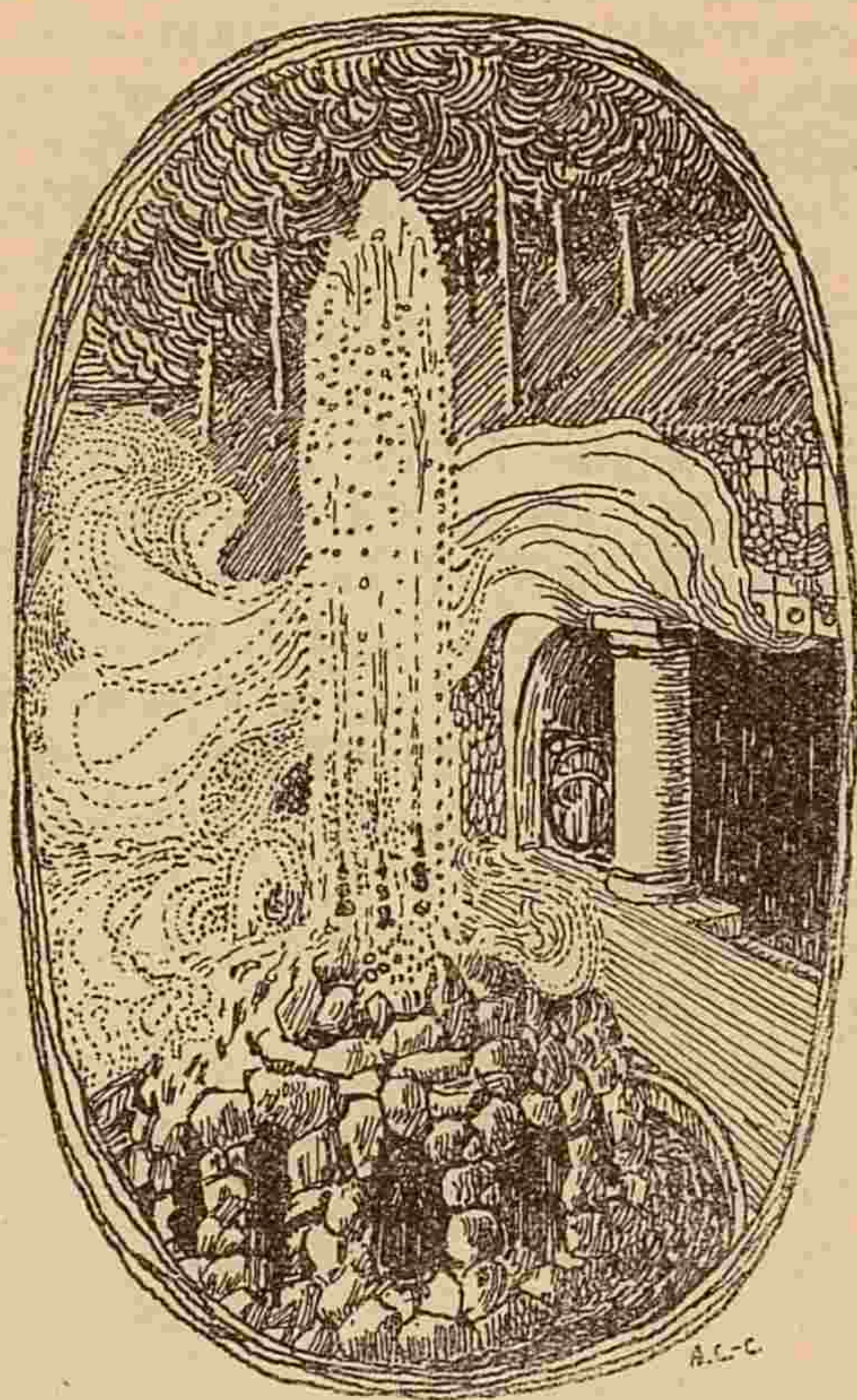
Можетъ быть, второй томъ Могра прольетъ свѣтъ на этотъ вопросъ; а пока достовѣрно только, что Лозѣнъ писалъ Екатеринѣ. Что она отвѣчала ему—это правдоподобно. Семирамида придерживалась правила не обезкураживать никого. Недовольныхъ ею было немного. Когда аббатъ де-

Люберсакъ прислалъ ей въ 1780 г. проектъ памятника, который слѣдовало поставить въ Петербургѣ, украсивъ его надписью: „Catharina II Thetis altera, — другая Тетида“ — она прямо высказала ему свое мнѣніе по этому вопросу. Она помѣстила рисунокъ — большую акварель въ три съ половиной фута ширины и два съ половиной вышины — въ свой музей, послала медаль автору и забыла обо всемъ этомъ. Одинъ англичанинъ — оригиналь, какихъ и тогда можно было встрѣтить во всей Европѣ — лордъ Файндлэтеръ, жившій въ Саксоніи, которую осчастлививалъ своей эксцентричностью и щедростью, и каждый годъ лѣчившійся въ Карлсбадѣ — гдѣ ему даже собирались поставить статую — безгранично восхищался сѣверной Семирамидой. Она и къ нему отнеслась благосклонно. Она не всегда читала проекты замиренія Европы, которые онъ посылалъ ей черезъ посредство все того-же Гримма, но не пренебрегала обращаться къ его готовности всегда служить ей и въ не менѣ важныхъ дѣлахъ, на примѣръ, въ ея желаніи пристроить своихъ внучекъ въ Германіи.

Ея медалями, которыя она раздавала настолько щедро, что онѣ даже нѣсколько утрачивали свою цѣну, все же дорожили. Однако, однажды случилось и противоположное. Въ 1786 г. графъ Сегюръ получилъ отъ нѣкоего графа Тюрпена, автора сочиненія *О комментаріяхъ къ Цезарю* письмо слѣдующаго содержанія:

„Посылая свое сочиненіе Ея Императорскому Величеству, я не имѣлъ въ виду иной цѣли, какъ засвидѣтельствовать почтеніе ея добродѣтелямъ, талантамъ и знаніямъ и никогда не думалъ, чтобы мое подношеніе могло заслужить или вызвать подарокъ отъ Ея Императорскаго Величества... Медаль, которую вы мнѣ присылаете, при всей ея почетности, не можетъ быть принята графомъ Тюрпеномъ, какъ исходящая изъ рукъ Ея Императорскаго Величества, хотя бы она стоила сто тысячъ экю. Не въ моихъ правилахъ, какъ вообще всякаго французскаго дворянина, принимать подарки отъ иностранной державы“.

Однако подобныхъ дворянъ во Франціи было не много, что бы не утверждалъ авторъ этого письма; Екатеринѣ и въ другихъ мѣстахъ ихъ тоже не приходилось встрѣчать.

ГЛАВА IV.

Французы при сѣверномъ дворѣ *).

Французы въ Россіи и русскіе во Франціи.—Каржавинъ.—Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ.—Первый французскій журналъ въ Россіи.—Виридэ.—Литературные перебѣжчики.—Авраамъ Шомэ.—Ремесленники.—Кондитеръ фаворита Ланского.—Актеры и актрисы.—Мадемуазель Хюссъ.—Пиковъ переулокъ въ Павловскѣ.—Настоящіе и самозванные дворяне.—Мошенники.—II. Новый наплывъ эмигрантовъ.—Покровительствуемые графомъ де-Сегюръ.—Волонтеры.—Во время осады Измаила.—Благотворное вліяніе.—Лагарпъ.—Воспитаніе Александра.—III. Эмигранты.—Сенъ-Приестъ.—Эстергази.—Сомбрейль.—Буйе.—Армія принцевъ.—Въ лагерѣ Кондэ.—Въ С.-Петербургѣ.—Дворъ и салоны.—Клубъ Анри.—Переселенческое дѣло въ Россіи.—Графъ д'Артуа.—„Съ Богомъ за короля“.—Реакція.—Тюрьмы.—Суворовъ.

I.

У графа Тюрпена нашлось не много подражателей. Однако, между жителями западной Европы, привлекаемыми въ Россію славой и счастьемъ Семирамиды, не всѣ имѣли притязанія на роль, которую желалъ играть тамъ Вольтеръ послѣ Дидро и которой удовлетворился Іосифъ II. Нѣкото-

*) Кромѣ сочиненій, указанныхъ въ предыдущихъ главахъ, см. *Различныя переписки* въ Русскомъ Архивѣ 1876 г. и *Архивъ князя Воронцова VШ и XXIV*; Дуровъ, *Изысканія о Каржавинѣ*, въ „Русской Старинѣ“ XII; Feuillet de Conches, *Louis XVI, Marie-Antoinette et Madame Élisabeth*; Herrmann, *Geschichte Russlands*; Кобеко „*Французскій журналъ въ С.-Петербургѣ*, въ Русской библиографіи“, 1882; Méhée de la Touche *Mémoires particuliers*; Memoi-

рые—по своему слишком скромному положенію,—другіе—по занятіямъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ ремесломъ придворнаго. Всевозможные иностранцы стекались со всѣхъ сторонъ. Я не рѣшаюсь даже дѣлать попытки разобратъся въ этомъ потокѣ и останавлиюсь только на французахъ. Они, къ тому же, наиболѣе многочисленны и интересны.

Уже въ царствованіе Елизаветы нѣсколько французовъ рѣшились переселиться въ малоизвѣстную страну, несмотря на ея климатъ, котораго всѣ страшились, и еще болѣе опасныя неожиданности неизвѣстной карьеры. При Екатеринѣ теченіе окончательно установилось. Въ то-же время нѣсколько русскихъ появляются также въ Парижѣ, хотя въ одиночку и случайно. За исключеніемъ дипломатическаго персонала, можно привести всего двухъ или трехъ, не пріѣзжавшихъ какъ простые туристы, и между прочимъ нѣкоего Каржавина, котораго не могу обойти молчаніемъ, такъ какъ онъ составляетъ любопытное, почти единственное въ своемъ родѣ явленіе. Имъ начинается цѣлый рядъ. Но это не появляющійся впоследствии легендарный *бояринъ*—типъ въ общемъ довольно мало привлекательный. Каржавинъ принадлежитъ къ лучшему сорту. Сынъ петербургскаго купца, онъ отправился заканчивать свое образованіе сначала въ Лондонъ, а потомъ въ Парижъ, гдѣ слушалъ въ 1755 г. лекціи въ Сорбоннѣ, а въ 1760 г. въ *Collège des Etrangers*. Вернувшись въ Россію, онъ занялъ должность лектора французскаго языка въ Московскомъ университетѣ, принявъ ее отъ француза Лави, жившаго сорокъ пять лѣтъ въ Россіи. И въ этомъ случаѣ Каржавинъ положилъ начало: скоро послѣ того въ Россіи начинаемъ замѣчать стремленіе обходиться безъ иностранныхъ профессоровъ.

Въ 1773 г. мы встрѣчаемъ нашего педагога опять на берегахъ

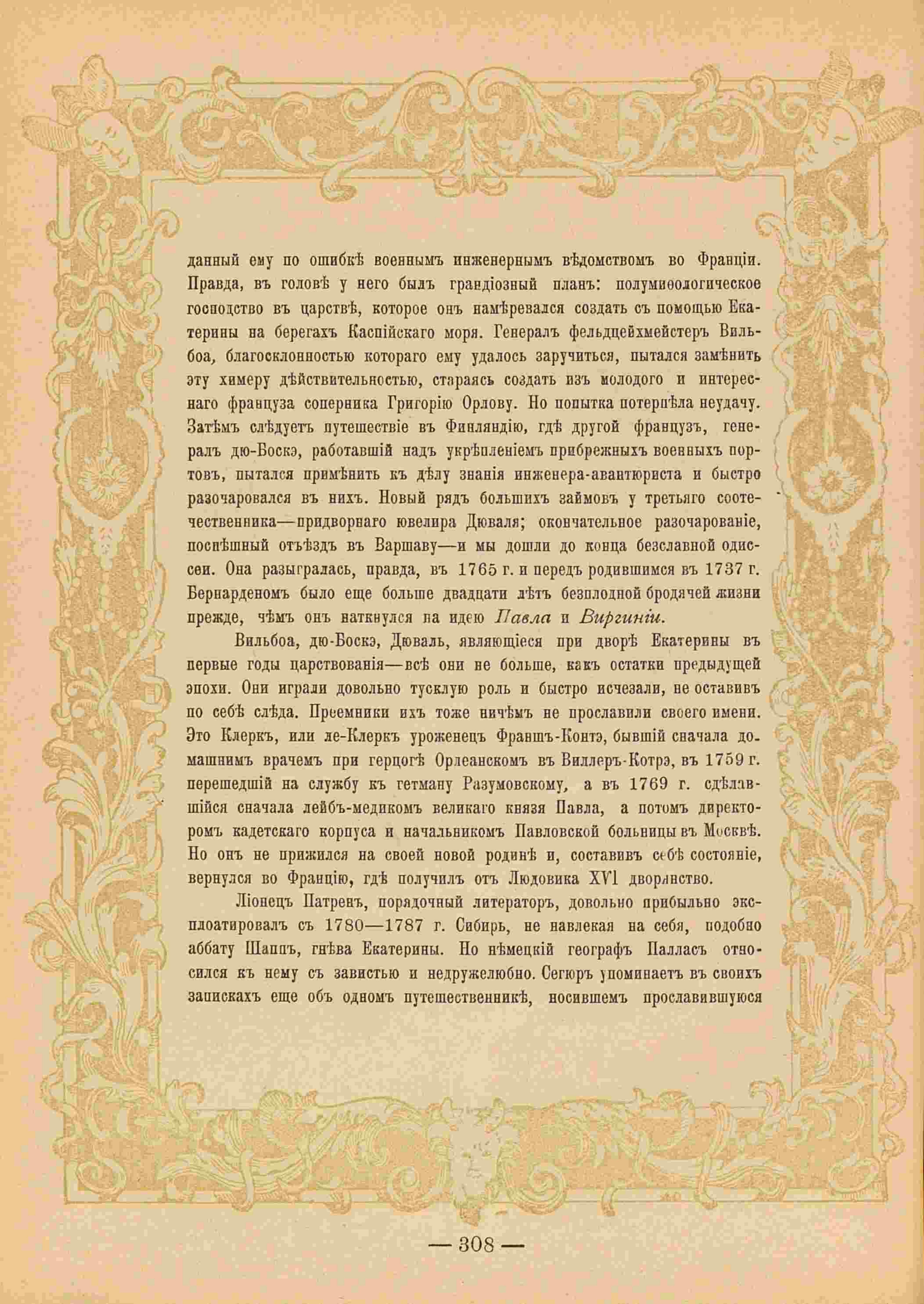
res du comte de Damas (inédits), de La Harpe, d'Esterhazy (inédits), de Niemcewicz, Leipzig, 1840; Pingaud, *Les Français en Russie et les Russes en France*; Scherer, *Anecdotes secrètes*; Сухомлиновъ, *Биографія Лагарпа* въ Журналѣ Народнаго Просвѣщенія, 1871 г., *Souvenirs d'un officier*, par M. de R...

Сены: онъ поссорился съ отцомъ, желавшимъ сдѣлать изъ него купца. И вотъ въ Парижѣ необходимость заставила его взяться за ненавистное занятіе. Онъ женился на парижанкѣ, и ему было трудно содержать семью. Въ 1776 г. Каржавинъ отправился на Мартинику съ французскимъ паспортомъ и кое-какимъ товаромъ. Но удача его въ торговлѣ такова же, какъ удовольствіе, которое она ему доставляла: англійскій крейсеръ дорогой отнялъ у него товаръ. Послѣ того Каржавинъ принимался то за одно, то за другое. На Мартиникѣ онъ сдѣлался аптекаремъ, принявъ аптеку отъ Дюпра, королевскаго аптекаря. Наводненіе разрушило аптеку. Онъ сдѣлался переводчикомъ при адмиралтействѣ, держалъ табачную лавочку, былъ приказчикомъ на французскомъ транспортномъ суднѣ и врачомъ на испанскомъ кораблѣ. Въ 1788 г. онъ снова вернулся во Францію, теперь уже подъ фамиліей Лами, а затѣмъ еще разъ увидала его и Россія. По дорогѣ то въ Россію, то во Францію, онъ издалъ много книгъ, нѣсколько въ переводѣ русскихъ сочиненій на французскій (Путешествіе на Шпицбергенъ, Христіанскія наставленія, Русско-славянская мифологія). На русскомъ языкѣ онъ написалъ: Очеркъ по архитектурѣ—онъ былъ и архитекторомъ; на французскомъ:—„Описаніе вши, видимой въ микроскопъ“ (Парижъ 1789), такъ какъ онъ занимался и энтомологіей.

Не станемъ смѣяться надъ нимъ: спеціализація способностей и знаній является у народовъ плодомъ—иногда вовсе не вкуснымъ—давняго происхожденія, и между французами, искавшими счастья въ Россіи въ ту минуту, какъ этотъ русскій пытался пробиться во Франціи, очень немногіе имѣли такой запасъ знаній и ресурсовъ. Даже Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ, имя котораго само собой ложится мнѣ подъ перо, теряется при сравненіи.

Подробности путешествія Бернардена—вовсе не идиллическаго, хотя увлекающійся Эмэ Мартенъ и пытался прикрасить его—извѣстны. Изъ Парижа въ Петербургъ—это путешествіе пройдохы, переѣзжающаго отъ остановки до остановки на счетъ какого-нибудь случайнаго пріятели. Когда будущій творецъ бессмертнаго созданія пріѣхалъ въ сѣверную столицу, у него въ карманѣ было всего шесть ливровъ и аттестатъ инженера, вы-

данный ему по ошибкѣ военнымъ инженернымъ вѣдомствомъ во Франціи. Правда, въ головѣ у него былъ грандіозный планъ: полумифологическое господство въ царствѣ, которое онъ намѣревался создать съ помощью Екатерины на берегахъ Каспійскаго моря. Генераль фельдцейхмейстеръ Вильбоа, благосклонностью котораго ему удалось заручиться, пытался замѣнить эту химеру дѣйствительностью, стараясь создать изъ молодого и интереснаго француза соперника Григорію Орлову. Но попытка потерпѣла неудачу. Затѣмъ слѣдуетъ путешествіе въ Финляндію, гдѣ другой французъ, генераль дю-Боскэ, работавшій надъ укрѣпленіемъ прибрежныхъ военныхъ портовъ, пытался примѣнить къ дѣлу знанія инженера-авантюриста и быстро разочаровался въ нихъ. Новый рядъ большихъ займовъ у третьяго соотечественника—придворнаго ювелира Дюваля; окончательное разочарованіе, послѣдній отъѣздъ въ Варшаву—и мы дошли до конца безславной одиссеи. Она разыгралась, правда, въ 1765 г. и передъ родившимся въ 1737 г. Бернарденомъ было еще больше двадцати лѣтъ бесплодной бродячей жизни прежде, чѣмъ онъ наткнулся на идею *Павла и Виргиніи*.

Вильбоа, дю-Боскэ, Дюваль, являющіеся при дворѣ Екатерины въ первые годы царствованія—всѣ они не больше, какъ остатки предыдущей эпохи. Они играли довольно тусклую роль и быстро исчезали, не оставивъ по себѣ слѣда. Преемники ихъ тоже ничѣмъ не прославили своего имени. Это Клеркъ, или ле-Клеркъ уроженецъ Франшъ-Контэ, бывшій сначала домашнимъ врачомъ при герцогѣ Орлеанскомъ въ Виллеръ-Котрэ, въ 1759 г. перешедшій на службу къ гетману Разумовскому, а въ 1769 г. сдѣлавшійся сначала лейбъ-медикомъ великаго князя Павла, а потомъ директоромъ кадетскаго корпуса и начальникомъ Павловской больницы въ Москвѣ. Но онъ не прижился на своей новой родинѣ и, составивъ себѣ состояніе, вернулся во Францію, гдѣ получилъ отъ Людовика XVI дворянство.

Лионецъ Патрень, порядочный литераторъ, довольно прибыльно эксплуатировалъ съ 1780—1787 г. Сибирь, не навлекая на себя, подобно аббату Шаппъ, гнѣва Екатерины. Но нѣмецкій географъ Палласъ относился къ нему съ завистью и недружелюбно. Сегюръ упоминаетъ въ своихъ запискахъ еще объ одномъ путешественникѣ, носившемъ прославившуюся

впослѣдствіи фамилію Лессепсъ: о Жанѣ де-Лессепсъ, дядѣ знаменитаго строителя Суэзскаго канала. Онъ былъ семнадцати лѣтъ назначенъ на постъ кронштадскаго консула. И въ 1782 отправился въ кругосвѣтное плаваніе съ ла-Перузомъ. По счастью для него его высадили въ Камчаткѣ съ депешами, которыя онъ доставилъ въ 1788 г. въ Петербургъ, „усердный, неутомимый, и мечтавшій только о томъ, чтобъ снова отправиться въ путь“.

Нѣкто Виридэ, называвшій себя женеvскимъ гражданиномъ, но, вѣроятно, уроженецъ Парижа, сталъ издавать съ 1786 г. въ Петербургѣ первый французскій журналъ: *Mercur de Russie*. Въ этомъ журналѣ всего есть по немногу, кромѣ знанія и ума; стихи, напр. вродѣ слѣдующихъ, сочиненныхъ въ 1778 г. на возвращеніе Екатерины изъ ея крымскаго путешествія:

Pis comm' je n'savons pas feindre,
J' conviendrions bonnement
Qu'al' a su se faire craindre
A ces porteurs de turbans;
I l'y parlerions de guerre
Et d' ces braves généraux,
Qui d'sus l'eau comme sur terre
Ont fait tant d'exploits nouveaux *).

Это называется: *Пѣснь рыбныхъ торговыхъ на возвращеніе Ея Величества.*

Сотрудникомъ Виридэ по изданію *Mercur'a* былъ нѣкто шевалье де-ла-Траверсъ. Духъ журнала, само собой разумѣется, былъ чисто консервативный и направленіе это становилось все ярче, по мѣрѣ развитія революціи. Тогда въ *Mercur'н* появляются *Стансы къ свободѣ*, очевидно ризчитанные на то, чтобы служить французамъ, проживающимъ въ Россіи предупреденіемъ противъ опасныхъ заблужденій:

*) Не могу я притворяться, и должна прямо сознаться, что зада-ла она страху этимъ чалмоносцамъ; и стала бы я говорить о войнѣ и ея храбрыхъ генералахъ, которые на водѣ какъ на сушѣ, совершили столько новыхъ подвиговъ.

La liberté qui vous tourne la tête
Est selon vous un très grand bien.
Ah! pardonnez, je n'en crois rien;
J'aime le calme et j'ai vu la tempête *).

Екатерина въ это время очень цѣнила спокойствіе, и ей не приходилось разбирать, какимъ способомъ воспѣвали его благодаренія.

Изъ французскихъ литераторовъ она принимала всѣхъ, какіе попадались, вылавливая обломки изъ великаго литературнаго водоворота, породившаго резолюцію. Она пріютила даже самого Авраама Шомье, хотя знала, какъ онъ ненавистенъ энциклопедистамъ и какъ его отдѣлалъ самъ Вольтеръ. Она разрѣшила ему сдѣлаться учителемъ въ Москвѣ, гдѣ онъ и умеръ въ 1790 г. Даже, по его ходатайству—и уже это одно можетъ возстановить репутацію бѣднаго перебѣжчика—былъ изданъ указъ, полагающій конецъ одному изъ позоровъ Россіи: обычаю бросать тѣла нищихъ въ общую яму. Шомье возмущался этимъ обычаемъ, и Екатерина приказала погребать умершихъ болѣе приличнымъ образомъ. Подданные императрицы, вельможи обѣихъ столицъ, были не разборчивѣе государыни. Казанова встрѣтили за столомъ графа Чернышева лакея-француза, привезеннаго имъ самимъ въ Петербургъ и прогнаннаго за дурное поведеніе. Этотъ лакей превратился въ наставника. На освободившуюся должность президента Академіи Художествъ выставилъ свою кандидатуру поваръ; онъ ссылался на то, что поваренокъ, бывшій у него въ ученіи, сдѣлался преподавателемъ языковъ въ домѣ графа Шереметева. Поваровъ, кондитеровъ, парикмахеровъ-французовъ не перечесть въ этой странѣ, гдѣ было столько богатыхъ людей, и гдѣ платили такое большое жалованье.

Въ 1780 г. фаворитъ Ланской выписалъ себѣ черезъ Гримма изъ Парижа извѣстнаго намъ кондитера Бабю.

Не забудемъ также актеровъ и актрисъ. Мадемуазель Хюссъ, перманентную графомъ Марковымъ изъ *Comédie française*,—гдѣ Гриммъ

---

*) Свобода, кружащая вамъ головы, по вашему—большое благодареніе. Ахъ, извините, не вѣрю я этому; я люблю тишину и видалъ бурю.

упрекалъ ея въ томъ, что она слишкомъ слушается совѣтовъ мадемуазель Кларонъ и составляетъ вмѣстѣ съ ней заговоръ, „чтобъ вторично погубить вкусъ къ настоящей декламаци, пробужденный Барономъ и мадемуазель Лекуврёръ“—на берегахъ Невы ждалъ цѣлый рядъ триумфовъ всякаго рода. По сосѣдству съ столицей, въ Павловскѣ, одна изъ улицъ—*Пиковъ переулокъ*—до сихъ поръ служитъ воспоминаніемъ объ имени актера, прославившагося вдвойнѣ, какъ сочинитель и исполнитель прелестнаго балета, въ которомъ онъ танцевалъ соло 28 апрѣля 1791 г. на знаменитомъ балу въ Таврическомъ дворцѣ, данномъ самымъ расточительнымъ изъ князей въ честь самой славной изъ императрицъ.

Иногда этихъ смѣлыхъ искателей счастья ждало разочарованіе. Лафоссъ, знаменитый гиппографъ, состоявшій ветеринаромъ при королевскихъ конюшняхъ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлался революціонеромъ, поссорившись въ 1777 г. съ штатомъ Христианиѣйшаго короля, въ 1780 г. очутился въ Петербургѣ, какъ разъ кстати, чтобъ лѣчить великолѣпную лошадь Потемкина, даръ императора Іосифа. Лошадь онъ вылѣчилъ, но платы за труды не получилъ; онъ сталъ настаивать и въ концѣ-концовъ могъ счесть за счастье, что благополучно добрался до границы.

Любезная и лично доброжелательная къ людямъ всякаго рода профессиональныхъ званій, Екатерина радовалась, что могла въ 1782 году предложить гостепріимство Бюффону. Она приняла его, какъ „сына знаменитаго человѣка, т. е. безъ церемоній“, по ея словамъ въ письмѣ къ Гримму, и спѣшила показать ему бжстъ отца въ галлерей Царскаго Села. Но въ отношеніи многихъ болѣе или менѣе знатныхъ иностранцевъ, происхожденія болѣе или менѣе достовѣрнаго, французскія фамиліи которыхъ звучали въ столицѣ, гдѣ эти господа иногда компрометировали себя, императрица оказывалась болѣе суровой. Въ 1765 г. она писала мадамъ Жофрень:

„Здѣсь нашли, что г. Конфланъ уменъ и имѣетъ положительный талантъ къ военному дѣлу, что онъ пьетъ слишкомъ много пунша, лжетъ часто и обманываетъ отца—говорятъ, почтеннаго человѣка;—что онъ вѣтренъ; но, что, исправившись отъ всѣхъ этихъ мелкихъ недостатковъ, онъ

справедливо могъ бы заслужить названіе одной изъ надеждъ Франціи, само собой разумѣется, на военномъ поприщѣ. Если его отправить посломъ въ Польшу, онъ усовершенствуется и отвѣтитъ миѣ на похвалы, которыя я воздаю ему, такими-же, потому что ужь такъ заведено между всѣми вашими, живущими здѣсь, чтобъ говорить и выслушивать обо мнѣ всякія гадости“.

Надо помнить, что 1765 г. былъ началомъ великаго царствованія, и прапаганда Вольтера съ его пріятелями еще не успѣла принести плодовъ. Впрочемъ, популяриность, которой Сѣверная Семирамида стала скоро пользоваться въ Парижѣ, часто постигали кризисы, и Екатерина всегда оказывалась къ нимъ очень чувствительной. Распространившіеся тамъ въ 1783 и 1789 гг. тревожные слухи о ея болѣзни привели ее въ полное отчаяніе. Говорили, что у нея ракъ, и этотъ слухъ показался ей обиднѣе всякаго оскорбленія. Она не могла простить Фридриху, что онъ повѣрилъ или сдѣлалъ видъ, что повѣрилъ слуху. Оказалось, что дѣло шло объ одной изъ придворныхъ дамъ Екатерины, которая нѣсколько разъ письменно обращалась за совѣтомъ къ знаменитому хирургу Луи *). Она послала ему подробное описаніе своей болѣзни, и этотъ документъ неизвѣстно какимъ путемъ, сталъ ходить по рукамъ. Въ немъ, какъ будто, чувствовались англійскіе обороты рѣчи, и ихъ сейчасъ приписали лейбъ-медику императрицы Роджерсону. Въ характеристикѣ особы, о которой говорилось въ письмѣ, значилось, что *она вдова и часто у нея были галантныя похождения*. Этого было достаточно для сплетниковъ, чтобы увидать въ пациенткѣ Луи вдову Петра III. Но также этого было достаточно, чтобъ французовъ, появившихся на берегахъ Невы, встрѣчали далеко не такъ любезно, какъ прежде, и раздраженіе отражалось въ „граматкахъ“, отправляемыхъ къ парижскому корреспонденту „Скажите пожалуйста“—это писалось въ декабрѣ 1783 г.—„зачѣмъ вамъ понадобилось посылать намъ глупыхъ людей? Здѣсь есть съ полдюжины

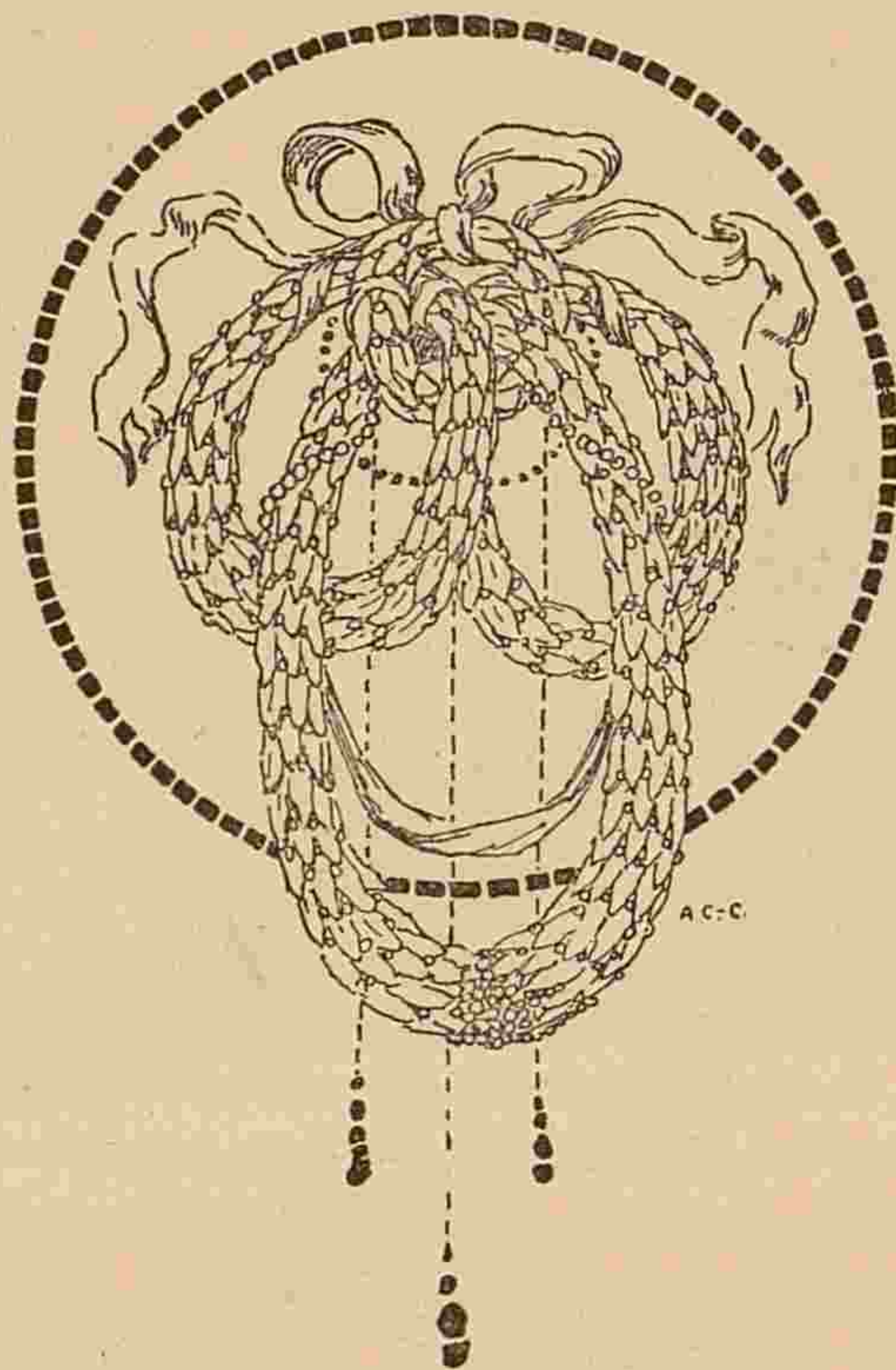
---

*) Извѣстному также изобрѣтеніемъ гильотины, которую французы называли поэтому „Луизой“.

такихъ, какихъ вы могли бы удержать тамъ, гдѣ они были, и никто бы отъ этого ничего не потерялъ... Ну, какая была надобность напускать на насъ нѣкоего графа Карамана, однорукаго экономиста, чтобъ увеличить всѣ муки сердца и ума оберъ-камергера—нерѣшительность, ревматизмъ и т. д. Вы будете причиной смерти этого человѣка, а если г. Караманъ захочетъ, онъ заключить его въ пузырь и среди бѣлаго дня пустить по воздуху надъ нашими головами“.

Изобрѣтеніе аэростатовъ производило въ это время фуроръ въ сѣверной столицѣ; но Екатерина отнеслась къ нему прямо враждебно и до такой степени, что черезъ нѣсколько времени запретила—опыты съ воздушными шарами, считая ихъ бесполезными и опасными. Но желаніе летать по воздуху не тотъ упрекъ, который ей чаще приходилось дѣлать землякамъ графа Карамана. Въ 1784 г. нѣкто графъ де-Вернейль, экспоручикъ кавалерійскаго полка ла-Марши, эксп-кавалеръ ордена св. Лазаря—онъ былъ лишенъ его—сталъ появляться въ самыхъ блестящихъ кругахъ Петербурга. У него были изящныя манеры; онъ пріятно пѣлъ, аккомпанируя себѣ на клавесинѣ, и имѣлъ видъ богатаго человѣка. Но вотъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, исчезновеніе въ одномъ домѣ серебряныхъ приборовъ, а въ другомъ драгоценныхъ табакерокъ изъ плохо запертой витрины, заставило открыть, съ кѣмъ имѣли дѣло. Вора арестовали и отослали въ Версаль, откуда Людовикъ XVI отвѣтилъ, что онъ предастъ виновнаго правосудію той странѣ, гдѣ онъ опозорилъ свое отечество. Но тѣмъ временемъ де-Вернейль успѣлъ скрыться. Прибывъ безъ паспорта на границу имперіи, онъ тамъ такъ буянилъ, что мѣстный начальникъ приказалъ посадить его въ кибитку и отвезти на первую германскую станцію. Курьеръ съ приказомъ объ арестѣ прибылъ тремя часами позднѣе. На слѣдующій годъ, другой кавалеръ ордена св. Лазаря, выдававшій себя за графа де-Бюсси, пріѣхалъ въ Варшаву, гдѣ рассказывалъ, что женатъ на княжнѣ Радзивиль. И въ концѣ-концовъ онъ оказался авантюристомъ, бѣжавшимъ изъ Копенгагенской тюрьмы, послѣ мошеннической жизни въ Польшѣ и Швеціи. Затѣмъ слѣдуетъ одинъ маркизъ д'Арши, родственникъ герцоговъ де-Гинь и де-Гистель; молодой дворянинъ, именовавшійся викон-

томъ де-Кромарь и носившій мундиръ жандарма, „не будучи въ состоя-
ніи доказать своего права ни на титуль, ни на мундиръ“; нѣкій госно-
динъ Добрэ, бывшій адвокатъ въ Мецѣ. Всѣхъ ихъ выпроваживали за
границу по причинамъ, объясненія которыхъ графъ Сегюръ, недавно прі-
ѣхавшій въ Петербургъ, предпочиталъ не спрашивать. Онъ писалъ графу
де-Верженъ: „По моимъ принципамъ и вашимъ, Милостивый Государь, мы
не можемъ принимать никакого участія въ французахъ, относящихся съ
такимъ неуваженіемъ къ законамъ чести и характеру своей націи“.

II.

На долю счастливаго дипломата *) выпало также произвести желательную перемену въ репутаци, готовой упрочиться за французскимъ дворянствомъ на берегахъ Невы. Съ этого времени подозрительные кавалеры креста св. Лазаря уже рѣдко появлялись въ сѣверной столицѣ, и Екатерина представила случай познакомиться съ настоящими и болѣе почтенными представителями аристократіи, о которой у нея чуть было не сложилось совершенно ложное и нелестное понятіе.

Въ 1777 г. ей въ этомъ отношеніи посчастливилось въ одномъ случаѣ? Она писала Гримму:

„Забыла вамъ сказать, что виконтъ де-Ловаль-Монморанси былъ здѣсь и, хотя онъ, можетъ быть, и не первый сортъ за то первый французъ, манеры котораго не показались мнѣ невыносимыми... И я отличала его, какъ могла, потому что онъ Монморанси, а это имя звучитъ пріятно. Я желала бы, чтобъ его сдѣлали французскимъ маршаломъ; мнѣ кажется, онъ сумѣлъ бы воевать не хуже другихъ“.

Сегюру удалось способствовать повторенію такихъ пріятныхъ впечатлѣній. Представленные имъ ко двору Семирамиды, маркизь де-Жюмилакъ, графъ д'Агессо и нѣсколько другихъ завоевали себѣ все симпатіи, въ томъ числѣ и симпатіи императрицы. За ними слѣдовали волонтеры, привлеченные въ русскую армію второй турецкой и шведской войной. Несмотря на недовѣріе, возбужденное въ императрицѣ двусмысленнымъ поведеніемъ версальскаго кабинета, этимъ иностранцамъ только приходилось хвалить пріемъ, оказанный имъ лично императрицей. Она держала ихъ нѣсколько поодаль, подозрительно отказывая имъ въ дальнѣйшемъ сближеніи, но

*) Сегюра.

тѣмъ не менѣе поощряла ихъ усилія, чтобы имѣть честь поступить на ея службу. Графъ Ламетъ, представленный ей во время крымскаго путешествія и уѣхавшій въ лагерь Суворова, оставилъ по себѣ впечатлѣвіе изящества и ума, подобнаго какимъ, за исключеніемъ самого Сегюра, Семирамида видала мало среди окружавшихъ ее. Она не подозрѣвала, что черезъ три года послѣ этого, *С.-Петербургскія вѣдомости* напечатываютъ такія строки: „Графъ де-Ламетъ и другіе бунтовщики, враги не только короля, но и отечества, долгое время безчинствовали во главѣ пьяной черни подъ окнами короля и королевы въ Тюильери“.

Сегюръ живописно воспроизвелъ сцену появленія блестящаго офицера передъ генераломъ, подъ начальствомъ котораго Екатерина пожелала, чтобы онъ служилъ первые годы:

- Какой вы національности?
- Французъ.
- Занятіе?
- Военный.
- Чинъ?
- Полковникъ.
- Фамилія?
- Александръ Ламетъ.

Послѣ чего, смотря прямо въ глаза генералу Екатерины, молодой человекъ продолжалъ:

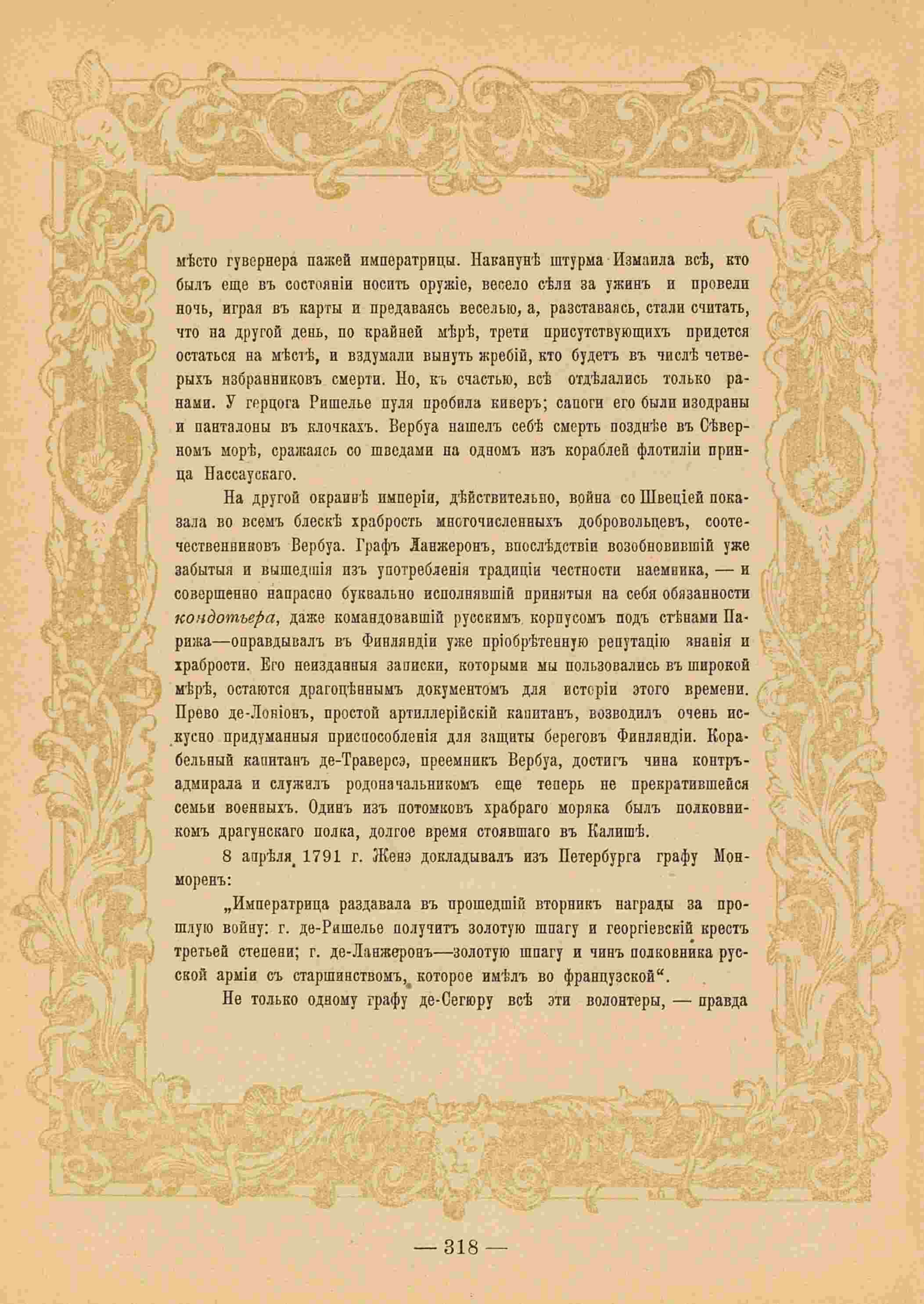
- А вы какой національности?
- Повидимому, русской.
- Занятіе?
- Военный.
- Чинъ?
- Генераль.
- Фамилія?
- Суворовъ.

Будущій побѣдитель Макдональда былъ вполне способенъ произвести и выдержать подобный допросъ.

Въ то же время въ главной квартирѣ покорителя Крыма, появился и будущій командиръ легіона арміи Кондэ, носившаго его имя, Рожэ де-Дама, *Дамадерожэ*, какъ его обыкновенно звали Потемкинъ. Будучи племянникомъ герцога де-Шателэ, о ссорѣ котораго съ однимъ изъ Чернышовыхъ мы упоминали, онъ привезъ съ собой довольно щекотливое воспоминаніе. Однако, по свидѣтельству Ланжерона, бывшій посланникъ Екатерины не мстилъ племяннику за непріятности, полученныя отъ дяди, а, напротивъ, часто упоминалъ, что имѣлъ удовольствіе видѣть этого послѣдняго въ Лондонѣ.

Дамадерожэ совершалъ чудеса въ арміи русскаго генералиссимуса. Въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ выучился русскому языку и подъ стѣнами Очакова заслужилъ почетную шпагу, которую просилъ для него Потемкинъ, а Екатерина поспѣшила прислать, велѣвъ вырѣзать на ней лестную надпись. Дамэ отправился на приступъ при двадцати четырехъ градусахъ мороза „одѣтый какъ на балъ“; одинъ изъ первыхъ ворвался въ крѣпость, и, только выходя изъ нея, встрѣтилъ своего слугу, — француза съ плащомъ. Почти въ то же время, другой французъ, Ломбаръ, назначенный командиромъ фрегата, прославился тѣмъ, что проѣхалъ мимо всего турецкаго флота. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ во время другой стычки, и Екатерина такъ сожалѣла о немъ, что просила вмѣшательства Сегюра и Шуазель-Гуффье, „чтобы вымѣнять его или вернуть, какой угодно цѣной“.

Во время осады Бендеръ въ 1789 г. и подъ стѣнами Измаила въ 1790 г. на русской службѣ уже насчитывалось съ десятокъ французовъ: герцогъ Ришелье, графъ де-Вербуа, графъ Ланжеронъ, шевалье де-Вильно, Россэ — всѣ одинаковые храбрецы, веселые, гордо поддерживавшіе репутацію покинутой родины. Вильно, служившій во франціи подпоручикомъ и принужденный бѣжать послѣ дуэли, на которой убилъ полковника, въ Россіи былъ кавалерійскимъ ротмистромъ, и всюду въ первыхъ рядахъ. Въ Бендерахъ онъ вызвался привязать разрывной снарядъ, чтобы взорвать, рискуя жизнью, одни изъ воротъ крѣпости. Выздоровѣвъ чудеснымъ образомъ отъ полученныхъ ранъ, онъ занялъ, въ видѣ инвалидной пенсіи,

мѣсто гувернера пажей императрицы. Наванунѣ штурма Измаила всѣ, кто былъ еще въ состояніи носить оружіе, весело сѣли за ужинъ и провели ночь, играя въ карты и предаваясь веселью, а, разставаясь, стали считать, что на другой день, по крайней мѣрѣ, трети присутствующихъ придется остаться на мѣстѣ, и вздумали вынуть жребій, кто будетъ въ числѣ четверыхъ избранниковъ смерти. Но, къ счастью, всѣ отдѣлались только ранами. У герцога Ришелье пуля пробила киверъ; сапоги его были изодраны и панталоны въ клочкахъ. Вербуа нашелъ себѣ смерть позднѣе въ Сѣверномъ морѣ, сражаясь со шведами на одномъ изъ кораблей флотиліи принца Нассаускаго.

На другой окраинѣ имперіи, дѣйствительно, война со Швеціей показала во всемъ блескѣ храбрость многочисленныхъ добровольцевъ, соотечественниковъ Вербуа. Графъ Ланжеронъ, впоследствии возобновившій уже забытыя и вышедшія изъ употребленія традиціи честности наемника, — и совершенно напрасно буквально исполнявшій принятія на себя обязанности *кондотьера*, даже командовавшій русскимъ корпусомъ подъ стѣнами Парижа — оправдывалъ въ Финляндіи уже пріобрѣтенную репутацію знанія и храбрости. Его неизданныя записки, которыми мы пользовались въ широкой мѣрѣ, остаются драгоценнымъ документомъ для исторіи этого времени. Прево де-Лоніонъ, простой артиллерійскій капитанъ, возводилъ очень искусно придуманныя приспособленія для защиты береговъ Финляндіи. Корабельный капитанъ де-Траверсэ, преемникъ Вербуа, достигъ чина контръ-адмирала и служилъ родоначальникомъ еще теперь не прекратившейся семьи военныхъ. Одинъ изъ потомковъ храбраго моряка былъ полковникомъ драгунскаго полка, долгое время стоявшаго въ Калишѣ.

8 апрѣля 1791 г. Женэ докладывалъ изъ Петербурга графу Монморенъ:

„Императрица раздавала въ прошедшій вторникъ награды за прошлую войну: г. де-Ришелье получить золотую шпагу и георгіевскій крестъ третьей степени; г. де-Ланжеронъ — золотую шпагу и чинъ полковника русской арміи съ старшинствомъ, которое имѣлъ во французской“.

Не только одному графу де-Сегюру всѣ эти волонтеры, — правда

щедро оплачивавшіе за получаемыя милости, но постоянно возбуждавшіе зависть со стороны русскихъ офицеровъ—обязаны были ласковымъ приемомъ, который встрѣчали; и Лагарпъ—хотя и называвшаго себя швейцарцемъ и республиканцемъ—тоже оказывалъ тутъ не малое вліяніе. Интересную главу можетъ внести въ исторію роль, которую игралъ въ Петербургѣ горячій ученикъ Лока и Руссо, этотъ провозвѣстникъ свободы и рационализма,—поклонникъ Брута, презиравшій Цезаря, превозносившій Юліана Отступника и презиравшій Константина Великаго; поддерживавшій переписку съ отъявленными демагогами своей страны—и состоявшій воспитателемъ будущаго основателя Священнаго союза! Тайна этого воспитанія, на которое Екатерина смотрѣла благосклонно, которое даже защищала противъ частыхъ нападокъ—это тайна его совѣсти и самыхъ сокровенныхъ мыслей. Лагарпъ не казался Екатеринѣ ни ненавистнымъ, ни опаснымъ потому, что она вовсе не боялась революціи въ С.-Петербурѣ, а въ душѣ симпатизировала большинству принциповъ, служившихъ точкой отправленія движенію, ужасныя толчки котораго начинала испытывать вся Европа.

Чему этотъ человекъ помогаетъ или можетъ помочь въ Швейцаріи или во Франціи, мало интересовало ее: это не ея дѣло; а то что онъ говорилъ или писалъ, она почти повторяла за нимъ—по крайней мѣрѣ, въ началѣ кризиса, готоваго разразиться. Позднѣе, увлеченная въ общую свалку и присоединившись къ антиреволюціонной кампаніи по причинамъ политической тактики, въ которыхъ сначала ни сердце, ни умъ ученицы Вольтера не принимали никакого участія, она мало-по-малу отдалась ей и сердцемъ и умомъ. Но еще въ 1791 г. Женѣ думалъ, что можетъ ручаться въ совершенно иныхъ чувствахъ съ ея стороны, и вотъ что мы читаемъ въ его депешѣ отъ 14 іюня этого года по случаю пріѣзда въ Парижъ графа де-Сомбрѣйль, привезшаго, какъ полагали, порученіе отъ французскихъ контръ-революціонеровъ:

„Правда, что эта государыня, по самой природѣ образа правленія въ ея имперіи, не можетъ не проявлять принциповъ весьма далекихъ отъ тѣхъ, которые служили основаніемъ нашей новой конституціи; но я почти

смѣю ручаться вамъ, милостивый государь, что геній, продиктовавшій великолѣпный наказъ комиссіи объ уложеніяхъ, ободрившій писателей, которымъ мы обязаны успѣхами просвѣщенія и уничтоженіемъ фанатизма, давшій Россіи философскій кодексъ, достойный удивленія всѣхъ вѣковъ— что этотъ геній ни прямо, ни косвенно не приметъ участія въ безумныхъ планахъ тѣхъ, кто изъ мести или честолюбія къ собственному несчастью рѣшилъ мѣшать работѣ народа, занятого, вмѣстѣ съ своимъ королемъ, величайшимъ политическимъ дѣломъ, когда-либо предпринятымъ людьми, соединенными въ общество“.

Это мѣсто, несомнѣнно, очень ясно, и это скорѣе просьба обращенная къ самой государынѣ, чѣмъ сообщеніе, предназначенное для министра; но оно попало въ цѣль. И въ сущности, даже въ минуты позднѣйшихъ, наиболее яростныхъ вспышекъ противъ якобинства и самыхъ страстныхъ манифестацій въ пользу монархическаго дѣла, Екатеринѣ нельзя предъявить обвиненія въ противорѣчій самой себѣ и отступничествѣ отъ своего философскаго прошлаго, потому что она ставитъ въ упрекъ революціи не принципы, которыми та руководится, но дѣлаемое изъ нихъ примѣненіе. Развѣ не могутъ эти принципы найти себѣ другое приложеніе, менѣе рѣзкое и болѣе мудрое? Екатерина утверждала, что она сама доказала возможность этого. О чемъ она всегда, въ сущности, мечтала— это очень деспотическая монархія, опирающаяся на очень либеральныя идеи. „Можетъ быть, ей не удалось вполне осуществить эту программу но у нея есть внучекъ Александръ, который можетъ довести предпріятіе до благополучнаго конца“*). И вотъ почему Лагарпъ такъ на мѣстѣ; вотъ почему еще въ 1791 и 1793 гг. Екатерина упорно отстаивала его, несмотря на всѣ старанія пробудить въ ней опасенія и сомнѣнія, которыхъ она ни за что не хотѣла допустить въ свою душу. Въ 1791 г., когда кобленцкіе эмигранты черезъ посредство Румянцева,—посла, присланнаго имъ императрицей—доносили о сношеніяхъ Лагарпа съ агитаторами Ватскаго кантона. Екатерина ограничилась тѣмъ, что пошутила надъ этимъ, вмѣстѣ

*) Письмо къ Гримму.

съ самимъ Лагарпомъ. Въ слѣдующемъ году, когда нѣкоторые эмигранты при всемъ дворѣ хвалили старые порядки, братъ Александра, тринадцатилѣтній великій князь Константинъ, тоже воспитанникъ Лагарпа, прервалъ ихъ:

- Картина, которую вы рисуете, совершенно невѣрна.
- Откуда вы почерпнули эти свѣдѣнія, Ваше Высочество?
- Изъ записокъ Дюкло, которыя читалъ съ Лагарпомъ.

Императрица еще смѣялась этому. Въ 1793 г. пребываніе графа д'Артуа въ Петербургѣ придадо новыя силы нападкамъ на воспитателя, заподозрѣннаго въ якобинствѣ. Одинъ соотечественникъ Лагарпа, сопровождавшій графа, шевалье Ролль, сдѣлался выразителемъ мнѣнія совѣта Бернского кантона, котораго тревожили сношенія педагога съ его братомъ—генераломъ, союзникомъ парижскихъ якобинцевъ. Екатерина ограничилась тѣмъ, что посоветовала своему протезу не вмѣшиваться впредь въ дѣла его отечества. Впрочемъ, она предоставила ему самому изложить и защитить свои идеи въ объяснительной запискѣ, которую постаралась распространить.

Къ несчастью, для воспитателя Александра и—мы сказали бы, для самого Александра,—очень мудрый совѣтъ, которымъ государыня предполагала положить конецъ сношеніямъ дѣйствительно непріятнымъ и компрометировавшимъ ее, имѣлъ совершенно неожиданное и гибельное слѣдствіе: Лагарпъ отказался отъ политической дѣятельности въ Швейцаріи только для того, чтобы совершенно неожиданно предаться ей въ Россіи. Что бы они ни говорили, и что бы ни утверждалъ онъ самъ, окончательная побѣда его враговъ и удаленіе его не имѣли другой причины. Онъ увлекся мыслью устроить сближеніе—вовсе нежелательное Екатеринѣ—между Павломъ и его двумя сыновьями и, такимъ образомъ, воспрепятствовать нарушенію порядка престолонаслѣдія, планъ котораго, какъ подозрѣвали, занималъ Екатерину. Тутъ уже не стали долго разсуждать! 27 декабря 1793 г. хорошо освѣдомленный придворный пишетъ изъ Петербурга князю Куракину: „Нѣкто Лагарпъ, маіоръ и кавалеръ ордена св. Владиміра, состоявшій воспитателемъ его императорскаго высочества великаго князя Але-

ксандра, былъ арестованъ и высланъ за-границу. Думаютъ, что причина тому—его обнаружившееся якобинство... Вотъ какихъ змѣй мы согрѣваемъ у себя на груди!..“

Хорошо освѣдомленный придворный—никто иной, какъ Бантышъ-Каменскій, важный чиновникъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и отецъ автора „Словаря историческихъ дѣятелей“, пользующагося большимъ уваженіемъ въ Россіи,—на этотъ разъ ошибается: якобинство кавалера ордена св. Владиміра было ни при чемъ въ этой исторіи, точно такъ же, какъ самъ Лагарпъ былъ ни при чемъ въ замедленіи до его отъѣзда изъ Россіи съ выступленіемъ войска царицы противъ революціи, хотя онъ и пытался намекать на противоположное.

Объ отставленномъ наставникѣ его воспитанники очень жалѣли. „Не хочу больше читать!“—заявилъ однажды Константинъ преемнику Лагарпа, графу Сакену: „Вы постоянно читаете и только съ того глупѣете!“ Скрываясь во Франціи, Лагарпъ вернулся въ родную сторону съ революціонной арміей, и идеи, внесенныя имъ туда съ собой, тѣ же самыя, представителемъ которыхъ онъ былъ въ С.-Петербургѣ, подъ снисходительнымъ взоромъ Екатерины. Назначенный членомъ директората Швейцарской республики, онъ проявлялъ въ исполненіи своихъ обязанностей духъ идеальнаго правленія, задуманнаго великой государыней: онъ деспотъ и либераль, смотря потому, какъ ему вздумается. Онъ даже началъ мечтать о другомъ 18 брюмера*), героемъ котораго былъ бы онъ самъ. Но это имѣло для него послѣдствіемъ только нѣсколько неожиданную отставку со стороны его согражданъ и конецъ его политической карьеры.

---

*) 18 брюмера Наполеонъ I былъ провозглашенъ однимъ изъ 3 консуловъ Франціи.

III.

Пріѣздомъ въ Петербургъ графа Сенъ-При (Сенъ-Пріеста) въ 1791 г. открывается новая эпоха въ исторіи французской колоніи, поселившейся въ Россіи: эпоха эмиграціи. Съ этого времени Екатерина начинаетъ относиться разборчивѣе къ французамъ, отдающимся подъ ея покровительство; и, чтобы воспользоваться послѣднимъ, надо имѣть возможность доказать свою бѣлую кость. Живописца Дойена, явившагося въ Россію, имѣя за собой довольно опредѣленное революціонное прошлое, сначала выпроводили. „Я не видала его“, писала Екатерина Гримму, „потому что у насъ уже не принимаютъ такъ быстро французовъ; онъ прежде долженъ подвергнуться политическому карантину“. Испытаніе, впрочемъ, было еще не изъ самыхъ трудныхъ; Дойенъ быстро выдержалъ его и даже пріобрѣлъ при дворѣ блестящее положеніе. Но эмигранты постарались увеличить строгости запрета. Они прибывали теперь цѣлыми толпами. Дипломатическая лабораторія въ Кобленцѣ дала Сенъ-При порученіе заручиться помощью Екатерины для экспедиціи, которую король шведскій предполагалъ снарядить во Францію, чтобы возстановить тамъ порядокъ. Сенъ-При пріѣхалъ слишкомъ рано и встрѣтилъ довольно холодный пріемъ. Представленный императрицѣ официальнымъ уполномоченнымъ конституціонной монархіи, противъ которой онъ собирался просить вооруженнаго вмѣшательства царицы, онъ очутился въ довольно двусмысленномъ положеніи, не способствовавшемъ усилению его шансовъ.

За нимъ, въ сентябрѣ 1791 г. послѣдовалъ Эстергази, отправленный графомъ д'Артуа, чтобы сообщить императрицѣ о результатѣ пильницкихъ совѣщаній. Онъ имѣлъ бѣльшій успѣхъ, благодаря счастливымъ личнымъ качествамъ, доставившимъ ему нѣкогда близость съ Маріей-Антуанеттой. Онъ былъ еще окруженъ престижемъ стариннаго Версаля. Быв-

шій пажъ короля Станислава и протежэ Маріи Лещинской, онъ имѣлъ, кромѣ того, за собой почетную карьеру во французской арміи. Мать Маріи-Антуанетты, правда, отказалась способствовать его возвращенію въ Австрію изъ-за его распущенныхъ нравовъ; но сомнѣнія *святой Терезы* не имѣли значенія для *святой Екатерины*. Эстергази, кромѣ того, нашель средство пріобрѣсти расположеніе фаворита Зубова, который безъ церемоніи привезъ его въ Эрмитажъ, провелъ по нѣсколькимъ комнатамъ, отворилъ дверь и втолкнулъ его, говоря: „Вотъ она!“ Очутившись такимъ образомъ передъ государыней и оставшись съ ней наединѣ, Эстергази не растерялся и даже успѣлъ понравиться. Екатерина слушала разсѣянно его дипломатическія сообщенія, но предложила ему остаться при ней, обѣщая содержать его—а это, собственно, все, что ему было нужно. Послѣ окончательнаго паденія Бурбоновъ онъ жилъ спокойно въ помѣстьи, подаренномъ ему императрицей на Волыни.

Сомбрѣйль тоже рѣшился въ это время покинуть эмигрантскую службу и поселиться въ Россіи, гдѣ и получилъ мѣсто адъютанта при принцѣ Нассаускомъ. У него нашлись многочисленныя подражатели. „Де-Фюрстенбергъ, де-Швейцеръ, де-Ламберъ и де-Вандръ“, пишетъ Женэ въ апрѣлѣ 1791 г. „просили позволенія поступить волонгерами въ русскую армію... Всѣ они получили чины выше, чѣмъ тѣ, которые имѣли во Франціи, и при дворѣ ихъ отличаютъ“.

За два мѣсяца до попытки Варенна, самъ маркизь Буйэ уже предлагалъ свои услуги русской императрицѣ черезъ посредство Гримма. Генераль Гейманъ, блестящій кавалерійскій офицеръ, отправленный для начала переговоровъ, также намѣревался послѣдовать за нимъ въ Россію. Не сошлись въ условіяхъ: Екатерина отвѣтила съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, что русскіе генералы стоятъ ей дешевле и пользы приносятъ не меньше, чѣмъ французскіе „пустозвоны“. Но Гримму скоро стали дѣлать другія предложенія: нѣкто Віомениль и Вобенъ хотѣли „посвятить себя службѣ государыни, которой побѣда подрядилась служить“. Молодой князь де-Граонъ „Сгораеть желаніемъ отправиться въ Россію, чтобы принести тамъ свою первую жертву въ храмъ Славы“. Маркизь де-Жюинье, глава

многочисленной семьи, лишенный революціей средствъ удовлетворять ея потребностямъ, „Желаетъ забыть свое несчастье, надѣвъ мундиръ ея императорскаго величества“. Другіе отправлялись съ своими просьбами прямо въ Петербургъ: въ сентябрѣ 1791 г. Женэ отмѣчаетъ прибытіе де-Боажелена, де-Фортена и де-Вѣзотта. Скоро за ними уже вся армія принцевъ, или по крайней мѣрѣ, остатки ея, съ Кондэ во главѣ и 1,500 человекъ еще оставшихся подъ его знаменемъ, просили пріюта въ рядахъ императорской арміи. Но у Екатерины было достаточно солдатъ. Въ декабрѣ 1792 г. Ришельё, герой Измаила, пріѣхалъ въ главную квартиру Кондэ съ двумя санями, нагруженными 60,000 серебряныхъ рублей, и письмомъ Екатерины, предлагавшей эмигрантамъ основать на восточномъ берегу Азовскаго моря городъ въ пустынѣ! Она уже распредѣлила участки земли и нарисовала планы будущихъ домовъ. Ришельё будетъ губернаторомъ, Эстергази строителемъ, а Кондэ генераль-инспекторомъ—тамъ за Кубанью. На устройство предполагалось отпустить до полутора ста тысячъ рублей! Можно себѣ представить испугъ несчастныхъ, потерпѣвшихъ крушеніе своей судьбы. „Лучше умереть“,—писалъ одинъ изъ нихъ.

Производить на Рейвѣ много шума, дѣлая мало дѣла, входило въ это время въ виды Екатерины. Появленіе въ лагерьъ Кондэ Ришельё съ его боченками денегъ и мало соблазнительными предложеніями, вѣроятно не имѣло другой цѣли. Румянцевъ уже два года старался тамъ въ томъ же направленіи; вся эта армія дворянъ перебивала у него: онъ произноситъ торжественныя рѣчи у маршала Брольи, но фактически только сдѣлался фаворитомъ платонической фаворитки принца. И принцъ Нассаускій въ блестящемъ мундирѣ русскаго адмирала тоже фигурировалъ тамъ, держа открытый столъ, задавая празднества и предлагая восторженные тосты. Сама Екатерина время отъ времени напоминала о себѣ, посылая кое-какую помощь и постоянные совѣты, которымъ не всегда легко было слѣдовать, вродѣ, на примѣръ, того, что она совѣтовала принцамъ никогда не принимать никого „во фракъ“, чтобы „устранить всякую мысль о равенствѣ“. Увы! Бѣдные принцы рисковали скоро увидать себя окруженными людьми, у которыхъ не было даже и фрака, чтобы одѣться. Императрица

желала, чтобы всѣ ея совѣты принимались серьезно, и почти достигла этого, сама серьезно рѣшившись не дѣлать ничего серьезнаго. Всѣ разочарованія, постигшія принца д'Артура не мѣшали ему сравнивать Екатерину съ Прометеемъ, „похищающимъ у неба лучи свѣта, чтобы оживить ими землю“.

Императрицѣ вовсе не улыбалось содержать полуторатысячный корпусъ французовъ на жалованьи, но было выгодно имѣть подъ командой своихъ генераловъ такого человѣка, какъ Ришельё, а также украшать свои салоны цвѣтомъ перваго европейскаго дворянства. „Мадамъ Вижэ-Лебрёнъ скоро можетъ вообразить себя въ Парижѣ, — столько французовъ бываетъ на вечерахъ“, — писалъ въ 1793 г. принцъ де-Линь, рисуя картину петербургскаго общества. Екатерина отвела Эстергази помѣщеніе во дворцѣ, выдавала пенсію Бомбеллю, употребляла Сень-При на кое-какія дипломатическія порученія, торжественно принимала Шуазель-Гуффье, о примирительной роли котораго въ Константинополѣ у нея осталось пріятное воспоминаніе. Она уговорила его поселиться прочно въ Россіи, чѣмъ пріобрѣла больше однимъ дворянскимъ родомъ, давшимъ, впрочемъ, въ послѣдствіи и Франціи нѣсколько своихъ благородныхъ отпрысковъ. Даже утверждали — но это семейное преданіе — что любезность императрицы къ бывшему послу была внушена болѣе нѣжнымъ участіемъ. Но его рисуютъ человѣкомъ строгой добродѣтели, сыгравшимъ роль Іосифа въ сценѣ очень оскорбительной для самолюбія Семирамиды. Забываютъ, что Шуазель, родившійся въ 1752 г., уже давно перешелъ за возрасты Платона и Валеріана Зубовыхъ, а любовныя фантазіи Екатерины не нуждались въ чудесахъ умноженія. Но вполне естественно, что воображеніе современниковъ работало въ этомъ направленіи, и, наконецъ, все, случавшееся въ этомъ уголкѣ романа, и безъ того уже богатаго различными эпизодами, разрослось вдвое и втрое.

Семирамида также оказывала нѣкоторую поддержку салонному поэту Гримо, тактику Граншанъ де-Лавернь, будущему автору двухъ посредственныхъ біографій Потемкина и Суворова, и даже, говорятъ, настолько забыла свое предубѣжденіе противъ художника Дойена, что отвела ему въ

театръ мѣсто рядомъ съ своей ложей. Она назначила его декораторомъ своихъ дворцовъ и профессоромъ Академіи, хотя и знала, что въ Парижѣ ему было поручено составить инвентарь произведеній искусства, конфискованныхъ у монастырей!

Мѣстное общество, само собой разумѣется, покорно слѣдовало за такимъ рѣшительнымъ примѣромъ и наперерывъ старалось пріютить и обласкать эмигрантовъ. Салонъ госпожи Дивовой называли *Маленькимъ Кобленцемъ*; тамъ раздавалось французское остроуміе, иногда даже на счетъ самой императрицы. Напримѣръ, циркулировалъ пасквиль, авторомъ котораго былъ эмигрантъ, получавшій пенсію отъ Екатерины. У княгини Долгорукой также пересуживали Екатерину и восхищались мадамъ Вижэ-Лебрёнъ. У князя Бѣлосельскаго восторгались стихами хозяина дома, которые Екатерина, какъ извѣстно, цѣнила невысоко. Вездѣ любезничали по обычаямъ обѣихъ странъ. На этой почвѣ смѣшивались привычки, вкусы, различныя страсти—болѣе утонченныя съ одной стороны; болѣе необузданныя съ другой,—но свидѣтельствовавшія объ одинаковой распущенности. Это Версаль, цѣликомъ перенесенный въ Петербургъ.

Однако, при такомъ случайномъ сліянніи разнородныхъ элементовъ проявлялось и совершалось еще кое-что другое, кромѣ смѣшенія двухъ родовъ разврата. Если Гоголь въ своемъ предисловіи къ *Мертвымъ душамъ* приписалъ такому сближенію введеніе въ русскій духъ пустоты, свойственной французамъ, то Тургеневъ прослѣдилъ въ самой глуши провинціи многозначительное и глубокое проникновеніе идей, тенденцій и стремленій болѣе серьезныхъ, хотя и проистекающихъ изъ того же источника. И, такимъ образомъ, въглубь старинной Москвы проникали не идеи старой французской монархіи или реакціи, безсильной противъ революціоннаго движенія; нѣтъ: эти идеи оставались въ салонахъ столицы; за ея же предѣлами изъ этой толпы иностранцевъ исходило, распространяясь въ окружающей средѣ, нѣчто другое. Будучи жертвами и противниками революціи, эмигранты все же пережили ее! Ихъ подхватила волна; нѣкоторые помогали ей катиться и, невольно поддаваясь [ея движенію, распространяли его дальше и сообщали другимъ. Мысли, идеи, стремленія, слѣды

которых замѣтилъ Тургеневъ, именно тѣ, которыя создали современную Францію.

Само собой разумѣется, что все это лишь медленно пробивало себѣ дорогу въ средѣ, еще мало подготовленной къ воспріятію новаго вѣянія; оно какъ будто висѣло въ воздухѣ, подобно тѣмъ *замерзшимъ словамъ* изъ сказки, оттаявающимъ только весной. Но эти слова есть, они ждутъ и, когда подуетъ живительный апрѣльскій вѣтерокъ, они зазвучатъ и сдѣлаютъ свое дѣло. Великое освободительное дѣло 1863 г.—будьте увѣрены—въ извѣстной степени было порождено этимъ вліяніемъ.

Екатерина, безъ сомнѣнія, не могла видѣть, куда приведетъ косвенная пропаганда въ будущемъ, слишкомъ далекомъ, чтобъ императрица могла надъ нимъ задумываться... Она даже допускала собранія въ кафе Анри—настоящемъ клубѣ, куда отправлялись пить пуншъ и разсуждать о политикѣ, и гдѣ велись, конечно по-французски, очень либеральные разговоры. Эта эмиграція, невольна и безсознательно связанная съ выполненіемъ задачи, плодовъ которой не суждено было увидать еще многимъ поколѣніямъ, поражала Екатерину такъ же, какъ впоследствии Гоголя, главнымъ образомъ, наружнымъ легкомысліемъ, забавлявшимъ и успокаивавшимъ императрицу, между тѣмъ какъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ наблюдателей, не поддававшихся общему ослѣпленію, она печаливала. Видя жестъ и не слыша звука—звукъ еще застылъ въ ледяномъ пространствѣ—последніе судили по смѣшной, необузданной мимикѣ. „Удивляюсь“, писалъ графъ Растопчинъ, „какимъ образомъ эти люди“—дѣло идетъ о французахъ—„могутъ внушать настоящее сочувствіе! Во мнѣ они никогда не вызываютъ иного участія, какъ возбуждаемаго трогательной пьесой; потому что эта нація существуетъ только комедіей и для комедіи. Изучая французовъ, находишь что-то до такой степени легковѣсное во всемъ ихъ существѣ, что не знаешь, какъ эти люди могутъ ходить по землѣ. Убійцы и глупцы остались у себя на родинѣ, а сумасшедшіе бросили ее, чтобъ увеличить собой число шарлатановъ на свѣтѣ“ *).

*) Письмо къ Воронцову.

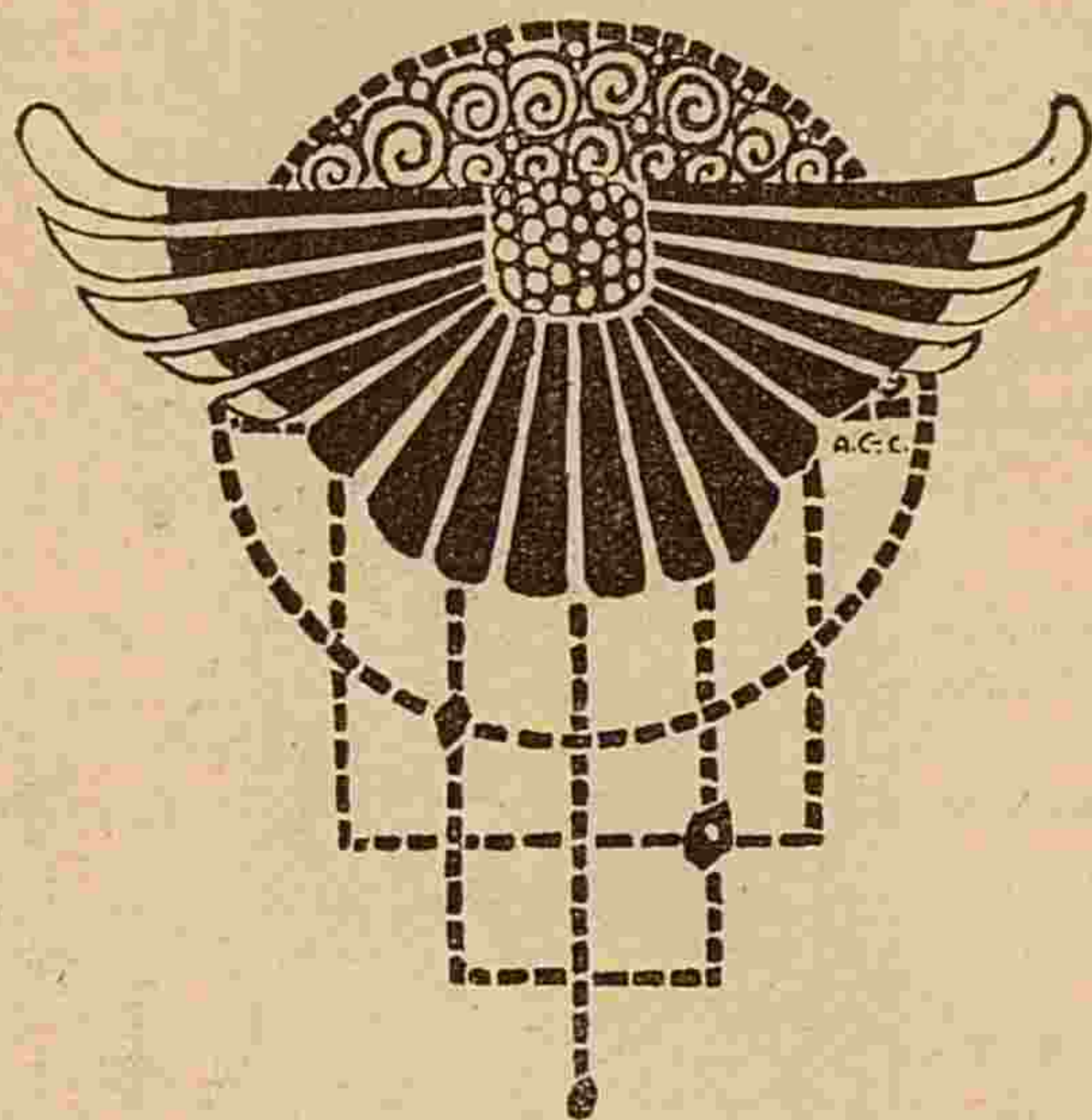
Екатерина также играла ничего не стоящую ей комедию съ этими представителями, большею частью знатными, уже исчезающаго міра. Прибытіе графа д'Артуа въ 1793 г. привело ее въ восторгъ: это самая сенсационная сцена пьесы. Была минута—до Варенна—когда императрица мечтала оказать гостепріимство самому Людовику XVI и громко заявляла, что сочтетъ это за „самое замѣчательное событіе своего царствованія“. Принцесса Цербсткая предлагаетъ гостепріимство потомку Людовика Святого! Она знала, что говорила! Отпрыскъ французскаго королевскаго дома, котораго ей посчастливилось заполучить, прогостилъ у нея цѣлый мѣсяць, и она показала ему все великолѣпіе своего двора также, какъ все очарованіе собственной особы. Онъ съ своей стороны держалъ себя подобающимъ образомъ, былъ „великолѣпенъ“, какъ утверждалъ Ланжеронъ, „простъ, приличенъ, скромнъ, глубоко и искренне огорченъ, безъ рисовки и аффектаціи. Онъ проявляетъ въ сужденіяхъ умъ холодный и мудрый, опровергая понятіе, составленное о немъ въ Россіи на основаніи его легкомыслія и жизни въ молодости, и внушаетъ самое живое, почтительное участіе“. Но графу не удалось имѣть съ государыней ни одного разговора, который бы коснулся серьезно вопроса о эмиграціи и королевской власти. Екатерина была мастерица увертываться. Графъ д'Артуа вознаграждалъ себя съ Зубовымъ, который, польщенный, относился къ нему любезнѣе и былъ очень щедръ на обѣщанія.

Черезъ мѣсяць ресурсы Екатерины, повидимому, истощились. Впрочемъ, спутники принца не представляли такого же пріятнаго общества, какъ онъ. У епископа Арраскаго „видъ и разговоръ гренадера“; шевалье Рояль слишкомъ вмѣшивался въ швейцарскія дѣла и въ дѣла Лагарпа; графъ д'Эскаръ не находилъ столъ императрицы достойнымъ такой великой государыни и слишкомъ безцеремонно высказывалъ это. Часъ разлуки пробилъ. Принцъ уѣхалъ съ обѣщаніями фаворита, положившись на которыя чуть не попалъ въ свободной Англіи въ тюрьму за долги. Небольшая сумма денегъ, увезенная имъ съ собой, позволила ему прожить нѣкоторое время въ Германіи, а знаменитая шпага, данная, чтобы онъ употребилъ ее, съ Богомъ за короля, въ слѣдующемъ году перешла въ Гам-

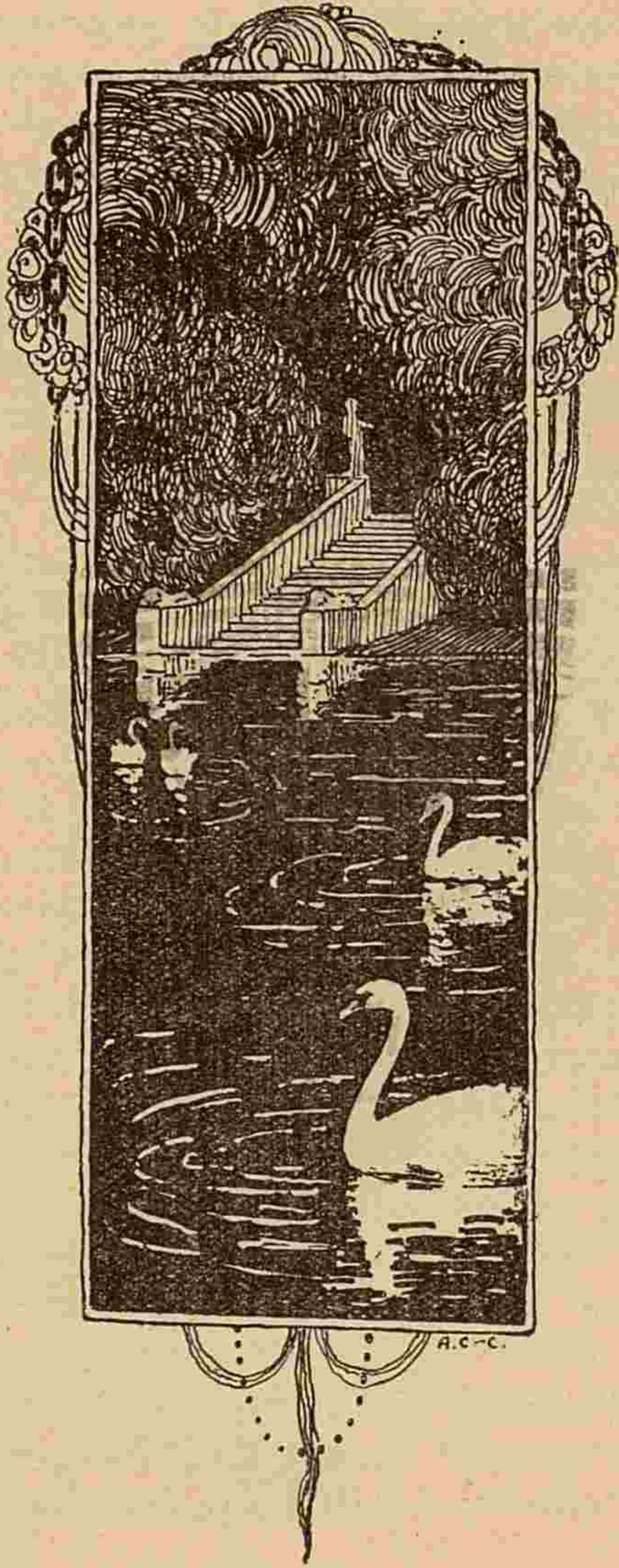
мѣ къ ростовщику, чтобъ было чѣмъ заплатить за туалеты мадамъ де-Паластронъ. „Я бы не дала ее вамъ“, говорила Екатерина на торжественной аудіенціи „если бы не была убѣждена, что вы скорѣе умрете, чѣмъ поколеблетесь пустить ее въ ходъ“. Бѣдняга пустилъ ее въ ходъ, какъ могъ.

Колоннъ, пріѣхавшій позднѣе, не встрѣтилъ такого хорошаго пріема. Екатерина мало-по-малу привыкла смотрѣть на французовъ, жившихъ въ ея государствѣ, не какъ на гостей, но какъ на новыхъ своихъ подданныхъ. Она не допускала ихъ держать себя такъ, какъ не позволила бы послѣднимъ. Бывшій генеральный контролеръ произвелъ на нее впечатлѣніе несбывшагося сна. Да и духъ терпимости, высказываемый ею въ началѣ революціонныхъ волненій къ проявлявшемуся въ нихъ столкновенію идей и принциповъ, мало-по-малу сталъ чуждъ ей. Она дошла до того, что дѣйствительно стала раздѣлять чувства, которыя долго старалась привить своимъ германскимъ сосѣдямъ, сама имъ вовсе не симпатизируя. Она еще не собиралась подняться въ походъ, чтобы возстановить во Франціи тронъ и алтарь, но чувствовала потребность сорвать свое сердце на французахъ и дѣлала это на тѣхъ, которые оказывались у нея подъ рукой. Въ 1795 г. соотечественниковъ Колонна принимали не въ однѣхъ только гостиныхъ; мы ихъ встрѣчаемъ столько же, и еще больше, въ тюрьмахъ. Бонно, бывшій генеральный консулъ въ Варшавѣ, просидѣлъ въ заключеніи два года. По приказанію Сиверса, всемогущаго представителя Екатерины на берегахъ Вислы, онъ былъ однажды ночью перевезенъ безо всякаго слѣдствія въ Петербургъ. Въ казематѣ Петропавловской крѣпости у него оказался соотечественникъ, посаженный за неисправность паспорта. Этотъ другой французъ сошелъ съ ума черезъ полгода и былъ отправленъ въ сумасшедшій домъ, гдѣ выздоровѣлъ; затѣмъ онъ снова былъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ съ нимъ дѣлались буйные припадки. Когда онъ слишкомъ шумѣлъ, его сѣкли, пока онъ не умолкалъ. Костюшко и его адъютантъ Нѣмцевичъ знали его и нашли возможность сноситься съ нимъ; ему было двадцать пять лѣтъ, и фамилія его была Фаржъ. А Воль-

тера и д'Аламбера уже не было въ живыхъ, чтобъ заступиться за него! Другъ философовъ тоже исчезъ: теперь царствовала просто Екатерина II, намѣревавшаяся заключить самое Францію подъ стражу шестидесяти тысячъ тюремщиковъ, которыхъ Суворовъ собирался вести туда.

Г Л А В А V.

Авантюристы и авантюристки.—Княжна Тараканова.*)

I. Итальянцы и итальянки.—Пьемонтець Одаръ.—Неаполитанецъ Ласкарисъ.—Баронъ Тоттъ.—II. Калиостро.—Княгиня Санта-Кроче.—Герцогиня Кингстонская.—Княжна Тараканова.

I.

Рисовать картину двора, выводить на сцену лицъ, окружавшихъ коронованную особу восемнадцатаго столѣтія, и не указать роль нѣкоторыхъ авантюристовъ, было бы непростительной забывчивостью, которая

*) Араповъ. *Лѣтописи русскаго театра; Архивъ князя Воронцова*, V, XXI; *Русскій Архивъ* 1877; Вильбасовъ, *Исторія Екатерины II*; Fоггерон, *Histoire desémigrés*; Карновичъ, *свѣдѣнія о герцогинѣ Кингстонской*, *Русская Старина* I, 1877; *Mémoires de Laveaux, Weickard etc.; von der Recke. Nachricht von der berühmten Gagliostro's Aufenthalt in Mittau*; Зотовъ, *Калиостро, его жизнь, сочиненія и пребываніе въ Россіи*. *Россійская Старина* I, VII. Для эпизода съ княжной Таракановой основнымъ документомъ служить сочиненіе М. Панина, напечатанное въ 1867 г. Московскимъ Обществомъ Изученія Древностей и дополненное Бреверномъ по-нѣмецки, подъ заглавіемъ „*Die vorgebliche Tochter der K. Elizabeth*“. Въ немъ находится разслѣдованіе, произведенное по приказанію императора Александра II. Шальмель-Лакуръ пользовался отчасти этимъ сочиненіемъ для очерка въ майской книжкѣ *Revue des dix Mondes*, 1870. Рядъ документовъ былъ напечатанъ послѣ того въ Сборникъ И. Р. И. О. Кое-какія свѣдѣнія можно почерпнуть изъ монографіи Васильчикова о *Разумовскихъ*, напечатанной въ „*Восемнадцатомъ вѣкѣ*“ (II, 439 и сл.) и въ очеркѣ Мельникова „*Княжна Тараканова*“, Петербургъ 1868. Книга князя Любомирскаго. „*Драма при Екатеринѣ II*“—не болѣе какъ романъ.

могла бы показаться невѣроятной. Екатерина не избѣгла общей участи: съ 1762 г. среди ея приближенныхъ мы видимъ пьемонтца Одара. Онъ исчезъ послѣ государственнаго переворота, возвратился черезъ нѣсколько лѣтъ, чтобъ принять участіе въ заговорѣ противъ вдовы Петра III,—потому что теперь она была на престолѣ—и едва едва успѣлъ бѣжать, чтобы исчезнуть уже навсегда; его, кажется, убило молніей въ Ниццѣ. Но онъ оставилъ въ Петербургѣ свое сѣмя: въ 1788 г. Ланжеронъ столкнулся тамъ съ итальянцемъ, какъ двѣ капли воды похожимъ на Одара. Его звали, или онъ самъ звалъ себя, графомъ Морелли: настоящая же его фамилія была скорѣе Розатти: онъ былъ музыкантомъ во французскомъ полку. Его голосъ, гитара, и безъ сомнѣнія, нѣкоторые другіе таланты доставили ему доступъ къ Потемкину. Когда разразилась вторая турецкая война, онъ былъ графомъ, полковникомъ и георгіевскимъ кавалеромъ. Ланжеронъ, пріѣхавшій въ Россію съ почетнымъ и славнымъ прошлымъ, изнывалъ въ ожиданіи порученія, которое ему обѣщали въ австрійской арміи. Онъ уже совершенно отчаялся дожидаться чего либо, когда, придя однажды къ нему, Розатти, или графъ Морелли, далъ ему понять, что ему придется отказаться отъ надежды получить мѣсто, если онъ не отправится къ г-ну Альтести. Обязанностью послѣдняго, иллирійскаго проходимца, секретаря фаворита Зубова и товарища министра, было давать мѣста иностранцамъ и, если понадобится, слѣдить за пріѣхавшими въ Россію или уже живущимъ тамъ иностраннымъ элементомъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній Ланжеронъ рѣшился послѣдовать совѣту. „Его передняя“, рассказываетъ онъ, „бывала съ семи часовъ утра такъ же набита, какъ передняя Зубова... Я отправился къ нему послѣ обѣда, засталъ его, пробылъ пять минутъ у него въ гостиной и ни словомъ не упомянулъ о своемъ дѣлѣ. Черезъ три дня я получилъ порученіе и уѣхалъ“.

Мы уже имѣли случай упомянуть громкое имя другого искателя приключеній, получившаго, благодаря Вецкому, мѣсто управляющаго искусствами и директора Кадетскаго корпуса. Самозванецъ Ласкарисъ былъ итальянцемъ—сыномъ неаполитанца, лавочника на Кефалоніи, по фамиліи Карбури. Его обманъ и настоящую фамилію обнаружила въ одинъ пре-

красный день жена рагузскаго консула, посланнаго въ Петербургъ—настоящая Ласкарисъ. Однако, это не помѣшало бы его карьерѣ; но черезъ нѣсколько времени негодя выгнали со службы въ Кадетскомъ корпусѣ вслѣдствіе обвиненія въ позорномъ дѣлѣ, поднятомъ противъ него мѣстнымъ священникомъ. Тогда ему дали мѣсто въ полиціи.

Въ 1764 г. въ Петербургѣ появился братъ барона Франсуа де-Тотта, венгерець, дипломатическая и военная карьера котораго во Франціи была весьма почтенная. Онъ сопровождалъ г-жу Салтыкову, жену русскаго посланника въ Парижѣ, принужденную изъ-за здоровья вернуться на родину и скоро завелъ обширное знакомство въ лучшемъ столичномъ обществѣ. Поступивъ волонтеромъ въ тридцати тысячный корпусъ, стоявшій въ то время въ Царскомъ „лагерѣ“, онъ жилъ въ одной палаткѣ съ фаворитомъ Орловымъ и былъ представленъ послѣднимъ императрицѣ. Къ несчастію онъ надѣлалъ долговъ и вздумалъ воспользоваться своими связями и блестящимъ мундиромъ французскаго кавалериста, чтобы предложить свои услуги маркизу де-Боссэ, тогдашнему французскому послу. Боссэ умеръ какъ разъ въ это время, и де-Тоттъ надѣялся занять мѣсто уполномоченнаго въ дѣлахъ, но затѣмъ удовлетворился менѣе почетной должностію собирателя справокъ, на жалованьи при посольствѣ. Пользуясь своей близостью съ Панинымъ, онъ получилъ обѣщаніе довольно высокаго жалованія и уплаты своихъ долговъ; но первый министръ Екатерины, прослышавъ о происходившемъ, посоветовалъ торговцу государственнымъ тайнами поскорѣй перебраться за-границу. Министръ даже снабдилъ его изъ собственнаго кошелька средствами къ поспѣшному отъѣзду. Въ оправдательной запискѣ представленной въ 1771 г., герцогу Эгильонскому, де-Тоттъ защищается довольно забавно противъ оскорбительнаго предположенія, что имъ руководили мотивы личнаго интереса: „Помѣстите при французскомъ дворѣ русскаго, одареннаго здравымъ смысломъ, именемъ, хорошими манерами, постоянно встрѣчающагося съ первымъ министромъ, стоящаго близко съ самыми великими особами обоего пола; представьте себѣ, что онъ не любитъ смотрѣться въ зеркало, имѣетъ восемь тысячъ франковъ долгу, и вы поймете всю затруднительность его положенія“.

II.

Съверная звѣзда не оправдала бы своего названія, еслибъ ея сіяніе, распространявшееся по всей Европѣ, не привлекло величайшаго искателя приключеній того времени. Калиостро употребилъ нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы подготовиться къ сенсационному выступленію на одной изъ наиболѣе стоявшихъ на виду европейскихъ сценъ во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка. Прибывъ въ Митаву въ 1779 г. онъ продолжилъ тамъ свое пребываніе, улавливая и готовя публику, устраивая подходящую обстановку. Онъ распространилъ слухъ, что имѣеть важное порученіе отъ масонскаго ордена, представителемъ котораго на сѣверѣ, яко бы, былъ назначенъ. Принятый въ домѣ барона Медема, получивъ хорошія рекомендаціи и предшествуемый широковѣщательной рекламой, онъ, дѣйствительно, очутился въ С.-Петербургѣ въ наилучшихъ условіяхъ. Потемкинъ, карьера котораго тогда только что начиналась, посѣтилъ его и нашелъ причивы для повторенія своего посѣщенія, что произошло не безъ участія прекрасной и очаровательной Лоренцы, носившей тогда уже фамилію Санта-Кроче. Если вѣрить тысячѣ слуховъ, ходившихъ обо всемъ, что дѣлала Екатерина, она сама старалась выпроводить эту соперницу, предлагая ей тридцать тысячъ рублей. Но красавица отказалось, получивъ уже передъ тѣмъ вдвое больше изъ рукъ фаворита. Разказъ мало правдоподобенъ. Екатерина имѣла другія средства, чтобъ избавляться отъ своихъ соперницъ, а съ другой стороны, она слишкомъ добродушно рассказывала Гримму о пребываніи въ своей столицѣ шарлатана и о его подвигахъ.

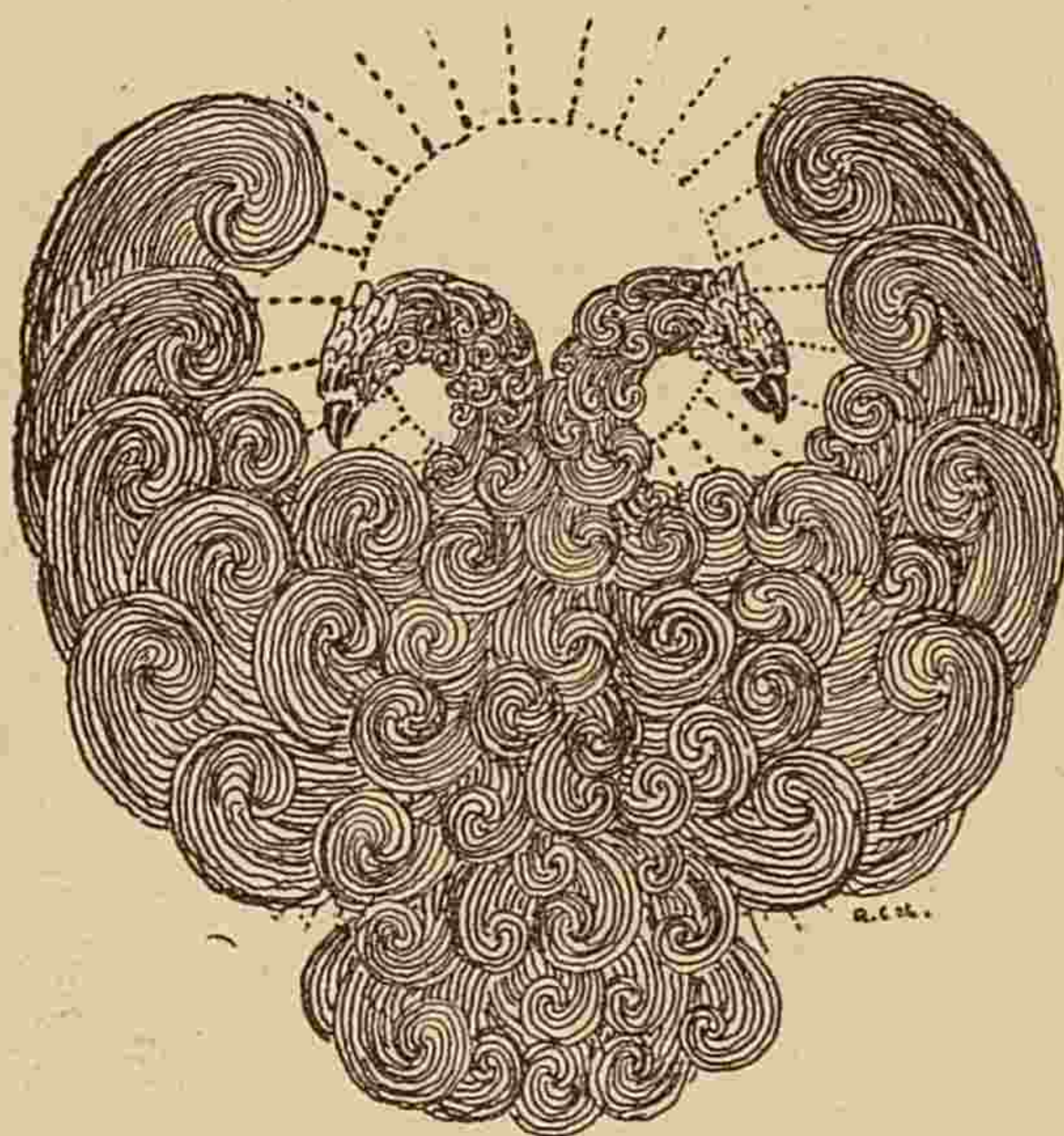
„Онъ пріѣхалъ сюда, называя себя полковникомъ испанской службы и испавцемъ по происхожденію, давая понять, что онъ колдунъ, вызывающій духовъ и приказывающій имъ. Когда я услышала это, я сказала: человѣкъ этотъ совершенно напрасно пріѣхалъ сюда; нигдѣ ему не испы-

татъ большей неудачи, чѣмъ въ Россіи. У насъ не жгутъ колдуновъ, и я царствую уже двадцать лѣтъ, а случилось всего одно дѣло, въ которомъ замѣшано было колдовство. Сенать вытребовалъ колдуновъ, и когда ихъ привели, они оказались дураками и совершенно ни въ чемъ не повинными. Но г. Калиостро прибылъ въ такое время, когда нѣсколько франъ-массонскихъ ложъ, увлекшись принципами Сведенборга, желали во что бы то ни стало видѣть духовъ; и вотъ они бросились къ Калиостро, утверждавшему, что онъ знаетъ всѣ секреты доктора Фалька, близкаго друга герцога Ришельё, однакожь заставившаго его въ Вѣнѣ принести жертву черному козлу... Тогда г. Калиостро произвелъ свои чудодѣйственныя таинственныя исцѣленія: какъ будто вынулъ ртуть изъ ноги подагрика, и попался въ ту минуту, когда вылилъ ложку ртути въ воду, куда велѣлъ посадить подагрика. Потомъ онъ приготовилъ краски, ничего не окрасившія, и химическія соединенія, не произведшія никакого дѣйствія... Послѣ этого открыли, что онъ еле-еле умѣетъ читать и писать. Наконецъ, надѣлавъ массу долговъ, онъ скрылся въ погребѣ Елагина, гдѣ пилъ столько шампанскаго и англійскаго пива, сколько былъ въ силахъ. Повидимому, однажды онъ перешелъ за обычную мѣру, потому что, выходя изъ-за стола, вѣдѣлся въ тупей домашняго секретаря Елагина. Тотъ отвѣсилъ ему пощечину; пошла рукопашная. Г. Елагинъ, которому надоѣла эта погребная крыса, производившая слишкомъ большой расходъ вина и пива, и жалобы секретаря, вѣжливо предложилъ Калиостро отправиться въ кибиткѣ, а не по воздуху, какъ онъ угрожалъ, и чтобъ кредиторы не задержали этотъ легкій экипажъ, Елагинъ далъ ему и графинѣ въ провозатые до Митавы стараго инвалида. Вотъ исторія Калиостро, въ которой все есть, кромѣ чудеснаго. Я не видала его ни вблизи, ни издали, и вовсе не стремилась увидать“.

Княгиня Санта-Кроче, или попросту мадамъ Калиостро, повидимому, ни при чемъ въ несчастномъ концѣ этого неудачнаго путешествія. Мы знаемъ, что Екатерина всегда относилась столь снисходительно къ любовнымъ капризамъ самаго капризнаго и вѣчно увлеченнаго кѣмъ нибудь изъ своихъ фаворитовъ.

Нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, будущій князь Таврическій вздыхалъ о немного уже поблекшихъ прелестяхъ другой гостыи, приблизительно изъ той же категоріи, и Екатерина не выказывала ни малѣйшей ревности. Она даже находила очаровательницу не глупой—комплиментъ, которымъ императрица награждала немногихъ. Эта особа была знаменитая герцогиня Кингстонъ, вдова герцога, носившаго эту фамилію, но разведенная формально съ первымъ мужемъ, который былъ живъ и назывался болѣе простой фамиліей капитана Хервея—слѣдовательно, двумужница, и счетъ потерявшая своимъ любовнымъ приключеніямъ еще въ бытность свою Елизаветой Чѣдлей, фрейльной принцессы Уэльской. Герцогиня пріѣхала въ Петербургъ въ августъ 1777 г., сопровождаемая многочисленной свитой и священникомъ, аббатомъ Сешанъ. Она была представлена императрицѣ подъ фамиліей и титуломъ, оспариваемыми у нея на родинѣ. Въ Россіи же ее считали даже родственницей королевской семьи. Приглашенная въ Царское Село, она встрѣтила тамъ самый лестный пріемъ. На балы, которые она давала то на своей яхтѣ, возбуждавшей всеобщее восхищеніе и любопытство своей роскошной отдѣлкой, то въ домѣ, предоставленномъ въ ея распоряженіе императрицей, одномъ изъ самыхъ красивыхъ во всемъ городѣ. Весь Петербургъ стекался на эти балы. Яхта герцогини потерпѣла нѣкоторыя поврежденія во время бури; Екатерина велѣла исправить ее на свой счетъ. Авантюристка догадалась громко заявить, что пріѣхала исключительно, чтобы имѣть радость и честь видѣть самую необыкновенную женщину изъ современныхъ и жившихъ когда-либо, и Семирамидѣ было пріятно слышать это. Потемкинъ явно ухаживалъ за самозванной герцогиней, но Екатерина не препятствовала ему. Надо сказать, что этой новой соперницѣ было 57 лѣтъ, и она глохла, а съ другой стороны явно оказывала предпочтеніе одному изъ секретарей фаворита — Гарновскому, успѣвшему впоследствии захватить часть ея большого состоянія. Желая воспользоваться обстоятельствами, герцогиня стремилась остаться въ Россіи, занявъ офиціальное положеніе при дворѣ Семирамиды, и купила себѣ помѣстье въ Эстляндіи. Но на ея счетъ уже начали ходить неблагопріятные слухи, и она сочла за лучшее удалиться на нѣкоторое время. Когда

же она вернулась въ 1782 г., для нея все было кончено: на нее не хотѣли смотрѣть ни при дворѣ, ни въ обществѣ: фаворитъ отвернулся отъ нея, а Гарновскій, пользовавшійся такимъ довѣріемъ съ ея стороны, употребивъ во зло,—забралъ эстонское имѣніе.

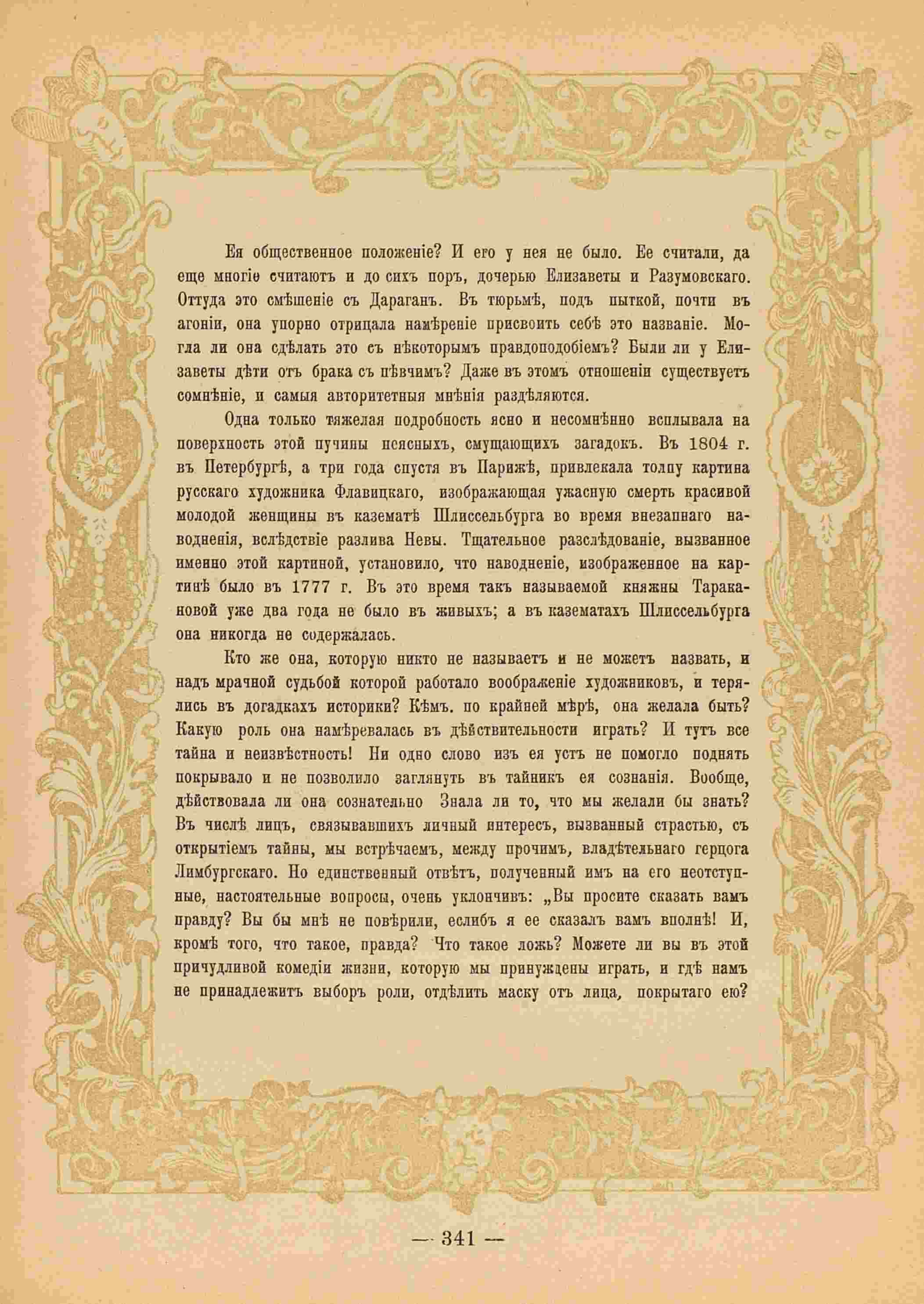

III.

За два года до перваго появленія авантюристки, въ казематахъ Петропавловской крѣпости разыгрался конецъ романическаго существованія другой женщины, тоже много выдавшей на своемъ вѣку и также окруженной тайной. Намъ даже тяжело вызывать воспоминаніе о ней въ этой главѣ: такъ много грустнаго, вызывающаго участія и почти уваженія примѣшивается къ этой исторіи, несмотря на обычный, избитый, вульгарный и непріятный фонъ подобнаго рода приключеній. Все тайна въ этой странной личности, кажущейся какъ бы привидѣніемъ, и даже не нуждавшейся въ сказочномъ вымыслѣ, потому что она съ самаго рожденія была окружена сказкой. Такъ она жила, такъ и умерла, и очень трудно и до сихъ поръ внѣ этого, охватывающаго ее туманнаго круга болѣе или менѣе воображаемыхъ данныхъ, установить ея историческую личность и положеніе.

Ея фамилія? У нея ея не было. Въ преданіи и даже въ исторіи ее обыкновенно называютъ „княжной Таракановой“. Однако, не только эта фамилія не принадлежала ей, но она даже, повидимому, никогда и не думала пользоваться ею иначе, какъ одной изъ многочисленныхъ масокъ, которыми прикрывалась. Никогда не существовало никакой княжны Таракановой, ни дѣйствительной, ни вымышленной. Преданіе смѣшало, а исторія пошла по ложному слѣду: малороссійскую фамилію одного изъ племянниковъ Разумовскаго, возлюбленнаго Елизаветы, переименовали въ Таракановыхъ, а собственно такой фамиліи не носилъ ни одинъ авантюристъ и ни одна авантюристка. Дараганы существуютъ еще до сихъ поръ въ Россіи, занимая важныя должности; Таракановой же не было ни въ Петропавловской крѣпости и нигдѣ *) въ другомъ мѣстѣ.

*) Существуетъ еще разсказъ, будто настоящая (?) княжна Тараканова жила въ одномъ изъ московскихъ монастырей подъ именемъ Досіеи и пережила Екатерину. См. Пыляевъ. *Забытое прошлое С.-Петербургскихъ окрестностей*, стр. 528.

Ея общественное положеніе? И его у нея не было. Ее считали, да еще многіе считаютъ и до сихъ поръ, дочерью Елизаветы и Разумовскаго. Оттуда это смѣшеніе съ Дараганъ. Въ тюрьмѣ, подъ пыткой, почти въ агоніи, она упорно отрицала намѣреніе присвоить себѣ это названіе. Могла ли она сдѣлать это съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ? Были ли у Елизаветы дѣти отъ брака съ пѣвчимъ? Даже въ этомъ отношеніи существуетъ сомнѣніе, и самыя авторитетныя мнѣнія раздѣляются.

Одна только тяжелая подробность ясно и несомнѣнно всплывала на поверхность этой пучины неясныхъ, смущающихъ загадокъ. Въ 1804 г. въ Петербургѣ, а три года спустя въ Парижѣ, привлекала толпу картина русскаго художника Флавицкаго, изображающая ужасную смерть красивой молодой женщины въ казематѣ Шлиссельбурга во время внезапнаго наводненія, вслѣдствіе разлива Невы. Тщательное разслѣдованіе, вызванное именно этой картиной, установило, что наводненіе, изображенное на картинѣ было въ 1777 г. Въ это время такъ называемой княжны Таракановой уже два года не было въ живыхъ; а въ казематахъ Шлиссельбурга она никогда не содержалась.

Кто же она, которую никто не называетъ и не можетъ назвать, и надъ мрачной судьбой которой работало воображеніе художниковъ, и терялись въ догадкахъ историки? Кѣмъ, по крайней мѣрѣ, она желала быть? Какую роль она намѣревалась въ дѣйствительности играть? И тутъ все тайна и неизвѣстность! Ни одно слово изъ ея устъ не помогло поднять покрывало и не позволило заглянуть въ тайникъ ея сознанія. Вообще, дѣйствовала ли она сознательно. Знала ли то, что мы желали бы знать? Въ числѣ лицъ, связывавшихъ личный интересъ, вызванный страстью, съ открытіемъ тайны, мы встрѣчаемъ, между прочимъ, владѣтельнаго герцога Лимбургскаго. Но единственный отвѣтъ, полученный имъ на его неотступныя, настоятельные вопросы, очень уклончивъ: „Вы просите сказать вамъ правду? Вы бы мнѣ не повѣрили, еслибъ я ее сказалъ вамъ вполнѣ! И, кромѣ того, что такое, правда? Что такое ложь? Можете ли вы въ этой причудливой комедіи жизни, которую мы принуждены играть, и гдѣ намъ не принадлежитъ выборъ роли, отдѣлить маску отъ лица, покрытаго ею?

Наша судьба—предаваться иллюзіямъ и заставлять другихъ поддаваться имъ. Всѣ мы лжемъ! Только одни дѣлаютъ это какъ попало, непослѣдовательно, и сбиваются съ пути; другимъ же кажется, что они знаютъ дорогу, но они идутъ прямо къ цѣли, не переставшая лгать, придерживаясь извѣстной системы. Я хочу принадлежать къ послѣднимъ“.

Впервые мы видимъ загадочную комедіантку въ 1772 г. въ Парижѣ. Тамъ въ это время появилась взявшаяся неизвѣстно откуда, нѣкая княжна Али Эметтэ Влодомірская, со страннымъ именемъ и фамиліей, представлявшими смѣсь персидскаго съ славянскимъ. Она была молода, красива, и особенно граціозна, съ пепельными волосами, какъ у Елизаветы, и такими же какъ у нея глазами, мѣнявшими оттѣнки. То голубые, то черные, они придавали особенное выраженіе ея фізіономіи—какой-то сказочный отпечатокъ, лежавшій на всей ея личности, также, какъ на ея судьбѣ. Манеры у нея были прекрасныя, и она, новидимому, получила хорошее образованіе. Она выдавала себя—или ее выдавали за черкешенку,—племянницу богатѣйшаго персидскаго сановника. Ее сопровождала многочисленная свита, въ которой на первомъ планѣ стояли два нѣмца: баронъ фонъ Эмбсъ, игравшій авторитетную роль родственника почтенныхъ лѣтъ, и баронъ Шенкъ—управитель и ближайшій наперсникъ. У принцессы, которая заняла хорошее помѣщеніе и вела широкій образъ жизни, скоро составился большой кругъ знакомствъ. Вмѣстѣ съ нѣсколькими французами, ея домъ посѣщали иностранцы, которыхъ въ то время было уже много въ Парижѣ. Польская эмиграція, начавшаяся въ это время, вслѣдствіе первыхъ несчастій, постигшихъ республику, доставила многихъ посѣтителей салону княжны и способствовала его блеску. Князь Михайлъ Огинскій, одинъ изъ наиболѣе выдающихся изгнанниковъ, числился между поклонниками красавицы-черкешенки. Но вдругъ произошла катастрофа: почтеннаго родственника задержали за долги, и открылось, что не имѣя средствъ заплатить по своимъ обязательствамъ, онъ, въ то же время, не имѣлъ права и на титулъ, которымъ именовался. Эмбсъ вовсе не былъ барономъ: онъ былъ блуднымъ сыномъ богатаго гентскаго купца. Вѣсть, само собой разумѣется, распространилась, и, конечно, всѣ кредиторы явились въ рос-

кошное помещеніе княжны, но здѣсь ихъ ждала неожиданность: домъ оказался пустымъ—княжна исчезла.

Она снова появилась черезъ нѣсколько лѣтъ во Франкфуртѣ. И здѣсь ея сопровождалъ такой же многочисленный штатъ прислуги; она опять поселилась въ лучшей гостиницѣ города и завела знакомства. Однако, ея парижскіе кредиторы разыскали ее, и она рѣшительно не знала, что дѣлать. Но тутъ явился избавитель въ лицѣ герцога Лимбургскаго тоже бывшаго въ долгахъ, но имѣвшаго подданныхъ, которыхъ онъ еще находилъ возможность обирать. Герцогъ великодушно предложилъ вывести изъ затрудненія принцессу и, наконецъ, предоставилъ въ ея распоряженіе свой замокъ Оберштейнъ. Само собой разумѣется, онъ ждалъ уплаты за свои траты и любезности; но принцесса оказалась очень недоступной. Тогда онъ дошелъ до того, что предложилъ ей руку, не боясь неравнаго брака, такъ какъ и она была владѣтельной особой: перемѣнивъ фамилію и происхожденіе, она уже называлась княжной Азовской, потомкомъ могущественнаго дома князя Владиміра и наслѣдницей княжества, находящагося подъ покровительствомъ Россіи.

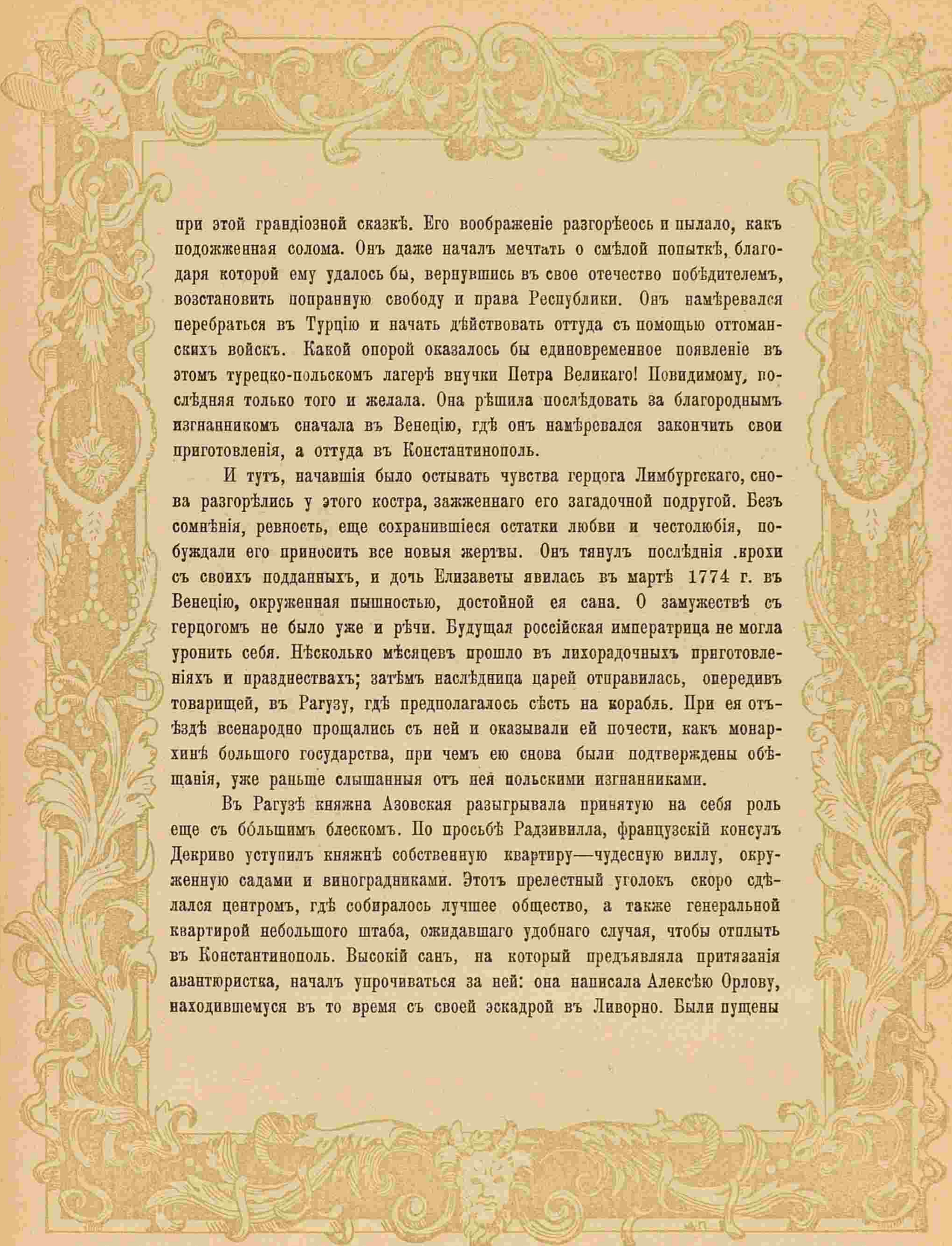
До сихъ поръ приключеніе самое заурядное, подобное сотнямъ другихъ въ хроникѣ этого вѣка. Самозванными баронами и принцессами кишѣли тогда всѣ столицы и даже небольшіе города. Быстрота сообщеній и болѣе опредѣленныя общественныя отношенія еще и теперь не оказываются достаточными препятствіями, чтобъ преградить путь самозванцамъ. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ телеграфа не существовало. *Готскій альманахъ* началъ выходить всего съ 1764 года, а географическія знанія были тоже въ зачаточномъ состояніи: трудно оказывалось провѣрить существованіе Азовскаго княжества, состоявшаго подъ покровительствомъ Россіи. И въ наши дни не всегда подобныя справки получаютъ во время.

Въ 1772 г. будущая герцогиня Лимбургская могла долгое время ничего не опасаться. Однако, наступилъ моментъ, когда кошелекъ герцога началъ отчаянно пустѣть, а ожидаемые доходы княжны Азовской, все не получались. И послѣднее обстоятельство вызвало первое сомнѣніе въ отношеніи къ ней. Но тогда у герцога Лимбургскаго уже оказался замѣсти-

тель: и именно въ это время романъ прекрасной незнакомки принималъ оборотъ оригинальный; она вступила въ исторію.

Замокъ Оберштейнъ лежитъ недалеко отъ Мангейма, гдѣ съ нѣкотораго времени поселился другой польскій изгнанникъ, еще болѣе знатный, чѣмъ Огинскій: знаменитый князь Радзивиллъ, про котораго ходили слухи—конечно, ложные—будто онъ возилъ съ собой по Европѣ двѣнадцать золотыхъ статуй въ натуральную величину, изображавшихъ двѣнадцать апостоловъ, которыя ему удалось увезти изъ своего разглабленнаго замка Неввижа. Эти статуи служили ему для покрытія путевыхъ издержекъ. Княжна Азовская узнала объ этомъ сосѣдѣ и немедленно обратила на него свои прекрасные глаза, снова полные отчаянія. Хотя у польскаго магната и не оказалось двѣнадцати апостоловъ, однако, у него были еще порядочные остатки царскаго состоянія, и онъ представлялъ весьма завидный призъ. Но онъ былъ недовѣрчивъ, взбалмошенъ, и женское обаяніе почти не существовало для него. Однако, это не остановило великую комедіантку, не открывшую своей тайны герцогу Лимбургскому. Кромѣ обаянія своихъ черно-голубыхъ глазъ, она имѣла еще средство, которымъ могла прельстить. Быстрая перемѣна декораціи, и она явилась въ совершенно новомъ свѣтѣ. Княжна Азовская исчезаетъ, такъ же, какъ княжество Влодомірское: появляется сирота безъ имени, или, скорѣе, съ такимъ громкимъ именемъ, что его можно произносить только шепотомъ, и обнаруженіе тайны можетъ навлечь смерть. Воспитанная въ монастырѣ, потомъ заточенная въ Сибири она была освобождена стражей тюрьмы и отвезена въ Персію. Однако, во всѣхъ этихъ превратностяхъ, ей удалось сохранить ларецъ съ документомъ, составляющимъ ея метрическое свидѣтельство и ея будущность. Этотъ документъ стоить царства: это воля императрицы Елизаветы I, завѣщающей свою корону Елизаветѣ II—своей единственной дочери отъ брака съ Разумовскимъ; а Елизавета II—никто иной, какъ она, обитательница Оберштейна.

Въ восемнадцатомъ вѣкѣ претенденты и претендентки болѣе или менѣе легальные—предполагаемые сыновья и дочери королей и императрицъ—не составляли рѣдкости. Но Радзивиллу не было до этого дѣла

при этой грандіозной сказкѣ. Его воображеніе разгорѣлось и пылало, какъ подоженная солома. Онъ даже началъ мечтать о смѣлой попыткѣ, благодаря которой ему удалось бы, вернувшись въ свое отечество побѣдителемъ, возстановить поправную свободу и права Республики. Онъ намѣревался перебраться въ Турцію и начать дѣйствовать оттуда съ помощью оттоманскихъ войскъ. Какой опорой оказалось бы единовременное появленіе въ этомъ турецко-польскомъ лагерѣ внуки Петра Великаго! Повидимому, послѣдняя только того и желала. Она рѣшила послѣдовать за благороднымъ изгнанникомъ сначала въ Венецію, гдѣ онъ намѣревался закончить свои приготовленія, а оттуда въ Константинополь.

И тутъ, начавшія было остывать чувства герцога Лимбургскаго, снова разгорѣлись у этого костра, зажженного его загадочной подругой. Безъ сомнѣнія, ревность, еще сохранившіеся остатки любви и честолюбія, побуждали его приносить все новыя жертвы. Онъ тянулъ послѣднія крохи съ своихъ подданныхъ, и дочь Елизаветы явилась въ мартѣ 1774 г. въ Венецію, окруженная пышностью, достойной ея сана. О замужествѣ съ герцогомъ не было уже и рѣчи. Будущая російская императрица не могла уронить себя. Нѣсколько мѣсяцевъ прошло въ лихорадочныхъ приготовленіяхъ и празднествахъ; затѣмъ наслѣдница царей отправилась, опередивъ товарищей, въ Рагузу, гдѣ предполагалось сѣсть на корабль. При ея отъѣздѣ всенародно прощались съ ней и оказывали ей почести, какъ монархинѣ большого государства, при чемъ ею снова были подтверждены обѣщанія, уже раньше слышанныя отъ нея польскими изгнанниками.

Въ Рагузѣ княжна Азовская разыгрывала принятую на себя роль еще съ бѣльшимъ блескомъ. По просьбѣ Радзивилла, французскій консулъ Декриво уступилъ княжнѣ собственную квартиру—чудесную виллу, окруженную садами и виноградниками. Этотъ прелестный уголокъ скоро сдѣлался центромъ, гдѣ собиралось лучшее общество, а также генеральной квартирой небольшого штаба, ожидавшаго удобнаго случая, чтобы отплыть въ Константинополь. Высокій санъ, на который предъявляла притязанія авантюристка, началъ упрочиваться за ней: она написала Алексѣю Орлову, находившемуся въ то время съ своей эскадрой въ Ливорно. Были пущены

слухи, что онъ намѣревается отмстить за брата—впавшаго въ немилость фаворита. Ему была послана копія съ завѣщанія Елизаветы, вмѣстѣ съ приказаніемъ Елизаветы II, предписывавшимъ ему объявить войскамъ, находившимся подъ его командой, послѣднюю волю дочери великаго царя.

Это кажется шуткой, которую русскій адмиралъ долженъ былъ принять, пожимая плечами, и надъ которой вдова Петра III могла посмѣяться. Но нѣтъ! Алексѣй Орловъ донесъ о происшедшемъ Екатеринѣ, и она въ письмѣ отъ 12 ноября 1774 г. предписала чесменскому побѣдителю во что-бы то ни стало—хитростью или силой—захватить самозванную внучку Петра I. Если окажется необходимость, пусть онъ бомбардируетъ Рагузу, чтобъ принудить городъ выдать ему авантюристку. Бомбардировать городъ въ государствѣ, съ которымъ въ данную минуту нѣтъ войны, шагъ серьезный. Изъ этого можно заключить, что сама императрица приписывала авантюристкѣ особенное значеніе и желала ея гибели. Мы уже сказали, что у самозванной наслѣдницы Елизаветы было не мало партнеровъ, околавшихся у европейскихъ дворовъ, и никому не приходило въ голову поднимать изъ-за нихъ пальбы. Другая знаменательная подробность: восемь лѣтъ послѣ этого происшествія, къ маркизу де-Веракъ, уполномоченному французскому министру въ Петербургѣ, нѣкто Маринъ, французскій подданный явился съ векселями княжны Влодомірской задолжавшей ему пятьдесятъ двѣ тысячи франковъ за нѣсколько времени своего пребыванія въ Парижѣ въ 1772 г. Маркизь никогда не слыхалъ княжны съ такой фамиліей; онъ началъ наводить справки, и на первыхъ же шагахъ его остановили; говоря, что княжна умерла, ея кредиторамъ заплочено, и Маринъ тоже получилъ бы свои деньги, если бы предъявилъ расписки равьше; но ему и теперь немедленно уплатятъ. И это въ то время, когда французскіе судовладѣльцы, потерпѣвшіе убытки отъ русскихъ крейсеровъ и получившіе обѣщанія, что убытки будутъ имъ возмѣщены, въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ ждали выполненія этого обѣщанія, и Екатерина отказывалась платить въ Парижѣ долги Бобринскаго! Маркизь старался добиться, если не официальнымъ то, по крайней мѣрѣ, офиціознымъ путемъ какихъ-нибудь свѣдѣній объ этой княжнѣ, о существованіи которой ничего не зналъ, и

пришелъ къ убѣжденію, что она была дочерью Елизаветы и Разумовскаго *).

Но вернемся къ нашему разсказу. Само собой разумѣется, что отвѣта отъ Орлова не получалось, а Елизаветѣ II неудобно было ожидать его въ Рагузѣ, гдѣ ея дѣла шли плохо.

Кучукъ Кайнарджіскій миръ (2 іюля 1774 г.) положилъ конецъ надеждамъ Радзивилла и его друзей. Проектъ путешествія въ Константинополь былъ оставленъ. Въ то же время происшествіе, случившееся съ княжной сильно поколебало положеніе ввучки Петра I. Очаровывая, если не самаго знаменитаго поляка, то, по крайней мѣрѣ, окружавшихъ его, своей молодостью и красотой, княжна умѣла сохранить свою репутацію незапятнанной. Она считалась недоступной для банальныхъ ухаживаній. Но, вдругъ, въ одну прекрасную ночь, одинъ изъ дворянъ свиты Радзивилла былъ застигнутъ въ ту минуту, какъ онъ намѣревался перелѣзть черезъ стѣну виллы Декриво. Одинъ изъ сторожей принялъ его за вора, выстрѣлилъ въ него и ранилъ его. Получился скандалъ, и товарищи Доманскаго, до которыхъ уже начинали доходить изъ Парижа и другихъ мѣстъ тревожные слухи о претенденткѣ, охладѣли къ ней.

Княжна снова проявила свою обычную рѣшимость. Важныя дѣла, якобы призываютъ ее въ столицу христіанскаго міра, гдѣ въ это время предстояло рѣшеніе вопроса о наслѣдіи Климента XIV. Но, путешествуя, на этотъ разъ подъ фамиліей графини Пимбергъ, она остановилась сначала въ Неаполѣ, гдѣ одержала еще побѣду—покорила сердце Гамильтона, англійскаго посла, будущаго супруга Эммы Хартъ, какъ бы рокомъ осужденнаго на подобныя встрѣчи. Принимая поклоненіе легко воспламеняющагося дипломата и не относясь къ нимъ равнодушно, княжна въ то же время подготавливала пріемъ, который желала встрѣтить въ вѣчномъ городѣ.

Ей помогаль Доманскій, послѣдовавшій за ней вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Чарномскимъ. Наконецъ, она рѣшилась переѣхать въ Римъ и, скромно поселившись на лѣвомъ берегу Тибра, повидимому, вся предалась добрымъ дѣламъ, чѣмъ быстро пріобрѣла себѣ всеобщую симпатію, воз-

*) См. депеши отъ декабря 1782 г. (Архивъ иностранныхъ дѣлъ).

буждая вмѣстѣ съ тѣмъ живое любопытство. Кардиналь Альбани, покровительствовавшій польской коронѣ, отнесся къ прїѣзжей съ почтительнымъ вниманіемъ и даже самъ увлекся проектомъ будущаго, въ который, вмѣстѣ съ планами переменъ религіи его посвятили, что открывало честолюбію римскаго прелата ослѣпительную перспективу. Одинъ іезуитъ, по фамиліи Линдей, служившій прежде въ русской арміи, увидавъ молодую женщину, увѣрялъ, что узнаетъ въ ней жену одного изъ герцоговъ Ольденбургскихъ, у котораго бывалъ въ Петербургѣ. Это только упрочило легенду, сложившуюся вокругъ таинственной княжны. Къ несчастью, ея денежныя средства истощились. Она нѣкоторое время перебивалась продажей дипломовъ на линбургскіе ордена и чины, которыхъ у нея былъ большой запасъ; но скоро число кандидатовъ на эти отличія сильно уменьшилось, и ей пришлось прибѣгнуть къ послѣднему ресурсу—просить поддержки у Гамильтона. Она написала ему письмо; но не просительное, а, напротивъ, все еще исполненное достоинства, даже высокомерное, будто оказывая ему милость, а не прося одолженія у него—и этимъ погубила себя; человекъ, который долженъ былъ отвезти ее въ тюрьму и на смерть, уже нѣсколько времени слѣдившій за ней, воспользовался удобной минутой.

Княжна просила у Гамильтона значительной суммы; онъ обратился къ своему коллегѣ, Джону Дику, англійскому консулу въ Ливорно, а Джонъ Дикъ, водившій дружбу съ Орловымъ, сообщилъ о происшедшемъ своему пріятелю. Тотъ же только что получилъ отъ Екатерины приказанія и намѣревался исполнить ихъ.

Въ политикѣ восемнадцатаго вѣка западни были дѣломъ зауряднымъ. Въ Россіи слѣдовали только принятому повсюду и установившемуся обычаю. Нѣмецъ Вейкардъ рассказываетъ въ своихъ *Запискахъ* объ очень обыкновенномъ на его взглядъ приключеніи одного француза—имени котораго не знаетъ—похищеннаго въ Гагъ по приказанію русскаго правительства, отвезеннаго въ Петербургъ и погребеннаго на вѣки въ казематахъ финской крѣпости Кексгольма.

— Первостатейный плутъ—доложилъ офицеръ, которому было поручено это дѣло, представляя своего плѣнника императрицѣ.

— Ну, ты будешь почище, когда сумѣлъ изловить его, — отвѣчала Екатерина.

Чтобъ устроить западню и вовлечь въ нее жертву, всѣ средства казались дозволенными. Извѣстно скорѣе забавное, чѣмъ трагическое, приключеніе знаменитаго Беніовскаго, бѣжавшаго изъ Камчатки, куда онъ былъ сосланъ, и появившагося въ 1772 г. въ Спа съ рукописью разсказа о своей сибирской одиссеѣ, которую намѣревался издать, и гдѣ *Сѣверной Семирамидѣ*, какъ говорили, досталось порядкомъ. Отправили русскаго агента; онъ заручился помощью куртизанки, извѣстной въ то время подъ именемъ „*Туза никъ*“ за родинку, которую она показывала всякому, платившему талеръ. Бѣдняга Беніовскій тоже увидаль родинку; но при этомъ лишился своей рукописи.

Но западня, въ которую суждено было попасть графинѣ Пимбергъ, представляла изъ себя нѣчто необыкновенное въ своемъ родѣ, „тонкую, незаурядную работу“—верхъ изобрѣтательности. Любопытно, что русскій и англичанинъ дѣйствовали тутъ сообща, повидимому, не зная никакихъ соображеній совѣсти, чувства чести или жалости. Алексѣй Орловъ и Джонъ Дикъ сообща старались завлечь несчастную въ ужасную западню. По ихъ наущенію англійскій банкиръ изъ Рима, Дженкисъ, явился къ молодой женщинѣ съ предложеніемъ неограниченнаго кредита отъ Гамильтона, между тѣмъ какъ русскій офицеръ передалъ ей отъ имени Орлова самыя лестныя увѣренія, на какія она только могла надѣяться. Орловъ якобы убѣдился въ подлинности документа, показаннаго ему княжной, и вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ отмстить Екатерину за себя и за брата. Онъ пригласилъ *претендентку* пріѣхать къ нему въ Пизу. Напрасно влюбленный Доманскій, которому искреннее чувство придавало безъ сомнѣнія дальновидность, пытался удержать отъ подобнаго шага ту, съ которой намѣревался раздѣлить и удачу и неудачу. Она приказала ему молчать, говоря, что пойдетъ туда, куда ее зоветъ судьба.

Въ Пизѣ ее приняли, какъ коронованную особу. Она еще разъ перемѣнила фамилію и теперь называлась графиней Силинской. Орловъ

даже окружилъ ее знаками уваженія, къ которымъ искусно примѣшивалъ проявленіе сентиментальности. На глазахъ недовѣрчиваго и встревоженнаго Доманскаго онъ не щадилъ ничего, чтобы успокоить и отуманить свою жертву, сопровождая яростныя восклицанія противъ Екатерины и ея новаго фаворита, знаками несомнѣннаго увлеченія дѣломъ *претендентки*, почти рабскимъ повиновеніемъ ея малѣйшимъ желаніямъ и скромными намеками на страсть, которую не смѣлъ высказать, но къ которой какъ будто примѣшивалъ уже личныя честолюбивыя надежды. Празднества, гдѣ княжна играла роль хозяйки, смѣнялись одно другимъ; она нѣсколько разъ ѣздила въ Ливорно, встрѣчая тамъ роскошный и любезный приѣмъ у Джона Дика. Не нарушая своей высокомерной сдержанности, княжна, однако, постепенно скользила внизъ по роковому наклону. Какъ бы желая устранить ея послѣднія сомнѣнія, Орловъ прямо высказалъ ей свое желаніе и надежду раздѣлить съ ней престолъ, который намѣревался завоевать для нея. Она согласилась на обрученіе—комедію—которое онъ пожелалъ отпраздновать примѣрнымъ морскимъ сраженіемъ своей эскадры на Ливорнскомъ рейдѣ. Чтобы присутствовать при празднествѣ, княжна должна была переѣхать на бортъ адмиралтейскаго корабля. Въ послѣдній разъ, передъ тѣмъ какъ ступить на край пробасти, она приняла испуганнаго Доманскаго и съ презрѣніемъ выслушала его предостереженія. Ея появленіе на кораблѣ было встрѣчено артиллерійскимъ салютомъ и криками; „ура“. Но вдругъ завѣса, которой ее искусно окружали, разорвалась: Орловъ исчезъ; княжна увидала себя окруженной солдатами, повидимому, вовсе не расположенными повиноваться ей; Доманскій и Чарномскій, обнажившіе шпаги, чтобы защитить ее, были тотчасъ же обезоружены. Ее заперли въ каюту, и черезъ нѣсколько минутъ солдатъ бросилъ ей, ни слова ни говоря, драгоцѣнный перстень, который она дала за нѣсколько дней передъ тѣмъ тому, кого считала уже своимъ супругомъ. Она написала Орлову нѣсколько словъ; солдатъ, которому она довѣрила свое посланіе вернулся съ апельсиномъ, завернутымъ въ бумагу, съ написаннымъ на ней отвѣтомъ „жениха“, который онъ желалъ скрыть отъ всѣхъ. Орловъ говорилъ, что самъ въ плѣну, какъ она, и ничѣмъ не можетъ помочь ей.

Корабль снялся съ якоря; Орловъ остался въ Ливорно, а отвезти плѣнницу въ Петербургъ было поручено храброму Грейгу.

Онъ обращался съ ней почтительно, повидимому, доказывая этимъ, что видѣлъ въ ней не простую авантюристку. Она была заключена въ капитанскую каюту. При ней оставили двухъ изъ ея слугъ. Въ Петербургѣ, куда она прибыла ¹²/₂₄ мая 1775 г. допросить ее было поручено Голлицыну. Онъ послалъ свое первое донесеніе черезъ двѣ недѣли. Этотъ документъ рисуетъ узницу женщиной средняго роста, худощавой, красивой *брюнеткой* съ карими, немного косящими глазами, съ удлинненнымъ горбатымъ носомъ—вообще похожей на итальянку—говорящей по-французски и по-нѣмецки и ни слова по-русски. Осматривавшіе ее доктора нашли у нея грудную болѣзнь въ сильной степени. Она называла себя Елизаветой и говорила, что ей двадцать три года и увѣряла, что не знаетъ ни своей національности, ни мѣста своего рожденія, ни фамиліи родителей. Воспитывалась она въ Килѣ, въ Голштиніи, у француза Перэ или Перанъ и крещена была въ греческую вѣру. Въ девять лѣтъ ее увезли изъ Киля: ее сопровождала туземная уроженка, Екатерина, и трое мужчинъ—какой національности, она не знаетъ. Она проѣзжала черезъ Петербургъ. Ей говорили, что ее везутъ къ роднымъ въ Москву. Такимъ образомъ она пріѣхала въ Персію, въ Богдадъ, гдѣ ее принялъ въ домъ богатый купецъ, по имени Хаметъ. Персидскій принцъ, Хами, тоже пользовавшійся гостепріимствомъ этого Хамета, отвезъ ее въ Испагань, окружая заботами и даже уваженіемъ и увѣряя ее, что она дочь императрицы Елизаветы. Она прожила въ Испогани до 1769 г. Потомъ она путешествовала по Европѣ съ своимъ покровителемъ, переодѣтая въ мужское платье въ Астрахани, чтобы проѣхать по Россіи. Она еще разъ была въ Петербургѣ, но останавливалась тамъ всего на одну ночь. Принцъ Хами, отозванный неотложными дѣлами на родину, разстался съ ней въ Лондонѣ, оставивъ ей много драгоценныхъ камней и золота въ слиткахъ. Такимъ образомъ она очутилась въ Парижѣ персидской княжной. Она отрицала, что сама послала Орлову завѣщаніе императрицы Елизаветы. Она получила этотъ документъ въ Рагузѣ, неизвѣстно отъ кого, при письмѣ, совѣтовавшемъ

ей отослать его командующему русскимъ флотомъ. Она такъ и сдѣлала, надѣясь получить свѣдѣнія о своемъ происхожденіи и о цѣли посылки. Она всегда слышала разговоры о своемъ рожденіи и правахъ, обусловленныхъ этимъ документомъ; но никогда не вѣрила всѣмъ этимъ рассказамъ. Орловъ первый убѣдилъ ее.

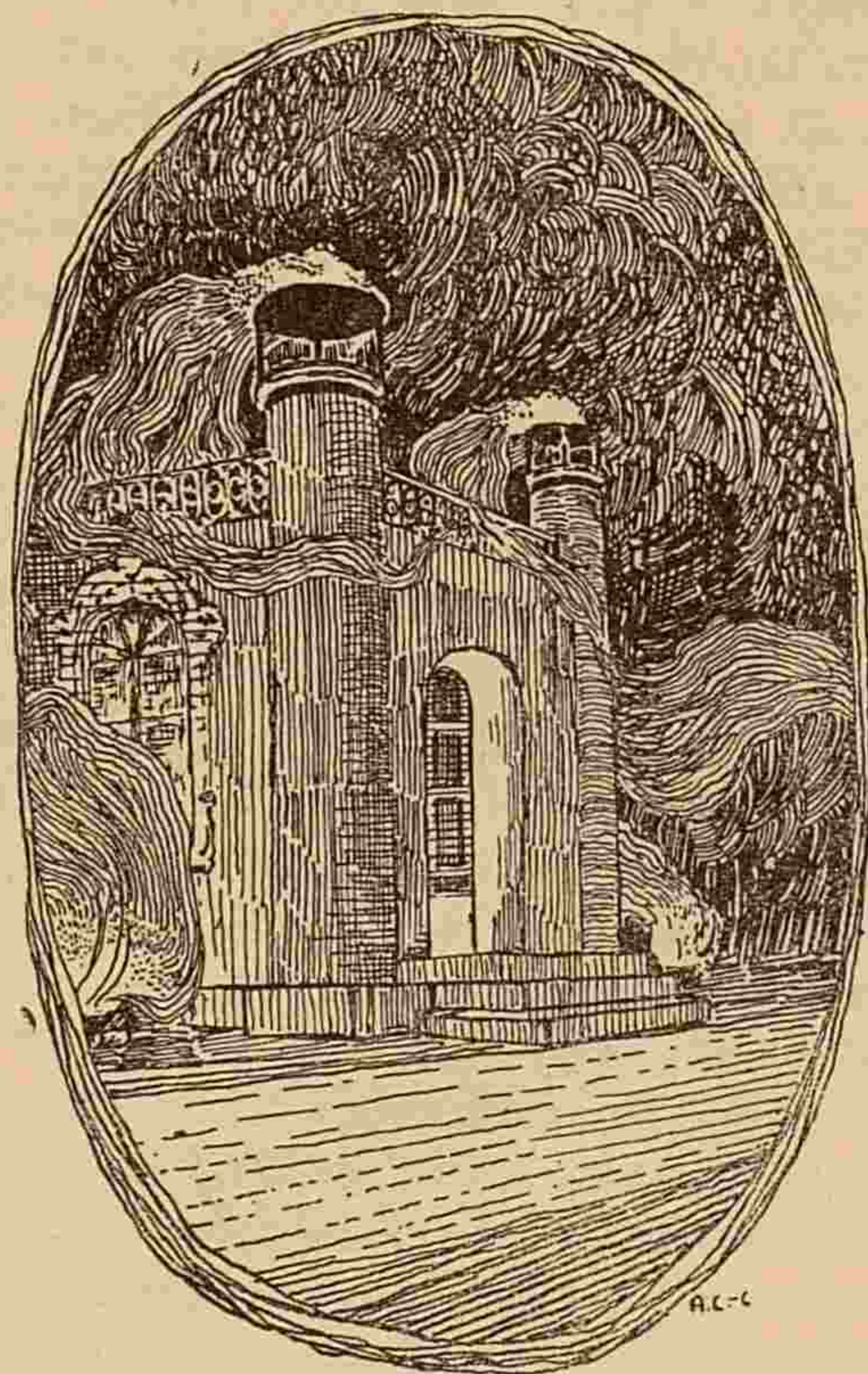
Къ донесенію, содержаніе котораго приведено нами вкратцѣ, Голицынъ приложилъ письмо княжны къ Екатеринѣ, гдѣ плѣнница просила—но тономъ лица, требующаго принадлежащаго ему по праву и скорѣе способнаго оказать милость, чѣмъ получить ее—свиданія съ императрицей. Княжна писала: „Я могу доставить вашему государству большія преимущества. Я уже доказала это. Мнѣ надо для этого только получить возможность уничтожить всѣ росказы, которыя пустили про меня“. Письмо подписано: „Елизавета“.—Вотъ такъ продувная негодяйка! воскликнула Екатерина, прочтя записку.—Дерзость письма превышаетъ всякаго ожиданія. Я начинаю думать, что она сумасшедшая,—Голицыну было приказано добиться отъ узницы болѣе искренняго, серьезнаго признанія. Всѣмъ было извѣстно, что она авантюристка. Слѣдовательно, самое лучшее для нея было бы вступить на путь признаній, начавъ съ указанія на того, кто научилъ ее всей этой комедіи. Но признанія не послѣдовало; императрица рѣшилась, не ожидая его, сама навести справки и вынесла изъ нихъ убѣжденіе, что самозванка дочь пражскаго трактирщика. Екатерина говорила, что это она узнала отъ Гёнинга, англійскаго посла. Изъ депешъ же послѣдняго въ англійское министерство иностранныхъ дѣлъ видно, что онъ самъ былъ хуже освѣдомленъ. Однако, онъ заявилъ о своей увѣренности, что эта особа комедіантка, къ тому же еще плохо знающая свою роль. Впрочемъ, онъ вообще относился ко всему этому дѣлу довольно равнодушно.

Черезъ мѣсяць, изъ вторичнаго донесенія Голицына видно, что онъ недалеко подвинулся впередъ. Когда узницѣ сказали о пражскомъ трактирщикѣ, она заявила, что, зная она, кто выдумалъ это, она выцарапала бы тому глаза. Допрошенный Доманскій тоже не могъ сообщить никакихъ вѣдѣній. Онъ высказывалъ готовность до конца жизни оставаться въ тюръ-

мѣ, лишь бы ему позволили жениться на молодой женщинѣ. Когда съ ней заговорили объ этомъ бракѣ, она сказала, что Доманскій сумасшедшій, не знающій даже иностранныхъ языковъ и для нея не бывшій никогда ничѣмъ другимъ, какъ слугой. Фельдмаршалъ тщетно истощилъ все средства, чтобы сломить упрямство самозванки, доходя даже до лишения ея пищи и многого необходимаго въ жизни. Люди, день и ночь сторожившіе заключенную, не могли подмѣтить ни минуты душевной слабости или утомленія ролью, которую она взяла на себя. Она снова пожелала написать императрицѣ, и тонъ записки—на этотъ разъ не подписанной—былъ гораздо скромнѣе. Она просила монархиню простить ей, если она оскорбила ее помимо воли, выслушать ее и быть ея судьей. Она прибавляла, что „положеніе ея способно заставить содрогнуться природу“.

Между тѣмъ грудная болѣзнь, замѣченная врачами въ самомъ началѣ дѣлала быстрые успѣхи. Къ больной привели священника. Когда онъ вздумалъ на исповѣди спрашивать умирающую о ея роли и приключеніяхъ, она отстранила его жестомъ и закончила свою жизнь, говоря: „Читайте отходную; больше вамъ здѣсь нечего дѣлать“.

Она умерла 4 декабря 1775 г. въ Петропавловской крѣпости. За нѣсколько времени передъ тѣмъ, Алексѣй Орловъ въ письмѣ предупредилъ императрицу о могущей возникнуть для него необходимости отказаться отъ командованія флотомъ въ виду негодованія, возбужденнаго противъ него въ Италіи увозомъ самозванки. Онъ говорилъ, что жизнь его не безопасна въ этой странѣ. Между тѣмъ въ письмѣ отъ 22 мая 1775 г., писанномъ рукой Екатерины выказывается полное одобреніе его образу дѣйствія. Мы не разъ уже имѣли случай замѣтить: вдова Петра III, вообще относилась снисходительно къ авантюристамъ; но только въ томъ случаѣ, если они не становились поперекъ ея собственной авантюры, грозя помѣшать ея успѣху, столь выгодному, какъ для нея самой, такъ и для Россіи.

A.C.-6

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ИНТИМНАЯ ЖИЗНЬ.
ВНѢШНІЙ ДЕКОРУМЪ.

АНАТОЛИИ СОНОВИЧЪ. 1874.

Г Л А В А I.

Фавориты *).

I. Первые преемники Григорія Орлова.—Солдаты, варваръ и теноръ.—Васильчиковъ, Зоричъ и Корсаковъ.—Политическая важность избранниковъ.—Реваншъ аристократической партіи.—Попытки воспитанія.—Библіотека фаворита.—II Прилежный ученикъ.—Екатерина въ должности секретаря.—Артистическіе вкусы красавца Ланского.—Его смерть.—Неутѣшная возлюбленная.—Угѣшенія.—Ермоловъ.—Вѣчная молодость.—III. Мамоновъ.—Торжество французскаго вліянія.—Безукоризненный придворный.—*Красный кафтанъ*.—Ревность фаворита.—Измѣна.—Драма въ Зимнемъ дворцѣ.—Дѣвица Щербатова.—Свадьба.—Раскаяніе измѣнника.—Вѣчная иллюзія.—Возвышеніе Зубова.

I.

Надѣюсь, никто не припишетъ мнѣ оскорбительнаго намѣренія внести въ эту главу какой-либо другой интересъ, кромѣ чисто историческаго, какого требовала вся моя работа. Я не могу вычеркнуть изъ исторіи Ека-

*) Барсуковъ, *Биографическія свѣдѣнія о Зоричѣ* въ „Аврорѣ“, 1871; Шубинскій, *Историческіе очерки*; Храповицкій, *Журналъ Политическая переписка* въ французскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ; *Корреспонденція Екатерины* въ Сборникѣ И. Р. И. О.; *Переписка Безбородко*, тамъ же XXVI; Русская Старина 1873 г. и „Русскій Архивъ 1873; *Документы* въ С. И. Р. И. О. XIX и въ Русск. Арх. 1872, 74, 80; Гаррисъ, *Diaries*; Kotzebue, *Réputation de Castéra*: Корсаковъ, *Свѣдѣнія о Зоричѣ*, въ I кн. Рус. Арх. 79 г. *Записки* Кастера, Долгорукаго, Энгельгардта; Гарновскаго, Массона, Мехэ-де-ла-Тушъ, Рибопьера, Вейкарта и т. д. Мещерскій, *Биографія Зорича*, Русск. Арх. 1879.

терины Григорія Орлова и его соперниковъ, точно такъ же, какъ невозможно вычеркнуть изъ исторіи Людовика XV мадамъ дю-Барри. Кромѣ того, скрыть существованіе этихъ фаворитовъ, значило бы идти прямо противъ желанія великой государыни, потому что ей самой никогда не приходило въ голову скрываться; напротивъ, она желала, чтобы ея избранниковъ видѣли и восхищались ими. Мы, конечно, до восхищенія не дойдемъ, но терять ихъ изъ виду, считая за незамѣтныя величины, значило бы завѣдомо искажать историческую истину: они слишкомъ велики, занимаютъ слишкомъ много мѣста; набрасывать на нихъ покрывало, какъ на постыдныя слабости нашего бѣднаго человѣчества, значило бы оскорблять самое Екатерину, низводя ихъ роль на ступень слишкомъ унижительную, какъ для нея, такъ и для нихъ. Въ письмѣ, писанномъ, въ 1775 г. императрицѣ, Сиверсъ, намекая о слухахъ, дававшихъ—уже такъ скоро!—преемника Потемкину, совершенно свободно высказываетъ пожеланія и надежды, которыя связываетъ съ выборомъ новаго фаворита. Онъ желалъ бы, чтобы послѣдній не имѣлъ никакого вліянія на дѣла правленія. А именно это никогда не было желаніемъ Екатерины. Она всегда стремилась къ тому, чтобы избранникъ ея сердца, или просто товарищъ удовольствій, принималъ какъ можно больше участія и даже игралъ первую роль не только въ ея жизни, но и въ странѣ, которой она предписывала законы. И мы уже видѣли выше, что нѣкоторые изъ этихъ избранниковъ играли роль, у которой нельзя отнять историческаго значенія. Это были наиболѣе выдающіеся. Надѣюсь, что и другіе окажутся тоже достаточно интересными.

Всѣ они далеко не на одно лицо. Съ перваго до послѣдняго, въ каждомъ, мы находимъ своеобразныя черты или, по крайней мѣрѣ, отбѣнки, представляющіе много любопытнаго, потому что они являются указателями соотвѣтствующаго измѣненія, если не въ направленіи мыслей и чувствъ, то, по крайней мѣрѣ во вкусахъ, наклонностяхъ, и привычкахъ Екатерины. И такимъ образомъ исторія фаворитовъ, сливаясь съ исторіей умственнаго и нравственнаго развитія необыкновенной женщины, спутниками которой были эти люди, прямо входитъ въ кругъ нашей задачи. Пренебрегая этими подробностями, мы отступили бы отъ нашего намѣренія взглянуть на прош-

лое съ психологической точки зрѣнія, представляющей. можетъ быть, самой интересной.

Вмѣстѣ съ Орловыми, Потемкиными и Зубовыми, о которыхъ мы говорили уже въ другой главѣ этой книги, мы оставимъ теперь въ сторонѣ и избранниковъ перваго времени: Чернышовыхъ, Салтыкова и Понятовскаго съ которыми читатель могъ познакомиться изъ другого нашего сочиненія, и которые, бывши близкими съ *великой княгиней*, не занимали при *императрицѣ* классическаго положенія *фаворитовъ*.

Послѣдніе, въ лицѣ Григорія Орлова, появляются на сценѣ только послѣ государственнаго переворота 1762 г. Списокъ преемниковъ Орлова длиненъ, и мы не имѣемъ притязанія исчерпать его: для нашей цѣли будетъ достаточно, если мы ограничимся краткими указаніями на главныхъ лицъ, значащихся въ этомъ списокѣ.

Перваго по времени, можно по просту назвать „первымъ встрѣчнымъ“.—Это человѣкъ, проходящій мимо, которому сдѣлали знакъ войти—солдаты, взятый изъ рядовъ.

„Кавалерійскій корнетъ, по фамиліи Васильчиковъ, случайно посланный съ порученіемъ въ Царское Село, привлекъ вниманіе государыни, совершенно неожиданно для всѣхъ, потому что въ его наружности не было ничего особеннаго, да и самъ онъ никогда ни старался выдвинуться и въ обществѣ очень мало извѣстенъ. Ея величество впервые оказала ему знакъ своей милости при переѣздѣ изъ Царскаго Села въ Петергофъ: она послала ему золотую шкатулку, жалуя ее ему за то, „что онъ сумѣлъ сохранить такой порядокъ среди своего эскадрона“... Никто не придалъ подарку особеннаго значенія; но частые визиты молодого человѣка въ Петергофъ, стараніе постоянно попадаться на глаза императрицѣ, предпочтеніе, оказываемое ею ему среди толпы, большая свобода и веселость въ обращеніи послѣ отъѣзда бывшаго фаворита, досада и неудовольствіе родственниковъ и друзей послѣдняго и, вообще, тысяча мелочей—все открыло глаза окружающимъ придворнымъ“ *).

---

*) Дипломатическая переписка (Арх. Иностр. дѣлъ).

Этими словами баронъ Сольмсъ сообщаетъ 3 іюля 1772 г. Фридриху II великую новость. Черезъ мѣсяць, онъ пишетъ опять:

„Я видѣлъ этого, Васильчикова и узналъ его, такъ какъ раньше мы часто встрѣчались при дворѣ, гдѣ онъ не выдѣлялся изъ толпы. Это человѣкъ средняго роста, лѣтъ двадцати восьми, смуглый и довольно красивый. Онъ всегда былъ очень вѣжливъ со всѣми, держалъ себя тихо, застѣнчиво, что сохранилось въ немъ и до сихъ поръ. Онъ какъ бы стѣсняется ролью, которую играетъ... Большинство состоящихъ при дворѣ относятся къ этому дѣлу неодобрительно. Среди всѣхъ—среди родственниковъ графа Орлова и друзей, камердинеровъ и камерфрау императрицы—большой переполохъ. Они ходятъ какъ въ воду опущенные, задумчивые, хмурые. Всѣ свыклись съ графомъ Орловымъ—онъ имъ покровительствовалъ, ласкалъ ихъ. Васильчикова никто не знаетъ; неизвѣстно еще, будетъ ли онъ имѣть значеніе, подобно своему предшественнику, а также, въ чью пользу онъ его употребитъ. Императрица пребываетъ въ наилучшемъ расположеніи духа, весела и довольна, у нея на умѣ только празднества и увеселенія“.

Екатеринѣ въ это время было сорокъ три года, а Григорій Орловъ, какъ мы видимъ, находился въ Молдавіи и не подозрѣвалъ ничего. Даже дипломатическій корпусъ раздѣлялъ всеобщее неодобреніе къ появленію новаго фаворита, на что императрица, повидимому, обращала очень мало вниманія. Англійскій посоль Гѣннингъ рѣзко осуждалъ этотъ новый капризъ царицы, считая, что онъ налагаетъ пятно на личность, возбуждающую во всѣхъ другихъ отношеніяхъ такое справедливое восхищеніе. Кромѣ того, подготовленный Паниными и поддерживаемый Барятинскимъ, этотъ маленькій придворный переворотъ, при всей незначительности главнаго дѣйствующаго лица, имѣлъ политическое значеніе: это была месть аристократической партіи, которую такъ долго раздражала близость къ императрицѣ выскочки Орлова.

Потомки древнихъ бояръ, родственники Толстыхъ, Васильчиковы были знатнаго происхожденія: въ 1575 г. одна изъ царицъ принадлежала къ ихъ роду. Но торжество оказалось непрочнымъ и кратковременнымъ:

мѣсто, которое занималъ красавецъ Григорій Орловъ и его четыре брата, было слишкомъ велико, чтобъ его могъ заполнить одинъ выдвинувшійся человѣкъ. Онъ только промелькнулъ, пролагая дорогу для другого преемника, болѣе подходящаго по своей фигурѣ. Когда появился Потемкинъ, Васильчиковъ исчезъ. *Saltavit et placuit* *). Щедро одаренный, онъ женился и, повидимому, былъ счастливъ съ женой.

Въ 1776 г. Панинъ—на этотъ разъ въ общничествѣ съ Орловымъ—пользуясь неосторожностью Потемкина, уѣхавшаго на нѣсколько недѣль изъ Петербурга,—сумѣлъ доставить торжество новому кандидату, совершенно иного типа. Малороссъ по происхожденію, начавшій свое поприще суфлеромъ въ дворцовомъ театрѣ, бывшій затѣмъ начальникомъ секретной канцеляріи фельдмаршала Румянцева и губернаторомъ Малороссіи, Заводскій слылъ чиновникомъ умнымъ, образованнымъ, дѣльнымъ. И благодаря послѣднему качеству, онъ былъ особенно опасенъ завоевателю Крыма. Послѣднему понадобился цѣлый годъ, чтобы отдѣлаться отъ соперника, такимъ образомъ выдвинутаго противъ него. Ему удалось достигнуть этого, открывъ Зорича.

Это былъ единственный иностранецъ среди избранниковъ императрицы. Да и то онъ происхожденія славянскаго—сербъ или хорватъ. Рассказываютъ, будто предлагали занять—не скажу завидное, но возбуждавшее сильную зависть—положеніе одному курляндцу, Мантейфелю, но онъ отказался.

Екатерина, повидимому, вообще сознательно и благоразумно останавливала свой выборъ исключительно на русскихъ. Вѣроятно, въ давномъ случаѣ на нее вліяло воспоминаніе, оставленное Биронами. Сынъ генералъ-поручика, поступившаго на русскую службу, и самъ служившій поручикомъ въ Семилѣтнюю войну и маіоромъ въ первую Турецкую войну, Зоричъ былъ уже человѣкомъ зрѣлаго возраста. Екатерина, только позднѣе стала брать своихъ избранниковъ чуть не со школьной скамьи. Впрочемъ, несмотря на многое перенесенное имъ, на нѣсколько лѣтъ плѣна у турокъ и

*) Выскочилъ и успокоился.

каторги въ Константинополѣ, Зоричъ въ сорокъ лѣтъ былъ—по свидѣтельству современниковъ—красавцемъ, полнымъ мужественной силы. Мехъ де-ла-Тушъ, видѣвшій его десять лѣтъ спустя въ изгнаніи, говоритъ о немъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Это человѣкъ роста пяти футовъ, шести дюймовъ, красавецъ писанный. Мнѣ кажется ему подъ пятьдесятъ; но глаза у него еще чудесные и манеры обворожительныя. Хотя онъ не глупъ отъ природы, но разговоръ его не особенно интересенъ... Онъ часто повторяетъ, что прежде былъ неучемъ, и что покровительница его сдѣлала изъ него совершенно иного человѣка. Онъ много говорилъ мнѣ о времени своего фавора и со слезами на глазахъ рассказывалъ о знакахъ вниманія, которыми его осыпала его покровительница“.

Онъ былъ дѣйствительно неучъ, котораго Екатерина старалась отесать, прилагая къ нему первые попытки болѣе широкихъ воспитательныхъ опытовъ, гдѣ находили себѣ примѣненіе литературные и научные вкусы и инстинктъ материнства, остававшійся безъ удовлетворенія. Зоричъ былъ недостаточно молодъ и покоренъ, чтобы вполне поддаться вліянію. И къ несчастью для него, его гордость возрастала неравномѣрно съ развитіемъ ума и пріобрѣтенныхъ знаній.

Получивъ въ 1778 г. титулъ графа, онъ не сталъ имъ называться, считая его недостойнымъ своего положенія. Онъ желалъ быть княземъ, какъ Орловъ и Потемкинъ. Этого оказалось достаточнымъ, чтобы послѣдній началъ искать новаго замѣстителя для должности, пробуждавшей безграничное честолюбіе. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, причемъ избранными были: сначала одинъ персъ, одаренный необыкновенными физическими качествами—мы уже видѣли, что въ свитѣ великолѣпнаго надзирателя за екатерининскимъ сералемъ всегда находились южане,—потомъ полицеймейстеръ Архаровъ и Завадовскій. Наконецъ, за неимѣніемъ ничего лучшаго, выборъ остановился на простомъ гусарскомъ сержантѣ, по фамиліи Корсакъ.

Зоричъ, правда, не уступилъ своего мѣста совершенно безъ сопротивленія. Онъ заявилъ, что обрѣжетъ уши всякому гусару, который взду-

малъ бы спихнуть его. Онъ даже дошелъ до того, что вызвалъ на дуэль своего бывшего покровителя; но Потемкинъ отказался драться, и сама Екатерина принуждена была вмѣшаться. Это ускорило окончательную отставку серба. Его фаворъ продолжался годъ (1777—78). Онъ удалился, получивъ около четырехъ тысячъ доходу и имѣніе Шкловъ въ Бѣлоруссіи, приносившее еще вдвое больше. И опять Польшѣ пришлось выплачивать эту пенсію. Проживъ нѣсколько лѣтъ за границей, Зоричъ окончательно поселился въ своемъ помѣстьѣ, представлявшемъ изъ себя цѣлое княжество. Онъ жилъ тамъ почти какъ владѣтельное лицо, окруженный многочисленнымъ дворомъ, стоившимъ ему не мало, такъ же какъ содержаніе театра въ которомъ исполнялись французскія оперы и итальянскіе балеты. Зоричъ основалъ въ Шкловѣ извѣстный кадетскій корпусъ, гдѣ двѣсти молодыхъ людей воспитывались на его счетъ. Однако, это учебное заведеніе часто очень нуждалось, такъ какъ эксъ-фаворитъ отчаянно сорилъ деньгами. Въ одну ночь, напр., онъ проигралъ пятьдесятъ тысячъ рублей.

Бдучи въ 1780 г. въ Могилевъ на встрѣчу Іосифу II, Екатерина остановилась въ Шкловѣ. Чтобы принять ее, Зоричъ перестроилъ до основанія свой великолѣпный дворецъ, и—знакъ деликатнаго вниманія!—спальня Екатерины представляла изъ себя точную копию со спальни въ Зимнемъ дворцѣ, воспоминаніе о которой запечатлѣлось въ памяти Зорича.

Неизвѣстно только, довелъ ли онъ воспроизведеніе картины до конца, принявъ любезнымъ хозяиномъ свою державную гостью въ этой комнатѣ... Но одинъ саксонскій фарфоръ стоилъ ему шестьдесятъ тысячъ. Чтобы наказать фаворита за то, что онъ не купилъ фарфора въ Берлинѣ, Фридрихъ заставилъ его заплатить двойную пошлину за провозъ по его государству—и ввозную, и вывозную.

Въ 1783 г. владѣлецъ Шклова все болѣе и болѣе запутывавшій свои денежныя дѣла, былъ заподозрѣнъ въ поддѣлкѣ ассигнацій, фабрику которыхъ нашли въ окрестностяхъ его мѣста жительства. Ему удалось оправдаться, и даже, послѣ смерти Екатерины, онъ снова появлялся при дворѣ до самой своей смерти въ 1799 г.

Изъ числа упомянутыхъ лицъ, Зоричъ являлся олицетвореніемъ му-

жественной красоты. Корсакъ же очаровалъ императрицу своимъ теноромъ. Въ письмѣ къ Гримму 7 мая 1779 г. Екатерина выражала увѣренность, что онъ прослезился бы, услыхавъ пѣніе Корсака, такъ же, какъ прослезился, слушая Габриелли, знаменитую примадонну, дочь повара князя Габриелли, имя котораго она себѣ присвоила, объѣзжая европейскія столпцы, въ томъ числѣ Петербургъ, гдѣ ея рулады, а также связь съ однимъ высокопоставленнымъ лицомъ, сенаторомъ Елагинымъ—тѣмъ самымъ, который имѣлъ неудачу оказать гостепріимство Калиостро—оставили неизгладимое воспоминаніе. Царствованіе новаго фаворита составляетъ эпоху въ лѣтописяхъ русской музыки. На берега Невы приглашались первые артисты Италіи, чтобы пѣть съ нимъ: вдохновенная поэтическая импровизація знаменитой Кориеллы Олимпикки, пріятельницы Алексѣя Орлова, сливалась съ мелодическимъ голосомъ красавца-пѣвца. На долю скрипача Надяни, пользовавшагося большою извѣстностью во Франціи, гдѣ онъ умеръ въ 1799 г., выпала честь аккомпанировать Корсакову, и Екатерина снова писала своему наперснику: „Мы теперь, всецѣло поглощены искусствомъ, музыкой, науками... Никогда я не встрѣчала никого столь способнаго наслаждаться гармоническими звуками, какъ Пирра—короля Эпирскаго“.

Пирръ, король Эпирскій—это Корсакъ, или Корсаковъ, какъ его уже звали тогда. Екатерина всегда любила давать прозванія, смыслъ которыхъ, большею частью трудно объяснить теперь. Нѣтъ никакой видимой черты, которая сближала бы преемника Зорича съ знаменитымъ завоевателемъ Македоніи. Настоящая фамилія фаворита была, повидимому, Корсакъ—фамилія очень древней польской семьи, имѣющей еще и теперь почтенныхъ представителей, но никогда не претендовавшей на особенную знатность. Послѣ возвышенія фаворита, для фамиліи его, передѣланной на русскій ладъ посредствомъ окончанія *овъ*, была сочинена генеалогія, начинавшаяся словами: „Не заглядывая дальше, начнемъ съ Геркулеса“... Въ Россіи, правда, уже въ то время существовали Корсаковы; но они не имѣли ничего общаго съ возлюбленнымъ прекрасной Омфалы, или Екатерины. Въ исторіи, во всякомъ случаѣ, извѣстенъ одинъ Корсаковъ—вице-губернаторъ одной изъ провинцій, приговоренный въ 1715 г. къ наказа-

нію кнутомъ за проступокъ частнаго характера. Но онъ не значился родственникомъ фаворита.

Назначенный адъютантомъ, получившій орденъ Бѣлаго орла, чинъ камергера и осыпанный почестями и подарками, Корсакъ, или Корсаковъ, старался оправдать эти щедроты: уже будучи артистомъ, онъ пожелалъ сдѣлаться ученымъ. Одному книгопродавцу было поручено устроить ему бібліотеку.

— Какія книги угодно имѣть вашему превосходительству?

— Ну, знаете: большіе тома внизу, а маленькія книжки наверху — какъ у ея величества.

Какъ видно, молодому красавцу ученье шло въ прокъ, и вечера, проводимые съ глазу на глазъ съ императрицей среди драгоценныхъ коллекцій Эрмитажа, не были потеряннымъ временемъ. Къ несчастью, здоровье у него оказалось плохое, и онъ началъ кашлять кровью; сердце тоже было слабое: однажды императрица застала его въ объятіяхъ своего близкаго друга, г-жи Брюсъ, также увѣрявшей, что любитъ артистовъ. Некстати отворишаяся дверь открыла Екатеринѣ такую общность вкусовъ. Подозрѣвали, что Потемкинъ не былъ совершенно чуждъ всей этой исторіи. Можетъ быть онъ нашелъ такимъ образомъ случай сыграть штуку съ своимъ вѣчнымъ врагомъ, фельдмаршаломъ Румянцевымъ, братомъ графини Брюсъ, а, можетъ быть, онъ просто рѣшилъ, что фаворъ продолжался достаточно долго. Продолжался же онъ годъ и три мѣсяца и стоилъ Екатеринѣ около милліона рублей: даже современные тенора не цѣнятся такъ дорого. Графиня Брюсъ была удалена на нѣкоторое время въ Москву, куда за ней послѣдовалъ и отставной фаворитъ, и гдѣ онъ прожилъ спокойно до преклонныхъ лѣтъ. Екатерина всегда относилась со вниманіемъ къ предметамъ своихъ бывшихъ слабостей, находя, вѣроятно, что это лучшій способъ, чтобъ другіе относились такъ же къ новымъ.

II.

„Никогда ужъ не ожидала, чтобъ мое письмо къ естествоиспытателю попало въ число образцовыхъ произведеній. Правда, генералъ Ланской говорилъ мнѣ, что оно прелестно; но вѣдь молодой человекъ, какъ бы тактиченъ онъ ни былъ, легко увлекается, а особенно, если имѣетъ такую горячую душу, какъ онъ. Чтобы вы могли составить себѣ понятіе объ этомъ молодомъ человекѣ, надо вамъ передать, что сказалъ о немъ князь Орловъ одному изъ своихъ друзей: „Увидите, какого человека она изъ него сдѣлаетъ“!... Онъ все поглащаетъ съ жадностью! Онъ началъ съ того, что проглотилъ всѣхъ поэтовъ съ ихъ поэмами въ одну зиму; а въ другую—нѣсколькихъ историковъ. Романы намъ прискучили, и мы пристрастились къ Альгаротти*) съ братією. Не изучая ничего, мы будемъ имѣть безчисленныя познанія и находить удовольствіе въ общеніи со всѣмъ, что есть самаго лучшаго и просвѣщеннаго. Кромѣ того, мы строимъ и сажаемъ; къ тому же мы благотворительны, веселы, честны и исполнены кротости“.

Эти строки, гдѣ видна манера Екатерины писать, а также и стиль ея эпистолярныхъ разговоровъ съ Гриммомъ, относятся къ іюню 1782 г., и онѣ намекаютъ на письмо, незадолго передъ тѣмъ посланное ею Бюффону. Екатерина отдаетъ своему довѣренному отчетъ объ успѣхахъ, уже оказанныхъ новымъ избраннымъ ею воспитанникомъ. Онъ, повидимому, подавалъ наилучшія надежды. Въ книгѣ, гдѣ Коцебу взялъ на себя защиту—довольно неловкую—Екатерины и окружавшихъ ее противъ отвратительнаго сочиненія Массона, онъ относится несправедливо къ молодому чело-

*) Альгаротти итальянскій философъ, пользовавшійся особеннымъ уваженіемъ Фридриха Великаго. Онъ писалъ также о пластическихъ искусствахъ.

вѣку, говоря: „Г. Ланской самый невѣжественный изъ придворныхъ Екатерины, и сама императрица крася́ла, когда онъ заговаривалъ съ нею“. Надо разобраться въ этомъ. Двадцатидвухлѣтній фаворитъ былъ, безъ сомнѣнiя, ни болѣе, ни менѣе невѣжественъ, чѣмъ большинство кавалергардовъ, его товарищей. Но Чернышovy и Орловы уже отучили Екатерину двадцать лѣтъ тому назадъ отъ чрезчуръ большой требовательности въ этомъ отношенiи, и ея дворъ никогда не имѣлъ претензiи считаться центромъ образованности.

Ланской, происходившiй изъ мелкопомѣстной дворянской семьи, получилъ, вѣроятно, воспитанiе такое же, какъ большинство окружавшихъ Екатерину: умѣлъ съ грѣхомъ пополамъ читать и писать по-русски и могъ сказать нѣсколько словъ по-французски. Когда Екатеринѣ вздумалось, въ 1784 г. посоветовать ему вступить въ переписку съ ея западными друзьями-литераторами, ей пришлось исполнять должность секретаря. Письма фаворита къ Гримму, относящiяся къ этому времени, всѣ, съ перваго до послѣдняго слова, написаны рукой императрицы. Они, конечно, отъ этого ничего не теряютъ.

Вотъ образцы:

„Видите, милостивый государь“—рѣчь идетъ отъ имени Ланского,— „какимъ я пользуюсь секретаремъ; онъ утверждаетъ, что мой глупъ, какъ плошка; мнѣ же думается, что профессиональная зависть заставляетъ такъ говорить людей. Я буду очень доволенъ настоящимъ, если онъ будетъ писать не свои мысли, а мои“.

Въ слѣдующемъ письмѣ фаворитъ сообщаетъ „страстотерпцу“ о посылкѣ пятидесяти тысячъ рублей на покупку собранiя картинъ у графа Бодуэна и прибавляетъ при томъ:

„Если бы понадобилось больше, то слѣдуемое будетъ выслано, лишь только вѣсть объ этомъ дойдетъ до вашего покорнаго слуги или до его секретаря, имя котораго, такъ же какъ почеркъ, — по его увѣренiю— вамъ извѣстны. Этотъ секретарь, какъ вы знаете, личность очень добрая и мягкая, и я очень радъ мимоходомъ похвалить его, тѣмъ болѣе, что онъ довольно точно исполняетъ свою обязанность—усерденъ, расторопенъ,

весель, вообще добрый малый;—служить мнѣ безвозмездно своимъ перомъ и часто совѣтомъ, больше чѣмъ мнѣ надо. Онъ мнѣ говоритъ, что вы находите его забавнымъ оригиналомъ“.

Одно только письмо, помѣченное 31 мая 1784 г., писано рукой самого Ланского. Оно очень правильно написано, но коротко и не имѣетъ значенія: это сочиненіе прилежнаго ученика. И дѣйствительно, послѣ его смерти Екатерина писала: „Онъ старательно учился и дѣлалъ большіе успѣхи“. Ланской бралъ уроки у нѣкоего шевалье де-Серръ, съ которымъ былъ знакомъ еще до своего возвышенія. Этотъ шевалье рассказывалъ часто, что до того, какъ сдѣлаться первымъ русскимъ вельможей, Ланской имѣлъ всего пять рубашекъ. Однажды ночью, не имѣя пріюта, кавалергардъ явился къ шевалье, просясь переночевать. Де-Серръ положилъ его на полу возлѣ своей кровати въ своей скромной комнатѣ эмигранта, еще не успѣвшаго пристроиться. Нѣсколько недѣль спустя, занимая великолѣпныя апартаменты, предназначенныя для избранниковъ, Ланской пригласилъ своего гостепріимнаго пріятели, принялъ его очень любезно, угостилъ ужиномъ и, выразивъ желаніе оставить его ночевать у себя, улегся на постель, приглашая гостя послѣдовать его примѣру, расположившись—на полу. Де-Серру пришлось покориться; но врядъ ли ему снились пріятныя сны*).

Не довольствуясь изученіемъ французскаго языка, фаворитъ, очевидно, старался заинтересоваться произведеніями искусства, которыми Екатерина любила окружать себя.

„Онъ чуть было не упалъ въ обморокъ“—если вѣрить словамъ Екатерины,—„узнавъ, что Гриммъ пропустилъ случай купить для него драгоценную коллекцію древнихъ камней“ (**). Повидимому, это былъ молодой человѣкъ заурядный, но пріятный въ обращеніи. Открытый и указанный Екатеринѣ все тѣмъ же Потемкинымъ, онъ имѣлъ въ глазахъ послѣдняго то преимущество, что не предъявлялъ требованій сверхъ получаемаго

---

*) Записки Вейкарта.

***) Письмо къ Гримму.

по своему положенію. Безпечный отъ природы, онъ даже у Екатерины отнималъ охоту къ честолюбивымъ планамъ, имѣвшимся у нея въ виду для него. Лѣнь, а, можетъ быть, здравый смыслъ, мѣшали ему принимать какое либо участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Его возлюбленной приходилось довольствоваться для него внѣшнимъ блескомъ чисто декоративныхъ должностей. Онъ—подобно своимъ предшественникамъ—получилъ чинъ генерала, камергера, шефа кирасирскаго полка и орденъ Полярной звѣзды. Екатерина поручила Храповицкому, справиться, не найдется ли чего о предкахъ Ланскаго въ извѣстной *Бархатной книгѣ*, заключающей въ себѣ, генеалогію дворянскихъ родовъ. Но тамъ ничего не оказалось. Деньгами, дворцами, землями и брилліантами императрица передавала Ланскому огромную сумму въ семь милліоновъ рублей. Въ этомъ отношеніи отказа съ его стороны не бывало. У молодого красавца были свои недостатки. Онъ очень любилъ деньги и не прочь былъ выпить. Въ современныхъ запискахъ сохранился рецептъ придуманнаго имъ пунша, которымъ онъ часто злоупотреблялъ: смѣсь токайскаго вина, рома и анаваснаго сока. Кромѣ того у фаворита была очень непріятная семья—ужасные братья, о которыхъ Екатерина часто упоминаетъ въ своихъ письмахъ къ Гримму, относящихся къ этой эпохѣ. Императрица отправила ихъ въ заграничное путешествіе и наблюдала, чтобъ они не слишкомъ безобразничали въ чужихъ краяхъ; самъ-же фаворитъ, отличавшійся полной безпечностью въ этомъ отношеніи и вовсе не склонный къ непотизму, не заботился о нихъ ни крошки. Тяжесть падала главнымъ образомъ на плечи „козла отпущенія“ императрицы; и ему приходилось очень трудно.

Въ 1782 г. онъ долженъ былъ обратиться къ вмѣшательству французскихъ властей, чтобы арестовать въ Баръ-ле-Дюкъ одного изъ злоплучныхъ братьевъ и посадить его въ тюрьму, съ цѣлью разлучить съ одной женщиной, съ которой онъ спутался. Въ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ сохранились слѣды этого романа.

Въ 1784 г. фаворъ Ланскаго продолжался уже четыре года, и вопреки всѣмъ предсказаніямъ, повидимому, не приближался къ концу. Потемкинъ былъ доволенъ имъ, а Екатерина боготворила молодого человѣка.

Но ужасная болѣзнь сломила это прекрасное тѣло: скарлатина, осложнившаяся жабой, оказалась гибельной для этого истощеннаго организма, уже давно поддерживаемаго искусственными возбуждающими средствами. Въ мемуарахъ доктора Вейкарта, одного изъ лѣчившихъ Ланского, есть въ этомъ отношеніи указанія весьма назидательныя при всей ихъ беспощадности. Но, можетъ быть, докторъ мститъ такимъ образомъ за то, что ему приходилось переносить отъ больного. Ланской смѣялся надъ его круглой спиной, увѣрялъ, что не можетъ выносить его огромнаго носа, и подшучивалъ надъ его лѣкарствами. Сидя на постели своего возлюбленнаго, императрица забавлялась этими капризами. Что касается медицины, мы знаемъ, что Екатерина была скорѣе ученицей Мольера, чѣмъ Вольтера. Она рѣшительно не вѣрила въ возможность серьезной опасности для здоровья, которое считала такимъ крѣпкимъ. „Вы не знаете, какая у него здоровая натура“, говорила она Вейкарту. Нѣмецъ качалъ головой, раздумывая про себя, что шпанскія мухи, конечно, представляютъ изъ себя силу природы, но силу разрушающую. Отстраняя лѣченіе Вейкарта, Ланской принимала уходъ своего обыкновеннаго врача—русскаго, Соболевскаго, и вѣчно пьянаго камердинера, втихомолку приносившаго ему вино цѣлыми стаканами. У него было сильное воспаленіе горла, а онъ не позволялъ прикоснуться къ себѣ. Болѣзнь усиливалась и перешла на другую часть тѣла—на руку. Ланской немедленно призвалъ хирурга и позволилъ прикладывать себѣ *бълила*, говоря, что на этотъ разъ вся его будущность поставлена на карту. По крайней мѣрѣ, такъ рассказываетъ Вейкартъ *).

25 іюня 1784 г. жаба задушила Ланского. Мы уже рассказывали о горѣ Екатерины. Даже Александръ Воронцовъ, котораго уже никакъ нельзя заподозрить въ пристрастіи къ императрицѣ, и который всегда склоненъ былъ видѣть въ ея дѣйствіяхъ много напускнаго, на этотъ разъ выражалъ боязнь, что она не переживетъ постигнаго ее удара. Французскій уполномоченный въ дѣлахъ, Кайяръ пишетъ 13 іюля. „Всѣ дѣла стали со времени смерти Ланского; въ настоящее время всѣ заняты толь-

---

*) Записки Вейкарта.

ко одной императрицей, здоровье которой вначалѣ внушало большія опасенія“. Два мѣсяца спустя, императрица принимала своихъ министровъ только изрѣдка, чтобъ спросить у нихъ „ласково и грустно“ все ли обстоятъ благополучно. Послѣ того она отпускала ихъ и запиралась у себя въ комнатѣ съ Кушелевой, сестрой умершаго фаворита. Эта госпожа считалась очень ограниченной и относилась довольно равнодушно къ брату, платившему ей тѣмъ же; но она легко плакала. Лишь только она видѣла императрицу, какъ заливалась слезами; государыня слѣдовала ея примѣру, и цѣлые дни, проходили въ такихъ грустныхъ бесѣдахъ. Впрочемъ, въ своей корреспонденціи съ Гриммомъ, не прерывавшейся даже въ это время, Екатерина писала:

„Не думайте, чтобъ при всемъ ужасѣ моего положенія я пренебрегла хотя бы послѣдней малостью, требовавшей моего вниманія. Дѣла идутъ своимъ чередомъ; но я, наслаждавшаяся такимъ большимъ личнымъ счастьемъ, теперь лишилась его. Утопаю въ слезахъ и въ писаніи, и это все... Если хотите узнать въ точности мое состояніе, то скажу вамъ, что вотъ уже три мѣсяца, какъ я не могу утѣшиться послѣ моей вознаградимой утраты. Единственная перемена къ лучшему состоитъ въ томъ, что я начинаю привыкать къ человѣческимъ лицамъ, но сердце также истекаетъ кровью, какъ и въ первую минуту. Долгъ свой исполняю и стараюсь исполнять хорошо; но скорбь моя велика; такой я еще никогда не испытала въ жизни; вотъ уже три мѣсяца, что я въ этомъ ужасномъ состояніи и страдаю адски“.

Не надо забывать, что Екатеринѣ уже было пятьдесятъ пять лѣтъ. Не прошло тридцати лѣтъ, послѣ того, какъ въ минуту менѣе тяжелой разлуки она писала Захару Чернышову;

„Первый день, какъ будто ждала васъ, такъ вы пріучили меня видѣть васъ; на другой находилась въ задумчивости и избѣгала общества; на третій смертельно скучала; на четвертый аппетитъ и сонъ покинули меня; все мнѣ стало противно: народъ и прочее... на пятый полились слезы... Надо ли послѣ того называть вещи по имени? Ну вотъ: я васъ люблю!“

А наканунѣ веселаго дня, когда предстояло снова свидѣться:

„Какой день для меня завтрашній! Окажется ли онъ такимъ, какимъ я желала бы? Нѣтъ, никогда тебя не будутъ любить такъ, какъ я люблю. Въ безпокойствѣ беру книгу и хочу читать: на каждой строкѣ ты меня прерываешь; бросаю книгу, ложусь на диванъ, хочу уснуть, да развѣ это возможно? Пролежавши два часа, не сомкнула глазъ; наконецъ, немного успокоилась потому, что пишу тебѣ. Хочется снять повязку съ руки, чтобъ снова пустить себѣ кровь, можетъ быть это развлечетъ меня *).

Наконецъ, около половины октября, вернулся Потемкинъ, находившійся въ отсутствіи по дѣламъ въ южныхъ провинціяхъ и получившій письмо съ просьбой ускорить свое возвращеніе. Онъ убѣдилъ императрицу уѣхать изъ уединеннаго Царскаго, гдѣ она продолжала жить, несмотря на наступившую холодную осень. Однако, по ея возвращеніи въ Петербургъ можно видѣть перемѣну, совершившуюся въ ея привычкахъ и необыкновенную для нея неспособность разобраться въ своихъ поступкахъ. Не предупредивъ никого, она приказала подать экипажъ, какъ для прогулки, и прибыла совершенно неожиданно въ Зимній дворецъ, гдѣ всѣ двери оказались запертыми и не было никого, чтобы принять ее. Она отправилась въ Эрмитажъ, гдѣ также все было на замкѣ и не оказалось ни души; велѣла выбить дверь и легла спать; но проспавшись въ часъ ночи, приказала стрѣлять изъ пушекъ, чѣмъ обыкновенно возвѣщался ея пріѣздъ, и переполошила весь городъ, встревоженный ночной пальбой. Весь гарнизонъ поднялся на ноги, всѣ придворные перепугались, и даже она сама удивилась, что произвела такую суматоху. Но черезъ нѣсколько дней, давъ аудіенцію дипломатическому корпусу, она появилась съ своимъ обычнымъ лицомъ, спокойная, здоровая и свѣжая, какъ до катастрофы, привѣтливая и улыбающаяся, какъ всегда.

Скоро жизнь опять вошла въ свою колею, а вѣчно влюбленная вернулась къ жизни. На памятникѣ царкосельскаго кладбища небрежно

---

*) Эти письма были напечатаны въ Марселѣ въ 1878 г. въ брошюрѣ, поступившей въ продажу. Я обязанъ сообщеніемъ ихъ любезности ученаго русскаго бібліофила, жившаго въ Парижѣ, г. Онѣгина. Потомъ письма были напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ безъ обозначенія происхожденія.

составленная и выгравированная надпись даже не указывала въ точности дня смерти человѣка, еще недавно такъ любимаго и оплакиваемаго! Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, и неутѣшная возлюбленная, разсуждая съ Гриммомъ о своей печали, высказывала уже совершенно неожиданное самообладаніе: „Я всегда говорила, что этотъ магнетизмъ, не излѣчивающій никого, также никого и не убиваетъ“. Еще мѣсяць спустя, печаль исчезла: „На душѣ у меня стало опять спокойно и ясно“, пишетъ Екатерина, „потому что съ помощью друзей мы сдѣлали усиліе надъ собой. Мы дебютировали комедію, которую всѣ нашли прелестной; и это показываетъ возвращеніе веселости и душевной бодрости. Односложныя слова изгнаны, и“—здѣсь объясняется главная причина возвращенія къ веселію и развлеченіямъ прежнихъ временъ,—„я не могу пожаловаться на отсутствіе вокругъ себя людей, преданность и заботы которыхъ не способны были бы развлечь меня и придать мнѣ новыя силы; но потребовалось не мало времени, чтобъ привыкнуть ко всему этому и втянуться“.

Потребовалось не мало времени! Десять мѣсяцевъ день въ день, судя по числу, которымъ помѣчено это письмо, оканчивающееся такимъ признаніемъ: „Скажу однимъ словомъ, вмѣсто ста, что у меня есть другъ очень способный и достойный этого названія“.

„Очень способный“—ей можно повѣрить на слово. Фамилія его была Ермоловъ, и онъ оказался пріятнымъ собесѣдникомъ. Слѣдующее лѣто было однимъ изъ самыхъ веселыхъ въ жизни Екатерины: одно шумное удовольствіе смѣнялось другимъ. Однако въ подвижномъ созвѣздіи, гдѣ только что погасъ Ланской и скоро долженъ былъ возсіять Мамоновъ, новый возлюбленный является только звѣздой второй величины, блѣдной и тусклой. Очевидно, что послѣ тяжелаго потрясенія, перенесеннаго ею, Екатерина еще не чувствовала себя расположенной къ одному изъ тѣхъ увлеченій которыя у этой сластолюбивыцы не зависели исключительно отъ простаго грубаго плотскаго влеченія, но всегда, въ одинаковой мѣрѣ, захватывали и умъ ея и сердце. На этотъ разъ у нея не замѣтно ни страсти, ни даже склонности къ красавцу, появившемуся возлѣ нея. Она отнеслась къ нему безъ большого увлеченія, холодно и спокойно, будто вступая въ бракъ по разсудку. Выборъ могъ бы быть и хуже. Человѣкъ оказался лучше

занимаемой имъ должности. Безбородко отзывался о немъ, какъ о чело-
вѣкѣ хорошо воспитанномъ, скромномъ, искавшемъ общества людей серъ-
езныхъ и просвѣщенныхъ. Онъ даже боялся, чтобъ скромныя манеры и
любовь къ *декоруму* Ермолова не послужили препятствіемъ къ продол-
жительности его фавора со стороны возлюбленной, пріученной Корсаковы-
ми и Ланскими къ пріемамъ болѣе пикантнаго свойства.

Безбородко не ошибся, потому что не прошло и года, какъ Екате-
рина начала показывать, что Ермоловъ ей надоѣдаетъ. Правда, великій
устроитель императорскихъ удовольствій тоже былъ не безъ участія въ
этомъ быстромъ разочарованіи; фавориту вздумалось показать императрицѣ—
не показавъ предварительно своему всемогущему покровителю—письмо отъ
бывшаго крымскаго хана, Шахинъ-Гирея, жившаго въ Калугѣ, получающаго
двѣсти тысячъ рублей въ годъ пенсіи. Ханъ жаловался на притѣсненія,
испытываемыя его бывшими подданными отъ Потемкина. Этого было до-
статочно: въ апрѣлѣ 1786 г. Шахинъ-Гирей и Ермоловъ лишились, пер-
вый своей пенсіи, второй положенія фаворита.

Новый кризисъ, ни дать ни взять, похожій на тѣ парламентскіе
періодическіе кризисы, введенные нашими парламентскими правами въ
организацію европейскихъ правительствъ, тянулся нѣсколько мѣсяцевъ, въ
продолженіе которыхъ враги Потемкина боролись изо всѣхъ силъ, чтобы
провести избраннаго ими кандидата. Одно время казалось, что они одер-
жали побѣду съ курляндцемъ Менгденомъ, къ которому, какъ будто отно-
сились благосклонно. Но въ концѣ-концовъ Потемкинъ взялъ верхъ, вы-
ставивъ молодого и обаятельнаго Дмитріева-Мамонова, и это являлось
событіемъ немаловажнымъ. Ему придавали международное значеніе. Графъ
де-Сегюръ открыто радовался. Онъ восклицалъ: „Г. Ермоловъ почтилъ мою
націю, а меня лично въ особенности, своей положительной ненавистью,
позволяя себѣ самыя неприличныя выраженія каждый разъ, какъ рѣчь за-
ходила о Франціи; со мной поступалъ прямо дерзко и не пропускалъ слу-
чая возстановить императрицу, возбуждая ея старинное предубѣжденіе про-
тивъ насъ. Хотя онъ былъ слишкомъ бездаренъ, чтобы имѣть прочное
вліяніе, но онъ дѣйствовалъ заодно съ вліятельной партіей, начинавшей
безконечно надоѣдать мнѣ“.

III.

Преемникъ же Ермолова былъ вполне подъ французскимъ вліяніемъ. На этотъ разъ Потемкинъ нашелъ безукоризненнаго придворнаго, получившаго хорошее образованіе и имѣвшаго утонченныя вкусы. У князя даже на одну минуту явилось опасеніе, не слишкомъ ли тонко блюдо для того, кому оно предназначалось. „Рисунокъ хорошъ, но краски не важныя“, сказала Екатерина, рассматривая портретъ кандидата. Однако, она склонилась на убѣжденія и очень быстро подчинилась обаянію изящнаго кавалера, блестящаго собесѣдника, вызывавшаго, можетъ быть, въ ней воспоминанія прошедшихъ дней. „Я люблю и буду всю жизнь любить графа Понятовскаго“, писала она когда-то Захару Чернышову.

Принадлежащій къ древнему роду, считавшемуся въ родствѣ съ Рюрикомъ и записанному въ „Бархатной книгѣ“, новый избранникъ льстилъ новымъ аристократическимъ тенденціямъ императрицы. Хорошо знакомый съ французской литературой, говорившій на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ, также сочинявшій пьесы для театра—впрочемъ, изъ рукъ вонъ плохія—Дмитріевъ-Мамоновъ, совершенно естественно, немедленно усвоилъ себѣ тонъ, введенный присутствіемъ Сегюра въ интимный кружокъ императрицы. Іосифъ II, познакомившійся съ Мамоновымъ во время крымскаго путешествія, не считалъ его подходящимъ для этой среды. „Новый фаворитъ“, писалъ Іосифъ фельдмаршалу Ласси, „молодой человекъ двадцати шести лѣтъ, безъ образованія, ребенокъ... не дурной собой, но изумленный положеніемъ, въ которое попалъ, и не умный“. Можетъ быть, со стороны императора это было вспышкой ревности и досады, вызванныхъ странными вольностями, которыя Екатерина терпѣла и поощряла въ этомъ хорошенькомъ мальчикѣ, позволявшемъ себѣ иногда выходки избалованнаго ребенка. Непріятно, будучи императоромъ, прерывать партію виста,

чтобы дать какому-то придворному время закончить карикатуру, которую тотъ вздумалъ рисовать на ломберномъ столѣ мѣлкомъ. Сегюръ, принцъ де-Линь и ихъ товарищи изъ дипломатическаго міра были не такъ взыскательны. „Умень, находчивъ и остроумень“, писалъ саксонецъ Сакенъ, говоря о фаворитѣ. И нево время рисуемая карикатуры не мѣшали самому Іосифу слегка ухаживать за этимъ невѣжливымъ партнеромъ, дарить ему дорогіе часы и пожаловать титулъ графа Священной имперіи.

Что же касается Екатерины, то у нея были вѣскія причины не пренебрегать умомъ и знаніемъ своего новаго друга, такъ какъ, въ противоположность Ланскому, теперь *онъ* держалъ перо, когда она писала Гримму. Мамоновъ даже оказался непокорнымъ, строптивымъ секретаремъ, какъ мы читаемъ въ одномъ изъ писемъ, написанныхъ такимъ образомъ: „Я диктовала совсѣмъ другое, но *Красный кафтанъ*“—опять прозваніе—„не пожелалъ этого написать. Вы современемъ узнаете, если уже не знаете, что такое Красный кафтанъ.

„Красный кафтанъ одѣваетъ существо, имѣющее прекрасное сердце и очень искреннюю душу. Ума за четверыхъ, веселость неистощимая, много оригинальности въ пониманіи вещей и передачѣ ихъ, прекрасное воспитаніе, масса знаній, способныхъ придать блескъ уму. Мы скрываемъ какъ преступленіе склонность къ поэзіи; музыку любимъ страстно; все понимаемъ необыкновенно легко. Чего только мы не знаемъ наизусть! Мы декламируемъ, болтаемъ тономъ лучшаго общества; изыскано вѣжливы; пишемъ по-русски и по-французски, какъ рѣдко кто, столько же по стилю, сколько по красотѣ письма. Наша внѣшность вполне соотвѣтствуетъ нашимъ внутреннимъ качествамъ: у насъ чудные черные глаза съ бровями очерченными нарѣдкость; ростъ ниже средняго, видъ благородный, походка свободная; однимъ словомъ, мы такъ же надежны въ душѣ, какъ ловки, сильны и блестящи съ внѣшней стороны. Я увѣрена, что встрѣтитесь вы съ этимъ Краснымъ кафтаномъ, вы бы освѣдомились о его имени, если бы сразу не угадали, кто онъ “*).

*) Письмо къ Гримму.

Искренность, открытая Екатериной въ этомъ двадцати-шестилѣтнемъ молодомъ человѣкѣ, не отвернувшись отъ возлюбленной на тридцать лѣтъ старше его, очевидно указываетъ на способность питаться иллюзіями, доведенную до крайнихъ предѣловъ. Но надо сказать, что Екатерина пришлось имѣть дѣло съ комедіантомъ рѣшительнымъ и добросовѣстно исполнявшимъ свою роль. Передъ встрѣчей старухи-государыни со старикомъ Понятовскимъ на Дибрѣ, въ виду Канева, фаворитъ держалъ себя какъ ревнующій, страстно влюбленный человѣкъ. Сегюръ и де Линь помирали со смѣху, Екатерина же простосердечно жалѣла несчастнаго влюбленнаго. Послѣ свиданія, прошедшаго, какъ извѣстно, въ обмѣнѣ банальныхъ любовностей, она сочла нужнымъ, чтобъ успокоить бѣдняжку, преувеличить испытанную ею скуку. И въ письмахъ, писанныхъ вскорѣ послѣ того Потемкину, чувствуется удовольствіе отъ этой искусно слаженной интермедіи: „Саша человѣкъ неоцѣнимый!“ — „Саша“ — это Мамоновъ. И самъ Потемкинъ тоже человѣкъ безцѣнный, что далъ Сашу Екатеринѣ. Она даже прямо высказываетъ ему свою благодарность.

Фаворитъ же, въ дѣйствительности былъ человѣкомъ не наивнымъ, и простосердечнымъ, но онъ не былъ циникомъ, „Нѣкоторые (изъ фаворитовъ)“, писалъ Ланжеронъ въ своимъ запискахъ, „умѣли облагородить свое униженное положеніе: Потемкинъ, сдѣлавшись чуть не императоромъ, Завадовскій — пользой, которую приносилъ въ администраціи; Мамоновъ — испытываемымъ и не скрываемымъ стыдомъ“. Это замѣчаніе относительно преемника Ермолова подтверждается и другими свидѣтельствами. Повидимому, мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, у котораго низменные инстинкты еще не вполне взяли верхъ надъ чувствами высшаго порядка. Только цѣна позора была слишкомъ высока; и разъ рѣшившись поддаться непреодолимому искушенію, молодой человѣкъ уже стойко отстаивалъ обладаніе доставшимся ему достояніемъ. Гарновскій въ своихъ *Запискахъ* выводитъ его спорящимъ съ графомъ Брюсомъ изъ-за имѣнія, отъ котораго графу хотѣлось отдѣлаться, и которое фаворитъ желалъ приобрести, не смѣя попросить у императрицы денегъ на его покупку, такъ какъ только что купилъ другое за триста пятьдесятъ тысячъ рублей. Брюсъ далъ понять, что

у него есть другой покупатель, а императрица присутствовавшая при разговорѣ, не подавала виду, что замѣчаетъ нѣмую просьбу, обращенную къ ней Мамоновымъ. Тогда послѣдній сказалъ съ видомъ человѣка, покорившагося своей судьбѣ:

— Продавайте. Кто другой покупатель?

— Казариновъ.

Фаворитъ поблѣднѣлъ, какъ смерть. Онъ, казалось, былъ готовъ упасть въ обморокъ. Бросая на императрицу взоръ полный отчаянія, онъ проговорилъ:

— Но... у этого Казаринова ничего нѣтъ! Откуда у него возьмется такая изрядная сумма?

Екатерина, наконецъ, рѣшилась вступить. Нѣсколько дней между ею и ея возлюбленнымъ была „остуда“, вѣроятно, вызванная недостаточно ревностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей фаворитомъ, и императрица выказала знаки вниманія къ Казаринову, молодому офицеру, уже нѣсколько времени пытавшемуся обратить на себя ея вниманіе.

— Развѣ одинъ Казариновъ на свѣтѣ?—спросила она, пристально смотря на фаворита и растягивая слова. Можетъ быть, купитъ вовсе не тотъ, на кого вы думаете.

Мамоновъ, на этотъ разъ, прямо упалъ въ обморокъ. Его унесли и уложили въ постель: его била лихорадка. Лейбъ-медики Роджерсонъ и Мессингъ были встревожены, одинъ только Рибопьеръ, у котораго больноі въ послѣдствіи цѣловалъ руки въ знакъ благодарности, нашелъ вѣрное лѣкарство, праведя къ его постели императрицу, раскаявшуюся и счастливую, что ее любятъ такъ страстно—она въ этомъ не сомнѣвалась.

Но, временами, фаворитъ оплачивалъ бурными сценами, вродѣ Потемкина, чаще всего изъ-за участія, которое онъ стремился принимать въ дѣлахъ. Екатерина и такъ уже удѣляла ему значительную долю вліянія: она напр., однажды разбранила своего секретаря Храповицкаго за то, что тотъ послалъ фельдмаршалу Салтыкову важный политическій документъ, не показавъ его предварительно фавориту; но Мамоновъ былъ честолюбивъ до того, что даже завидовалъ Безбородко, способностями котораго Екате-

рина еще дорожила. „Плевать мнѣ на него и на всю его шайку!“ — воскликнулъ онъ однажды. Екатерина проплакала всю ночь и на слѣдующій день исполнила всѣ требованія фаворита, обидѣвъ министра *).

Но наступилъ день, когда этотъ человекъ, сдѣлавшій любовь униженнымъ орудіемъ своего честолюбія и богатства, пожертвовалъ тѣмъ и другимъ также ради любви. Тутъ разыгралась цѣлая драма между Эрмитажемъ и Зимнимъ дворцомъ. Ею воспользовалась писательница Бирхъ-Пфейферъ для своей пьесы „*Фавориты*“, поставленной въ Берлинѣ въ 1831 г. Послѣ перваго представленія, на которомъ съ удовольствіемъ присутствовали германскія принцессы, правнучки Екатерины, русскій посоль, графъ Рибопьеръ, сынъ того, который такъ удачно выльбчилъ фаворита, добился запрещенія драмы, къ великому неудовольствію актрисъ Крейлингеръ и Гагенъ, создавшихъ, первая роль императрицы, а вторая—ея соперницы, такъ удачно, что, по словамъ Рибопьера, „ихъ слѣдовало бы за то прогнать со сцены“.

20 іюня 1789 г., работая съ Храповицкимъ, Екатерина вдругъ прервала чтеніе доклада:

— Слышаль здѣшнюю исторію?

— Слышаль, ваше величество.

— Ужъ мѣсяцевъ восемь, какъ я подозрѣвала. Онъ отъ всѣхъ отдалялся, избѣгалъ даже меня. Его вѣчно удерживало въ его покояхъ стѣсненіе въ груди. А на дняхъ вздумалъ жаловаться, будто совѣсть мучаетъ его; но не могъ себя преодолѣть. Измѣнникъ! Лукавство—вотъ что душило его! Ну, не могъ онъ переломить себя, такъ чего бы не признаться откровенно! Ужъ годъ какъ влюбленъ. Буде бы сказалъ зимой, что полгода бы прежде сдѣлалось то, что произошло третьяго дня. Нельзя вообразить сколько я терпѣла!

— Всѣмъ на диво, ваше величество, изволили сіе кончить.

— Богъ съ ними! Пусть будутъ счастливы... Я простила ихъ и дозволила жениться! Они должны бы быть въ восторгѣ, и что же? Оба

---

*) Дневникъ Храповицкаго.

плачутъ! Тутъ замѣшивается еще и ревность. Онъ больше недѣли за мной примѣчаетъ, на кого гляжу, съ кѣмъ говорю! Странно!... Сперва, ты помнишь, имѣлъ до всего охоту, и все легко давалось, а теперь мѣшается въ рѣчахъ, все ему скучно, и все грудь болитъ. Миѣ князь, правда, еще нынче зимой говорилъ: „Матушка, плюнь на него!“ И намекалъ на Щербатову. Но я виновата; я сама его передъ княземъ оправдать старалась...”

Я привожу разговоръ не изъ пьесы г-жи Бирхъ-Пфейферъ, но страницу изъ дневника аккуратнаго и добросовѣстнаго Храповицкаго, въ которой не измѣнено ни единой строки.

Щербатова была фрейлиной и поэтому жила во дворцѣ, откуда не могла отлучаться иначе, какъ съ особаго разрѣшенія и только для посѣщенія ближайшихъ родственниковъ. Это обстоятельство благопріятствовало сближенію, развязку котораго мы сейчасъ видѣли. И изъ дальнѣйшей бесѣды съ секретаремъ мы узнаемъ, какъ сама Екатерина узнала объ этой удивительной измѣнѣ.

— Онъ пришелъ въ понедѣльникъ, 18 іюня, сталъ жаловаться на холодность мою и началъ браниться. Я отвѣтила, что самъ онъ знаетъ, каково миѣ съ сентября мѣсяца. И сколько я терпѣла. Просилъ совѣта, что дѣлать? „Совѣтовъ моихъ давно не слушаешь; а какъ отойти, подумаю“. Потомъ послала ему записку, предлагая блестящій выходъ изъ положенія: миѣ пришло на умъ женить его на дочери графа Брюса. Ей всего тринадцать лѣтъ; но она ужъ сформировалась—я это знаю. Вдругъ отвѣчаетъ дрожащей рукой, что онъ съ годъ, какъ влюбленъ въ Щербатову и полгода, какъ далъ слово жениться. Посуди самъ, каково миѣ было *)“.

Жалобы покинутой старухи возлюбленной еще долго не прекращались, но продолжая горевать и предаваться печальнымъ размышленіямъ, Екатерина отдавала приказанія: сначала велѣла принести себѣ драгоценный перстень, затѣмъ десять тысячъ рублей банковыми билетами. Она передала перстень и деньги Храповицкому, который уже зналъ, что съ ними дѣлать. Разговоръ, какъ обыкновенно, происходилъ въ утренніе ра-

*) Дневникъ Храповицкаго.

бочіе часы, въ спальнѣ императрицы. Секретарь тихонько всталъ и положилъ полученное за подушку на диванѣ: перстень и деньги были для молодого, очаровательнаго Зубова, получившаго благодаря своему преданному другу, Аннѣ Нарышкиной, съ самаго начала кризиса доступъ во дворецъ!

Свадьба Мамонова была недѣлю спустя. По обычаю, одѣваніе невесты къ вѣнцу заканчивалось въ комнатахъ императрицы, подъ ея наблюденіемъ и при личномъ участіи. По словамъ свидѣтеля, когда императорская рука коснулась прически молодой дѣвушки, послѣдняя вскрикнула: ее уколола золотая булава. Другія свидѣтельства говорятъ о гнусномъ поступкѣ, жертвой котораго, будто бы, молодая чета сдѣлалась нѣсколько дней спустя послѣ свадьбы: замаскированные люди проникли ночью въ спальню—плохо охраняемую, вопреки приказаніямъ Екатерины—вырвали молодую женщину изъ объятій супруга и у него на глазахъ высѣкли до крови. Однако, то, что мы знаемъ достоверно объ отношеніи Екатерины къ ея бывшему возлюбленному, можетъ служить формальнымъ опроверженіемъ этихъ разсказовъ.

Покидая Петербургъ, Мамоновъ увезъ еще новый подарокъ въ три тысячи крестьянъ и сто тысячъ рублей деньгами, выданныхъ ему, несмотря на денежное истощеніе казны. Мамоновъ даже старался дать повяты окружающимъ, будто, по примѣру Потемкина, онъ сохранилъ привилегіи только что покинутаго положенія и связанное съ нимъ вліяніе. Безъ сомнѣнія, Екатерина была такъ глубоко оскорблена, что даже относилась несправедливо къ своему лучшему другу, пренебрегши передъ тѣмъ его предупрежденіями. Она уже позабыла это и писала покорителю Крыма:

„Если зимой тебѣ открылись, для чего ты мнѣ не сказалъ тогда? Много бы огорченія излишняго тѣмъ прекратилось... Я ничѣмъ тираномъ никогда не была и принужденіе ненавижу... Возможно ли, чтобы вы меня не знали до такой степени и считали меня за дрянную себялюбиву? Вы исцѣлили бы меня въ минуту, сказавъ правду“. Но въ этихъ упрекахъ все же слышится больше горя, чѣмъ гнѣва. Что касается Потемкина, то онъ представляетъ дѣло по своему, „Мамоновъ дуракъ. Какъ онъ могъ

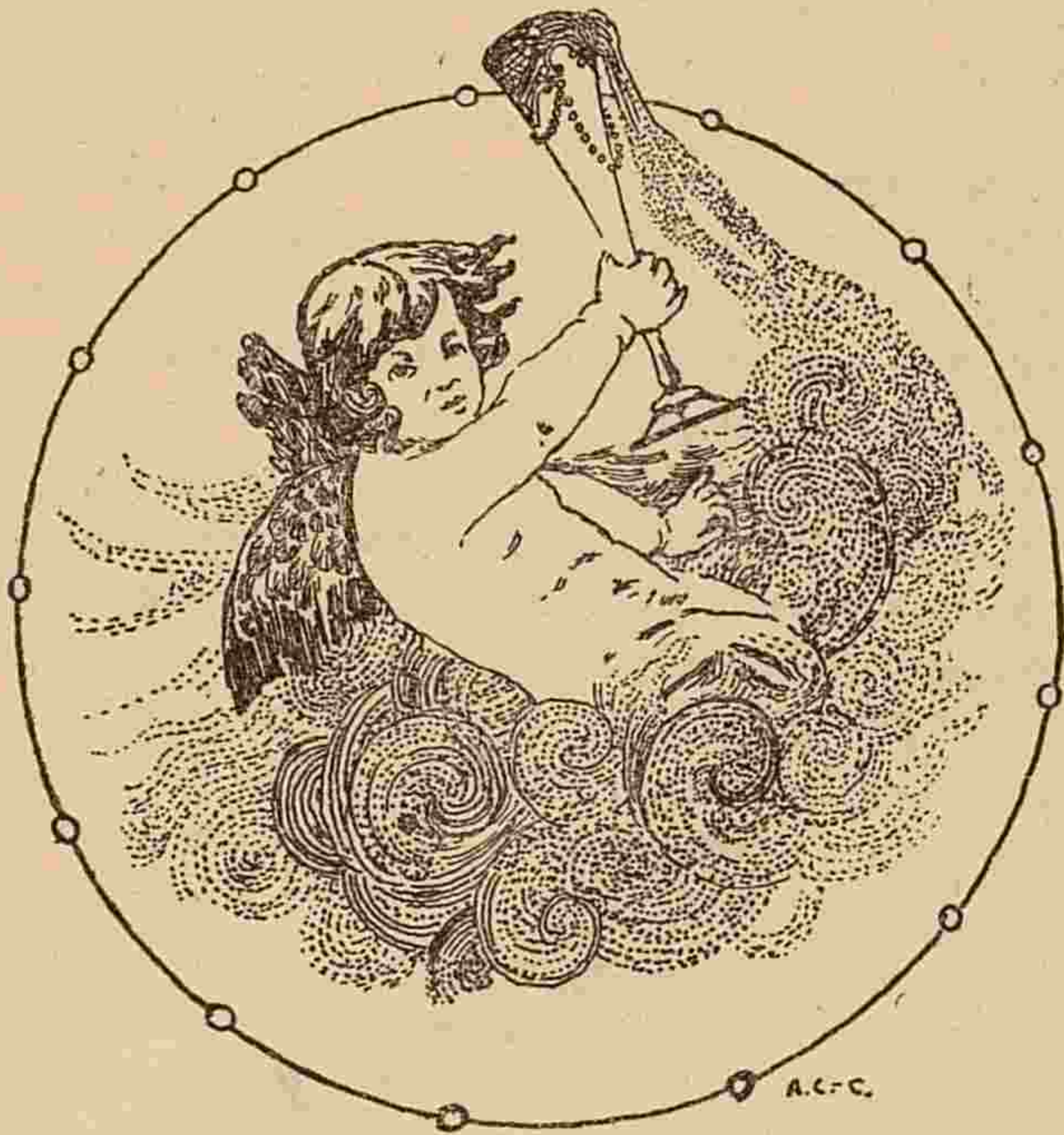
покинуть мѣсто порученное ему! Но потеря не велика“. Потемкинъ тоже забылъ, что онъ былъ первымъ покровителемъ фаворита и виновникомъ его удачи. Онъ писалъ: „По моей привычкѣ оцѣнивать все, я никогда не ошибался въ немъ. Онъ смѣсь нерадѣнія и эгоизма. Ужъ въ этомъ онъ Нарцисса за поясъ затынетъ. Думая только о себѣ, онъ громко требовалъ всего, никогда не платя ничѣмъ. Изъ лѣни даже приличіе забывалъ. Будь вещь ничто не стоящей, а только понравься ему, она сразу становится самой драгоценной на свѣтѣ. Таковы права и княжны Щербатовой“ *).

И Екатерина, наконецъ, нашла утѣшеніе и успокоеніе въ мысли, внушенной ей всегда услужливымъ Рибоьеромъ, что эксъ-фаворитъ лишился разсудка, какъ Орловъ. „Представьте себѣ, что есть признаки, указывающіе на его желаніе оставаться вмѣстѣ съ женой при дворѣ. Вообще какое противорѣчіе мыслей... Какъ будто въ умѣ смѣшавшійся!“ У Екатерины, безъ сомнѣнія, не было времени—повидимому и охоты продолжать сердяться и мстить: по ея письмамъ отъ слѣдующаго мѣсяца мы видимъ, что она была поглощена совершенно иной заботой, а именно, старалась приобрести милость далекаго друга, занятаго войной съ Турціей, для „самой невинной души“, пришедшей въ восторгъ, найдя красивый перстень и пачку ассигнацій подъ подушкой, но жаждущей ласки. „Приласкай же насъ, милый другъ, чтобъ мы совершенно были веселы“. Къ императрицѣ вернулась ея здоровая, неизмѣнная веселость, которую только смерть красавца Ланского—уже теперь забытаго—могла омрачить на болѣе продолжительное время; и черезъ нѣсколько времени, Екатерина съ полнымъ спокойствіемъ заканчиваетъ этотъ непріятный инцидентъ, выражаясь слѣдующимъ образомъ въ письмѣ къ Гримму: „Воспитанница Мадемуазель Кардель, найдя *Красный кафтанъ* болѣе достойнымъ сожалѣнія, чѣмъ гнѣва, и считая его достаточно наказаннымъ на всю жизнь самой глупой изъ страстей, не привлекая насмѣшниковъ на его сторону, и выставившей его какъ неблагодарнаго, поспѣшила покончить поскорѣе это дѣло, къ удовольствію всѣхъ заинтересованныхъ лицъ... Многое заставляетъ догадываться, что молодые живутъ между собой не согласно“.

*) Дневникъ Храповицкаго.

Правда-ли это? Въ печати появилась корреспонденція Екатерины съ бывшимъ фаворитомъ, начавшаяся вскорѣ послѣ разрыва и продолжавшаяся до 1795 г. Банальный вначалѣ тонъ этихъ писемъ измѣняется черезъ нѣсколько лѣтъ и указываетъ, по крайней мѣрѣ, со стороны Мамонова, на расположеніе духа вовсе неблагопріятное проявленіе супружескихъ добродѣтелей. Въ декабрѣ 1792 г. бывший фаворитъ дошелъ до признанія: что онъ несчастливъ. „Случай, коимъ по молодости моей и тогдашнему моему легкомыслію удаленъ я сталъ по несчастію отъ вашего величества, тѣмъ паче горестяѣе для меня, что сія минута совершенно перемѣнить могла вашъ образъ мыслей въ разсужденіи меня. Живя въ изгнаніи въ Москвѣ, одно сіе воображеніе, признаюсь вамъ терзаетъ мою душу: вернуться въ Петербургъ и приблизиться къ той, съ которой, ради своего счастья, не слѣдовало бы никогда разставаться“. И иллюзія такъ укоренилась въ умѣ шестидесятилѣтней влюбленной, съ сердцемъ никогда не находившимъ удовлетворенія, а воображеніемъ, готовымъ сейчасъ встрепенуться какъ въ двадцать лѣтъ, что она даже не удивилась, прочитавъ это изумительное признаніе.—„Я знаю“,—спокойно сказала Екатерина Храповицкому,—„онъ не можетъ быть счастливъ“. И, съ своей стороны, она сейчасъ же принялась размышлять о послѣдствіяхъ подобнаго возвращенія къ прошлому. Это невозможно! Зубовъ тутъ, „и совсѣмъ иное дѣло пробыть четверть часа съ Мамоновымъ въ саду, или жить вмѣстѣ!“*) Еслибы онъ вернулся, вѣроятно, олять началась бы общая жизнь. Екатерина испугалась такой возможности и, написавъ трогательный, нѣжный отвѣтъ, отложила на годъ свиданіе, котораго добивался смѣлый сикофантъ, дѣйствовавшій, вѣроятно, по наущенію Потемкина, боровшагося въ это время съ новымъ фаворитомъ. Но въ слѣдующемъ году Мамоновъ, получивъ приглашеніе совершить столь горячо желаемое путешествіе, въ свою очередь отступилъ передъ перспективой помѣряться одинъ на одинъ съ Зубовымъ, теперь утвердившимся въ своемъ положеніи, такъ какъ Потемкина уже не было въ живыхъ. Зубову не суждено было имѣть преемника.

*) Дневникъ Храповицкаго.

Г Л А В А П.

Корреспонденты.—Гриммъ *).

I. Официальная и интимная переписка.—Мадамъ Жоффренъ.—Мадамъ Біельке.—Сѣверная Почта.—II. Вольтеръ.—Фридрихъ II.—Юсифъ II.—Принцъ де-Линь.—Переписка и слогъ восемнадцатаго вѣка.—Циммерманъ.—Французскіе и нѣмецкіе философы.—Семейная переписка.—Великій князь Павелъ и великая княгиня.—Принцесса Дармштадская.—III. Мельхиоръ Гриммъ.

I.

Собственно дѣловыя письма, приказанія и инструкціи подчиненнымъ, соблюденіе вѣжливости и обмѣнъ политическихъ сообщений съ сосѣдними государями занимаютъ, сравнительно, мало мѣста въ перепискѣ Екатерины. Она писала много, и ей писали много, и какъ ея письма, такъ и письма корреспондентовъ бывали очень длинны; но это обиліе и многословіе въ посланіяхъ вызваны со стороны Екатерины двумя совершенно особенными потребностями, не имѣющими ничего общаго съ обыкновенными причинами, заставляющими писать письма: во первыхъ—потребностью обратить на себя

*) *Переписка Екатерины съ Гриммомъ*, Сборникъ Русскаго Историческаго Общества; *Общая корреспонденція Екатерины* тамъ же и въ „Русскомъ Архивѣ“, 1865, 1886 г., въ „Русской Старинѣ“ XVI и въ Восемнадцатомъ вѣкѣ, I; Гриммъ, *Автобіографія* въ С. Р. И. О. Hettner-Litteraturgeschichte des XVIII Jahrhunderts; Marcard, *Correspondance de Catherine avec Zimmermann*; Meister, *Mélanges de philosophie, de morale et de littérature. Mémoires de M-me Epinay, de Diderot, du comte de Tilly, de Weickardt, etc; Scherer, Melchior Grimm.*

вниманіе, выставиться, прорывавшей изъ горячаго, сообщительнаго характера Екатерины, побуждавшаго ее выражать свои чувства и мысли и дѣлиться ими, или, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что она желала знать, какое было мнѣніе о ея мысляхъ и чувствахъ. Ее можно назвать болтливой. А во вторыхъ: въ этой чрезвычайно обширной перепискѣ, которую Екатерина находила возможнымъ вести, она видѣла тоже одинъ изъ самыхъ могущественныхъ способовъ устраивать свои дѣла. Письма, получаемыя ею заключали, по большей части, политическія сообщенія, которыя она ловко умѣла вызывать и поддерживать. Огвѣты ея представляютъ изъ себя, большею частью, какъ бы оффиціозныя журнальныя замѣтки: мы встрѣчаемъ здѣсь и бюллетени о походахъ, и замѣтки, вносящія поправки, и воинствующія статьи, и даже настоящіе манифесты, какъ въ письмѣ отъ 21 января 1791 г., писанномъ къ Циммерману, но предназначенномъ для берлинскаго двора, который надо было успокоить, давши ему въ то же время совѣтъ не вмѣшиваться въ турецкія дѣла. Многія изъ записокъ къ Вольтеру имѣли цѣлью поколебать положеніе герцога Шуазёля. Сама Екатерина однажды призналась въ томъ Храповицкому.

Съ этой двойной точки зрѣнія письма императрицы можно раздѣлить на три категоріи: письма, писанныя ею, *сочиненныя* ею и написанныя по ея заказу. Первые—хотя и ихъ достаточное количество—наиболѣе рѣдкія. Ихъ получали: ближайшій наперсникъ Гриммъ и нѣсколько самыхъ близкихъ людей—фавориты, пока они еще были въ фаворѣ, двое-трое изъ нихъ даже послѣ разрыва. Это большею частью коротенькія записки, набросанныя наскоро, или длинныя письменныя бесѣды, гдѣ Екатерина пишетъ все, что приходитъ ей въ данную минуту въ голову. Здѣсь она на свободѣ безъ принужденія излагаетъ свои мысли и фантазіи. Но она два раза беретъ за перо, чтобъ извѣстить принца де-Линя о предполагаемомъ путешествіи въ Крымъ: на этотъ разъ уже пущено было въ ходъ *сочинительство*. Изъ всѣхъ ея писемъ къ Вольтеру врядъ ли найдется хотя одно, которое вылилось бы изъ подъ пера само собой: это литературныя произведенія, писанныя на заказъ хорошимъ мастеромъ. Справедливость требуетъ сказать, что Екатерина при этомъ не выказывала ни-

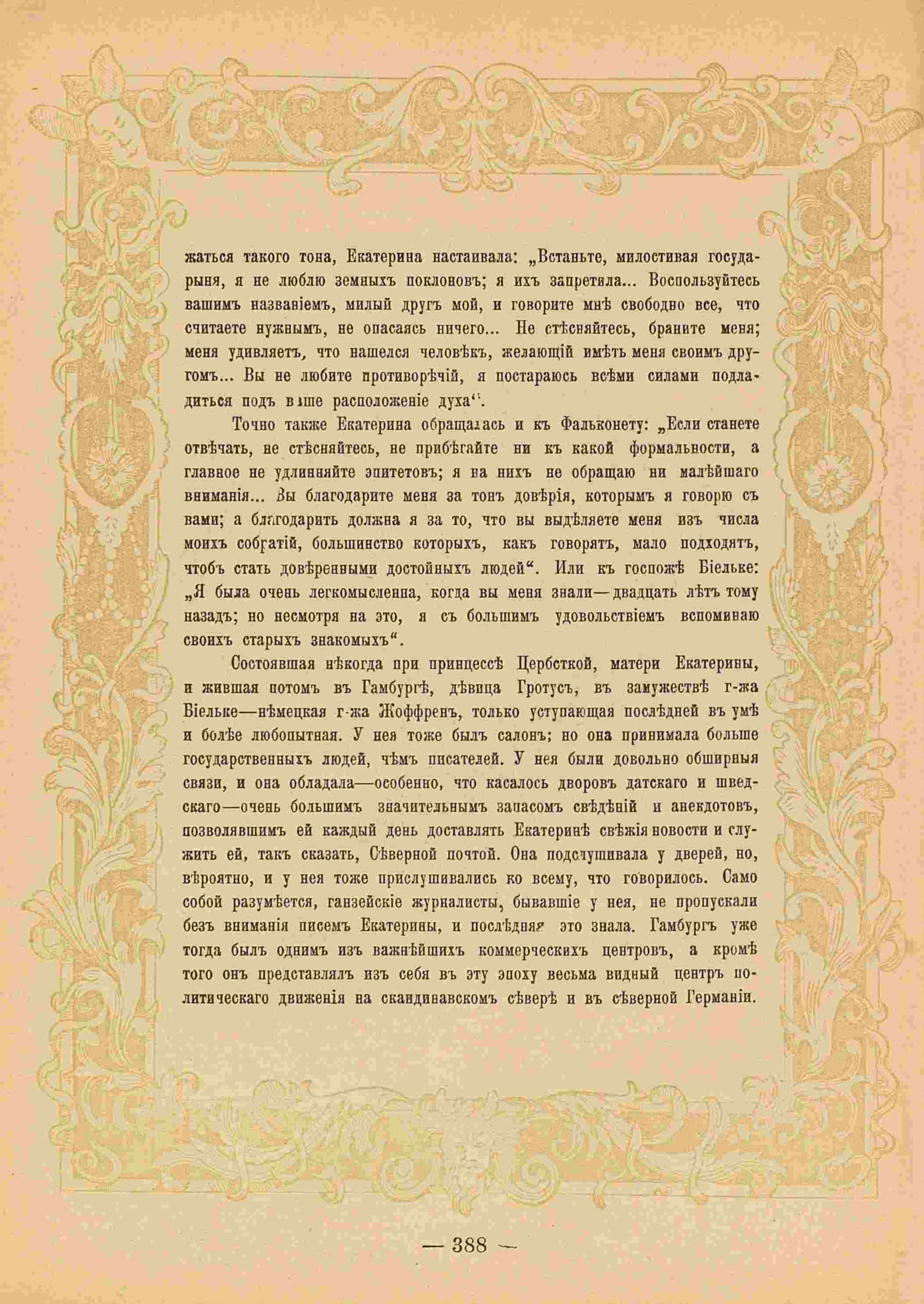
какой претензіи и только иногда пыталась замаскировать приемы, къ которымъ прибѣгала. „Я пишу собственноручно письма только людямъ, о которыхъ думаю, что они любятъ меня, и мнѣніемъ которыхъ я дорожу, потому что мнѣ невозможно гоняться за умомъ и за красивой фразой“— писала она герцогу де-Линь... „И ничто мнѣ не кажется глупѣе, какъ то, что я написала и увижу въ печати“.

Но что бы ни говорила императрица, съ точки зрѣнія редакціи, нѣтъ никакой разницы между ея автографами и другими ея письмами. Она безъ сомнѣнія собственноручно *списывала* письма къ фернейскому патриарху. Что касается остального, ея личное вдохновеніе въ нихъ, конечно, играло извѣстную роль и высказывалось въ нѣкоторыхъ характеристическихъ чертахъ, свойственныхъ ея манерѣ писать—а она у нея есть. Извѣстная фамильярность, игривое добродушіе и искренность, даже оригинальность мысли и выраженія обыкновенно просвѣчиваютъ въ оборотахъ фразъ, искусно обработанныхъ обычными поставщиками ея французской или русской прозы—Шуваловымъ, Козицкимъ или Храповицкимъ, по очереди служившими секретарями императрицѣ.

Въ интимной корреспонденціи господствуетъ, по преимуществу, фамильярный тонъ. Екатерина пишетъ Петру Салтыкову: „Пишите мнѣ слогомъ простымъ, а не велерѣчивымъ; я вамъ тому примѣръ. Желаю вамъ, отвѣчая мнѣ, быть въ томъ же добромъ нравѣ, какъ я, пишучи къ вамъ. А это потому, что я васъ очень люблю“ *). Одна характерная подробность: эти письма къ Салтыкову писаны частью по-русски, частью по-французски—какъ это часто дѣлала Екатерина,—и именно по-французски тѣ мѣста, гдѣ видна наибольшая искренность и полная непринужденность. Ясно, это языкъ, на которомъ императрицѣ было легче всего объясняться. Тоже видно и изъ ея корреспонденціи съ мадамъ Жоффрень. Екатерина выражала желаніе, чтобъ переписка велась просто, какъ между равными: „*не имѣть себѣ равной кажется ей нестерпимымъ*“. И когда добродушной парижской кумушкѣ казалось нѣсколько затруднительнымъ дер-

*) Записка Екатерины къ Салтыкову, написанная по-русски.

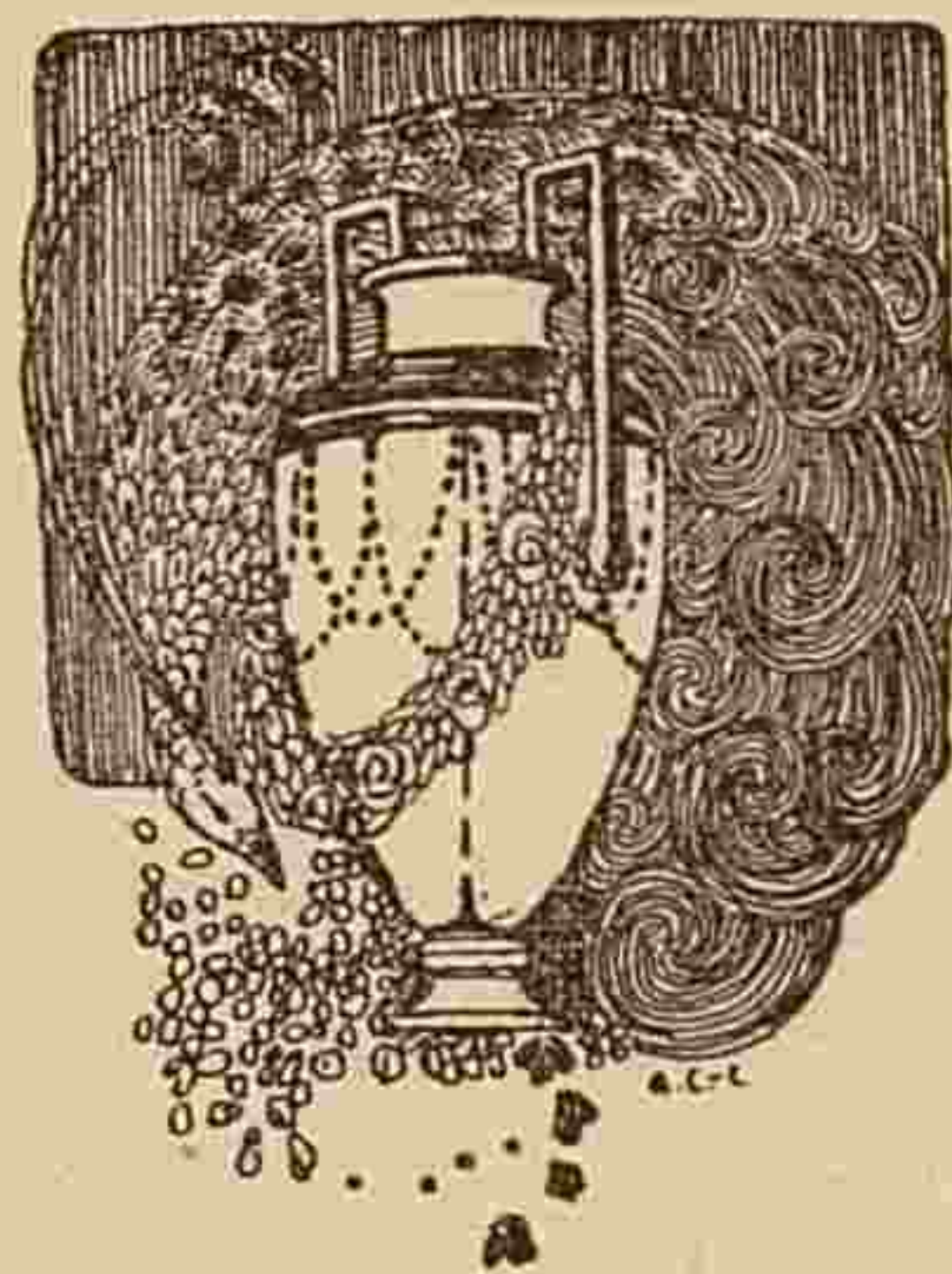
жаться такого тона, Екатерина настаивала: „Встаньте, милостивая государыня, я не люблю земныхъ поклоновъ; я ихъ запретила... Воспользуйтесь вашимъ названіемъ, милый другъ мой, и говорите мнѣ свободно все, что считаете нужнымъ, не опасаясь ничего... Не стѣсняйтесь, браните меня; меня удивляетъ, что нашелся человѣкъ, желающій имѣть меня своимъ другомъ... Вы не любите противорѣчій, я постараюсь всѣми силами подладиться подъ ваше расположеніе духа“.

Точно также Екатерина обращалась и къ Фальконету: „Если станете отвѣчать, не стѣсняйтесь, не прибѣгайте ни къ какой формальности, а главное не удлинняйте эпитетовъ; я на нихъ не обращаю ни малѣйшаго вниманія... Вы благодарите меня за тонъ довѣрія, которымъ я говорю съ вами; а благодарить должна я за то, что вы выдѣляете меня изъ числа моихъ собратій, большинство которыхъ, какъ говорятъ, мало подходятъ, чтобъ стать довѣренными достойныхъ людей“. Или къ госпожѣ Біельке: „Я была очень легкомысленна, когда вы меня знали—двадцать лѣтъ тому назадъ; но несмотря на это, я съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю своихъ старыхъ знакомыхъ“.

Состоявшая нѣкогда при принцессѣ Цербсткой, матери Екатерины, и жившая потомъ въ Гамбургѣ, дѣвица Гротусъ, въ замужествѣ г-жа Біельке—нѣмецкая г-жа Жоффренъ, только уступающая послѣдней въ умѣ и болѣе любопытная. У нея тоже былъ салонъ; но она принимала больше государственныхъ людей, чѣмъ писателей. У нея были довольно обширныя связи, и она обладала—особенно, что касалось дворовъ датскаго и шведскаго—очень большимъ значительнымъ запасомъ свѣдѣній и анекдотовъ, позволявшимъ ей каждый день доставлять Екатеринѣ свѣжія новости и служить ей, такъ сказать, Сѣверной почтой. Она подслушивала у дверей, но, вѣроятно, и у нея тоже прислушивались ко всему, что говорилось. Само собой разумѣется, ганзейскіе журналисты, бывавшіе у нея, не пропускали безъ вниманія писемъ Екатерины, и послѣдняя это знала. Гамбургъ уже тогда былъ однимъ изъ важнѣйшихъ коммерческихъ центровъ, а кромѣ того онъ представлялъ изъ себя въ эту эпоху весьма видный центръ политическаго движенія на скандинавскомъ сѣверѣ и въ сѣверной Германіи.

Вѣроятно, придерживаясь своего стариннаго правила „мѣшать дѣло съ бездѣльемъ“, Екатерина иногда вступала въ бесѣду съ этой „старой знакомой просто, чтобъ поболтать. Когда она писала:

„Сожалѣю о бѣдной королевѣ датской, что на нее обращаютъ такъ мало вниманія; не можетъ быть ничего хуже, какъ имѣть мужемъ ребенка. Я очень хорошо знаю, что это значить и принадлежу къ числу женщинъ, убѣжденныхъ, что виноватъ мужъ, когда его не любятъ. Я очень бы любила своего, если бы онъ соблаговолилъ пожелать этого“; или замѣчала по поводу ссоръ короля Христіана VII съ королевой Каролиной, что: „Его царствованіе начинаетъ ужасно походить на царствованіе Петра III“— очевидно такія откровенныя сообщенія не предназначались для того, чтобы стать достояніемъ всего Гамбурга. Но, когда Екатерина присоединяла къ нимъ подробности о побѣдѣ подъ стѣнами Хотина надъ пятьюдесятью тысячами турокъ, то эта часть письма уже имѣла въ виду любителей сенсационныхъ новостей, и ужъ дѣло г-жи Біельке было послужить угломъ при основаніи трехугольника.

II.

Переписка *Съверной Семирамиды* съ фернейскимъ *патріархомъ* до сихъ поръ еще не опубликована вполнѣ. Въ Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества отъ 1872 до 1880 г. напечатано съ сотню писемъ императрицы къ философу. Многія изъ нихъ совершенно неизвѣстны во Франціи, другія извѣстны только наполовину своего содержанія, и въ текстѣ остальныхъ, наконецъ, большія отступленія отъ первоначальной редакціи.

Эта корреспонденція, со стороны Екатерины, была, собственно говоря, ничѣмъ инымъ, какъ періодическими защитительными рѣчами *pro domo*, объясненіями, въ формѣ писемъ, дѣйствій правительства и политики вдовы Петра III, какъ бы возраженіями противъ критики и недовѣрія части европейской публики. Въ нихъ встрѣчаются даже перечисленія бунчуковъ, отнятыхъ у турецкихъ пашей, разбитыхъ Румянцевымъ.

„На этотъ разъ ужъ нельзя сказать, чтобъ все это было куплено на рынокъ“.

Приведенное нами мѣсто принадлежитъ къ числу еще не появившихся во французскихъ изданіяхъ, и очень правдоподобно, что сама Екатерина постаралась объ этомъ пропускѣ подобно многимъ другимъ, о которыхъ она просила, когда Бомарше приступилъ къ изданію сочиненій великаго писателя. Екатерина даже обращалась къ посредничеству Людовика XVI, вызываясь принять на себя издержки „по перепечаткѣ листовъ“, которыя эти опущенія могутъ вызвать. Г. де-Монморень, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, распорядился сдѣлать „перепечатки“: но Семирамида никогда не заплатила за нихъ! *).

*) См. Дополненіе къ *Correspondence littéraire de Grimm* (изд. 1814 г.) стр. 407—412.

Письма къ Вольтеру принадлежали, съ другой точки зрѣнія, къ числу тѣхъ, о которыхъ Екатерина отзывалась пренебрежительно. Въ своихъ откровенныхъ бесѣдахъ съ Гриммомъ она находила, „ихъ тонъ очень зауряднымъ“. Признаться въ этомъ ей не казалось тяжело; но напрасно она относилась къ нимъ такъ пренебрежительно: мы, теперь находимъ многія изъ этимъ писемъ очень милыми, настолько, что отвѣты Вольтера не выигрываютъ при сравненіи. По временамъ она сама, или по наущенію Шувалова, очень остроумными разсужденіями останавливала потокъ хвалебнаго краснорѣчія, въ которомъ обыкновенно изливался патриархъ. „Зачѣмъ хочеть онъ помѣстить меня среди божествъ? Развѣ ужъ такъ завидно это мѣсто, куда люди ставили то луковицы, то кошекъ, телятъ, звѣринныя шкуры, змѣй и крокодиловъ?“

Письма, которыми обмѣнивались Фридрихъ II и его не совсѣмъ добровольная союзница въ пользованіи выгодами отъ раздѣла Польши, носятъ отпечатокъ большей задушевности со стороны короля и сдержанности со стороны императрицы. Переписка велась въ тонѣ официальной вѣжливости, и воображеніе, также какъ непринужденность, въ нихъ совершенно отсутствуютъ. Это языкъ двухъ государей, дружески бесѣдующихъ между собой о дѣлахъ своихъ государствъ въ присутствіи своихъ министровъ. Совсѣмъ иное дѣло переписка съ Іосифомъ II. Въ области внешней политики, Фридрихъ II, за исключеніемъ отдѣльныхъ уклоненій, еще оставался представителемъ старинной торжественной и опредѣленной политики. Екатерина была очень рада, встрѣтивъ въ Іосифѣ партнёра, проникнутаго, такъ же какъ она, новымъ духомъ и расположеннаго слѣдовать современной модѣ. мода же была относиться ко всему небрежно, иронически, вносить насмѣшку даже въ обсужденіе самыхъ серьезныхъ вопросовъ. Ко всему этому Вольтеръ пріучилъ свою ученицу; она въ восторгѣ отъ такого направленія и примѣняетъ его и вкривь и вкосъ, какъ женщина капризная, смѣлая, мало обращающая вниманія на правила и приличія. Говорится ли въ письмахъ о привитіи оспы внучатамъ или объ изгнаніи турокъ изъ Европы въ союзѣ съ коронованнымъ братомъ, — вездѣ тонъ Екатерины, который и Іосифъ также охотно принимаетъ—тонъ легкій, шут-

ливый, поверхностный. Не поступааясь ни на шагъ своими интересами, обмѣиваются шутками, отклоняются въ сторону, стараются блеснуть остроуміемъ, стремясь увѣрить другъ друга, что стоятъ не только на высотѣ задачъ высшей политики, которыя намѣреваются разрѣшить вмѣстѣ, но также на высотѣ самой утонченной современной умственной культуры. Наконецъ, ласкаютъ другъ друга, и льстятъ другъ другу съ отбѣнкомъ нѣжности, которой никакъ нельзя замѣтить въ обмѣнѣ самыми гиперболическими комплиментами съ царственнымъ берлинскимъ корреспондентомъ.

У насъ нѣтъ не только полнаго собранія писемъ Екатерины, но даже полнаго списка ея корреспондентовъ. Въ депешѣ отъ 31 января 1789 г. къ графу Монморену, Сегюръ указываетъ на одного, который, иначе, остался бы неизвѣстнымъ: „Я узналъ секретно, но вполне достоверно, что императрица съ самаго того времени, какъ Фоксъ былъ министромъ, не прекращала своей переписки съ нимъ“.

Посылать письма и получать ихъ, въ тѣ времена, было совсѣмъ не такъ, какъ теперь,—исполненіемъ общественной необходимости. Тогда не ограничивались сообщеніемъ новостей, обмѣномъ мыслей или дѣловыми переговорами: писали, чтобъ писать другъ другу. Принцъ де-Линъ начинаетъ одно изъ своихъ писемъ Екатеринѣ такими словами: „Если бы во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта находился теперь самый маленькій великій человекъ, я бы написалъ ему, чтобы не беспокоить васъ, государыня; но вашему величеству приходится расплачиваться и за себя, и за исчезнувшихъ великихъ людей“. Въ Германіи, кромѣ г-жи Біельке и Циммермана, двухъ официальныхъ корреспондентовъ императрицы, у нея еще были другія, какъ напр. баронъ Ассбургъ, предоставленный въ распоряженіе Екатерины датскимъ министромъ Бернсторфомъ для переговоровъ о женитьбѣ Павла на германской принцессѣ. Послѣ паденія Бернсторфа, Ассбургъ, не любившій Струэнзее и ничѣмъ не связанный съ Даніей, какъ уроженецъ Брауншвейга, охотно принялъ предложеніе Екатерины служить въ Россіи.

Съ Циммерманомъ Екатерина вступила въ переписку по поводу его книги „*О уединеніи*“, присланной ей имъ самимъ. Она увлеклась чте-

ніемъ этого сочиненія послѣ смерти Ланского. Она писала Циммерману „чтобы потолковать объ умныхъ вещахъ и о вздорѣ“, и была очень довольна, получая отъ него письма, „въ которыхъ буквально столько же ума, сколько вздора“, и находила, что и у него, какъ у Дидро, и отчасти какъ у нея самой „голова, идущая сама не знаетъ куда, но всегда дальше, чѣмъ обыкновенно полагаютъ“. Екатерина сообщала о своемъ удовольствіи Гримму и подумывала призвать Циммермана въ Петербургъ, какъ Дидро. Но ей скоро пришлось убѣдиться, что она имѣетъ дѣло не съ парижскимъ энциклопедистомъ. Медикъ по профессіи, Циммерманъ былъ нѣмецкимъ ученымъ и философомъ, а у нѣмецкой науки и нѣмецкой философіи всегда бывали очень странные приемы. Когда пріѣхавъ въ Ганноверъ курьеръ, привезшій драгоцѣнный перстень и первое письмо отъ Екатерины, освѣдомился, дома-ли докторъ Циммерманъ, его не впустили: доктора не было дома.

— Досадно! Я по порученію ея величества, императрицы.

— Ахъ, извините! Вамъ стало быть надо *надворнаго совѣтника* Циммермана! Онъ дома и сейчасъ приметъ васъ.

Посланному пришлось прождать полчаса въ приемной: *г. совѣтникъ одѣвался*.

Наковецъ, онъ появился, одѣтый въ великолѣпный серебряный парчевой камзолъ. Это уже вовсе не было похоже на человѣка въ черномъ платьѣ, бывшаго гостемъ Екатерины десять лѣтъ тому назадъ.

Слогъ же писемъ Циммермана, напротивъ, напоминалъ Семирамидѣн стиль Вольтера и Дидро, только онъ былъ нѣсколько тяжеловѣснѣе.

Она прочла въ этихъ письмахъ, что „потомство будетъ изумлено, увидавъ, какъ она создана и приспособлена, чтобы быть владычицей во всемъ“, и что, „благодаря своему обширному генію, она идетъ къ безсмертію всѣми путями славы“. Она узнала также, что ея комедіи, „переведенныя на нѣмецкій языкъ, составили бы событіе въ Европѣ“, и это, конечно, усилило ея желаніе имѣть при себѣ столь краснорѣчиваго человѣка. Она обратилась за посредничествомъ къ другому доктору, уже жившему въ Петербургѣ—тому самому, котораго мы видѣли возлѣ умирающаго

Ланского. При подобномъ случаѣ д'Аламберъ отнесся съ высокоумнымъ презрѣніемъ къ золотому мосту, который императорская щедрость намѣревалась построить для него; Дидро пустился въ путь даже не зная, будетъ ли чѣмъ дотянуть путешествіе до конца; нѣмецкій же философъ прежде всего принялъ свои мѣры и началъ торговаться.

Когда Вейкартъ сообщилъ Циммерману о желаніи императрицы, тотъ написалъ письмо въ двадцать семь страницъ, изъ которыхъ вытекало, что онъ былъ бы счастливъ увидать вблизи государыню, о которой и у него уже составилось самое высокое мнѣніе, что радъ служить ей и уже готовъ пуститься въ дорогу, но желаетъ прежде получить приглашеніе на опредѣленную должность съ гарантированнымъ содержаніемъ въ семь, восемь тысячъ талеровъ въ годъ: англійскій король платитъ ему въ настоящее время тысячу семьсотъ въ годъ, а практика приноситъ втрое больше.— „Вы скажете, что это слишкомъ много для философа? Другъ мой, этого мало! Я до сихъ поръ еще не въ состояніи купить себѣ клочекъ земли и свободу, составляющихъ цѣль моихъ стремленій“. Кроме того, князь Орловъ уже предлагалъ ему послѣдовать за нимъ въ Россію, гдѣ онъ устроитъ ему жизнь „Жанъ-Жака Руссо“ въ одномъ изъ своихъ помѣстій, при десяти тысячахъ рублей въ годъ содержанія. Циммерманъ отказался, и князь бросился ему на шею, плача отъ сожалѣнія. А княгиня чуть не помѣшалась.

— Дорогой человѣкъ!—замѣтила Екатерина, прочтя письмо, и прекратила переговоры. Она отказалась отъ врача и продолжала переписку съ философомъ, касаясь всевозможныхъ вещей, начиная отъ самыхъ высокихъ нравственныхъ вопросовъ и кончая приготовленіемъ сыровъ. Циммерманъ пытался было возобновить переговоры, уменьшивъ свои требованія; но Екатерина сдѣлала видъ, что очень заботится о здоровьи философа, для котораго опасается послѣдствій такого долгаго путешествія, и Циммерману пришлось удовлетвориться почетнымъ пораженіемъ. Въ моментъ крымскаго путешествія, онъ писалъ Вейкарту:

„Таврида! Таврида! Эта моя первая мысль утромъ, когда просыпаюсь, и послѣдняя—вечеромъ, когда засыпаю. 4 января я получилъ не-

извѣстнымъ мнѣ путемъ вашу записку отъ 10 декабря. „О“! подумалъ я, распечатывая ее: эта записка безъ сомнѣнія изъ Тавриды. „Въ ней не оказалось ни слова о Тавридѣ, но необычайно трогательныя выраженія отъ самой прекрасной, великой и милостивой души, какая есть на престолѣ и на землѣ. Болѣе отзывчивой души никогда не существовало. „Не могу рѣшать, но уже приняла рѣшеніе (это ея слова) годъ тому назадъ, а теперь беру его обратно, въ виду того, что здоровье вашего друга можетъ отъ того пострадать“. Это слова ангела. О Боже! подобныя слова суть выраженіе самой высокой и возвышенной, самой нѣжной и трогательной милости на землѣ“ *).

Переписка съ членами семьи также занимаетъ значительное мѣсто въ корреспонденціи Екатерины. Она здѣсь проявляетъ много пріятныхъ качествъ. Письма къ великому князю Павлу и его женѣ, въ большинствѣ случаевъ, по формѣ, не позволили бы Вольтеру гордиться своей ученицей, но по содержанію принадлежать перу любящей матери, умѣющей высказывать свое чувство. „Потрудитесь всѣ четверо, отецъ, мать и двое дѣтей, перецѣловаться между собой“, читаемъ мы въ одномъ изъ этихъ писемъ. Среди нихъ находится одно, написанное, въ видѣ исключенія по-русски. Вотъ оно:

„Петербургъ, 19 января 1782 г.

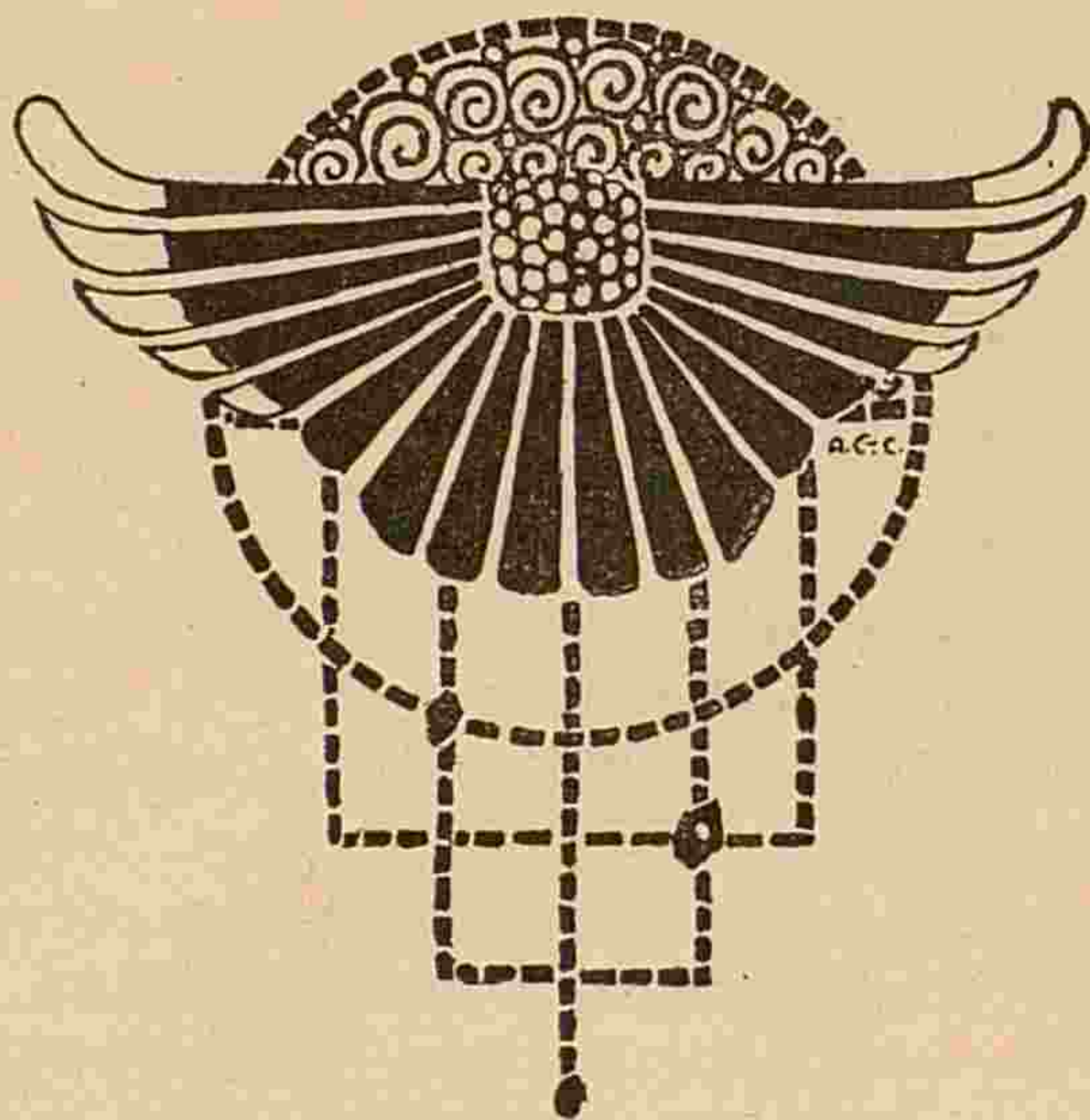
„Александръ Павловичъ третьяго дня просилъ меня, чтобъ я ему достала еще брата, но я его съ просьбой отослала къ вамъ, любезныя дѣти; но онъ весьма просилъ, чтобъ я отписала вамъ его просьбу, чтобъ вы ему привезли третьяго брата. Я спросила его, на что ему третій братъ? На сіе я получила отвѣтъ, что необходимо нужно брата одного еще для той важной причины, что онъ когда сидитъ кучеромъ, тогда у него одинъ ѣздовой, а надобно, чтобы было два. Видя справедливость его требованія, сообщаю вамъ съ подкрѣпленіемъ съ моей стороны просьбы друга моего сердечнаго. Онъ прибавилъ (конецъ письма по-французски) еще другія по-

*) *Marcard, Correspondence.*

добныя же причины, которыя слишкомъ долго приводятъ; достаточно, думаю, знать вамъ самую важную изъ всѣхъ“ *).

Очень также милы писанныя въ шутовомъ тонѣ коротенькія письма къ принцессѣ Каролинѣ Дармштадской, „человѣку сильной души и вовсе не сплетницѣ“, какъ опредѣлила ее однажды сама Екатерина въ бесѣдѣ съ Волконскимъ. Но такъ ли уже не любила сплетню пріятельница Вольтера и г-жи Біельке? Первое мѣсто, занимаемое Гриммомъ въ числѣ ея корреспондентовъ, повидимому, указываетъ на противоположное.

*) Подлинникъ письма Екатерины (Царскосельскій архивъ).

III.

Гимму, дѣйствительно, принадлежитъ первое мѣсто среди корреспондентовъ Екатерины. Основательный трудъ Шерера избавляетъ меня отъ обязанности знакомить читателя съ этой любопытной личностью придворнаго и фельетониста. Я только подчеркну нѣкоторыя черты въ немъ—именно тѣ, благодаря которымъ на его долю, какъ мнѣ кажется, выпала честь стать наперсникомъ Екатерины, съ которымъ она обо всемъ говорила откровенно, дѣлая его, такъ сказать, ежедневнымъ свидѣтелемъ своей самой интимной жизни.

Уже въ 1764 г. Екатерина, повидимому, была подписчицей „*Литературной Переписки*“. И участіе ея было не изъ послѣднихъ: она давала ежегодно полторы тысячи рублей, мѣжду тѣмъ, какъ польскій король платилъ всего пятьсотъ, а Фридрихъ, котораго Гриммъ, однако упорно отказывался вычеркнуть изъ числа подписчиковъ, не платилъ ничего. Съ теченіемъ времени, императрица стала все чаще и чаще обращаться къ этому человѣку, знавшему все и имѣвшему обширныя связи съ различными литературными и артистическими порученіями: покупкой картинъ или библіотекъ, раздачей медалей, передачей официальныхъ разъясненій. Такимъ образомъ она, мало-по-малу, привыкла имѣть его въ своемъ постоянномъ распоряженіи, и онъ самъ съ удовольствіемъ вошелъ въ роль *фактума*. Когда, въ 1773 г. онъ въ свитѣ принцессы Гессенъ-Дармштадской, дочь которой выходила замужъ за великаго князя Павла, пріѣхалъ въ Петербургъ, *Переписка* уже надоѣла ему. Онъ перербивался съ нею кое-какъ и теперь передалъ ее Мейстеру. Ему ни на одну минуту не приходило въ голову поселиться навсегда въ сѣверной столицѣ; онъ слишкомъ ясно видѣлъ двойную опасность, грозившую ему тамъ: увѣренность въ смерти со скуки и вѣроятность, по происшествіи бо-

лѣе или менѣе продолжительнаго срока, навлечь на себя немилость, уже поразившую его друга Фальконета. Онъ поставилъ себѣ цѣлью—и добился ея необыкновенно ловко—жить въ Парижѣ, совершенно посвятивъ себя службѣ великой государыни. Гриммъ письменно изложилъ свое желаніе, искусно прибѣгнувъ при этомъ къ литературному приему смѣшенія серьезнаго съ шутивнымъ—приему, обеспечившему успѣхъ „*Маленькому профоку изъ Бемшброда*“, точно также какъ всѣмъ, добивающимся чего-либо у великихъ міра сего. Успѣхъ обеспечивался двумя вѣчными уловками: пародіей и не знающей границъ лестью. Гриммъ написалъ пародію на *Вѣрую*, чтобы изложить свое исповѣданіе вѣры въ качествѣ новообращеннаго въ *екатерининскій культъ*, и прибѣгнулъ къ вмѣшательству лейбъ-медиковъ Екатерины—англичанина и нѣмца—чтобы провести въ шуточной консультаціи мысль, что его необходимо отправить въ Парижъ, потому что онъ не годенъ ни на что больше, какъ на исполненіе порученій, и, можетъ быть, полезенъ только тамъ. Онъ уѣхалъ, увозя, пока только разрѣшеніе императрицы писать ей прямо, и очень небольшія денежныя выгоды: Екатерина въ это время наводила экономію. Но когда онъ вернулся въ Петербургъ въ 1776 г. ко второй свадьбѣ великаго князя, его положеніе уже было упрочено. Его бесѣды съ императрицей, продолжавшіяся по семи часовъ, всполюшили всѣхъ иностранныхъ дипломатовъ съ французскимъ посломъ во главѣ. Гриммъ сдѣлался важной персоной; но, онъ не злоупотреблялъ этимъ. Въ письмахъ къ мадамъ Жоффренъ ему, правда, случалось иногда принимать нѣсколько развязный тонъ, говоря о императрицѣ и ея милости къ нему въ выраженіяхъ вродѣ; „Это прелестная женщина: жаль, что она не живетъ въ Парижѣ“. Но въ присутствіи самой Екатерины онъ никогда не позволялъ себѣ никакой вольности. Онъ въ этомъ отношеніи принялъ манеру держать себя, сохраненную имъ до конца жизни: манеру обожателя, глубоко сознающаго собственное ничтожество. Когда Екатерина предложила ему мѣсто директора въ новой задуманной ею школьной организаціи, онъ ловко уклонился отъ принятія предложенія, говоря, что „ему хочется броситься къ ногамъ императрицы и умолять ее оставить его въ числѣ ея собакъ“. Впрочемъ

онъ указывалъ, что будетъ плохимъ педагогомъ въ Россіи, такъ какъ языкъ Вольтера единственный, которымъ онъ владѣетъ правильно, и кромѣ того, развѣ не условлено, что онъ всегда останется „ничемъ“ въ распоряженіи ея величества? На этотъ разъ, уѣзжая въ Парижъ, онъ увозилъ съ собой неопредѣленный, но тѣмъ болѣе соблазнительный титулъ императорскаго агента, при жалованіи въ двѣ тысячи рублей и чинѣ, соотвѣтствующемъ полковничьему. Это послѣднее очень забавляло Фридриха; но самъ Гриммъ вовсе этимъ не смущался.

Ему не суждено было свидѣться болѣе съ Екатериной; но, тѣмъ не менѣе—и совершенно справедливо—онъ считался въ глазахъ всей Европы человѣкомъ, стоящимъ ближе всего къ русской императрицѣ, хотя и былъ отдѣленъ отъ нея пространствомъ въ восемьсотъ миль. Въ теченіе двадцати семи лѣтъ онъ сохранилъ это исключительное положеніе, получая кое-какія почетныя отличія, которымъ всегда придавалъ очень большое значеніе, и живя въ скромномъ довольствѣ, отнятомъ у него революціей. Террористы, разграбившіе его домъ, не нашли тамъ корреспонденціи Екатерины: Гриммъ успѣлъ увезти ее въ Германію. Революціонерамъ пришлось удовольствоваться сожженіемъ портрета императрицы; но все имущество Гримма погибло. По словамъ Шерера это представлялось не конфискаціей—такъ какъ Гриммъ былъ иностранцемъ и даже дипломатомъ, пользовавшимся въ качествѣ такового покровительствомъ народнаго права—но просто секвестраціей, за которой послѣдовало возвращеніе въ силу декрета Директоріи. Я не беру на себя противорѣчить ученому біографу, а еще менѣе того, осуждать революціонное правосудіе, и поэтому ограничусь передачей фактовъ. Примѣненіе этого правосудія, стоящаго повидимому въ глазахъ Шерера очень высоко, можно исторически возстановить въ слѣдующемъ видѣ: состояніе Гримма, въ то время, какъ его захватила революція, состояло въ тридцати тысячахъ ливровъ дохода, кромѣ довольно богатой обстановки и великолѣпной бібліотеки. Возвращены были—какъ признаетъ самъ Шереръ—только цѣнности. Книги, бумаги, картины, избѣгнувшія вышеупомянутаго сожженія, застряли въ хранилищахъ, откуда кое-какіе остатки попали въ французскіе музеи.

Конфискованныя цѣнности были оцѣнены въ шестьдесятъ тысячъ и выплачены—ассигнаціями. Легендарная исторія пары манжетъ, къ которой свелась эта уплата и которая подъ перомъ Гримма приняла видъ шутки, имѣетъ основаніемъ весьма реальный фактъ, очень обыкновенный для времени, когда все это произошло. Стараясь избѣгнуть потерь отъ все болѣе и болѣе падавшихъ бумажныхъ денегъ, банкиры императорскаго наперсника прибѣгли къ приему, обыкновенному въ эти смутныя времена: они превратили ассигнаціи въ товаръ, и Гриммъ за свои 60 тысячъ получилъ три пары кружевныхъ манжетъ и нѣсколько кусковъ кисей—все въ ящикѣ, высотой въ шесть дюймовъ. Вотъ все, что у него осталось отъ его состоянія послѣ столкновенія съ революціей.

Екатерина пополнила часть утраты нѣсколькими подарками, имѣвшими по ея выраженію цѣлю „подогрѣть котелъ“ „козла отпущенія“—или „страстотерца“, прозванія никогда такъ не оправдавшіяся, какъ именно въ этомъ случаѣ. По своему обыкновенію, императрица сопровождала свои подарки еще болѣе щедрыми обѣщаніями, которыя забыла исполнить, и „котлу“ часто приходилось испытывать недостатокъ въ топливѣ. Гримму надо было кормить много ртовъ. Подъ старость у него получилась цѣлая семья: онъ принялъ къ себѣ Эмилию де-Вельзѣнсъ, внучку мадамъ д’Эпинэ, бывшую замужемъ за графомъ де-Брѣйль, имѣвшую отъ него нѣсколько дѣтей и тоже разоренную революціей. Онъ завѣщалъ Екатеринѣ заботу о всѣхъ нихъ, въ томъ числѣ и о Антуанеттѣ Маршэ—вѣрной служанкѣ, храбро, хотя и бесполезно, защищавшей противъ грабителей квартиру хозяина и успѣвшей бѣжать къ нему въ Германію. Екатерина сначала было предполагала пріютить въ Петербургѣ этихъ жертвъ великой западной бури, но впоследствии устроила такъ, что Гриммъ не поймалъ ее на словѣ. Его она назначила сначала своимъ представителемъ при саксонскомъ дворѣ въ Готѣ, а потомъ резидентомъ въ Гамбургѣ. Павелъ утвердилъ его въ этой должности, но Гриммъ долженъ былъ ее оставить, лишившись глаза. Вернувшись въ Готу, онъ протянулъ еще до 1807 г. и умеръ восьмидесяти четырехъ лѣтъ. Его наслѣдники передали въ 1871 г. императору Александру письма Екатерины, съ которыми Гриммъ не разставался, несмотря на всѣ

превратности жизни. Они напечатаны въ *Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*. Изъ писемъ же его къ императрицѣ сохранились только немногія. Экземпляръ *Литературной Переписки*, присланный державной петербургской подисчицѣ, находится въ Московскомъ архивѣ; но, хотя онъ и болѣе полонъ, чѣмъ перепечатанный текстъ, а все же представляетъ много пробѣловъ.

Я попытаюсь теперь показать, что такое былъ этотъ человекъ, біографію котораго съ той минуты, какъ въ его жизнь вошла Екатерина, уже изложилъ въ краткихъ чертахъ. Свидѣтельства современниковъ, вообще, говорятъ не въ его пользу; даже мадамъ д'Эпинэ не составляетъ исключенія. Она, правда, пыталась въ своихъ мемуарахъ заступиться за того, кто не могъ не быть ей дорогъ, но присоединила къ своей защитительной рѣчи подлинныя документы, и результаты получились губительныя. Она выводитъ на сцену Дюкло, безъ обиняковъ заявлявшаго, что его бывший другъ, превратившійся въ соперника, „ловкій, пронырливый и изворотливый плутъ“; рассказывавшаго о низкихъ поступкахъ Гримма съ „маленькой Фель“, пѣвицей, за которую онъ не подумалъ заступиться, и съ Хольбахомъ, дружбы котораго добивался, чтобъ „жить съ его женой и управлять самимъ имъ“. Гриммъ отомстилъ, намекнувъ общему другу, будто Дюкло публично хвалился, что пользовался ея милостями, и результатомъ была отставка Дюкло и полное господство Гримма. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, мадамъ д'Эпинэ ужаснулась, открывъ принципы, которые сталъ выставлять счастливый преемникъ Дюкло съ тѣхъ поръ, какъ вступилъ въ сношенія съ коронованными особами: „Онъ различаетъ двѣ справедливости: одна изъ нихъ существуетъ для государей!“ У мадамъ д'Эпинэ сдѣлалась отъ того мигрень, „чуть было не сведшая ее въ могилу“. Дидро пришелъ лѣчить и утѣшать ее. „Я все это вижу такъ же, какъ она“, писалъ онъ на слѣдующій день мадемуазель Волянъ, „но, между тѣмъ, защищаю его, какъ могу. На каждый упрекъ, я отвѣчаю прищѣвомъ: но онъ еще молодъ, вѣренъ, и вы любите его. И она начинаетъ смѣяться“.

Портретъ, нарисованный этой возлюбленной, поневолѣ принужденной быть снисходительной, принадлежитъ дѣйствительно кисти художника, влю-

бленнаго въ свою модель: „Смѣсь простодушія и проницательности придаютъ ему пріятность; фізіономія у него интересная; манеры небрежныя, душа твердая, нѣжная, великодушная и возвышенная. Именно въ ней есть гордость, благодаря которой при наличности самоуваженія, никого не унижаютъ. Онъ думаетъ и выражается сильно, но неправильно. Никто, говоря такъ плохо, не пользуется бѣльшимъ успѣхомъ у слушателей. Мнѣ кажется, что не можетъ быть человѣка со вкусомъ болѣе изысканнымъ, съ тактомъ болѣе деликатнымъ, тонкимъ и вѣрнымъ. Онъ имѣетъ особенную, присущую ему манеру шутить, которая идетъ только къ нему одному. Его характеръ—смѣсь правдивости, мягкости, нелюдимости, чувствительности, сдержанности, грусти и веселости. Онъ любитъ уединеніе, и ясно видно, что вкусъ къ обществу въ немъ не природенный. Нѣтъ человѣка, который такъ ясно видѣлъ бы, чего требуютъ интересы другого, который могъ бы дать совѣтъ; но исполнить его онъ не умѣетъ“.

„Любви къ уединенію“, найденной у этого человѣка, котораго самъ Дидро не могъ не прозвать „маркизомъ“, иронизируя надъ его тщеславіемъ и свѣтскими претензіями, достаточно для опредѣленія вѣрности картины; а пріятность въ фізіономіи съ большими глазами на выкатѣ и кривымъ носомъ, (впрочемъ „всегда обращеннымъ по вѣтру“ по словамъ другой пріятельницы), оставившими даже въ воспоминаніяхъ де-Мэстра такое непріятное впечатлѣніе, могъ найти только глазъ, на который Амуръ набросилъ свою повязку. Руссо, можетъ быть, выдумалъ, что „маркизь“ прибѣгалъ къ румянамъ, „чтобы сгладить недостатки своей кожи“, и прозваніе „Tugan le Blanc“, повидимому, напоминавшее названіе одного рыцарскаго романа изъ первыхъ прочитанныхъ Екатериной, врядъ ли имѣло какое-либо отношеніе къ употребленію притиранія—бѣлилъ тѣмъ, кого такъ иногда называла Екатерина. Но какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи мы, вмѣстѣ съ мадамъ д'Эпинз, далеки отъ мнѣнія, высказываемаго безпристрастными наблюдателями о человѣкѣ, о которомъ, напр., графъ де-Тильи выражался въ своихъ мемуарахъ, что Гриммъ „постоянно желалъ быть въ гостиныхъ, когда общее мнѣніе указывало ему мѣсто въ передней“, и которыми занялась газета „Tout

Paris“, рассказывая, какъ во время похоронъ своего друга и покровителя, графа де-Фризь онъ шелъ за гробомъ со всѣми признаками глубокаго горя, проливая горячія слезы и еле переступая, а затѣмъ вдругъ, зайдя за уголь, быстро положилъ платокъ въ карманъ и съ иронической улыбкой привялся за чтеніе интересной брошюры.

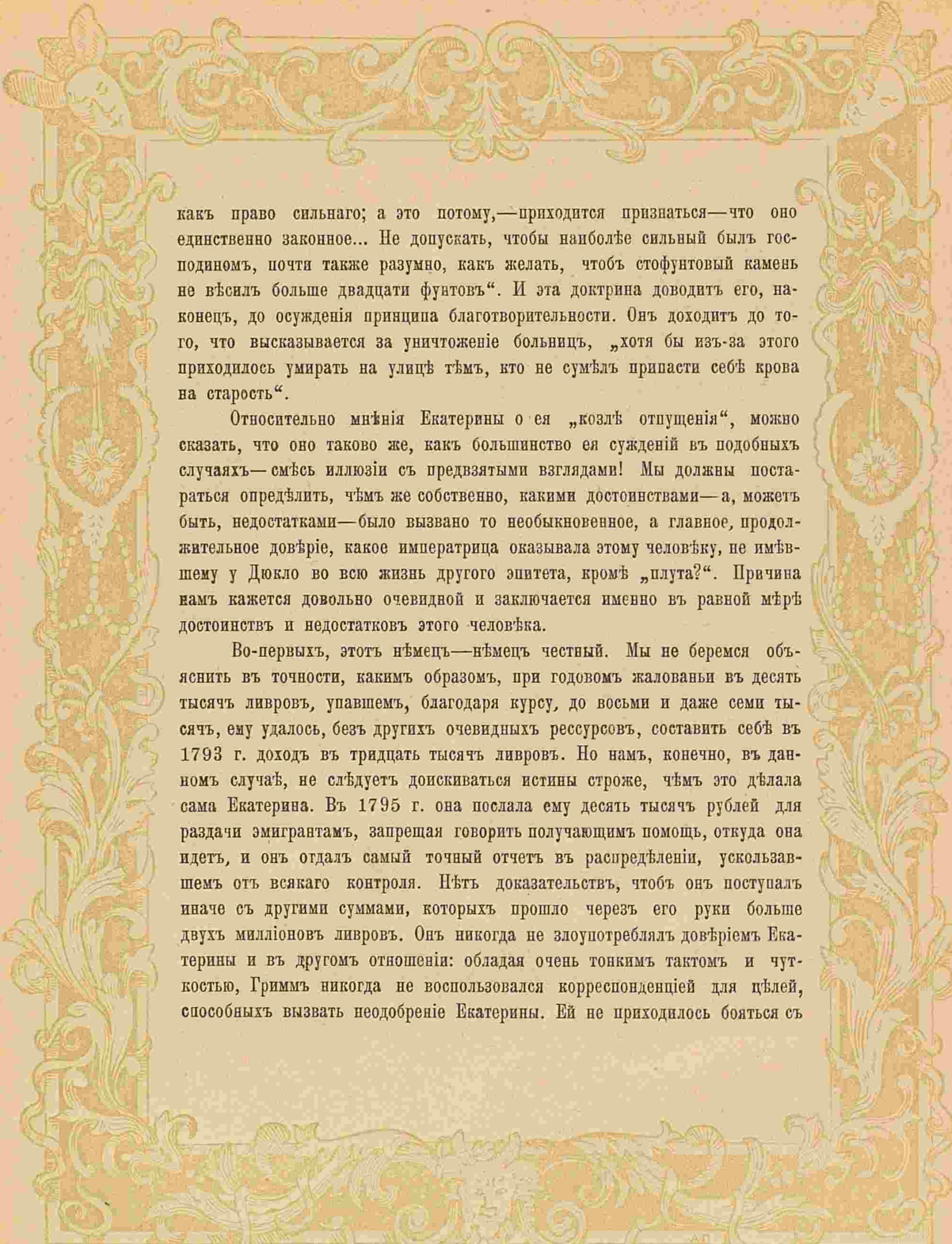
Кромѣ Дидро, мадамъ д'Эпинэ и еще двухъ или трехъ такихъ же снисходительныхъ друзей, у Гримма было много знакомыхъ; но мало кто былъ расположенъ къ нему въ городѣ, гдѣ ему захотѣлось жить и желательно было умереть. Парижъ не любилъ его и не безъ причины: этотъ пріемный сынъ Франціи, сдѣлавшійся по собственному выбору парижаниномъ, не любилъ ни страны, ни города, которыхъ называлъ „своими“, „*Маленькій пророкъ изъ Бѣмшброта*“, создавшій ему литературное имя, въ сущности, ничто иное какъ беспощадный памфлетъ противъ страны, пріютившей его.

„И я скрылъ твой позоръ и упадокъ отъ сосѣдей... какъ будто ты не потеряла вкуса ко всему прекрасному и возвышенному; я помѣшалъ имъ видѣть тебя пресмыкающейся въ мелочности твоихъ идей...“

Иностранцы—можетъ быть, не бесполезно сказать, что это, мимоходомъ, замѣчаетъ одинъ изъ нихъ—уже тогда были весьма склонны констатировать упадокъ Франціи, ея отвращеніе отъ возвышеннаго и прекраснаго и сузившійся умственный горизонтъ, что не мѣшало имъ, впрочемъ, стекаться туда толпами и принимать участія въ такомъ ея униженіи.

Самый французскій языкъ, этотъ нѣмецъ—постоянно прибѣгавшій къ нему—считаемъ орудіемъ неблагодарнымъ и несовершеннымъ, отказываясь признать за нимъ даже общепринятые качества: ясность и точность. Онъ пользовался ими—можно сказать—какъ плохой работникъ, которому наплевать на его инструменты. Что же касается жителей страны, то они въ его глазахъ не имѣютъ иной заслуги, кромѣ живости, граничащей съ необузданностью. Онъ нѣмецъ и остается имъ въ сокровенной глубинѣ своей души. Его социальное ученіе также чисто нѣмецкое: „Желаете вы теперь, чтобы я сказалъ вамъ, что думаю? Не будемъ дѣтьми и не станемъ бояться словъ. Вѣдь, въ сущности, нѣтъ на свѣтѣ другого права,

какъ право сильнаго; а это потому,—приходится признаться—что оно единственно законное... Не допускать, чтобы наиболѣе сильный былъ господиномъ, почти также разумно, какъ желать, чтобъ стофунтовый камень не вѣсилъ больше двадцати фунтовъ“. И эта доктрина доводитъ его, наконецъ, до осужденія принципа благотворительности. Онъ доходитъ до того, что высказывается за уничтоженіе больницъ, „хотя бы изъ-за этого приходилось умирать на улицѣ тѣмъ, кто не сумѣлъ припасти себѣ крова на старость“.

Относительно мнѣнія Екатерины о ея „козлѣ отпущенія“, можно сказать, что оно таково же, какъ большинство ея сужденій въ подобныхъ случаяхъ—смѣсь иллюзіи съ предвзятыми взглядами! Мы должны постараться опредѣлить, чѣмъ же собственно, какими достоинствами—а, можетъ быть, недостатками—было вызвано то необыкновенное, а главное, продолжительное довѣріе, какое императрица оказывала этому человѣку, не имѣвшему у Дюкло во всю жизнь другого эпитета, кромѣ „плута?“. Причина намъ кажется довольно очевидной и заключается именно въ равной мѣрѣ достоинствъ и недостатковъ этого человѣка.

Во-первыхъ, этотъ нѣмецъ—нѣмецъ честный. Мы не беремся объяснить въ точности, какимъ образомъ, при годовомъ жалованьи въ десять тысячъ ливровъ, упавшемъ, благодаря курсу, до восьми и даже семи тысячъ, ему удалось, безъ другихъ очевидныхъ ресурсовъ, составить себѣ въ 1793 г. доходъ въ тридцать тысячъ ливровъ. Но намъ, конечно, въ данномъ случаѣ, не слѣдуетъ доискиваться истины строже, чѣмъ это дѣлала сама Екатерина. Въ 1795 г. она послала ему десять тысячъ рублей для раздачи эмигрантамъ, запрещая говорить получающимъ помощь, откуда она идетъ, и онъ отдалъ самый точный отчетъ въ распредѣленіи, ускользавшемъ отъ всякаго контроля. Нѣтъ доказательствъ, чтобъ онъ поступалъ иначе съ другими суммами, которыхъ прошло черезъ его руки больше двухъ милліоновъ ливровъ. Онъ никогда не злоупотреблялъ довѣріемъ Екатерины и въ другомъ отношеніи: обладая очень тонкимъ тактомъ и чуткостью, Гриммъ никогда не воспользовался корреспонденціей для цѣлей, способныхъ вызвать неодобреніе Екатерины. Ей не приходилось бояться съ

его стороны ни неловкости, ни нескромности. Онъ оказывалъ ей вѣрность собаки, и съ ловкостью искуснаго полицейскаго умѣлъ хранить отъ всякихъ посягательствъ ввѣренную ему тайну.

Что касается вкусовъ, умственныхъ наклонностей, житейскихъ и нравственныхъ привычекъ императрицы, то второго такого корреспондента невозможно было найти—онъ былъ, такъ сказать, по заказу созданъ для нея. „Я никому не писала такъ, какъ вамъ... Вы меня понимаете лучше, чѣмъ кто-либо, и очень часто вамъ въ Парижѣ приходятъ тѣ же мысли, что мнѣ въ Москвѣ... Пріѣзжайте, баронъ, пріѣзжайте; мнѣ надо поговорить съ вами... Вотъ два вашихъ письма, требующихъ отвѣта. Правда, тутъ же лежатъ два отъ французскаго короля, три отъ шведскаго, два отъ Вольтера, второе больше отъ неизвѣстно кого,—все полученныя раньше... но, такъ какъ они меня не занимаютъ, потому что ихъ надо писать, а съ вами я болтаю, а не сочиняю, то я предпочитаю забавляться“. Такія заявленія, постоянно повторяющіяся въ перепискѣ съ „возломъ отпущенія“, объясняютъ, почему Екатерина дорожила этой перепиской. Она любила поболтать. А главное, любила писать безъ прямой необходимости или цѣли, только ради того, чтобы водить перомъ и высказывать свои мысли, вродѣ того, какъ піанисты или фехтовальщики упражняются на нѣмыхъ фортепіано или выпадаютъ противъ стѣны. Гриммъ былъ для Екатерины инструментомъ для упражненій, хотя и не вполне нѣмымъ; фехтовальной стѣной, за которой, впрочемъ, скрывалась шпага, естественно съ мягкимъ наконечникомъ, сдержанная и почтительная, но отвѣчающая по желанію, и дававшая возможность дѣлать красивыя движенія рапирой. Обычный тонъ писемъ Гримма къ Екатеринѣ—тонъ неизмѣннаго каждаго, какъ бы близкаго къ номѣшательству, а вмѣстѣ съ тѣмъ всегдашней шутливости. Всегда веселый, Гриммъ шуткой исправлялъ погрѣшности каждаго, смягчая его крайности кажущейся насмѣшкой и окутывая все какъ бы покровомъ непослѣдовательности и дурачества. Но преувеличенная до крайности лезть являлась у „козла отпущенія“ не только уловкой придворнаго; со временемъ она вошла у него въ постоянную привычку... Гримму нечего было ожидать многого отъ принцессы Саксенъ-Готской, съ которой онъ также

вель переписку; а между тѣмъ, онъ не могъ распечатать ея письма, чтобъ не испытать „сладкаго трепета, предшествующаго восхитительнымъ ощущеніямъ“. Онъ постоянно „цѣлуетъ ея ноги, какъ древніе цѣловали алтари благосклонныхъ божествъ“. Дальше этого онъ не шель и въ письмахъ къ Екатеринѣ, только приправлялъ свои выраженія солью нѣсколько грубыхъ шутокъ, приходившихся, какъ онъ зналъ, по вкусу императрицѣ. Онъ также испытывалъ волненіе, распечатывая ея письма, но это волненіе выражалось инымъ способомъ: онъ „ревѣлъ, какъ теленокъ“; „лисабонское землетрясеніе ничто въ сравненіи съ восторгомъ, потрясающимъ его“. Когда курьеръ изъ Петербурга привезъ ему давно просимый портретъ, онъ писалъ: „Обожаемый образъ былъ принятъ съ такой же церемоніей и такимъ же почтеніемъ, съ какимъ графъ Суворовъ принялъ андреевскую ленту подъ Кинбурномъ: за исключеніемъ того, что я не причащался, я такъ же смѣялся, плакалъ и такъ же, какъ онъ, походилъ на сумасшедшаго. Зачѣмъ я не причастился, какъ онъ, и подъ обоими видами, прежде чѣмъ прикоснуться къ чтимому образу!.. Да будетъ благословенна та, которая милостиво пожаловала своему страстотерпицу это безцѣнное изображеніе безсмертной“...

Вмѣстѣ съ тѣмъ было легко отвѣчать ему въ томъ же шутовскомъ тонѣ; онъ не сердился, когда поднимали на смѣхъ его физическіе недостатки и свойства характера,—умъ и здоровье, больныя кишки, и аристократическія претензіи. Вѣдь не напрасно онъ былъ „козломъ отпущенія!“ Ему также случалось бывать и „Жоржъ Данденомъ“, и „еретикомъ“, и „Гераклитомъ“, и „баровомъ“, и „человѣкомъ съ дырчатыми книжками“. И не одна Екатерина имѣла привилегію такъ смѣяться надъ нимъ и такъ переряживать его. Фридриху тоже случалось называть его „мосье де-ла-Гримальеръ“ *) послѣ того, какъ онъ получилъ баронское достоинство; и, повидимому, Гриммъ не сердился на Фридриха. Но—и въ томъ именно состояло его искусство и превосходство—онъ не ограничивался тѣмъ, что подставлялъ спину; это въ концѣ концовъ опошлилось бы: онъ умѣлъ

*) Игра словъ. Grimaud—плохой писатель.

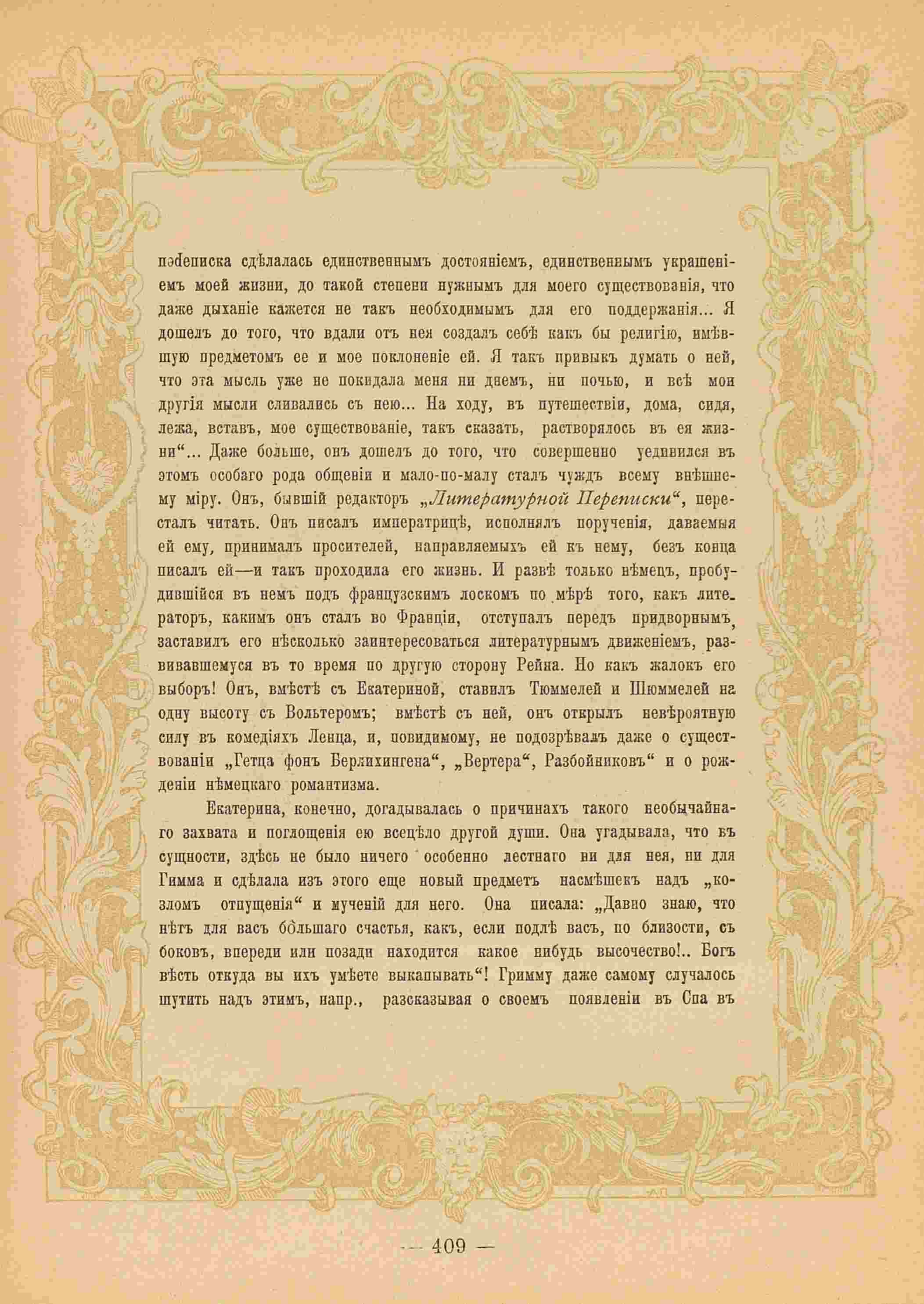
кстати возразить или сдѣлать смѣлое нападеніе, но никогда не уязвляя этимъ—такъ искусно онъ обвертывалъ остріе своего оружія. Посылая своей императрицѣ модель двери, нарисованную Клериссо, онъ писалъ: „Вполнѣ увѣренъ, что Ваше Величество не затѣете пустой ссоры изъ-за модели этой двери и не станете говорить мнѣ: „Боюсь, не слишкомъ ли она хороша“, потому что я былъ бы способенъ отдать въ печать императорское письмо; но подобное появленіе въ печати принесло бы очень много вреда императрицѣ, показавъ міру, что въ умѣ Ея Величества бываетъ иногда такая неразбериха, при какой неизвѣстно, кого слушаться; что мысли тѣсняются, сталкиваются, насканиваются одна на другую, такъ что требуется все нѣмецкое хладнокровіе „козла отпущенія“, чтобы не полетѣть вверхъ тормашками“.

Подобныя выходки легко прощались ему; онъ, впрочемъ, никогда не забывалъ извиниться въ нихъ со всей приниженностью, на какую былъ способенъ, а способность его въ этомъ отношеніи была безгранична; это приниженность „червяка, не забывающаго, несмотря на легкомысленный тонъ, позволяемый себѣ въ минуты необузданной веселости, своего происхожденія—т. е. своего ничтожества“. Такія извиненія всегда охотно принимались державной корреспонденткой, потому что возбуждали ее и приводили въ надлежащее настроеніе. Гриммъ былъ нуженъ ей, чтобы она имѣла возможность развернуть свою фантазію и дать волю своему перу, изъ подъ котораго выходили все новыя шутки, юмористическія замѣчанія, язвительныя слова, веселыя скачки мыслей, перепрыгивающихъ сразу отъ политики къ сплетнямъ и отъ философіи къ неприличностямъ. Одна мысль о разговорѣ съ „козломъ отпущенія“ приводила императрицу въ веселое расположеніе духа и побуждала ее вносить отгѣнокъ дурачества даже въ заголовкѣ „грамотокъ“, отправляемыхъ къ нему: „Изъ стариннаго утячьаго гнѣзда—въ настоящее время С.-Петербурга“... „Листокъ, который безвсякой потери можно бросить въ огонь, не читая“... „Изъ Петергофа, который ни я, ни м-ръ Томасъ не любимъ“... М-ръ Томасъ любимая собака императрицы.—Прозвища идутъ своимъ чередомъ! Нѣтъ никого, кого бы Екатерина называла по имени. Даже вещи скрывались подъ масками,

Иосифъ II былъ „человѣкомъ двуликимъ“ до свиданія въ Могилевѣ, или малюткой—*risolo bambino*; а послѣ свиданія онъ превратился въ „орла“; Марія Терезія—въ „мамашу“... Густавъ III шведскій—„Фальстафъ“. Насмѣхаясь надъ дипломатіей—а это была одна изъ ея любимыхъ темъ въ перепискѣ съ Гриммомъ—Екатерина говорила: „Гороховый кисель“, а клеймя представителей революціонной анархіи, писала: „Köther“ „Bärenhäuter“, „Bärenreiter“, объясняя такимъ образомъ послѣднее опредѣленіе: „Въ Помераніи зовутъ Köther очень безобразныхъ и грязныхъ собакъ... Не могу также согласиться, чтобъ Bärenhäuter—„одѣвающійся въ медвѣжью шкуру“ было бранью, но тотъ, кто ѣздитъ верхомъ на медвѣдѣ—смѣшонъ“.

Замѣтьте, что тутъ съ ея стороны нѣтъ никакой иносказательности; „грамоты“, адресованныя къ Гримму, не подвергались почтовымъ случайностямъ. Это просто игра, шалость, дурачество развеселившагося карикатуриста. Екатерина, впрочемъ, маскировала даже языкъ, которымъ пользовалась: писала на нарѣчій собственнаго изобрѣтенія, перемѣшивая свои фразы съ выраженіями французскими, нѣмецкими и итальянскими, носящими также отпечатокъ ея фабрикаціи. Она говоритъ, что война „a déprojeté ses projets“—„распроектировала ея проекты“. Она возвѣщаетъ, что завтра будетъ „законодательствовать“—„elle législatera“; пишетъ, примѣшивая итальянскія слова „Ma si il signor marchese del Grimmo volio fara mi plaisir“, и бѣжитъ дальше, снѣшитъ, галопируетъ, разматывая такимъ образомъ среди болѣе или менѣе счастливыхъ выдумокъ и болѣе или менѣе остроумныхъ шутокъ, безконечную пасьму своего воображенія. Иногда „козла отпущенія“ она называетъ „своимъ мотовиломъ“.

Наконецъ, Екатерина, была признательна Гримму—и это главное—за то, что она занимала не только значительное мѣсто въ его существованіи, но, мало-по-малу заполняла его „я“ нераздѣльно и являлась главной заботой его жизни. Исторія сношеній Гримма съ его державной пріятельницей—это исторія постепеннаго и, въ концѣ концовъ, полного поглощенія одной индивидуальности другой. Гриммъ самъ сознавался. „Эта

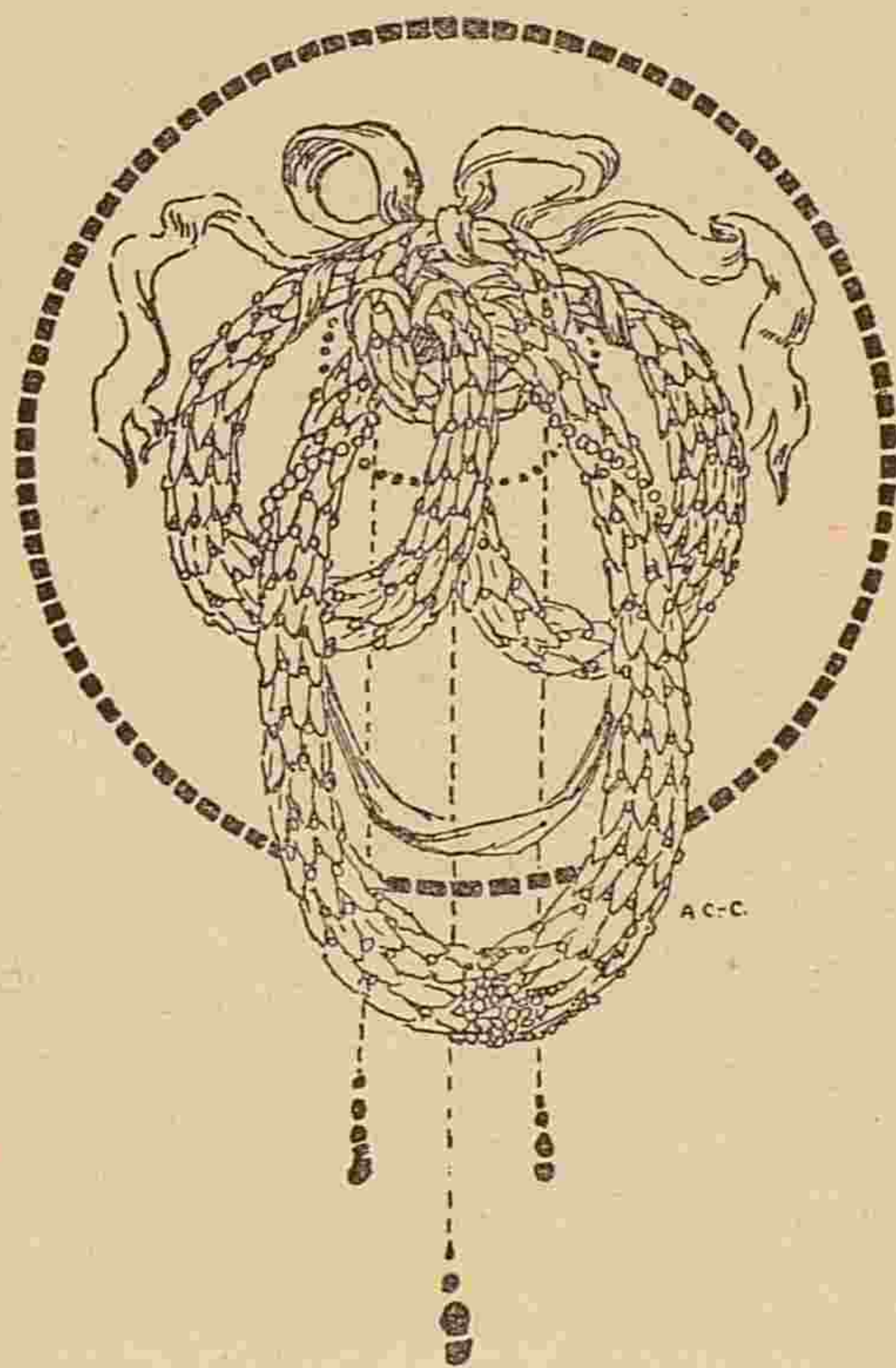

пѣписка сдѣлалась единственнымъ достояніемъ, единственнымъ украшеніемъ моей жизни, до такой степени нужнымъ для моего существованія, что даже дыханіе кажется не такъ необходимымъ для его поддержанія... Я дошелъ до того, что вдали отъ нея создалъ себѣ какъ бы религію, имѣющую предметомъ ее и мое поклоненіе ей. Я такъ привыкъ думать о ней, что эта мысль уже не покидала меня ни днемъ, ни ночью, и всѣ мои другія мысли сливались съ нею... На ходу, въ путешествіи, дома, сидя, лежа, вставъ, мое существованіе, такъ сказать, растворялось въ ея жизни"... Даже больше, онъ дошелъ до того, что совершенно уединился въ этомъ особаго рода общеніи и мало-по-малу сталъ чуждъ всему внѣшнему міру. Онъ, бывшій редакторъ „Литературной Переписки“, пересталъ читать. Онъ писалъ императрицѣ, исполнялъ порученія, даваемые ей ему, принималъ просителей, направляемыхъ ей къ нему, безъ конца писалъ ей—и такъ проходила его жизнь. И развѣ только нѣмецъ, пробудившійся въ немъ подъ французскимъ лоскомъ по мѣрѣ того, какъ литераторъ, какимъ онъ сталъ во Франціи, отступалъ передъ придворнымъ, заставилъ его нѣсколько заинтересоваться литературнымъ движеніемъ, развивавшемся въ то время по другую сторону Рейна. Но какъ жалокъ его выборъ! Онъ, вмѣстѣ съ Екатериной, ставилъ Тюммелей и Шюммелей на одну высоту съ Вольтеромъ; вмѣстѣ съ ней, онъ открылъ невѣроятную силу въ комедіяхъ Ленца, и, повидимому, не подозревалъ даже о существованіи „Гетца фонъ Берлихингена“, „Вертера“, „Разбойниковъ“ и о рожденіи нѣмецкаго романтизма.

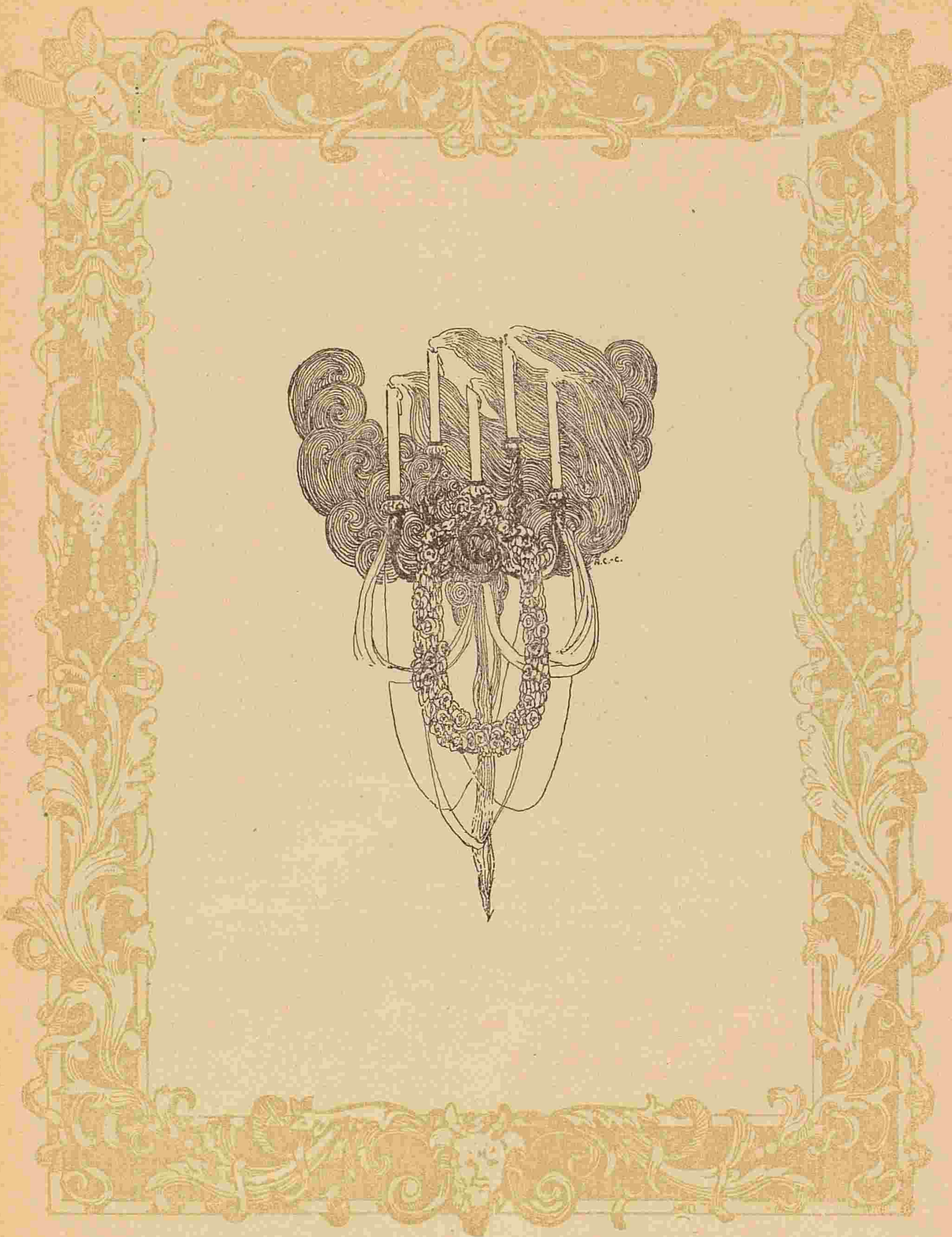
Екатерина, конечно, догадывалась о причинахъ такого необычайнаго захвата и поглощенія ею всецѣло другой души. Она угадывала, что въ сущности, здѣсь не было ничего особенно лестнаго ни для нея, ни для Гимма и сдѣлала изъ этого еще новый предметъ насмѣшекъ надъ „колломъ отпущенія“ и мученій для него. Она писала: „Давно знаю, что нѣтъ для васъ бѣльшаго счастья, какъ, если подлѣ васъ, по близости, съ боковъ, впереди или позади находится какое нибудь высочество!.. Богъ вѣсть откуда вы ихъ умѣете выкапывать!“! Гримму даже самому случалось шутить надъ этимъ, напр., рассказывая о своемъ появленіи въ Спа въ

театральной ложѣ, гдѣ находился Іосифъ II съ Генрихомъ прусскимъ, и объ удовольствіи, которое онъ испытывалъ, воображая, какую сенсацію это произведетъ между мѣстными зѣваками. Они непременно скажутъ: „Правда, „козель отпущенія“ православной императрицы долженъ быть животное почтенное!“ Екатерина не старалась поставить Гримма выше добровольно занятаго имъ положенія, въ которомъ онъ чувствовалъ себя такъ удобно. Онъ имѣлъ полное право отрицать, чтобы когда-нибудь игралъ въ Парижѣ болѣе или менѣе двусмысленную роль неофициальнаго императорскаго политическаго агента. Только одинъ разъ, въ 1789 г., когда во всемъ офіціальному персоналу и дипломатическимъ представителямъ французскаго правительства господствовалъ полный хаосъ, императрица рѣшилась обратиться къ Гримму съ порученіемъ такого рода; но результатъ получился неудовлетворительный. Онъ хотѣлъ быть „козломъ отпущенія“ и остался имъ. Въ немъ было слишкомъ много тщеславія, чтобы онъ могъ удовлетвориться мѣстомъ въ „литературной республикѣ“, но умъ у повѣреннаго Екатерины былъ слишкомъ легковѣсный и неглубокій, чтобы, вступивъ въ самыя высшія современныя сферы онъ могъ получить доступъ къ дѣламъ серьезнымъ. Его умъ, характеръ, даже стремленія, предназначали его для низшихъ должностей. Имѣя данныя, чтобы стать писателемъ, онъ ограничился ролью *репортера*. Можетъ быть, Екатерина вначалѣ и предполагала сдѣлать изъ него министра; но онъ самъ просилъ роли *фактотума*—человѣка на всѣ руки. Въ самыхъ его блестящихъ и солидныхъ качествахъ проглядывалъ отпечатокъ лакейства. Онъ какъ будто родился въ передней и жаждалъ ливреи. Подобно лакею, внезапно обогатившемуся спекуляціями Лоу и получившему возможность ѣздить въ каретѣ, онъ предпочиталъ стоять на заняткахъ. Но онъ былъ честный человѣкъ. Про него говорили, что, пожелавъ занять мѣсто среди собакъ русской императрицы, онъ не могъ не лаять на революцію. „Лаять—слишкомъ громко для Гримма, „тявкать“—вотъ все, что можно сказать про него; революція при этомъ немного пострадала; а онъ, съ своей стороны имѣлъ причины не восхищаться ею. Но злобствовать не было въ его характерѣ. Съ него было достаточно распускать хвостъ колесомъ пе-

редь своей императрицей и забавлять ее своими прыжками. Но, конечно, нужно было, чтобы онъ представлялъ изъ себя именно то, чѣмъ былъ, чтобы въ самой Екатеринѣ проявились тѣ черты, которымъ суждено было проявиться, и чтобы ко всему, чѣмъ она прославилась, она еще присоединила единственный въ своемъ родѣ образецъ эпистолярнаго стиля—автобіографическій документъ, подобнаго которому второго не существуетъ. Въ счастливой судьбѣ Екатерины Гриммъ представлялъ одну лишнюю счастливую находку.

Г Л А В А Ш.

Наперсники и наперсницы.—Княгиня Дашкова *).

I. Княгиня Дашкова.—Милость и опала.—Предсѣдательница Академіи или надзирательница надъ прачками.—Рѣдкій музей изящныхъ искусствъ.— Въ Парижѣ.—Бесѣды съ Дидро.—Признанія миссъ Вильмонтъ.—Княгиня въ деревнѣ.—Изъ-за свиней.—Русская женщина въ исторіи.—Послѣдніе годы.—II. Графиня Брюсъ.—Щекотливыя обязанности.—Измѣна и изгнаніе.—Дѣвица Энгельгардтъ.—Графиня Протасова.—Анна Нарышкина.—Единственная въ своемъ родѣ г-жа Ливенъ.—Бецкій.—Наперсникъ или отецъ?—Кумушка императрицы.—Анастасія Соколова.—Второй „козель отпущенія“: Храповицкій.—Образцовый секретарь: Козицкій.—Спеціалистъ по устройству браковъ: баронъ д'Ассебургъ.—Роджерсонъ.

I.

Екатерина,—великій мужъ, по выраженію Вольтера,—въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ намъ извѣстно, сохранила всѣ отличительныя черты, присущія ея полу. Это сказывается даже въ чрезвычайно многочисленномъ

*) *Воронцовскій Архивъ*, V; Барсуковъ, *Замѣтки* къ его изданію записокъ Храповицкаго; Храповицкій, „*Журналъ*“, *Письма Екатерины* въ „*Русскомъ Архивѣ*“ за 1869 г.; *Политическая переписка* въ „Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. *Политическая переписка* въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ Франціи; *Замѣтки* о Козиковѣ (секретарѣ Бецкого) въ „*Русскомъ Архивѣ*“ 1876 г.; Горголи, „*Воспоминанія*“ въ „*Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и антропологіи*“ 1863 г.; Гаррисъ *Diaries*; Лебедевъ, *графы Панины*; *Записки* Болотова, Кастера, княгини Дашковой, Дидро, Долгорукова, Гарновскаго, Греча, де-Сегюра и др.; Сухомлиновъ *Засѣданіе С.-Петербургской Академіи Наукъ*.

штатъ ея приближенныхъ: двусмысленныхъ лицъ, совмѣщавшихъ официальную должность съ офиціознымъ положеніемъ болѣе или менѣе почетнымъ. Съ начала до конца своего царствованія государыня была окружена громаднымъ количествомъ довѣренныхъ лицъ. Но здѣсь-то и обнаруживается Екатерина „Великій мужъ“ со всеѣмъ ея превосходствомъ мужского генія и мужской воли. Несмотря на огромное множество приближенныхъ наперсниковъ и наперсницъ, нѣтъ между ними ни одного мужчины,—который бы осмѣлился, выйдя изъ своихъ рамокъ, посягнуть на ея права. Она пользовалась своими наперсниками и наперсницами, но не они ею. Это ясно выступаетъ въ исторіи наиболѣе замѣчательной женщины изъ ея приближенныхъ.

Въ 1773 г., сообщая Фридриху II о затрудненіи, встрѣченномъ имъ при попыткѣ благопріятнымъ образомъ повліять на возрѣнія Екатерины относительно новыхъ видовъ короля на Польшу, Сольмсъ пишетъ слѣдующее: „Я стучался во всѣ двери; женщины въ этомъ случаѣ не могутъ принести никакой пользы. Теперь въ Россіи не время женщинъ“. Такое заявленіе любопытно въ виду женщины, царившей на престолѣ Петра Великаго, унаслѣдованномъ ею отъ занимавшихъ его въ теченіе столѣтія Елизаветы, Анны *) и Екатерины первой. Очевидно этого не представляла себѣ княгиня Дашкова въ тотъ день, когда, переодѣтая въ ту же гренадерскую форму, неслась вмѣстѣ со своей царственной подругой по дорогѣ изъ С.-Петербурга въ Петергофъ, въ погонѣ за короной. Но мечты, которыми она убаюкивала себя въ то время, оказались воздушными замками, и на слѣдующій же день подтвердилась справедливость замѣчанія посланника Фридриха: триумфъ Екатерины не былъ торжествомъ ея преданной спутницы, и нѣсколько недѣль спустя послѣ восшествія на престолъ новой им-

---

*) Англійскій критикъ „*Эдинбургскаго Обозрѣнія*“ обвиняетъ меня въ статьѣ, перепечатанной въ „*Британскомъ обозрѣніи*“ въ превращеніи царицы Анны, умершей въ 1740 г. въ дочь Екатерины II. Я говорилъ и повторяю теперь, что у Екатерины была дочь, которую звали царевной Анной. „Царевна“ и „царица“ настолько же неравнозначущія названія, какъ король англійскій и принцъ Уэльскій“.

ператрицы, подруга тяжелыхъ дней даже лишилась своего скромнаго права на откровенность государыни, на что она могла рассчитывать за неимѣніемъ лучшаго. Роль ея кончилась.

Надо сознаться, что княгиня оказалась совершенно невыносимой. Въ свои восемнадцать лѣтъ, при своей неопытности, взбалмошномъ характерѣ и честолюбіи, она начала вмѣшиваться во все дѣла, всюду внося беспорядокъ. Она принялась распоряжаться всѣмъ и всюду, отдавая приказы войскамъ, назначая и смѣщая чиновниковъ, держа себя высокомерно даже съ самой Екатериной. Ее приходилось упрашивать, чтобы она согласилась принять назначенный ей орденъ, и при этомъ она давала понять, что ей желательно получить или постъ министра, или командованіе полкомъ. Несмотря на награду въ двадцать четыре тысячи, она приняла видъ обиженнаго существа, обойденнаго во всемъ, и надоѣдала всѣмъ своими жалобами. „Княгиня Дашкова“, писалъ Беранже герцогу де-Праленъ „сообщила мнѣ съ видомъ отчаянья, что не получила никакой выгоды отъ переворота. Я внутренно краснѣлъ за нее, слыша какъ она безстыдно преувеличивала свою бѣдность и несчастье“.

Екатерина, конечно, не могла согласиться на раздѣленіе власти, а „Томирида, говорящая по-французски“, по выраженію Вольтера, именно того и добивалась. Поэтому между двумя вчерашними подругами образовалась непроходимая пропасть. Замѣстительницы Дашковой при Екатеринѣ не имѣли никакого политическаго значенія и не стремились къ этому. Сама княгиня еще въ теченіе семи лѣтъ прозябала при дрорѣ, бесѣдуя о своемъ разочарованіи съ иностранными дипломатами, возлагавшими на нее надежды и даже не добившись того, чтобы обратили должное вниманіе на ея попытки къ возмущенію и на ея излюбленныя выходки. Участіе ея въ заговорѣ Мировича въ 1764 г., и грозившая ей опасность подвергнуться пыткамъ, кажутся намъ совершенно недоказанными. „Ея романтичeskій и поверхностный умъ“, писалъ баронъ Сольмъ въ 1763 г. „настолько извѣстенъ, что трудно предположить, чтобы нашлось много охотниковъ связываться съ ней“. Она не замышляла заговора; она, самое большее, „ворчала“, какъ выразился позднѣе Гриммъ, рисуя ея образъ дѣй-

ствія. Въ 1769 г. она выразила желаніе отправиться путешествовать, получила кошелекъ съ четырьмя тысячами рублей и краткой надписью императрицы карандашемъ: „На почтовыхъ лошадей“, расплакалась отъ досады, приняла, какъ и въ первый разъ, деньги и уѣхала.

Она посѣтила Парижъ, гдѣ ее увидаль Дидро и по своему обыкновенію очаровался ею; Лондонъ, гдѣ она встрѣтилась съ Паоли и возмущалась, видя его живущимъ на счетъ англійскаго короля; наконецъ, Италію, гдѣ принялась выказывать величайшій восторгъ передъ великими произведеніями живописи и скульптуры, какъ будто открытыми тамъ ею. Вернувшись въ Россію, она снова заняла положеніе непокорной жертвы. Чтобы отдѣлаться отъ нея, Екатеринѣ пришла въ голову въ 1782 г. мысль назначить ее предсѣдательницей Академіи наукъ и художествъ. Княгиня возмутилась: „Назначьте меня надзирательницей своихъ прачекъ“, отвѣчала она государынѣ на придворномъ балу. Вернувшись домой, не снимая бальнаго платья, она написала длинное письмо, объясняя причину своего отказа, и ночью отправилась будить фаворита Потемкина, котораго случайно застала дома въ кровати—благодаря недавнему возвышенію Ланскаго, онъ былъ свободенъ—и потребовала, чтобы онъ взялся передать ей письмо императрицѣ. Онъ прочелъ письмо, ни слова не говоря разорвалъ его и опять заснулъ. Она вернулась къ себѣ и снова взялась за перо. Къ семи часамъ утра она закончила второе посланіе, еще болѣе ядовитое, чѣмъ первое, упорно отказываясь въ немъ отъ предлагаемаго ей назначенія, и до сихъ поръ не успѣвъ еще снять съ себя бальнаго платья. Наконецъ, она легла спать. А когда проснулась, императорскій указъ, призывающій ее къ исполненію новыхъ обязанностей, уже лежалъ на ея ночномъ столикѣ. Она приняла видъ еще мрачнѣе обыкновеннаго и сдѣлалась президентомъ Академіи. А въ слѣдующемъ году она даже пожелала предсѣдательствовать въ двухъ мѣстахъ, возымѣвъ мысль учредить русскій Институтъ, проектъ котораго представила императрицѣ. Екатерина не мѣшала ей.

„Ея теперь некогда *ворчатъ*, большой кусокъ зажалъ ей ротъ“ писала императрица Гримму:

Президентша выказала рьяное усердіе въ завѣдываніи порученными

ей учрежденіями и ознаменовала свое управленіе нѣкоторыми полезными распоряженіями и реформами.

Музей изящныхъ искусствъ, который она стремилась преобразовать на европейскій ладъ, былъ составленъ очень страннымъ образомъ. Между прочими предметами, выставленными для обозрѣванія посѣтителей, тамъ находились два сосуда, заключавшіе въ себѣ лежавшія въ спирту головы, снесенныя по приказу Петра I: одна изъ нихъ принадлежала Монсу, сыну фламандскаго ювелира, поселившагося въ Москвѣ, брату Анны Монсъ, предшественницы Екатерины I въ сердцѣ грознаго императора. Монсъ сдѣлаясь любовникомъ царицы и былъ выданъ, говорятъ, Ягужинскимъ, на расправу Петру. Другая голова принадлежала лэди Гамильтонъ, виновный въ томъ, что уступила желаніямъ царя и забеременѣла отъ него. У Петра были свои взгляды на искупленное правосудіе: онъ приказалъ умертвить ребенка и обезглавить мать. Обѣ головы врасовались въ музей съ 1724 г. Княгиня велѣла ихъ убрать. Въ 1786 г. она приказала составить новую карту Россіи. „Эта карта, заранѣе расхваленная“, писалъ по этому поводу графъ де-Сегюръ де-Вержену „встрѣтила строгую критику. Ее находятъ не точнѣе предыдущихъ. Только сѣверные берега Сибири и берега Америки въ ней вѣрнѣе обозначены, потому что они срисованы съ карты Кука, убавившаго по своимъ наблюденіямъ на три или четыре градуса воображаемая владѣнія государства Россійскаго“.

Мы уже рассказывали *) о литературныхъ спорахъ между княгиней Дашковой и императрицей, окончившихся въ 1784 г. закрытіемъ журнала, издававшагося подъ редакціей Дашковой. Десять лѣтъ спустя, подобный же споръ привелъ къ смѣщенію самой предсѣдательницы. Она дала разрѣшеніе и сама содѣйствовала напечатанію посмертной трагедіи Княгинина, весьма не понравившейся императрицѣ („Вадимъ въ Новгородѣ“). Екатерина распорядилась конфисковать книгу, а оскорбленная княгиня съ негодованіемъ подала въ отставку. Она окончательно разсталась съ Петербургомъ и удалилась въ Москву. Послѣднее свиданіе бывшихъ друзей не

*) См. Романъ императрицы.

отличалось нѣжностью: принята послѣ цѣлаго часа ожиданія, Дашкова молча поклонилась. „Счастливаго пути“, пожелала ей императрица. И это было все.

Мнѣніе современниковъ въ общемъ неблагопріятно для этой политической неудачницы, какъ бы предшественницы непонятныхъ женщинъ слѣдующаго вѣка. Кастера даже обвиняетъ Дашкову въ томъ, что въ Италіи она торговала своимъ несуществующимъ вліяніемъ, заставляя давать себѣ взятка художниковъ, искавшихъ ея посредничества у Сѣверной Семирамиды. Тьебо описывалъ забавнымъ образомъ причину необыкновенной поспѣшности, съ какой совершился выѣздъ изъ Парижа княгини. Однажды, на прогулкѣ, ее окружила толпа любопытныхъ, и княгиня обратилась къ одному кавалеру ордена св. Людовика съ вопросомъ:

— Чего вы такъ на меня залюбовались?

— Сударыня, я смотрѣлъ на васъ, но совсѣмъ не залюбовался.

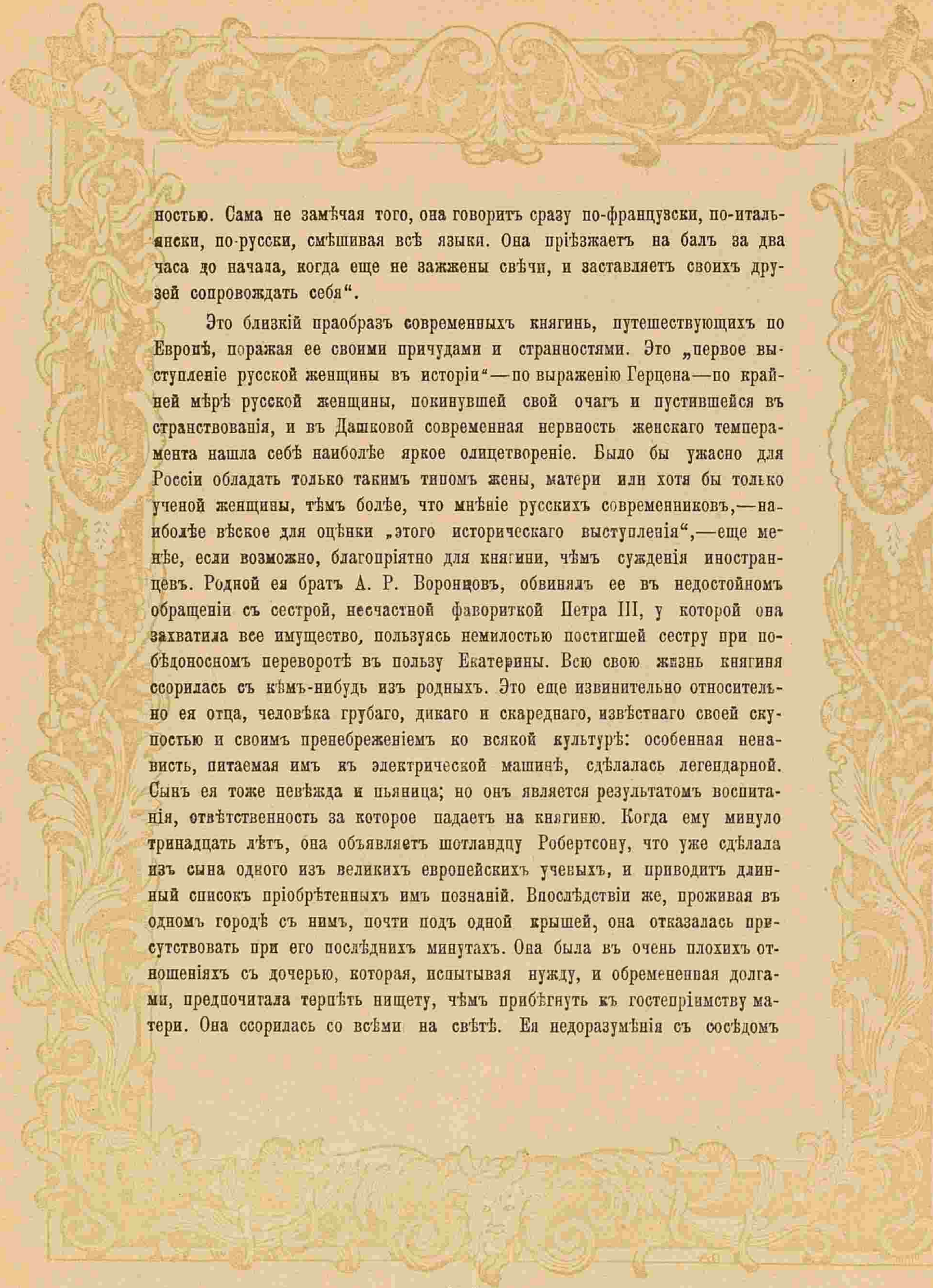
Взбѣшенная, она растолкала толпу, бѣгомъ вернулась домой, потребовала лошадей и уѣхала, не успѣвъ даже захватить съ собой сына, которому пришлось догонять ее въ Англій.

Дидро ничего не было извѣстно объ этомъ приключеніи, и онъ рисуетъ намъ портретъ княгини, весьма мало привлекательнымъ въ смыслѣ внѣшности, но разукрашеннымъ со стороны духовной всѣми прелестями, какими только влюбленный можетъ одарить обожаемое существо. Она „смѣла и горда“. Онъ приписываетъ ей „глубокую честность и чувство собственнаго достоинства“, великое знаніе людей и интересовъ своей родины, рѣшительное отвращеніе къ деспотизму, пронизательность, хладнокровіе, здравое сужденіе, наконецъ, скромность, „доходящую до того, что она не выносила, когда ею восхищались“—черта, приданная кистью благосклоннаго художника и княгинѣ, и Екатеринѣ, и одинаково правдоподобная въ обоихъ случаяхъ. Не былъ ли дѣйствительно влюбленъ „вѣчный энтузіастъ?“ Онъ положительно ревновалъ свою княгиню. Онъ посѣщалъ ее каждый день, когда она возвращалась изъ своихъ путешествій по великой столицѣ, съ наступленіемъ ночи, чтобъ бесѣдовать съ нею о „вещахъ невидимыхъ“,—законахъ, обычаяхъ, правительствѣ, финансахъ, политикѣ, нравахъ,

искусствѣ, наукахъ, литературѣ, природѣ“, конечно,—стремясь ближе ознакомиться съ „этой душой, подавленной несчастьемъ“. Онъ не желалъ, чтобы другіе раздѣляли съ нимъ это преимущество. То онъ упрашивалъ знатную иностранку отказаться отъ ужина у г-жи Неккеръ „гдѣ ее не оцѣнили бы по достоинству“, то отговаривалъ ее отъ свиданія съ Рюльеромъ. Онъ старался даже отстранить г-жу Жоффренъ. Княгиня нѣсколько настаивала относительно Рюльера, автора заинтересовавшей ее книги. Но Дидро замѣтилъ ей „что она признаетъ то, чему не станетъ противорѣчить, а онъ не преминетъ это засвидѣтельствовать“. Она покорилась, цѣлуя своего ментора, что, повидимому, доставляло ему удовольствіе, несмотря на „толстыя губы“ и „испорченные зубы“ его ученицы.

Миссъ Вильмотъ, будущая хранительница мемуаровъ княгини, столь же пристрастна и такъ же очарована ею. Но несмотря на это, образъ, который она даетъ въ письмахъ къ своимъ роднымъ изъ глуши подмосковной деревни, куда послѣдовала за своимъ другомъ, рисуется намъ княгиню особой безпкойней, суетливой, неуживчивой, какой изображаютъ намъ ее современники въ Петербургѣ, но совсѣмъ не такой, какой представлялъ ее себѣ Дидро въ Парижѣ. Княгиня постарѣла—ей уже минуло за шестьдесятъ—но мало измѣнилась: „Что бы она не дѣлала, она ни на кого не похожа; я не только никогда не видала, но даже никогда не слышала о существованіи на свѣтѣ подобнаго ей человѣка. Она учитъ каменщиковъ строить дома, помогаетъ шить рубашки, сама кормитъ скотъ, любитъ музыку, пишетъ для печати, великолѣпно знаетъ церковную службу и поправляетъ священника, когда онъ читаетъ молитву не такъ, какъ слѣдуетъ. Она знаетъ наизусть всѣ пьесы, которыя играютъ, и подсказываетъ актерамъ, когда те путаются въ своихъ роляхъ. Она докторъ, аптекаръ, хирургъ, кузнецъ, столяръ, судья, монахъ... Она переписывается со своимъ братомъ, занимающимъ высокое положеніе въ государствѣ, съ учеными, писателями, а также съ грязными жидами, изъ которыхъ старается извлечь пользу для своихъ дѣлъ. Въ то же время она находитъ возможность писать сыну, различнымъ родственникамъ, всей своей роднѣ. Бесѣда ея, обаятельная по своей простотѣ, граничитъ иногда съ дѣтской наив-

ностью. Сама не замѣчая того, она говоритъ сразу по-французски, по-итальянски, по-русски, смѣшивая всѣ языки. Она прїѣзжаетъ на балъ за два часа до начала, когда еще не зажжены свѣчи, и заставляетъ своихъ друзей сопровождать себя“.

Это близкій праобразъ современныхъ княгинь, путешествующихъ по Европѣ, поражая ее своими причудами и странностями. Это „первое выступленіе русской женщины въ исторіи“—по выраженію Герцена—по крайней мѣрѣ русской женщины, покинувшей свой очагъ и пустившейся въ странствованія, и въ Дашковой современная нервность женскаго темперамента нашла себѣ наиболее яркое олицетвореніе. Было бы ужасно для Россіи обладать только такимъ типомъ жены, матери или хотя бы только ученой женщины, тѣмъ болѣе, что мнѣніе русскихъ современниковъ,—наиболѣе вѣское для оцѣнки „этого историческаго выступленія“,—еще менѣе, если возможно, благоприятно для княгини, чѣмъ сужденія иностранцевъ. Родной ей братъ А. Р. Воронцовъ, обвинялъ ее въ недостойномъ обращеніи съ сестрой, несчастной фавориткой Петра III, у которой она захватила все имущество, пользуясь немилостью постигшей сестру при побѣдоносномъ переворотѣ въ пользу Екатерины. Всю свою жизнь княгиня ссорилась съ кѣмъ-нибудь изъ родныхъ. Это еще извинительно относительно ее отца, человѣка грубаго, дикаго и скарднаго, извѣстнаго своей скупостью и своимъ пренебреженіемъ ко всякой культурѣ: особенная ненависть, питаемая имъ къ электрической машинѣ, сдѣлалась легендарной. Сынъ ее тоже невѣжда и пьяница; но онъ является результатомъ воспитанія, отвѣтственность за которое падаетъ на княгиню. Когда ему минуло тринадцать лѣтъ, она объявляетъ шотландцу Робертсону, что уже сдѣлала изъ сына одного изъ великихъ европейскихъ ученыхъ, и приводитъ длинный списокъ пріобрѣтенныхъ имъ познаній. Впослѣдствіи же, проживая въ одномъ городѣ съ нимъ, почти подъ одной крышей, она отказалась присутствовать при его послѣднихъ минутахъ. Она была въ очень плохихъ отношеніяхъ съ дочерью, которая, испытывая нужду, и обремененная долгами, предпочитала терпѣть нищету, чѣмъ прибѣгнуть къ гостепрїимству матери. Она ссорилась со всѣми на свѣтѣ. Ея недоразумѣнія съ сосѣдомъ

Л. Нарышкинымъ, окончившіяся въ 1788 г. смѣшнымъ процессомъ по поводу свиней, стали историческими. Екатерина сочинила на эту тему комедію-пословицу: „За мухой съ обухомъ“, а Нарышкинъ увѣрялъ, что на красномъ лицѣ его непріятельницы видны слѣды крови убитыхъ ею свиней *). Безкорыстіе, постоянно проповѣдуемое ею въ „Запискахъ“, на дѣлѣ было весьма сомнительнымъ. Дѣйствительно, она съ пренебреженіемъ принимала дары Екатерины, но часто требовала себѣ другихъ подарковъ. Она выражала глубокое презрѣніе къ фаворитамъ государыни, но это не мѣшало ей входить въ сношенія съ однимъ изъ нихъ по поводу имѣнія, полученнаго ею отъ царскихъ щедротъ, и гдѣ не оказалось назначеннаго числа душъ. У нея былъ либеральный образъ мыслей, но она безжалостно выжимала всѣ соки изъ своихъ крестьянъ и наказывала ихъ съ неумолимой жестокостью. За позволеніе покинуть вотчину, чтобы не разставаться съ любимымъ женихомъ, бѣдная дѣвушка должна была внести выкупъ въ сто рублей. Съ наступленіемъ преклонныхъ лѣтъ, Дашковой овладѣла средняя скупость; у гостей, пріѣзжавшихъ навѣстить ее въ ея подмосковной дачѣ, она приказывала отпрягать лошадей и заставляла работать на нихъ у себя въ саду; пользуясь модой „расщипыванія галуновъ“, царившей въ салонахъ Петербурга, она потихоньку таскала въ домахъ, гдѣ бывала, всѣ галуны, какіе попадались ей подъ руку, и продавала ихъ безъ зазрѣнія совѣсти. Добрынинъ упоминаетъ въ своихъ мемуарахъ о домѣ, принадлежавшемъ княгинѣ, гдѣ она жила во время своего пребыванія въ Москвѣ, по слухамъ выстроенномъ на средства Академіи Наукъ.

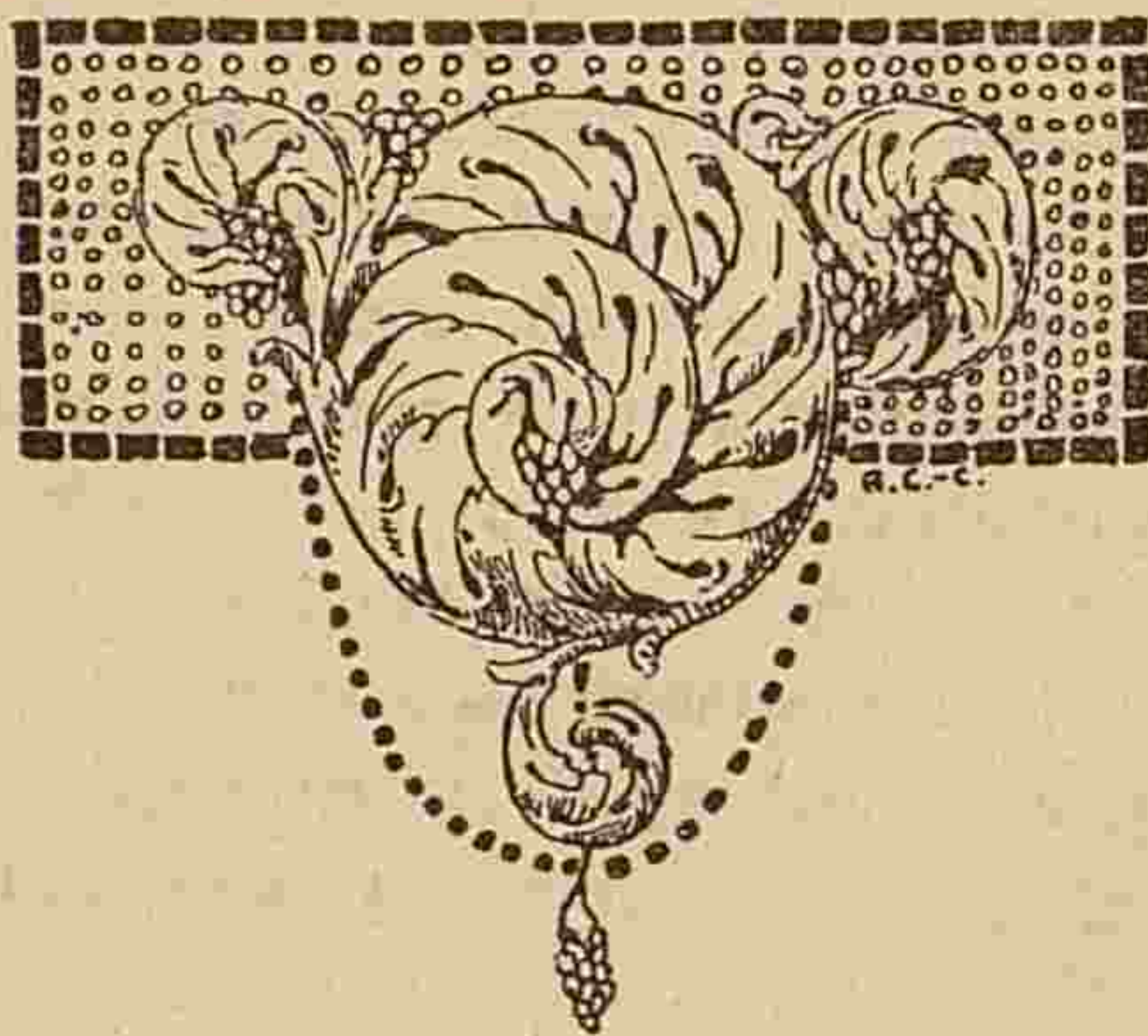
Это обстоятельство не помѣшало торжественному празднованію ея памяти, состоявшемуся недавно въ Академіи. Но память Екатерины заслуживаетъ тоже защиты отъ обвиненія въ несправедливости и неблагодарности, въ чемъ ее можно заподозрить, судя по свидѣтельству княгини, такъ какъ нѣсколькихъ хвалебныхъ выраженій, употребленныхъ въ видѣ

---

*) Дневникъ Храповицкаго.

ораторскаго приѣма, совершенно недостаточно, чтобы изгладить общее впечатлѣніе злопамятливой враждебности *).

„Не могу я примѣняться ко всѣмъ характерамъ“, выразилась однажды Екатерина, разговаривая съ Храповицкимъ о своемъ бывшемъ другѣ. „Она же не въ состояніи ужиться ни съ кѣмъ“.

---

*) Оригиналъ мемуаровъ княгини, написанныхъ въ 1804 г. по-французски сгорѣлъ въ 1808 г. Сохранилось только двѣ копіи—одна въ архивѣ Воронцовыхъ, другая въ семействѣ миссъ Вильмотъ, ставшей м-съ Брэдфордъ. Эти копіи, просмотрѣнныя и исправленныя самой княгиней, писаны рукой г-жи Брэдфордъ. Русскій переводъ сдѣланъ съ англійскаго перевода 1840 года.

II.

Въ 1773 г., въ то время, когда Сольмсъ съ сокрушеніемъ признавалъ невозможнымъ прибѣгнуть къ женскому вліянію на Екатерину, у императрицы была наперсница и близкій другъ; но изъ нея нельзя было извлечь никакой пользы: „Государыня хорошо расположена только къ графинѣ Брюсъ, которая никогда не осмѣливается говорить съ ней о дѣлахъ“, утверждалъ дипломатъ. Конечно, были дѣла, о которыхъ графиня Брюсъ бесѣдовала съ императрицей, но такія, какими совершенно не интересовались ни Фридрихъ, ни его посланникъ. Надо сказать правду, что, во всеѣмъ вѣроятіи, княгиня Дашкова не согласилась бы заниматься ими. Графиня Брюсъ занималась ими долгіе годы къ полному удовольствію своего царственнаго друга, пока, однажды, ей не случилось, какъ мы уже рассказывали, при исполненіи своихъ обязанностей забыться, не замѣтя непритворенной двери. Екатерина отнеслась къ своей соперницѣ милостиво. Корсаковъ былъ красивъ, положеніе, занимаемое графиней, создавало естественнымъ образомъ опасную близость между ней и избранниками царской благосклонности, и государыня не могла слишкомъ изумляться, что послѣ нея были оцѣнены по достоинству прелести, съ которыми представился случай ознакомиться раньше... Наказаніе наперсницы ограничилось тѣмъ, что она была сослана въ изгнаніе въ Москву, вмѣстѣ съ разжалованнымъ фаворитомъ; здѣсь она была покинута имъ. Екатерина навсегда сохранила объ ней благосклонную память: „Невозможно не сожалѣть объ ней, зная ее такъ близко“,—писала она Гриму въ 1785 г., сообщая о ея смерти. Секретныя обязанности графини, о которыхъ намъ теперь неудобно выражаться яснѣе*), были въ свое время предметомъ многочисленныхъ и весь-

*) См. „Романъ Императрицы“.

ма точныхъ комментаріевъ. Байронъ воспѣлъ ихъ въ знаменитыхъ стихахъ, описывая первое появленіе своего Донъ-Жуана при дворѣ Екатерины, гдѣ графиню Брюсъ уже замѣняла дѣвица Протасова:

Затѣмъ императрицею самой
Былъ порученъ особому вниманью
Высокихъ лицъ поручикъ молодой,
И свѣтъ, ея послушенъ приказанью,
Къ нему отнесся съ лаской и хвалой*).

Если вѣрить дипломатическому документу, предназначавшемуся, хотя не прямымъ путемъ, дойти до свѣдѣнія герцога Эгильонскаго, эти обязанности распространялись на области, еще болѣе подчеркивающія ихъ скабрешный характеръ. „Повидимому“, читаемъ мы за помѣткой 7 августа 1772 г. „желательно, чтобы великій князь **) не предсталъ новичкомъ предъ своей будущей супругой, и если вѣрить придворнымъ слухамъ, то г-жа Брюсъ знакомить его съ предвкушеніями удовольствій, о которыхъ теорія дала ему лишь смутныя и опасныя представленія. Это женщина лѣтъ сорока, сохранившая остатки красоты и обладающая прекраснымъ характеромъ“. Авторъ документа, однако, признаетъ, что по этому поводу возможны сомнѣнія, „такъ какъ по другимъ свѣдѣніямъ, болѣе вѣроятнымъ, первыя доказательства возмужалости великаго князя были или будутъ испытаны на одной молодой вдовѣ, здоровой и свѣжей, по фамиліи Чарторыжская“:

Сестра великаго Румянцева, графиня Брюсъ, имѣла мужа, не жившаго съ ней,—за что можно ее извинить, но—пользовавшагося вліяніемъ жены, чтобы, не имѣя никакихъ заслугъ, добраться до высокаго положенія.

---

*) Донъ-Жуанъ, пѣснь IX, стр. 44. Въ русскомъ переводѣ Козлова много сокращеній. У Байрона конецъ этой строфы: As also did miss Protassoff, then there named from her mystic office l'„Epreuveuse“, a term inexplicable to the muse—также отнеслась и дѣвица Протасова, которую за ея таинственную должность называли „Испытательницей“—терминъ музамъ непонятенъ. Прим. перевод.

**) Александръ Павловичъ.

Сынъ шотландца, эмигрировавшаго въ Россію въ эпоху протектората Кромвеля, онъ былъ сдѣланъ сенаторомъ, генераль-аншефомъ, генераль-поручикомъ гвардейскаго Семеновскаго полка и, наконецъ, генераль-губернаторомъ Новгородъ и Твери, на мѣсто Сиверса.

Послѣ катастрофы 1779 г., довѣріе Екатерины, столь жестоко обманутое, перешло, если вѣрить Гаррису, къ дѣвицѣ Энгельгардтѣ, хотя невозможно приписать ей, за недостаткомъ другихъ указаній, унаслѣдованіе „тайнственныхъ“ обязанностей графини, которыя противорѣчатъ ея характеру, насколько его рисуютъ намъ почтенныя семейныя преданія. Эта племянница Потемкина, съ другой стороны, слыла, согласно довольно распространенному мнѣнію, дочерью государыни и великаго фаворита. Такимъ образомъ пытались объяснить исключительное положеніе, занимаемое ею среди царскихъ приближенныхъ. Она жила во дворцѣ, была обласкана, какъ любимый ребенокъ, и окружена свитой, какъ принцесса крови. Но съ исторической точки зрѣнія это предположеніе еще ничѣмъ не доказано, а особое вниманіе, оказываемое Екатериной, можетъ, кромѣ того, имѣть еще другое объясненіе. Выйдя замужъ въ 1781 г. за графа Браницкаго, и сдѣлавшись такимъ образомъ, женой послѣдняго короннаго великаго гетмана Польши, эта наперсница, служившая нѣсколькимъ послѣдующимъ поколѣніямъ образцомъ всѣхъ добродѣтелей, почитаемая своими дѣтьми и внуками, обожаемая, какъ благодѣтельная фея, своими украинскими крестьянами, имѣла за собой при дворѣ своего царственнаго друга исключительную заслугу: она сдѣлалась тамъ, со времени послѣдняго раздѣла республики, выразительнымъ олицетвореніемъ побѣды и слявія, захватившаго берега Вислы, Въ 1790 г. Екатерина умудрилась даже придать ей политическое значеніе, написавъ ей письмо, напечатанное въ „*Гамбургской Газетѣ*“, и разошедшееся по Польшѣ во множествѣ экземпляровъ въ этомъ письмѣ она взываетъ къ благоразумію поляковъ, охваченныхъ въ это время героическимъ порывомъ сопротивленія чужеземному нашествію, и совѣтуетъ имъ „не подражать соловью, пѣвшему зажурия глаза, пока его не проглотила жаба“—сравненіе очевидно болѣе остроумное, чѣмъ лестное для написавшей его.

Что касается Протасовой, которая съ 1771 г. занимала мѣсто наперсницы для услугъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ, то относительно нея не возникаетъ никакихъ сомнѣній; она являлась вполне замѣстительницей графини Брюсъ, и положеніе ее было всѣми признано. Близкая родственница Орловыхъ, дочь сенатора, она кромѣ своей должности, занималась еще искуснымъ шпионствомъ при маломъ дворѣ черезъ посредство Нелидовой, неблагодарной и коварной фаворитки Павла. Родившись въ 1744 г., она на много лѣтъ пережила Екатерину. Съ Протасовой мы встрѣчаемся на Вѣнскомъ конгрессѣ, гдѣ залитая брилліантами, словно икона, она вездѣ стремилась занять первое мѣсто—вѣроятно, потому, что ей дѣйствительно приходилось предшествовать Екатеринѣ при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ.

Относительно Анны Нарышкиной (урожденной княжны Трубецкой), у которой еще въ 1755 г. происходили свиданія великой княгини съ Пятовскимъ, можно сказать, что ее роль въ частной жизни Екатерины и въ исторіи фаворитизма сводилась къ роли ловкой и осторожной сводни, не забывавшей своей выгоды. При возвышеніи Зубова она получила дорогіе часы, поднесенные ей фаворитомъ на другой же день по его водвореніи при Екатеринѣ, и, конечно, благодарность не ограничилась только этимъ. Екатерина долгое время буквально не могла обходиться безъ нея. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда ей приходилось покидать дворецъ, гдѣ для нея была отдѣльная квартира, ей вслѣдъ летѣли дружески-настоятельныя посланія, торопившія ее скорѣйшимъ возвращеніемъ; „Я знаю вашу сострадательную душу, знаю, что вы не щадя здоровья посѣщаете больныхъ и умершихъ, надѣюсь, что вы распространите свою доброту и на меня. Я больна и готовлюсь къ соборованію; я прибѣгаю къ нему, хотя бы только для того, чтобы васъ увидать. Такъ удостойте же меня своего посѣщенія, если кровопусканія и слабительныя, промыванія и потогонныя не удерживаютъ васъ дома. Однимъ словомъ, являйтесь во что бы то ни стало, несмотря на туманъ и непогоду, являйтесь, хотя бы для того только, чтобы разсмѣшить Гюиза, (лейбъ-медика), свидѣтеля этого завѣщанія, которое я вамъ посылаю. И не забудьте захватить съ собой что-нибудь для моего

развлеченія, потому что человекъ, принимающій слабительное, всегда настроенъ меланхолически“ *).

Анна Нарышкина умерла въ 1820 г. въ домѣ своего родственника Румянцева, посланника Екатерины пай кобленцскихъ эмигрантахъ, у котораго, вдова и бездѣтная, она поселилась.

Мнѣ обидно упоминать наряду съ этими темными и подозрительными личностями имя женщины, которая совершенно другими достоинствами заслужила довѣріе великой императрицы, превратившееся въ почитаніе у ея преемниковъ. Не мѣсто г-жѣ Ливенъ въ этой главѣ; но такъ же трудно причислить и отнести ее къ другому разряду. Она не поддается опредѣленію. Она стоитъ одиноко среди приближенныхъ Екатерины. Она единственная въ своемъ родѣ. Одинъ Ливенъ былъ преданнѣйшимъ соратникомъ Карла XII. Превратности судьбы, обратившей его родину въ русскую провинцію, разорили эту семью, бывшую одной изъ первыхъ въ Ливоніи. Шарлотта Ливенъ, урожденная Поссе, супруга генераль-майора русской службы, скромно проживала въ Ригѣ, воспитывая своихъ четырехъ дѣтей на скудныя средства, доставляемыя ей небольшою пенсіей, когда Сиверсъ рекомендовалъ ее Екатеринѣ воспитательницей для дочерей Павла. Она смутилась при мысли, что ей придется разстаться со своимъ уединеніемъ и занять мѣсто при дворѣ, одинаково пугавшемъ и тѣмъ, что она о немъ знала, и тѣмъ, чего не знала. Но губернаторъ города, Бродинъ, получивъ приказъ, исполнилъ его, какъ вообще исполнялись приказы Екатерины: посаженная почти силкомъ въ дорожную карету, г-жа Ливенъ была доставлена въ Петербургъ, привезена прямо во дворецъ и представлена секретарю ея величества, которому было поручено подвергнуть ее предварительному опросу. Онъ сталъ ее спрашивать, и она, еле живая отъ усталости и волненія, отвѣчала, жалуясь на тоску о своихъ покинутыхъ дѣтяхъ, умоляя позволить ей вернуться къ нимъ обратно. Она говорила отъ всего сердца, какъ вдругъ ее прервалъ женскій голосъ, суровый и отрывистый, но смягченный выраженіемъ благосклонности.

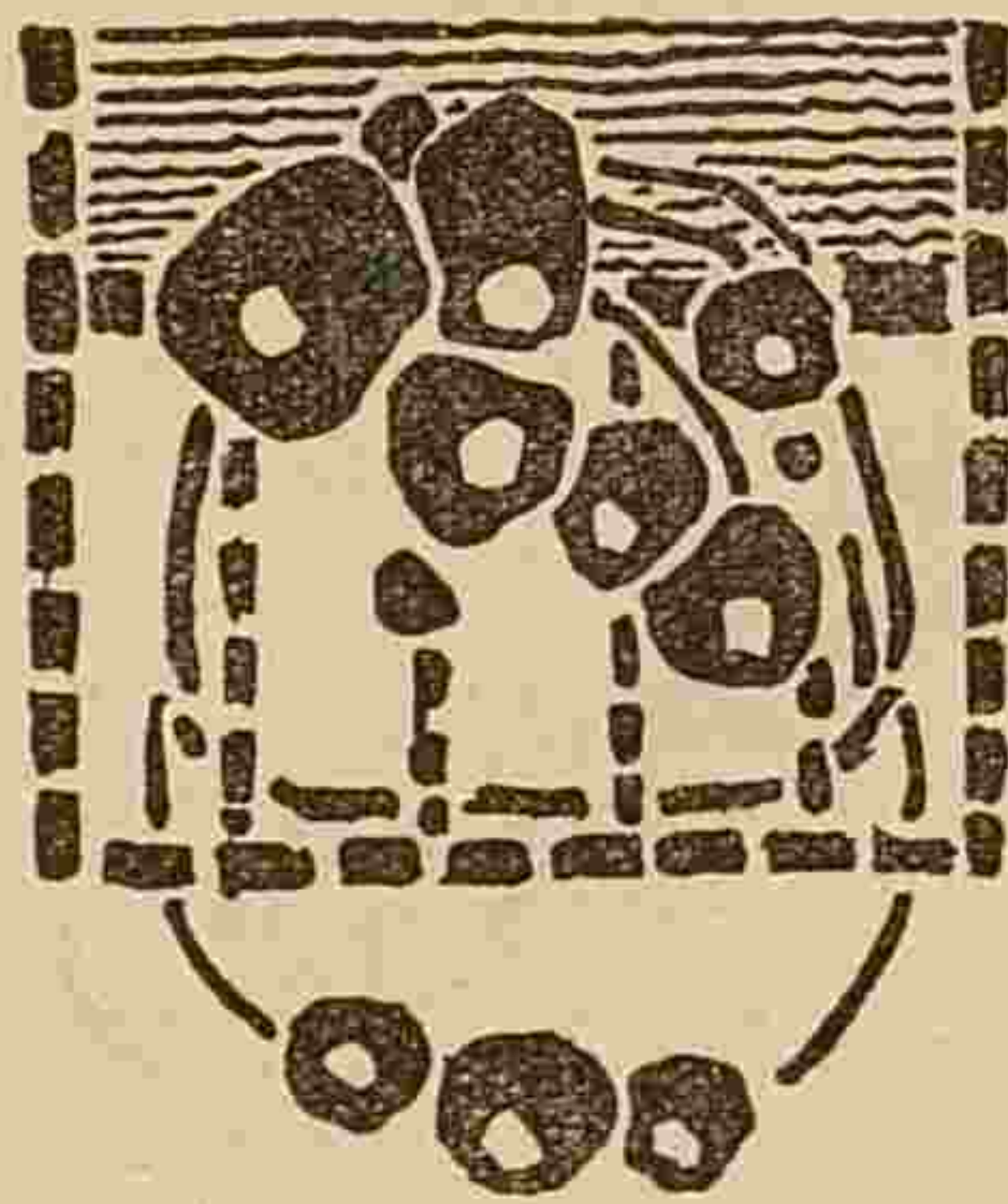
*) Переписка Екатерины. *Русская Старина*.

— Вы та, которую мнѣ нужно.—Подите сюда!

За поднятой драпировкой была императрица, не замѣченная г-жей Ливень.

Это происходило въ 1783 г. Съ тѣхъ поръ г-жа Ливень прожила почти полъ-столѣтія при этомъ дворѣ, который внушалъ ей такой ужасъ. Она руководила воспитаніемъ великихъ княженъ, а также великихъ князей, внуковъ Екатерины, „съ прямою нѣсколько суровой“, по выраженію Гизо,—друга ея невѣстки, знаменитой княгини Ливень,—„но съ выдающимся умомъ“. Павелъ, не выдавшій матери въ Екатеринѣ, отдалъ воспитательницѣ своихъ дѣтей все уваженіе и тотъ небольшой запасъ любви, которому не нашлось примѣненія въ другомъ мѣстѣ. Александръ и Николай относились къ ней, какъ къ бабушкѣ. Она умерла въ 1828 г., получивъ въ 1826 г., по случаю коронованія второго изъ ея воспитанниковъ титулъ княгини и свѣтлости.

III.

Основываясь на преданіи, весьма распространенномъ въ Россіи, мѣсто Ивана Ивановича Бецкаго не во главѣ мужчинъ-наперсниковъ Екатерины: его положеніе гораздо выше. Гречь указываетъ на поразительное сходство, бросавшееся въ глаза современникамъ между императрицей и ея предполагаемымъ отцомъ, а портретъ дочери Ивана Ивановича хранящійся у Рибаса въ Одессѣ, тоже говоритъ за это предположеніе. Я не могу сказать положительно, случалось ли дѣйствительно императрицѣ цѣловать руку этого загадочнаго человѣка,—какъ утверждаетъ одинъ свидѣтель,—но можно сказать съ увѣренностью, что она оказывала ему знаки любви и вниманія, весьма близкіе къ дочерней преданности; она часто посѣщала его еще раньше того времени, когда лѣта лишили его возможности являться къ ней самому, и оставляла его запросто обѣдать, чего не дѣлала ни съ кѣмъ другимъ.

Побочный сынъ князя Ивана Трубецкого и одной шведки, графини Вреде, Бецкій въ 1728 г., имѣя отъ роду 26 лѣтъ, былъ прикомандированъ къ посольству въ Парижъ, гдѣ познакомился съ принцессой Ангальтъ-Цербтской. Въ 1755 г. онъ снова посѣтилъ столицу умственнаго міра и тамъ завязались у него новыя связи, имѣвшія одинаково важное значеніе для его послѣдующей карьеры. Хорошо принятый энциклопедистами, посѣщая салонъ г-жи Жоффренъ, онъ познакомился съ Дидро, посвятившимъ его въ тайны искусствъ, и съ Руссо, отъ котораго онъ заимствовалъ его взгляды на воспитаніе. Поэтому, вернувшись въ Россію, онъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ оракула во всѣхъ вопросахъ, касавшихся этой области высшей культуры, съ которой ему пришлось познакомиться. Медаль, выбитая позднѣе, съ одной стороны представляетъ его нѣсколько одутловатый профиль, тогда какъ съ другой стороны благодарность, со-

проводимая всеми своими обыкновенными атрибутами, обнимает пирамиду, къ которой прикрѣпляютъ медальонъ съ вензелемъ Бецкаго четверо дѣтей, олицетворяющихъ собой четыре учрежденія: Воспитательный домъ, Академію художествъ, Кадетскій корпусъ, Смольный институтъ, основанныя или преобразованныя имъ. Онъ направлялъ также или стремился направлять умственное и художественное движеніе связанное съ ними. При этомъ онъ выказалъ болѣе стремленія властвовать, чѣмъ вкуса, такта и пониманія, чему служатъ доказательствомъ неудачи Фальконета. Бецкій больше всего любилъ покорные таланты. Онъ проповѣдывалъ также любовь къ Франціи, но Сабатье, признавая его „недурнымъ человѣкомъ, пользующимся неограниченной властью въ пустякахъ, касающихся его сферы и называя его „другомъ или вѣрнѣе кумушкой Екатерины“, добавляетъ: „Онъ питалъ къ намъ любовь, которую приносилъ въ жертву своему положенію“.

Его побочной дочерью, похожей на Екатерину, была Анастасія Соколова, съ которой Дидро имѣлъ удовольствіе встрѣтиться въ пріемной Семирамиды. Вѣчно веселая, подвижная, увлекающаяся, она развлекала Екатерину рассказами о своемъ пребываніи въ Парижѣ, куда она сопровождала княжну Голицину, и письмами, „флегматичными и нравоучительными“, какъ ихъ называетъ маркизъ де-Воссюетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ герцогу Праяленъ, получаемыми ею отъ m-lle Клеронъ, у которой она брала уроки декламаціи. Она вышла замужъ за авантюриста Рибаса, назначеннаго Екатериной адмираломъ, и изъ камеристки, какой была сначала, превратилась въ близкаго друга и въ одну изъ наиболѣе любимыхъ наперсницъ государыни.

Бецкій умеръ въ 1795 г. Заключительныя слова некролога, посвященнаго ему Екатериной въ перепискѣ съ Гриммомъ, ничѣмъ не обнаруживаютъ чувства, хотя бы тщательно скрываемого, но выдававшего бы родственную близость, о существованіи которой мы должны были привести недоказанную легенду: „31 августа сего года, послѣ обѣда, скончался Бецкій, часа два тому назадъ, въ девяносто трехъ лѣтънемъ возрастѣ. За послѣдніе семь лѣтъ онъ впалъ въ дѣтство и почти въ слабоуміе. Уже девять лѣтъ, какъ онъ ослѣлъ. Когда кто-нибудь заходилъ къ нему, онъ

говорилъ: „Если императрица спроситъ у васъ, что я дѣлаю, скажите, что работаю со своими секретарями“. Особенно онъ старался скрыть отъ меня потерю зрѣнія, боясь, чтобы я не отставила его отъ занимаемыхъ имъ должностей. Но въ сущности уже давно другіе правятъ дѣлами вмѣсто него, только онъ этого не знаетъ“.

Бецкій служилъ въ нѣкоторомъ родѣ посредникомъ, призваннымъ поддерживать и развивать новыя отношенія обновленной Россіи Петра I и Екатерины II съ западной Европой. Въ этой точки зрѣнія онъ дополнялъ собой Гримма. Въ другихъ же отношеніяхъ самъ Гриммъ уступалъ мѣсто Храповицкому. Это второй „козелъ отпущенія“, подручный фактотумъ, такъ же обремененный всевозможными порученіями, такъ же назнаящій покоя и третируемый съ той же смѣсью благосклонности и нѣсколько пренебрежительной безцеремонности. Надъ нимъ потѣшаются изъ-за его тучности, совѣтуютъ садиться не на стулъ, а на кушетку, „потому что, если онъ упадетъ, то больше не встанетъ“; спрашиваютъ, не болятъ ли у него ноги, послѣ всѣхъ исполненныхъ порученій, не поссорился ли онъ со своей возлюбленной, что у него такое грустное лицо; извиняются за выраженное нетерпѣніе, фамиллярно „толкаютъ въ брюхо бумагами“ случается даже, что его оставляютъ къ обѣду, „ужь разъ онъ здѣсь“ *) Храповицкій все принимаетъ съ одинаковымъ хладнокровіемъ и все записываетъ въ дневникъ, составленный съ точностью фонографа и представляющій безцѣнный документъ для исторіи частной жизни Екатерины.

Сынъ лейбъ-компанца императрицы Елизаветы, польскаго происхожденія, внукъ по матери петровскаго сподвижника, жена котораго, Елена Сердякова, считалась дочерью великаго царя, Храповицкому легко было выбрать себѣ поприще службы и выдвинуться на немъ; но послѣ удачныхъ первыхъ шаговъ въ арміи, магистратурѣ и нѣсколькихъ литературныхъ попыткахъ, онъ перешелъ, подобно Гримму, къ лакейству. Тучный, страдающій одышкой, онъ проявлялъ при исполненіи своихъ обязанностей лег-

*) Дневникъ Храповицкаго.

кость серны и изворотливость ужа. Въ противоположность княгинѣ Дашковой, онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми на свѣтѣ: съ Потемкинымъ, съ Орловымъ, съ Безбородко, съ Вяземскимъ. Онъ прекрасно ладилъ съ сегодняшними фаворитами и угадывалъ будущихъ. Такъ онъ вступилъ въ дружбу съ Мамоновымъ раньше, чѣмъ Екатерина успѣла замѣтить послѣдняго. Отличаясь развратнымъ нравомъ и грубыми вкусами, Храповицкій посѣщалъ всѣ подозрительные притоны столицы, часто рискуя быть тамъ убитымъ. Какой-то проситель, явившійся къ нему однажды утромъ, съ ужасомъ увидалъ у него на лицѣ слѣды побоевъ, нанесенныхъ наканунѣ, въ дракѣ Храповицкому имъ самимъ, когда онъ не подозрѣвалъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Но Храповицкій хорошо принялъ всего не совсѣмъ вѣжливаго противника. Онъ былъ добрый малый. Екатерина считала его неподкупнымъ до такой степени, что однажды соглашалась „отдать на сожженіе свою руку въ томъ, что онъ не беретъ взятокъ“, въ чемъ она можетъ быть преувеличивала. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ остороженъ, неутомимъ и исполнителенъ. Онъ напивался только тогда, когда думалъ, что не можетъ потребоваться для услугъ ея величества, а въ случаѣ нужды прибѣгалъ—и съ такимъ же успѣхомъ—къ энергичнымъ мѣрамъ, употребляемымъ при подобныхъ обстоятельствахъ Безбородко. У него не было личнаго мнѣнія ни о комъ и ни о чемъ. Его дневникъ не говоритъ намъ, что Храповицкій думалъ о Екатеринѣ. Можетъ быть, совсѣмъ ничего не думалъ. Онъ довольствовался тѣмъ, что записывалъ каждое ея слово, каждое движеніе въ его присутствіи и умѣлъ заставить ее высказаться. Подобно Гримму, онъ служилъ „мотовиломъ“ ея мысли. Подобно ему онъ обладалъ даромъ неистощимой и тонкой лести, никогда не уставая и не утомляя другихъ. Но дневникъ, который онъ велъ потихоньку, послужилъ для него подводнымъ камнемъ, о который разбилась его судьба. Екатерина вовсе не желала предстать предъ судомъ потомства въ такомъ слишкомъ конфиденціальномъ освѣщеніи, и, Храповицкій, выдавъ себя, вѣроятно какимъ-нибудь замѣчаніемъ, проскользнувшимъ у неисправимаго балагура, напрасно старался поправить дѣло, взявъ смѣлостью и упорно отрекаясь отъ всего: императрица постепенно стала удалять его отъ себя и, наконецъ,

отстранила совсѣмъ, назначивъ на почетный постъ сенатора. Онъ умеръ въ 1801 г., переживъ на нѣсколько мѣсяцевъ Павла I.

Предшественникомъ Храповицкаго въ должности секретаря былъ Козицкій, малороссъ, сынъ священника и воспитанникъ Кіевской духовной академіи, слѣдующій эллинистъ и латинистъ, выдающійся ученый. При возвышеніи Потемкина этотъ сотрудникъ, весьма цѣнимый Екатериной за свою русскую корреспонденцію, сдѣлался жертвой минутнаго помѣшательства: будучи креатурой Орловыхъ, онъ счелъ, что для него все погибло, и перерѣзалъ себѣ горло. Но онъ выжилъ, и выгодная женитьба на Мясниковой, дочери паромщика, разбогатѣвшаго на уральскихъ рудникахъ, утѣшила его въ постигшей немилости. Одна изъ его дочерей вышла замужъ за князя Вѣлосельскаго, картинная галлерей котораго прозванная „буфетомъ“, изъ-за мазни, собранной тамъ, размѣшила г-жу Вижэ-Лебрёнъ. Другая, дочь Козицкаго, сдѣлалась графиней Лаваль и устроила у себя въ Петербургѣ салонъ, весьма цѣнимый французскими эмигрантами.

Графиня Браицкая имѣла сосѣдомъ по дворцу Николая Салтыкова, домъ котораго содержался тоже на счетъ императрицы съ чисто царскою роскошью: на двѣсти тысячъ въ годъ! Салтыковъ значился только воспитателемъ великихъ князей Александра и Константина, но на самомъ дѣлѣ являлся довѣреннымъ лицомъ Екатерины въ ея распряхъ съ Павломъ и содѣйствовалъ планамъ лишить его короны. Это не помѣшало Павлу назначить его впоследствии фельдмаршаломъ и магистромъ Мальтійскаго ордена.

Рибопьеръ, выступившій на сцену во время недоразумѣній государыни съ Мамоновымъ, является скорѣе наперникомъ фаворита. Этотъ швейцарецъ, принадлежавшій, — какъ показываютъ новѣйшія изслѣдованія, — къ семьѣ, эмигрировавшей изъ Эльзаса послѣ отмѣны Нантскаго эдикта, имѣлъ, однако, право свободнаго доступа ко двору. Появившійся въ Петербургѣ въ 1782 г. съ порученіемъ отъ Гримма — съ камнями, купленными для красавца Ланскаго, — онъ добился того, что императрица назначила его замѣстителемъ престарѣлаго Бецаго для чтенія французскихъ классиковъ. Представительный и веселаго характера, онъ кромѣ того имѣлъ преимуще-

ство, что изъ его фамиліи можно было составить незамысловатый каламбуръ „Ris, beau Pierre,“ а Екатерина, какъ намъ извѣстно, любила подобныя шутки. Наконецъ, у него былъ сынъ, къ которому императрица питала нѣжность и воспитывала при себѣ. Когда наступила вторая турецкая война. Рибопьеръ подобно многимъ, прельстился мыслью сдѣлать блестящую карьеру на службѣ великой государыни, и мы видимъ его въ чинѣ бригадира подъ стѣнами Измаила. Турецкая пуля положила тамъ конецъ его честолюбивымъ мечтамъ. Но этимъ сыномъ, выросшимъ почти на колѣняхъ у Екатерины, онъ завѣщалъ ей семью, для которой Россія стала пріемной матерью. Интересные мемуары оставлены воспитанникомъ государыни, сдѣлавшимъ честь своей воспитательницѣ.

Нельзя обойти молчаніемъ барона д'Ассебурга, тоже автора мемуаровъ, изъ которыхъ мы многое почерпнули: его спеціальностью было заключеніе браковъ; онъ исполнялъ должность комми-вожера, постоянно странствуя по маленькимъ нѣмецкимъ дворамъ, получая ежегодно четыре тысячи за труды и на путевыя издержки и пользуясь шифрованной перепиской, гдѣ предполагаемые браки значились подъ рубрикой „произведеній, готовыхъ къ печати“, а императрица подъ названіемъ „издателя“.

Намъ почти ничего неизвѣстно о роли, какую, помимо своихъ профессиональныхъ обязанностей, игралъ англичанинъ Реджерсонъ, докторъ Екатерины; но можно съ увѣренностью сказать, что роль его была немаловажная. Въ 1786 г. графъ де-Сегюръ, сообщая объ отъѣздѣ въ Англію придворнаго медика, получившаго отпускъ на полгода, добавляетъ къ этому извѣстію слѣдующее замѣчаніе: „Такъ, какъ онъ столько же занимается политикой, какъ и медициной, и черезъ его посредство, какъ говорятъ, происходятъ подкупы, то мнѣ остается лишь радоваться его отъѣзду“.

Затѣмъ слѣдуетъ прислуга, пользовавшаяся также большимъ довѣріемъ государыни: лакеи, воспитатели побочныхъ дѣтей, камеристки, служившія совѣтчицами въ затруднительныхъ положеніяхъ, вызываемыхъ періодическими перемѣнами фаворитовъ. Границу вообще установить трудно: лакей Шкуринъ былъ сдѣланъ камергеромъ; Зотовъ, его замѣсти-

тель, говорилъ съ императрицей такимъ свободнымъ языкомъ, держалъ себя такъ, что скорѣе былъ похожъ на ворчливаго друга, чѣмъ на слугу; преданная Перекусихина тоже была необыкновенная камерфрау, но пользовалась положеніемъ какъ-бы старшей сестры. Наряду съ дворомъ, у Екатерины, какъ и у Потемкина, существовалъ „задній дворъ, такой же многочисленный, и часто одинъ захватывалъ права другого.

Г Л А В А IV.

Дворъ Екатерины *).

I. Дворъ Екатерины и Версальскій дворъ.—Празднованіе коронаціи.—Царское село.—„Лягушатникъ“.—Эрмитажъ.—Роскошь и бѣдность.—Европа и Азія.—Содержаніе російскаго посланника.—Придворный бюджетъ.—Штатъ.—II. Этикетъ и одежда.—Ливреи и мундиры.—Преобразование въ туалетахъ и прическахъ.—Огорченіе великой княгини.—Подражаніе западнымъ образцамъ.—Французскія моды.—Утонченность, варварство и развращенность.—Успѣхи суйруговъ Мандини.—Личныя склонности Екатерины.—Ея любимое отдохновеніе.—Интимный кружокъ Эрмитажа.—Русскіе Роклоръ и Сень-Симонъ; Левъ Нарышкинъ и Растопчинъ.—Обычныя развлеченія.—Клоуны и акробаты.—Военное.—Государыня среди своей гвардіи.—Водка.—III. Переѣзды двора.—Путешествіе въ Крымъ.

I.

Людовикъ XIV позавидоваль бы своей „сестрѣ“ Екатеринѣ, или бы „женился на ней, чтобы имѣть по крайней мѣрѣ хорошій „выходъ“ *un beau lever*, писалъ принцъ де-Линь въ 1787 г. Какъ мы уже знаемъ, у придворныхъ корреспондентовъ Семирамиды часто встрѣчаются гиперболы. Но на этотъ разъ въ своемъ энтузіазмѣ, полномъ удивленія, любез-

*) Arghenholz, *Minerva*, 1798; Arneth *Joseph II und Catharina*; Бильбасовъ, *Исторія Россіи*; Державинъ „Воспоминанія“ (изд. Гротомъ VIII) „Различные документы“ во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ („Мемуары и документы“ III и 12. Донесеніе Лонпре); „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историч. Общ. т. XVI; „Русскій Архивъ“ 1878 г. Мемуары Ассбургга, Роже де-Дама (неизданные), Домерга, Гарновскаго, Грибовскаго, Гарриса, Хордта, принца де-Линь

ный космополитъ нисколько не расходился съ общимъ мнѣніемъ всего современнаго міра, наперерывъ прославлявшаго пышность, великолѣіе, неподражаемый блескъ новаго Версаля, возникшаго на туманныхъ берегахъ Невы. Но значить ли это, что можно, на этомъ основаніи, вполне и во всѣхъ отношеніяхъ, довѣрять его оцѣнкѣ двора, славѣ котораго онъ самъ нѣкоторое время содѣйствовалъ. Конечно, нѣтъ! Гласъ народа можетъ иногда быть гласомъ Божиимъ, но не всегда бываетъ гласомъ историка. Въ данномъ случаѣ къ нему надо прислушиваться съ большою осторожностью.

Въ своемъ Версалѣ Король-Солнце былъ преемникомъ Франциска I и Екатерины Медичи; это совсѣмъ иное дѣло, чѣмъ получить въ Царскомъ Селѣ, наслѣдіе Петра Великаго. Переходя въ свое новое жилище, Людовикъ XIV переселялся изъ Сенъ-Жермена и Фонтенебло, не считая Лувра. Сенъ-Жермень, Фонтенебло и Лувръ Екатерины составлялъ маленькій деревянный домикъ, похожій на ярмарочный фургоны, гдѣ жилъ великій царь, и который еще теперь толпа съ благоговѣніемъ осматриваетъ въ Петербургѣ. Разница громадная. Для славы современной Семирамиды достаточно было сгладить ее до извѣстной степени. Эту то степень я и собираюсь установить на послѣдующихъ страницахъ; и именно съ этой стороны, мнѣ кажется, бѣглый обзоръ, какимъ я долженъ ограничиться, связанъ съ общей цѣлью, преслѣдуемой мной въ этихъ очеркахъ, и представляетъ серьезный историческій интересъ. Со своимъ свѣтомъ и тѣнью, блескомъ западной культуры и подкладкой азіатскаго варварства, утонченностью и грубостью, дѣйствительный видъ двора Екатерины даетъ отрывочное, но вѣрное, одновременно поучительное и полезное изображеніе великой работы преобразованія, изъ которой цѣликомъ вылилась современная Россія.

До Петра I государи московскіе были окружены придворными, но не

Массона, Мамонова (Русскій Архивъ 1868 г.), Нѣщевича, Рибопьера, Штедингга, Штеренберга, де-Сегюра и др.; *Моды въ Россіи въ 1791 г.* (Русская старина XII); Пыляевъ *Старый Петербургъ*; его же: *Забытое прошлое окрестностей Санктъ-Петербурга*; Растопчинъ *„Письма къ С. Воронцову*; Тэнъ, *Начало современной Франціи*; Weidemeier *Дворъ и выдающіяся личности Россіи.*

имѣли двора въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Ансамблеи во дворцѣ были тоже созданіями всеобъемлющаго преобразователя, великаго царя. Но чтобы заставить московскихъ бояръ ихъ посѣщать, приходилось прибѣгать къ угрозамъ тѣлеснаго наказанія. Еще при Елизаветѣ театр ея величества посѣщался во дни спектаклей только въ силу указа. Екатеринѣ II принадлежитъ честь введенія въ этомъ отношеніи полной свободы, что позволяло графу де-Сегюръ не принимать участія въ игрѣ въ лото и даже написать по этому поводу язвительные стихи, надъ которыми императрица смѣялась первая. Дворъ Елизаветы разочаровалъ д'Эона: „Дѣйствительное великолѣпіе“, по его мнѣнію „является удѣломъ лишь человѣкъ десяти, остальные держатся каждый по своему, и благо бы въ гардеробѣ находилось нѣсколько платьевъ, да нѣсколько „куртизанокъ“ золотыхъ или серебряныхъ, такъ и мало заботы, что платье изъ сѣраго сукна, а отдѣлки зеленого бархата... Приемы отличаются пышностью, но скучны. Царствуетъ церемонность, но почти нѣтъ общества“. Обществу дѣйствительно трудно было привыкнуть къ смѣшенію чиновъ или ихъ уравниенію подъ еще грубымъ давленіемъ деспотизма, отзывавшагося востокомъ. Царедворцы, посѣщавшіе дворецъ, мало чѣмъ отличались отъ слугъ, имъ прислуживавшихъ. Бросая службу, эти слуги: лакеи, гайдуки, повара, кондитера имѣли право занимать мѣсто въ военной іерархіи государства, дѣлались „прапорщиками или подпоручиками“ и, наконецъ, становились бургомистрами какого-нибудь провинціального города. Между тѣмъ Екатеринѣ пришлось издать приказъ, запрещавшій ея приближеннымъ бить домашнюю прислугу, какъ то было въ обыкновеніи раньше.

Приемы и празднества, которыми вдова Петра III начинаетъ свое царствованіе по поводу коронаціи, носили уже отпечатокъ большого изящества, хотя сохраняли еще замѣтный азіатскій оттѣнокъ. Но сравнительно съ празднованіемъ такого-же торжества въ Реймсѣ, особой пышности не было, и расходы оказывались довольно умѣренными. Князь Трубецкой, которому было поручено руководить церемоніей, получилъ пятьдесятъ тысячъ на всѣ издержки, фунтъ золота и десять фунтовъ серебра для короны, четыре горностаевыхъ шкурки для царской мантии. Отпущенный кредитъ,

правда, оказался недостаточнымъ, по обыкновенію кажется, общепринятому для всѣхъ широтъ. Цѣлую недѣлю напрасно разыскивали золотую державу, которая должна была находиться въ царской сокровищницѣ. Она исчезла. Это вызвало непредвидѣнный расходъ. При дворѣ царствовалъ такой безпорядокъ, что передъ самымъ отъѣздомъ ея величества въ Москву, гдѣ должна была происходить коронація, дворцовая прислуга готова была объявить невольную забастовку: три дня она ничего не ѣла! За государыней послѣдовала весьма многочисленная свита, не свыше двадцати восьми чело-вѣкъ, но для ея перевозки потребовалось шестьдесятъ три экипажа и триста девяносто пять лошадей. Наслѣдникъ Цесаревичъ путешествовалъ отдѣльно въ поѣздѣ изъ двадцати семи экипажей, съ запряжкой изъ двухсотъ пятидесяти семи лошадей. Экипажи эти были настоящими домами на колесахъ. Въ ста двадцати дубовыхъ боченкахъ, съ желѣзными обручами везли шестьсотъ тысячъ серебряныхъ монетъ для личныхъ издержекъ императрицы; для раздачи толпѣ, помощи бѣднымъ, для чрезвычайныхъ наградъ и т. д.

Обрядъ коронованія состоялся 23 сентября 1762 г. Екатерина сама возложила себѣ на голову царскій вѣнецъ, потомъ вошла въ алтарь и тамъ изъ собственныхъ рукъ приняла причастіе. Послѣдующіе дни были заняты пріемомъ безконечнаго ряда депутацій. Цѣлованіе руки казалось имъ недостаточнымъ выраженіемъ своей преданности государынѣ; и поэтому они падали ницъ передъ Екатериной. Этотъ обычай былъ ею впоследствии отмѣненъ. Такимъ образомъ, простираясь ницъ передъ трономъ, слѣдовали другъ за другомъ: представители русскаго дворянства, рыцарства прибалтійскихъ провинцій, офицеровъ гвардіи, депутаты азіатскихъ народовъ, греки, армяне, калмыки, яицкіе казаки, волжскіе казаки и между ними воспитанники Троицкой семинаріи, въ бѣлыхъ одеждахъ, вышитыхъ золотомъ и въ вѣнкахъ изъ зеленыхъ листьевъ. По окончаніи пріема всѣхъ депутацій начались придворныя празднества: балы, маскарады, парадные обѣды, спектакли, чередуясь съ народными увеселеніями. На сценѣ придворнаго театра за русскою трагедіей слѣдовала „Заира“ на французскомъ языкѣ; фрейлины принимали участіе въ балетѣ, а оркестръ состоялъ изъ

придворныхъ кавалеровъ. Но процессія представлявшая „тріумфъ Минервы“, среди народа встрѣтила довольно холодный пріемъ. Никто не слышалъ объ особѣ съ такимъ именемъ. И никто не понималъ, надъ кѣмъ же она торжествуетъ; неужели надъ матушкой царицей, только что возложившей на себя корону, ради вящаго блага своего народа? Кромѣ того, только что изданный указъ повелѣвалъ одѣваться на улицахъ благопристойно и запрещалъ ходить ряжеными. Поэтому всѣ ожидали, что люди, осмѣливавшіеся такъ странно вырядиться, будутъ схвачены. Народный театръ съ представленіями „маріонетокъ“ и разныхъ фокусъ-покусовъ на нѣмецкій ладъ не имѣлъ совсѣмъ никакого успѣха. Здѣсь заподозрили участіе дьявола. За годъ до этого французъ, по имени Дюмулень, обратилъ въ бѣгство толпу, показывая „живую голову“, чѣмъ навелъ на всѣхъ панической страхъ.

Екатерина въ свою очередь испугалась роскоши въ одѣянiяхъ, вызванной этими непривычными развлечениями. Указомъ воспрещенъ былъ ввозъ кружевъ и матерій шелковыхъ и парчевыхъ. Но баронъ Бретейль не высказывалъ особеннаго огорченія этимъ въ своей депешѣ отъ 9-е января 1763 г. „Можетъ быть не стануть носить ни золота, ни серебра... но всетаки не обойдутся безъ нашего производства и нашихъ нарядовъ, болѣе скромныхъ, но столь же дорогихъ“, писалъ онъ.

Празднества продолжались во все время пребыванія Екатерины въ Москвѣ, съ сентября 1762 г. по іюнь 1763 г. Этимъ отсутствіемъ государыни изъ Петербурга тамъ пользовались, чтобы перестроить на новый ладъ, полныя изящества и комфорта, царскія жилища столицы и ея окрестностей. Деревянный дворецъ, гдѣ жила Елизавета, былъ перенесенъ въ Красное село, а новый кирпичный дворецъ, выстроенный предшественникомъ Екатерины, былъ роскошно отдѣланъ еще въ 1765 г. Посѣтивъ садъ, прилегающій ко дворцу, Казановъ разсмѣялся, увидавъ статуи горбатыхъ Аполлоновъ, безобразныхъ Венеръ, Сафо съ лицомъ бородатаго старика, группу Филимона и Бавкиды, представленныхъ въ видѣ двухъ молодыхъ людей, обмѣнивающихся невиннымъ поцѣлуемъ. Это было наслѣдіе Елизаветы. Не менѣе чѣмъ черезъ двадцать лѣтъ инспекторъ полиціи Лонпре,

обозрѣвая великолѣпія Царскаго, поражаема его пышностью. Но роскошь тамъ преобладала надъ вкусомъ, при нѣсколько однообразномъ изобиліи позолоты и другихъ украшеній, которыя Лонпре подробно перечисляетъ; артистическаго же чувства не было видно. „Невозможно себѣ представить ничего изысканнѣе и великолѣпнѣе уборной, спальни, кабинета и будуара ея величества. Уборная вся обставлена зеркалами, украшенными золотыми рамами. Спальня окружена небольшими колоннами, сверху до низу покрытыми массивнымъ серебромъ, наполовину серебрянаго, наполовину лиловаго цвѣта. Фонъ колоннокъ образуютъ зеркала и расписной потолокъ. Кабинетъ также окруженъ маленькими колоннами, сверху до низу покрытыми массивнымъ слоемъ серебра, цвѣта наполовину золотого, наполовину голубого. Фонъ для этихъ колоннъ весь зеркальный, а потолокъ расписной. Будуаръ тоже окруженъ колоннами, также высеребреными сверху до низу и цвѣта наполовину серебрянаго, наполовину розоваго. Фонъ для этихъ колоннокъ и потолокъ отчасти розовый, отчасти зеркальный. Всѣ три покоя роскошно убраны бронзой и позолоченными гирляндами вокругъ всѣхъ колоннокъ“ *). Гаррисъ же со своей стороны замѣчаетъ, что среди царственныхъ портретовъ, украшавшихъ стѣны загороднаго дворца,—повидимому, Чесменскаго—который Императрица скромно, запросто прозвала своимъ „лягушатникомъ“, (вѣроятно, по поводу окружавшихъ его прудовъ съ крикливымъ населеніемъ, на что указываетъ финское названіе мѣстности **) за исключеніемъ одного полотна Веста, изображающаго двухъ англійскихъ принцевъ, нѣтъ ни одной картины, гдѣ бы видѣнъ былъ рисунокъ, краски, композиція. Миссъ Веджвудъ снабдила „Лягушатникъ“ замѣчательнымъ сервизомъ съ изображеніемъ самыхъ красивыхъ домовъ загородной Англій. Но „Самсонъ“—водопадъ, устроенный въ Петергофѣ—считался первымъ въ Европѣ послѣ водопада въ Касселѣ, по крайней мѣрѣ, если вѣрить аббату де-Люберсакъ, ставившему лишь на четвертое мѣсто водопадъ въ Сень-Клу, послѣ водопада господина Бергаре, главнаго сборщика государственныхъ доходовъ въ Нонтейлѣ.

*) Донесеніе Лонпре королю.

**) Финское названіе мѣстности „Кикерико“

И вездѣ наблюдалась та же смѣть роскоши и убожества, за исключеніемъ, можетъ быть, Эрмитажа—гдѣ Екатерина постаралась сосредоточить всѣ блестящія лучи своего солнца, не слишкомъ близко, какъ мы видимъ и какъ, безъ сомнѣнія, понимала она сама,—подходившаго къ солнцу великаго короля. Графъ Хордъ оставилъ въ своихъ „Мемуарахъ“, прелестное описаніе этой пристройки къ большому и тяжелому дворцу, созданной по плану Растрелли въ чистомъ стилѣ рококо: „Она занимаетъ цѣлое крыло императорскаго дворца и состоитъ изъ картинной галлерей, двухъ большихъ комнатъ для карточной игры и еще одной, гдѣ ужинаютъ на двухъ столахъ „по семейному“, а рядомъ съ этими комнатами находится зимній садъ, крытый и хорошо освѣщенный. Тамъ гуляютъ среди деревьевъ и многочисленныхъ горшковъ съ цвѣтами. Тамъ летаютъ и поютъ разнообразныя птицы, главнымъ образомъ, канарейки. Нагрѣвается садъ подземными печами и, несмотря на суровый климатъ, въ немъ всегда царствуетъ пріятная температура. Этотъ столь прелестный апартаментъ становится еще лучше отъ царящей здѣсь свободы. Всѣ чувствуютъ себя непринужденно: императрицей изгнанъ отсюда всякій этикетъ. Тутъ гуляютъ, играютъ и поютъ; каждый дѣлаетъ, что ему нравится. Картинная галлерей изобилуетъ первоклассными шедеврами; три обширныя коллекціи: барона Твера, генераль-лейтенанта арміи Людовика XV, графа Генриха фонъ-Брюля, министра короля Августа Саксонскаго, и великолѣпный рядъ полотенъ знаменитыхъ мастеровъ, собранныхъ Робертомъ Вальполемъ въ Хугтонъ-Голлѣ, образуютъ ея ядро. Шестъ Сальваторъ Роза, изъ нихъ „Блудный сынъ“—лучшая и величайшая картина художника—„Благовѣщеніе“ и *Рожденіе Іисуса Христа*—Мурильо, великолѣпныя творенія Рубенса по поводу торжественнаго вѣзда въ Антверпенъ кардинала инфанта, „Пресвятая Дѣва съ куронаткой“—Ванъ Дейка, за которую Вальполь уплатилъ четырнадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ, и „Диспутъ отцовъ церкви“—Гвидо Рени, которую Иннокентій XIII сначала не соглашался продать. Коллекція Твера дала двѣ знаменитыя картины Рафаэля: „Святое семейство съ безбородымъ Іосифомъ“ и „Святой Георгій на конѣ“. Въ 1772 г., при распродажѣ картинъ

Шуазеля-Стенвиля, Екатерина приобрѣла еще „Предобѣденную молитву“ Рембранта, „Доктора“ Жерарда Доу, стоящую 19,153 фунта, „Охоту за оленями“ Вувермана, стоившую 20,700 фунтовъ и два „Сельскихъ праздника“. Пуссена, принадлежавшихъ знаменитой графинѣ Жаннѣ де-Вердракъ и купленныхъ ею за 37,000 фунтовъ. Затѣмъ слѣдуютъ коллекціи Рандона де-Буассѣ, принца де-Конта, Дезалье д'Арженвиля, Гостковскаго, Троншена, приобретенныя цѣликомъ или частями; заказы, сдѣланныя Екатериной Рафаэлю Менгсу, Анжеликѣ Кауфманъ и Рейнольдсу. Въ 1784 г. къ прелестямъ Эрмитажа прибавилась зрительная зала „расположенная однимъ полукруглымъ обширнымъ амфитеатромъ. Возвышаясь постепенно отъ оркестра до вестибюля, она соединяетъ въ себѣ—по словамъ современника и компетентнаго судьи Армана Домерга, режиссера императорскаго театра въ Москвѣ—„все, что могущество, величіе и роскошь могутъ создать самаго ослѣпительнаго“. Тамъ выступали первые изъ современныхъ артистовъ: Офренъ, Флоридоръ, Дельпи, Бурдэ, г-жа Лесажъ, m-ле Хюссѣ исполняли произведенія Мольера и Реньяра; божественный Паизиелло дирижировалъ оркестромъ, сочинивъ въ честь Семирамиды нѣсколько лучшихъ своихъ оперъ: „La Serva padrona, Il. Matrimonio inaspettato и „Barbieri di Siviglia“, пересозданную Россини сорокъ лѣтъ спустя. Чимароза, преемникъ Паизиелло, написалъ на берегахъ Невы, въ теченіе своего трехлѣтняго тамъ пребыванія, пятьсотъ пьесъ для придворнаго оркестра и частныхъ оркестровъ важнѣйшихъ представителей мѣстной знати. Сартти соперничалъ съ этими двумя маэстро, и при всемъ своемъ завѣдомомъ равнодушіи къ музыкѣ Екатерина вынуждена была подчиняться требованіямъ артистовъ, приглашенныхъ по настоянію композиторовъ для исполненія ихъ произведеній. Она переносила даже ихъ капризы и дерзости. Габриелли, получавшая семь тысячъ рублей жалованья, отказывалась пѣть въ апартаментахъ Ея Величества, „потому что“,—говорила она—„Ея Величество ничего не понимаетъ въ музыкѣ“, а на переданное ей замѣчаніе Государыни, что ея маршалы получаютъ меньше вознагражденія, дала знаменитый отвѣтъ: „Такъ пусть она заставитъ пѣть сво-

ихъ маршаловъ!“ Ссоры тенора Маркези съ другой примадонной, Тиди, принимали въ глазахъ снисходительной императрицы важность государственнаго дѣла.

Роскошь все увеличивалась. Въ 1778 г. во время празднества, устроеннаго въ честь рожденія старшаго сына Павла, играли въ макао на трехъ столахъ и каждый изъ игроковъ, имѣвшій девятку, получалъ бриллиантъ, который выбиралъ себѣ золотой ложечкой изъ ящика, стоявшаго посреди стола. Игра продолжалась полтора часа, а ящики опустѣли лишь наполовину, поэтому содержимое ихъ раздѣлили между игроками. На этотъ разъ самъ Харрисъ былъ ослѣпленъ, хотя всетаки видѣлъ отпечатокъ Азии въ этой безумной расточительности, напоминающей преданія Голконды. Приглашенія на этотъ праздникъ разсылались отъ имени „Г. Франциска Авора, азіатскаго или африканскаго магната, владѣльца бриллиантовыхъ россыпей“—псевдонимъ, подъ которымъ легко угадать щедрого одарителя драгоценными камнями и кашемировыми шальями, какого мы видѣли въ Молдавіи. Бриллианты, раздаваемые этотъ разъ, не превышали стоимости пятидесяти рублей за штуку, по оцѣнкѣ англійскаго дипломата; но онъ упоминаетъ еще о десертѣ послѣ ужина, поданномъ на сервизѣ, оцѣненнымъ имъ въ два милліона фунтовъ стерлинговъ.

Вліяніе князя Таврическаго сильно содѣйствовало быстро возроставшимъ привычкамъ къ роскоши и щегольству, перешедшимъ, наконецъ, въ безумную расточительность даже за предѣлами двора и круга, непосредственно къ нему примыкавшаго. Назначенный посланникомъ въ Стокгольмъ по окончаніи войны со Швеціей въ самый разгаръ раззорительной войны съ Турціей, Игельстрёмъ получилъ 20.000 рублей на экипировку, 4.500 р. ежемѣсячнаго содержанія, не считая „безчисленныхъ сервизовъ“, и всетаки остался недоволенъ. Ему нужны были двѣ парадныя кареты на шестерку лошадей, восемь офиціантовъ, два скорохода, два охотника, два гайдюка, два гусара, чтобы скакать за экипажемъ, четыре гонца, секретарь, три помощника секретаря, четыре или шесть адъютантовъ, четыре курьера, множество лакеевъ, домъ: „какого нѣтъ въ Стокгольмѣ“, и на 15.000 р. брильянтовъ для украшенія собственной особы. Мундиры гвар-

дейцевъ, сопровождавшихъ императрицу при ея выѣздахъ въ торжественныхъ случаяхъ и несшихъ обыкновенно службу во дворцѣ, отличались поразительной роскошью: „Они были изъ голубого сукна съ красными отворотами, покрытыя чѣмъ-то въ родѣ серебряной кирасы, на которой выпукло выступала золотой императорскій орелъ, на рукахъ и ногахъ тоже серебряныя бляхи, соединенныя цѣпочками изъ того же металла, что придавало имъ нѣкоторое сходство съ наручами и набедренниками древнихъ рыцарей. „Сходство“, прибавляетъ маркизъ де-Боссе, описывающій эти подробности въ депешѣ отъ 10-го іюня 1766 г., адресованной герцогу Шуазёлю, „еще увеличивается, благодаря каскѣ тоже серебряной, увѣнчанной черными перьями. Сапоги; также украшены на раструбахъ и на наружной сторонѣ голенищъ серебряными бляхами“.

Надо, однако, замѣтить, что согласно документу, помѣченному 1767 годомъ, придворные расходы не превышали ежегодно одного милліона ста тысячъ рублей, а именно:

На содержаніе дворца императрицы, жалованье всѣхъ служащихъ, столовыя деньги, музыку, театръ, разныя удовольствія, свѣчи, охоту и выѣздъ	900.000 рублей.
Большая и малая конюшни	100.000 „
Туалеты, драгоценности, подарки	100.000 „

Итого . . 1,100.000 рублей.

Эти цифры, вѣроятно, удвоились во вторую половину царствованія Екатерины; но, сопоставивъ ихъ съ росписью расходовъ, производившихся въ то же время въ Версалѣ, остается лишь удивляться ихъ незначительности. Одна конюшня Людовика XVI стоила дороже: 7,717.058 ливровъ въ 1786 году; Съ 1744 г. по 1788 годъ общій придворный бюджетъ французскаго короля и его семейства колебался между 32 и 36 милліонами ежегодно. Это въ семь разъ больше бюджета Екатерины Великой!

Зависило это, надо сказать, главнымъ образомъ отъ количественной разницы въ штатѣ здѣсь и тамъ. Штатъ, которымъ довольствовалась Ека-

терина, сравнительно, былъ очень скромнѣе: двѣнадцать камергеровъ, двѣнадцать камеръ-юнкеровъ и двѣнадцать фрейлинъ составляли его почти весь. Отсюда далеко до четырехъ тысячъ человѣкъ свиты короля Франціи, не считая королевской гвардіи, состоявшей изъ количества людей вдвое большаго. Такъ какъ штатъ Екатерины былъ весьма малочисленъ, то тѣмъ болѣе добивались чести принадлежать къ нему. Графъ Мусинъ-Пушкинъ, впоследствии фельдмаршалъ, былъ уже генераль-аншефомъ, когда, въ 1775 г., получилъ золотой ключъ и пришелъ въ восторгъ отъ этого повышения. Всѣ, занимавшіе эти завидныя должности исполняли свои обязанности съ необыкновеннымъ усердіемъ и точностью. Фрейлина Бибилова, получившая въ видѣ исключенія разрѣшеніе жить не во дворцѣ, чтобы не разставаться съ больной матерью, никогда не пропускала своего времени явиться на службу; даже въ день большого наводненія 1777 года: она пріѣхала во дворецъ на лодкѣ. Екатерина обращаясь со своими фрейлинами почти какъ съ любимыми дочерьми. Замѣтивъ, что у фрейлины Потоцкой, недавно назначенной ко двору, нѣтъ жемчуга, императрица воспользовалась костюмированнымъ бальномъ, гдѣ молодая дѣвушка появилась въ костюмѣ молочницы, чтобы опустить великолѣпное кольцо въ кружку молодой дѣвушки, оставленную ею во время танцевъ.—„Это Вы... это ваше величество?“ пролепетала фрейлина, увидавъ подарокъ.—„Нѣтъ, это свернувшееся молоко“. Но непослушаніе и дурачества молодыхъ дѣвушекъ строго наказывались. Въ 1784 г. по рукамъ придворныхъ ходила карриатура, изображавшая князя Потемкина, лежавшаго на диванѣ и окруженнаго своими тремя племянницами, графинями Браницкой, Юсуповой и Скавронской, весьма мало одѣтыми и видимо оспаривающими его ласки. Двѣ фрейлины, Бутурлина и Эльмитъ, восемнадцатилѣтнія дѣвушки, были заподозрѣны въ распространеніи этого рисунка. Уличенныя въ шалости, онѣ были наказаны розгами до крови въ присутствіи своихъ подругъ и отправлены обратно домой. Но немилость, ихъ постигшая, не была вѣчной. Выйдя замужъ за Турчинова, бывшая дѣвица Эльмитъ черезъ нѣсколько лѣтъ снова появилась при дворѣ и содѣйствовала даже возвышенію своего супруга, выхлопотавъ ему назначеніе смотрителя императорскихъ зданій

Бутурлина, красивая, умная, смѣлая и испорченная, сдѣлалась впоследствии знаменитой графиней Дивовой. О салонѣ ея, широко раскрытомъ для французскихъ эмигрантовъ, мы уже упоминали.

Въ концѣ-концовъ обстановка, въ которой Семирамида явилась на судъ Европы и добилась кликовъ восторга, была довольно скромная. Какъ и въ предыдущихъ царствованіяхъ, чрезвычайная роскошь при ея дворѣ уживалась съ убожествомъ, а расточительность съ странной скупостью. Въ 1791 г. во время маскарада, происходившаго въ Петергофѣ, главная лѣстница не была освѣщена. Въ 1792 г. спохватились въ необходимости замѣнить новыми ливреи пажей императрицы: старыя уже отслужили тридцать четыре года!

II.

Съ точки зрѣнія этикета, хорошаго тона и даже приличія, этотъ дворъ тоже далеко отсталъ отъ своихъ западныхъ образцовъ. По свидѣтельству нѣмецкаго путешественника, графа Штернберга, посѣтившаго Россію между 1792 и 1793 г., до прибытія императрицы и сейчасъ же послѣ ея ухода зала для аудіенцій во дворцѣ представляла видъ величайшаго безпорядка. Тамъ царилъ неумолкаемо оглушительный шумъ, гдѣ смѣшались всѣ нарѣчія Европы и Азіи. Въ дни баловъ бывало еще хуже. Въ такихъ случаяхъ имѣли доступъ ко дворцу всѣ, носящіе какой-нибудь военный чинъ; а кучеръ ея величества состоялъ въ чинѣ подполковника! Во время обыкновенныхъ пріемовъ достаточно было также имѣть шпагу въ португелѣ, „чтобы проникнуть до самыхъ дверей тронной залы, охраняемыхъ двумя гвардейцами въ парадной формѣ: въ серебряныхъ кирасахъ, въ треугольной шляпѣ на головѣ и при оружіи“. Никакого видимаго надзора ни у входа, ни на лѣстницѣ, ни въ первомъ пріемномъ залѣ; никто не спрашивалъ: кто ты такой и куда идешь. Во время революціи однажды распространяется слухъ о покушеніи, задуманномъ французскими демагогами: дежурный адъютантъ, Пассекъ, поставилъ въ прихожей дворца двухъ служителей; императрица узнала объ этомъ и отмѣнила распоряженіе. Доступъ въ тронную залу былъ открытъ только для лицъ, обозначенныхъ въ списокѣ, врученномъ дежурнымъ кавалергардамъ; но списокъ этотъ былъ весьма обширный. Уборная императрицы, гдѣ она давала частныя аудіенціи, тоже нерѣдко переполнялась народомъ; государственные секретари имѣли право входа туда каждый день, оберъ-прокуроръ по воскресеньямъ. Простой лакей, одѣтый по французской модѣ, оберегалъ порогъ этого святилища. За исключеніемъ ливрей лакеевъ и пажей, до послѣднихъ лѣтъ царствованія, не существовало никакой придворной формы. Въ 1783 г. были

учреждены мундиры для дворянъ, соответствовавшіе по цвѣтамъ губерніямъ, гдѣ дворяне были приписаны. Въ то же время, чтобы сократить роскошь въ туалетахъ, доходившую до безумія, вмѣстѣ съ распространеніемъ парижскихъ модъ, Екатерина пыталась установить однообразіе въ одеждѣ и въ костюмахъ дамъ, принятыхъ при дворѣ. Она избрала для себя и приказала носить всѣмъ, вначалѣ на приемахъ въ Эрмитажѣ, а затѣмъ и постоянно, русскій нарядъ, или по крайней мѣрѣ такъ называемый русскій, изъ алаго бархата, который привелъ бы въ отчаяніе Марію-Антуанетту. Петербургскія красавицы тоже досадовали на невозможность впредь щеголять во дворцѣ прелестными созданіями m-lle Бертинъ, но должны были покориться. Онѣ принуждены были такъ-же отказаться отъ причесокъ „à la Reine“ или „à la Belle Poule“, такъ какъ указомъ воспрещались замысловатая прически, выше четверти локтя. Великая княгиня Марія Федоровна, которой тоже пришлось подчиниться общему закону и пожертвовать для этого частью своихъ великолѣпныхъ волосъ, проплакала изъ-за этого цѣлую недѣлю.

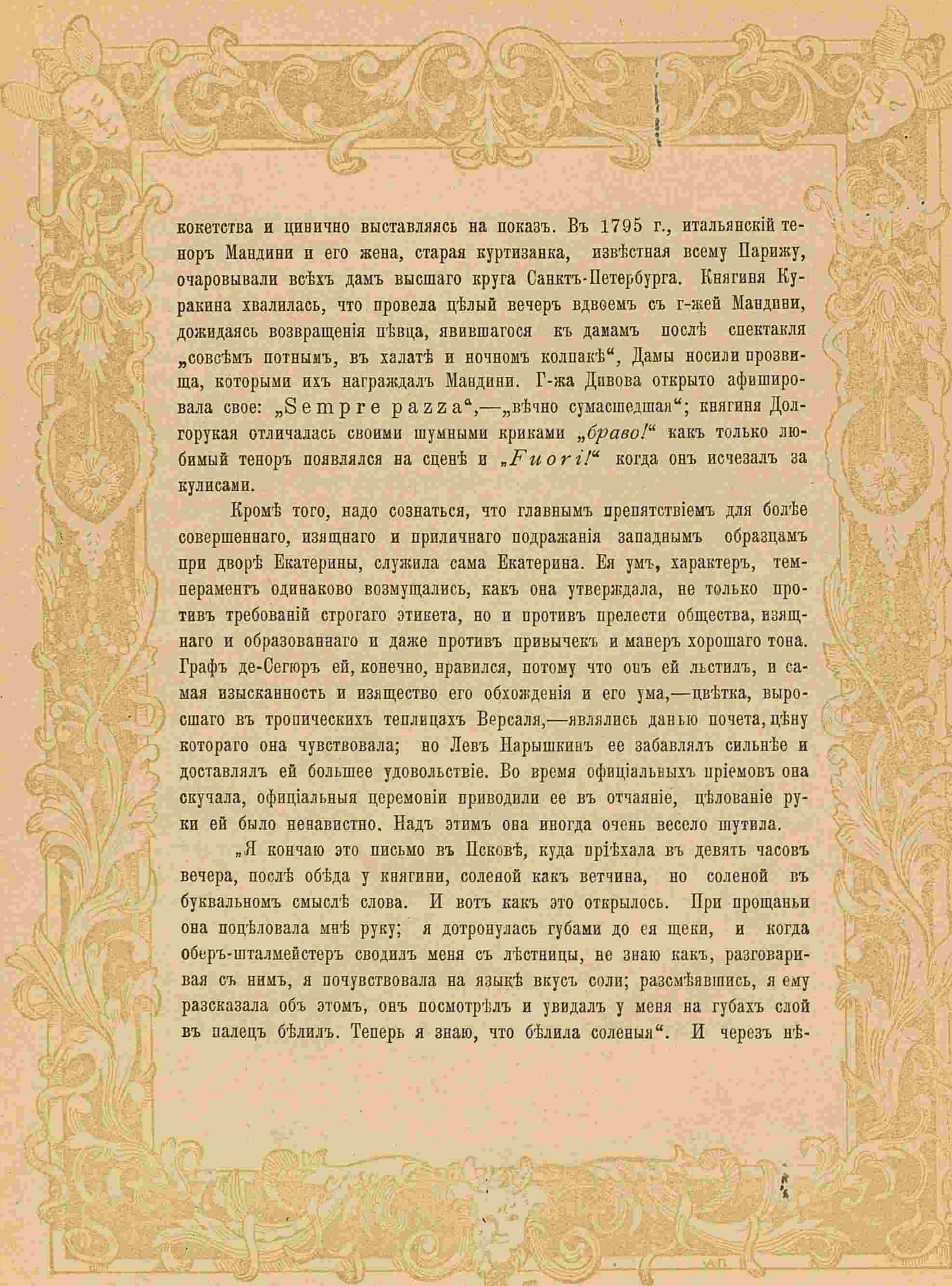
Екатерина стремилась такимъ образомъ противодействовать вліянію уже старинному, но еще болѣе усиливавшемуся при ней. Подражаніе иностраннѣмъ образцамъ, въ особенности французскимъ, вошло въ обычай высшихъ сферъ страны уже въ теченіе полувѣка, и со временъ Петра Великаго примѣръ этому всегда подавалъ дворъ. Петергофскій дворъ—воспроизведеніе парка Версальскаго. Общество лишь подчинялось по своему обыкновенію приказанію, полученному свыше. Въ 1779 г. журналъ, посвященный „модѣ“, не оправдывалъ, надо сознаться, своего заглавія, печатая исключительно литературныя статьи; но въ 1791 г. журналъ „Magasin de modes françaises et allemandes“ хотя тоже вдавался въ политику поддерживая реакцію, высмѣивая Національное Собраніе и передразнивая „ça ira“, тѣмъ не менѣе давалъ самыя точныя указанія относительно современныхъ модъ, принятыхъ въ европейскихъ столицахъ, и главнымъ образомъ въ Парижѣ. Онъ сообщалъ о шляпахъ „à la Bergère“ и шедеврахъ г-жи Трейльяръ, модистки Поля-Рояля. Стремленіе къ подражанію сливалось теперь съ антиреволюціоннымъ движеніемъ, на-

чатимъ Екатериной: съ революціей сражались и старались какъ можно ближе подражать обычаямъ и утонченностямъ *старого* французскаго общества.

Подражаніе осталось, всетаки, весьма несовершеннымъ, часто неловкимъ до смѣшного. Картинки въ „Вѣстникѣ модъ“ были уморительны. Придворныя дамы воображали, что будутъ походить на Марію-Антуанетту, смѣливая батистъ съ парчей, такъ же, какъ воображали, что одѣваются „à la Madame Malborough“, нашивая черную бахрому на первое попавшееся платье. Петергофскій каналъ, претендовавшій на воспроизведеніе Версальскаго канала, представлялъ изъ себя не болѣе, какъ ровъ въ нѣсколько футовъ ширины, гдѣ могла бы свободно двигаться развѣ только флотилія дѣтскихъ корабликовъ. „Въ Россіи“, писалъ графъ де-Дама, „все скорѣе напоминаетъ красивый эскизъ, чѣмъ законченную картину. Учрежденія находятся въ зачаточномъ состояніи, у домовъ существуютъ только фасады, никто не знаетъ хорошенько своего дѣла. Костюмы, азіатскіе для народа, французскіе для общества, кажутся какъ будто незаконченными... Правы только укрощены, но совсѣмъ не смягчены. Много умныхъ людей; но весьма мало пріятныхъ въ обращеніи... При дворѣ много Нинетъ, охотно вернувшихся-бы назадъ къ себѣ въ деревню, бритыхъ подбородковъ, находящихъ, что съ бородой теплѣе, и купцовъ, съ гораздо большимъ удовольствіемъ торговавшихъ бы мѣхами, чѣмъ драгоценностями и нарядами“.

Инстинкты остались дикими, вкусы грубыми. Тонъ стараго французскаго режима, которому старались изъ всѣхъ силъ подражать, съ трудомъ держался при дворѣ, гдѣ Петръ III, не спуская никому, угощаль ударами шпаги плашмя своихъ фаворитовъ и обращался публично съ женщинами въ высшей степени неприлично. „Дотрагиваться до грудей“, пишетъ одинъ дипломатъ, „еще не величайшая вольность какую онъ позволяетъ себѣ публично съ женщинами, принадлежащими къ высшему кругу“. Только испорченность нравовъ стараго Версаля, повидимому, вполне усвоилась высшимъ обществомъ столицы; но даже и она казалась какъ бы изуродованной и опошлившейся, лишившись своего покрова изящества и скромнаго

кокетства и цинично выставяясь на показъ. Въ 1795 г., итальянскій теноръ Мандини и его жена, старая куртизанка, извѣстная всему Парижу, очаровывали всѣхъ дамъ высшаго круга Санктъ-Петербурга. Княгиня Куракина хвалилась, что провела цѣлый вечеръ вдвоемъ съ г-жей Мандини, дожидаясь возвращенія пѣвца, явившагося къ дамамъ послѣ спектакля „совсѣмъ потнымъ, въ халатѣ и ночномъ колпакѣ“. Дамы носили прозвища, которыми ихъ награждалъ Мандини. Г-жа Дивова открыто афишировала свое: „*Семпре ризза*“,— „вѣчно сумасшедшая“; княгиня Долгорукая отличалась своими шумными криками „*браво!*“ какъ только любимый теноръ появлялся на сценѣ и „*Fuori!*“ когда онъ исчезалъ за кулисами.

Кромѣ того, надо сознаться, что главнымъ препятствіемъ для болѣе совершеннаго, изящнаго и приличнаго подражанія западнымъ образцамъ при дворѣ Екатерины, служила сама Екатерина. Ея умъ, характеръ, темпераментъ одинаково возмущались, какъ она утверждала, не только противъ требованій строгаго этикета, но и противъ прелести общества, изящнаго и образованнаго и даже противъ привычекъ и манеръ хорошаго тона. Графъ де-Сегюръ ей, конечно, нравился, потому что онъ ей льстилъ, и самая изысканность и изящество его обхожденія и его ума,—цвѣтка, выросшаго въ тропическихъ теплицахъ Версаля,—являлись данью почета, цѣну котораго она чувствовала; но Левъ Нарышкинъ ее забавлялъ сильнѣе и доставлялъ ей большее удовольствіе. Во время официальныхъ пріемовъ она скучала, официальные церемоніи приводили ее въ отчаяніе, цѣлованіе руки ей было ненавистно. Надъ этимъ она иногда очень весело шутила.

„Я кончаю это письмо въ Псковѣ, куда пріѣхала въ девять часовъ вечера, послѣ обѣда у княгини, соленой какъ ветчина, но соленой въ буквальномъ смыслѣ слова. И вотъ какъ это открылось. При прощаньи она поцѣловала мнѣ руку; я дотронулась губами до ея щеки, и когда оберъ-шталмейстеръ сводилъ меня съ лѣстницы, не знаю какъ, разговаривая съ нимъ, я почувствовала на языкѣ вкусъ соли; разсмѣявшись, я ему рассказала объ этомъ, онъ посмотрѣлъ и увидалъ у меня на губахъ слой въ палецъ бѣлилъ. Теперь я знаю, что бѣлила соленья“. И черезъ нѣ-

сколько дней: „Послѣ Пскова, дѣвица Энгельгардтъ старшая завѣдуетъ охраной моихъ глазъ, вотъ какимъ образомъ: передъ представленіемъ мнѣ дамъ, она приводитъ въ порядокъ ихъ перья и цвѣты, отъ которыхъ я получила столько ужасныхъ щелчковъ въ Псковѣ“ *). Когда баронъ де-Брѣгейль, представляясь во время пріема, началъ свою привѣтственную фразу, она прервала его словами: „Видѣли вы когда-нибудь охоту на зайцевъ съ борзыми? Не правда ли, мое положеніе въ настоящую минуту очень похоже“. Но даже освободившись отъ ненавистной свиты придворныхъ, слѣдовавшихъ за ней по пятамъ, Екатерина чувствовала себя неловко среди роскоши, которой она сочла нужной обставить свои дворцы. Ее стѣсняло это великолѣпіе, которое ей было не по душѣ; она тяготилась произведеніями искусствъ, въ которыхъ ничего не понимала. „Я хорошо устроилась на зиму“, писала она въ 1777 г., „меня окружаютъ множество замѣчательныхъ предметовъ, которыми все биткомъ набито вокругъ меня; но для меня они совершенно ненужны и непригодны. Я похожа на киргизскаго хана, которому императрица Елизавета пожаловала домъ въ Оренбургѣ, а онъ велѣлъ поставить себѣ на дворѣ палатку и жилъ въ ней. Такъ и я держусь своего угла“.

Ея уголь—это Эрмитажъ, гдѣ при меньшей роскоши, все-таки различилась два отдѣленія: одно съ убранствомъ, которымъ восхищался Арманъ Домергъ, съ обстановкой торжественныхъ дней, съ художественными коллекціями и парадными спектаклями, предназначалось для публики; другое—принадлежало государынѣ. Оно ей было по сердцу; тамъ она скрывалась отъ толпы въ тѣсномъ и непринужденномъ кружкѣ при закрытыхъ дверяхъ, и лишь немногіе избранники имѣли туда доступъ. Но эти собранія не были похожи ни на Версаль, ни на Трианонъ, еще менѣе на Отель Рамбулье, даже на буржуазный салонъ Жоффренъ. Тамъ занимались совѣмъ не изощреніемъ въ остроуміи по французской модѣ; даже графу де-Сегюръ здѣсь иногда случалось забывать свои манеры безусловно свѣтскаго чело-вѣка; а Левъ Нарышкинъ, обыкновенно задававшій тамъ тонъ, не имѣлъ

*) Письма къ г-жѣ Біельке.

ничего общаго съ придворными Людовика XIV, даже съ Рокелоромъ де-Сенъ-Симона, если допустить его существованіе. Нарышкинъ не проливалъ своей крови ни на какомъ полѣ битвы и не управлялъ никакой областью. Въ качествѣ оберъ-шталмейстера онъ завѣдывалъ царскими конюшнями, но, увидавъ однажды кошку, лежавшую на креслѣ, предназначенномъ для него въ конторѣ управленія, онъ сталъ увѣрять, что его мѣсто занято и больше не ступалъ туда ни ногой. Что касается остроумія, то больше всего онъ любилъ каламбуры. Во время спора, вызваннаго объявленіемъ войны Турціи, вдругъ громко закрипѣла дверь, заглушивъ собой голоса собесѣдниковъ; по этому поводу Нарышкинъ шутилъ, что „с'est la Porte, qui demande du secours à la Grèce“ *). Онъ открыто смѣялся надъ своими супружескими неудачами—онъ былъ женатъ на дочери простаго казака,—перефразируя передъ государыней слова модной въ то время пѣсни: *Voilà l'objet de ma flamme*, замѣняя слово *flamme* словомъ *femme* и указывая при этомъ на своего слугу, пользовавшагося благосклонностью г-жи Нарышкиной. „Когда онъ не каламбурилъ, онъ болталъ вздоръ обо всемъ на свѣтѣ или дурачился самымъ отчаяннымъ, а иногда очень грубымъ образомъ. Для того, чтобы имѣть въ этомъ больше успѣха, онъ, говорятъ, бралъ уроки у французскаго актера Рено. Однажды Екатерина застала его въ своемъ собственномъ кабинетѣ, валяющимся на кушеткѣ и распѣвающимъ во все горло глупѣйшую пѣсню. При его отказѣ встать и замолчать, государыня привела невѣстку ослушника, и обѣ, вооружившись пучками крапивы, принялись его хлестать изо всѣхъ силъ. Екатерина звала его „природнымъ скоморохомъ“, но признавала „что любить до безумія, когда онъ разсуждаетъ о политикѣ, и что никто, никогда такъ ее не смѣшилъ“. Она прославила его заслуги въ двухъ шуточныхъ поэмахъ („Леоніана“) и вывела его на сцену въ своей комедіи. „Беззаботный“. Забавляясь однажды игрой въ „эпитафіи“, она сочинила слѣдующую для этого любимаго товарища, нетерпѣливо ожидаемыхъ часовъ досуга и отдохновенія:

*) „Игра словъ: *Porte*—дверь и *Порта*“. *Порта* проситъ помощи у Греціи.

Въ назиданіе потомству.

Надпись,

*Которую надлежитъ сдѣлать не первомъ камнѣ фундамен-
та дачи оберъ-шталмейстера Льва Нарышкина.*

Здѣсь жилище

Боярина Льва Нарышкина, оберъ-шталмейстера.

Ни одинъ ретивый конь не можетъ на него пожаловаться,
Такъ какъ онъ никогда не ѣздилъ верхомъ.

Въ молодости природа обѣщала сдѣлать его красавцемъ.
Неизвѣстно почему, она не сдержала слова.

Когда дошло дѣло до женитьбы, онъ женился на той, о которой менѣе
всего помышлялъ.

Онъ любилъ вино, женщинъ и наряды, но никто не видалъ его пьянымъ,
Ни влюбленнымъ, ни причесаннымъ.

Онъ брился самъ, боясь, что цирюльникъ его обрѣжетъ.
Поэтому, чѣмъ пышнѣе было празднество, тѣмъ больше слѣдовъ обрѣзовъ.
Было у него на лицѣ.

Онъ вездѣ искалъ приключеній и нигдѣ ихъ не находилъ.
Друзья говорятъ, что онъ всегда бывалъ очень почтительнымъ вначалѣ
И терялъ терпѣнье подъ конецъ.

Онъ много танцевалъ и бывалъ легокъ и подвиженъ во всѣхъ случаяхъ,
Когда его тучность не мѣшала его лѣвой ногѣ
Слѣдовать за правой.

Онъ былъ богатъ и не имѣлъ никогда ни гроша въ карманѣ.
Онъ любилъ ходить на базаръ и покупать тамъ все, что ему не нужно.
Изъ всего имущества онъ болѣе всего любилъ сто сажень, что передъ
вами.

Онъ находилъ удовольствіе строить здѣсь домики.

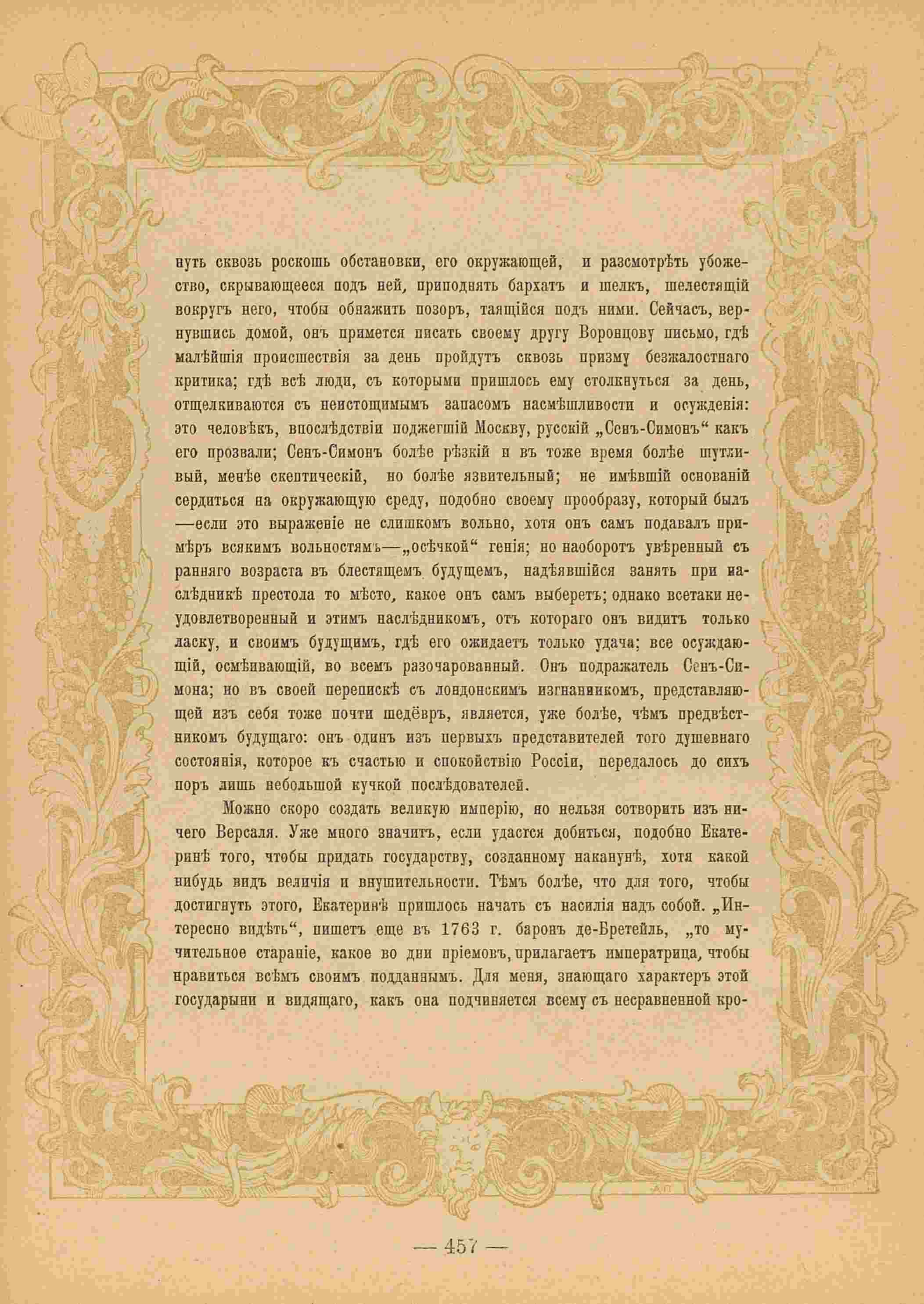
Каждый годъ новые; дорога туда шла
Извилистыми тропинками, обсаженными
Кустарникомъ, окаймленнымъ
Бассейнами, ручьями,
Которые высыхали,
Когда не было дождей.

Несмотря на это, большую часть лѣта онъ проводилъ на большой дорогѣ. Веселиться и веселить было его девизомъ, Игра его стихіей, Взрывы смѣха его спутниками *).

Наряду съ Нарышкинымъ, баронъ Ванжура, другой завсегдаей Эрмитажа отличался талантомъ сдвигать свои густые волосы до самыхъ бровей, сморщивая кожу на лбу, точно паривъ. За такую способность онъ получилъ званіе „капитана“ веселаго общества, собиравшагося вокругъ Екатерины. Сама она искусно двигала правымъ ухомъ, сохраняя полную неподвижность лица.—Не будемъ строгими судьями; двадцать лѣтъ спустя, другая императрица, эрцгерцогиня по рожденію, Марія Луиза, занималась тѣмъ же въ Тюльери! Не забудемъ наряду съ этими шутами придворную дуру Матрену Даниловну Теплицкую изъ семьи мелкихъ ярославскихъ лавочниковъ, съ умомъ и манерами одинаково вульгарными. Государыня держала ее при дворѣ, украшала брильянтами, позволяла называть себя „сестрицей“ и на вопросъ, почему она такъ ненавидитъ шведскаго короля, получала отвѣтъ: „Потому что онъ нѣмецъ, а у насъ, когда нѣмецъ заходилъ въ домъ, такъ послѣ него усердно все мыли и чистили, даже дверную скобку, за которую онъ брался“.

Да, этотъ дворъ напоминалъ Версаль—но на тысячелѣтіе моложе по монархическимъ традиціямъ и высшей культурѣ, распустившейся тамъ въ великолѣпный цвѣтокъ блеска и изящества. Это Версаль, списанный руками рабочаго, у котораго всего не хватало, чтобы придать сходство своей картинѣ—ни фона, ни красокъ: рисунокъ мазками по толстому полотну, театральная декорация для обмана зрѣнія. Но сходство есть и, чтобы оно сохранялось даже въ мелочахъ, посмотрите въ углу императорскаго дворца на этого камеръ-юнкера, съ какъ будто застывшимъ выраженіемъ ироніи на лицѣ съ насмѣшливымъ взглядомъ, точно стремящимся проник-

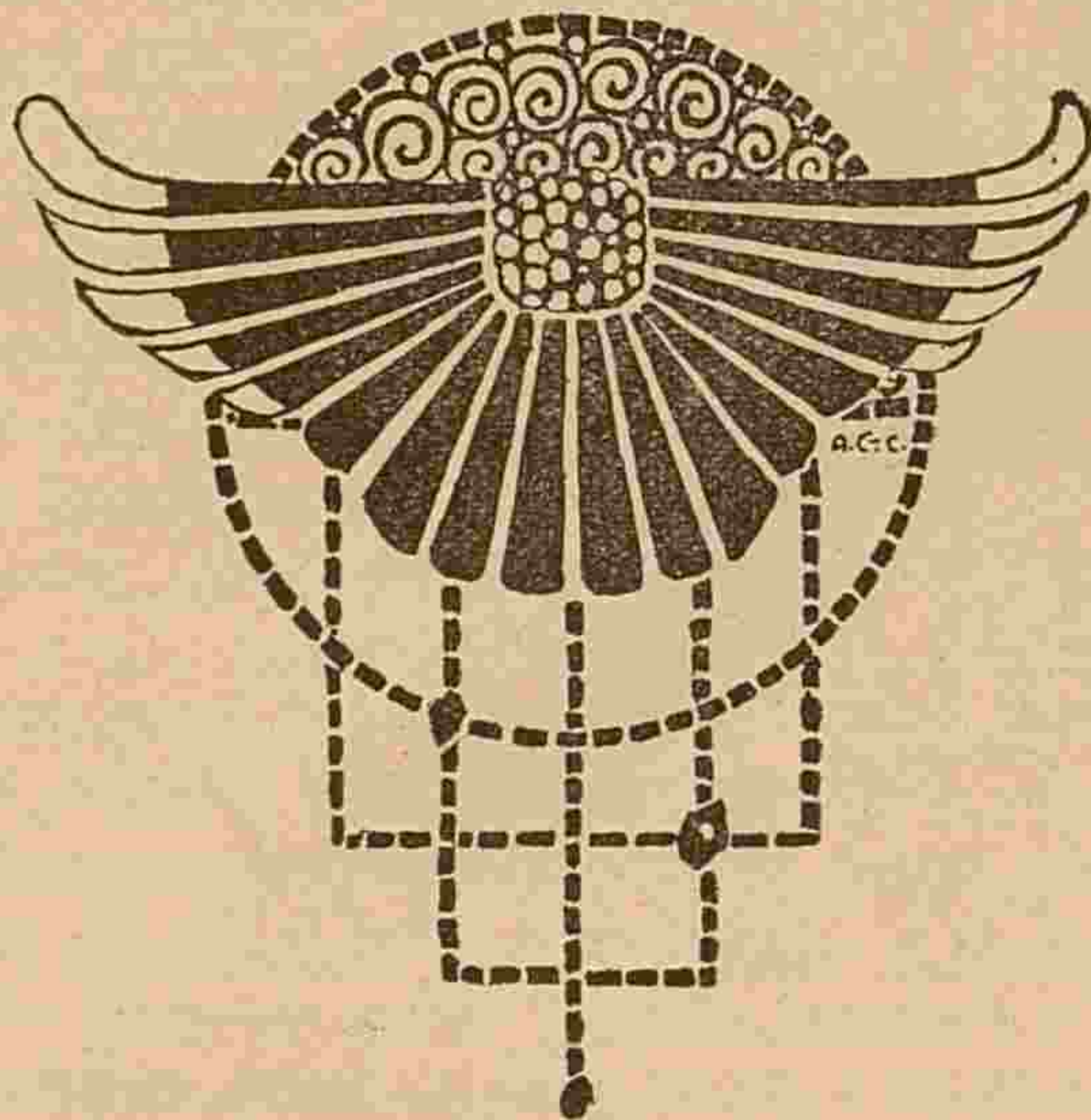
*) Эта „эпитафія“ приведена по-французски въ *Dairies* —дневникъ англійскаго посла Харриса, которому была прислана самой Екатериной. Существовала ли она по русски—что заставляетъ подозрѣвать ея размѣръ—намъ не удалось установить. *Примѣч. перев.*

нутъ сквозь роскошь обстановки, его окружающей, и разсмотрѣть убожество, скрывающееся подъ ней, приподнять бархатъ и шелкъ, шелестящій вокругъ него, чтобы обнажить позоръ, таящійся подъ ними. Сейчасъ, вернувшись домой, онъ примется писать своему другу Воронцову письмо, гдѣ малѣйшія происшествія за день пройдутъ сквозь призму безжалостнаго критика; гдѣ всѣ люди, съ которыми пришлось ему столкнуться за день, отщелкиваются съ неистощимымъ запасомъ насмѣшливости и осужденія: это человекъ, впоследствии поджегшій Москву, русскій „Сень-Симонъ“ какъ его прозвали; Сень-Симонъ болѣе рѣзкій и въ тоже время болѣе шуточный, менѣе скептическій, но болѣе язвительный; не имѣвшій основаній сердиться на окружающую среду, подобно своему прообразу, который былъ —если это выраженіе не слишкомъ вольно, хотя онъ самъ подавалъ примѣръ всякимъ вольностямъ— „осѣчкой“ генія; но наоборотъ увѣренный съ ранняго возраста въ блестящемъ будущемъ, надѣявшійся занять при наследникѣ престола то мѣсто, какое онъ самъ выберетъ; однако всетаки неудовлетворенный и этимъ наследникомъ, отъ котораго онъ видитъ только ласку, и своимъ будущимъ, гдѣ его ожидаетъ только удача; все осуждающій, осмѣивающій, во всемъ разочарованный. Онъ подражатель Сень-Симона; но въ своей перепискѣ съ лондонскимъ изгнанникомъ, представляющей изъ себя тоже почти шедѣвръ, является, уже болѣе, чѣмъ предвѣстникомъ будущаго: онъ одинъ изъ первыхъ представителей того душевнаго состоянія, которое къ счастью и спокойствію Россіи, передалось до сихъ поръ лишь небольшой кучкой послѣдователей.

Можно скоро создать великую имперію, но нельзя сотворить изъ ничего Версаля. Уже много значить, если удастся добиться, подобно Екатеринѣ того, чтобы придать государству, созданному накануне, хотя какойнибудь видъ величія и внушительности. Тѣмъ болѣе, что для того, чтобы достигнуть этого, Екатеринѣ пришлось начать съ насилія надъ собой. „Интересно видѣть“, пишетъ еще въ 1763 г. баронъ де-Бретейль, „то мучительное стараніе, какое во дни пріемовъ, прилагаетъ императрица, чтобы нравиться всѣмъ своимъ подданнымъ. Для меня, знающаго характеръ этой государыни и видящаго, какъ она подчиняется всему съ несравненной кро-

тостью и любезностью, понятно, чего ей это стоит, и насколько она убѣждена въ необходимости покоряться этому“. Тѣмъ не менѣе ея образъ царствованія и управленія имѣли видъ военной побѣды, только что одержанной. Пирушки, на которыхъ она появлялась среди офицеровъ своей гвардіи, одѣтая въ ихъ мундиръ и выпивая съ ними традиціонную чарку водки, слишкомъ живо напоминали ожесточенную борьбу, благодаря которой создано ея царствованіе. Дворъ ея всегда походилъ отчасти на лагерь. И вотъ почему вся апогея пышности и великолѣпія, съ помощью которыхъ Екатерина старалась поставить свой дворъ на уровень монархическихъ традицій Запада, достигается лишь въ путешествіи, по пути въ Тавриду.

III.

Въ противоположность Петру I, неутомимому страннику, Екатерина была мало подвижна. И не только ея личные вкусы, располагавшіе ее къ домосѣдству, удерживали ее дома, но каждый переѣздъ былъ связанъ для нея съ ужаснымъ рискомъ; едва покидаетъ она Петербургъ въ 1764 г., чтобы посѣтить Лифляндію и Эстляндію, какъ ей вслѣдъ разражается заговоръ Мировича, напоминая ей о непрочности зданія ея могущества и необходимости неотступно наблюдать за нимъ. И впоследствии присутствіе Павла вблизи трона, уже прочно стоящаго и недоступнаго для обыкновеннаго покушенія, являлось угрозой. Покидая столицу, Екатерина сдѣлала распоряженіе, чтобъ при малѣйшей тревогѣ, люди, на которыхъ, по ея мнѣнію, она можетъ положиться, схватили бы наслѣдника и доставили къ ней. Зато, путешествія, которыя она предпринимала, обыкновенно были довольно продолжительны. Разстоянія всюду большія, а императрица не должна имѣть видъ, что куда-нибудь торопится. Путешествіе въ Крымъ, — въ Тавриду, какъ она желала, чтобы называли ея завоеваніе, въ честь смутныхъ, но обаятельныхъ историческихъ воспоминаній — продолжалось полгода. Приходилось проѣхать нѣсколько тысячъ верстъ, и прежде всего, нужно было создать дорогу. По пути изъ Петербурга въ Москву, благоустроенныя станціи, удобныя остановки для отдыха позволяли быстрое и покойное передвиженіе. Въ прибалтійскихъ провинціяхъ замки эстляндскихъ и лифляндскихъ рыцарей предложили государынѣ не только радушное гостепріимство, но еще и поразили ее роскошью и комфортомъ, незнакомыми ей. Но между Петербургомъ и Херсономъ лежала пустыня, занимающая по крайней мѣрѣ треть пути. Мы уже знаемъ, какъ Потемкинъ взялся за дѣло, чтобы населить эту пустыню.

Отъѣздъ состоялся 18 января 1787 г. Запряженная тридцатью ло-

шадми, карета ея величества вмѣщала въ себѣ кабинетъ, гостиную на восемь человѣкъ, карточный столъ, маленькую библіотеку и всѣ удобства; почти какъ въ современномъ wagon de luxe. Фаворитъ Мамоновъ, неразлучная Протасова и не менѣе неразлучный Левъ Нарышкинъ помѣщались вмѣстѣ съ Екатериной, пригласившей туда еще кромѣ того въ первый день графа Кобенцеля, австрійскаго посланника. На слѣдующій день былъ чередъ графа де-Сегюръ. Въ сорока каретахъ и ста двадцати четырехъ саняхъ размѣстилась остальная свита. Стоялъ морозъ въ семнадцать градусовъ. Англійскій посланникъ Фитцъ-Гербертъ тоже принималъ участіе въ путешествіи. Испанскій посолъ, Нормандецъ, напрасно стремившійся къ тому же, сходилъ съ ума отъ досады, по свидѣтельству Кастера.

Деревянные дворцы, наскоро выстроенные и обмѣблированные въ мѣстахъ, предназначенныхъ для ночлега путешественниковъ,—на станціяхъ—крытая галлерей, со столами, уставленными закусками, дожидались поѣзда. Сервизы, употребляемые при остановкахъ, служили лишь одинъ разъ и становились добычей челяди. Необыкновенная расточительность, безумное воровство, вездѣ большой беспорядокъ и мало удобства. „Всѣ наши кареты“, писалъ принцъ де-Линъ, „полны персиковъ и апельсиновъ, слуги наши пьяны отъ шампанскаго, а я умираю съ голода, потому что все холодное и отвратительное... Ничего нѣтъ теплаго, кромѣ воды, которую мы пьемъ.“

На украинѣ Екатерину ждало разочарованіе: Безбородко, завѣдывавшій до сихъ поръ матеріальной частью путешествія, испугавшись чрезвычайныхъ расходовъ, вызванныхъ имъ, посоветовалъ мѣстному губернатору, быть экономнѣе. Губернаторомъ, былъ никто иной, какъ знаменитый Румянцевъ. Онъ не заставилъ себѣ повторять это два раза: сократилъ всѣ импровизированныя помѣщенія до строго необходимаго и не позаботился о парадномъ убранствѣ Кіева, святаго города, который государыня заранѣе мечтала показать своимъ гостямъ. „Скажите императрицѣ, что мое дѣло брать города, а не украшать ихъ“, отвѣтилъ онъ Мамонову, которому было поручено передать ему замѣчаніе. Волшебство, ожидаемое императрицей, началось только въ Крыму. Тамъ Потемкинъ лично

заялся устройством декораціи. Одинъ изъ его помощниковъ, Чертковъ самъ едва былъ въ состояніи постичь чудеса, выполненію которыхъ содѣйствовали: „Я былъ съ его свѣтлостью въ Тавридѣ... за два мѣсяца до прибытія императрицы... и спрашивалъ себя, что собирается онъ показать тамъ ея величеству. Все было пусто! Когда я вернулся съ ея величествомъ то встрѣтилъ Богъ знаетъ какія чудеса, и, чортъ знаетъ, откуда взялись учрежденія, войска, населеніе, татары въ богатыхъ одѣянїяхъ, казаки, корабли. Я чувствовалъ себя, какъ во снѣ, я не вѣрилъ собственнымъ глазамъ“... Это изумленіе раздѣляли всѣ современники, которымъ пришлось убѣдиться въ перемѣнѣ, происшедшей въ этихъ пустынныхъ степяхъ по взмаху волшебной палочки. „Какимъ волшебствомъ можно создавать подобныя чудеса?“ спрашивалъ Ланжеронъ. Но онъ тутъ же отвѣтилъ на свой вопросъ. „Надо сознаться, что онѣ созданы благодаря тираніи и грозѣ, и повлекли за собой разореніе нѣсколькихъ областей. Изъ населенныхъ губерній Малороссіи и тѣхъ мѣстностей, гдѣ императрица не должна была проѣзжать, выгнали все населеніе, чтобы заполнить эти пустыни: тысячи селеній опустѣли на нѣкоторое время, и всѣ ихъ жители со своими стадами перекочевали на различные назначенные пункты. Ихъ заставили выстроить на скорую руку искусственныя деревни по болѣе близкимъ берегамъ Днѣпра и фасады деревень въ болѣе отдаленныхъ пунктахъ. По проѣздѣ императрицы, всѣхъ этихъ несчастныхъ погнали обратно домой; много народу перемерло, не выдержавъ такихъ переселеній... Будучи тридцать лѣтъ спустя генераль-губернаторомъ этихъ областей, я самъ убѣдился въ справедливости этихъ подробностей, показавшихся мнѣ сначала сказочными“.

Свидѣтельство точное, достовѣрное и убѣдительное.

Въ Кіевѣ сѣли на суда, чтобы спуститься по Днѣпру. Этотъ способъ передвиженія наиболѣе соотвѣтствовалъ привычкамъ и вкусамъ Екатерины. Такимъ же образомъ въ 1767 г. она спустилась по Волгѣ до Костромы, захвативъ съ собой посланниковъ вѣнскаго, берлинскаго и датскаго. Французскій посланникъ не былъ тогда въ ихъ числѣ, но онъ имѣлъ свои основанія не поѣхать. Тогда для переѣздки императрицы и ея свиты

оказалось вполне достаточно десяти галерей „крытыхъ, раздѣленныхъ на отдѣленія и меблированныхъ, изъ которыхъ одна, царская, вмѣщала полный апартаментъ съ гостиной, гдѣ государыня обѣдала съ двѣнадцатью лицами свиты безъ всякой тѣсноты“, по словамъ барона д'Ассебурга. Теперь совѣмъ другое дѣло. Днѣпровская флотилія состояла болѣе чѣмъ изъ 20 судовъ съ 3000 человекъ команды. Акварель Жана Линдсея *), живописца этого странствующаго двора и походной фееріи, рисуетъ намъ красивый видъ встрѣчи Екатерины съ Понятовскимъ. Во главѣ стояли три парусныхъ барки, одинаковыхъ размѣровъ и однообразно разукрашенныхъ красной краской и золотомъ. На ихъ палубахъ было сооружено что то въ родѣ павильоновъ и находились площадки съ выстроенными на нихъ солдатами въ боевомъ порядкѣ. Первая изъ этихъ галерей, носившая названіе „Днѣпръ“, занята была императрицей. Рядомъ стоялъ „Бугъ“, гдѣ помѣщался князь Потемкинъ и его племянницы графини Браницкая и Скавронская. Немного сзади, третья барка „Десна“, служила столовой. Далѣе слѣдовали гуськомъ „Сновъ“, съ графами Безбородко, Ангальтомъ и Левашовымъ; „Сеймъ“, съ иностранными послами, въ томъ числѣ съ „дипломатическимъ жокеемъ“, принцемъ де-Линь; „Имнетъ“, гдѣ дурчился Левъ Нарышкинъ; „Орелъ“, гдѣ помѣщался графъ Чернышовъ съ дочерью; „Лозъ“, съ менѣе важными лицами свиты и личными секретарями и т. д.; „Самара“ и „Кубань“ предназначались подъ кухню и складъ провизіи; „Тавель“ и „Донъ“, образовали военное прикрытіе. „Золото и шелкъ“, рассказываетъ графъ де-Сегюръ, „блистали въ богатыхъ помѣщеніяхъ, устроенныхъ на палубахъ. Каждый изъ гостей имѣетъ на своей галерѣ комнату и кабинетъ, гдѣ роскошь соперничаетъ съ изяществомъ, удобный диванъ, превосходную постель изъ пестрой тафты и бюро изъ красного дерева. На каждой галерѣ своя музыка. Множество шлюпокъ и лодокъ снуютъ безирестанно во главѣ и по бокамъ этой эскадры“.

Понятовскій изстратилъ три милліона за три мѣсяца, чтобы встрѣ-

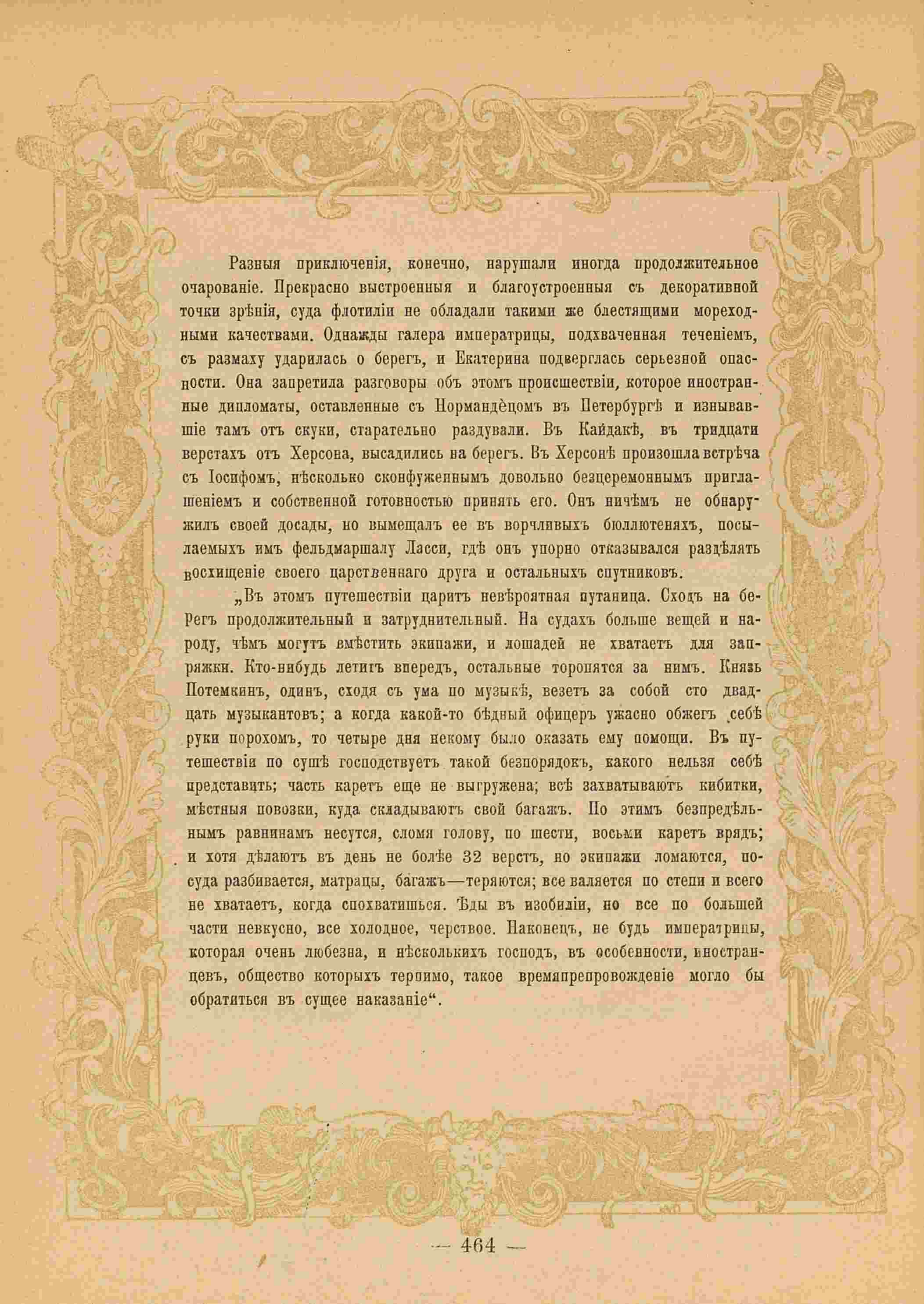
---

*) Любезно показанная намъ графиней Маріей Браницкой.

тить императрицу въ Каневѣ, пустить передъ ней фейерверкъ, пробесѣдовать съ ней три четверти часа и выслушать отъ Безбородко увѣреніе въ томъ, что война съ Турціей не близка! Ему впослѣдствіи стоило дешевле жить бокъ-о-бокъ съ государыней на набережной Невы, въ С.-Петербургѣ. Только тогда уже онъ потерялъ корону и лишилъ свой народъ политическаго существованія. Участники волшебнаго путешествія едва замѣтили это королевское появленіе. Геній князя Таврическаго доставлялъ имъ ежедневно такъ много развлеченій! „Все остановки рассчитаны такъ, чтобы путешественники не испытывали ни малѣйшаго утомленія. Флотилія останавливается только передъ живописно расположенными мѣстечками и городами. Громадныя стада оживляютъ луга, толпы крестьянъ усѣиваютъ берега; множество лодокъ съ молодыми парнями и дѣвушками, распѣвающими свои родныя сельскія пѣсни, окружаютъ безпрестанно галеры“. Мы заимствуемъ это описаніе у графа де-Сегюра, сосѣда по „Сейму“ съ принцемъ де-Линь, который будилъ его каждое утро стукомъ въ тонкую перегородку, раздѣлявшую ихъ постели и дѣлился съ нимъ своими экспромтами. Часъ спустя егеръ принца приносилъ молодому дипломату письмо на шести страницахъ, „гдѣ мудрость, шутки, политика, любезности, военные анекдоты и эпиграммы“ спутывались и сталкивались въ невообразимомъ смѣшеніи. „А между тѣмъ никогда не существовало переписки болѣе точной и постоянной, какъ этотъ ежедневный обмѣнъ писемъ между австрійскимъ генераломъ и французскимъ посланникомъ, помѣщавшимися бокъ о бокъ на одной и той же галерѣ, вблизи сѣверной императрицы и плывущему по Борисоену, черезъ страну казаковъ, чтобы посѣтить землю татаръ“ *).

Этотъ австрійскій генераль и этотъ французскій посланникъ—сама Европа, Европа политическая и Европа просвѣщенная, культурная и образованная, которую Екатерина ведетъ за собой черезъ земли казаковъ и татаръ, по волшебнымъ странамъ обаятельной мечты — это высшая лестъ всемогущаго фаворита гордости его честолюбивой возлюбленной.

*) Гр. де-Сегюръ, *мемуары*.

Разныя приключенія, конечно, нарушали иногда продолжительное очарованіе. Прекрасно выстроенныя и благоустроенныя съ декоративной точки зрѣнія, суда флотиліи не обладали такими же блестящими мореходными качествами. Однажды галера императрицы, подхваченная теченіемъ, съ размаху ударилась о берегъ, и Екатерина подверглась серьезной опасности. Она запретила разговоры объ этомъ происшествіи, которое иностранные дипломаты, оставленные съ Нормандѣцомъ въ Петербургѣ и изнывавшіе тамъ отъ скуки, старательно раздували. Въ Кайдакѣ, въ тридцати верстахъ отъ Херсона, высадились на берегъ. Въ Херсонѣ произошла встрѣча съ Іосифомъ, нѣсколько сконфуженнымъ довольно безцеремоннымъ приглашеніемъ и собственной готовностью принять его. Онъ ничѣмъ не обнаружилъ своей досады, но вымещалъ ее въ ворчливыхъ бюллетеняхъ, посылаемыхъ имъ фельдмаршалу Ласси, гдѣ онъ упорно отказывался раздѣлять восхищеніе своего царственнаго друга и остальныхъ спутниковъ.

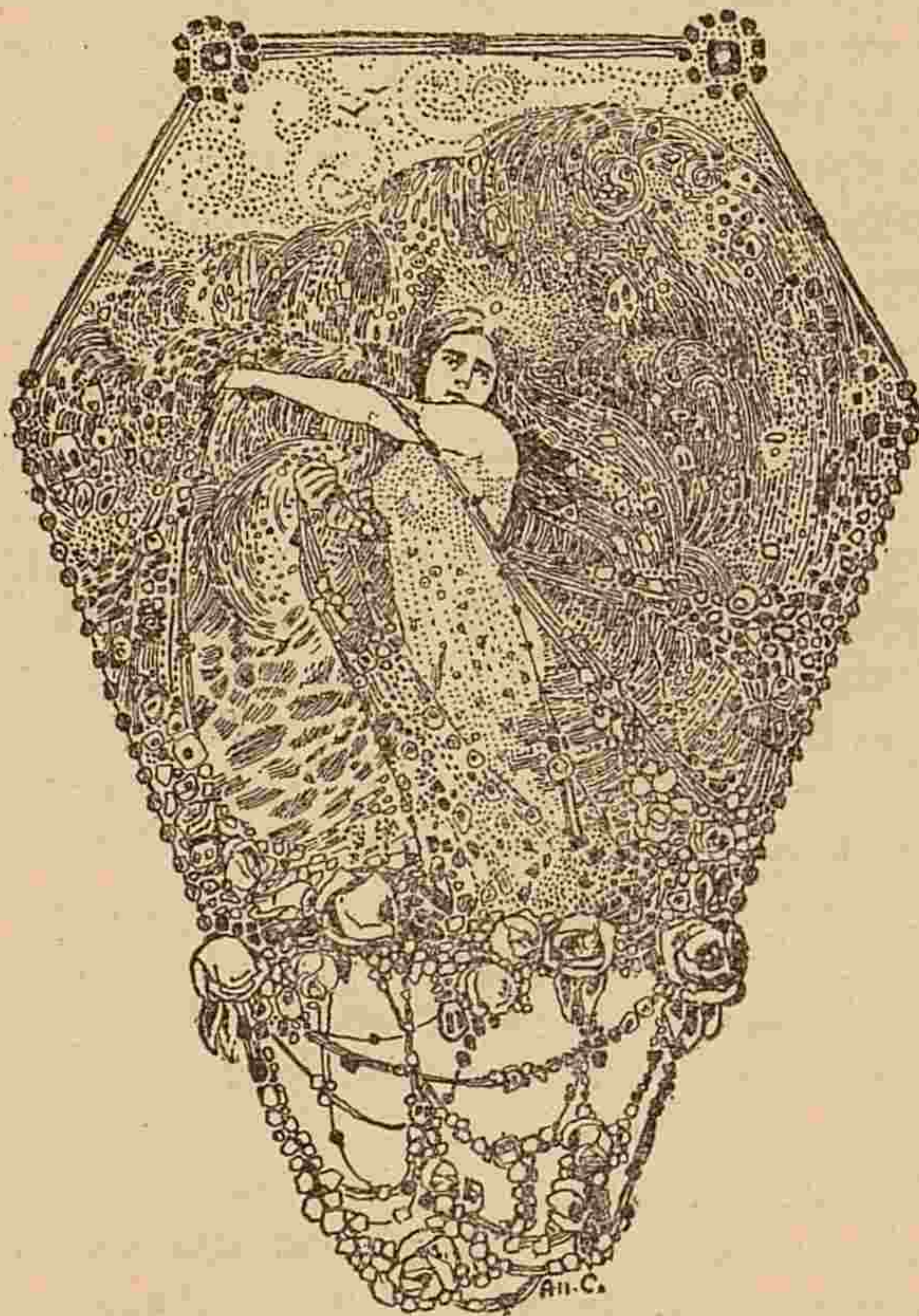
„Въ этомъ путешествіи царитъ невѣроятная путаница. Сходъ на берегъ продолжительный и затруднительный. На судахъ больше вещей и народу, чѣмъ могутъ вмѣстить экипажи, и лошадей не хватаетъ для запряжки. Кто-нибудь летитъ впередъ, остальные торопятся за нимъ. Князь Потемкинъ, одинъ, сходя съ ума по музыкѣ, везетъ за собой сто двадцать музыкантовъ; а когда какой-то бѣдный офицеръ ужасно обжегъ себѣ руки порохомъ, то четыре дня некому было оказать ему помощи. Въ путешествіи по сушѣ господствуетъ такой беспорядокъ, какого нельзя себѣ представить; часть каретъ еще не выгружена; всѣ захватываютъ кибитки, мѣстныя повозки, куда складываютъ свой багажъ. По этимъ безпредѣльнымъ равнинамъ несутся, сломя голову, по шести, восьми каретъ врядь; и хотя дѣлаютъ въ день не болѣе 32 верстъ, но экипажи ломаются, посуда разбивается, матрацы, багажъ—теряются; все валяется по степи и всего не хватаетъ, когда спохватишься. Ъды въ изобиліи, но все по большей части невкусно, все холодное, черствое. Наконецъ, не будь императрицы, которая очень любезна, и нѣсколькихъ господъ, въ особенности, иностранцевъ, общество которыхъ терпимо, такое времяпрепровожденіе могло бы обратиться въ сущее наказаніе“.

Можно извинить упреки, дѣлаемые царственнымъ путешественникомъ по адресу кухни Екатерины: въ самый день его встрѣчи съ императрицей, онъ чуть было вовсе не остался безъ обѣда, такъ какъ мундшенки ея величества заблудились въ дорогѣ или опрокинулись вмѣстѣ съ кибиткой. Князь Потемкинъ, по обыкновенію, спасъ положеніе, изобразивъ изъ себя повара совмѣстно съ графомъ Браницкимъ. Вдвоемъ они состряпали обѣдъ, который, впрочемъ, главный гость нашелъ отвратительнымъ.—Дурное расположеніе духа Іосифа не улучшилось во время дальнѣйшаго путешествія. То ему не нравилось, что его провезли по непроѣзжаемымъ догогамъ, чтобъ показать „азгорскимъ козла и козу въ подобіи англійскаго парка“, наскоро разбитаго Потемкинымъ въ окрестностяхъ Бахчисарая. То онъ замѣчаетъ, что для устройства фейерверка въ Карасубазарѣ роту бомбардировъ заставили сдѣлать нѣсколько тысячъ верстъ, нарочно выписавъ ее изъ Петербурга.

Сама Екатерина не замѣчала и не хотѣла замѣчать ничего подобнаго. Она чистосердечно восхощалась чуднымъ зрѣлищемъ, которое развертывали передъ ея глазами. Она высказывала увѣренность, что Крымъ со временемъ вознаградитъ съ лихвой за всѣ расходы по его завоеванію и путешествію для ознакомленія съ нимъ. Только на возвратномъ пути она, какъ будто, нѣсколько разочаровалась и омрачилась. До императрицы дошли вѣсти о неурожаѣ. Голодъ казался неминуемъ, и она не видѣла возможности бороться съ нимъ. Четырехъ милліоновъ, ассигнованныхъ на путешествіе, оказалось, не хватило и на половину его. Но Европѣ пустили пыль въ глаза; по справедливости, приходилось расплачиваться за славу и удовольствіе. И Россія, конечно, какъ всегда, должна была платить.

Россія же съ своей стороны не была и не могла быть ослѣплена. Она не числилась въ числѣ приглашенныхъ и ничего не видала. Волотовъ рассказываетъ, что въ Тулѣ, при пріѣздѣ государыни, которую ожидали около полудня, всѣ улицы были запружены народомъ съ ранняго утра. Но лишь только показался экипажъ ея величества, какъ вся толпа бросилась ницъ и пролежала такъ во все время проѣзда императорскаго поѣзда. Когда первыя головы рѣшились подняться, императрица была уже далеко.

Новое великолѣпіе, которымъ окружали себя современные государи, одѣтые по европейски, еще не было доступно этому народу, подчиненному традиціямъ татарскаго ига. Его судьба—все еще повиноваться и благодарить, не принимая никакого участія въ удовольствіяхъ, оплаченныхъ его потомъ и кровью, даже не понимая и не видя ихъ.

Г Л А В А V.

Конецъ царствованія *).

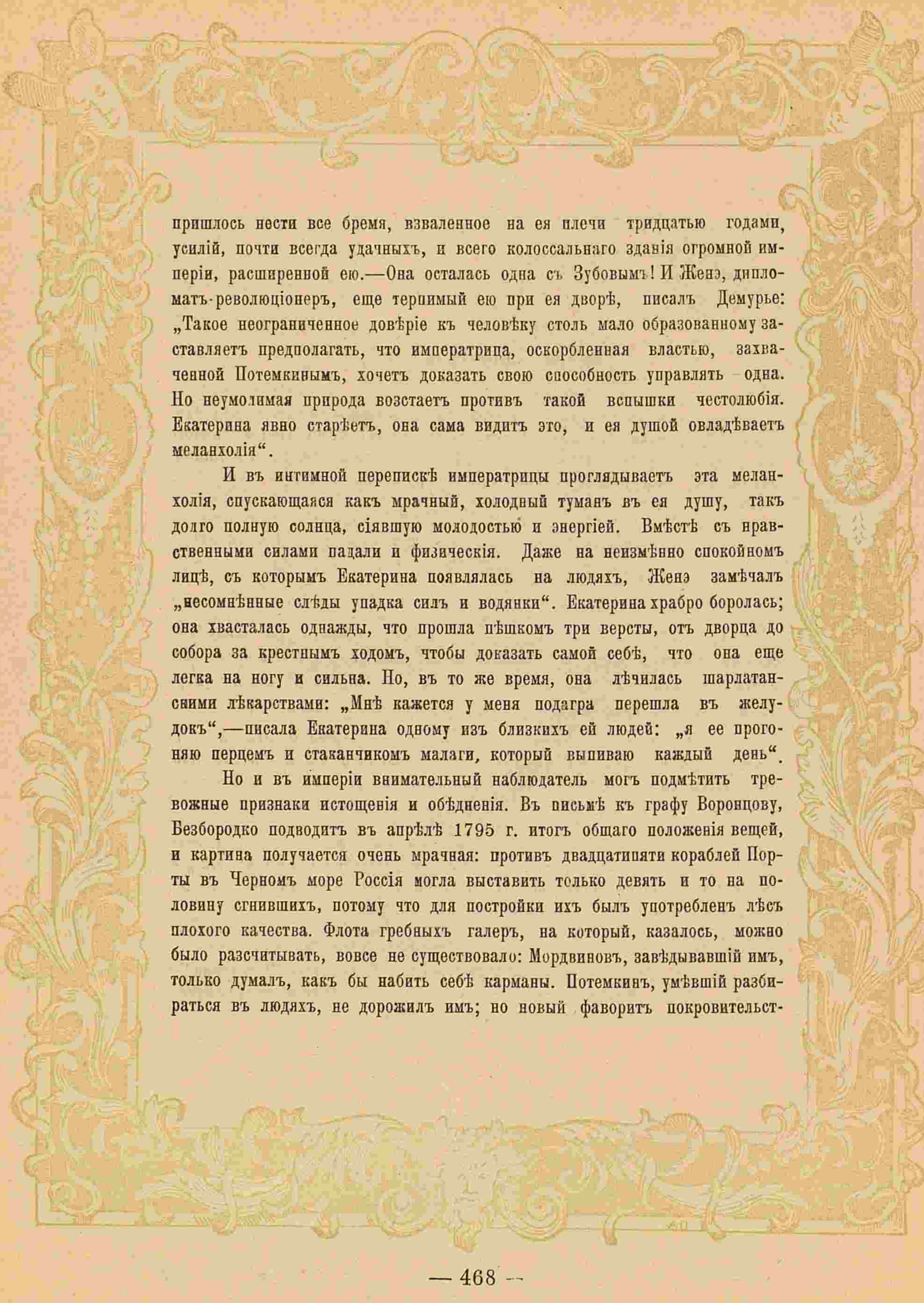
I. — Закатъ. Упадокъ физическихъ и умственныхъ силъ. — Меланхолія — Признаки государственнаго утомленія и обѣдненія. — Сильное сопротивленіе. — Смертельный ударъ. — Неудавшійся бракъ Александры Павловны. — Густавъ шведскій въ Петербургѣ. — Придворныя интриги и дипломатическіе маневры. — Идиллія. — День обрученія. — Все рушится. — Женихъ не пріѣдетъ. — II. Екатерина еще борется. — Веселый вечеръ въ Эрмитажѣ. — На другой день. — Въ уборной. — Тронъ Понятовскаго. — Статуи и каррикатуры. — Памятники въ Саратовѣ и С.-Петербургѣ. — Исторія.

I.

Турецкая война, гдѣ успѣхъ смѣнялся неудачами, и еще менѣе счастливая шведская война, послѣдовавшая за крымскимъ путешествіемъ, знаменуютъ закатъ. Въ 1792 г. великій режиссеръ, ставившій фееріи, умеръ въ Молдавіи на краю кававы. Это конецъ эпопеи. Теперь Екатеринѣ одной

*) Щербачевъ, *Полемическія статьи* въ „Русской старинѣ“, V; *Политическая переписка* въ архивѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ; *II Политическая переписка*, изданная Германомъ въ его „Исторіи Россіи“ (Дополнительный томъ); *Переписка Екатерины и очеркъ барона Будберга о предполагавшемся бракѣ великой княжны Александры* въ „Сборникѣ Р. И. О.“ IX; *Переписка Екатерины и великой княгини Маріи Федоровны, ея невѣстки, съ Павломъ „Русская Старина“*, IX; *Переписка Безбородко, Завадовскаго, Чернышова съ Воронцовымъ*, въ „Воронцовскомъ архивѣ“, XII, XIII; *Переписка Раstopчина* въ „Русскомъ Архивѣ“ 1876 г., *Переписка Бантышъ-Каменскаго*, тамъ же; *Переписка Панина съ Репнинымъ* въ Сборникѣ И. Р. И. О. XVI; *Гильфердингъ, Документы* въ „Русской Старинѣ“ XII; *Записки Башилова, Шишкова, Голицына, Греча, Массона, Ростопчина, Санглена; Протоколъ о смерти Екатерины* въ „Девятнадцатомъ вѣкѣ“, I, 484.

пришлось нести все бремя, взваленное на ее плечи тридцатью годами, усилий, почти всегда удачных, и всего колоссальнаго зданія огромной имперіи, расширенной ею.—Она осталась одна съ Зубовымъ! И Женэ, дипломатъ-революціонеръ, еще терпимый ею при ея дворѣ, писалъ Демурье: „Такое неограниченное довѣріе къ человѣку столь мало образованному заставляеть предполагать, что императрица, оскорбленная властью, захваченной Потемкинымъ, хочетъ доказать свою способность управлять — одна. Но неумолимая природа возстаеть противъ такой вспышки честолюбія. Екатерина явно старѣеть, она сама видитъ это, и ея душой овладѣваетъ меланхолія“.

И въ интимной перепискѣ императрицы проглядываетъ эта меланхолія, спускающаяся какъ мрачный, холодный туманъ въ ея душу, такъ долго полную солнца, сіявшую молодостью и энергіей. Вмѣстѣ съ нравственными силами падали и физическія. Даже на неизмѣнно спокойномъ лицѣ, съ которымъ Екатерина появлялась на людяхъ, Женэ замѣчаль „несомнѣнные слѣды упадка силъ и водянки“. Екатерина храбро боролась; она хвасталась однажды, что прошла пѣшкомъ три версты, отъ дворца до собора за крестнымъ ходомъ, чтобы доказать самой себѣ, что она еще легка на ногу и сильна. Но, въ то же время, она лѣчилась шарлатанскими лѣкарствами: „Мнѣ кажется у меня подагра перешла въ желудокъ“,—писала Екатерина одному изъ близкихъ ей людей: „я ее прогояю перцемъ и стаканчикомъ малаги, который выпиваю каждый день“.

Но и въ имперіи внимательный наблюдатель могъ подмѣтить тревожные признаки истощенія и обѣдненія. Въ письмѣ къ графу Воронцову, Безбородко подводитъ въ апрѣлѣ 1795 г. итогъ общаго положенія вещей, и картина получается очень мрачная: противъ двадцати пяти кораблей Порты въ Черномъ море Россія могла выставить только девять и то на половину сгнившихъ, потому что для постройки ихъ былъ употребленъ лѣсъ плохого качества. Флота гребныхъ галеръ, на который, казалось, можно было рассчитывать, вовсе не существовало: Мордвиновъ, завѣдывавшій имъ, только думаль, какъ бы набить себѣ карманы. Потемкинъ, умѣвшій разбираться въ людяхъ, не дорожилъ имъ; но новый фаворитъ покровительст-

ствоваль ему такъ же, какъ покровительствовалъ Рибасу, который не былъ лучше. Армія еще находилась въ порядочномъ состояніи, но она стоила дорого при отвратительной администраціи, и нечѣмъ было содержать ее. На содержаніе флота нужно было девять милліоновъ, и не знали откуда ихъ взять. Дворъ поглощаль три милліона рублей въ годъ и сдѣлалъ два милліона долгу; содержаніе одной графини Браницкой обходилось въ двѣсти тысячъ рублей, и на Николая Салтыкова шло столько же. Торговля могла бы давать большой доходъ, если бъ ею не управлялъ полувывившій изъ ума поэтъ—Державинъ. Онъ завѣдываль этой отраслю, и она находилась въ полномъ упадкѣ.

Безбородко былъ однимъ изъ недовольныхъ; но его свидѣтельство не единственное. Современники, повидимому, единогласно признавали, что приближается опасный кризисъ; что политика Екатерины напрягала всѣ пружины правительственной машины выше ихъ упругости; что всюду средства не соотвѣтствуютъ требованіямъ, и что Россія не можетъ выдержать взятой на себя роли. Екатерина оставалась почти одна, какъ бы особнякомъ въ своемъ неизмѣнномъ оптимизмѣ, и если иногда она на минуту и замѣчала съ содраганіемъ облака, скучившіяся на горизонтѣ, то приписывала ихъ измѣненію оптическихъ условій, скорѣе, чѣмъ измѣнѣ счастья. „Годы заставляютъ все видѣть въ черномъ“, говорила она и тотчасъ же старалась реагировать противъ этого впечатлѣнія, являвшагося въ ея глазахъ слабостью. Екатерина желала быть веселой. „Я весела какъ зябликъ“, писала она Гримму 15 февраля 1796 г. Она не хотѣла болѣть. „Пока, я чувствую себя хорошо“, утверждала она того же числа. Она выдумывала новыя развлеченія; организовала экспедицію, чтобы силой привезти во дворецъ графа Строганова, также болѣвшаго, тосковавшаго и запершагося въ одной изъ своихъ дачъ, близъ Петербурга. Она приказала бомбардировать дачу. Когда же наступилъ часъ, назначенный ею для ея активного выступленія въ антиреволюціонной коалиціи, то она возвѣстила Гримму о походѣ Суворова радостнымъ тономъ, напоминавшимъ тонъ, которымъ она писала о началѣ военныхъ дѣйствій противъ турокъ въ первую кампанію: „Говорять, что шестьдесятъ тысячъ русскихъ идуть къ берегамъ Эльбы,

чтобы положить конецъ неудачамъ Германіи; говорятъ, что ихъ ведетъ фельдмаршалъ Суворовъ; говорятъ еще многое, а увидятъ еще больше того; это фолшебный фонарь, въ которомъ мы увидимъ, что увидимъ. Прощайте, страстотерпецъ; ждите, что мы начнемъ царапаться, выпустивъ когти“ *).

Но судьба выпустила когти противъ самой императрицы прежде, чѣмъ одинъ изъ ея солдатъ успѣлъ перейти границу. Первый разъ ей пришлось испытать такой ударъ, и онъ нанесенъ былъ прямо въ сердце; онъ ошеломилъ Екатерину, сокрушилъ ея силы, заставилъ растеряться. Она извѣщала своего друга „козла отпущенія“ о радостныхъ трубныхъ звукахъ при выступленіи въ походъ 13 августа 1796 г. Слѣдующій день долженъ былъ быть для нея праздникомъ: графъ Гага и графъ Ваза—Густавъ, будущій шведскій король—и его дядя, герцогъ Зудерманландскій,—регентъ королевства во время несовершеннолѣтія принца,—прибыли въ С.-Петербургъ. Они официально пріѣхали съ согласіемъ Швеціи примкнуть къ коалиціи, составленной противъ республиканской Франціи; но въ дѣйствительности ихъ путешествіе имѣло другую цѣль. Уже давно Екатерина лелѣяла проектъ союза между наслѣдникомъ шведскаго престола и своей внучкой Александрой, старшей дочерью Павла. Великая княжна выросла съ этой мыслью. Однажды, держа ее на колѣняхъ, государыня раскрыла передъ ней папку съ портретами и предложила указать того принца, за котораго она желала бы выйти замужъ, и дѣвочка не колеблясь, прямо дотронулась пальцемъ до портрета Густава. Теперь наступила минута осуществленія этой мечты десятилѣтняго ребенка. Великой княжнѣ исполнилось четырнадцать лѣтъ; принцу—семнадцать. Но возникли затрудненія. Регентъ заподозрилъ участіе Екатерины въ заговорѣ Армфельдта противъ его власти, и онъ мстилъ, придавая внѣшней политикѣ своего государства направленіе совершенно противоположное желаніямъ императрицы, и въ то же время старался устроить бракъ племянника съ дочерью герцога Мекленбургъ, Шверинскаго. Даже было уже отпраздновано обрученіе въ ноябрѣ 1795 г.,

*) Подлинникъ письма Екатерины.

и графъ Шверинскій пріѣхалъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ объ этомъ, а въ Стокгольмѣ въ то же время велись переговоры съ Лехокомъ, посланникомъ французской республики. Но Екатерина не уступала: она отказалась принять графа Шверинскаго и одно время даже собиралась прервать пушечными выстрѣлами соглашеніе съ Мекленбургомъ. Герцогъ Зюдерманландскій отступилъ передъ грозой; одному изъ самозванныхъ агентовъ французской эмиграціи, жевевцу Христенъ, бывшему секретарю Колонна, удалось внушить герцогу болѣе миролюбивыя и благопріятныя чувства къ антиреволюціонной коалиціи. Съ помощью мадемуазель Хюссъ, французской актрисы, состоявшей въ близкихъ отношеніяхъ съ Марковымъ, довѣреннымъ человѣкомъ новаго фаворита, Христену удалось и самого Зубова склонить къ компромиссу, удовлетворительному для обѣихъ сторонъ. Въ Стокгольмѣ отправили изъ Петербурга съ официальной миссіей барона Будберга, ловкаго дипломата, уже участвоваго въ Германіи въ переговорахъ по устройству браковъ. Вскорѣ послѣ того, Лехокъ былъ принятъ на прощальной аудіенціи, и регентъ, котораго Екатерина еще недавно называла „разбойникомъ“, написалъ императрицѣ письмо, гдѣ увѣрялъ, что бракъ съ мекленбургской принцессой не состоится, пока власть въ его рукахъ, и что онъ отказывается отъ союза съ Франціей. Императрица продолжала настаивать, требуя официального расторженія сватовства и пріѣзда въ Петербургъ принца съ племянникомъ, чтобы просить руки Александры Павловны, и въ виду военныхъ демонстрацій, о которыхъ послѣдовало распоряженіе, герцогъ Зюдерманландскій уступилъ на половину: онъ далъ формальное обѣщаніе, что неуродное императрицѣ обрученіе не будетъ имѣть послѣдствій, и обѣщавъ пріѣхать въ Петербургъ, однако не принимая на себя никакого обязательства, такъ какъ различіе вѣроисповѣданій создавало для брака, желаемого Екатериной, препятствіе, которое онъ не бралъ на себя устранить. Екатерина опять разсердилась; она объявила, что если регентъ и его совѣтники станутъ продолжать разговоры, не имѣющіе никакого смысла, то можно сказать, что „отъ нихъ Богъ отступился“. Но, наконецъ, она сдалась, полагая, что разъ принцы будутъ въ ея столицѣ, дѣло можно будетъ уладить, имѣя ихъ всегда подъ рукой.

Принцы пріѣхали, и въ продолженіе двухъ недѣль казалось, будто съ обѣихъ сторонъ пустились въ путь безъ особенной надежды на счастливое достиженіе гавани. Герцогъ Зюдерманландскій по прежнему не разставался съ своей сдержанностью, и ни Зубовъ съ помощью Маркова, ни сама Екатерина не находила средства сдѣлать его сообщительнѣе. Но императрица не желала отступить отъ своего намѣренія: если не будетъ сватовства, не будетъ и союза. Или пойдутъ подъ вѣнецъ, или станутъ воевать. Но вдругъ произошло нѣчто совершенно неожиданное: 4 сентября, послѣ придворнаго обѣда, въ то время, какъ всѣ спустились въ садъ, чтобы пить кофе, Густавъ подошелъ къ императрицѣ и безо всякаго предисловія, съ горячностью и простотой своихъ семнадцати лѣтъ, объявилъ, что влюбленъ въ великую княжну Александру и проситъ ея руки.

Какъ это случилось? На этой навозной кучѣ интригъ и самыхъ невозможныхъ происшествій вдругъ расцвѣла идиллія. Подъ жаркимъ августовскимъ солнцемъ встрѣтились двое молодыхъ людей и среди хаоса голосовъ официальныхъ дипломатовъ ихъ сердца заговорили вѣчнымъ языкомъ молодости и любви. Съ перваго дня встрѣчи, всемогущественное очарованіе сдѣлало свое дѣло. Наканунѣ у великой княжны околѣла ея любимая собачка, и княжна проплакала весь день. Г-жа Ливенъ была въ отчаяніи, что у ея воспитанницы покраснѣли глаза. Но, какъ скоро слезы высохли подъ прекраснымъ солнцемъ оканчивавшагося лѣта! Солнце не скупилось на свои послѣдніе лучи, такъ что заботливая воспитательница встревожилась, когда молодая парочка, выйдя, сама того не замѣчая, изъ-подъ тѣнистой бесѣдки, начала прогуливаться подъ жгучимъ потокомъ свѣта, заливаемаго бѣлокурою головою молодыхъ людей. Но Екатерина замѣтила движеніе, сдѣланное воспитательницей, чтобы вернуть неблагоразумныхъ молодыхъ людей, и остановила ее жестомъ. И романъ быстро и легко подвигается впередъ: собесѣдницѣ было четырнадцать лѣтъ, собесѣднику—семнадцать! За прогулкой послѣдовали танцы. 28 августа былъ балъ во дворцѣ великаго князя, и на слѣдующій день великая княгиня сочла нужнымъ сообщить императрицѣ о всемъ, что на немъ происходило. Пишетъ не жена наслѣдника престола, но мать: „Любезная матушка, считаю своимъ

долгомъ отдать Вашему Императорскому Величеству отчетъ о вчерашнемъ вечерѣ, служащемъ, какъ мнѣ кажется, хорошимъ предзнаменованіемъ, по тому что король очевидно ухаживалъ за Александриной. Онъ танцевалъ почти исключительно съ нею; даже послѣ 12 часовъ, видя, что дѣвочка спрашиваетъ меня, можно ли ей протанцевать еще кадраль, онъ подошелъ къ Регенту и что-то сказалъ ему на ухо, послѣ чего Регентъ отъ души разсмѣялся. Я спросила его о причинѣ; онъ отвѣтилъ мнѣ: „Онъ справлялся, позволено ли великимъ княжнамъ еще потанцевать. Когда я отвѣтилъ утвердительно, онъ сказалъ: „О, въ такомъ случаѣ, и мнѣ еще надо протанцевать!“ И пошелъ пригласить Александрину“.

Четыре дня спустя, уже сама Екатерина послѣ бала, даннаго въ австрійскомъ посольствѣ, писала Гримму еще болѣе веселое письмо: „Баль былъ очень веселый, такъ какъ прошелъ слухъ, что все уже окончательно рѣшено на словахъ. Не знаю, какъ случилось—въ веселости ли своей или иначе по чему—только нашему влюбленному вздумалось слегка пожать, танцуя, руку своей невѣсты. Она смертельно поблѣднѣла и, подойдя къ воспитательницѣ, сказала ей: „Представьте себѣ, что онъ дѣлаетъ! Онъ въ танцахъ пожалъ мнѣ руку. Я не знала, куда дѣваться“. Воспитательница спросила: „Что же вы сдѣлали?“ Она отвѣтила: „Я такъ испугалась, что думала, упаду отъ страха“.

Послѣ этого молодой человекъ рѣшился и не желая на этотъ разъ поручать дѣла регенту, обратился—какъ мы уже видѣли—прямо къ императрицѣ.

Съ этого времени король и великая княжна считались женихомъ и невѣстой. Они проводили цѣлые дни вмѣстѣ на глазахъ растроганной матери, которая продолжаетъ рассказывать объ этомъ счастьи,—радуясь ему отъ души,—въ запискахъ, то къ бабушкѣ, то къ мужу, жившему въ то время въ мрачномъ Павловскѣ. „Добрый, дорогой другъ мой, пишу вамъ два слова, пока наши молодые влюбленные сидятъ рядышкомъ и вполголоса тихо разговариваютъ; и все мнѣ слышится голосъ жениха. Генеральша (г-жа Ливень), Елена и я готовимъ пасту для слѣпковъ; Анна играетъ, сидя на стулѣ; Регентъ и Штедингъ прохаживаются, разсматривая камни,

и я предложила Регенту пойти покурить въ диванную“. Она подписалась подъ этой семейной картинкой „Маша“ и закончила, посылая поцѣлуй „муженьку“. Въ запискѣ къ бабушкѣ она рассказывала, какъ король горевалъ при мысли, что ему придется прожить восемь долгихъ мѣсяцевъ въ разлукѣ съ невѣстой, такъ какъ свадьба можетъ состояться только весной. Она спросила его о причинѣ такой отсрочки. Почему не сократить ее, и не жениться теперь?— „Но дворъ не въ сборѣ и дворецъ не отдѣланъ“. — Пустяки; дворъ собрать недолго, а если кто кого любитъ, тотъ не обращаетъ вниманія на отдѣлку апартаментовъ. Вы женитесь, малютка поѣдемъ съ вами, и дѣло съ концемъ.— „Но море опасно...“ Тутъ подала глосъ Александрина:— „Съ вами мнѣ ничего не страшно!“ И мать заключила: „Довѣрьтесь мнѣ, г. Густавъ. Хотите, чтобъ я поговорила съ императрицей?“ Онъ съ радостью согласился, „и“—заключаетъ добродушная великая княгиня— „хорошее расположеніе духа до такой степени овладѣло его сердцемъ, что это отразилось и за ужиномъ; онъ былъ очень разговорчивъ и ласковъ съ малюткой даже на глазахъ у всѣхъ“.

На слѣдующій день новая радость и снова записка къ отцу: „Добрый и дорогой другъ мой, возблагодаримъ Господа: обрученіе назначено на вечеръ понедѣльника въ брилліантовой гостиной... Обручать будетъ митрополитъ... Послѣ обрученія... балъ въ тронной залѣ“.

Въ понедѣльникъ было 11 сентября. Въ семь часовъ всѣ приглашенные на благословеніе собрались въ брилліантовой гостиной. Приѣхала невѣста, за ней императрица. Ожидали только короля. Онъ не появлялся. Государыня выказывала нетерпѣніе. Прошло четверть часа и еще четверть; появился Марковъ и смущенный, весь дрожа, прошепталъ на ухо императрицѣ: „Король не приѣдетъ!“ Екатерина какъ будто хотѣла сказать что-то, но у нея не вышло ни звука. Ротъ оставался открытымъ; камердинеръ Зотовъ подбѣжалъ съ стаканомъ воды; императрица отпила глотокъ, сдѣлала нѣсколько шаговъ, затѣмъ подняла руку и два раза ударила Маркова тростью, на которую опиралась въ послѣднее время при ходьбѣ. Безбородко бросился между ними, но она оттолкнула его... Вѣ слышали, какъ она сказала: „Научу я этого мальчишку! Но потомъ ее какъ будто схватило за горло, и она тяжело опустилась въ кресло.“

Что же произошло въ сущности? Да то, что Зубовъ и Марковъ, фаворитъ и его наперсникъ, взяли за щекотливое дѣло, не разчитавъ затрудненій и опасностей, которыя могутъ встрѣтиться; а императрица не удержала ихъ, не разсудивъ, что поручила самые серьезные и дорогіе ей интересы двумъ вѣтрогонамъ. Въ то время, какъ молодые люди обмѣнивались нѣжными признаніями и клятвами, приходилось разсуждать объ условіяхъ предполагаемаго брака, и Екатерина потребовала отъ Густава письменнаго обязательства, обезпечивающаго его будущей женѣ „полную свободу совѣсти и исповѣданія религіи, въ которой она рождена“. Густавъ отвѣчалъ, ссылаясь на слово, уже данное ея величеству, что „никогда великая княжна не будетъ стѣснена въ свободѣ своей совѣсти, что касается религіи“, и отказываясь отъ какого-либо письменнаго обязательства, какъ „излишняго“. Въ тоже время онъ постарался придать этому нѣсколько загадочному „честному слову“ тотъ смыслъ, какой былъ для него удобенъ.

Съ своей обычной порывистостью и самонадѣянностью Екатерина слишкомъ поспѣшила составить себѣ мнѣніе объ этомъ молодомъ человѣкѣ, котораго видѣла въ первый разъ, и признать за нимъ сейчасъ же— какъ о томъ свидѣтельствуютъ ея письма къ Гримму— „умъ, сердечную доброту, осторожность и чувство мѣры, которые развиты въ немъ не по лѣтамъ“. Умъ-то, можетъ-быть, у него нельзя отрицать, но это былъ умъ очень странный, именно никогда не проявлявшій ни осторожности, ни чувства мѣры; сердечная доброта Густава тоже остается подъ большимъ сомнѣніемъ. Весьма опредѣленная склонность къ мистическому фанатизму, по-видимому, всегда составляла самую опредѣленную черту его нравственной физіономіи. Женившись впоследствии на баденской принцессѣ, онъ заставилъ жену въ вечеръ свадьбы читать исторію Эфири, а, примкнувъ къ европейской коалиціи противъ Наполеона, прилагалъ къ событіямъ вѣка пророчества Апокалипсиса. Разыгрывая въ Петербургѣ роль страстно влюбленнаго, онъ исподтишка разставлялъ сѣти доверчивой дѣвушкѣ, заставляя ее давать обѣщанія, значенія которыхъ она не понимала. „Дѣло въ томъ“, — писала Екатерина сыну послѣ катастрофы, „что

король увѣряетъ, будто Александрина обѣщала ему перемѣнить вѣроисповѣданіе и перейти въ лютеранство, въ удостовѣреніе чего подала ему руку... Мнѣ же она сказала съ свойственной ей искренностью и простодушіемъ, что онъ ей говорилъ, будто въ день коронаціи, она должна пріобщиться вмѣстѣ съ нимъ. На это она ему отвѣтила: „Охотно, если это можно, и если бабушка на это согласится“. Послѣ того онъ еще разъ говорилъ съ ней объ этомъ вопросѣ, и она постоянно предлагала ему обратиться ко мнѣ. Я у нея спросила, давала ли она королю свою руку въ знакъ обѣщанія по этому поводу? На это она воскликнула съ естественнымъ испугомъ: „Никогда въ жизни!“

Такимъ образомъ создалось двусмысленное положеніе, поддерживаемое до дня обрученія заявленіями Зубова и его приспѣшника, увѣрявшихъ императрицу, что все идетъ хорошо. Съ обѣихъ сторонъ рассчитывали на послѣднюю минуту, чтобы сломить сопротивленіе и „сладить“ обрученіе,— какъ выражался Марковъ,—оставивъ все остальное на будущее время. Но, когда наступила эта минута, обѣ партіи оказались въ безвыходномъ тупикѣ: подпись, требуемая императрицей, вставала непреодолимой преградой съ одной стороны, а обѣщаніе данное дочерью Павла, на которое указывалъ король—съ другой. Зубовъ вообразилъ, что Густавъ не посмѣетъ отступить передъ самой церемоніей. Оказалось, что у него хватило смѣлости на это, и Екатерина говорила на другой день, что ночь 12 іюля 1762 г., когда на картѣ стояла ея будущность и жизнь, не была для нея такъ ужасна и тяжела, какъ ночь 11 сентября.

II.

Однако императрица скоро оправилась и не сочла свою партію окончательно проигранной. Митрополитъ новгородскій, вызванный на спѣхъ и въ одни сутки проскакавшій двѣсти верстъ, повинуюсь призыву императрицы, попустому простоялъ, при всей усталости, нѣсколько часовъ въ своемъ тяжеломъ облаченіи; весь собравшійся дворъ протомился до десяти часовъ вечера въ ожиданіи великаго событія и бала, по его совершеніи — все это пустяки! Энергическая государыня велѣла возобновить переговоры и требовала, чтобы великая княжна присутствовала на другомъ балу, гдѣ долженъ быть появиться и Густавъ. Когда бѣдная великая княгиня попросила позволенія не показываться на балу съ своими заплаканными глазами, которые не осушались за эти дни, она получила на лоскуткѣ бумаги записку съ слѣдующими словами: „О чемъ вы плачете? Что отложено, то не потеряно. Вытрите себѣ глаза и уши льдомъ, да примите бестужевскихъ капель. Никакого разрыва нѣтъ. Вотъ я такъ была больна вчера. Вамъ досадно на замедленіе—вотъ и все“ *).

Баль состоялся. Александра Павловна появилась; но Густавъ, котораго она встрѣтила тамъ, былъ уже не прежній влюбленный: его мѣсто заступилъ непреклонный лютеранинъ. Разрывъ былъ окончательный. Александра Павловна черезъ три года послѣ этого вышла замужъ за эрцгерцога Іосифа австрійскаго и умерла первыми родами. Такъ угасла эта хрупкая жизнь, которой судьба не предназначила для счастья. Хотя Екатерина не показывала виду, но это испытаніе сломило ее. вмѣстѣ съ подорваннымъ престижемъ и въ первый разъ поколебавшейся увѣренностью въ себя, казалось, самый источникъ жизни началъ изсякать въ ней. Она увидала комету и сочла ее за предзнаменованіе своей близкой смерти. Ей замѣтили, что прежде она не вѣрила подобнымъ примѣтамъ. — „Да, прежде!..“ отвѣчала она грустно. Колика, которой она обыкновенно страдала при сильныхъ потрясеніяхъ, не оставляла ее. На ногахъ открылись раны. Извѣстный авантюристъ Ламбро-Качіони, рекомендованный Екатериной адмираломъ Рибасомъ и служившій ей въ качествѣ корсара въ Архипелагѣ, а теперь пользовавшій ее своими медицинскими средствами, посо-

*) Подлинникъ письма Екатерины.

вѣтовалъ ей ножную ванну изъ холодной морской воды. Тогда появились признаки прилива крови къ головѣ и можно было опасаться удара. Однако въ концѣ октября императрица почувствовала себя лучше. Получивъ съ кораблемъ, пришедшимъ изъ Лыбека, извѣстіе объ отступленіи генерала Моро, принужденнаго уйти обратно за Рейнъ, она отправила Кобенцлю знаменитую записку: „Спѣшу сообщить превосходному превосходительству, что превосходныя войска превосходнаго двора окончательно разбили французовъ“. Вечеромъ въ интимномъ кружкѣ Эрмитажа она была очень весела и Льву Нарышкину, явившемуся замаскированнымъ коробейникомъ, удалось разсмѣшить ее. Однако, она удалилась раньше обыкновеннаго, говоря, что у нея отъ смѣха поднялась коллика. На другой день она встала въ свой обычный часъ, побесѣдовала съ фаворитомъ, работала съ секретарями и отпустивъ послѣдняго изъ нихъ, приказала ему подождать въ пріемной. Онъ прождалъ необыкновенно долго и началъ беспокоиться. Черезъ полчаса вѣрный Зубовъ рѣшился заглянуть въ спальню. Императрицы тамъ не было; не было и въ туалетной комнатѣ. Зубовъ въ тревогѣ позвалъ людей; бросились въ уборную и тамъ увидели императрицу недвижимую, съ покраснѣвшимъ лицомъ, съ пѣной у рта и хрипѣвшую предсмертнымъ хрипомъ.

Разсказываютъ *), что Екатерина незадолго передъ тѣмъ велѣла поставить въ этой комнатѣ одну вещь, вывезенную изъ несчастной Польши — тронъ Понятовскаго. Низкая, презрѣнная причуда! Только *принцесса Церсбстской, возведенной въ Екатерину* — какъ выражался Іосифъ II — могла придти подобная мысль. Будь она дочерью Петра Великаго, она вспомнила бы, что еще до коронованнаго возлюбленнаго — вичѣмъ не заслужившаго этого послѣдняго оскорбленія, — на этомъ тронѣ возсѣдали съ вѣнцами на головѣ короли, державшіе въ могучихъ рукахъ судьбу Россіи — сначала суровый трансильванецъ Баторій, а за нимъ Сигизмундъ База и его сынъ Владиславъ. И вотъ этотъ золоченый кусокъ дерева, символъ оскверненный ею, отмстилъ за себя! Смерть приковала къ нему гордую триумфаторшу, и она умирала, тоже оскверненная, въ грязи.

Императрицу перенесли въ спальню и уложили на полу. Она боро-

*) Перворазрядный историкъ, отецъ Калинка ручается за достоверность факта въ своемъ сочиненіи: *Les dernières années du règne de Stanislas Auguste. Paris 1868.*

лась со смертью еще полтора суток, но не приходила въ себя. Когда доктора объявили, что нѣтъ уже никакой надежды, замѣтили, что Павелъ находился около умирающей. Двадцать курьеровъ, посланныхъ будущими друзьями, поскакали за нимъ въ Павловскъ. У заставы его встрѣтила цѣлая свита. Но во дворцѣ, полномъ приближенныхъ Екатерины, и гдѣ еще наканунѣ онъ значилъ такъ мало, среди всеобщей растерянности, вызванной неожиданной катастрофой, никто изъ этой толпы мужчинъ и женщинъ не обратилъ на него вниманія. Явившійся съ своимъ ежедневнымъ визитомъ къ фавориту, одинъ свидѣтель—авторъ любопытныхъ записокъ—Шишковъ, даетъ выразительную картину испуга и растерянности, вызванныхъ этимъ окончаніемъ царствованія. Войдя въ пріемный залъ, Шишковъ удивился, найдя его пустымъ. „Скоро изъ кабинета Зубова вышелъ Ламбро-Качіони. Появленіе его меня удивило“—рассказываетъ Шишковъ, „онъ показался мнѣ смущеннымъ, блѣднымъ, словно какъ бы на смерть осужденнымъ. Въ семь видѣ сталъ онъ спиной къ окошку и стоялъ неподвижно. Я взглянулъ на него еще разъ и увидѣлъ, что онъ больше похожъ на восковую куклу, нежели на живого человѣка. Я заговорилъ съ нимъ; онъ ни слова, стоитъ вытараща глаза какъ истуканъ. Не могли отъ него добиться никакого отвѣта, я хотѣлъ было идти посмотрѣть, не найду ли кого изъ врачей. На лѣстницѣ встрѣтился со мной Грибовскій: онъ бѣжалъ запыхавшись, съ блѣднымъ помертвѣлымъ лицомъ. Любопытство побуждало меня спросить у него: „что сдѣлалось? но страхъ остановилъ голосъ мой. И онъ тоже хотѣлъ нѣчто мнѣ сказать; но не могъ ни слова промолвить. Я пріѣхалъ домой и легъ въ постель, ибо чувствовалъ себя нездоровымъ и растревоженнымъ мыслями, еще болѣе ослабѣлъ“*). Такъ Шишковъ ничего и не узналъ.

На Павелъ не терялъ времени. Пока Роджерсовъ, Зотовъ, Перекусихина и Зубовъ хлопотали вокругъ государыни, стараясь облегчить ея страданія, отирая ей ротъ, откуда била кровавая пѣна, онъ съ Безбородко занялся письменнымъ столомъ матери и пересмотромъ хранившихся въ немъ бумагъ. Ходили упорные слухи, что тамъ нашлось завѣщаніе, объявлявшее Павла лишеннымъ престола. Къ нему былъ присоединенъ, какъ говорятъ, манифестъ, подписанный двумя популярными героями того времени, Суворовымъ и Румянцевымъ. Завѣщаніе было основано на *правахъ*

*) Записки Шишкова.

воли монаршей, установленной Петромъ, по которой монарху предоставлялось неограниченное право назначать себѣ преемника.

Нашелъ ли Павелъ документъ въ эту ужасную минуту? Нашелъ, какъ рассказывали. Ему попался подъ руку пакетъ, перевязанный черной лентой и съ надписью: „Вскрыть послѣ моей смерти въ Совѣтъ“. Не говоря ни слова, Павелъ взглянулъ на Безбородко, а тотъ, тоже молча, ограничился тѣмъ, что отвелъ глаза въ другую сторону комнаты, гдѣ горѣлъ огонь, еще, можетъ быть, зажженный Екатериной утромъ!..

Но такъ рассказывали; а вотъ что можетъ къ этимъ рассказамъ прибавить исторія: черезъ нѣсколько недѣль, Суворовъ былъ въ опалѣ, а Румянцевъ, узнавъ о смерти императрицы и восшествіи на престолъ ея сына, умеръ скоропостижно, пораженный апоплексическимъ ударомъ. Между бумагами Екатерины, дошедшими до потомства, сохранилось ея распоряженіе о престолонаслѣдіи, и она называетъ Павла своимъ преемникомъ. Но это документъ старинный, вѣроятно, современной комиссіи объ уложени (1777 г.).

Восшествіе на престолъ Павла совершилось безпрепятственно, и за стѣнами дворца, впечатлѣніе смерти той, отъ которой молодой императоръ принялъ тяжелое наслѣдіе, вовсе не соответствовало яркой картинѣ, нарисованной Шишковымъ. Ланжеронъ заноситъ въ свои записки: „Получивъ официальное увѣдомленіе... я распорядился, чтобы мой полкъ—согласно приказанію—принесъ присягу императору Павлу. Меня поразило равнодушіе, съ которымъ офицеры и солдаты приняли это извѣстіе. Они не высказали ни огорченія, ни сожалѣнія“.

Мы уже указали, что, хотя „побѣда и подрядилась служить“ Екатеринѣ—по выраженію одного француза-волонтера и ловкаго придвернаго,—и тонъ ея царствованія былъ воинственный, однако армія не любила ее; а весь русскій народъ не скоро понялъ, что съ тѣломъ великой императрицы онъ положилъ въ могилу славное прошлое, которому не скоро суждено было воскреснуть. Что же касается Европы, то ей некогда было заниматься въ эту минуту тѣмъ, что совершалось въ Петербургѣ: въ тотъ самый день, какъ послѣдній вздохъ вылетѣлъ изъ груди императрицы, умершей съ утѣшительной мыслью о торжествѣ коалиціи надъ революціонными войсками, другой генераль—уже не Моро—перешелъ черезъ мостъ у Арколы съ войскомъ, охваченнымъ бурнымъ одушевленіемъ, предвѣщавшимъ Аустерлицъ.

III.

Россія не скоро высказала свою благодарность, хотя бы постановкой памятника, достойнаго современной Семирамиды. При жизни, Екатерина отказалась отъ такого почета. „Я не хочу монумента, писала Екатерина Гримму 20 сентября 1783 г., „и если божественный (Рейфенштейнъ) мечтаетъ объ этомъ, то не мѣшаю его удовольствію, но мечта никогда не осуществится съ моего вѣдома“. Она отвергала проекты статуй и дѣлала видъ, что одобряетъ каррикатуры, первая смѣясь имъ—можетъ быть иногда, нѣсколько натянутымъ смѣхомъ—какъ на примѣръ въ слѣдующемъ письмѣ къ „козлу отпущенія“: „Въ Голландіи сочинили медаль, на которой императрица-королева и русская императрица ѣдутъ въ каретѣ, а король прусскій сидитъ на козлахъ—кучеромъ. У нихъ спрашиваютъ, куда онѣ ѣдутъ, онѣ отвѣчаютъ: „Куда кучеру вздумается отвезти насъ“. Меня это разсмѣшило. Не достаётъ только правды да музыки французской комической оперы, первой потому, что было бы пикантнѣе, а второй потому, что получилась бы пошлость“. Иногда, впрочемъ, Екатерина сердилась, приказывала черезъ палача сжечь нѣкоторые рисунки, превосходившіе по ея—совершенно справедливому мнѣнію, всякую мѣру своей зазорностью и вольностью. Въ собраніяхъ современныхъ гравюръ сохранилось ихъ очень много. Большинство ихъ даже невозможно описать, какъ напр.: „Пиръ Екатерины“, сопровождаемый подписью „Коли любишь такъ мужчнвъ, то ѣшь ихъ тѣло и пей ихъ чистѣйшую кровь“, или другую каррикутуру, изображавшую императрицу, поставившей одну ногу на Варшаву, другую на Константинополь и покрывшей своими юбками всѣхъ европейскихъ государей, въ томъ числѣ и папу. Но, безъ сомнѣнія, Екатерина была увѣрена, что послѣ ея смерти найдется Фальконетъ, даже можетъ быть изъ русскихъ художниковъ, который сдѣлаетъ для нея то, что Фальконетъ французъ сдѣлалъ для Петра Великаго. Лампи, получившій заказъ нарисовать ея портретъ для Георгіевской залы, помѣстилъ на заднемъ планѣ

своего полетна бюсть великаго царя съ надписью: „Она завершила то, что онъ началъ“.

Фальконеть не появлялся. Наконецъ, въ 1848 г. саратовскіе колонисты-нѣмцы сдѣлали начинъ, поставивъ на скромномъ гранитномъ пьедесталѣ изображеніе императрицы, благодареніями которой пользовались ихъ отцы. Благодарность прямыхъ наслѣдниковъ славы, гремѣвшей по Европѣ въ теченіи четверти вѣка, высказалась въ 1883 г. постановкой памятника болѣе пышнаго, но менѣе удачнаго. Произведеніе Микѣшина, поставленное между Публичной Библіотекой, Аничковымъ дворцомъ и Александрійскимъ театромъ, некрасиво. Поза показываетъ намъ императрицу идущую; кажется, будто она слѣдуетъ за процессіей, неся свѣчу.—Пьедесталь—подражаніе пьедесталу монумента Фридриха II въ Берлинѣ—напоминаетъ воспроизведенную въ бронзѣ, упомянутую нами выше карикатуру. Тутъ мы видимъ всѣ главныя фигуры приближенныхъ Екатерины: Потемкина, наступившаго одной ногой на турецкую чалму, Орлова, чесменскаго побѣдителя, и Румянцева, побѣдителя при Кагулѣ, княгиню Дашкову, Бецкаго и Державина... Но бронза измѣнила мысли художника: изображенные вмѣстѣ фигуры неловки и неуклюжи; покоритель Крыма производитъ впечатлѣніе человека скорѣе больного, чѣмъ торжествующаго, суровый Орловъ будто ожидаетъ кары. Общій видъ памятника напоминаетъ одинъ изъ тѣхъ колокольчиковъ съ ручкой, представляющей Наполеона, стоящаго скрестивъ руки, какіе долгое время встрѣчались на всѣхъ столахъ.

Бронзѣ и мрамору не удалось увѣковѣчить память Екатерины. Типографская краска послужила ей лучше; но и въ этой области до сихъ поръ единственный памятникъ, достойный ея, составляетъ изданіе Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Но изданіе это представляетъ изъ себя только собраніе матеріаловъ. „Счастливецъ будетъ тотъ историкъ, который черезъ сто лѣтъ дастъ исторію Екатерины II“, сказалъ Вольтеръ. Я не имѣлъ притязанія на это счастье: но только попытался открыть путь, по которому—я увѣренъ—пойдутъ за мной другіе.

Конецъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Предисловіе	Стр. 7
-----------------------	-----------

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ. ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ.

Г Л А В А I.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЛЮДИ.

- I. Русскіе, малороссы и иностранцы.—Первыя роли и статисты.—Нѣмцы.—II. Панинъ.—Министръ переходнаго времени.—Борьба съ фаворитами.—Екатерина начинаетъ принимать участіе въ политикѣ.—III. Князь Вяземскій.—Глѣбовъ.—Либерализмъ и ретроградное направленіе.—Чернышovy.—IV. Безбородко.—Завтракъ, имѣвшій важныя послѣдствія.—Императорскій фактотумъ.—Торжество *хохла*.—Вліяніе плохо натянутыхъ чулокъ на карьеру государственнаго человѣка.—V. Другой малороссъ: графъ Разумовскій.—Уничтоженіе гетманства.—Присоединеніе Малороссіи.—VI. Иностранные сотрудники.—Бестужевъ, Минихъ.—Сочинитель мадригаловъ.—VII. Остерманъ.—Кейзерлингъ.—Штакельбергъ.—Сиверсъ.—Второй раздѣлъ Польши. . . . . 13—60

Г Л А В А II.

ВОЕННЫЕ.

- I. Солдаты и генералы.—Румянцевъ.—Каменскій.—Репнинъ.—Панинъ.—Военные пороки и добродѣтели.—II. Суворовъ.—Соперникъ Тюренна.—Притворство или безуміе.—Военный, придворный, отецъ.—*Суворочка*.—Въ Крыму и въ Италіи.—Массена и Моро.—III. Иностранные генералы.—Не попавшій на русскую службу волонтеръ.—Бонапартъ.—Послѣдній изъ великихъ кондотьеровъ.—Графъ Нассау Зегенъ.—IV. Русскій флотъ.—Екатерина въ Кронштадтѣ.—Неудачный морской смотръ.—Знаменитый адмиралъ Голицынъ.—Спиридовъ.—Англійскіе адмиралы.—Эльфинстонъ, Дегдель и Грейгъ.—Первый прославившійся русскій морякъ.—Чичаговъ.—Еще иностранецъ.—Рибасъ. . . . . 61—90

Г Л А В А III.

ЛЮБИМЫЕ СОТРУДНИКИ.—ОРЛОВЫ.—ПОТЕМКИНЪ.—ЗУБОВЫ.

- I. Легенда и исторія.—Потомство Ивана Орла.—Орелъ и его орята.—Пять братьевъ.—Фаворитъ.—Домогательства Григорія Орлова.—Про-

ектъ брака съ Екатериной.—Супругъ Елизаветы.—Воронцовъ и Разумовскій.—„Госпожа Орлова не будетъ императрицей всероссійской.—II. Разочарованіе.—Пробужденіе.—Григорій Орловъ въ Москвѣ.—Немилость Васильчикова.—III. Новое положеніе вещей.—Верхи и низы.—Въ Царскомъ и въ Гатчинѣ.—Принцесса Дармштадская.—Бурлакъ.—Новый соперникъ.—Потемкинъ.—IV. Окончательный разрывъ.—Неожиданный эпизодъ.—Идиллія и трагедія.—Дѣвица Зиновьева.—Свадьба.—Сумасшествіе и смерть.—V. Алексѣй Орловъ.—Чесменская побѣда.—Повелитель Россіи.—Возвышеніе и паденіе.—Борьба съ Потемкинымъ.—Отставка.—За гробомъ Петра III. . . . . 91—128

П О Т Е М К И Н Ъ.

I. Происхожденіе.—13 іюля 1762 г.—Серебряный темлякъ.—Ученикъ Екатерины.—Записки государыни.—Возвышеніе фаворита.—II. Сосредоточеніе власти въ его рукахъ.—Должности и почести.—Графъ и князь.—Новое домогательство.—Въ Троицко-Сергіевской лаврѣ.—Комедіантъ и комедіантка.—Екатерина не хочетъ выходить замужъ.—Порванное очарованіе.—III. Новая звѣзда на горизонтѣ.—Завадовскій.—Борьба.—Побѣда Потемкина.—Распорядитель императорскими удовольствіями и вице-императоръ.—IV. Общій обликъ.—Циклонъ.—Сибаритство и безпорядочность.—Вспыльчивость и доброта.—Нелюбимъ!—Честолюбіе.—Фатализмъ.—Главная квартира въ Бендерахъ.—Сардапалъ.—V. Умственные способности.—Государственный человѣкъ.—Творческій гевій.—Сотрудникъ Екатерины.—Взаимныя услуги и нѣжныя изліянія.—Нравственность и исторія.—Любовь.—VI. Любовныя приключенія.—Пять племянницъ.—Варенька.—Прекрасная фанаріотка.—Княгиня Долгорукая.—Слогъ Великаго влюбленнаго.—VII. Закатъ свѣтила.—Зубовъ.—Въ Таврическомъ дворцѣ.—Прощальный вечеръ.—Смерть.—Могила въ Херсонѣ. . . . . 129—175

З У Б О В Ы.

I. Возвращеніе весны.—Опять сентиментальная комедія.—Маленькій черненькій.—Балованный ребенокъ.—Честолюбіе, жадность и nepотизмъ.—Борьба съ Потемкинымъ.—II. Платонъ Зубовъ.—Политика.—Администраторъ.—Воинъ.—Валеріанъ Зубовъ.—Герой.—Возвращеніе изъ Польши.—III. Судъ современниковъ.—Возвышеніе фаворита.—Обезьяна, закусывающая тупеемъ царедворца.—Фаворитъ въ Смольномъ монастырѣ.—IV. Смерть Екатерины.—Причуды Павла.—Императрица разливаеъ чай.—Милость и немилость.—Зубовъ въ Германіи.—Дуэль въ Теплицѣ.—Конецъ. . . . . 177—189

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.
СЪВЕРНАЯ СЕМИРАМИДА.

ГЛАВА I.

УМСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ПРИ ДВОРѢ ЕКАТЕРИНЫ.—ФИЛОСОФЫ.

ВОЛЬТЕРЪ.

- I. Философія и самодержавіе.—Нерѣшенная задача.—Прошедшее и настоящее.—II. Иллюзія и дѣйствительность.—Исповѣдальныя записи.—Обмѣнъ мыслями или услугами?—Заказы памфлетовъ и послыжки часовъ.—Лестъ и ложь.—Петербургская Богоматерь и Катѳ.—Почему Вольтеръ не поѣхалъ въ Петербургъ?—III. Великій французъ и Франція.—Раздѣлъ Польши.—Увлеченіе эллинизмомъ — Не обскурантъ!—IV. Превосходство Екатерины.—Что же она заимствовала у философіи и философовъ.—По смерти Вольтера.—Заключительное слово . . . 193—214

ДИДРО.

- I. Начало сношеній между философомъ и императрицей.—Проектъ окончанія Энциклопедіи въ Петербургѣ.—Покупка библіотеки.—*Библиотекаръ ея величества*.—II. Благодарность Дидро.—Проектъ памятника Славы Екатерины.—Проектъ новой Энциклопедіи.—Путешествіе въ С.-Петербургъ.—Посоль отъ „Литературной республики“.—III. Прибытіе.—Первыя разочарованія.—Бесѣды съ Екатериной.—Краснорѣчіе и жесты философа.—Апостольская дѣятельность.—Дипломатическія попытки.—Голосъ вопіющій въ пустынь.—IV. Философъ развлекается.—Враждебное вліяніе.—*Черный человекъ* при дворѣ.—Мистификація.—Огъѣздъ.—Новыя иллюзіи и разочарованія.—Смерть.—Окончательное разочарованіе . . . . . 215—237

Д'АЛАМБЕРЪ.—РУССО.—ВОЛНЭ.

- I. Д'Аламберъ.—Авансы императрицы и благоразумная сдержанность философа.—Досада Екатерины.—Ссора.—II. Руссо.—*Эмиль* и *общественный договоръ*.—Отказъ въ знакахъ почтенія.—Гяѣвъ Семирамиды.—Волнэ.—III. Общій обзоръ . . . . . 239—245

ФИЛОСОФСКІЯ ИДЕИ ВЪ РОССИИ.—НОВИКОВЪ.—ФОНЪ-ВИЗИНЪ.—РАДИЩЕВЪ.

- I. Умственное движеніе въ Россіи и французская революція.—Карамзинъ и Фонъ-Визинъ во Франціи.—Двойное теченіе, раздѣлявшее мыслящихъ людей въ Россіи.—II. Новиковъ.—Франъ-массонство и иллюминизмъ.—Сень-Мартенъ.—Возникновеніе враждебности.—Процессъ Новикова.—

III. Русскій философъ и реформаторъ.—Радищевъ.—Почта духовъ.—*Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву.*—Приговоръ.—Смерть. . . . . 247—256

Г Л А В А II.

ПИСАТЕЛИ, УЧЕНЫЕ И ХУДОЖНИКИ.

- I. Обмѣнъ любезностей съ западными писателями.—Культъ Св. Екатерины.—Ла-Гарпъ.—Дора.—Аббаты.—Скептики и диссиденты.—Мадемуазель де-Леспинасъ.—Аббатъ Гальяни.—Рюльеръ.—Шаппъ д'Отрошъ.—Французскіе литераторы при дворѣ Семирамиды.—Мерсіе де-ля Ривьеръ.—Сенакъ де-Мельянъ.—II. Русскіе писатели и поэты.—Сумароковъ.—Державинъ.—Карьеристъ XVIII вѣка.—Русскіе подражатели. Вольтера.—Князь Вѣлосельскій.—Два Шуваловыхъ.—III. Западное искусство въ Россіи.—Художники въ Петербургѣ.—Фальконетъ.—*Годы его нетерпѣнія.*—Не уплоченный долгъ.—Клериссо.—Гудонъ.—Мадамъ Вижэ-Лебрёнъ.—Русскіе художники. Лосенко . . . . . 257—285

Г Л А В А III.

ИНОСТРАННЫЕ ПРИДВОРНЫЕ.

- I. Фридрихъ.—Принцъ Генрихъ.—*Голстякъ Гу.*—Иосифъ II.—Могилевское обрученіе.—Царскосельская гостиница.—Императрица „подаётся.—Несчастный бракъ.—Комедія и чувство.—Послѣдняя мысль Иосифа.—Густавъ III.—Въ С.-Петербургѣ и Фридрихсгамѣ.—Братъ и Сестра.—Ссора и примиреніе.—Заключительный выстрѣлъ.—II. Принцъ де-Линь.—Его неизданныя письма.—Графъ де-Сегюръ.—Дипломатія и поэзія.—Въ Крыму.—При приближеніи революціи.—Лживъ какъ Иуда.—*Графъ де-Сегюръ* и просто Луи Сегюръ.—III. Лозенъ.—Союзъ Екатерины и Маріи Антуанетты.—Лордъ Файндлэтеръ.—Графъ Тюрпенъ. . . . . 287—303

Г Л А В А IV.

ФРАНЦУЗЫ ПРИ СѢВЕРНОМЪ ДВОРѢ.

- I. Французы въ Россіи и русскіе во Франціи.—Каржавинъ.—Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ.—Первый французскій журналъ въ Россіи.—Виридэ.—Литературные перебѣжчики.—Авраамъ Шомэ.—Ремесленники.—Кондитеръ фаворита Ланского.—Актеры и Актрисы.—Мадемуазель Хюссъ.—Пиковъ переулочъ въ Павловскѣ.—Настоящіе и самозванные дворяне.—Мошенники.—II. Новый наплывъ эмигрантовъ.—Протеже графа Сегюра.—Волонтеры.—При осадѣ Измаила.—Благотворное вліяніе.—Ла-Гарпъ.—Воспитаніе Александра.—III. Эмигранты.—Сенъ-Пріестъ.—Эстергази.—Сомбрель.—Буйе.—Армія принцевъ.—Въ лагерѣ Кондэ.—Въ

С.-Петербургъ.—Дворъ и салоны.—Клубъ Аври.—Вліяніе эмигрантовъ въ Россіи.—Графъ д'Артуа.—Съ Богомъ за короля.—Реакція.—Тюрьмы.—Суворовъ. . . . . 305—331

Г Л А В А V.

I. Итальянцы и итальянки.—Пьемонтець Одаръ.—Неаполитанецъ.—Ласкарисъ.—Баронъ Тоттъ.—II. Калиостро.—Княгиня Санта-Кроче.—Герцогиня Кингстонская.—Княжна Тараканова. . . . . 333—353

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.

ИНОСТРАННАЯ ЖИЗНЬ.—ВНѢШНІЙ ДЕКОРУМЪ.

Г Л А В А I.

ФАВОРИТЫ.

I. Первые преемники Григорія Орлова.—Солдаты, варваръ и теноръ.—Васильчиковъ, Зоричъ и Корсаковъ.—Политическая важность выбора Екатерины.—Реваншъ аристократической партіи.—Педагогическіе опыты.—Библиотека фаворита.—II. Прилежный ученикъ.—Екатерина въ должности секретаря.—Артистическіе вкусы красавца Ланского.—Его смерть.—Неутѣшная возлюбленная.—Утѣшеніе.—Ермоловъ.—Вѣчная молодость.—III. Мамоновъ.—Торжество французскаго вліянія.—Образцовый придворный.—Красный кафтанъ.—Ревность фаворита.—Измѣна.—Драма въ зимнемъ дворцѣ.—Дѣвица Щербатова.—Свадьба.—Раскаяніе измѣнника.—Вѣчная иллюзія.—Возвышеніе Зубова . . . . 357—383

Г Л А В А II.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ.—ГРИММЪ.

I. Официальная и интимная переписка.—Мадамъ Жоффренъ.—Мадамъ Біельке.—Сѣверная почта.—II. Вольтеръ.—Фридрихъ II.—Іосифъ II.—Приацъ де-Ланъ.—Переписка и слогъ восемнадцатаго вѣка.—Циммерманъ.—Французскіе и нѣмецкіе филозофы.—Семейная переписка.—Великій князь Павелъ и великая княгиня.—Принцесса Дармштадская.—III. Мельхіоръ Гриммъ . . . . . 385—411

Г Л А В А III.

НАПЕРСНИКИ И НАПЕРСНИЦЫ.—КНЯГИНЯ ДАШКОВА.

I. Княгиня Дашкова.—Милость и немилость.—Предсѣдатель Академіи или смотрительница надъ прачками.—Рѣдкій музей.—Въ Парижѣ.—Бесѣда

сь Дидро.—Признанія Миссъ Вильмотъ.—Княгиня въ деревнѣ.—Изъ-за свиней!—Русская женщина въ исторіи—Послѣдніе годы.—II. Графиня Брюсъ.—Щекотливыя обязанности.—Измѣна и ссылка.—Дѣвица Энгельгардтъ.—Графиня Протасова.—Анна Нарышкина.—Одинокое стоящая личность: г-жи Ливень.—III. Вецкій.—Наперсникъ или отецъ?—Сплетница при Екатеринѣ.—Анастасія Соколова.—Второй „козелъ отиущенія“: Храповицкій.—Образцовый секретарь:—Козицкій.—Спеціалистъ по заключенію браковъ: баронъ д'Ассебургъ.—Роджерсонъ. . . 413—435

Г Л А В А IV.

ДВОРЪ ЕКАТЕРИНЫ.

- I. Дворъ Екатерины и дворъ въ Версалѣ.—Празднество по случаю коронаціи.—Царское село.—*Лягушатникъ*.—Роскошь и нищета.—Европа и Азія.—Содержаніе русскаго посланника.—Бюджетъ двора.—Штатъ.—II. Этикеть и одежда.—Ливреи и мундиры.—Реформа туалетовъ и причесокъ.—Огорченіе великой княгини.—Подражаніе западными образцами.—Французскія моды.—Утонченность, грубость и развращенность нравовъ.—Успѣхъ г. и г-жи Мандини.—Личные вкусы Екатерины.—Ея любимыя развлеченія.—Интимный кружокъ Эрмитажа.—Русскіе Роклоръ и Сень-Симонъ: Левъ Нарышкинъ и Растопчинъ.—Обычныя развлеченія.—Военное царствованіе.—Государыня среди своей гвардіи.—Водка.—III. Переезды двора.—Путешествіе въ Крымъ . . . 437.

Г Л А В А V.

КОНЕЦЪ ЦАРСТВОВАНІЯ.

- I. Закатъ.—Упадокъ физическихъ и нравственныхъ силъ.—Меланхолія.—Признаки утомленія и обѣдненія въ государствѣ.—Упорная борьба.—Смертельный ударъ.—Неудавшійся бракъ Александры Павловны.—Густавъ шведскій въ С.-Петербургѣ.—Придворныя интриги и дипломатическіе маневры.—Идиллія.—День обрученія.—Все рушится.—Женихъ не пріѣдетъ!—II. Екатерина продолжаетъ бороться.—Веселый вечеръ въ Эрмитажѣ.—На другой день.—Въ уборной.—Тронъ Понятовскаго.—Агонія.—Въ пріемной фаворита.—У одра умирающей.—Павель.—Предвидѣніе разбитія Морю.—Аркола.—III. Потомство.—Статуи и карриатуры.—Памятники въ Саратовѣ и С.-Петербургѣ.—Исторія. . .

Д. 3117 1957 г.
Акт РК-4589 / 1

